Исаак
Дойчер

ТРОЦКИЙ В ИЗГНАНИИ

Исаак Дойчер

ТРОЦКИЙ В ИЗГНАНИИ

Исаак
Дойчер

ТРОЦКИЙ В ИЗГНАНИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1991

ББК 66.61(2)8
Д62

Перевод с английского *Н. Н. ЯКОВЛЕВА*

Послесловие и комментарии *Н. А. ВАСЕЦКОГО*

Д $\frac{0902020000-099}{079(02)-91}$ КБ–17–13–90

ISBN 5–250–01472–0

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнем томе моей трилогии о Троцком * рассказывается о катастрофической развязке его драмы. В развязке главное действующее лицо трагедии чаще бывает объектом, чем субъектом действия. Однако Троцкий оставался активным и борющимся антиподом Сталина [1] до конца, его единственным гласным противником. На протяжении этих 12 лет, с 1929 по 1940 год, против Сталина не мог подняться ни один голос протеста в Советском Союзе, и нельзя даже было услышать эхо прежней напряженной борьбы за исключением униженных признаний вины, на которые вынужденно пошло множество противников Сталина [2]. В результате Троцкий представляется стоявшим в одиночестве против сталинской автократии. Создается впечатление, будто колоссальный исторический конфликт сконцентрировался в противоречиях и борьбе между двумя людьми. Биограф должен показать, как это случилось, и рассмотреть сложное стечение обстоятельств и взаимоотношений, которые, дав Сталину возможность «выступать в тоге героя», превратили Троцкого в символ и единственный рупор оппозиции сталинизму.

Поэтому, помимо жизни Троцкого, я должен рассказать о потрясающих социальных и политических событиях этого периода: о горячке индустриализации и коллективизации в СССР, великих чистках, крахе немецкого и европейского рабочего движения под натиском нацизма и начале второй мировой войны. Все это затрагивало судьбу Троцкого, и по каждому событию он занимал позицию против Сталина. Мне пришлось рассмотреть основные дис-

* Трилогия И. Дойчера о Льве Троцком (Лейбе Давидовиче Бронштейне, 1879—1940 гг.) состоит из книг «Вооруженный пророк», «Разоруженый пророк» и «Изгнанный пророк» (*Deutscher J.* The Prophet Armed. Trotsky: 1879—1921. London, 1954; The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921—1929. London, 1959; The Prophet Outcast. Trotsky: 1929—1940. London, 1963.) — *Прим. перев.*

куссии того времени, ибо в жизни Троцкого идеологические споры играют столь же важную роль, как и сцены битв в трагедиях Шекспира, в них на пути к катастрофе проявляется характер действующего лица.

В этом томе больше, чем раньше, я рассказываю о личной жизни Троцкого и особенно о судьбе его семьи. И всякий раз читателям придется переключать внимание от политического повествования к тому, что на обычном языке называется «человеческой историей» (как будто общественные дела не являются самыми человеческими из всех наших забот и как будто политика не является сама по себе человеческой деятельностью). На этой стадии жизнь семьи Троцкого нельзя отделить от его политической судьбы, и сама эта жизнь предстает под другим углом зрения и придает мрачную глубину его драме. Странная и трогательная история, рассказанная впервые на этих страницах, основана на личной переписке Троцкого с женой и детьми, к которой я получил совершенно свободный доступ. (Этим я обязан доброте покойной Натальи Седовой [3], которая за два года до своей смерти попросила библиотекарей Гарвардского университета открыть мне так называемую закрытую секцию архива ее мужа, то есть ту часть архива, которая по завещанию Троцкого должна была быть закрыта до 1980 года.)

ГОД В АЛМА-АТЕ

Еще до окончания 1927 года Сталин начал депортацию оппозиционеров. Но беспощадный мастер грядущих кровавых чисток в то время еще очень заботился о своем алиби и создании пристойной внешней картины. Он стремился избежать скандала открытыми и насильственными высылками и поэтому обставлял изгнание своих врагов так, что оно выглядело как добровольный отъезд. Через Центральный Комитет Сталин предложил ведущим троцкистам занять второстепенные административные посты в отдаленных уголках обширной страны: Троцкий «по собственному желанию» должен был выехать в Астрахань. В начале января 1928 года по поручению оппозиции Раковский [1] и Радек [2] вели с Орджоникидзе [3] яростный спор по поводу этих предложений. Радек и Раковский выступили с протестом против назначения Троцкого в Астрахань, заявляя, что его здоровье, подорванное малярией, не сможет выдержать влажный и жаркий климат каспийского порта. Игре был положен конец, когда Троцкий с друзьями объявили, что готовы принять любые посты в провинции при условии, что это не будет лишь предлогом для ссылки и будет получено согласие оппозиции на каждое назначение, а назначения будут отвечать состоянию здоровья и безопасности соответствующих лиц и их семей *.

3 января, когда спор еще продолжался, ГПУ вызвало Троцкого. Он игнорировал вызов. Тогда был положен конец фарсу. Спустя несколько дней, 12 января, ГПУ информировало Троцкого, что в соответствии со статьей 58 Уголовного кодекса, карающей за контрреволюционную деятельность, он будет сослан в Алма-Ату в Туркестане около китайской границы. Отъезд в ссылку был назначен на 16 января.

* Рассказ об этих «переговорах» содержится в письме, написанном Троцким или одним из его друзей в Центральную контрольную комиссию и Политбюро в самом начале 1928 г. *Архив Троцкого.*

* * *

Два писателя, причем один из них — сторонний наблюдатель, а другой — троцкист, рассказали о последних днях пребывания Троцкого в Москве. 15 января корреспондент «Берлинер тегеблатт» Пауль Шеффер взял интервью у Троцкого. «На первый взгляд» он не заметил ничего свидетельствовавшего о том, что Троцкий находится под полицейским надзором (можно предположить, что немецкий журналист не был очень искусным в наблюдениях такого рода). Он заметил волнение в квартире Троцкого, приход, уход и отъезд людей, которые все отправлялись в ссылку и упаковывали вещи для длительного путешествия. «Во всех коридорах и проходах грудами лежали книги, бесконечные книги — пища революционера, как бычья кровь была пищей спартанцев». На фоне этой обстановки он рассказывал о самом Троцком, человеке «несколько ниже среднего роста, с очень тонкой кожей, желтоватым цветом лица, голубыми небольшими глазами, временами очень дружественными, а по временам мечущими огонь, что выдавало силу души». Большое оживленное лицо, «отражающее как силу, так и возвышенность ума», удивительно маленький в пропорции к нему рот. Мягкая женственная рука. «Этот человек, который создавал армии и наполнял слаборазвитых рабочих и крестьян собственным энтузиазмом, поднимая их значительно выше их уровня... на первый взгляд, застенчив, немножко теряется... быть может, поэтому он так обаятелен».

На протяжении разговора Троцкий, хотя был вежлив, оставался настороженным, ограничиваясь общими фразами, когда говорил с буржуазным журналистом о внутренних проблемах. Ни одного упоминания о противниках, ни одной жалобы и ни одного полемического замечания. В беседе только раз были затронуты внутрипартийные дела, когда журналист заметил, что Ллойд Джордж предсказывал «наполеоновскую карьеру для Троцкого». То был самый ясный намек Шеффера на депортацию, планы Троцкого на будущее и т. д. Троцкий однако ухватился за другую сторону сравнения. «Странная мысль,— ответил он со смешком,— что я должен быть человеком, который положит конец революции. Не первая из ошибок Ллойд Джорджа» [4]. Характерно, что сравнение с Наполеоном [5] навело Троцкого на мысль не об очевидной и поверхностной параллели между их личными судьбами как ссыльных, а о политической идее, которую он с ужасом отвергал,— идее бонапартизма, пришедшего за термидором [6]. Для него общая проблема была важнее личной. («Все время помнишь,— замечает Шеффер,— что этот человек прежде всего и больше всего борец».) Троцкий говорил главным образом об упадке капитализма и перспективах революции в Европе, с которыми неизменно связывал будущее большевистской России. «Во время беседы

Троцкий быстро утрачивает разговорный тон, становится оратором и повышает голос», иллюстрируя подъемы и падения кривой мировой революции «красивыми жестами». Разговор был прерван товарищем, выезжавшим в ссылку как раз в этот вечер. Он пришел спросить, не может ли он сделать что-нибудь для Троцкого. «Лицо Троцкого с маленькими усиками собирается в веселые морщинки: «Вы отправляетесь в путешествие сегодня вечером, не так ли?» Человек, любящий полемику и иронию, не упускает возможности продемонстрировать их... Юмор непоколебимого человека остается с ним». Расставаясь, он пригласил Шеффера навестить его в Алма-Ате *.

В отличие от Шеффера Серж [7] рассказывал, что Троцкого окружали товарищи, «наблюдавшие за ним день и ночь, за которыми, в свою очередь, следили шпики». На улице агенты ГПУ на мотоциклах отмечали каждый подъезжающий и отъезжающий автомобиль.

«Я прошел через черный ход... Тот, кого мы с любовным уважением называли Старик, так же, как мы называли Ленина, работал в маленькой комнате, выходившей окнами во двор, где стояла только походная кровать и стол... В старом свитере, энергичный и величественный, с почти седой буйной шевелюрой, с больным лицом он был бурно активен в этой клетке. В соседней комнате перепечатывались только что продиктованные им телеграммы. В столовой принимались товарищи, приезжавшие со всех концов страны. Он торопливо говорил с ними между телефонными звонками. Все могли быть в любой момент арестованы, но когда? Никто не знал... Но все торопились использовать последние часы, ибо они несомненно были последними **.

День 16 января был занят совещаниями, отдачей инструкций — подъезжали все новые люди — и последними приготовлениями к отъезду. День прошел в лихорадке. Час высылки был назначен на 10 вечера. Вечером вся семья, истощенная и напряженная, сидела, ожидая прихода агентов ГПУ. Назначенное время прошло, но они не появились. Семья терялась в догадках, пока ГПУ не сообщило Троцкому по телефону без всяких объяснений, что его высылка откладывается на два дня. Новые догадки, которые прервал приход Раковского с друзьями. Все очень волновались. Они пришли с вокзала, где собрались тысячи людей, чтобы попрощаться с Троцким. У поезда, в котором он должен был следовать, состоялась бурная демонстрация. Многие забегали вперед паровоза и поклялись не позволить поезду тронуться. Милиция попыталась стащить их с рельсов и рассеять толпу. Власти, увидев, какой обо-

---

* *Scheffer P.* Sieben Jahre Sowiet Union. Leipzig, 1930. S. 158—161.

** *Serge V.* Le Tournant Obscur. Paris, 1951. P. 155.

рот приняла демонстрация, приказали отложить депортацию. Оппозиция поздравила себя с успехом и решила повторить манифестацию через два дня. ГПУ однако решило действовать внезапно, сбить оппозицию с толку и тайком вывезти ее вождя. Его надлежало доставить на другой вокзал, оттуда довезти до маленькой станции у Москвы и только там пересадить в поезд, направлявшийся в Среднюю Азию. ГПУ сообщило Троцкому, чтобы он был готов к отъезду 18 января, но уже 17 января агенты ГПУ пришли за Троцким. Забавно, что сторонники Троцкого не наблюдали за его домом, и поэтому, когда прибыли сотрудники ГПУ, на месте оказались лишь Троцкий с женой, оба сына и две женщины, одна из них вдова Иоффе [8*].

Последовала сцена редкостной трагикомедии. Троцкий заперся и отказался впустить сотрудников ГПУ. То был знак пассивного сопротивления: раньше он всегда встречал так любую полицию, пытавшуюся арестовать его. Через запертую дверь Троцкий и офицер, командовавший нарядом, вели переговоры. Наконец офицер приказал взломать дверь, и агенты ворвались в комнату. По странному стечению обстоятельств офицер, пришедший арестовать Троцкого, служил в его военном поезде в годы гражданской войны одним из охранников. Перед лицом бывшего начальника он утратил самообладание и в отчаянии бормотал: «Застрелите меня, товарищ Троцкий, застрелите меня». Троцкий сделал все, чтобы успокоить своего тюремщика, даже убедил его выполнить приказ. Затем он вновь принял позу неповиновения, отказавшись одеться. Вооруженные агенты сняли с него тапочки, одели, а поскольку он отказывался идти, понесли его по ступенькам под крики и вопли семьи Троцкого и вдовы Иоффе, шедших следом. Больше не было свидетелей этой сцены, за исключением немногих соседей, высокопоставленных чиновников и их жен, которые, услышав шум на лестнице и выглянув из дверей, быстро и испуганно попрятались.

Ссыльного с семьей бросили в полицейский автомобиль, который средь бела дня пронесся по улицам Москвы, увозя незамеченным руководителя Октябрьской революции и основателя Красной Армии. На Казанском вокзале, куда конвой привез его, Троцкий отказался идти к поезду, и вооруженные люди перетащили его в одинокий вагон, стоявший на запасном пути. Вокзал был окружен и очищен от пассажиров. Поблизости находилось лишь несколько железнодорожных рабочих. За конвоем шла семья ссыльного. Младший сын Сергей [9] подрался с сотрудником ГПУ, а старший Лева [10] попытался воздействовать на железнодорожников: «Смот-

---

* См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 2. С. 286—287.

рите, товарищи,— кричал он,— смотрите, как увозят товарища Троцкого». Рабочие глядели на сцену сухими глазами. Ни возгласов, ни даже шепота протеста.

* * *

Прошло почти тридцать лет с тех пор, когда молодой Троцкий впервые увидел башни и стены Москвы. Тогда его этапировали из одесской тюрьмы в ссылку в Сибирь, и из-за решетки тюремного экипажа он бросил первый взгляд «на деревню царей, будущую столицу Коммунистического Интернационала». Из-за таких же решеток теперь он бросил взгляд на Москву, куда он больше не вернется, город его триумфов и поражений. Он приехал и уехал из Москвы преследуемым революционером.

* * *

На крошечной станции примерно в 50 километрах от Москвы вагон, в котором Троцкого с семьей вывезли из столицы, прицепили к поезду, следовавшему в Среднюю Азию. Сергей, хотевший продолжить учебу, сошел с поезда и вернулся в Москву. Троцкого в ссылку сопровождали больная Седова и Лева. С ними ехали 12 конвойных. Из коридора, через полуоткрытую дверь они следили за арестованным и его женой, лежавшими на деревянных лавках в темном купе, слегка освещенном свечой. Начальником конвоя все еще был офицер, арестовавший Троцкого, и его присутствие в поезде было чудовищным напоминанием о другом, прославленном поезде, боевом штабе предреввоенсовета, где он служил охранником. «Мы выбились из сил,— вспоминала Седова,— в результате неожиданностей, неуверенности и напряжения последних дней и отдыхали». Когда Троцкий лежал в темноте или смотрел на бесконечную белую равнину, через которую поезд шел на восток, он начал мысленно приспосабливаться к новому положению. Итак, его вырвали из живого мира со всеми соблазнами, отрезали от работы и борьбы, изолировали от сторонников и друзей. Что дальше? И что делать? Он попытался набросать заметки в дневнике или написать протест, но обнаружил, и это несколько потрясло его, что оказался «без письменных принадлежностей». Такого никогда не случалось с ним прежде даже во время опасного бегства с далекого Севера в 1907 году [11]. Сейчас его со всех сторон окружала опасность. Он даже не знал, депортируют ли его в Алма-Ату. Опасность вселила в него вызов и подняла дух противостояния. Он заметил жене, что ему по крайней мере теперь не грозит смерть филистера в удобной кровати в Кремле.

На следующий день поезд остановился в Самаре, и Троцкий те-

леграфировал протест Калинину [12] и Менжинскому [13], заявив, что никогда за время его долгой революционной деятельности ни одна капиталистическая полиция не обращалась с ним с такой хитростью и лживостью, как ГПУ, которое похитило его, не сказав, что похищает, и заставило выехать без смены белья и элементарных удобств и без лекарств для больной жены *. Конвойные были вежливы и даже дружески настроены и вели себя так же, как царские солдаты, конвоировавшие его, осужденного руководителя Петербургского Совета, в 1907 году. В пути они купили белье, полотенце, мыло и т. п. для семьи и приносили еду из станционных буфетов. Арестованный по-прежнему вызывал у них почтение, которым при старом режиме пользовался у конвойных великий князь: в конечном счете они не знали, не окажется ли он вскоре вновь у власти. Когда поезд прибыл в Туркестан, начальник конвоя попросил арестованного засвидетельствовать, что с ним хорошо обращались **. На пути в поезд сели два секретаря Троцкого, всецело преданные ему, Сермукс и Познанский, которые попытались обмануть ГПУ. Такие инциденты прерывали монотонность путешествия.

В Пишпеке — Фрунзе *** путешествие по железной дороге закончилось. Оставшийся путь до Алма-Аты, около 250 километров, предстояло проехать в автобусе, на грузовике, в санях и пройти пешком через покрытые льдом и обдуваемые сильными ветрами горы, через глубокие снежные заносы, с ночевкой в заброшенной хижине в пустыне. Наконец после недельного пути 25 января в три часа утра Троцкие прибыли в Алма-Ату. Ссыльного с семьей поместили в гостиницу «Семиречье» на улице Гоголя. Гостиница «восходила ко временам Гоголя», и дух великого сатирика, царивший в ней, по-видимому, подсказал Троцкому многие его наблюдения в Алма-Ате и стиль множества его протестов.

В конце 20-х годов Алма-Ата еще была маленьким городом, совершенно восточным по своему характеру. Город, славившийся великолепными садами и виноградниками, был запущенным, сонным и грязным местечком, едва затронутым цивилизацией, часто подвергавшимся землетрясениям, наводнениям, страшным ветрам зимой и безумной жаре летом. Палящие ветры приносили густые тучи песка, малярию и заразу. Город должен был стать административным центром Казахстана, однако республиканская администрация только начинала создаваться, между тем чиновники реквизировали лучшие дома, а местные трущобы были перенаселены до отказа. «В центре на базаре, в грязи, на ступеньках

* *Архив Троцкого.*

** Текст этого свидетельства см. в *Архиве Троцкого.*

*** Город Пишпек был только что переименован в честь Фрунзе [14], преемника Троцкого в Наркомате обороны.

магазинов, грелись на солнце киргизы и искали на теле у себя насекомых» *. Была и проказа, а в течение лета, проведенного Троцким в Алма-Ате, животные болели чумой, и бешеные собаки носились по улицам.

В этот год жизнь в Алма-Ате стала еще хуже из-за постоянной нехватки хлеба. За первые несколько месяцев после прибытия Троцкого цена на хлеб утроилась. Длинные очереди стояли в немногих булочных. Другого продовольствия было еще меньше. В Алма-Ату не было регулярного подвоза. Почта приходила еще менее аккуратно, и местные советские органы пытались наладить ее доставку с помощью частных лиц. Мрачная обстановка в городе, беспомощность и скудоумие местных властей хорошо иллюстрирует следующий отрывок из письма Троцкого: «Недавно в местной газете было сказано: «В городе функционируют слухи, что не будет хлеба, в то время как к городу идет множество подвод с хлебом». Подводы действительно подъезжают, как и сказано, между тем слухи функционируют, малярия функционирует, но хлеб не функционирует».

Здесь и должен был жить Троцкий. Сталин стремился держать его подальше от Москвы, бросив на произвол судьбы. Оба секретаря Троцкого были арестованы: один в пути из Москвы, а другой — в Алма-Ате и высланы в другие места. На некоторое время, однако, Сталин, по-видимому, не имел новых планов в отношении своего врага, и ГПУ все еще обращалось с Троцким с уважением, немыслимым позднее. ГПУ позаботилось о том, чтобы его громадная библиотека и архивы, в которых имелись важные государственные и партийные документы, были доставлены к Троцкому. Целый грузовик со всем этим прибыл в Алма-Ату. Троцкий протестовал Калинину, Орджоникидзе и Менжинскому против условий, в которые был помещен, требуя лучшей квартиры, права охотиться и даже присылки любимой собаки из Москвы. Он жаловался, что его заставляют жить в гостинице на улице Гоголя лишь из соображений удобства для ГПУ и что высылка оказалась фактически заключением. «Вы с таким же успехом могли бы посадить меня в тюрьму в Москве. Не было необходимости депортировать меня за 4 тысячи верст» **. Протест возымел действие. Через три недели после приезда в Алма-Ату он получил четырехкомнатную квартиру в центре города по улице Красина [15], дом 75. Улица была названа в честь его умершего друга. Ему разрешили охотиться. Он продолжал засыпать Москву новыми саркастическими телеграммами, выдвигая требования, одни серьезные, другие пустяковые, и смешивая мелкую склоку с крупными спорами. «Моя дорогая Майя [любимая собака],— писал он другу,— даже

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 296.

** Из протеста, посланного в начале февраля. *Архив Троцкого.*

не подозревает, что она теперь в центре великой политической борьбы». Он отказывался считать себя заключенным, каковым был, и его преследователи были вынуждены создать видимость мягкого обращения.

Казалось, Троцкий чуть ли не отдыхал после многих лет неустанного труда и напряжения. Так неожиданно и странно возник квазиидиллический оттенок первых месяцев его пребывания в Алма-Ате. Степь и горы, река и озеро влекли его, как в детстве. Он до безумия охотился, и в многочисленных письмах политические аргументы и советы часто соседствовали с поэтическим описанием ландшафта, юмористическими отчетами о приключениях на охоте. Сначала Троцкому запретили выезжать из Алма-Аты. Затем разрешили охотиться, но не дальше 25 верст от города. Троцкий телеграфировал Менжинскому, что не будет обращать внимания на это ограничение, ибо в пределах разрешенной зоны удобных мест для охоты нет, а он не хочет охотиться по пустякам — ему нужно отъезжать по крайней мере на 70 верст. Пусть Москва соответственно информирует местное ГПУ с тем, чтобы не возникало недоразумений. Затем Троцкий обратился с протестом к руководителям местного ГПУ по поводу того, что его нагло и бесцеремонно преследуют шпики, объявив, что из-за этого он «забастует» и перестанет охотиться, если только эта форма полицейского наблюдения не была прямо предписана Москвой. В этом случае он понимает положение местного ГПУ и снимает свои возражения. Наблюдение стало менее бесцеремонным и заметным.

Троцкий начал охоту вскоре после приезда и продолжал ее, пока происходила весенняя миграция зверей вдоль реки Или. Некоторые из выездов Троцкого на охоту занимали до 10 дней и, хотя требовали больших усилий, давали возможность отдохнуть. В письме к друзьям он с гордостью рассказывал о своих охотничьих удачах. Сначала он ночевал на полу в глинобитных хижинах туземцев или в кишащих насекомыми юртах вместе с десятком казахов, кипятил грязную воду для чая, едва сдерживая отвращение. «В следующий раз,— объявил он,— я буду спать на открытом воздухе и заставлю моих спутников сделать то же *. В следующий раз действительно (а дело происходило в конце марта) охотники ночевали девять ночей на морозе. (Как-то, переезжая реку верхом, Троцкий упал в воду.) Добыча не была велика: «Всего около 40 уток». Правда, писал он друзьям, охота лучше дальше — на озере Балхаш, где водятся леопарды и даже тигры, однако «я решил заключить пакт о ненападении с тиграми». «Я наслаждался до глубины души... этим временным отступлением

---

* *Архив Троцкого.*

в варварство. Не часто можно получить возможность провести девять дней и ночей на воздухе без необходимости умываться, одеваться и раздеваться, есть оленятину, сваренную в ведре, упасть с лошади в воду (то был единственный случай, когда мне пришлось раздеться) и проводить дни и ночи на бревне среди воды, камней и камыша» *. Когда закончился охотничий сезон, начался сезон рыболовства, и в нем приняла участие даже Наталья Ивановна, хотя это вовсе не походило на обычный спорт горожанина, ибо каждый выезд был долгим и тяжелым делом: отправлялись на больших лодках, тяжело нагруженных хитрыми рыболовными снастями.

В начале июня, когда над Алма-Атой задули горячие ветры, семья выехала на дачу у подножия гор вблизи города, где сняла покрытый камышом домик, стоявший в большом яблочном саду. Из дома был виден город внизу, а за ним с одной стороны — степь, а с другой — увенчанные снегом горные хребты. Во время сильных дождей крыша протекала и все метались с ведрами, горшками и сковородками. В саду была построена деревянная хижина — кабинет и рабочая комната Троцкого. Скоро она была завалена книгами, газетами и рукописями, и треск старой пишущей машинки разносился по всему саду. Сидя за рабочим столом, Троцкий наблюдал за кустом, росшим через щель в полу, вскоре куст вырос до его колен. Все это подчеркивало «эфемерный характер» его пребывания, однако было приятно найти убежище от города, где в тучах пыли люди гонялись по улицам за бешеными собаками и стреляли по ним. В первые месяцы Троцкий и Седова страдали от малярии и жили на «хинной диете». Но теперь приступы почти прекратились **.

Ссыльный должен был зарабатывать себе на жизнь. Правда, он получал официальное пособие, однако оно было мизерно, и, хотя домашнее хозяйство было небольшим, а нужды семьи очень скромными, пособие было недостаточным для покупки продовольствия. Госиздат только что прекратил издание Собрания сочинений Троцкого, всего появилось 13 томов [16]. Они были изъяты из книжных магазинов и публичных библиотек. Троцкий носился с новыми литературными планами. Он задумал написать исследование о революции в Азии и собрал внушительную коллекцию справочных работ о Китае и Индии. В другой книге он намеревался подытожить развитие России и мира со времен Октябрьской революции. Немедленно по приезде в Алма-Ату он приступил к разработке обстоятельного заявления о принципах оппозиции, которое должно было быть представлено VI конгрессу Коминтерна, намеченному

---

* Из письма от 1 апреля 1928 г. без указания адресата. *Архив Троцкого.*
** См. письмо Троцкого к Раковскому от 14 июля. *Архив Троцкого.*

на лето. Преображенский настаивал, чтобы он занялся мемуарами. В апреле Троцкий уже начал работу над ними, восстанавливая с помощью старых газет юга России и карт с улицами Николаева и Одессы детство и юность, рассказом о которых открываются мемуары «Моя жизнь».

Однако все это не могло составить ему заработка, ибо не было никакой возможности опубликовать эти книги. Однако человек, сосланный по 58-й статье «за контрреволюционную деятельность», мог тем не менее зарабатывать на жизнь как переводчик, помощник редактора и корректор. Когда выяснилось, что ему разрешают переводить труды Маркса и Энгельса, он с радостью взялся за дело. Старый друг Рязанов [17], теперь директор Института Маркса и Энгельса в Москве, готовил полное русское издание Сочинений Маркса и Энгельса и попросил Троцкого перевести «Господина Фогта». В этом обширном и малоизвестном памфлете Маркс отвечал на клевету, распространявшуюся о нем Карлом Фогтом, который, как впоследствии выяснилось, был агентом Наполеона III [18]. Прочитав работу, Троцкий заметил, что Марксу потребовалось несколько сот страниц для опровержения обвинений Фогта, в то время как от переводчика Маркса потребуется «целая энциклопедия», чтобы опровергнуть клевету Сталина. Рязанов затем попросил Троцкого редактировать переводы и читать гранки других томов Маркса и Энгельса, что он и делал *.

Переписка Троцкого с Рязановым показывает скромность и скрупулезность Троцкого в работе: в ней содержится подробная, почти педантичная критика стиля перевода и детальные предложения по улучшению его качества. Переписка носит совершенно неполитический и деловой характер. Троцкий ни намеком не выразил иронии по поводу единственной работы, приносившей ему деньги, которой он мог заниматься в Советском Союзе. Гонорары, выплачивавшиеся ему Рязановым, обеспечивали нужды семьи и покрывали стоимость громадной переписки Троцкого **.

* * *

С момента приезда в Алма-Ату Троцкий прилагал большие усилия для установления контактов с друзьями и сторонниками, рассеянными по всей стране, жившими в изоляции и молчании. Сначала это можно было делать только нормальным почтовым путем и в самых примитивных условиях, когда чуть ли не подвигом

* В одном из писем Троцкий упомянул, что он также переводит работу Томаса Ходжкина «Английский утопический социализм».

** С апреля по октябрь 1928 г. Троцкий отправил 800 политических писем, многие по размерам — чуть ли не статья, и 550 телеграмм, получил тысячу писем и 700 телеграмм, не говоря о личной переписке.

было приобретение на месте ручки, карандаша и нескольких листков грубой бумаги или нескольких свечей. Лева стал его «министром иностранных дел и министром почты и телеграфа», охранником, помощником в научно-исследовательской работе, секретарем и организатором охотничьих экспедиций. С помощью Левы постоянный поток писем и циркуляров пошел из Алма-Аты во всех направлениях. Два или три раза в неделю инвалид-почтальон на лошади привозил мешок, набитый письмами, вырезками из газет, а впоследствии даже книгами и газетами из-за границы. Нет никакого сомнения в том, что цензура и ГПУ внимательно просматривали корреспонденцию. Большая часть переписки шла с депортированным в Астрахань Раковским, находившимся в Тобольске Радеком, сосланным в Уральск Преображенским [19], Смилгой [20], жившим в Нарыме, Белобородовым [21], высланным в Усть-Кулом в Республике Коми, Серебряковым [22], жившим в Семипалатинске в Средней Азии, Мураловым [23] — в Таре, Иваном Смирновым [24] — в Ново-Баязете в Армении и Мрачковским [25] — в Воронеже. Менее систематически Троцкий переписывался со многими другими оппозиционерами. Позднее, в том же году, он сообщал Сосновскому [26]*, что поддерживает более или менее регулярный контакт со всеми основными колониями ссыльных в Сибири и Средней Азии: с Барнаулом, Каминском, Минусинском, Томском, Калпашевом, Енисейском, Новосибирском, Канском, Ачинском, Актюбинском, Ташкентом, Самаркандом и т. д. С колониями в Европейской России он поддерживал связь через Раковского, который из Астрахани отвечал за центры оппозиции на Южной Волге и в Крыму, а через Мрачковского в Воронеже — связь с колониями на Севере. В местах, где были значительные центры ссыльных, корреспонденция и циркуляры размножались и пересылались во второстепенные колонии. Начиная с апреля между Алма-Атой и Москвой была установлена тайная почтовая связь. Письма передавались и пересылались раз в две или три недели.

Таким образом, группы ссыльных, постоянно увеличивавшиеся в числе и размерах, создали собственное сообщество со своей напряженной политической жизнью. Троцкий был вдохновителем, организатором и символом сосланной оппозиции. Умонастроения ссыльных были далеки от уравновешенности. Некоторые были ошеломлены случившимся. Другие расценивали преследования как дурную шутку. Большинство сначала, по всей вероятности, было убеждено, что триумф Сталина недолговечен и события вскоре оправдают оппозицию, ее сторонники вернутся из ссылки и их будут поздравлять за предвидение, мужество и верность марксизму-ленинизму.

---

* Письмо от 7 ноября. *Архив Троцкого.*

Условия их жизни, хотя тяжелые и унизительные, тем не менее пока не были совсем уж жуткими. Оппозиционеры жили знакомой им по дореволюционным временам жизнью. Дело политзаключенных и ссыльных, вынужденных к безделью, заключалось в том, чтобы размышлять, учиться и готовиться к тому дню, когда они вновь должны будут нести бремя прямой борьбы или ответственность за правление. Для работы такого рода условия подходили. Во многих колониях были образованные люди, блестящие теоретики и одаренные публицисты — для них товарищи составили избранную аудиторию. Интенсивный обмен идеями помогал сохранять дисциплину и уважение к себе. Троцкий из Алма-Аты внимательно следил за идейной жизнью, вдохновляя ее, цитируя в письмах к друзьям высказывание Гете о том, что в интеллектуальных и моральных делах для сохранения имеющегося необходимо постоянно завоевывать его. Так колонии стали центрами важной интеллектуальной и литературно-политической деятельности. Не говоря уже о записках и «тезисах» по текущим делам, которых появлялось великое множество, предпринимались крупные работы. Радек приступил к написанию большого исследования о Ленине, включая его биографию и учение. Раковский работал над биографией Сен-Симона [27] и генезисом утопического социализма. Преображенский написал и закончил книги о советской экономике и экономике средневековой Европы. Смилга работал над книгой о Бухарине [28] и его школе. Дингельштедт написал статьи по социальной структуре Индии и т. д. Однако все эти интеллектуальные занятия, какими бы ни были ценными сами по себе, не могли дать ответа на вопрос, подавляющий все в мыслях ссыльных и который должны были вновь поставить события. Что будет дальше?

* * *

Даже в отдалении, в Сибири и в Средней Азии, еще до конца зимы почувствовались удары нового социального кризиса. Кризис давно приближался и осенью как раз накануне высылки оппозиционеров достиг опасного пункта. Государственные элеваторы были наполовину пусты. Городскому населению грозил голод, и продовольствия могло не хватить даже для армии. Громадные очереди у булочных и неоднократное повышение цен на хлеб, чему свидетелем был Троцкий в Алма-Ате, можно было наблюдать по всему Советскому Союзу.

Однако на первый взгляд сельскохозяйственное положение не было плохим. Земли обрабатывалось почти столько, сколько в лучшие времена, и последовательно было три прекрасных урожая. Но вновь нарушилась «смычка» между городом и деревней. Крестьяне отказывались доставлять хлеб и продавать его по

твердым ценам. Сбор хлеба сопровождался бунтами: официальные сборщики выгонялись из деревень и с пустыми руками возвращались в город. Крестьянство почти не имело или имело очень мало стимулов для поставки или продажи своих продуктов, ибо теперь, как впрочем и раньше, оно не могло получить в обмен одежды, обуви, сельскохозяйственного инвентаря и других промышленных товаров. Крестьяне требовали крутого повышения цены на хлеб и в этих настояниях в большей степени, чем раньше, следовали за крепкими хозяевами.

Бухаринцы и сталинцы перессорились в Политбюро по этому вопросу как раз в тот момент, когда они совместно исключали троцкистов и сокрушали зиновьевцев. Бухаринцы стремились успокоить деревню уступками, в то время как сталинцы пусть пока еще и нерешительно склонялись к применению силы. В первую неделю января, за 10 дней до высылки Троцкого, Политбюро надлежало вынести решение о дальнейшем ходе хлебозаготовок, и несомненно нервозность по поводу обстановки в стране заставила поторопиться со ссылкой Троцкого. 6 января Политбюро в секретном порядке инструктировало партийные организации проявить больше строгости к крестьянам, препятствующим сбору хлеба, ввести принудительные «хлебные займы», твердо сопротивляться требованиям повышения цен на хлеб и бдительно следить за кулаками. Инструкции не дали результатов, и через пять недель Политбюро должно было повторить их еще более категорично и с меньшей секретностью.

В середине февраля «Правда» забила тревогу: «Кулак поднял голову!» Наконец в апреле Центральный Комитет прямо заявил, как бы заимствуя термины у троцкистов и зиновьевцев, что страна стоит перед лицом серьезного кризиса, и что зта угроза вызвана ростом зкономической власти кулаков, которую не смогла устранить фискальная политика правительства. «В связи с дальнейшим расслоением деревни она дала возможность кулачеству, удельный хозяйственный вес которого возрос... использовать свои позиции на рынке и оказать... довольно значительное влияние на всю рыночную конъюнктуру» *. Однако партия, заявил Центральный Комитет, все еще медлит с обузданием кулака. Были декретированы чрезвычайные меры, в соответствии с которыми кулаки облагались принудительными налогами, чтобы снизить их покупательную способность. Запасы зерна реквизировались, вводилась твердая цена на хлеб, и, наконец, официальные лица и члены партии, либерально обращавшиеся с кулаками, снимались

---

* Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1953. Ч. 2. (1925—1953). С. 373. (*Далее:* КПСС в резолюциях...)

с работы. Эти решения были представлены не как отступление от принятой политики, а как чрезвычайные меры, принятые для того, чтобы справиться с неожиданными трудностями. В резолюциях Центрального Комитета не было и намека на «сплошную коллективизацию», более того, сама эта идея категорически отвергалась. Однако объяснения чрезвычайного положения Центральным Комитетом, настояния на опасности, исходившей от кулака, ссылки на то, что партия не приняла контрмер, уже указывали на коренное изменение политики. В Центральном Комитете сталинцы возобладали. Получив полномочия усилить меры партии против кулака, Сталин укрепился и против бухаринцев. Он мог снять их со многих постов в низовом и среднем звене администрации и партийной машины.

Первой реакцией ссыльных троцкистов на эти события было веселое изумление, ирония и даже ликование. Разве предсказания оппозиции не оправдались? — спрашивали они. Разве Сталин не оказался вынужденным принять «левый курс», который отстаивала оппозиция? Разве партия не может понять, кто был прав и кто неправ в великих спорах минувших лет? Большинство оппозиционеров поздравляли себя, ожидая с еще большей уверенностью, что их призовут сыграть роль в преодолении чрезвычайного положения и в направлении большевистской политики в новое русло. В своей переписке Троцкий также говорил о предвидении оппозиции и, по-видимому, был настроен оптимистически, хотя не разделял слишком оптимистических надежд своих сторонников *.

По мере развития «левого курса», в то время как ничто не изменилось в официальном отношении к оппозиции, ликующее настроение в колониях уступило место беспокойству и тревоге. Поворот событий, казалось, ставил под вопрос некоторые из главных посылок и предсказаний оппозиции, особенно оценку ею политических тенденций в партии. Были ли мы правы, начали спрашивать некоторые троцкисты, осуждая Сталина как защитника кулака? Были ли мы правы, заявляя, что с разгромом левой оппозиции внутрипартийный баланс будет настолько нарушен, что правая фракция Бухарина укрепится и сметет сталинский центр? Не переоценили ли мы консервативные элементы в партии? Сталинская фракция не только не терпела поражения, она начинала одерживать верх над правыми, тогда не переоценили

* См., например, письмо Троцкого Сосновскому от 5 марта 1928 года. *Архив Троцкого*. Между прочим, он напоминал в нем обвинения в пораженчестве, выдвинутые против него после того, как он сказал, что хороший урожай в не меньшей степени, чем плохой, может при политике Сталина и Бухарина укрепить кулака. Теперь «Правда», внезапно обнаружив силу кулака, писала о последних трех хороших урожаях, «как будто речь шла о трех землетрясениях».

ли мы нашими предсказаниями в стиле Кассандры опасности термидора? И в целом не зашли ли мы слишком далеко в борьбе против Сталина?

Громадное большинство ссыльных не допускало таких сомнений даже в мыслях, однако меньшинство ставило эти вопросы с еще большим упорством, и каждый вопрос поднимал другие. В результате подверглись серьезному пересмотру программа и деятельность оппозиции. Ответы зависели от того, в какой мере оппозиция серьезно относилась к «левому курсу» Сталина. Действия Сталина против кулака можно было рассматривать как случайные тактические маневры, которые не помешают ему возобновить проведение прокулацкой политики. Именно так и думало большинство оппозиционеров. Но немало среди них были уже убеждены в серьезности «левого курса», усматривая в нем начало знаменательного поворота, и с тревогой думали о перспективах оппозиции. Как могла оппозиция остаться пассивным наблюдателем, говорили они, когда партия вступала в опасную борьбу против капиталистических и квазикапиталистических элементов в стране, к которой звала оппозиция?

Оппозиция настолько основывала свои действия на идее, что во всех важнейших вопросах правое крыло играло руководящую роль, а сталинская фракция была слаба, колебалась и просто следовала за ним как тень, что первый и предварительный удар Сталина по кулаку потряс почву под ее ногами. Даже в декабре во время XV съезда Зиновьев [29] и Каменев [30] объясняли свою капитуляцию, ссылаясь на то, что Сталин собирался проводить «левый курс». Вскоре после этого два видных троцкиста, Пятаков [31] и Антонов-Овсеенко [32], последовали их примеру, объявив о разрыве с Троцким. Они были самыми смелыми и энергичными руководителями оппозиции 1923 года, но принимали слабое участие в борьбе последующих лет и оправдывали свою капитуляцию тем, что Сталин выполнял программу оппозиции. Ссыльные поначалу встретили известие о дезертирстве Пятакова и Антонова-Овсеенко с презрением и издевательством, обычно резервируемым для ренегатов. Тем не менее аргументация дезертиров произвела впечатление и стимулировала сомнения.

В начале мая Троцкий очень мало знал, если вообще знал, о новом брожении среди ссыльных и направил им письмо с изложением своих взглядов *. Троцкий заявил, что «левый курс» Сталина знаменует собой начало важных перемен. Оппозиция, указывал Троцкий, имеет все основания с гордостью считать себя вдохновителем и инициатором новой политики. Конечно, к гордости примешивается горечь, когда оппозиционеры раздумывают над

* См. циркулярное письмо Троцкого от 9 мая. *Архив Троцкого.*

ценой, которую им пришлось заплатить за свой успех, достигнутый другими. Однако судьба революционеров такова, что не раз ценой тяжелого и трагического самопожертвования они заставляли других, даже врагов, выполнять часть их революционной программы. Так, Парижская коммуна была потоплена в крови, но восторжествовала над своими палачами, ибо те же самые палачи должны были выполнить часть их программы. Хотя Коммуна потерпела неудачу как пролетарская революция, она сделала невозможным восстановление монархии во Франции и обеспечила создание по крайней мере парламентской республики. Такой же может быть, в свою очередь, взаимосвязь между оппозицией и «левым курсом» Сталина: оппозиция может быть сокрушена, не увидит полного воплощения в жизнь ее программы, однако ее борьба сделала по крайней мере невозможным для правящей группы продолжать отступление перед лицом капиталистических элементов и провозгласить неонэп.

Что делать оппозиции? Мы обязаны, отвечал Троцкий, оказать критическую поддержку «левому курсу» Сталина. При существующих обстоятельствах мы не должны создавать единого фронта с Бухариным и Рыковым[33] против него, мы должны, напротив, поощрять колеблющийся центр Сталина к тому, чтобы порвать с правым крылом и объединиться с левым крылом. Союз между оппозицией и ее преследователями-сталинистами против защитников кулака не следует исключать, хотя эта возможность очень отдалена. Больше чем когда бы то ни было оппозиция должна требовать свободы в партии, и «левый курс» облегчает борьбу за пролетарскую демократию». В своей аргументации Троцкий был логически последователен. Он указывал уже с 1923 года, что главная «функция» сталинского режима — защита от рабочих партийной бюрократии, которая, в свою очередь, защищала кулака и нэпмана. Для него было совершенно естественным заключить, что, поскольку бюрократия перестала защищать кулака и нэпмана, она сблизится с рабочим классом, будет стремиться к примирению с выразителями его интересов и восстановит для них свободу выражения мнений. Поэтому оппозиция должна с еще большей решимостью, хотя и поддерживая «левый курс», сопротивляться сталинскому подавлению, предостерегая партию, что, пока продолжаются репрессии, нет никакой гарантии, что Сталин будет проводить новую политику и вновь не уступит кулаку. Троцкий признавал, что предлагает «двойственную позицию», которой трудно придерживаться, но утверждал, что обстоятельства оправдывают только ее. Пятаков уже охарактеризовал взгляды Троцкого как «противоречивые». «Однако все противоречия,— возразил Троцкий,— исчезают у человека, который [подобно Пятакову] совершает самоубийственный прыжок в реку».

Взгляды Троцкого имели всю ту диалектическую гибкость, которую требовала от него неопределеииая обстановка. Он рассматривал иаступленне Сталина на кулака как великое и обнадеживающее событие и с тем большей твердостью настаивал иа необходимости свободы критики и обсуждений, как главной гарантии здравости новой политики. Он предложил оппозиции не оттачивать топор, а лишь защищать принципы. Когда его враг взял еще одну страницу из его книги, Троцкий подчеркнул свою собствеиность на нее, настаивая, вместе с тем, чтобы его сторонннки поддерживали врага в предпрнятии, которое они считали необходимым. В книге осталось много других страниц, н ои не собирался отказываться от них. Что касается перспектив оппозиции, то Троцкий воздерживался как от крайнего оптимизма, так и от крайнего пессимизма: события, возможно, заставят сталнннстов пойти на примирение с оппозицией, и в этом случае она вновь получит моральиое и полнтическое руководство, однако ей следует быть готовой разделить участь Парижской коммуиы и своим мученичеством способствовать делу социализма и прогресса.

Тот факт, что Троцкий довольио благожелательио отнесся к «левому курсу» Сталина, признав его положительное значение, произвел глубокое и даже сбивавшее с толку впечатлённе на троцкистов. Это усиливало аргументацию тех троцкистов, которые начали критиковать прошлое оппозиции. Если Троцкий прав сейчас, заявляли оии, то разве не был ои неправ раньше, подияв тревогу против опасности термндора? Разве он не неверно оценил тогда политику Сталина? И будет ли разумно для оппозицин утешаться мыслью, что история оправдает ее, как оправдала Парижскую коммуну? Не должны ли троцкисты принять участне в немаловажной борьбе против частной собственности, происходившей в стране, и таким образом помочь творить историю вместо того, чтобы пасснвно ждать исторического вердикта? Потомки могут восхвалять мученнчество коммунаров, но коммуиары сражались не ради славы мучеииков, а за цели, которые счнтали практическими и достижимыми.

Такая аргумеитация отражала дилемму, таившуюся в позиции троцкистов, а разочарование вызывало озлобление. Ссылка, принудительное безделье, тяжкие сомнения мучили энергичных и умных людей, делавших революцию, сражавшихся в гражданской войне и построивших новое государство. Быть вышвырнутымн из партии, которой они посвятили свою жизнь, за которую онн томились в царских тюрьмах и в которой они усматривали высшую надежду человечества, было само по себе тяжелейшнм бремеием. Это бремя становнлось невыиоснмым, когда оин осознали, что некоторые из важиейших разиогласий, разделявших их со сталиицами, исчезали и что партия начинала делать то, чего оии страстно хотели.

Не очень трудно политическому борцу терпеть поражения, лишения и унижения, пока он ясно осознает, за что стоит, и чувствует, что его дело целиком зависит от того, что делает он и его товарищи во имя него. Однако даже самый закаленный борец падает духом в парадоксальной ситуации, когда видит, что его дело или важная часть его выполняется его преследователями. Его дело больше, по-видимому, не зависит от того, сражается он за него или нет, сама борьба внезапно предстает бесцельной, а репрессии, которым он подвергся, бессмысленными. Он начинает сомневаться, правильно ли относился к своему преследователю как к врагу.

Сталин холодно и точно оценивал брожение умов оппозиции, но у него были собственные дилеммы. Любое восхваление троцкистами «левого курса» помогало Сталину, в то же время он боялся их помощи. Колеблясь, спотыкаясь, под давлением обстоятельств, он вступал на неизведанную и опасную дорогу. Он шел на риск серьезного конфликта с крестьянством. Он не измерил и не мог измерить заранее масштабы и ярость сопротивления, которые встретят его. Он предусмотрительно обратился против недавних союзников бухаринцев, чью популярность и влияние Сталин не недооценивал. Он не знал, как далеко заведет его новая борьба и какие опасности она может создать для него. Как и Троцкий, он не исключал, что в чрезвычайно критической обстановке ему, возможно, потребуется вступить в союз с левой оппозицией, однако Сталин понимал, что это окажется триумфом Троцкого, и поэтому был преисполнен решимости сделать все возможное для разгрома бухаринцев без примирения с Троцким. Он имел основание опасаться, что силы его фракции окажутся недостаточными для этого, а его сторонники одни не смогут управлять государственной машиной и национализированной промышленностью, финансами в новой и трудной фазе быстрого развития. Сталинисты были прежде всего работниками партийной машины. Теоретики, политики, экономисты, управляющие промышленностью, финансами и сельскохозяйственные эксперты, люди политического таланта находились среди троцкистов, бухаринцев и зиновьевцев. Сталин нуждался в помощи способных людей, которые будут готовы проводить политику против кулака с убеждением и рвением. Он мог найти таких людей в левой оппозиции. Поэтому он был заинтересован в том, чтобы завоевать на свою сторону максимальное число талантливых людей из троцкистов и зиновьевцев, не уступив ни на йоту Троцкому и Зиновьеву. Он обратился к троцкистам за спиной у Троцкого. Через своих агентов Сталин прельщал их перспективами «левого курса», стремясь убедить, что оппозиция к нему стала бессмысленной. Сначала ссыльные почти единодушно отвергли эти обращения, которые, однако, упали на унавоженную почву. Среди некоторых сторонников Троцкого они усилили сомне-

ния и склонность рассматривать прошлое оппозиции через призму разочарования.

Троцкий узнал об этих событиях лишь в середине мая. Белобородов сообщил ему о спорах в колониях ссыльных. Другой троцкист, еще работавший на сталинской дипломатической службе, информировал его из Берлина о предполагавшемся плане действий Сталина. Согласно данным этого человека, Сталин надеялся улучшить свое трудное положение, побудив влиятельных ссыльных оппозиционеров раскаяться, надеясь с их помощью претворить в жизнь «левый курс» и добить Троцкого. Сталин даже задерживал начало «левого курса» в ожидании капитуляции многих важных троцкистов. Все теперь зависело от того, преуспеет ли он в этом. Если оппозиция сорвет планы Сталина, если ее не ослабит дезертирство и она продержится по крайней мере до осени, а к этому времени Сталин увидит, что его фракция не может справиться с трудностями, тогда оппозиция будет иметь все шансы захватить инициативу и вернуться к власти. Однако если Сталину удастся подорвать моральный дух оппозиции и дезертиры-троцкисты придут ему на помощь, тогда он сохранит власть, сокрушит бухаринцев и пойдет своим «левым курсом», не нуждаясь в примирении с Троцким и его нераскаявшимися друзьями. Корреспондент опасался, что Сталин может достичь успеха: моральный дух оппозиции был в опасной степени подорван, и очень многие оппозиционеры были готовы отказаться от борьбы *.

По всей вероятности, Троцкий не верил, что моральный дух оппозиции столь низок. Пока среди ссыльных капитулировали немногие. Известным случаем было дело бывшего руководителя комсомола Сафарова [34], который подписал заявление о раскаянии и был возвращен в Москву. Однако дело Сафарова было исключением, и он не был троцкистом. Он принадлежал к фракции Зиновьева и сначала отказался капитулировать вместе со своим лидером, был выслан вместе с троцкистами и лишь тогда, поразмыслив, сдался. Его поведение, по всей видимости, не было связано с настроениями среди троцкистов. Тем не менее Сафаров, пытаясь оправдать себя, выразил настроение, соответствовавшее настроениям троцкистов. «Все теперь будет делаться без нас!» — воскликнул он. «Все» означало наступление против кулака и нэпмана, расширение социалистического сектора экономики, ускоренную индустриализацию и, возможно, коллективизацию сельско-

* Это замечательное письмо, датированное 8 мая 1928 г., было написано анонимом из Берлина. Троцкий знал корреспондента, однако к концу жизни, когда он рассортировывал документы в *Архиве,* не мог припомнить его имени. В 1928 г. корреспондента собирались отозвать с его поста, и он спрашивал Троцкого, не стоит ли ему отказаться вернуться в Москву. Троцкий, по-видимому, посоветовал ему вернуться.

го хозяйства, ибо «левый курс» объединил все эти аспекты. Для троцкистов была мучительна мысль о том, что великие перемены, «вторая революция» могут быть проведены без них. Чем более объективно Троцкий подчеркивал желательный и прогрессивный характер последних мер Сталина и настаивал, что долг оппозиции поддержать их, тем больше чувство разочарования охватывало троцкистов, тем больше они размышляли о правильности или неправильности политики оппозиции и с тем большей горечью ощущали, что, будучи изгнанными из партии в пустынные места, они не могут оказать никакой практической поддержки «левому курсу».

До конца мая Троцкий направил несколько обращений к своим сторонникам *. Он защищал прошлую деятельность оппозиции и пытался наметить новые перспективы. Аргументация Троцкого сводилась к следующим трем пунктам.

Во-первых, неверно, что он переоценил силу правого крыла Бухарина. Это крыло все еще было могучим. Равным образом оппозиция не была неправа, стремясь поднять на ноги партию против опасности термидора. Делая это, она помогла сдержать силы термидора. Действия оппозиции и давление рабочего класса вынудили сталинцев порвать с бухаринцами, в противном случае нынешний кризис с хлебом мог бы побудить их пойти на далеко идущие уступки капиталистическим сельским хозяевам, что могло привести вместо «левого курса» к сильному сдвигу вправо. Троцкий опасался, что те, кто утверждал, что оппозиция преувеличивала опасность справа, в конце концов капитулируют перед Сталиным.

Во-вторых, оппозиция не имеет никаких оснований упрекать себя за то, что зашла слишком далеко в борьбе. Напротив, из-за робости Зиновьева и Каменева она не пошла достаточно далеко: «Вся наша деятельность имела пропагандистский и только пропагандистский характер». Оппозиция едва ли когда-нибудь обращалась к рядовым членам партии достаточно настойчиво и смело. Когда она наконец пыталась сделать это 7 ноября, то Сталин решил провоцировать ее на гражданскую войну, и она была вынуждена отступить.

Наконец, тот факт, что Сталин занимался плагиатом из программы оппозиции, не должен приводить ее в отчаяние. Сталинская фракция начала проводить левую политику, когда ей ничего больше не оставалось делать, однако она не сможет довести ее до конца. Следовательно, заверял своих сторонников Троцкий, «мы еще понадобимся партии».

* См. письма Троцкого Белобородову от 23 мая и Юдину от 25 мая. *Архив Троцкого.*

Эта аргументация и заверения не удовлетворили многих троцкистов. Они не получили ясной перспективы. Они продолжали задаваться вопросом, навсегда ли обратился Сталин против кулака, или его «левый курс» — простое притворство. И они ждали ясного ответа. У Троцкого его не было, и, вероятно, Сталин сам не знал точно, где он стоял. Равным образом Троцкий не сказал своим сторонникам, как в их тогдашнем положении они могут претворить в жизнь его совет, как они смогут одновременно поддерживать Сталина и сопротивляться ему.

Уже весной 1928 года в колониях троцкистов сформировались две четкие точки зрения. С одной стороны, одни считали необходимым искренне поддержать «левый курс» Сталина, то есть выполнить то, к чему их вновь и вновь призывал Троцкий, а другие были склонны прежде всего продолжать выступать против Сталина, как побуждал их делать тот же Троцкий. Таким образом, противоречия, существовавшие в рядах Объединенной оппозиции между троцкистами и зиновьевцами, теперь воспроизводились в рядах самих троцкистов, расколовшихся на «примиренцев» и «непримиримых». «Примиренцы» еще были далеки от мысли о капитуляции перед Сталиным, однако хотели, чтобы оппозиция перестала враждебно относиться к сталинской фракции и подготовилась к определенному примирению с ней на основе «левого курса». Они утверждали, что честность и интересы самой оппозиции требуют, чтобы они критически рассмотрели и изменили в свете событий принятые взгляды оппозиции. Эта позиция объединяла оппозиционеров старшего поколения, уравновешенных людей типа мыслителей, и тех, кто чрезвычайно остро тосковал по старой партии, а также «просвещенных бюрократов», экономистов и администраторов, больше заинтересованных в программе индустриализации и экономического планирования оппозиции, чем в ее требованиях внутрипартийной свободы и пролетарской демократии. И наконец, сюда входили люди, чья воля к продолжению сопротивления правящей группе уже была ослаблена перенесенными ими испытаниями. Как индивидуумы они часто руководствовались смешанными мотивами, и во многих случаях было почти невозможно точно указать, что́ превалировало.

Непримиримыми троцкистами были в основном молодые люди, для которых исключение из партии значило меньше, чем для старших, привлеченные к оппозиции ее призывом к пролетарской демократии, а не экономическими и социальными пожеланиями, страстные приверженцы оппозиции, заклятые враги бюрократии и фанатики антисталинизма. В этой группе мотивы индивидуумов также нелегко указать. По большей части молодежь, для которой разрыв с партией не был большим моральным потрясением, была также относительно безучастна к сложным экономическим и со-

циальным вопросам, но горячо реагировала на призыв оппозиции к свободе выражения мнения, относясь ко всей бюрократии с яростной враждебностью, которая еще больше обострилась в результате преследований и ссылки.

Обе группировки троцкистской оппозиции имели тенденцию перекрещиваться с другими группами, не входившими в нее. «Примиренцы» все больше сближались с презираемыми ими раньше зиновьевцами. Они стали рассматривать зиновьевцев в новом свете и, хотя не были еще готовы последовать за ними, теперь с пониманием относились к мотивам их капитуляции, внимательно прислушивались к их аргументации и с симпатией следили за их поступками. Крайне «непримиримые», с другой стороны, обнаружили, что у них много общего с товарищами по ссылке — нераскаявшимися могиканами рабочей оппозиции и децистами во главе с Сапроновым [35] и Владимиром Смирновым [36]. Могикане рабочей оппозиции и децисты в своей враждебности к бюрократии заходили куда дальше, чем троцкисты. Более или менее открыто они заявляли о разрыве с существующим государством и партией. Они утверждали, что революция и большевизм мертвы и рабочий класс должен начать с самого начала, то есть приступить к новой революционной борьбе для освобождения от эксплуатации новым «государственным капитализмом», нэпмановской буржуазией и кулаками. Для многих молодых троцкистов эта ясная и целеустремленная программа звучала более убедительно, чем тщательно сбалансированный анализ Троцкого и его «двойственная политика». Их программу было понять легче, ибо в ней да было да, нет было нет, без диалектических усложнений. Осуждать Сталина как могильщика революции, говорили децисты, и рассуждать, подобно Троцкому, о прогрессивных последствиях «левого курса» — абсурд. Бороться со Сталиным означало бороться против него, а не поддерживать его.

Обе секты троцкистов ждали от Троцкого какой-то ориентировки, хотя каждая из них была готова принять лишь ту часть его советов, которые удовлетворяли ее. Обе секты говорили о главных принципах и общих интересах оппозиции, однако по мере углубления разногласий товарищество ослабевало, возникали взаимные подозрения, пока у обеих сект не осталось друг для друга ничего, кроме злобных взглядов и брани. «Непримиримым» их более умеренные товарищи представлялись малодушными, если не дезертирами. «Умеренные» смотрели на «непримиримых» свысока, как на ультралевых или незрелых анархистов, не обладающих интеллектуальной дисциплиной марксистов и не чувствующих ответственности за судьбы революции. «Непримиримые» подозревали, что «примиренцы» с умыслом работают на Сталина, в то время как «примиренцы» утверждали, что ничто не компроме-

тирует оппозицию сильнее и не помогает Сталину эффективнее, чем преувеличения и эксцессы доктринеров и фанатиков троцкизма.

Руководителями каждой из двух сект были влиятельные оппозиционеры, верные и уважаемые друзья Троцкого. Первым заговорил о необходимости более примиренческой позиции в отношении сталинизма Преображенский. Он никогда не колебался как оппозиционер, в его характере не было ни следа оппортунизма. Его слабость, если ее можно назвать слабостью, заключалась, пожалуй, в полнейшем безразличии к тактике, популярности и в теоретической последовательности взглядов. Он начал проповедовать необходимость примирения, исходя из глубоких убеждений, выраженных в его работах 1924—1925 годов. Как мы уже знаем, Преображенский был главным теоретиком первоначального социалистического накопления. «Период первоначального социалистического накопления,— писал он в «Новой экономике»,— составляет самую критическую эру в жизни социалистического государства после завершения гражданской войны... Пройти через этот период по возможности быстрее и по возможности скорее достичь стадии, на которой социалистическая система разовьет все свои преимущества перед капитализмом, для социалистической экономики является делом жизни и смерти». В течение этого периода социалистическому государству придется испытать беды обеих систем. Оно не извлечет выгод ни из преимуществ капитализма, ни из преимуществ социализма. Оно должно будет «эксплуатировать» крестьянство, чтобы финансировать накопление в социалистическом секторе. По этому вопросу, как мы помним, Преображенский столкнулся с Бухариным и неопопулистской школой, «нашей советской манчестерской школой», как он охарактеризовал ее. «Давление [иностранного, главным образом американского] капиталистического монополизма,— доказывал он тогда,— может найти барьер лишь в социалистическом монополизме». Этот монополизм должен подчинить себе средствами фискальной политики и через регулируемый государством механизм цен частный сектор экономики, особенно сельское хозяйство. На негодующие вопли Бухарина Преображенский ответил: «Но как можно поступить по-иному? Говоря простыми словами: можно ли бросить бремя развития государственной промышленности... на плечи только наших трех миллионов промышленных рабочих, или не должны ли 22 млн наших мелких крестьян также внести свою лепту?» Но даже он не выступал за экспроприацию и принудительную коллективизацию мелких крестьян. Больше, чем кто-нибудь другой, Преображенский понимал, какой яростный конфликт между государством и крестьянством таился под «железной пятой закона первоначального социалистического накопления».

Нет ничего удивительного в том, что Преображенский с радостью ухватился за «левый курс» Сталина. Он отнесся к нему как к подтверждению собственной теории, рассматривая его как неизбежное и со всех точек зрения желательное событие. С самого начала Преображенский больше, чем Троцкий, был убежден в громадном значении нового курса. Различия между ним и Троцким до сих пор крылись лишь в теоретических работах, но не имели практического выхода. Теперь они начали сказываться на их позициях. Троцкий никогда не связывал себя со взглядом, что рабочее государство должно, как правило, «эксплуатировать» крестьянство. По крайней мере он никогда не отстаивал этот взгляд с откровенностью Преображенского. Равным образом он не выступал за такой принудительный темп индустриализации, который предвидел Преображенский. Теоремы Преображенского в «Новой экономике» не были несовместимыми с концепцией построения социализма в одной стране. Из них следовало, что первоначальное накопление — самая трудная часть перехода от капитализма к социализму — вполне может быть обеспечено в одном и притом промышленно слаборазвитом государстве. Наконец, в отличие от Троцкого Преображенский говорил об «объективной силе» законов перехода к социализму, которая проявится и заставит партию и руководителей вопреки их намерениям стать проводниками социализма. Национализация всей крупной промышленности, указывал Преображенский, неизбежно ведет к плановой экономике и быстрой индустриализации. Выступая против, сталинисты и бухаринцы выступают против самой исторической необходимости, которую лишь оппозиция вовремя усмотрела и пыталась заставить всех большевиков понять ее. Пусть Сталин и Бухарин разгромят оппозицию, однако «они не могут перехитрить законы истории». «Структура нашей государственной экономики часто является более прогрессивной, чем вся наша система экономического руководства», что в конечном итоге заставит их выполнить программу оппозиции.

Эти идеи, раньше не занимавшие в работах Преображенского много места, теперь стали господствовать над всем его образом мышления. В глазах Преображенского Сталин, объявивший войну кулаку, стал невольным и не очень охотным исполнителем того, что необходимо. Хотя Троцкий еще с определенным недоверием относился к «левому курсу», размышляя, не является ли он лишь временным сдвигом, Преображенский не питал никаких сомнений, что Сталин не шутит, не может отступиться от «левого курса» и будет вынужден со все большей беспощадностью вести войну против кулака. В результате возникает новая обстановка для страны в целом и оппозиции в особенности. Преображенский настаивал, что страна стоит на пороге громадного революционного

переворота. Кулаки, указывал он, будут продолжать отказываться продавать хлеб и грозить городу голодом. Середняки и бедняки не смогут поставить достаточного количества продовольствия, но официальное наступление на кулака антагонизирует также и их, приводя к колоссальному столкновению между правительством и основной массой крестьянства. В статье, написанной весной 1928 года, Преображенский утверждал, что угрозы и чрезвычайные меры Сталина уже подняли в стране такую сильную бурю, что для успокоения ее правительству придется сделать такие громадные и опасные уступки капитализму, перед которыми отшатнутся не только Сталин, но даже Бухарин и Рыков *. Только крайне правая или крайне левая политика может предотвратить катастрофу, и все указывало на то, что Сталин еще дальше пойдет влево.

Тогда какова должна быть роль оппозиции в этом перевороте? Оппозиция, отмечал Преображенский, действовала как сознательный толкователь исторической необходимости. Она проявила превосходные качества предвидения. Ее идеи «отражались в сталинской новой политике, как в кривом зеркале». Нынешний кризис не оказался бы столь серьезным, если бы партия раньше последовала совету оппозиции. Оппозиция должна продолжать выступать за ускоренную индустриализацию и с такой же настойчивостью призывать к пролетарской демократии. Однако хотя оппозиция правильно оценила нужды времени, она не имела возможности удовлетворить эти нужды на практике. Сталин со своими сторонниками занялся выполнением практических задач. Они являются проводниками исторической необходимости, хотя длительное время не понимали ее и сопротивлялись ей. Оппозиция где-то повела себя ошибочно. Она переоценила опасность справа и сталинское заигрывание с кулаком. Она неверно оценила тенденции в партии и их взаимосвязь с общественными классами вне партии, что для марксистов — серьезный промах. Поэтому оппозиции настоятельно необходимо изменить свою позицию и внести вклад в сближение со сталинской фракцией.

С этой целью Преображенский предложил, чтобы оппозиция обратилась за официальным разрешением созвать конференцию своих сторонников, на которой будут представлены все колонии ссыльных, для обсуждения новой обстановки и поведения оппозиции. Троцкий говорил о возможности и желательности союза левого крыла и центра против правого крыла, однако он не предложил никаких мер для его осуществления. Преображенский не удовлетворился этим. Если такой союз должен быть создан, указы-

* См.: *Преображенский Е.* Левый курс в деревне и перспективы. *Архив Троцкого.*

вал ои, то время для этого пришло. Коль скоро сталииисты выступили против правых, обязаниость оппозиции заключается в том, чтобы действовать, а ие выжидать, пока события приведут к возникновеиию этого союза,— может случиться так, что события иикогда не создадут его.

Троцкий категорически выступил против предложения Преображенского. Он утверждал, что, хотя теоретически коалиция центра с левым крылом желательна, оппозиция не может ничего сделать для осуществления ее. Тюремщик и заключенный ие союзиики. Он опасался, что Преображенский слишком благожелательио оцеиивает «левый курс»; но даже если бы это было не так, между сталииизмом и оппозицией пролегала прежняя пропасть. Преследоваиие продолжалось. Партия все еще была лишеиа свободы, и внутрипартийный режим иепрерывно ужесточался. Была приията догма иепогрешимости вождя и оиа применялась как к прошлому, так и к иастоящему. Вся история партии фальсифицировалась во имя этой догмы. В таких условиях оппозиция не могла предпринять иикаких шагов, чтобы встретить правящую фракцию на полпути. Позор просить у преследователей разрешения на созыв конфереиции. Сама просьба будет иосить оттенок капитуляции *.

В мае предложеиие Преображеиского было обсуждено в колониях ссыльных. Состоялась первая проверка реакции ссыльных иа «левый курс». Предложеиие было категорически отвергнуто. Подавляющее большииство было иастроено непримиримо, будучи уверенным в деле оппозиции, не желающим пойти на любое измеиение ее политики, скептически расценивая «левый курс», как и прежде, считая Сталина защитником кулака и соучастиником термидорианцев.

Несмотря на иеудачу Преображеиского, его идеи произвели на миогих впечатлеиие. По всей вероятности, первым из лидеров оппозиции, попавшим под их влияние, был Радек. Раиьше он не прииадлежал к тем, кто призывал к осторожиости. На протяжении 1927 года ои иастаивал, чтобы оппозиция смелее иападала иа правящую группу, обращалась к промышлеиным рабочим, ие входившим в партию, иаступательио выражала их требования, а не удовлетворялась «жестами, спасающими честь», и возвышениыми теориями. Ои ие отказался от идеи новой партии и выступал за допуск в оппозицию децистов, поддерживавших эту идею. Он был настроен по-боевому после депортации, когда презрительно писал о раскаянии Зииовьева и Пятакова и патологическом запахе достоевщииы, распространявшемся ими. «Оии отказались от собственных убеждеиий и лгали рабочему классу. Рабочему классу не по-

* См. «Письмо другу» Троцкого от 24 июня 1928 г. *Архив Троцкого.*

можешь ложью» *. Даже в мае, когда Преображенский выступил за созыв конференции, Радек, по-видимому, был еще против нее, во всяком случае он критиковал примиренческую позицию Преображенского.

Не прошло и месяца, как он, по всей вероятности, целиком изменил свою точку зрения, стал сам выступать за примирение со всей изобретательностью, жаром и остроумием, присущими ему. Его обращение в иную веру сильнейшим образом укрепило «умеренное» крыло, ибо Радек и Преображенский вслед за Троцким и Раковским были самыми авторитетными лидерами в ссылке. Впоследствии, как показывает его обширная переписка, воля Радека к сопротивлению сталинизму слабела с каждой неделей, хотя прошел еще почти год до его окончательной капитуляции.

Было бы слишком просто объяснять такую перемену непостоянством Радека или отсутствием мужества. Его мотивы были сложнее. Нет никакого сомнения в том, что он не обладал «большевистской твердостью», приобретавшейся в подпольной борьбе, в царских тюрьмах и сибирских ссылках. Опыт подпольной работы Радека был коротким. До 1917 года он провел свою политическую жизнь главным образом в легальном социалистическом движении Австро-Венгрии и Германии. В сущности, Радек был европейцем, представителем богемы, общительным, привыкшим дышать воздухом больших городов и находиться в центре общественных дел. На протяжении более чем 25 лет прославленные Центральные Комитеты и редакции крупных газет неизменно восторгались его взглядами и остроумием. 10 лет он был одним из руководителей большевистской партии и Коммунистического Интернационала. Пока Радека окружала суматоха политической жизни, уверенность и пыл не покидали его — он оставался смелым, активным и находился в центре событий даже в камере тюрьмы Моабит в Берлине в 1919 году. Однако будучи внезапно брошенным в суровую, мрачную, дикую пустыню Северной Сибири, Радек стал терять присутствие духа. Одиночество угнетало его. Он чувствовал себя как будто высланным из самой жизни. Его чувство реальности было потрясено. Разве годы, проведенные рядом с Лениным в качестве уважаемого товарища и советника, помогающего направлять международное движение, были всего-навсего сном? Людей куда более сильных духом обуревали такие же чувства. Вот как, например, писал герой гражданской войны Иван Смирнов из Южной Армении Радеку в Северную Сибирь: «Ты, дорогой Карлуша, переживаешь, что мы оказались вне партии. Для меня и для других это также очень тяжело. Сначала меня мучили кошма-

* См. письмо Радека жене, написанное из Тобольска 10 мая 1928 г., и его письмо Преображенскому от 25 мая. *Архив Троцкого.*

ры. Я внезапно просыпался по ночам и не мог поверить, что я в ссылке, я, работавший для партии с 1899 года без единого дня передышки, я, который не похож на этих негодяев из Общества старых большевиков, которые в 1906 году на целые 10 лет дезертировали из партии» *.

Однако не только зто беспокоило Радека и его друзей. Они размышляли о судьбах революции. Они привыкли считать себя истинными хранителями «завоеваний Октября» и единственными носителями марксизма-ленинизма, который сталинисты и бухаринцы разбавили и фальсифицировали. Они привыкли думать, что приносящее благо марксизму и революции несет благо и оппозиции, что поражения оппозиции были поражениями революции. Теперь они видели, что оппозиция превратилась в маленькую группу, почти в секту, абсолютно бессильную, отрезанную от великого государства и партии, с которыми она идентифицировала себя. Как случилось, размышляли они, что движение, претендующее на выполнение высочайшей миссии, оказалось в таком жалком состоянии. Перед ними стояла дилемма: если они действительно единственные надежные и законные хранители Октября, тогда их решительное поражение могло лишь принести непоправимую катастрофу революции и наследие Октября было утрачено; но если это не так, если «завоевания Октября» в той или иной мере сохранялись, а Советский Союз, несмотря на все случившееся, оставался рабочим государством, тогда, быть может, оппозиция не права, виновна в высокомерии, почитая себя единственным носителем марксизма-ленинизма и отрицая за своими противниками все революционные добродетели? Выходит, что немногие тысячи оппозиционеров были всем, что осталось от великого и потрясавшего мир большевистского движения? Не родила ли гора революции мышь? «Я не могу поверить,— писал Радек Сосновскому,— что вся работа Ленина и вся работа революции оставила после себя всего 5 тысяч коммунистов во всей России» **. Однако если понимать некоторые заявления оппозиции буквально и если поверить, что другие большевистские фракции просто-напросто мостили путь контрреволюции, тогда действительно нельзя избежать этого вывода, далекого как от реализма, так и от марксистского понимания истории. Разумеется, большевистский эпос с его героизмом, жертвами, надеждами, кровью и трудом не мог быть просто сотрясением воздуха, не мог ничего не означать. Пока сталинисты и бухаринцы совместно защищали кулаков и нэпманов, под претензиями и обвинениями оппозиции имелось основание. Однако «левый курс» привел сталинскую фракцию к смертель-

* Письмо написано в 1928 г. без указания даты. *Архив Троцкого.*

** Письмо из Томска (датировано 14 июля 1928 г.). *Архив Троцкого.*

ному конфликту с частной собственностью и продемонстрировал, что дело Ленина и Октябрьская революция оставили после себя больше, чем горстку праведников, больше, чем «5 тысяч коммунистов во всей России». Вулкан революции не только не родил мышь и не потух, а действовал.

Преображенский доказывал, что «объективная сила» общественной собственности давала импульс дальнейшей революционной и социалистической трансформации России. «Объективная сила» проявлялась через людей, ее субъективных носителей. Сталинская фракция была носителем исторической необходимости. Несмотря на нечеткость взглядов, ошибки и даже преступления, она являлась хранителем наследия Октября и приверженцем социализма. Сталинцы, открыл Радек, оказались более достойными людьми, чем думала о них оппозиция. Оппозиции следует и нужно признать это, не подрывая своего авторитета. В новом движении к социализму оппозиция — авангард, в то время как сталинская фракция — арьергард. Конфликт между ними — не столкновение враждебных классовых интересов, а разрыв между двумя отрядами одного класса, ибо как авангард, так и арьергард входят в один лагерь. Пришло время ликвидировать разрыв. Многие оппозиционеры были обеспокоены мыслью о примирении сталинистов и троцкистов. Однако, заметил Радек, такая перегруппировка не будет выглядеть более странной, чем прежние изменения во внутрипартийных союзах. «Было время, когда мы думали, что Сталин хороший революционер, а Зиновьев безнадежен. Затем вещи изменились, и может произойти еще одно изменение».

* * *

В зтих рассуждениях можно обнаружить несомненную нотку отчаяния, однако отчаяния, стремившегося превратиться в надежду. Примиренческие настроения усиливались углублявшимся изоляционизмом большевистской России. В Советском Союзе, а не вне его Радек и Преображенский и вместе с ними многие другие оппозиционеры искали великие и многообещающие перемены в судьбах коммунизма. Это обстоятельство объясняет многое в последующих событиях.

Дело происходило сразу после китайской революции. В декабре 1927 года коммунистическое восстание в Кантоне было подавлено. Восстание оказалось последним актом или скорее эпилогом к драме 1925—1927 годов. Последствия поражения сказывались на всем образе мышления большевиков: они еще больше подорвали интернационалистские традиции ленинизма и усилили тенденцию к русоцентризму. В большей степени, чем когда-либо, социализм в одной стране, казалось, давал единственный выход

и утешение. На этот раз, однако, волна изоляционизма захватила и оппозицию, достигнув отдаленных колоний ссыльных и оказав влияние на умонастроения «примиренцев». Подобно повороту Сталина влево, это последнее поражение дало Преображенскому и Радеку новый повод для разочарования в прошлом оппозиции. Оппозиция, говорили они, частично ошиблась в оценке внутренних событий в России. Быть может, она ошиблась и в оценке международных перспектив? Троцкий ошибся насчет советского термидора. Не была ли теория перманентной революции также ошибкой?

Уже через несколько недель после высылки Троцкий и Преображенский начали переписку по поводу восстания в Кантоне. Зная очень мало о действительном положении вещей и пытаясь составить суждение по запоздалым и скудным сообщениям в «Правде», Троцкий возобновил обмен взглядами с Преображенским, начатый в Москве. Подобно многим старым большевикам-оппозиционерам, Преображенский не соглашался с теорией перманентной революции и ее выводами о том, что революция в Китае может победить лишь как пролетарская диктатура. Как Зиновьев и Каменев, он считал, что Китай не может выйти за рамки буржуазной революции. Из своих соответственных мест ссылки Троцкий и Преображенский обсуждали значение восстания в Кантоне в свете этой разницы. В «Правде» сообщалось, что восставшие в Кантоне создали Совет рабочих депутатов и приступили к социализации промышленности. Хотя восстание было подавлено, писал Троцкий Преображенскому 2 марта, оно оставило замечательное наследие, указывающее, что следующая революция в Китае не остановится на буржуазной фазе, а учредит Советы и будет клониться к социализму. Преображенский отвечал, что восстание было устроено Сталиным всего-навсего для того, чтобы спасти лицо после бесконечных капитуляций перед Гоминьданом [37], то была опрометчивая авантюра и Кантонский Совет и его «социалистические» лозунги органически не проистекали из какого-либо массового движения, не отражали внутренней логики истинного революционного процесса *. Преображенский, конечно, был ближе к истине, чем Троцкий, полагавшийся в данном случае на сомнительные основания для вывода относительно характера следующей китайской революции. Тем не менее заключение Троцкого было правильным: революция 1948—1949 годов [38] переросла свои буржуазные рамки, и в этом отношении ей суждено было стать «перманентной революцией», хотя ее ход и расстановка социальных классов были очень отличными от того, что предусматривали троцкистская, да и марксистская и ленинская теории революции.

* См. ответ Преображенского (без даты). *Архив Троцкого.*

«Мы, старые большевики в оппозиции, должны отмежеваться от Троцкого по вопросу о перманентной революции»,— заявил Преображенский. Само по себе такое заявление не могло быть неожиданным для Троцкого, но неожиданным оказался его подчеркнутый тон. Троцкий привык слышать подобные напоминания о своем небольшевистском прошлом от противников и в последнее время вновь от Зиновьева и Каменева, но едва ли от Преображенского, близкого единомышленника с 1922 года. Он знал, что напоминания такого рода никогда не делаются случайно. Еще больше его удивило то, что с критикой перманентной революции выступил также Радек, не являвшийся старым большевиком и до тех пор искренне отстаивавший эту теорию. Даже теперь он признавал, что Троцкий в 1906 году предугадал ход революции в России более правильно, чем Ленин, но добавлял, что отсюда не следует, что схема перманентной революции подходит для других стран. В Китае, утверждал Радек, ленинская «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» предпочтительнее, ибо она позволяет обеспечить передышку между буржуазной и социалистической революциями.

Очевидно, эти разногласия не имели прямого отношения к текущим спорным вопросам, и Троцкий с неохотой втянулся в них. Он ответил, что Китай дал новейшие доказательства того, что любая современная революция, которая не обретет своей кульминационной точки в социалистическом перевороте, обречена на поражение даже как буржуазная революция. Независимо от правоты той или иной стороны в этом споре, тот факт, что два примиренца выступили против теории перманентной революции, был очень симптоматичен, ибо Троцкий не пытался превратить эту теорию в канон оппозиции. Не в первый раз разочарование из-за поражения коммунизма за рубежом и изоляционистское давление побуждали большевиков обращаться против теории, уже одно название которой бросало вызов их изоляционизму. В результате всех догматических битв по поводу перманентной революции с 1924 года в глазах партии эта теория превратилась в символ троцкизма, в величайшую ересь Троцкого и в интеллектуальный источник всех его политических грехов. Для сталинцев и бухаринцев перманентная революция стала вызывавшим ужас табу. Оппозиционер, обуреваемый сомнениями и размышлениями, искавший пути возвращения к партии, в свой потерянный рай, инстинктивно стремился освободить себя от малейшей связи с этим табу. Следует помнить, что Троцкий, желая облегчить Зиновьеву и Каменеву создание единого фронта с ним, объявил, что его старым трудам о перманентной революции место в историческом архиве и он не будет защищать их, хотя убежден, что его идеи выдержали проверку временем. Однако Троцкому не удалось сдать эту

теорию в архив. Враги Троцкого вытащили ее оттуда и принудили его защищать ее. Больше того, вновь и вновь союзники Троцкого поступали аналогичным образом, и то был вернейший признак, что еще один из его политических союзов или еще одна политическая связь находится на грани разрыва.

В этот момент разногласия стали публичными по более актуальному и менее теоретическому вопросу. Летом 1928 года в Москве собрался VI конгресс Коминтерна. Оппозиция в соответствии с Уставом имела право апеллировать к конгрессу против исключения из русской партии и намеревалась сделать это. Не было никаких шансов на то, что апелляция будет должным образом выслушана или что лидерам оппозиции позволят предстать перед конгрессом для изложения своего дела. «Конгресс, вероятно, сделает попытку закидать нас самым авторитетным образом самыми тяжелыми надгробными камнями,— писал Троцкий.— К счастью, марксизм восстанет из этой могилы из папье-маше и как неукротимый барабанщик пробьет тревогу!» * Троцкий намеревался выступить с краткой и суровой критикой политики Коминтерна и со сжатым заявлением о целях оппозиции, направив их конгрессу. Однако в его руках это заявление превратилось в обширный трактат, написание которого заняло всю весну и лето **. Ожидалось, что конгресс примет Программу, проект которой, написанный в основном Бухариным и делавший акцент на строительстве социализма в одной стране, был уже опубликован. Троцкий придал своему заявлению форму критики новой Программы. Он закончил работу над заявлением в июне, а вслед за этим в июле написал послание конгрессу под названием «Что дальше?». Он подытожил «пять лет неудач Коминтерна» и «пять лет работы оппозиции», чтобы «без умолчаний, двойственности и дипломатии» ясным образом обозначить пропасть между оппозицией и ее противниками. Троцкий разослал текст документа по колониям ссыльных накануне открытия конгресса, прося всех оппозиционеров одобрить его коллективными и индивидуальными посланиями в адрес конгресса.

Между тем Радек и Преображенский подготовили собственные заявления, более примирительные как по содержанию, так и по тону. Правда, Преображенский подвел плачевный итог политике Коминтерна недавних лет и ясно высказался об отличии троцкизма всех оттенков от сталинизма и Коминтерна. Однако в заключение Преображенский заявил, что «многие из этих отличий исчезли в результате изменения политики Коминтерна», ибо Комин-

---

* Циркулярное письмо Троцкого от 17 июня 1928 г. *Архив Троцкого*.

** Работа известна на английском языке под названием: The Third International After Lenin. New York, 1936.

терн вслед за русской партией также «сдвинулся влево» *. Радек выразил аналогичное мнение и немедленно направил собственное заявление в Москву. «История показывает,— писал он,— что некоторые партийные руководители, с которыми вчера мы скрестили мечи, лучше, чем точки зрения, которые они защищали, и никто не будет более удовлетворен этим, чем мы» **.

Тот факт, что Троцкий и Радек направили различные и частично противоречивые послания конгрессу, нанесло ущерб делу оппозиции. Вместо демонстрации единства оппозиция заговорила двумя голосами. Когда Троцкий узнал о случившемся, он телеграфировал важнейшим центрам оппозиции, прося всех ссыльных публично отмежеваться от Радека и направить соответствующие заявления в Москву. В конце концов Радек сам информировал конгресс, что берет назад свое послание и полностью согласен с Троцким. Перед своими товарищами он извинялся за ложный шаг, объясняя его трудностями связи с Троцким, чья критика Коминтерна поступила к нему с запозданием. Троцкий принял извинения, и на том дело пока кончилось. Оппозиция, заявил Троцкий, «выровняла свой фронт». Однако глубокий раскол не был устранен, он был только слегка замазан.

* * *

Одно важное событие помогло Троцкому сплотить ссыльных. В июле состоялся Пленум Центрального Комитета, на котором фракция Бухарина, казалось, возобладала над фракцией Сталина. Важнейшим и спорным вопросом был все тот же: продовольственный кризис и угроза голода в городах России. Чрезвычайные меры, принятые в начале года, не предотвратили угрозы, и обстановка ухудшилась в результате частичного неурожая озимых на Украине и Северном Кавказе. Крестьянство бурлило. Оно поставило и продало только 50% зерновых по сравнению с дореволюционным объемом. Пришлось приостановить весь экспорт зерна ***. Грубые методы при сборе зерна оказались достаточными, чтобы привести в бешенство крестьян, но недостаточными, чтобы запугать их. Центральный Комитет отметил недовольство среди... крестьянства, проявляющееся в демонстрациях протеста против произвольных административных мер, и заявил, что подобные

* *Преображенский Е.* Что надо сказать Конгрессу Коминтерна. *Архив Троцкого.*

** Записка Радека в адрес конгресса написана в Томске в июне 1928 г. См. *Архив Троцкого.* Троцкий, должно быть, читал «психоаналитически» абзац, приведенный выше. Он подчеркнул красным карандашом слово «вчера» во фразе Радека о партийных руководителях: «...с которыми вчера мы скрестили мечи».

*** КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 392.

меры помогли капиталистическим элементам воспользоваться недовольством и обратить его против Советской власти и дали повод для разговоров о предстоящей отмене нэпа *.

На Пленуме ЦК после доклада Микояна [39] фракция Бухарина призвала положить конец «левому курсу». Рыков потребовал отказа от политики против кулака. Нарком финансов Фрумкин [40] пошел дальше, потребовав ревизии всей политики XV съезда в отношении крестьянства, на котором Сталин, чтобы сбить троцкистов и бухаринцев с толку, заимствовал некоторые из их идей. Фрумкин высказался в целом за возвращение к бухаринской политике предшествующего съезда. Центральный Комитет заявил, что остается верен решениям XV съезда, но отменил собственные чрезвычайные меры «против кулака». ЦК объявил, что отныне будет соблюдаться «законность», запретил обыски, налеты на амбары и склады, прекратил реквизицию продовольствия и насильственные хлебные займы. Последнее (но не по важности): ЦК разрешил поднять на 20% цены на хлеб, то есть пошел на то, что́ категорически запретил всего три месяца назад **. При ретроспективном взгляде представляется, что то была последняя попытка Центрального Комитета умиротворить крестьян перед переходом к подавлению частного сельского хозяйства. Но тогда дело выглядело так, будто кулак выиграл раунд, а Сталин будто бы отказался от «левого курса», в то время как Бухарин и Рыков диктовали политику.

Нетрудно представить себе, как встретили ссыльные троцкисты известие об этом. Вновь они оказались на знакомой почве. Старая схема, в рамках которой они привыкли мыслить и спорить, казалось, восстановилась. Они увидели, что «защитники кулака» укрепились, а «колеблющийся центр» Сталина, как всегда, уступил. Установив более высокую цену на хлеб, Центральный Комитет нанес удар промышленным рабочим и действовал в интересах крепких хозяев. Это, конечно, не конец. Борьба продолжалась. Правые возобновят наступление, а сталинисты продолжат отступление. Угроза термидора, как никогда, близка. Термидорианцы на марше. Троцкий думал аналогичным образом. «Речью Рыкова,— заявил он,— правое крыло бросило вызов Октябрьской революции... Вызов нужно принять». Поднятие цен на хлеб только начало неонэпа. Чтобы умиротворить кулака, правое крыло вскоре сделает решительную попытку подорвать государственную монополию внешней торговли. Он считал Рыкова и Бухарина победителями, которые будут скоро «преследовать Сталина как троцкиста, как Сталин преследовал Зиновьева». Рыков заявил на Пле-

* КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 395.
** См. там же. С. 396.

нуме Центрального Комитета, что «троцкисты считали своей главной задачей не допустить победы правого крыла». Троцкий ответил, что действительно в зтом главная задача оппозиции *.

Среди троцкистов «примиренцы» на время были полностью изолированы. «Где «левый курс» Сталина?» — взволнованно спрашивали ссыльные Радека и Преображенского. «Все зто был обман. Однако вам его оказалось достаточно, чтобы попытаться выбросить за борт наши старые, хорошо проверенные идеи и взгляды и побудить нас примириться с ними!» Вновь они стали рассматривать возвышение Сталина как небольшой инцидент в главной борьбе между ними и бухаринцами, поверив куда более страстно, чем раньше, что все большевики, верные революции, вскоре увидят спорные вопросы в этом свете, то есть как конфликт, в основе которого лежит борьба правого и левого крыла, и изберут левое крыло. Кажущееся поражение Сталина возбудило у них колоссальные надежды. «Недалек день,— писал такой крупный троцкист, как Сосновский,— когда призыв к возвращению Троцкого прогремит на весь мир» **.

* * *

В разгар всего зтого политического волнения в семье Троцкого случилась трагедия. Обе дочери Троцкого Зина [41] и Нина [42] страдали болезнью желудка. Здоровье младшей Нины, тогда ей было 26 лет, было окончательно подорвано заключением и ссылкой ее мужа Невельсона [43]. Троцкий узнал об зтом весной во время рыбной ловли. Он полностью не осознал серьезности болезни Нины, но провел следующие недели тревожась и в горе. Он знал, что дочери и их дети живут в крайней бедности, не могут рассчитывать на помощь друзей, а серьезно больная Зина проводит дни и ночи у постели Нины. «Мне очень больно,— телеграфирует он дочери,— что не могу быть с Нинюшкой, чтобы помочь ей. Сообщи о ее состоянии. Целую обеих. Папа». Он повторно просил сообщить о здоровье дочери. Никакого ответа. Он написал Раковскому, умоляя навести справки в Москве. Наконец он узнал, что 9 июня Нина умерла. Много спустя Троцкий получил последнее письмо дочери. Оно находилось в пути и было задержано цензорами более чем на 10 недель. Троцкому было мучительно думать, что на пороге смерти она напрасно ждала его ответа. Он оплакивал ушедшую не только как дочь, но и как «пламенную революционерку, члена оппозиции» и посвятил ее памяти критику Программы Коминтерна, над которой работал, когда умирала дочь.

---

* Июльский Пленум и правая опасность. *Архив Троцкого.*

** См. письмо Сосновского Рафаилу от 24 августа. *Архив Троцкого.*

Письма с выражением соболезнования от многих ссыльных еще приходили в Алма-Ату, когда другой удар причинил Троцкому глубокую печаль и горе. После смерти Нины Зина собиралась приехать в Алма-Ату. Ее муж [44] был также сослан, и она растратила последние силы, ухаживая за сестрой. С недели на неделю она откладывала приезд, пока в Алма-Ате не стало известно, что она серьезно больна и не может выехать. Болезнь Зины осложнилась жестоким затяжным нервным расстройством. Она увиделась с отцом только после изгнания его из России.

Семья тем не менее встретилась на даче под Алма-Атой, когда приехал Сергей и провел там свои каникулы. С ним приехали жена и ребенок Левы. Они оставались вместе считанные недели. То было тревожное и печальное воссоединение семьи.

* * *

После «поворота вправо» официальной политики крайне «непримиримые» троцкисты возобладали почти во всех центрах оппозиции. Основная масса ссыльных не хотела и слышать о любой попытке сузить пропасть между ними и сталинистами. Однако экстремисты среди «непримиримых» не имели в своих рядах людей, обладавших авторитетом Преображенского и Радека и их способностями. Их взгляды выражали такие люди, как Сосновский, Дингельштедт, Элзин и немногие другие, отражавшие скорее настроения, чем определенные политические идеи.

Самым одаренным и красноречивым в этой группе был Сосновский. С уверенностью заявив, что «призыв к возвращению Троцкого прогремит на весь мир», он выразил тем самым страстную надежду многих своих товарищей. Сосновский был верным другом Троцкого и одним из лучших большевиков-журналистов, очень популярным далеко за пределами оппозиции. Однако он не был ни политическим лидером, ни теоретиком. Он прославился как хроникер жизни большевистской России, язвительный критик нравов и обычаев. Мятежник по натуре, глубоко ненавидевший неравенство и несправедливость, он с негодованием наблюдал, как в рабочем государстве шла вверх привилегированная бюрократия. Он яростно разоблачал ее жадность и коррупцию («Фактор гарема плюс автомобиль»), снобизм выскочек, желание ассимилироваться со старой бюрократией и аристократией, переженившись с ней. Он презирал помышлявших о примирении с правящей группой. В этом отношении Сосновский находился на противоположном полюсе от Радека. Именно Сосновскому Радек писал, что не верит, чтобы от ленинской партии осталась всего-навсего кучка правоверных оппозиционеров,— для Сосновского оппозиция действительно была единственным хранителем

наследия Октября. Ничто не характеризует его лучше, чем письмо старому товарищу Вардину, который вместе с Сафаровым дезертировал из оппозиции и «капитулировал». Беспощадный в своем презрении Сосновский напомнил старый еврейский обычай на похоронах: друзья по синагоге кричат в уши покойнику, привезенному на кладбище: «Такой-то, сын такого-то, знай, что ты мертв!» Сосновский теперь кричал это в уши старому товарищу и был готов кричать в уши каждому капитулянту. С негодованием он следил за эволюцией Радека, размышляя, не придется ли ему прокричать те же слова и в уши Радека *.

Другими руководителями этого крыла оппозиции были молодые люди, обладавшие меньшим авторитетом. Дингельштедт был многообещающим ученым, социологом и экономистом, большевиком с 1910 года, отличившимся как агитатор в Балтийском флоте в 1917 году. В описываемое время ему было немногим больше 30 лет. Элзин был одним из одаренных секретарей Троцкого. Эти люди не были убеждены, не проявлял ли сам Троцкий признаков колебания. Так, Дингельштедт писал Троцкому, что «некоторые товарищи серьезно встревожены» его мнением о том, что «левый курс» Сталина — «неоспоримый шаг в направлении к нам» и что оппозиция должна «безусловно поддержать его» **. Они также упрекали Троцкого в «снисходительности» к Радеку и Преображенскому. Равным образом они не разделяли надежд Троцкого на реформы в партии и возрождение пролетарской демократии.

Таким образом, если на одном крайнем крыле оппозиции находились те, кто все более склонялся договориться со своими преследователями, другую часть оппозиции стало почти невозможно отличить от последователей В. Смирнова и Сапронова, децистов и остатков рабочей оппозиции. Напомним, что эти «ультралевые» группы присоединились к Объединенной оппозиции в 1926 году, но тогда же вышли из нее или были исключены. В ссылке их сторонники перемешались с троцкистами и вели с ними бесконечные споры. Они доводили идеи троцкистов до крайних выводов, которые иногда бывали логичными, порой абсурдными, а иногда абсурдными в самой логике. В преувеличенной манере они выражали чувства, наполнявшие сердца троцкистов, хотя многие аргументы Троцкого были выше их понимания. Время от времени они выска-

* Примерно в это же время Радек тоже написал Вардину, и его письмо по сравнению с письмом Сосновского представляет любопытный контраст. Письмо было отправлено в мае, когда Радек только-только начал приходить к примиренческим настроенинм. Он упрекал Варднна, но делал это мягко и с симпатией, вовсе не рассматривая капитулянта как «морально мертвого». Письма Радека н Сосновского см. в *Архиве Троцкого*.

** См. письмо Дингельштедта Троцкому от 8 июля и 24 августа 1928 г. *Архив Троцкого*. См. также его письмо Радеку от 22 августа.

зывали такие положения, которые Троцкий сначала с негодованием отвергал лишь с тем, чтобы позднее согласиться с ними и высказывать самому. Они критиковали Троцкого за нерешительность, указывая, что безнадежно рассчитывать на демократическую реформу в партии. (Троцкому потребовалось еще пять или шесть лет, чтобы прийти к аналогичному заключению.) Партия, руководимая Сталиным,— «смердящий труп»,— писал В. Смирнов в 1928 году. Он со своими сторонниками утверждал, что Сталин — победоносный вождь русского термидора, свершившегося уже в 1923 году, истинный руководитель кулаков и вообще собственников. Они осуждали сталинский режим как «буржуазную демократию» или «крестьянскую демократию», которую может свергнуть только новая пролетарская революция. «Ликвидация в 1923 году внутрипартийной демократии и пролетарской демократии вообще,— писал Смирнов,— оказалась лишь прологом в развитии крестьянско-кулаческой демократии» *. Сапронов указывал, что «буржуазные партии легально организовываются в нашей стране», и это говорили в 1928 году! ** Таким образом, они обвиняли Сталина в восстановлении капитализма именно в то время, когда он собирался приступить к уничтожению частного сельского хозяйства, главной опоры капитализма в России, и в том, что он выступал за буржуазную многопартийную систему как раз тогда, когда он завершал создание однопартийной системы и утверждал себя в ней в качестве единственного вождя. То было донкихотство. Элемент его, сдерживаемый реализмом и самодисциплиной, можно обнаружить и у Троцкого. В. Смирнов, Сапронов и его сторонники однако без удержу сражались с ветряными мельницами сталинской «кулацкой демократии», а некоторые молодые неразумные сторонники Троцкого горели желанием присоединиться к ним, особенно когда «ликвидация левого курса» в июле, казалось, на некоторое время создала слабое подобие того, будто ветряные мельницы — реальный враг на марше ***.

На этом распутье Троцкий делал все, чтобы удержать оппозицию от распада. Он усматривал в разногласиях в оппозиции конфликт между двумя поколениями оппозиционеров, столкновение «отцов и детей»; первые перезрели и устали от знания и опы-

---

* Цитата из статьи дециста «Под зиамя Леиииа», авторство которой Троцкий приписывает В. Смириову. *Архив Троцкого.*

** См. заявлеиие Сапроноиа от 18 июня, иаправленное иезнакомому другу. *Архив Троцкого.*

*** Троцкий отзывался о лицах, разделявших взгляды В. Смириова и Т. Сапронова, как о безумцах антисталинизма. Одиако ои выступал за сотрудиичество с более умеренными децистами, такими, как Рафаил, В. Косиор [45], Дробнис и Богуславский. См. циркулярное письмо Троцкого по поводу децистов 22 сентября 1928 г. *Архив Троцкого.*

та, а вторые полны невинного рвения и дерзости. Троцкий считал себя принадлежащим и к тем, и к другим, понимал и ценил первых и вторых. Он испытывал опасения относительно Радека и Преображенского. В их настроениях и аргументации он различал импульсы, которые должны были привести их к капитуляции. Однако он не хотел оттолкнуть их. Он даровал им благо сомнения, защищая от злых нападок сверхревностных троцкистов. Терпеливо, но твердо Троцкий спорил с обоими. Он признавал, что они в определенной степени правы в оценке «левого курса» и изменения положения в стране, однако просил не делать опрометчивых выводов и не преувеличивать шансов на истинное примирение со сталинизмом. В то же время Троцкий пытался обуздать экстремистов на другом полюсе, говоря им, что они с чрезмерным оптимизмом рассматривают перспективы оппозиции, что в конечном итоге может привести к разочарованию: не следует думать, что новейшие попытки умиротворить кулака — «последнее слово Сталина», за которым может наступить лишь «неизбежный крах» сталинского режима. Перспективы, по мнению Троцкого, значительно более сложные, и нельзя предугадать, что получится из всего этого кипения. Во всяком случае, Троцкий хотя и сказал: «Мы еще понадобимся партии», был куда менее уверен в этом, чем Сосновский, заявивший, что призыв вернуть Троцкого скоро прогремит на весь мир *.

Троцкий пытался сохранить единство оппозиции на основе «упорной и бескомпромиссной борьбы за внутрипартийные реформы». Его последовательный отказ от «иллюзий относительно возможности сближения со сталинизмом» вызывал уважение у молодых и непримиримых, в то время как его акцент на внутрипартийные реформы устанавливал связь между Троцким и примиренцами. Он отвергал «целиком негативную и стерильную позицию» децистов в отношении партии и стремился противодействовать тоске по партии, ползучему чувству изоляционизма и ощущению бесполезности, которым были склонны предаваться старые оппозиционеры. Он пытался вновь пробудить у них осознание их миссии — убежденность, что даже в ссылке они выступают от имени безмолвного рабочего класса, что говорившееся ими имеет значение и что рано или поздно их слова дойдут до рабочего класса и партии. Такая убежденность, добавлял Троцкий, не должна возбуждать у оппозиции преувеличенное чувство собственной добродетели и высокомерие: хотя только оппозиция последовательно стоит на марксистско-ленинских позициях, она не должна сбрасывать со счетов всех своих противников как людей бесполезных. Больше того, она не должна считать, что от партии Ленина осталось лишь

* См. письмо Троцкого «В. Д.» (Элзину?) от 30 августа 1928 г.

несколько тысяч оппозиционеров. Оппозиция справедливо разоблачает «бюрократическое вырождение» партии. Но даже при этом надо иметь чувство меры, ибо «степени вырождения различны» и в партии еще много неразвращенных и здоровых элементов. «Сталин обязан своим положением не только террору партийной машины, но также вере или полувере части большевиков-рабочих». С такими рабочими оппозиция не должна утрачивать связей, она должна обращаться к ним *.

Обычно тщательно взвешенные обращения Троцкого не всегда получали хороший прием. Ультрарадикалы по-прежнему негодовали по поводу его либерального отношения к «примиренцам», в то время как Преображенский и Радек упрекали его за то, что он терпит «децистскую позицию» у троцкистов, веривших, будто оппозиция была новой партией, а не фракцией старой. Отчуждение между группами постепенно нарастало, но пока Троцкий оставался в Алма-Ате и оказывал оттуда влияние и пока неопределенность политики Сталина не способствовала обострению дилеммы оппозиции, Троцкому удавалось предотвращать слишком сильное расхождение различных сект своих сторонников и развал оппозиции.

В этих трудных условиях Троцкий нашел могучую моральную поддержку в лице Раковского. Их старая и тесная дружба теперь приобрела новую глубину взаимной привязанности, интимности и интеллектуального согласия. Имея за плечами блестящую карьеру — он был главой большевистского правительства на Украине, а затем дипломатом, Раковский теперь работал в ссылке в Астрахани мелким чиновником в местном Госплане. Переписка Раковского с Троцким и рассказы очевидцев дают впечатляющие свидетельства стоического спокойствия, с которым он переносил испытания судьбы, громадной интенсивности и широкого размаха его интеллектуальной работы в ссылке **. В дорожном чемодане он привез в Астрахань труды Сен-Симона и Анфантена [46], многие работы французских историков о французской революции, книги Маркса и Энгельса, романы Диккенса и произведения классиков русской литературы. В первые недели ссылки ему больше всего нравилось читать Сервантеса. «В обстановке, аналогичной теперешней,— писал он Троцкому,— я всегда перечитываю Дон Кихо-

* См. циркулярное письмо Троцкого о разногласиях оппозиции с децистами от 11 ноября 1928 г., а также его письма от 15 июля и 20 августа, 2 октября и 10 ноября, посвященные тому же вопросу.

** Луи Фишер, посетивший Раковского в Астрахани, рассказывает, что както он видел, как местные власти использовали Раковского в качестве переводчика для группы американских туристов. Раковский выглядел обтрепанным и изнуренным, но когда по окончании перевода американские посетители попытались дать ему на чай, он вежливым жестом и с оттенком юмора отклонил чаевые.

та, и теперь он мне доставляет громадное удовольствие» *. Тоскуя по родной Добрудже, Раковский перечитывал Овидия. Занимаясь экономическим планированием в Астраханской области, он прилежно изучал «геологические разрезы каспийских степей» и, рассказывая о своей работе Троцкому, пересыпал повествование ссылками на Данте и Аристотеля [47]. Но прежде всего он упорно заново изучал историю французской революции ** и писал книгу «Жизнь Сен-Симона». Он рассказывал Троцкому о ходе работы, цитируя предсказания Сен-Симона относительно России и Соединенных Штатов как двух гигантов-антагонистов будущего (предсказания менее известные, но более оригинальные по сравнению со сделанными позднее Токвилем [48]), жалуясь на то, что с возрастом память и воображение угасают — Раковскому во время ссылки было пятьдесят пять лет. Тем не менее он трудился «с громадным рвением!». С оттенком отеческой нежности он просил Троцкого не растрачивать энергию и талант только на текущие дела: «По-моему, кроме текущей работы было бы чрезвычайно важно, если б ты выбрал какую-нибудь тему, которая заставила бы тебя — вроде моего Сен-Симона — многое пересмотреть и перечитать под известным углом зрения» ***. Раковский добывал для Троцкого книги и журналы, которые нельзя было получить в Алма-Ате. Он поддерживал связь с детьми Троцкого в Москве и разделял огорчения семьи. Политически он поддерживал Троцкого как против примиренцев, так и против ультрарадикалов, и ни к одному из руководителей оппозиции Троцкий не был столь привязан, как к Христиану Георгиевичу ****.

Политический темперамент Раковского во многих отношениях отличался от политического темперамента Троцкого. Раковский, конечно, не обладал силой мысли, страстным красноречием, кипучей энергией Троцкого, однако имел очень ясный и глубокий ум и, возможно, более способен был к философской абстракции. Несмотря на всю преданность оппозиции, Раковский не был ее яростным сторонником в том смысле, что шире смотрел на вещи, выходя за рамки непосредственных целей и тактики оппозиции. Убежденный в правоте оппозиции и ее конечном оправдании, Ра-

* Бюллетень оппозиции. 1933. № 35. С. 25. (Далее: Б. О.)

** Будучи послом в Париже, Раковский сделал много для поощрения изучения советскими историками архивов французской революции, которой сам очень интересовался. Среди книг, взятых им в ссылку, была работа Олара «Политическая история французской революции», которую он очень ценил, с автографом автора.

*** См. письмо Раковского Троцкому от 17 февраля 1928 г.//Б. О. 1933. № 35. С. 25.

**** «Христиану Георгиевичу Раковскому. Борцу. Человеку и Другу» Троцкий посвятил свою книгу «Литература и революция».

ковский был значительно менее уверен в ее шансах на политический успех. Он умел с расстояния охватить взором громадную картину революции и ясно различить проходивший через нее трагический мотив, затрагивавший все враждовавшие фракции: «Неизбежный распад революционной партии после ее победы».

Раковский развил эту мысль в «Письме к Валентинову», очерке, вызвавшем волнение в колониях троцкистов летом 1928 года *. Чем объяснить, спрашивал Раковский, крайнюю злобность и моральный упадок, открывшиеся в большевистской партии, состоявшей из честных, преданных и мужественных революционеров? Недостаточно винить правящую группу и бюрократию. В основе лежат более глубокие причины: «Апатия масс и безразличие победоносного рабочего класса после революции». Троцкий указывал на отсталость России, на численную слабость ее рабочего класса, изоляцию и капиталистическое окружение как на факторы, ответственные за «бюрократическое вырождение» государства и партии. Для Раковского это объяснение было правильным, но недостаточным. Он доказывал, что даже в нации, состоящей почти целиком из рабочих и окруженной только социалистическими государствами, после революции массы могут впасть в апатию, отказаться от права формировать собственную жизнь и дадут возможность разнузданной бюрократии узурпировать власть. Такая опасность, заявлял Раковский, таится в любой победоносной революции, составляя «профессиональный риск» правления.

Революции и гражданские войны, как правило, имеют своим продолжением социальный распад революционного класса. Французское третье сословие распалось, восторжествовав над старым режимом. Классовые антагонизмы в нем, конфликты между буржуазией и плебсом уничтожили его единство. Однако даже социально однородные группы распались из-за «функциональной специализации» их членов, некоторые из которых стали новыми правителями, в то время как другие остались правимыми. «Функция приспособила орган к себе и изменила его». Из-за распада третьего сословия социальный базис революции сузился, власть осуществляло все меньшее число людей, назначения заменили выборы. Этот процесс далеко зашел еще до термидора. Робеспьер [49] способствовал ему, а затем пал его жертвой. Сначала недовольство народа голодом и нищетой не позволило якобинцам вверить судьбу революции народному голосованию, затем произвольное и террористическое правление якобинцев привило народу политическое безразличие, что позволило термидорианцам уничтожить Робеспьера и якобинскую партию. В России в «анатомии и физиологии

* Текст письма, написанного 2 августа 1928 г., в *Архиве Троцкого*. Валентинов был главным редактором газеты «Труд» и сослан как троцкист.

рабочего класса» произошли аналогичные изменения, приведшие к аналогичному результату: упразднение системы выборов, сосредоточение власти в немногих руках и замена представительных органов иерархией назначенцев. Большевистская партия раскололась между правителями и правимыми. Она распалась и настолько изменила свой характер, что «большевик 1917 года с трудом узнает себя в большевике 1928 года».

Глубокая и постыдная апатия все еще парализовала рабочий класс. В отличие от Троцкого Раковский не думал, что Сталина заставило ступить на дорогу «левого курса» давление рабочих. То была бюрократическая операция, проведенная всецело сверху. Рядовые члены партии не проявляли никакой инициативы и не слишком стремились защищать свои свободы. Раковский напоминал одно из высказываний Бабефа [50] в 1794 году: «Перевоспитать людей в любви к свободе труднее, чем завоевать свободу». Бабеф бросил боевой клич: «Свобода и Избранная Коммуна!» Однако его призыв игнорировался. Французы «разучились» свободе. Потребовалось 37 лет с 1793 по 1830 год, пока они снова не научились ей, не оправились от апатии и не поднялись на новую революцию. Раковский ясно не поставил возникающий в этой связи вопрос: сколько времени потребуется русским массам, чтобы восстановить свою политическую жизнеспособность и энергию? Однако его аргументация подразумевала, что политическое возрождение может произойти в России лишь в относительно отдаленном будущем после крупных перемен в обществе и после того, как рабочий класс вырастет, разовьется, вновь обретет сплоченность и оправится от многих ударов и разочарований. Он «признался», что никогда не ожидал быстрых политических триумфов оппозиции, и заключил, что оппозиция должна сосредоточить свои усилия главным образом на долгосрочном политическом просвещении рабочего класса. В этом отношении, говорил Раковский, оппозиция не сделала и не пыталась сделать многого, хотя она сделала больше, чем правящие группы, и она должна помнить, что «политическое просвещение дает плоды очень медленно».

Не высказанный им вывод сводился к тому, что оппозиция имела мало шансов, если вообще их имела, для оказания в то время влияния на ход событий, хотя она могла с уверенностью ожидать своей конечной, возможно, посмертной реабилитации. Раковский подчеркнул основную трудность оппозиции: ее положение между деморализованной, предательской и тиранической бюрократией, с одной стороны, и безнадежно апатичным и пассивным рабочим классом — с другой. «Я думаю,— говорил он,— что будет в высшей степени нереально ожидать любой внутрипартийной реформы, основанной на бюрократии». Не ожидал он в течение предстоящих многих лет и спасительного движения со стороны масс. Отсюда

следовало (хотя Раковский не сказал этого), что существовавшая бюрократия останется, возможно, на многие десятилетия единственной силой, способной к инициативе и действиям для изменения советского общества. Принципы обязывали оппозицию с прежней враждебностью относиться к бюрократии, однако она не могла эффективно обратиться против нее, опираясь на поддержку народа. Следовательно, она не могла сыграть какую-либо практическую роль в эволюции партии и государства и была заранее устранена из великого исторического процесса, в ходе которого советское общество должно трансформироваться. Она могла надеяться работать для будущего главным образом в сфере идей.

Вывод такого рода, подразумевавшийся в «Письме к Валентинову» Раковского, мог в определенных обстоятельствах удовлетворить узкий круг теоретиков и идеологов, однако он означал смертный приговор любому политическому движению. Раковский рассматривал ход революции и перспективы оппозиции трезвыми глазами, глубоко проникая в суть явлений, чего нельзя было ожидать от нескольких тысяч оппозиционеров, прочитавших «Письмо к Валентинову». Независимо от того, были ли они рабочими или интеллигентами, они оставались революционерами-практиками, страстно заинтересованными в непосредственном исходе своей борьбы и в переворотах, потрясавших и формировавших их народ. Они присоединились к оппозиции как к политическому движению, а не как к сборищу философов и идеологов, они хотели дождаться ее триумфа как политического движения. Даже самые героические и беззаветные мятежники и революционеры борются, как правило, за цели, которые считают в той или иной мере достижимыми для их поколения. Лишь немногие выдающиеся люди, мыслители могут бороться за награду, даруемую историей посмертно.

Масса оппозиционеров стремилась укрепить социалистический сектор советской экономики, способствовать индустриализации, возродить дух интернационализма и восстановить некоторую свободу в рядах партии. Они не могли заставить себя поверить, что эти цели для них недостижимы. Они уже выяснили, что не могут достичь их собственными усилиями и поэтому должны обратиться за помощью либо к массам, либо к бюрократии. Они не могли согласиться с тем взглядом, что в равной степени безнадежно обращаться к первым и ко второй. Для них существовать политически означало верить в то, что либо массы рано или поздно поднимутся против бюрократии, либо бюрократия по собственным мотивам выполнит многие реформы, за которые стояла оппозиция. Радикальные марксисты обращали взоры к массам, примиренцы — к правящей группе или части ее. Каждая из этих надежд была иллюзией, но не в одинаковой степени. В стране не было никаких

признаков стихийного массового движения в пользу целей оппозиции, однако бюрократия явно находилась в брожении. В ней имелись разногласия по поводу таких вопросов, как индустриализация и политика в отношении крестьянства. Примиренцы видели, что по этим вопросам сталинская фракция в конце концов сблизилась с оппозицией, и это заставляло их ожидать, что сталинская фракция может стать ближе к оппозиции и в других отношениях. Тот факт, что бюрократия была единственной силой, проявлявшей эффективную социальную инициативу, возбуждал надежду, что она восстановит даже свободу в партии. Альтернативы были слишком мрачными, чтобы даже рассматривать их: внутрипартийная свобода и пролетарская демократия вообще останутся пустыми мечтами на длительное время.

Взгляды Раковского произвели глубокое впечатление на Троцкого, и он расхваливал их оппозиции. Однако, по всей вероятности, он не обратил внимания на некоторые более глубокие и довольно пессимистические выводы. В Троцком абстрактный мыслитель и активный политический руководитель ныне находились в конфликте. Мыслитель соглашался с анализом, из которого следовало, что оппозиция практически обречена как политическое движение; руководитель не мог даже принять во внимание такое заключение, не говоря уже о примирении с ним. Теоретик мог признать, что Россия, как когда-то Франция, «разучилась свободе» и может не научиться ей до прихода нового поколения. Человек действия должен был изгнать эту перспективу и попытаться указать своим сторонникам практическую цель. Мыслитель мог идти впереди своего времени и работать ради вердикта потомства. Руководитель оппозиции должен был вернуться к своему времени, жить в нем и верить вместе со своими сторонниками, что они сыграют в нем великую и конструктивную роль. Как мыслитель и политический руководитель Троцкий отказывался представить страну изолированной от мира. Он оставался убежденным, что самые большие трудности для большевизма создавались изоляцией и что распространение революции на другие страны поможет народам Советского Союза вновь научиться свободе с большей легкостью, чем в других условиях.

* * *

В конце лета 1928 года удивительные вести из тайных троцкистских кружков в Москве достигли Алма-Аты. Сообщалось, и очень подробно, что Сталин собирается возобновить «левый курс», что разрыв между сталинцами и бухаринцами полный и окончательный. Больше того, в сообщениях из Москвы утверждалось, что как бухаринцы, так и сталинцы помышляют о союзе с левой оппозицией и обе фракции уже соревнуются за получение поддержки

троцкистов и зиновьевцев. Дело представлялось так, что наконец раздастся призыв к возвращению Троцкого.

В Москве троцкисты поддерживали довольно тесный контакт с Каменевым, который рассказал им о беседах с Сокольниковым во время июльского Пленума Центрального Комитета. Сокольников [51], еще член ЦК, наполовину бухаринец, наполовину зиновьевец, по всей вероятности, вынашивал надежды на образование коалиции правого и левого крыла против сталинского центра и пытался действовать посредником в этом отношении. Он рассказал Каменеву, что Сталин хвастался на заседании Центрального Комитета, что в борьбе против бухаринцев он скоро будет иметь на своей стороне троцкистов и зиновьевцев, и, больше того, что заявил: они «уже у меня в кармане». Бухарин пришел в ужас. Через Сокольникова он умолял левую оппозицию воздержаться от оказания поддержки Сталину и даже предложил совместные действия против него. Однако июльский Пленум Центрального Комитета закончился кажущимся успехом Бухарина или скорее компромиссом между ним и Сталиным. Но вскоре они вновь столкнулись, и Бухарин в присутствии Сокольникова тайно встретился с Каменевым. Он сказал Каменеву, что он, как и Сталин, вынужден обратиться к левой оппозиции и попытаться объединиться с ней. Бухаринцы и сталинцы еще боялись обращаться к прошлым противникам, но обе фракции знали, что это неизбежно «через пару месяцев». В любом случае ясно, сказал Бухарин, что исключенные из партии и сосланные оппозиционеры скоро будут возвращены в Москву и восстановлены в партии *.

О встрече с Бухариным Каменев написал подробный отчет Зиновьеву, который находился в полуссылке в Воронеже, и документ позволяет нам восстановить сцену с любопытными оттенками и атмосферой. Бухарин, встретившийся тайком с Каменевым и Сокольниковым, был совершенно другим человеком по сравнению с тем, каким он был семь месяцев назад на XV съезде, где помогал задушить оппозицию. В нем не было и следа прежнего самоуверенного, нахального Бухарина, который издевался над Каменевым за то, что тот «опирался на Троцкого», и которого Сталин поздравлял за «избиение» руководителей оппозиции «вместо того, чтобы спорить с ними». Он пришел на квартиру Каменева тайком, испуганный, бледный, дрожащий, оглядывавшийся и говоривший шепотом. Он начал с того, что попросил Каменева не рассказывать

* Сообщения от московских троцкистов. *Архив Троцкого*. Рассказ о беседе Сокольникова с Каменевым датирован 11 июля 1928 г. и о встрече Бухарина и Каменева — 11 августа. Новые сообщения о встрече между троцкистами и Каменевым — от 22 сентября. Рассказ о беседе между Каменевым и Бухариным был тайно распространен троцкистами в Москве спустя несколько месяцев, во время депортации Троцкого из России.

никому об их встрече и не упоминать о ней ни в письмах, ни по телефону, ибо за обоими следит ГПУ. Духовно сломленный, он пришел «опереться» на старого противника, который тоже был морально раздавлен. Паническое настроение делало его речь невнятной. Не произнося имени Сталина, он твердил как одержимый: «Он убьет нас», «Он новый Чингисхан», «Он задушит нас». На Каменева Бухарин произвел «впечатление обреченного человека».

Бухарин подтвердил, что кризис в руководстве был вызван конфликтом между правительством и крестьянством. В первую половину года ГПУ пришлось подавить 150 стихийных и разбросанных на обширной территории крестьянских бунтов — в такое отчаяние привели мужиков чрезвычайные меры Сталина. В июле Центральный Комитет был настолько встревожен, что Сталин должен был пойти на притворное отступление, временно отменил чрезвычайные меры, но сделал это, дабы ослабить бухаринцев и лучше подготовиться к новому наступлению. С тех пор ему удалось завоевать на свою сторону Ворошилова [52] и Калинина, симпатизировавших бухаринцам, что дало ему большинство в Политбюро. Сталин, рассказывал Бухарин, теперь готов к генеральному наступлению на частное сельское хозяйство. Он подхватил идею Преображенского и доказывал, что, лишь «эксплуатируя» крестьянство, социализм может приступить к первоначальному накоплению в России, ибо в отличие от раннего капитализма он не может развиваться путем эксплуатации колоний и с помощью иностранных займов. Из этого Сталин сделал заключение (которое Бухарин квалифицировал как «безграмотное и идиотское»), что чем дальше к социализму, тем сильнее будет сопротивление народа ему, которое сможет сломить лишь «твердое руководство». «Это означает полицейское государство», комментировал Бухарин, но «Сталин не остановится ни перед чем», «его политика ведет нас к гражданской войне, он будет вынужден потопить восстания в крови», и «он осудит нас как защитников кулака». Партия стоит на краю пропасти. Если Сталин победит, не останется и тени свободы. И снова: «Он убьет нас», «Он задушит нас», «Корень зла в том, что партия и государство полностью слились».

Такова была обстановка, в которой Бухарин решился обратиться к левой оппозиции. Старые разногласия, по его мнению, почти полностью утратили свое значение. «Наши разногласия со Сталиным,— сказал он Каменеву,— значительно, очень значительно серьезнее, чем разногласия с вами». Сейчас речь идет не об обычных политических разногласиях, а о сохранении партии, государства и самозащите всех противников Сталина. Хотя левая оппозиция выступала против кулака, Бухарин знал, что она не стремилась действовать опрометчивыми и кровавыми методами, к которым прибег Сталин. В любом случае Сталину были безразличны

идеи: «Он беспринципный интриган, подчиняющий все жажде власти... он знает только месть... и удар ножом в спину...» И поэтому противники Сталина не должны позволить, чтобы старые идейные разногласия помешали им объединиться для самообороны.

Стремясь вдохновить потенциальных партнеров, Бухарин затем перечислил организации и отдельных влиятельных лиц, которые, как он думал, готовы подняться против Сталина. Ненависть рабочих к Сталину была известна: как-то подвыпивший Томский [53] шепнул Сталину на ухо: «Скоро наши рабочие начнут стрелять в вас, так будет». В партийных ячейках коммунисты были настолько недовольны беспринципностью Сталина, что, когда начался «левый курс», они спрашивали: «Почему Рыков остается во главе Совнаркома, а Троцкий сослан в Алма-Ату?» «Психологические условия» для смещения Сталина еще не созрели, но они созревают, утверждал Бухарин. Конечно, Сталину удалось завоевать на свою сторону Ворошилова и Калинина. Орджоникидзе, который стал ненавидеть Сталина, не был мужественным, но Андреев [54] и ленинградские лидеры — не был ли Киров [55] одним из них? — Ягода [56] и Трилиссер [57], два первых заместителя руководителя ГПУ, и другие были готовы подняться против Сталина. Утверждая, что оба ведущих руководителя ГПУ на его стороне, Бухарин тем не менее не переставал говорить, пребывая в страхе перед ГПУ, и его рассказ о силах, которые он мог бросить против Сталина, не убедил собеседника.

Спустя несколько недель московские троцкисты сообщили в Алма-Ату о своей новой встрече с Каменевым. «Сталин собирается сделать предложение левой оппозиции». Каменев был настолько уверен в этом, что предупредил Зиновьева не компрометировать их позиции, с чрезмерной поспешностью откликнувшись на обращение Сталина. Он считал, что сближение последует очень быстро, и был «заодно с Троцким» во мнении, что сталинская политика антагонизировала все крестьянство, а не только кулаков, и напряжение достигло точки взрыва. Следовательно, изменение в руководстве партии неизбежно: «оно случится до конца года». Однако Каменев умоляет Троцкого сделать шаг, который облегчит его восстановление в партии. «Лев Давыдович должен сделать сейчас заявление, говоря: «Верните нас и дайте нам возможность работать вместе».— «Но Лев Давыдович упрям, он не сделает такого заявления, а останется в Алма-Ате, пока за ним не пришлют специальный поезд. Но когда они решат послать этот поезд, обстановка уже будет вне контроля, а Керенский [58] будет у дверей» *.

* Каменев был недоволен нападками Троцкого на капитулянтов, тем не менее он и Зиновьев обратились к Бухарину и Молотову [59] в интересах Троцкого, выразив протест по поводу того, что его держат в ссылке в условиях, губительных для здоровья.

Сталин, однако, не сделал прямых предложений, ожидавшихся Каменевым. Вместо этого он многозначительно намекал на возможность примирения и позаботился, чтобы эти намеки дошли до Троцкого окольным путем. Так, Сталин сказал одному иностранному коммунисту из Азии, что признает: даже в ссылке Троцкий и его сторонники в отличие от децистов остались «на почве большевистской идеологии», и его единственная забота, как вернуть их при первой возможности. В окружении Сталина, в особенности это относится к Орджоникидзе, свободно и открыто говорили о восстановлении Троцкого, а на VI конгрессе Коминтерна иностранным делегациям доверительным образом было сообщено, что следует считаться с возможностью и даже вероятностью коалиции между Сталиным и Троцким *.

Ощущение кризиса к этому времени распространилось от русской партии на Интернационал. Несмотря на видимость единства и официального энтузиазма, VI конгресс был разочарован совместным ведением Сталиным и Бухариным международных дел. Критика Троцким новой Программы в варианте, изуродованном цензурой, ходила по рукам на конгрессе, где, по словам корреспондентов Троцкого, она произвела впечатление **. Даже те иностранные коммунистические лидеры, которые считались ярыми сталинистами, в частном порядке с отвращением говорили о догмах и ритуалах, навязанных Сталиным коммунистическому движению. Сообщалось, что Тольятти [60]-Эрколи жаловался на отсутствие реализма в работе конгресса, на «скучнейший прискорбный парад лояльности» и высокомерие русских лидеров. «Буквально хочется повеситься от отчаяния,— якобы сказал он.— Трагедия заключается в том, что нельзя сказать правды о самых важных и спорных вопросах. Мы не осмеливаемся говорить». Тольятти нашел критику Троцкого «чрезвычайно интересной... весьма разумным анализом концепции построения социализма в одной стране». Французский руководитель Торез [61] охарактеризовал настроение на конгрессе как «беспокойство, недовольство и скептицизм». Он тоже одобрил многое в критике Троцким концепции строительства социализма в одной стране. «Как случилось,— спрашивал он,— что нас заставили проглотить эту теорию?» Даже если русская партия должна бороться с троцкизмом, она не должна соглашаться с догмой Сталина. Он назвал вырождение Коминтерна «почти невыносимым». Было невозможно скрыть от конгресса конфликт между Сталиным и Бухариным, и именно в этой связи

* См. письмо без даты «Подготовка конгресса» и другие письма без дат из Москвы. *Архив Троцкого*.

** Эту версию американские коммунисты вывезли из России и опубликовали в Соединенных Штатах в 1928 г.

доверенным иностранным делегатам было сообщено, что в случае окончательного разрыва с Бухариным Сталин может счесть желательным или необходимым создать коалицию с Троцким.

Подобные сообщения продолжали приходить в Алма-Ату из многих источников на протяжении августа и сентября. Сталин, несомненно, сам поддерживал веру в то, что выступает за немедленное возвращение Троцкого. Частично то был обман, военная хитрость. Намекая на готовность пойти на мировую с Троцким, Сталин стремился запугать Бухарина и Рыкова, сбить с толку троцкистов и заставить примиренцев среди них еще сильнее стремиться к примирению. Однако Сталин занимался не только блефом. Пока что он не был вполне уверен в исходе схватки с Бухариным, Рыковым и Томским и в своей способности в разгар национального кризиса одновременно справиться с обеими оппозициями — левой и правой. Он неустанно работал над тем, чтобы поставить обе оппозиции на колени, и пока он не преуспел в этом, ему приходилось держать дверь приоткрытой для соглашения с одной из них. Положение Сталина было уже настолько прочнее положения Бухарина, что ему не было нужды делать прямые предложения. Однако он продолжал запускать пробные шары, наблюдая, как Троцкий и его единомышленники отнесутся к ним.

Троцкий был хорошо подготовлен к некоторым из этих событий, хотя другие захватили его врасплох. Возрождение в столь опасной форме конфликта между городом и деревней, разрыв между Сталиным и Бухариным и тот факт, что взоры некоторых противников и капитулянтов вновь обратились к нему,— все это соответствовало ожиданиям Троцкого. Он пока склонялся к мысли, что сталинская фракция не сможет выпутаться из тяжелого положения и будет вынуждена просить левую оппозицию о помощи. Он неоднократно заявлял совершенно официально и в торжественной манере, что в такой обстановке оппозиция «выполнит свой долг» и не откажется от сотрудничества. Теперь он подтвердил это обязательство. Однако он добавил, что отвергает любые «бюрократические комбинации»: не хочет торговаться за кулисами за место в Политбюро или удовлетвориться такой долей контроля над партийной машиной, какую может предложить ему попавший в тяжелое положение Сталин. Он с единомышленниками, заявил Троцкий, вступит в партию только на условиях пролетарской демократии, сохраняя за собой полную свободу выражения мнений и критики, и при условии, что руководство партии будет избрано рядовыми членами партии тайным голосованием вместо того, чтобы подбираться на закрытых собраниях путем уловок и хитростей межфракционной борьбы *.

* См., например, письмо Троцкого «С. А.» от 20 августа 1928 г.

Положение Сталина, хотя и тяжелое, не было настолько отчаянным, чтобы согласиться с условиями Троцкого. Троцкий однако ожидал, что положение Сталина ухудшится, и тогда большинство в сталинской фракции с ее руководителем или без него будет вынуждено искать соглашения на его условиях. Как из принципиальных интересов, так и из соображений эгоизма он не хотел и думать о других условиях и полагаться после всего случившегося на доброхотные деяния «аппарата».

Между тем Троцкий оказался перед неожиданным поворотом событий. Годами он не переставал твердить об «опасности справа», предостерегая партию против защитников кулака и термидорианцев. Он был готов создать «единый фронт» со Сталиным против Бухарина. Однако теперь Бухарин умолял левую оппозицию выступить совместно против общего врага и угнетателя Сталина. Теперь Бухарин в ужасе нашептывал: «Он задушит нас», «Он убьет нас». Троцкий не мог сбросить этого со счетов как плод больного воображения перепуганного человека. Он сам постоянно говорил об избиении, которое «могильщик революции» готовил партии. Конечно, обращение Бухарина запоздало. Он помог Сталину сокрушить оппозицию и уничтожить свободу в партии. Однако среди противников Сталина он не первый вел себя так. Зиновьев и Каменев поступили аналогичным образом, и тем не менее это не помешало Троцкому объединиться с ними. Следует ли в таком случае отталкивать протянутую руку Бухарина? Если Сталин занялся плагиатом и взял одну страницу из книги Троцкого — «левый курс», то Бухарин взял другую, обратившись к левой оппозиции во имя пролетарской демократии. Троцкий попал в затруднительное положение: он не мог игнорировать обращение Бухарина, не отвергнув один из собственных принципов, и не мог ответить на него, не нарушая или не создавая видимости нарушения другого своего принципа, в силу которого был обязан поддержать «левый курс».

Пытаясь найти выход, Троцкий занял более сдержанную позицию в отношении «левого курса» Сталина и стал меньше подчеркивать его поддержку оппозицией. Не говоря уже о зондаже Бухарина, на это у него были собственные причины. Со всех концов Советского Союза троцкисты писали ему о терроре, развязанном Сталиным в стране весной и в начале лета,— об «оргиях жестокости» в отношении середняка и даже бедняка. Официальные лица пытались снять с себя ответственность за это, убеждая народ, что наступление на крестьян было спровоцировано давлением троцкистов и зиновьевцев. Все указывало на то, что при возобновлении «левого курса» Сталиным последует кровавый катаклизм. Троцкий заранее отказывался нести какую-либо ответственность за это. В августе 1928 года, примерно за год до начала «ликвидации

кулаков», он написал своим сторонникам, что, хотя оппозиция решила поддержать «левый курс», она никогда не предлагала обращаться с крестьянством в сталинской манере. Она стоит за более высокие налоги на богатых крестьян, за поддержку бедняков государством, за справедливое обращение с середняками и за поощрение добровольной коллективизации, но не за такой «левый курс», главной частью которого оказывается административная сила и жестокость. Оценивая политику Сталина, «необходимо принимать во внимание не только, что он сделал, но также, как он сделал» *. Троцкий не предлагал, чтобы оппозиция не поддерживала «левый курс», однако сильнее, чем когда бы то ни было, подчеркнул, что поддержку следует сочетать с суровой критикой. Он выступил против «примиренцев», почерпнувших надежду из последних сообщений о том, что раскол между Сталиным и Бухариным окончательный и Сталин собирается возобновить «наступление на кулака». Он с презрением отверг зондаж Каменева. Троцкий объявил, что не сделает ничего для «облегчения» своего восстановления в партии и не будет просить преследователей вернуть его в Москву. Это их дело, если они того хотят, но даже тогда он не перестанет выступать против них, как и против капитулянтов **.

Это был ответ Троцкого не только на предложения Каменева, но также на туманные и уклончивые заигрывания Сталина. Примирения между ними быть не могло. Он откликнулся гораздо более благоприятно на обращение Бухарина, сделав это в «Откровенном разговоре с благонамеренным партийцем» — циркулярном письме от 12 сентября. «Благонамеренным партийцем» был один бухаринец, обратившийся к Троцкому с просьбой сообщить о его позиции в отношении правого крыла, теперь правой оппозиции. Троцкий ответил, что по главным спорным вопросам в области экономической и социальной политики между ними лежит прежняя пропасть, но, добавил Троцкий, он готов сотрудничать с правыми в достижении одной цели, а именно — в восстановлении внутрипартийной демократии. Если Рыков и Бухарин готовы работать с левыми, чтобы совместно подготовить честно избранный и по-настоящему демократический съезд, он стоит за соглашение с ними.

Это заявление вызвало удивление и даже негодование в коло-

* См. письмо Троцкого от 30 августа «красному профессору», экономисту Палатникову, сосланному в Актюбинск. В письме Раковскому от 13 июля Троцкий писал, что Радек и Преображенский считали, что сталинская фракция, сдвинувшись влево, имеет лишь «правый хвост» позади и ее следует уговорить избавиться от «хвоста». Даже если бы это было так, заметил Троцкий, толку будет мало: «Обезьяна, освобожденная от хвоста, еще не человек». *Архив Троцкого*.

** «Письмо друзьям» от 21 октября.

ниях троцкистов. Многие ссыльные, и не только примиренцы, протестовали против него, напомнив Троцкому, как часто он сам говорил о коалициях правых и левых, направленных против центра, как о беспринципных, губительных и несших ответственность за неудачу не только одной, а нескольких революций. Разве термидор не был именно такой коалицией правых и левых якобинцев, нечестиво объединившихся против центра Робеспьера? Разве вся политика оппозиции не определялась до тех пор готовностью объединиться на соответствующих условиях со сталинцами против бухаринцев, но не наоборот? Разве сам Троцкий совсем недавно торжественно не подтвердил этот принцип, заверив Коминтерн, что левая оппозиция никогда не вступит ни в какую комбинацию с выступавшими против сталинизма справа?

Троцкий ответил, что по-прежнему считал главным противником правых Бухарина, а не центр Сталина. Он не предлагает Бухарину какой-либо коалиции по политическим вопросам. Однако он не видит причин, почему они не могут объединиться ради одной, ясно определенной цели — восстановления внутрипартийной свободы. Он готов «вести переговоры с Бухариным так же, как дуэлянты ведут переговоры через секундантов по поводу правил и условий, которым они будут подчиняться» *. Левые ничего так не желают, как продолжить спор с правыми в рамках внутрипартийной демократии, и, если этого хотят и правые, тогда ничто не будет более естественнее, чем их сотрудничество ради торжества принципов внутрипартийной демократии.

Это заявление прозвучало не очень убедительно для последователей Троцкого. Они настолько привыкли усматривать во фракции Бухарина главного противника, что не помышляли о каком-то соглашении с ним. Они так долго и упорно нападали на сталинистов как двуличных соучастников правых, что приходили в ужас при мысли, что могут сами оказаться их соучастниками. Равным образом они не могли согласиться с объяснением Троцкого о том, что он предлагает бухаринцам только техническое соглашение, нечто вроде правил дуэли. С одной стороны, то была не дуэль, а борьба с участием трех фракций, в которой любое соглашение двух из них автоматически направлено против третьей, а с другой — внутрипартийная демократия была политической проблемой, которая сама по себе оказывала влияние на все основные спорные вопросы. Союз правых и левых независимо от ограниченности его цели приведет в случае успеха к низвержению сталинской фракции, и это после того, как она начала «левый курс». «Левый курс» будет тогда немедленно остановлен, а последствия будут зави-

* См.: «На злобу дня» (без точной даты). Ответ Троцкого своим критикам. *Архив Троцкого.*

сеть от неясного исхода борьбы между правыми и левыми. Если правые выиграют, они наверняка провозгласят неонэп, которого крайне опасались троцкисты. Можно ли пойти на такой риск? Имея страну на грани экономической катастрофы и крестьянские волнения, могут ли они позволить бросить партию в испытания, в ходе которых сталинисты, быть может, падут, однако бухаринцы и троцкисты, вероятно, не смогут разрешить свои противоречия демократическим путем, не говоря уже о совместном правлении? Они смогут, таким образом, неумышленно разрушить партию и открыть дорогу антибольшевистским силам. Тогда и в самом деле возникнет классическая обстановка кануна термидора. Именно такая коалиция правых и левых, измученных террором, привела к падению Робеспьера. Не играет ли Троцкий теперь с термидорианским огнем — он, кто все эти годы предостерегал других против него?

Троцкий и оппозиция оказались в тупике. Если и оставался шанс на самосохранение, то он заключался в широкой коалиции всех большевиков, настроенных против Сталина. Однако они едва ли могли надеяться на спасение даже на путях такого союза. Они имели основания опасаться, что этот союз может положить конец большевистской партии. Размышляя над идеей коалиции, как Троцкий, так и Бухарин действовали под давлением кратковременного рефлекса самозащиты: ни один из них не мог действовать дальше, руководствуясь этим рефлексом. Обе фракции были больше заинтересованы сохранить партию, какой она была, чем сохранить себя; быть может, они не видели ясно, что находятся перед неразрешимой дилеммой. Несомненно, некоторые из руководителей все же понимали это. В рассказе Каменева о встрече с Бухариным содержатся следующие мрачные слова: «Иногда я говорю Ефиму: «Разве наше положение не безнадежно? Если наш народ сокрушен, мы сокрушены с ним. Если же народ выпутается, а Сталин своевременно изменит курс, мы все равно сокрушены». Радек в письме товарищам характеризовал выбор, стоявший перед ними, как выбор между «двумя видами политического самоубийства»: либо остаться полностью отрезанными от партии, либо вновь вступить в нее, отказавшись от собственных убеждений *.

Паническое предложение Бухарина о союзе и зондирующий ответ Троцкого поэтому и не имели никаких последствий. Бухаринцы не могли не прореагировать на предложение их вождя с тем же сопротивлением, с которым троцкисты встретили ответ своего вождя. Они усматривали главного противника в троцкистах и зиновьевцах и совсем недавно выдвигали обвинение против Сталина в том, что он стал криптотроцкистом (или, как выразился Бу-

* Письмо датировано 16 сентября. *Архив Троцкого.*

харин, воспринял идеи Преображенского). Как в таком случае они могли сами пойти на союз с троцкистами? Они знали, что последние и зиновьевцы относятся к «левому курсу» с тайной симпатией. Бухарин, вероятно, понял это из беседы с Каменевым. Если даже ссыльные троцкисты боялись удара, которому подвергнется партия в результате создания коалиции правого и левого крыла, то насколько же сильнее бухаринцы трепетали перед такой перспективой,— ведь они входили в правящую группу. Они были приведены в ужас намеками Сталина, что в случае их дурного поведения он сам объединится с Троцким. Они решили вести себя послушно и даже не попытались превратить борьбу против Сталина в открытую, как сделали троцкисты и зиновьевцы. Если бы они пошли на это, они бы обнаружили, что, лишив левую оппозицию свободы самовыражения, они лишили и себя той же свободы. Бухарин поэтому не мог продолжать свой зондаж или откликнуться на идею Троцкого об «ограниченном соглашении».

Эти события укрепили троцкистов-примиренцев. Трое из числа наиболее авторитетных лидеров оппозиции в ссылке, Смилга, Серебряков и Иван Смирнов, теперь согласились с Радеком и Преображенским. Было ясно, доказывали они, что Сталин не сказал «своего последнего слова» в июле, когда казалось, что он уступил кулаку, и «левый курс» продолжается. Троцкий намекнул, что левая оппозиция не может упорствовать в своей блестящей изоляции и должна искать союзников. Однако ее естественными союзниками были сталинисты, а не бухаринцы. Это вовсе не означало, что «примиренцы» были полны энтузиазма по поводу обращения Сталина с правой оппозицией. «Сегодня режим наносит удар по Бухарину,— писал Смилга,— таким же образом, как он нанес удар по ленинской оппозиции... [бухаринцев] душат за спиной партии и рабочего класса», но «ленинская оппозиция не имеет никаких оснований выражать политическую симпатию правым из-за этого». Ее лозунг остается прежним: «Долой правых» *. Это был лозунг Троцкого летом, но едва ли осенью. Отношения между ним и «примиренцами» стали напряженными и недружественными. Он почти не поддерживал связей с Преображенским, а переписка с Радеком была очень резкой и полной упреков. Радек протестовал против саркастических нападок Троцкого на Зиновьева, Каменева и других капитулянтов. «Смешно думать,— писал Радек,— что они капитулировали только из-за трусости. Тот факт, что группа за группой сначала выступает против капитуляции, а на сле-

* Цитата взята из записки Смилги «Платформа правого крыла ВКП(б)» (23 октибри 1928 г.), ивлившейся комментарием на статью Бухарииа «Заметки экоиомиста», опубликоваиную в «Правде» 30 сентибря. (Это было едииствеиное публичиое заявление Бухарина о его возражениях против «левого курса».) Смилга писал книгу о Бухарине и бухарииизме, но иеизвестно, закоичил ли он ее.

дующий день соглашается капитулировать и, что случается неоднократно, показывает, что мы имеем дело с столкновением принципов, а не с простым страхом перед репрессиями» *. Конечно, капитулянты совершили политическое самоубийство, однако то же самое сделали отказывавшиеся капитулировать. Оставалась единственная надежда, что дальнейшие сдвиги в партии и дальнейшая эволюция в направлении левого крыла очистят атмосферу и дадут возможность левой оппозиции с достоинством вернуться в партию.

Радек, извиняя мотивы Зиновьева и Каменева, тем временем распространил среди товарищей большую статью, написанную в целях опровержения теории перманентной революции **. Радек однако не послал статью Троцкому, который получил ее из Москвы из других рук. К ироническому ответу Радеку Троцкий приложил его прежние работы в защиту троцкизма, заявляя, что там он найдет лучший ответ на свои новейшие аргументы ***. Троцкий пока не заподозрил Радека в намерении капитулировать. Он доверял чувству юмора Радека и тем его европейским, марксистским навыкам мышления, которые не позволят пройти через «византийский» ритуал раскаяния. Все еще любя этого человека и защищая его, Троцкий относил поведение Радека на счет «настроения» и продолжал защищать его и Преображенского перед мнительными молодыми «непримиримыми» ****.

Даже теперь все оппозиционеры — «примиренцы» и «непримиримые» — считали Троцкого своим неоспоримым вождем. Их чувство к нему наилучшим образом выражено в протесте, который не кто иной как Радек, направил Центральному Комитету в октябре, когда известия об ухудшении здоровья Троцкого серьезно встревожили ссыльных. «Болезнь Троцкого исчерпала наше терпение,— писал Радек.— Мы не можем молча следить за тем, как малярия подрывает силы борца, служившего рабочему классу всю свою жизнь и являвшемуся мечом Октябрьской революции. Если фракционные интересы уничтожили в вас все воспоминания о совместной борьбе, пусть заговорят разум и простые факты. Опас-

---

* См. циркулярное письмо Радека товарищам от 16 сентября.

** Статья называется «Развитие и значение лозунга пролетарской диктатуры» (до сих пор не опубликована). *Архив Троцкого*. В ответ на нее Троцкий написал «Перманентную революцию» — самую обстоятельную историко-теоретическую защиту своей концепции.

*** См. письмо Троцкого Радеку от 20 октября. *Архив Троцкого*.

**** Даже спустя много месяцев, будучи в конце мая 1929 г. на Принцевых островах, Троцкий не поверил, получив первое известие о капитуляции Радека. Он писал: «Радек имеет за плечами четверть столетия революционной марксистской работы... сомнительно, способен ли он присоединиться к сталинцам. В любом случае он не сможет остаться с ними, ибо в конце концов он слишком марксист и слишком интернационалистически настроен». *Архив Троцкого*.

ности, против которых борется Советская республика, накопляются... Только те, кто не понимают, что необходимо для того, чтобы справиться с ними, могут остаться безразличными к медленной смерти боевого сердца товарища Л. Д. Троцкого. Но те среди вас, и я убежден, что их немало, которые с ужасом думают о следующем дне... должны сказать: хватит бесчеловечной игры со здоровьем и жизнью товарища Троцкого» *.

К лету здоровье Троцкого действительно ухудшилось. Он снова страдал от малярии, страшных головных болей и хронической болезни желудка, мучивших его до конца жизни. Сообщения о здоровье Троцкого вызвали поток писем и телеграмм от ссыльных, выражавших симпатии к нему и протестовавших в Москву. Некоторые из ссыльных требовали более энергичных действий в защиту Троцкого и планировали провести коллективную голодовку. Троцкому не без труда удалось отговорить их от отчаянного шага. Нет никакой нужды, указывал он в письмах в колонии, тревожиться о его здоровье, которое не настолько плохо, чтобы помешать работе. Целесообразно шире распространять протесты, с которыми оппозиция уже выступила. Однако будет опрометчивым прибегать к крайним мерам, которые могут только ухудшить участь участвовавших в них **.

Осенью над головой Троцкого сгустились новые тучи. В октябре он перестал получать письма от друзей и сторонников. Ему доставлялись только письма от людей, готовых дезертировать из оппозиции. Цензура работала избирательно. Его собственные письма и телеграммы не достигали адресатов. Он не мог получить ответа даже на телеграммы, в которых справлялся о здоровье Зины, которое тревожило его. Троцкий провел дни годовщины революции в одиночестве и тревоге. Он не получил ни одного из обычных приветствий. Затем зловещие симптомы умножились. Местный работник, тайно симпатизировавший оппозиции и поддерживавший связь с Троцким, был внезапно брошен в тюрьму. Оппозиционер, приехавший из Москвы и работавший шофером в Алма-Ате и тайно встречавшийся с Троцким в бане (который, по-видимому, руководил «секретной почтой» между Москвой и Алма-Атой), исчез без следа. Семья к этому времени переехала с дачи, окруженной садом и цветочными клумбами, в тоскливый город. «С конца октября,— писала Седова своему другу,— мы не получили ни одного письма из дома. Мы не получаем ответов на наши телеграммы.

* The Militant. 1 January 1929.

** Вот, например, текст телеграммы ссыльным в Енисейск от 14 октября 1928 г.: «Категорически протестую против формы протеста, к которой вы намереваетесь прибегнуть... Моя болезнь не несет непосредственной опасности. Пожалуйста, следуйте общей линии [поведения]. С дружеским приветом. Троцкий». *Архив Троцкого.*

Мы в почтовой блокаде. Дело на этом, конечно, не остановится. Мы ожидаем худшего... Здесь стоят суровые холода. Холод в комнатах мучителен. Дома здесь построены не для холодной погоды. Дрова обходятся невероятно дорого».

Наконец до Троцкого из многих источников дошли слухи, что его не оставят в Алма-Ате, а вскоре отправят в ссылку подальше и крепче изолируют. Сначала он отмел слухи. «Я не думаю, что это произойдет. Куда они могут сослать меня?» — писал он Элзину 2 октября. Он думал, что ему предстоит зима напряженной научной и литературной работы в Алма-Ате и, конечно, охоты в ближайших районах. Однако слухи упорно повторялись. Почтовая блокада и другие признаки указывали, что «нечто худшее» действительно должно было случиться.

* * *

То была странная осень. В годовщину революции на Красной площади в Москве прозвучали такие официальные призывы: «Опасность справа! Ударим по кулаку! Согнем нэпмана! Ускорим индустриализацию!» И эти лозунги эхом отозвались по всей стране, дойдя до самых глухих уголков, даже до Алма-Аты. Как долго Троцкий пытался убедить партию принять эту политику! Всего год назад, в ту же самую годовщину его сторонники вышли на улицы Москвы и Ленинграда с теми же лозунгами на своих знаменах. Их разогнали, избили и обвинили в контрреволюции. Можно было подумать, что не могло быть лучшего оправдания оппозиции, чем тот факт, что правящая группа теперь вынуждена заимствовать идеи троцкистов. Ни один проявляющий хоть малейший интерес к общественным делам не мог не заметить этого. Яростные нападки на Троцкого, «сверхиндустриализатора» и «врага мужика», все еще были свежи в памяти всех. Теперь нечестность и наглость этих нападок были разоблачены и взывали к небесам. Не превращался ли сам Сталин в сверхиндустриализатора и врага крестьянства, думали многие большевики. Однако в этот год, как и годом раньше, миллионы граждан вышли на официальную демонстрацию по предписанным маршрутам, прокричали предписанные лозунги, как будто ничего особенного не случилось, как будто они не были способны думать, говорить и действовать.

Апатия народа позволила Сталину безнаказанно похитить лозунги Троцкого. Троцкий пока утешался мыслью о том, что Сталин не сможет использовать их, ибо они скроены не по нему. Он все еще ожидал, что по мере углубления кризиса в стране сталинская фракция не сможет бороться с ним в одиночку. Кризис действительно углубился. Крестьянство находилось в состоянии мятежа, в городах царил страх перед голодом, и народ жил в невы-

носимом напряжении. Атмосфера была пронизана нервозностью, ощущением опасности и тревоги. Партийная машина решительно собирала свои силы, призывая всех быть готовыми к тяжелому, пока еще неясному чрезвычайному положению. Однако она не выражала никакого желания вернуть из ссылки оппозиционеров.

К концу года позиции Сталина были значительно сильнее, чем летом. Он меньше опасался необходимости одновременно сражаться с двумя оппозициями. Правое крыло было терроризировано, деморализовано и уже капитулировало. Левое крыло раздирали разногласия, и оно было парализовано. Сталин наблюдал за спорами между Троцким, Радеком, Преображенским, непримиримыми, децистами и заключил, что время работает на него. Он еще был занят подготовительной работой к началу генерального курса на индустриализацию и коллективизацию. Троцкисты-«примиренцы» чувствовали, что они не должны оставаться в стороне. Насколько же усилится это чувство, когда он перейдет от подготовки к действию? Правда, они еще не были настроены капитулировать, но неуклонно приближались к этой стадии, а чтобы они достигли ее, требовалось время и некоторое поощрение. Через своих агентов Сталин поощрял их всевозможными средствами: он ссылался на высшие интересы революции, апеллировал к большевистской лояльности, сочетал заигрывание с запугиванием и усилил террор против непримиримых троцкистов и децистов *. Такими способами Сталин надеялся оправдать свое хвастливое заявление, с которым он выступил преждевременно, а именно, что левая оппозиция была в «его кармане». В сущности, ему нужна была помощь слева для проведения новой политики, однако он решил получить эту помощь, не объединившись с левыми, а расколов и приручив большую часть их и использовав их против Троцкого. Он надеялся нанести Троцкому удар, который по силе превзойдет все прежние удары.

Однако, хотя Сталин был силен, он не был убежден, что достигнет искомой цели. Он стоял на пороге гигантского предприятия, к которому не приступал ни один правитель в прошлом. Сталин собирался экспроприировать росчерком пера больше 20 миллионов крестьян и согнать их вместе с семьями в колхозы. Он собирался принудить городскую Россию начать промышленное наступление, в ходе которого ужасы первоначального капиталистического накопления будут воспроизведены в колоссальных масштабах и втиснуты в очень короткий промежуток времени. Он не

---

* Осенью иаблюдение милиции за депортированными было внезапно усилено, и многие ссыльные были арестованы. В. Смирнова заключили в тюрьму за то, что он опоздал на пять минут в местное отделение ГПУ для регулярной отметки. Один из секретарей Троцкого, Бутов, умер в тюрьме после голодовки, продолжавшейся 50 дней.

знал, как народ отнесется к этому, какое отчаяние, гнев, бесчинства и мятежи может повлечь за собой переворот, куда он может сам быть загнан, и не попытаются ли противники в этом случае воспользоваться открывшимися возможностями. Если они попробуют сделать это, то, несомненно, обратятся за руководством к Троцкому. Даже из Алма-Аты идеи и личность Троцкого, окруженные ореолом героического мученичества, привлекали к себе элиту большевиков. Несмотря на смятение и разочарование среди ссыльных, троцкизм завоевывал новых последователей в низовых организациях партии. ГПУ приходилось заниматься таким большим количеством их, что к концу 1928 года от 6 до 8 тысяч левых оппозиционеров были заключены в тюрьмы и сосланы, в то время как в начале года сила троцкистов и зиновьевцев оценивалась лишь в 4—5 тысяч человек. Каменев был не одинок, думая, что в чрезвычайных обстоятельствах партии придется «послать специальный поезд» за Троцким. Было много колеблющихся среди раскаявшихся и даже среди сталинистов, некоторые из которых размышляли: если «левый курс» оправдан, то разве Троцкий не был прав всегда; им надоели клевета и грубость в отношении Троцкого. Сталин знал, что почти на каждого из 6—8 тысяч оппозиционеров, которые предпочли тюрьму и ссылку отказу от своих взглядов, приходилось по крайней мере по одному-два капитулянта, в глубине сердца соглашавшихся со своими более твердыми товарищами, и по одному или по два сомневающихся или «двурушника», как он называл их на собственном жаргоне. Все они вели себя тихо, но не поднимутся ли они против него, если события примут иной оборот?

Равным образом Сталин не мог легкомысленно отнестись к угрозе союза между Троцким и Бухариным. Хотя этот союз в то время не возник, угроза оставалась, пока Троцкий был неоспоримым лидером левой оппозиции и его можно было вернуть «специальным поездом». Сталин поэтому удвоил усилия, дабы расколоть оппозицию. Его агенты внушали всевозможные надежды и выдвигали соблазнительные предложения перед Радеком, Преображенским и их друзьями, обещая реабилитацию, напоминая об общих целях и говоря о великой, плодотворной и почетной работе, которую они еще могут выполнить для партии и социализма. Все эти усилия, однако, встречали сильнейшее противодействие в виде влияния, исходившего из Алма-Аты от Троцкого, что на время предотвратило распад оппозиции. Сталин был преисполнен решимости устранить эту преграду со своего пути.

Но как сделать это? Он еще воздерживался подсылать убийцу. Он даже не осмелился бросить своего врага в тюрьму. Последствия были бы слишком серьезными, ибо, несмотря на все случившееся, роль Троцкого в революции была очень свежа в памяти

народа. Сталин поэтому задумал выслать Троцкого из России. Он знал, что даже это вызовет шок, и поэтому тщательно готовил общественное мнение. Во-первых, он распространил слухи о новой высылке. Во-вторых, он приказал опровергнуть их и, наконец, вновь стал распространять эти слухи. Тем самым он притупил чувствительность общественного мнения. Лишь после слухов, опровержений и новых слухов, когда мысль о высылке Троцкого из СССР стала привычной и менее шокирующей, Сталин мог выполнить свое намерение.

* * *

В обстановке неуверенности относительно собственного будущего Троцкий вновь поставил великий и очень трудный вопрос: «Куда идет революция?» Советский Союз теперь был в бесцветном интервале между двумя эпохами — нэпом и «второй революцией» Сталина *. Контуры грядущих событий были неясны, в лучшем случае их можно было рассмотреть как бы через мутное стекло. Троцкий стал понимать, что некоторые идеи, развитые им в недавние годы, находятся на грани того, что их перегонят события. Он пытался пойти дальше этих идей, но они цепко держали его воображение. Троцкий попытался наметить новые перспективы. Однако навыки мышления, сформировавшиеся во время нэпа и приспособленные к его реальностям, и исторические воспоминания о французской революции по-прежнему довлели над его мировоззрением.

Троцкий понял, например, что его концепция советского термидора стала несостоятельной. Теперь было абсурдно утверждать, что Бухарин и Рыков являлись единственными защитниками частной собственности, а Сталин был их невольным помощником и что они в конечном итоге выиграют от его политики. Троцкий поэтому практически отказался от концепции советского термидора **. В «Письме друзьям», написанном в октябре 1928 года ***, одном из самых замечательных очерков алма-атинского периода, хотя и написанном в специфическом стиле оппозиции, Троцкий доказывал, что Бухарин и бухаринцы были термидорианцами, которым не

* Я впервые использовал термин «вторая революция» в книге «Сталин. Политическая биография». С. 294. Меня критиковали за это. Коллективизация и индустриализация, заявляли критики, не означают революцию. Однако если изменения в отношении собственности, являющиеся результатом экспроприации одним росчерком пера двадцати с лишком миллионов крестьян, не есть экономическая и социальная революция, тогда что же это такое?

** Тем не менее он вернулся к ней и защищал ее после высылки в Турцию, но только с тем, чтобы «ревизовать ее» еще раз через несколько лет.

*** «Письмо друзьям» от 21 октября. *Архив Троцкого.*

хватало мужества поступать по своим убеждениям. Он иронически и живо описал их поведение: «Бухарин зашел дальше, чем любой из лидеров правых [защищая интересы кулака и нэпмана], в то время как Рыков и Томский наблюдали за ним в безопасности на расстоянии. Но каждый раз, когда Бухарин ступает в холодную воду [термидора], он вздрагивает, трясется и выскакивает, а Томский и Рыков бегут прятаться в кусты». Следовательно, кулак, нэпман и консервативный бюрократ, разочарованные в руководителях большевистского правого крыла, склонны искать эффективного руководства в других местах, прежде всего в армии. Памятуя о французском прецеденте, Троцкий говорил о близости «бонапартистской опасности», имея в виду, что русская революция может перескочить фазу термидора и сразу перейти из большевистской фазы в бонапартистскую.

Угроза бонапартизма, продолжал Троцкий, может принять две различные формы: либо классического военного переворота, то есть русского варианта 18-го брюмера, либо личного правления Сталина. Он считал вероятным, что армия, прямо обратившись к пронизанному духом собственничества крестьянству и при его поддержке, может попытаться свергнуть Сталина и вообще положить конец большевистскому режиму. Для него вопрос, кто из руководителей армии возглавит движение,— даже посредственности, подобные Ворошилову и Буденному [62], могли взять на себя инициативу и преуспеть,— был второстепенным (Троцкий приводил пословицу, которую, по его словам, любил Сталин: «Из грязи в князи»). Благоприятные условия для переворота существовали: крестьянство испытывало только враждебность к партии, руководимой Сталиным, а рабочий класс был разочарован и молчал. Если установится военная диктатура, то она будет иметь, следовательно, широкую опору. Она будет контрреволюционной по своему характеру и последствиям. Она будет стремиться гарантировать безопасность, стабильность и расширение частного сектора. Она разрушит или подорвет социалистический сектор. Диктатура приведет к реставрации капитализма. Перед лицом такой опасности, заключил Троцкий, должны объединиться все большевики, стремящиеся защищать социализм. Левая оппозиция должна будет сотрудничать со Сталиным и его фракцией, ибо Сталин выступал не за собственников, а за «выходцев из пролетариата» и пока избежал открытого разрыва с рабочим классом.

С другой стороны, было возможно, что Сталин сам станет советским Бонапартом. Это создаст совсем иную обстановку для страны и оппозиции. Сталин может осуществлять свое личное правление только через партийную машину, а не через армию. Его диктатура не повлечет за собой непосредственных контрреволюционных последствий, которые пришли бы по пятам за во-

еиным переворотом. Однако она будет иметь очень узкую базу и будет в высшей степени шаткой. Сталин окажется в хроническом конфликте со всеми классами общества. Он будет пытаться подавить то один, то другой класс, используя их друг против друга. Ему придется вести постоянную борьбу, чтобы держать в повиновении партийную машину, государственную бюрократию и армию, и он будет править в непрестанном и тягостном страхе перед вызовом со стороны любой из этих сил. Он подавит всю массовую стихийную социальную и политическую активность и всю свободу самовыражения. В таких условиях едва ли возможен «единый фронт» левой оппозиции и сталинистов — будет лишь непримиримая борьба.

В таком контексте Троцкий ясно и с громадной силой предвидения проанализировал социальную основу, механику, характер и мировоззрение сталинского правления, как оно развивалось в течение последующих двадцати лет. Он заранее описал генерального секретаря, превратившегося в полновластного тоталитарного диктатора. Однако, сделав это, он сам с недоверием взирал на нарисованную им картину. Он думал, что в целом опасность чисто военной диктатуры более реальна. Ему представлялось значительно более вероятным, что Ворошилов, Буденный или любой другой генерал поведет армию против Сталина, и в этом случае троцкисты и сталинцы будут сражаться вместе «по одну сторону баррикады». Он добавил, что с точки зрения долговременных исторических перспектив не имеет особого значения, кто — Сталин или Ворошилов — «взберется на белую лошадь» и кто из них будет затоптан ее копытами. Для ближайших перспектив будет важным различие между открытым немедленным триумфом антисоциалистических сил (при военном диктаторе) и значительно более сложным, запутанным и продолжительным развитием (при Сталине). В конце концов, утверждал Троцкий, сталинская диктатура тоже будет губительна для социализма, и в конце сталинского пути он даже увидел торжествующего кулака и нэпмана. «Фильм о революции показывают наоборот, и роль Сталина в нем — роль Керенского наоборот». Правление Керенского сопровождалось переходом России от капитализма к большевизму, а победоносный сталинизм может отметить возвращение назад.

Очень легко при ретроспективном взгляде увидеть ошибочность этих умозаключений, но еще легче не заметить ядра истины, таившейся в них. Тот факт, что Троцкий мог вообразить Ворошилова или Буденного в роли Бонапарта, представляется почти абсурдным — из этой «грязи» князей не получается. Однако, как политический исследователь, Троцкий должен был учитывать возможности и реальности, а возможность военного переворота действительно существовала. Хотя эта возможность не преврати-

лась в действительность, по крайней мере в последующие тридцать лет угроза переворота непрерывно преследовала сначала Сталина, а затем его преемников: доказательство тому конфликт Сталина с Тухачевским [63] и другими генералами в 1937 году, с Жуковым [64] в 1946 году, стычка Хрущева [65] с Жуковым в 1957 году. Здесь Троцкий затронул тенденцию, заложенную в советской политике, однако переоценил ее силу. Он также переоценил силу того, что по марксистской теории является социальным импульсом, лежащим в основе этой тенденции: решимость и мощь крестьянства в защите своей собственности и его способность отстоять свои интересы через армию против посягательств города. Сам Троцкий писал в 1906 году, что «история капитализма является историей подчинения деревни городу». В этом контексте он анализировал аморфность и политическую беспомощность русского крестьянства при старом режиме. Подчинение деревни городу прежде всего характеризует и историю Советского Союза. Удары сталинского молота очень скоро с ужасающей силой обрушились на частное сельское хозяйство и сокрушили крестьянство. Это не могло предотвратить сопротивления крестьян коллективизации. Бесформенное, рассеянное и продолжительное сопротивление вызвало хроническую неэффективность и отсталость колхозного строя. Однако оно не могло найти выражения в каком-либо эффективном политическом действии в масштабах страны. В поражении привязанного к собственности мужика и заключалось объяснение провала военных кандидатов на пост советского Бонапарта.

Беспомощность и молчаливость крестьянина была неотъемлемой частью политической летаргии послереволюционного общества в целом. Они же лежали в основе чрезвычайной активности и кажущегося всемогущества правящей бюрократии. Троцкий постоянно пытался разобраться в этом аспекте обстановки и всегда бежал от него. Крупская [66] как-то бросила замечание, которое, по всей вероятности, заимствовала у Ленина: Троцкий склонен недооценивать пассивность масс *. В этом отношении Троцкий остался верен себе, таков был его характер революционера. Он был революционером, когда общество находилось в действии, использовало всю свою энергию и когда все социальные классы стремились к достижению своих целей, проявляя массовую энергию и испытывая подъем. Тогда восприятие Троцкого было более чувствительным, его понимание наиболее глубоким, а взор очень быстрым и острым. Но когда общество пребывало в оцепенении и различные классы впадали в кому, великий революционный

---

* См.: *Крупская Н.* К вопросу об уроках Октября//За ленинизм. Сб. статей. М.—Л., 1925. С. 155.

теоретик, будь то Троцкий или Маркс, утрачивает кое-что из силы своего предвидения и понимания событий. Это состояние общества менее близко ему, и интеллектуально он не может приспособиться к нему. Отсюда промахи в оценках Троцкого. Даже когда он делал крайние допущения относительно послереволюционного истощения масс, он все же воздерживался от того, чтобы до конца измерить глубины этого истощения. Мысленно забегая вперед, он по-прежнему рассматривал все социальные классы и группы — кулаков, рабочих, военачальников, различные большевистские группы как действующие, движущиеся, уверенные в себе и вдохновленные, готовые броситься друг на друга и вести титаническую битву. Его мысль увядала при виде пассивных титанов, которых бюрократия могла приручить, связав по рукам и ногам.

Из-за того, что Троцкий в конечном итоге идентифицировал процесс революции с социальным пониманием и активностью трудящихся масс, отсутствие такого понимания и активности приводило его к заключению, что при победе сталинизма «фильм о революции показывают наоборот» и роль, отведенная Сталину в нем,— роль Керенского наоборот. Здесь вновь очевиден промах, однако не следует игнорировать истину в этом суждении. Фильм шел не как ожидали предтечи и организаторы революции, а частично в другом направлении, но не назад. Роль Сталина в нем не была ролью Керенского наоборот. Фильм продолжался, и, вероятно, было слишком рано выносить конечное суждение по его поводу. Теоретически можно было представить себе, что фильм закончится для революции неудачей, такой же серьезной, какая постигла первые великие революции — французскую и английскую. Однако эта вероятность представляется чрезвычайно отдаленной. Когда Троцкий писал, что фильм идет назад, он имел в виду, что дело идет к реставрации капитализма. В действительности фильм шел в направлении планирования экономики, промышленного развития, массового образования, и все это, несмотря на бюрократические извращения и мерзость, было, как призывал сам Троцкий, существенными предпосылками социализма, обязательными условиями для конечного выполнения обещаний революции. Но предпосылки сами по себе — это еще далеко не свершение чего-то, и Советский Союз 50-х годов имел достаточно причин смотреть на достижения сталинизма или по крайней мере на некоторые его аспекты печальными, разочарованными глазами. Однако Советский Союз не увидел торжествующего кулака и нэпмана в конце сталинского пути *.

* Тем не менее Восточная Европа (Венгрия, Польша, Восточная Германия) оказалась почти на грани буржуазной реставрации в конце сталинской эры, и только Советские Вооруженные Силы (или угроза с их стороны) предотвратили реставрацию капитализма.

Разве сделанное Сталиным было бонапартизмом? Троцкий не использовал этот термин в общепринятом значении, как означающий просто «правление мечом» и личное правление. Более широкое марксистское определение бонапартизма — диктатура, осуществляемая государственной машиной или бюрократией вообще, военная автократия является лишь одной из ее форм. С точки зрения марксистов, в бонапартизме основное — это, чтобы государство или исполнительная власть приобрели *политическую* независимость от всех социальных классов и установили свое абсолютное господство над обществом. В этом смысле правление Сталина имело, конечно, много общего с бонапартизмом. Однако управление дает лишь очень общий и неопределенный ключ к пониманию феномена во всей его сложности и противоречивости. Сталин осуществлял свою власть не столько через «независимую» государственную машину, сколько через «независимую» партийную машину, через которую он и контролировал государство. Такое различие имело большие последствия для хода революции и политического климата Советского Союза. Партийная машина считала себя единственным законным охранителем и интерпретатором большевистских идей и традиций. Ее правление поэтому означало, что большевистские идеи и традиции оставались на всех последовательных прагматических и духовных переделках господствующими правящими идеями и традициями в Советском Союзе. Это оказалось возможным только потому, что идеи и традиции прочно укоренились в социальной структуре Советского Союза, прежде всего в национализированной городской экономике. Если провести любую частичную параллель этому положению дел с французской революцией, то она бы была фантастической: нам пришлось бы вообразить, как выглядела бы революционная Франция, если бы термидорианцы не низвергли Робеспьера и если бы он правил Францией от имени сокрушенной и послушной якобинской партии в течение всех лет, которые история сейчас характеризует как эры Директории, Консульства и Империи, одним словом, как бы выглядела Франция, если бы никогда не было Наполеона и если бы революция прошла свой путь до конца под знаменем якобинства *.

* Огюст Бланки [67] отзывался о Робеспьере как о «преждевременном Наполеоне», в то время как мадам де Сталь заявила о первом консуле: «Это Робеспьер на коне» (*Guérin D.* La Lutte de classes sous la Première République. Paris, 1946. Vol. 2. P. 301—304). В книге есть ряд интересных замечаний по этому поводу. Однако «Робеспьер на коне» имел иные социальные силы за собой, чем те, которые шли за лидером якобинцев. Он опирался главным образом на армию, а не на мелкую буржуазию, и его не ограничивала якобинская идеология. Мишле заметил о Робеспьере: «У него сердце было, скорее, священника, чем короля». Наполеон был только королем, но не священником. Сталин одновременно был папой и Цезарем [68].

Начало правления партийной машины фактичести было положено в конце эры Ленина. Оно таилось в господстве одной партии, которое Ленин, в сущности, рассматривал как господство большевистской старой гвардии. В последние годы ленинское правительство можно охарактеризовать в соответствии с терминологией Троцкого «бонапартистским», хотя в нем не было высшего проявления бонапартизма, а именно личного правления. Таким образом, когда в 1928 году Троцкий говорил об опасности бонапартизма, он видел эту фазу развития впереди, в то время как она закончилась в основном несколькими годами раньше. После смерти Ленина деспотизм партийной машины стал, конечно, более агрессивным и свирепым. Однако конкретная история бурных 1921—1929 годов состояла не просто и не главным образом в этом, а в трансформации правления одной партии в правление одной фракции. То была единственная форма, в которой политическая монополия большевизма могла выжить и консолидироваться. Однопартийная система является противоречием в самом определении. Различные большевистские фракции, группы и школы образовывали нечто подобное теневой многопартийной системе в рамках одной партии. Логика однопартийной системы настоятельно требовала их уничтожения. Сталин говорил голосом этой логики, объявив, что большевистская партия должна быть монолитной или она перестанет быть большевистской партией. (В определенном отношении, конечно, партия перестает быть большевистской по мере превращения в монолитную.)

Логика однопартийной системы не проявилась бы с такой силой, как случилось в жизни, не стала бы столь беспощадной и ее последствия не оказались бы столь явными или эта система была бы разрушена ростом рабочей демократии, если бы вся история Советского Союза с его вековой бедностью и отсталостью не была бы почти непрерывной цепью катастроф, чрезвычайных положений и кризисов, угрожавших самому существованию нации. Почти каждое чрезвычайное положение и любой кризис ставили все важнейшие вопросы национальной политики на острие ножа, с громадной силой сталкивали лбами большевистские фракции и группы, придавая их борьбе неописуемые ожесточение и напряженность, что и привело к замене правления одной партии правлением одной фракции. В момент, о котором мы сейчас повествуем, то есть в момент схватки сталинистов и бухаринцев, этот процесс подходил к концу. Впереди был квазибонапартистский кульминационный пункт: заместительство в начале 30-х годов правления одной фракции правлением одного человека. Этот кульминационный пункт — автократию Сталина — Троцкий ясно предвидел, хотя и ошибался в других отношениях.

Даже теперь, однако, Троцкий не расценивал возвышение

сталинизма как неизбежный результат монополии большевиков на власть. Напротив, он усматривал в нем, по существу, конец большевистского правления. Таким образом, если Сталин представлял безраздельное правление собственной фракции как следствие и конечное подтверждение правления одной партии, Троцкий считал его отрицанием указанного принципа. В действительности монополия на власть большевиков, установленная Лениным и Троцким, обрела в сталинской монополии как свое подтверждение, так и свое отрицание, и каждый из двух антагонистов делал акцент на различных аспектах проблемы. Мы проследили переход, через который правление одной партии стало правлением одной фракции и в ходе которого ленинизм уступил место сталинизму. Мы видели, что положения, крывшиеся в начальных фазах этой эволюции, стали явными и нашли крайнее и преувеличенное выражение на заключительных фазах. В этом отношении Сталин был реалистом, утверждая, что в ведении партийных дел он следовал линии, установленной Лениным. Однако подчеркнутое отрицание Троцким этого в не меньшей степени основывалось на реальном положении вещей. Правление одной фракции было, конечно, как злоупотреблением, так и последствием правления одной партии. Троцкий и вслед за ним один большевистский лидер за другим протестовали, указывая, что, когда при Ленине они установили монополию большевиков на политическую власть, то стремились объединить ее с рабочей демократией и не только не хотели навязать монолитную дисциплину самой партии, а считали само собой разумеющимся внутреннюю свободу партии и гарантии ее. Только глухие и слепые не могут заметить контраста между сталинизмом и ленинизмом. Этот контраст проявлялся в области идей, в нравственном и интеллектуальном климате большевизма с еще большей силой, чем в организационных делах и вопросах дисциплины. Здесь фильм революции действительно шел назад, по крайней мере в том смысле, что сталинизм представлял собой комбинацию марксизма со всем примитивным, архаичным, полуазиатским в России: безграмотностью и варварством мужика, с одной стороны, и абсолютистской традицией старых правящих групп, с другой. Вопреки всему этому Троцкий стоял за неразбавленный классический марксизм со всей его интеллектуальной и моральной силой, а также со всей его политической слабостью, которая проистекала из несовместимости марксизма с отсталостью России и неудач социализма на Западе. Изгнав Троцкого, Сталин изгнал классический марксизм из России.

Однако парадоксальные судьбы двух противников были таковы, что как раз в тот момент, когда Троцкого изгоняли из России, Сталин приступил варварскими методами к ликвидации русской отсталости и варварства, которые отрыгивали классический марк-

сизм, а сталинская бюрократия собиралась претворить в жизнь программу первоначального социалистического накопления Троцкого. Троцкий был истинным вдохновителем и инициатором второй революции, исполнителем которой в следующее десятилетие стал Сталин. Бесполезно заниматься предположениями, в каком направлении Троцкий двинул бы эту революцию: удалось бы ему провести индустриализацию России такими же темпами и в таких же масштабах, не обрекая массу советских людей на лишения, нищету и угнетение, которым они подверглись при Сталине, или он сумел бы убедить, а не принудить мужика перейти к коллективному ведению хозяйства. На эти вопросы нельзя дать ответ, и у историка без того более чем достаточно забот при анализе действительной обстановки, так что ему некогда размышлять о возможных событиях. В жизни политическая эволюция 20-х годов предопределила пути социальной трансформации России 30-х годов. Эта эволюция привела к автократии, монолитной дисциплине и, следовательно, к насильственной индустриализации и коллективизации. Политические инструменты, необходимые для первоначального социалистического накопления, были созданы в 20-е годы и теперь были готовы для использования. Они были созданы не сознательно и не в процессе подготовки к выполнению предстоящей задачи, а скорее в ходе непредумышленной внутрипартийной борьбы, когда большевистская монополия на власть превращалась в сталинскую монополию. Однако если автократия и монолитная дисциплина, говоря языком марксистов, составляли политическую надстройку первоначального социалистического накопления, последнее в определенной степени оправдывало их. Сторонники Сталина могли указывать, что без автократии и монолитной дисциплины зто накопление в таких больших масштабах не могло бы быть проведено. Коротко говоря, из длительной борьбы большевистских фракций появилось «твердое руководство» Сталина, хотя и сам он, может быть, добивался его как самоцели. Стоило ему овладеть зтим руководством, как он употребил его для индустриализации Советского Союза, коллективизации сельского хозяйства и изменения всего мировоззрения нации, а затем уже указал на использование «твердого руководства», дабы оправдать его.

Троцкий отвергал зти претензии Сталина, носившие самооправдательный характер. Он продолжал осуждать своего противника как бонапартиста-узурпатора. Он пришел к тому, что стал признавать «позитивные и прогрессивные» аспекты второй революции Сталина, усматривая в них частичную реализацию собственной программы. Троцкий, как мы помним, сравнил свою судьбу и судьбу оппозиции с судьбой парижских коммунаров, которые хотя и не смогли победить в качестве пролетарских революционе-

ров в 1871 году, тем не менее преградили путь к реставрации монархии. То была их победа в поражении: великая трансформация Советского Союза в 30-е годы была победой Троцкого в поражении. Однако коммунары не примирились с буржуазной Третьей республикой, которая никогда бы не победила без них. Они остались ее врагами. Равным образом Троцкий навсегда остался непримиримым к бюрократической второй революции, ради борьбы против нее он звал к самоутверждению рабочего класса в рабочем государстве и к свободе мысли при социализме. Встав на этот путь, он осудил себя на политическое одиночество, ибо многие его ближайшие единомышленники частично в результате разочарования и усталости, а частично по убеждению были захвачены или подкуплены второй революцией Сталина. Ссыльная оппозиция оказалась на грани буквально самоликвидации.

Так что же, Троцкий был в конфликте со своим временем? Вел ли он безнадежное сражение «против истории»? Ницше [69] говорит нам: «Если вам нужна биография, не ищите биографию-легенду: господин такой-то, такой-то и его время, а ищите биографию, где на титульном листе сказано: борец против своего времени... Если бы история не была большим, чем «всеобъемлющей системой страстей и ошибок», ее читали бы так, как Гете хотел, чтобы читали «Вертера»,— мораль в следующем: «Будь человеком, но не следуй мне!» К счастью, однако, история сохраняет для нас память о великих «борцах против истории», т. е. борцах против слепых сил настоящего... и возвеличивает истинный исторический характер в людях, которые совершенно не заботились о том, «как это есть», чтобы с большей радостью и с большей гордостью идти по пути «как это должно быть». Не желание привести свое поколение к могиле, а желание найти новое поколение — этот мотив всегда двигал их вперед...»

Отличные слова, хотя и проникнутые субъективным романтизмом. Троцкий действительно был «борцом против времени», но не в смысле Ницше. Как марксиста его очень беспокоило «как это есть», и он знал, что «как это должно быть» является производным от «как это есть». Однако он отказывался склониться перед «слепыми силами настоящего» и уступить «как это должно быть» в интересах «как это есть».

Он сражался против своего времени не как Дон Кихот или ницшеанский человек, а как сражаются первопроходцы — не во имя прошлого, а во имя будущего. Конечно, когда мы внимательно исследуем характер любого великого новатора, мы можем найти в нем черты Дон Кихота, однако новатор — не Дон Кихот или утопист. Очень немногие люди в истории достигли такой победоносной гармонии со своим временем, как Троцкий в 1917 году и в последующие годы. Это случилось не потому, что он оторвался от

реальной жизни своего поколения, вступив затем в конфликт со своим временем. Свойственные ему черты и характер предтечи привели его к нему. В 1905 году Троцкий был провозвестником 1917 года и Советов. Он был первым как лидер Советов в 1917 году. Он был инициатором плановой экономики и индустриализации с начала 20-х годов и оставался великим, хотя и ошибавшимся провозвестником будущего революционного пробуждения народов (об этом политическом пробуждении свидетельствует пока еще, конечно, слабое желание преодолеть сталинизм, охватившее Советский Союз в 1953—1956 годах). Он сражался «против истории» во имя самой истории и против свершившихся фактов, которые слишком часто были фактами подавления, он говорил о лучших, об освободительных свершениях, на которые в свое время будет способна история.

* * *

В начале декабря Троцкий направил протест Калинину и Менжинскому по поводу «почтовой блокады», установленной вокруг него. Он ждал ответа две недели. 16 декабря приехавший из Москвы высокопоставленный представитель ГПУ предъявил ему «ультиматум»: немедленно прекратить «контрреволюционную деятельность». В противном случае он будет «полностью изолирован от политической жизни» и «принужден изменить местожительство». В тот же день Троцкий ответил вызывающим письмом на имя руководителей партии и Коминтерна: «Требовать от меня, чтобы я отказался от политической деятельности, значит требовать, чтобы я отрекся от борьбы, которую вел в интересах международного рабочего класса, борьбы, в которой я непрерывно участвовал на протяжении 32 лет, на протяжении всей моей сознательной жизни... Только в корне прогнившая бюрократия может требовать такого отказа. Только презренные ренегаты могут дать такое обещание. Мне нечего добавить к этим словам!» *

Последовал месяц беспокойного ожидания в Алма-Ате. Посланец ГПУ не вернулся в Москву, а остался на месте в ожидании новых приказов. Эти приказы еще зависели от решения Политбюро, где еще не определилась окончательно позиция. Когда Сталин обратился в Политбюро с просьбой санкционировать приказ о высылке, Бухарин, Рыков и Томский яростно возражали. Бухарин, в раскаянии за свое поведение в отношении Троцкого и как никогда боясь «нового Чингисхана», голосил, плакал и рыдал на заседании. Однако большинство проголосовало так, как хотел Сталин, и 20 ян-

* *Архив Троцкого.*

варя 1929 года, ровно через год после высылки Троцкого из Москвы вооруженные охранники окружили и заняли его дом в Алма-Ате, а представитель ГПУ предъявил Троцкому новый ордер на депортацию, на этот раз — «выслать из пределов СССР». Когда от него потребовали расписку, он написал: «Преступное по существу и беззаконное по форме постановление ГПУ мне объявлено 20 января 1929 г.» *

Вновь последовали трагикомические сцены, похожие на происходившие во время ареста Троцкого в Москве. Его тюремщики находились в затруднении в связи с полученным приказом и с трепетом выполняли порученное им дело, ибо не знали, должны ли они его арестовать. Они задавали тревожные вопросы членам семьи Троцкого, тайком выражая заботу и дружеские чувства. Однако им отдали суровый приказ: разоружить Троцкого и вывезти его в течение 24 часов, заявив, что только в пути он получит сообщение, будет ли он депортирован.

На рассвете 22 января арестованного с семьей под сильным конвоем вывезли из Алма-Аты в направлении Фрунзе. Его везли через горную пустыню и Курдайский перевал. Ехали той же дорогой и в такую же снежную бурю, как в прошлом году, но теперешнее путешествие было значительно тяжелее. То была зима, памятная своей суровостью, вероятно, самая суровая зима за сотню лет.

«Могучий трактор, который должен был пробуксировать нас через Курдай, сам увяз по горло в сугробах вместе с семью автомобилями, которые тащил. Во время заносов на перевале замерзли семь человек и немалое число лошадей. Пришлось перегружаться на дровни. Свыше семи часов понадобилось, чтоб оставить позади около 30 километров» **.

Во Фрунзе Троцкого с семьей посадили в специальный поезд, направлявшийся в Европейскую Россию. В пути пришло известие, что его депортируют в Константинополь. Троцкий немедленно направил протест в Москву. Правительство, заявил Троцкий, не имеет права изгонять его из страны без его согласия. Константинополь — сборный пункт остатков врангелевской армии, бежавшей туда из Крыма. Осмелится ли Политбюро отдать его во власть мести белогвардейцев? Не может ли Политбюро получить для него по крайней мере визу в Германию или в другую страну? Он потребовал разрешения повидаться с членами семьи, проживавшими в Москве. Последнее требование было удовлетворено: жены Сергея и Левы были привезены из Москвы и присоединились к ссыльным в поезде. Троцкий снова отказался ехать в Константинополь.

* *Архив Троцкого.*

** *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 314.

Посланец ГПУ, ехавший вместе с ним, передал протесты Троцкого и ожидал инструкций. Между тем поезд останавливается на запасном пути около «мертвого полустанка и замирает там меж двух полос мелколесья. Так проходит день за днем. Число консервных жестянок вокруг поезда растет. Вороны и сороки собираются все большими стаями на поживу. Дико, глухо. Зайцев здесь нет: осенью их скосила грозная эпидемия. Зато лисица проложила свой вкрадчивый след к самому поезду. Паровоз с вагоном ежедневно уходит на крупную станцию за обедом и газетами. В вагоне у нас грипп. Мы перечитываем Анатоля Франса и курс русской истории Ключевского... Мороз достигает 38° по Реомюру, наш паровоз прогуливается по рельсам, чтоб не застыть... Мы сами не знаем, где мы» *.

Так прошли двенадцать дней и ночей, в течение которых никому не разрешали выйти из поезда. Газеты приносили эхо внешнего мира, были полны яростных и угрожающих статей против троцкизма, сообщений о раскрытии нового «троцкистского центра» и арестах сотен оппозиционеров **.

Через 12 дней путешествие возобновилось. Поезд полным ходом пошел на юг, через знакомую украинскую степь. Поскольку правительство Германии, как утверждала Москва, отказалось дать Троцкому въездную визу, его должны были доставить в Константинополь. Сергей, желавший продолжить обучение, и жена Левы вернулись в Москву, надеясь, что семья воссоединится за рубежом. Родители, полные дурных предчувствий, обняли их на прощание, и не зная собственного будущего, не осмелились просить их разделить с ними ссылку. Больше они никогда не увиделись.

Из поезда во мраке ночи Троцкий в последний раз смотрел на Россию. Поезд прошел мимо улиц и гавани Одессы, города его детства, его первых честолюбивых чаяний и мечтаний, которые охватывали весь мир. В памяти Троцкого навсегда запечатлелся старый царский губернатор Одессы, имевший «абсолютную власть с необузданным характером». «Стоя в экипаже во весь рост», губернатор «сыпал проклятиями грубым голосом, звучащим на всю улицу». Вновь грубый голос и новый кулак, а быть может, тот же самый? Это видение теперь преследовало 50-летнего человека на улицах его детства. Когда-то вид сатрапа заставил однажды его съежиться, «поправить школьный ранец и поторопиться до-

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 315.

** Среди арестованных были редактор «Красной Нови» Воронский, Буду Мдивани и несколько грузинских большевиков, выступавших против Сталина с 1921 г., и 140 московских оппозиционеров, распространявших «Письмо друаьям» Троцкого, которое цитировалось выше.

мой». Теперь тюремный поезд торопливо прошел к гавани, где Троцкому предстояло ступить на борт судна, которое увезет его в неизвестность, и ему оставалось только размышлять о своей судьбе. Пристань в порту окружена войсками, которыми всего за четыре года до этого он командовал. И как будто для того, чтобы поиздеваться над ним, пустой пароход, ожидавший Троцкого, носил название «Ильич»!

Судно вышло из порта глубокой ночью под завывание ветра. В тот год замерзло даже Черное море, и на протяжении ста километров путь судну прокладывал ледокол. Когда «Ильич» поднял якорь и Троцкий обернулся к уходящему берегу, он, должно быть, подумал, что вся страна, которую он оставлял, замерзла, превратившись в ледяную пустыню,— будто сама революция оцепенела.

На земле не было силы, не было человеческого ледокола, способного пробить путь назад.

НА ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВАХ

Обстоятельства изгнания Троцкого из России предрешали его грядущие годы. Он был изгнан странным и грубым образом. Сталин неделю задерживал высылку, в то время как Троцкий бомбардировал Политбюро протестами, объявляя решение беззаконным. Казалось, будто Сталин окончательно не решился или еще консультировался с Политбюро [1]. Затем внезапно игре в кошки-мышки пришел конец: в ночь на 10 февраля 1929 года Троцкий с женой и старшим сыном были привезены в одесский порт, посажены на пароход «Ильич», который немедленно отплыл. Конвой Троцкого и власти порта получили строжайший приказ, который надлежало выполнить немедленно, невзирая на позднее время, шторм и замерзшее море. Сталин теперь не хотел терпеть ни малейшей оттяжки. «Ильич» и ледокол, раньше вышедший в море, были специально выделены для выполнения этой задачи. Не считая Троцкого, его семьи и двух офицеров ГПУ, на пароходе не было ни пассажиров, ни грузов. Сталин наконец поставил Политбюро перед свершившимся фактом. Таким образом, он положил конец всем колебаниям и предотвратил повторение сцен, которые случились, когда он в первый раз просил Политбюро санкционировать изгнание. Тогда Бухарин протестовал, вздымал к нему руки и плакал на заседании и вместе с Рыковым и Томским проголосовал против высылки Троцкого *.

Изгнание было окружено величайшей тайной. О решении не объявлялось до его выполнения. Сталин еще боялся волнений. Войска, собранные в гавани, должны были предотвратить любую демонстрацию протеста или любое массовое прощание подобно организованному оппозицией годом раньше накануне изгнания

---

* Рыков в то время еще был председателем Совета Народных Комиссаров, т. е. советским премьер-министром после Ленина.

Троцкого из Москвы. На этот раз не должно было быть ни одного свидетеля и никаких рассказов очевидцев. Троцкий не должен был ехать с толпой пассажиров, на глазах которых мог бы прибегнуть к пассивному сопротивлению. Даже экипажу было приказано находиться на служебных постах или в служебных помещениях и никоим образом не вступать в контакт с пассажирами. Путешествие проходило в обстановке нервозной тайны. Сталин еще не хотел взвалить на себя всю ответственность. Он хотел выждать и посмотреть, не будут ли потрясены коммунисты за рубежом, не зная, не заставят ли его будущие события вернуть противника. Он позаботился обставить депортацию так двусмысленно, что она могла быть в случае необходимости должным образом объяснена или ее можно было полностью отрицать,— в течение нескольких дней после этого события коммунистическая пресса за рубежом высказывала предположения, что Троцкий прибыл в Турцию с официальной или полуофициальной миссией или что он приехал туда по собственному желанию с многочисленной свитой *.

Так Троцкий внезапно оказался на борту мрачного, почти пустого судна, идущего через шторм к пустому горизонту. Даже после годичной ссылки в Алма-Ате эта пустота вокруг, выглядевшая угрожающей из-за двух фигур офицеров ГПУ, вызывала замешательство. Что она значила? Что в ней таилось? Рядом с ним были только Наташа и Лева, и в их глазах он мог прочесть тот же вопрос. Чтобы укрыться от штормового ветра, да и от пустоты, они опустились в каюты и оставались там на протяжении всего пути. Пустота, казалось, вползла вслед за ними. Что она означала? Каков будет конец путешествия?

Троцкий был готов к худшему. Он не думал, что Сталин удовлетворится, высадив его на другом берегу Черного моря, и позволит уйти. Он подозревал, что Сталин и президент Турции диктатор Кемаль-паша [2] составили заговор против него, что полиция Кемаля арестует его на пароходе и либо интернирует, либо тайно передаст во власть скопившимся в Константинополе белым эмигрантам, которые ему отомстят. Предательское поведение ГПУ по отношению к нему подтверждало это опасение: он неоднократно просил ГПУ освободить из тюрьмы двух преданных секретарей и охранников — Сермукса и Познанского и позволить им сопровождать его на пароходе. ГПУ неоднократно обещало сделать это, но не выполнило своего обещания. ГПУ, по-видимому, решило высадить его без единого друга, который мог служить охранником. Наконец на одной из станций, записывает Н. Седова, уполномоченный ГПУ Буланов «торжественно принес ответ, полученный по прямо-

* Humanite. Février 1929.

му проводу: ГПУ, то есть Политбюро согласно. Л. Д. сказал ему смеясь: «Все равно обманете... обманет Сталин» *.

В смятении и отчаянии он вспоминал вместе с женой и сыном их последнее путешествие морем в марте 1917 года, когда, освобожденные из английского лагеря для интернированных в Канаде, они отправились в Россию на борту норвежского парохода. «Наша семья тогда была такой же,— пишет Троцкий в своей автобиографии [хотя младшего сына Сергея, который был с ними в 1917 году, теперь не было на борту «Ильича»].— Но мы были на 12 лет моложе». Большее значение, чем разница в возрасте, имел контраст в обстоятельствах, по поводу которых он ничего не говорил. В 1917 году революция звала его назад в Россию для великих битв, теперь его изгоняло из России правительство, правившее от имени революции. В 1917 году каждый день в том месяце, проведенном в английском лагере [3], он выступал перед толпами немецких моряков, за колючей проволокой рассказывал им о борьбе Карла Либкнехта [4] в рейхстаге, в тюрьме и в траншеях против кайзера и империалистической войны, возбуждая в них энтузиазм в пользу социализма. Когда он был освобожден, моряки пронесли его на плечах до ворот лагеря, приветствуя его, и с пением Интернационала. Теперь вокруг были пустота и завывавший шторм. Прошло десять лет после поражения «Спартака» [5] и убийства Либкнехта, и Троцкий уже не раз размышлял, не суждено ли ему «кончить, как Либкнехт». Малозначительный инцидент придал характер гротеска этому контрасту. Когда «Ильич» входил в Босфор, один из офицеров ГПУ вручил ему 1500 долларов — дар Советского правительства бывшему наркому обороны, чтобы «дать ему возможность поселиться за границей». Троцкий как бы увидел издевательскую усмешку Сталина, но, не имея ни копейки, проглотил оскорбление и взял деньги. Это было последнее жалованье государства, выплаченное одному из его отцов-основателей.

Троцкий не был бы самим собой, если бы стал тратить время на размышления по поводу этих печальных событий. Каково бы ни было будущее, он был преисполнен решимости встретить его стоя и сражаясь. Он не позволит себе раствориться в пустоте. За пустотой были неизведанные горизонты борьбы и надежд. Прошлое, прожитое до тех пор, и будущее, в котором будут жить прошлое и нынешнее. Он не испытывал ничего общего с теми историческими личностями, о которых Гегель говорил: стоит им выполнить свою «историческую миссию», как они оказываются истощенными и

* Письма Троцкого Центральному Комитету, Исполкому Коминтерна и «гражданину Фокину, уполномоченному ГПУ», датированные 7—12 февраля 1929 г. *Архив Троцкого; Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 318.

«падают подобно пустой шелухе». Он будет сражаться, чтобы вырваться из вакуума, куда заключили его Сталин и события. Но пока Троцкий мог лишь зафиксировать свой последний протест против высылки. Еще до завершения пути он вручил конвою послание Центральному Комитету партии и ВЦИК СССР. В послании он осудил «заговор» Сталина и ГПУ с Кемаль-пашой и «национал-фашистской» полицией Кемаля, предупредив своих преследователей, что настанет день, когда им придется отвечать за «предательское и позорное дело». Затем, когда «Ильич» бросил якорь и на борт поднялись турецкие таможенники, он вручил им формальный протест на имя Кемаля. Злость и ирония прорывались через сдержанный официальный тон документа: «У ворот Константинополя я имею честь известить вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию.

Соблаговолите, господин президент, принять соответственные мои чувства» *.

Троцкий едва ли ожидал, чтобы Кемаль реагировал на этот протест, и понимал, что преследователей в Москве вовсе не остановит мысль, что им когда-то придется отвечать за свои поступки. Однако, если даже в тот момент представлялось бесполезным ради справедливости взывать к истории, он все же пошел на это. Троцкий был убежден, что говорил не только от своего имени, но и от имени своих молчавших, сидевших по тюрьмам или сосланных друзей и сторонников и что от произвола, жертвой которого он стал, страдала вся большевистская партия и сама революция. Троцкий знал, что независимо от его личной судьбы его спор со Сталиным будет продолжаться и пройдет резонансом через все столетие. Если Сталин стремился задавить всех, кто мог протестовать и быть свидетелем, тогда сосланный Троцкий выходил вперед, протестуя, и заявлял, что он свидетель.

* * *

После высадки разыгрался почти фарс. С пристани Троцкого с семьей привезли прямо в советское консульство в Константинополе. Хотя Троцкого заклеймили как политического преступника и контрреволюционера, его встретили с почестями, долженствующими руководителю Октября и создателю Красной Армии. Для Троцкого приготовили крыло здания консульства. Официальные лица, некоторые из которых служили под его началом в годы гражданской войны, по всей вероятности, стремились, чтобы он чувствовал себя как дома. Сотрудники ГПУ вели себя так, будто

* *Архив Троцкого; Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 317.

они почитали за честь охранять его жизнь. Они удовлетворяли все желания Троцкого, выполняли его поручения. Они сопровождали Наталью и Леву во время поездок по городу, пока он оставался в консульстве. Они позаботились разгрузить и привезти громадный архив Троцкого из Алма-Аты, даже не сделав попытки проверить его содержание — документы и материалы, которые отныне он стал использовать как политические боеприпасы против Сталина. Москва, по всей вероятности, еще пыталась замаскировать высылку и смягчить ее последствия в глазах коммунистов. Не случайно Бухарин как-то говорил о гениальной способности Сталина действовать постепенно и последовательно — особый дар Сталина достигать своих целей медленным движением, сантиметр за сантиметром, проявлялся даже в деталях вроде только что названных.

Это проявилось также в том, как Сталин заручился содействием Кемаль-паши. Вскоре после прибытия Троцкого турецкое правительство информировало его, что не знало о его высылке. Советское правительство просто обратилось с просьбой дать Троцкому въездную визу «по соображениям здоровья», и, ценя дружеские отношения с северным соседом, турки не могли вдаваться в мотивы просьбы и предоставили визу. Тем не менее Кемаль-паша, испытывая неловкость, ибо его превратили в соучастника Сталина, поторопился заверить Троцкого, что «его никогда не интернируют или не сделают объектом любого насилия на турецкой территории». Он может оставить страну, когда захочет, или оставаться столько, сколько захочет, и тогда турецкое правительство выполнит долг гостеприимства и обеспечит его безопасность *. Несмотря на такое уважение и симпатию, Троцкий оставался убежденным, что Кемаль сговорился со Сталиным. В любом случае было неизвестно, как поведет себя Кемаль, если Сталин предъявит ему новые требования. Рискнет ли он поссориться с могучим «северным соседом» ради политического ссыльного?

Двусмысленная обстановка, созданная пребыванием Троцкого в советском консульстве, не могла долго продолжаться. Сталин ожидал только предлога, чтобы положить ей конец. Обстановка была невыносимой и для Троцкого. «Под защитой» ГПУ Троцкий оставался, по существу, пленником, не зная, чего бояться больше: белоэмигрантов за стенами консульства или охранников внутри. Он был лишен единственного преимущества, которое дает политическому борцу ссылка: свободы передвижения и выражения мнений. Он стремился рассказать о своем деле, раскрыть события, которые привели его к высылке, установить контакты со сторон-

---

* Цитируется по письму Троцкому, написанному по приказу Кемаля губернатором Константинополя 18 февраля 1929 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

никами в различных странах и спланировать дальнейшие действия. Но, находясь в консульстве, он не мог ничего сделать в этом направлении. К тому же Троцкий и его жена были больны, и ему нужно было зарабатывать на жизнь, а это он мог сделать только литературным трудом. Ему нужно было где-то поселиться, чтобы войти в контакт с издателями и газетами и начать работать. В день приезда Троцкий послал письма друзьям и доброжелателям в Западной Европе, особенно во Франции. Они не замедлили с ответом. «Едва ли нам нужно говорить вам, что вы можете всецело рассчитывать на нас. Обнимаем вас. Верные и любящие вас»,— так писали ему Альфред и Маргарита Росмеры [6] через три дня после прибытия Троцкого в Константинополь *. Росмеры были друзьями Троцких со времен первой мировой войны, когда они принимали участие в циммервальдском движении. В начале 20-х годов Альфред Росмер представлял Французскую коммунистическую партию в Исполкоме Коминтерна в Москве и был исключен из нее за солидарность с Троцким. Фраза «верные и любящие вас» была не пустым звуком у Росмеров. Они оставались единственными близкими друзьями Троцкого в годы ссылки, несмотря на позднейшие разногласия и споры. Бывший редактор теоретического органа Французской коммунистической партии Борис Суварин, который был единственным среди всех иностранных коммунистических представителей в Москве в мае 1924 года, кто высказался в защиту Троцкого, также написал ему, предлагая помощь и сотрудничество **. Другими доброжелателями были Морис и Магдалина Пазы, юрист и журналистка, оба исключенные из коммунистической партии и в последующие годы хорошо известные как социалистические парламентарии. Обращаясь к нему: «Наш великий друг», они писали о том, что озабочены его непрочным положением в Турции, пытаются добиться для него въездных виз в другие страны и обещали вскоре приехать в Константинополь ***.

Через Росмеров и Пазов Троцкий установил контакты с западными газетами и, еще находясь в консульстве, написал серию статей, опубликованных в «Нью-Йорк таймс», «Дейли экспресс» и других газетах во второй половине февраля. Эта серия была первым публичным рассказом Троцкого о внутрипартийной борьбе последних лет и месяцев. Рассказ был коротким, энергичным и наступательным по духу. Троцкий не щадил своих врагов и противников, старых или новых, и прежде всего Сталина, которого теперь осудил перед лицом всего мира, как раньше осудил его на Полит-

* Переписка между Росмерами и Троцким. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Суварин — Троцкому. 15 февраля 1929 г. *Там же.*

*** Морис Паз — Троцкому. 18 февраля 1929 г. *Там же.*

бюро, назвав «могильщиком революции» *. Еще до опубликования этих статей у Троцкого возникли трудности с хозяевами, начавшими побуждать его выехать из служебного помещения консульства на территорию, где жили сотрудники консульства и где он будет находиться «под защитой» ГПУ. Троцкий отказался выехать, и вопрос повис в воздухе до появления статей, что привело к конфликту. Сталин теперь имел необходимый предлог для открытого объявления о высылке. Советские газеты писали о Троцком, что он «продался международной буржуазии и замышляет заговор против Советского Союза». Советские карикатуристы изображали мистера Троцкого, обнимающего мешок с 25 000 долларов. ГПУ заявило, что больше не несет ответственность за его безопасность и собирается вышвырнуть его из консульства **.

Несколько дней Наталья и Лева, даже теперь заботливо сопровождавшиеся сотрудниками ГПУ, лихорадочно искали в пригородах Константинополя более или менее безопасное и уединенное жилище. Наконец, они нашли дом — не в городе и не около него, а на Принцевых островах в Мраморном море, в полутора часах плавания на пароходе от Константинополя. Поспешный выбор дома именно здесь носил несколько забавный оттенок, ибо Принцевы острова в свое время были местом ссылки соперников королевской крови византийских императоров. Троцкий приехал туда 7 или 8 марта. Когда он ступил на берег в Бюйюк Ада, главной деревне на Принцевых островах, то предполагал, что останется здесь очень недолго. Но Принцевы острова стали его домом более чем на четыре длинных и полных событий года.

* * *

Троцкий часто называл этот период своей жизни третьей эмиграцией. Такое не очень точное определение характерно для настроения, с которым он приехал на Принцевы острова. Действительно, в третий раз его депортировало русское правительство и ему приходилось жить за границей. Однако в 1902 году и в 1907 году его ссылали в Сибирь и в приполярный район, откуда бежал и укрывался на Западе. Где бы он ни появлялся в те дни, он принадлежал к большой, активной и динамичной общине, представлявшей революционную Россию в изгнании. На этот раз он стал эмигрантом не по собственной воле, а за границей не было общины русских ссыльных, чтобы встретить его как одного из

---

* Авторский текст датирован 25 февраля 1929 г. *Архив Троцкого; Trotsky L.* Écrits. 1928—1940. Paris, 1955—1959. Vol. 1. P. 19—52.

** Переписка Троцкого с представителем ГПУ в Константинополе, письма 5 и 8 марта. *Архив Троцкого.*

своих, предложить ему средства и возможности для дальнейшей политической деятельности. Существовали многочисленные новые колонии политических эмигрантов. Однако они составляли контрреволюционную Россию в изгнании. Троцкого отделяла от них кровь гражданской войны. Из тех, кто в той войне сражался на его стороне, не было никого, кто мог бы присоединиться к нему.

Третья эмиграция Троцкого поэтому резко отличалась от предшествующих двух эмиграций. Ей трудно было подыскать прецедент, ибо в долгой и обширной истории политической эмиграции едва ли был случай, когда человека обрекали на одиночество (за исключением Наполеона, который однако был военнопленным). Бессознательно Троцкий стремился облегчить для себя и семьи суровость теперешнего остракизма, сравнивая его с предвоенным пребыванием за рубежом. Память об этом утешала его. Первый период эмиграции Троцкого продлился менее трех лет. Он был прерван чудодейственным 1905 годом, второй период затянулся значительно дольше — на 10 лет, но за ним последовал высший триумф — 1917 год. Всякий раз история щедро вознаграждала революционера за тревожное ожидание за рубежом. И разве грешно ожидать, что история повторится? Он знал, что на этот раз перспективы могут оказаться менее обещающими и что, быть может, он никогда больше не вернется в Россию. Однако сильнее, чем это, Троцкий ощущал необходимость ясной и вдохновляющей перспективы, оптимизм борца, который даже в поражениях или безнадежной борьбе все еще ждет победы.

Оптимизм такого рода никогда не покидал Троцкого. Но если в позднейшие годы он оставался уверенным в конечном триумфе своего дела, а не в возможности дожить до этого, то в первые годы ссылки у него были более личностные нотки в оптимизме. Он действительно надеялся на быстрое оправдание и возвращение в Россию. Он не считал политическую обстановку там стабильной и в обстановке всесокрушающей коллективизации и индустриализации ожидал, что сдвиги в народе произведут великие сдвиги также и в правящей партии. Он не верил, что сталинизм может консолидироваться. Разве сталинизм — это нечто большее, нежели набор несовместимых идей, пустозвонство бюрократии, не осмеливающейся разрешить проблемы, перед которыми она оказалась? Он был убежден, что «интерлюдия» возвышения Сталина неизбежно придет к концу либо в результате возрождения революционного духа и возрождения большевизма, либо в результате контрреволюции и реставрации капитализма. Столь мрачная альтернатива довлела над мыслями Троцкого, хотя временами он считался и с другими возможностями. Он усматривал в себе и своих единомышленниках единственную серьезную оппозицию Сталину, стоящую на почве Октябрьской революции,

предлагающую программу социалистических действий и составляющую альтернативное большевистское правительство. Он не думал, что Сталин сможет уничтожить оппозицию или заставит ее надолго замолчать. В этом отношении его надежды питал дореволюционный опыт. Царизм не смог задушить оппозицию, хотя бросал в тюрьмы, ссылал и казнил революционеров. Тогда почему Сталин, который еще не казнил своих противников, может преуспеть там, где потерпели неудачу цари? Конечно, оппозиция имела как успехи, так и провалы. Однако, поскольку она тесно связана с социальной действительностью и выступает рупором классовых интересов пролетариата, она не может быть уничтожена. Как признанный лидер оппозиции, он был обязан направлять ее деятельность из-за рубежа, как Ленин и он сам в свое время руководили в изгнании своими сторонниками в России. Только он один мог теперь говорить от имени оппозиции с относительной свободой и так, чтобы ее голос был услышан.

Но и в другом отношении положение Троцкого было иным, чем до революции. Тогда он был неизвестен миру или известен как русский революционер только посвященным. Теперь ситуация была совершенно иной. На этот раз он появился не из темноты, не из мрака подпольного движения. Мир видел его в качестве руководителя Октябрьского восстания, создателя Красной Армии, архитектора ее побед и вдохновителя Коминтерна. Он поднялся на высоты, с которых не дано спуститься. Он сыграл свою роль на мировой сцене в прожекторах истории и не мог уйти. Прошлое Троцкого довлело над его настоящим. Он не мог вернуться в безопасную сумеречность дореволюционной эмигрантской жизни. Дела Троцкого потрясли мир, и ни он, ни мир не могли забыть о них.

Равным образом Троцкий не мог ограничиться русскими делами. Он помнил о своем «долге Коминтерну». Значительная часть борьбы недавних лет касалась стратегии и тактики коммунизма в Германии, в Китае и Англии и методов, при помощи которых Москва ради своей цели кастрировала Интернационал. Невероятно, чтобы он не продолжил эту борьбу. На первый взгляд изгнание облегчало ему такую задачу. Если как сторонник интернационализма и критик «национальной узколобости» сталинистов и бухаринцев Троцкий стал непопулярным в России, то у него были основания надеяться получить горячий отклик от коммунистов вне России, ибо прежде всего они были заинтересованы в том, чтобы он продолжил свою работу, выступая за приоритет международного мировоззрения перед концепцией социализма в одной стране. Из Москвы и Алма-Аты Троцкий не мог обращаться к иностранным коммунистам, и Сталин позаботился, чтобы они либо не знали, либо получали искаженное представление о его точке

зрения. Теперь наконец принудительное пребывание за границей даст ему возможность рассказать о своей позиции.

Троцкий по-прежнему рассматривал «передовые промышленные страны Запада», особенно Западной Европы, как главное поле битвы международной классовой борьбы. В этом отношении он оставался верен себе и традициям классического марксизма, которые представлял в их чистоте. В самом деле, ни одно направление в рабочем движении, даже сталинистское, еще не осмеливалось открыто отказаться от этих традиций. Как для III, так и для II Интернационала Западная Европа все еще оставалась основной сферой деятельности. Германская и Французская коммунистические партии имели массу сторонников, в то время как Советский Союз оставался слабым в промышленном отношении, а до победы китайской революции должно было еще пройти 20 лет. Как буржуазная Европа даже в период своего упадка являлась центром мировой политики, так и западноевропейский рабочий класс еще представлялся самой важной силой пролетарской революции вслед за Советским Союзом согласно сталинской концепции, но играл потенциально куда более важную роль в концепции Троцкого.

Троцкий, конечно, не верил в стабильность буржуазного порядка в Европе. Когда он приехал на Принцевы острова, «процветание» Запада конца 20-х годов уже близилось к концу. Однако консерваторы, либералы и социал-демократы пока нежились под солнцем демократии, пацифизма и классового сотрудничества, что будто бы обеспечивало бесконечное процветание. Представлялось, что парламентарные правительства твердо укрепились, а фашизм, царивший в Италии, казался лишь исключением в европейской политике. Однако уже в первые дни пребывания в Константинополе Троцкий заявил о приближении конца этого призрачного мира, говоря об упадке буржуазной демократии и неуклонном росте фашизма: «эти послевоенные тенденции в политическом развитии Европы не являются эпизодическими. Они — кровавый пролог к новой эпохе... [Первая мировая] война ввела нас в эру высокого напряжения и великой борьбы. Громадные новые войны отбрасывают вперед свою тень... Нашу эпоху нельзя мерить стандартами XIX столетия, классического века расширявшейся [буржуазной] демократии. XX столетие во многих отношениях еще в большей степени будет отличаться от XIX, чем наше время отличается от средних веков» *. У него было ощущение, что он вернулся в Европу накануне решительного поворота истории, когда лишь социалистическая революция сможет дать западным народам эффективную альтернативу фашизму. Революция на Западе, верил Троцкий, также

* *Trotsky L.* Ecrits. Vol. 1. P. 47.

высвободит и Советский Союз из изоляции, создаст могучий противовес громадному грузу отсталости, давившему русскую революцию. Эта надежда не представлялась необоснованной. Западное рабочее движение сохранило свои массовые организации, и хотя его боевой дух был подавлен, оно не лишилось его и было пригодно к борьбе. Коммунистические партии, несмотря на их промахи и пороки, еще имели в своих рядах авангард рабочего класса. Троцкий заключил, что необходимо открыть глаза авангарду на опасности и возможности, пробудить его к ответственности, потрясти его совесть и поднять на революционные действия.

Этот взгляд на настоящее, как и на собственное прошлое, и сформировал особую роль Троцкого в изгнании. Он выступил наследником классического марксизма и ленинизма, которые Сталин низвел до набора догм и бюрократической мифологии. Троцкий поставил себе задачу восстановить марксизм, вдохновить массы коммунистов его критическим духом в качестве коренного предварительного условия для эффективных революционных действий. Ни один марксист, за исключением Ленина, никогда не говорил с моральным авторитетом, сравнимым с авторитетом Троцкого [7]. Этот авторитет он приобрел как теоретик и победоносный полководец революции. Никому не приходилось действовать в более трудных условиях, чем Троцкому, окруженному со всех сторон непримиримой враждой и находящемуся в конфликте с государством, родившимся из революции.

Троцкий обладал в изобилии и даже в сверхизобилии мужеством и энергией, необходимыми для выполнения этой роли и для борьбы с такими трудностями. Все жестокие неудачи, которые он потерпел, не только не подавили его инстинкты борца, но, напротив, развили их до предела. Страсть его интеллекта и сердца, всегда громадная, теперь превратилась в трагическую энергию, столь же могучую и возвышенную, какая вдохновляла пророков и реформаторов в представлении Микеланджело. Эта моральная энергия защитила его от ощущения личной трагедии. Пока не было и намека, что он жалеет себя. Когда в первый год изгнания Троцкий заключил свою автобиографию словами: «Я не знал л и ч н о й трагедии», он говорил правду. Он усматривал в собственной судьбе лишь инцидент в громадных приливах и отливах революции и реакции, и его не очень тревожило, сражается ли он, находясь на вершине власти, или изгнанником. Разница не подорвала его веры в свое дело и в себя. Когда некий критик многозначительно заметил, что, несмотря на падение, бывший нарком по военным делам сохранил полную ясность и силу мышления, Троцкий только посмеялся над филистером, «усматривавшим связь между силой сужденья и правительственным постом» *. Он чувствовал полноту

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 336.

жизни лишь тогда, когда мог напрячь все свои силы, используя их ради служения своей идее. Это он и собирался сделать, невзирая ни на что. Его уверенность поддерживало то обстоятельство, что он лучше помнил о триумфах революции и гражданской войны, чем о поражениях, последовавших за ними. Он знал, что эти триумфы бессмертны. Столь высоко вознесла его жизнь, что это затмило падение и никакая сила на земле не могла заставить его покинуть эту вершину. Тем не менее трагедия — непреклонная и неумолимая — надвигалась на него.

* * *

В начале 30-х годов Принцевы острова были столь же пустынны, как, возможно, в те времена, когда сосланные братья и кузены византийских императоров влачили жалкое существование на их берегах. Казалось, сама природа предназначила их как место для тюремного заключения королей. «Остров, состоящий из красных скал, припал к темно-голубому морю». Бюйюк Ада «прильнул к морю, как доисторическое животное, пьющее воду» *. В блеске заката красные краски острова весело сверкают и кажутся пламенем, полыхающим на безмятежном небе. Затем краски меняются, они гневно-багровые — краски одинокого вызова, как будто бросаемые далекому и невидимому миру, пока наконец остров тихо не погружается в темноту. Жители острова, немногочисленные рыбаки и пастухи, жили между красной землей и синим небом, как их предки тысячу лет назад, и «деревенское кладбище казалось более живым, чем сама деревня» **. Никогда сигнал автомобиля не тревожил тишины. Только рев осла со скал и полей доходил до главной улицы. Несколько недель острова затопляли шумные и вульгарные толпы: отдыхающие летом семьи константинопольских купцов заполняли пляжи и хижины. Затем возвращалась тишина, и только все тот же рев осла приветствовал тихий и прекрасный приход осени.

На окраине Бюйюк Ада между высокой изгородью и морем, отгороженное от деревни и почти столь же далекое от нее, как сама деревня была далека от остального мира, находилось новое убежище Троцкого — большая запущенная вилла, арендованная у обанкротившегося паши. Когда в виллу въехали новые жильцы, она была вся в пыли и паутине. Многие годы спустя Троцкий припоминал, с какой радостью и рвением к чистоте Наталья засучила рукава и заставила мужчин, членов семьи, сделать то же.

---

* *Eastman M.* Great Companions. London, 1959. P. 117.

** Цитируется из неопубликованного дневника Троцкого. (Июль 1933 г.) *Архив Троцкого.*

Они вычистили мусор и побелили стены. Затем покрасили полы очень дешевой краской, и в течение нескольких месяцев подошвы прилипали к полам. В центре дома был большой холл, двери которого открывались на веранду, выходившую на море. На втором этаже устроили кабинет Троцкого, стены которого были быстро уставлены полками с книгами, журналами и газетами из Европы и Америки. На первом этаже разместился секретариат под руководством Левы. Один посетитель-англичанин дал такое описание дома: «Закопченный мрамор, жалкий бронзовый павлин, потускневшая позолота, выдававшие как социальные претензии, так и крах владельца-турка». Этот угасший декорум, предназначенный утешать и обеспечивать престиж отставному паше, комически контрастировал со спартанским духом, воцарившимся в здании *. Макс Истмен [8], приехавший, когда дом был уже полон секретарей, охранников и гостей, сравнил его по «отсутствию комфорта и красоты» с голой казармой. «В громадных комнатах и на балконе нет никакой мебели, даже кресла. Они всего-навсего — проходы, и двери в комнаты по обеим сторонам заперты. В каждой из этих комнат есть канцелярский стол или кровать или то и другое, но приходится приносить стул. Одна из комнат внизу очень маленькая, квадратная, с побеленными стенами, где едва помещаются стол и стулья, служит столовой». Гедонистски настроенный американский посетитель размышлял, что «мужчина и женщина должны быть совершенно равнодушны к эстетике», чтобы жить в такой суровой обстановке, хотя «за немногие доллары они могли бы превратить виллу в очаровательный дом» **. Разумеется, в доме не было уюта американского дома, принадлежащего семье среднего достатка. Даже в нормальных обстоятельствах Троцкому или Наталье едва ли пришло бы в голову создать «очаровательный дом» с картинами, купленными «за немногие доллары», а их жизнь на Принцевых островах никогда не была нормальной. Они прожили там все годы, как в зале ожидания, на пристани, ища корабль, который увезет их. Сад вокруг виллы был заброшен и зарос сорняками; за ним не ухаживали, чтобы «сэкономить деньги», как объяснила Наталья одному посетителю, который чуть ли не ожидал, что Троцкий примется возделывать свой крохотный участок земли. Усилия и деньги нужно было сберегать для отчаянной борьбы, в ходе которой дом в Бюйюк Ада был временным штабом. Чистота и крайняя суровость дома соответствовали его назначению.

---

* The Manchester Guardian. 17 March 1931. *Trotsky L.* Ma vie. With Introduction and Appendix by Alfred Posmer. Paris, 1953. P. 592.

** *Eastman M.* Great Companions. P. 117.

* * *

С самого момента приезда Троцкий не мог примириться с изоляцией, опасаясь остаться в пределах легкого доступа как ГПУ, так и белоэмигрантов. У ворот виллы стояли два турецких полицейских. Однако он едва ли мог вверить им свою безопасность. Почти немедленно он начал хлопоты о визе, которые частично описал на последних страницах автобиографии *.

Еще до депортации из Одессы Троцкий просил Политбюро получить для него въездную визу в Германию. Ему ответили, что немецкое социал-демократическое правительство, возглавлявшееся Германом Мюллером, отказало в визе. Троцкий был почти убежден, что Сталин обманул его, и поэтому, когда вскоре председатель рейхстага социалист Пауль Лёбе объявил, что Германия предоставит Троцкому убежище, он немедленно обратился с просьбой о визе. Его не остановило и то, что «демократическая и социал-демократическая пресса не без злорадства выставляла на вид то обстоятельство, что стороннику революционной диктатуры приходится искать убежища в демократической стране». Этот урок, писали газеты, научит его «более высоко ценить учреждения демократии» **. Урок однако не был преподан. Немецкое правительство сначала запросило, согласится ли он подчиниться ограничениям на передвижения. Троцкий ответил, что готов воздержаться от любой публичной деятельности, жить «совершенно изолированно» вне Берлина и посвятить себя целиком писательской деятельности. Затем его спросили, не окажется ли достаточным короткий визит, чтобы полечиться. Когда Троцкий ответил, что, поскольку у него нет выбора, он удовлетворится и этим, ему сообщили, что, по мнению правительства, он не настолько болен, чтобы нуждаться в специальном лечении. «Я спрашиваю: предлагал ли мне Лёбе п р а в о у б е ж и щ а или п р а в о к л а д б и щ а?.. В течение нескольких недель демократический принцип подвергся трехкратному усечению. Право убежища превратилось сперва в право проживания на исключительном положении; затем — в право лечения; наконец — в право кладбища. Но это значило, что оценить преимущества демократии в их полном объеме я мог бы уже только в качестве покойника» ***.

В английской палате общин вопрос о допуске Троцкого обсуждался уже в феврале 1929 года. Правительство указало, что не разрешит ему въезда. Страна была накануне выборов, и ожидалось, что лейбористская партия снова станет у власти. В конце

* См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 318—333; *Архив Троцкого.*
** *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 320—321.
*** Там же. С. 322—323.

апреля два ведущих деятеля фабианского социализма Сидней и Беатриса Веббы [9] приехали в Константинополь и почтительно попросили у Троцкого разрешения принять их *. Несмотря на старую политическую вражду, Троцкий любезно принял их, с жадностью знакомясь с экономическими и политическими фактами, относившимися к Англии. Веббы выразили уверенность, что лейбористская партия победит на выборах. Троцкий заметил, что тогда он как раз и обратится с просьбой о предоставлении визы на въезд в Англию. Сидней Вебб высказал сожаление, что лейбористское правительство будет зависеть от поддержки либеральной партии в палате общин, а либералы выступят против въезда Троцкого. Через несколько недель Рамсей Макдональд [10] действительно сформировал свое второе правительство, в которое в качестве одного из министров вошел Сидней Вебб, отныне лорд Пасфильд.

В начале июня Троцкий обратился в британское консульство в Константинополе и по телеграфу официально запросил визу у Макдонольда. Он также написал письмо Беатрисе Вебб, очень изысканное по стилю и остроумное, относительно их бесед на Принцевых островах и о том, как Англия и особенно Британский музей привлекают его. Троцкий обратился к канцлеру казначейства Филиппу Сноудену, заявив, что политические разногласия не должны помешать ему посетить Англию, как они не помешали Сноудену приехать в Россию, когда Троцкий был у власти. «Я надеюсь вскоре вернуть вам добрый визит, который вы нанесли мне в Кисловодске»,— телеграфировал Троцкий Джорджу Лэнбери **. Все было напрасно. Однако против его въезда возражали вовсе не либералы. Напротив, они протестовали по поводу позиции министров-лейбористов, и Ллойд Джордж, как и Герберт Сэмюэл, неоднократно частным образом пытался вмешаться в пользу Троцкого ***. «Этого варианта,— комментировал Троцкий,— мистер Вебб не предвидел». В течение почти двух лет вопрос время

* Переписка Веббов с Троцким. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* Письмо, в котором они просили Троцкого принять их, датировано 29 апреля 1929 г.

** Копии просьбы, телеграмм и писем хранятся в *Архиве Троцкого. Закрытая секция.* В письме Беатрисе Вебб, написанном по-французски «с помощью Росмера», сказано, между прочим: «Я часто с удовольствием вспоминаю ваш визит. Для меня он был приятной неожиданностью, и хотя наши точки зрения различны, о чем мы, впрочем, хорошо знаем, беседа с Веббами показала мне, что, даже изучив классическую историю тред-юнионизма, можно получить много, встретившись с авторами труда». Говоря, чем привлекала его Англия, Троцкий упомянул свою «старую любовь к Британскому музею».

*** Английский корреспондент Троцкого, державший его в курсе этих событий, был двоюродным братом Герберта Сэмюэла. Он сослался на самого Сэмюэла как на источник информации. *Архив Троцкого. Закрытая секция. Английское досье.*

от времени поднимался в парламенте и прессе. Г. Дж. Уэллс и Бернард Шоу выступили с двумя заявлениями протеста против недопущения Троцкого. Дж. М. Кейнс, С. П. Скотт, Арнольд Беннет, Гарольд Ласки, Элен Уилкинсон, Дж. Л. Гарвин, епископ Бирмингема и многие другие обратились к правительству с просьбой пересмотреть свое решение. Протесты и обращения игнорировались. «Эта одноактная комедия на тему демократии и ее принципов,— заметил Троцкий,— могла бы быть написана Бернардом Шоу, если бы фабианская водичка в его венах была подкреплена хотя бы на 5% кровью Свифта».

Шоу, хотя и не проявил максимума своего сатирического таланта в этом случае, сделал все возможное. Он обратился к министру внутренних дел Клайнсу, указав на «смехотворное положение... лейбористского и социалистического правительства, отказывающего в праве убежища выдающемуся социалисту и представляющего его ... самым реакционным противникам. Если бы правительство, не допустив мистера Троцкого, сумело также заставить его замолчать... Но мистера Троцкого нельзя заставить замолчать. Его выдающийся литературный дар, положение, обеспеченное его необычайной карьерой, в глазах общественности современного мира даст ему возможность использовать каждую попытку преследовать его... Он становится вдохновителем и героем боевых элементов крайне левого крыла в нашей стране». Те, кто испытывает «неразумный страх к нему как ко льву, посаженному в клетку», должны разрешить ему въезд в Англию, «хотя бы с той целью, чтобы держать ключ от его клетки». Шоу противопоставил поведение Кемаль-паши поведению Макдональда и пришел к выводу, что «трудно проглотить пример свободы, продемонстрированный турецким правительством английскому» *.

Другие правительства Европы не более стремились «держать ключ от его клетки». Французское правительство раскопало приказ о высылке Троцкого в 1916 году и объявило, что он сохраняет силу. Чехословацкое правительство сначала выразило готовность принять Троцкого, и социалистический министр в правительстве Масарика[11] доктор Людвиг Чех, обратившись к нему как к «уважаемому товарищу», информировал Троцкого о согласии Бенеша выдать визу. Однако переписка закончилась холодным отказом в визе без объяснений, а слово «товарищ» было заменено словом «господин» **. Голландия, предоставившая

* Цитируется по письму Шоу министру внутренних дел Клайнсу, хранящемуся в *Архиве Троцкого.* Шоу беседовал также с министром иностранных дел Гендерсоном, который «отказался вмешаться в это дело».

** Переписка Троцкого с министром внутренних дел Чехословакии доктором Чехом. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

убежище кайзеру Вильгельму [12], отказалась даровать его Троцкому. В письме Магдалине Паз Троцкий иронически писал, что, поскольку он даже не знает голландского языка, правительство этой страны может быть спокойно, ибо он не вмешается во внутренние дела Голландии и готов жить в любом глухом сельском местечке инкогнито *. Равным образом и австрийцы не захотели подать «пример либерализма» другим. Правительство Норвегии заявило, что не разрешит Троцкому въезд в страну, ибо не может гарантировать его безопасности. Друзья Троцкого обращались даже к правителям герцогства Люксембургского. Троцкий обнаружил, что «Европа без визы». Он даже и не помышлял обратиться к Соединенным Штатам, ибо это «не только самая сильная, но и самая перепуганная страна». Он заключил, что «Европа и Америка без визы. Но эти два континента владеют тремя остальными. Это значит — планета без визы.

Мне с разных сторон объясняют, что мое неверие в демократию есть основной мой грех. А когда я прошу, чтоб мне дали небольшой предметный урок демократии, охотников не обнаруживается» **.

Подоплека тут заключалась в том, что даже ссыльный Троцкий вызывал страх. Правительства и правящие партии дали ему почувствовать, что нельзя безнаказанно руководить великой революцией, бросать вызов существующим правительствам и ставить под сомнение священное право собственности. Буржуазная Европа с изумлением и радостью следила за спектаклем, подобного которому она не видывала со времен падения Наполеона,— никогда с тех пор такое множество правительств не предавали остракизму одного человека или один человек не вызывал такой громадной враждебности и тревоги ***. Консерваторы не простили Троцкому роли, сыгранной в нанесении поражения антибольшевистскому «крестовому походу 14 держав». Никто не выразил этих чувств лучше, чем Уинстон Черчилль [13], вдохновитель этого крестового похода, в торжествующе-издевательской статье «Людо-

---

* Переписка Троцкого с министром внутренних дел Чехословакии доктором Чехом. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 332—333.

*** «Сэр Остин Чемберлен [Министр иностранных дел] [14],— писал Троцкий,— согласно сообщениям газет... выразил мнение, что нормальные отношения [между Англией и Советским Союзом] ...станут возможными на следующий день после того, как Троцкого поставят к стенке. Эта лапидарная формулировка не делает чести характеру министра тори... но... я беру на себя смелость посоветовать ему... не настаивать на этом условии. Сталин достаточно продемонстрировал, насколько он готов идти навстречу Чемберлену, изгнав меня из Советского Союза. Если он не пошел дальше, то не потому, что ему недоставало доброй воли. Действительно, будет неразумно из-за меня наказывать советскую экономику и английскую промышленность». *Trotsky L.* Écrits. Vol. 1. P. 27.

ед Европы». «Троцкий, чье нахмуренное лицо обрекало на смерть тысячи, сейчас *грудой старого тряпья* брошен на берегу Черного моря». Впоследствии Черчилль поразмыслил и, когда он включил очерк в книгу «Великие современники», то заменил «груду старого тряпья» словами «Троцкий — злобная шкура». Первые политические заявления Троцкого, сделанные «на берегах Черного моря», показали, что он остался непоколебимым врагом существующего порядка и был таким же вызывающим и самоуверенным, как в дни, когда вел Красную Армию и обращался к миру с трибуны Коммунистического Интернационала. Нет, конечно, это не была «груда старого тряпья». Это была «злобная шкура» *.

Незнание спорных вопросов, которые раскололи большевизм, увеличивали ненависть и страх. Почтенные газеты не могли понять, не была ли высылка Троцкого хитростью и не выехал ли он из страны по тайному соглашению со Сталиным, дабы затеять революцию за рубежом. «Таймс» имела «надежную информацию», что дело обстояло именно так, и усматривала руку Троцкого за коммунистическими демонстрациями в Германии **. «Морнинг пост» сообщила со множеством деталей о тайных переговорах Сталина и Троцкого, которые имели целью вновь поставить последнего во главе вооруженных сил. Газета знала, что в связи с этим сестра Троцкого совершала поездки между Москвой, Берлином и Константинополем ***. «Дейли экспресс» говорила об «этом вороне, севшем на сук британского социализма»: «Даже с подрезанными крыльями и когтями он не принадлежит к той породе птиц, которую мы можем надеяться приручить в Англии» ****. «Манчестер гардиан» и «Обсервер» поддержали с некоторой теплотой просьбу Троцкого о предоставлении политического убежища, однако они практически остались в одиночестве. Американские газеты усматривали в Троцком «революционного поджигателя», а в Сталине — «умеренного государственного деятеля», с которым Америка может делать бизнес *****. Правая и националис-

* *Churchill W. S.* Great Contemporaries. London, 1939. P. 197. Черчилль написал свою статью первоначально в ответ на статью Троцкого для «John o'London's Weekly». Комментируя биографический очерк Черчилля о Ленине, Троцкий указал, что Черчилль в подавляющем большинстве случаев путает даты и показал полное непонимание характера Ленина, ибо Черчилля отделяет от основателя большевизма широкая пропасть. «Ленин думал в терминах эпох и континентов, Черчилль думает в терминах парламентских словечек и *мелочей*».

** The Times. 10 May 1929.

*** Morning Post. 6—8 July 1929. Эту корреспонденцию перепечатали многие европейские газеты. См. например: Intransigeant. 8—9 Juillet.

**** Daily Express. 19 June 1929.

***** The New York American and The New York World 27 February 1929. «Сталин — разумный русский,— писала «The New York World»,— знает, что власть

тическая печать Германии охрипла от неистовой ярости. «Германия имела достаточно бед... Мы считаем излишним умножать их, предоставляя гостеприимство этому самому могучему пропагандисту большевизма»,— заявила «Берлинер берзенцайтунг» *. «Троцкий, эта советско-жидовская ищейка, хочет жить в Берлине,— писала гитлеровская «Беобахтер»,— мы должны пристально следить за этим жидовским убийцей и преступником» **.

Социал-демократические партии, особенно там, где они находились у власти, были несколько встревожены с точки зрения своей демократической совести, но боялись не меньше. Когда Джордж Лэнсбери протестовал на заседании кабинета по поводу обращения с Троцким, премьер-министр, министр иностранных дел и министр внутренних дел ответили: «Он сидит в Константинополе на задворках, и никто не заинтересован в том, чтобы он находился в другом месте. Мы все боимся его» ***. Беатриса Вебб, восхищаясь интеллектом и «героическим характером» Троцкого, писала ему: «Мой муж и я очень опечалены тем, что вы не были допущены в Великобританию. Но я боюсь, что любой, проповедующий перманентность революции, т. е. вносящий революционную войну в политику других стран, никогда не будет допускаться в эти страны» ****. Исторически это было не совсем так: Карл Маркс и Фридрих Энгельс провели большую часть своей жизни эмигрантами в Англии, «проповедуя перманентность революции». Но времена изменились. Марксу и Энгельсу не посчастливилось и одновременно посчастливилось, чтобы сначала из неизвестных политических эмигрантов стать лидерами реальной революции, а затем вновь оказаться в изгнании. Троцкого не слишком удивляли чувства, которые он возбуждал. Он больше не хотел заниматься визами через дипломатические каналы, как рекомендовали ему супруги Пазы. Но он не желал действовать и обходными путями и воздерживаться от публичных заявлений *****. Даже занятый поисками убежища, Троцкий продолжал

без денег является тенью, и поэтому он клонится в сторону денег», это должно «заинтересовать консервативное правительство Америки».

* Berliner Borsenzeitung. 1 Februar 1929.

** 9 Februar 1929. Более уважаемая «Hamburger Nachrichten» 25 января 1929 г. заявила: «Сталин пожинает плоды своей ошибки, не услав Троцкого и банду троцкистов в потусторонний мир».

*** Источник этой информации — сам Лэнсбери. Он рассказал об этом английскому корреспонденту Троцкого, заверив его, что выступает против решения кабинета и «сделаю все, что могу за кулисами, чтобы информировать вас». *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

**** Беатриса Вебб писала это 30 апреля 1930 г., благодаря Троцкого за авторский экземпляр «Моей жизни». В конце письма она предложила помогать «подрывному пропагандисту» книгами, журналами и документами.

***** Магдалина Паз — Троцкому 14 июня 1929 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

идейную борьбу. Он знал, что правительства и правящие классы своей боязнью воздавали ему должное: они не могли видеть в нем простого просителя, а должны были относиться к нему как к некоей институции и воплощению боевой революции.

* * *

Не ожидая результатов многочисленных просьб по поводу виз, Троцкий приступил к работе. В первые недели после его приезда на Принцевы острова там царило необычайное оживление. Со всех континентов прибывали журналисты, чтобы взять интервью. Приезжали просто посетители и друзья. Только в мае не менее семи человек приехало из Франции, оставаясь на островах на недели и даже месяцы. Молодые троцкисты приезжали служить охранниками и секретарями. Появлялись немецкие, американские издатели, чтобы подписать договоры на книги, предлагая авансы. Отовсюду коммунисты-диссиденты слали письма, справляясь по идеологическим и политическим вопросам. Троцкий систематически и скрупулезно отвечал на каждое письмо, исписывая горы бумаги. Вскоре он стал вести колоссальную корреспонденцию, которую продолжал независимо от обстоятельств до конца жизни. Троцкий готовил первый выпуск «Бюллетеня оппозиции», маленького журнала, который начал появляться в июле. «Бюллетень оппозиции» стал главной платформой Троцкого для обсуждения внутрипартийных дел и самым важным средством контакта с оппозицией в Советском Союзе. В Бюйюк Ада было нелегко заниматься издательскими делами и оказалось трудным найти русских издателей для «Бюллетеня оппозиции» сначала в Париже, а затем в Берлине. В то же время Троцкий приступил к организации своих международных сторонников.

Вдобавок уже в первые месяцы пребывания на Принцевых островах Троцкий подготовил для публикации несколько книг. Он хотел ознакомить мир с платформой Объединенной оппозиции 1927 года, которая увидела свет под заголовком «Истинная обстановка в России». Троцкий собрал коллекцию документов, запрещенных в Советском Союзе, составивших том «Сталинская школа фальсификации». В работе «Третий Интернационал после Ленина» Троцкий поместил свою «Критику проекта Программы III Интернационала» и включил туда послание, направленное им VI конгрессу из Алма-Аты. Краткие и частично искаженные версии этих материалов уже увидели свет за рубежом, что было дополнительным поводом для Троцкого напечатать полные и аутентичные документы. «Перманентная революция», маленькая книжка, также написанная в Алма-Ате, была посвящена подтверждению и защите этой теории в споре с Радеком.

Однако главным литературным достижением того времени были мемуары «Моя жизнь». По настоянию Преображенского и других друзей, просивших его написать автобиографию, Троцкий набросал первые главы автобиографии в Алма-Ате, рассказав о детстве и юности, а на Принцевых островах быстро продолжил работу, посылая главы по их завершении немецкому, французскому и английскому переводчикам. Троцкий работал так быстро, что можно поставить под сомнение, действительно ли он написал в Алма-Ате лишь первые главы. Спустя менее чем три месяца после приезда в Бюйюк Ада Троцкий писал семье старых русских революционеров Клячко, живших в Вене, с которыми он поддерживал дружеские отношения задолго до 1914 года: «Я все еще полностью погружен в написание автобиографии и не знаю, как от нее отделаться. Я бы мог давным-давно закончить ее, но проклятая педантичность не позволяет мне завершить работу. Я продолжаю наводить справки, проверяю даты, вычеркиваю одно, вписываю другое. Неоднократно у меня был соблазн бросить рукопись в огонь и приняться за более серьезную работу, но, увы, сейчас лето, нет огня в печах, и, между прочим, в доме вообще нет печей» *. В мае Троцкий послал немецкой переводчице Александре Рамм основную часть рукописи. Спустя несколько недель у нее уже были главы о гражданской войне. Но в июле «проклятая педантичность» вновь стала обуревать Троцкого, и он принялся переписывать первые страницы мемуаров. В начале осени работа над рукописью была закончена, а части ее печатались сериями статей в газетах. Еще будучи занятым прилежной правкой немецкого и французского переводов, Троцкий стал готовиться к написанию истории русской революции, первые разделы которой Александра Рамм получила в конце ноября **.

Даже в разгар этой деятельности Троцкий не мог освободиться от тревоги о детях, внуках и друзьях, оставшихся «за границей». У него в памяти еще была свежа агония и смерть Нины, когда его стала тревожить болезнь старшей дочери от первого брака Зины. Троцкий справлялся о Зине через Париж, где семья Пазов поддерживала связь с его семьей в Москве через доброжелателя, работавшего в советском посольстве. Зина страдала от болезни желудка. Смерть сестры, преследования отца, ссылка в Сибирь мужа Платона Волкова и трудности прокормить себя и

---

* Письмо написано 1 июня 1929 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Александра Рамм, по происхождению русская, была женой Франца Пфемферта, издателя радикального еженедельника «Aktion». Пфемферт был исключен из коммунистической партии как «ультрарадикал» после III конгресса Коминтерна, когда Троцкий находился в зените своего могущества. Однако он и его жена, игнорируя политические разногласия, остались до конца близкими друзьями Троцкого.

двоих детей подорвали ее психику. Она безуспешно пыталась получить официальное разрешение на выезд из страны и присоединиться к отцу. Троцкий оказывал ей материальную помощь, а его доброжелатели просили советское правительство разрешить ей выезд. Мать Зины Александра Соколовская [15] жила в Ленинграде, хотя нельзя было сказать, сколько ей позволят оставаться там. Она заботилась о детях Нины. Их отец Ман-Невельсон также был сослан и заключен в тюрьму. Но и это еще не все. Жена и ребенок Левы остались в Москве на произвол судьбы. Таким образом, среди родственников Троцкого не меньше четырех семей были сломаны в ходе безжалостного политического конфликта. Каждая неделя приносила вести о преследованиях друзей, неслыханных невзгодах, болезнях в тюрьме, голодном существовании, о столкновениях с тюремщиками, голодовках, самоубийствах и смертях. Троцкий делал все, чтобы протестовать, особенно против преследования Раковского, который еще недавно был самым известным и уважаемым из советских послов на Западе. Раковского бросали из одной ссылки в другую. У него было больное сердце, и месяцами от него не поступало вестей.

Жизнестойкость Троцкого преодолевала тревоги, горе и усталость. Он топил свою печаль в упорной работе, в общении с друзьями и сторонниками, а облегчения от напряжения работы искал, катаясь на лодке и рыбача в залитых солнцем водах Мраморного моря. Но даже на отдыхе он не мог бездействовать. Он должен был постоянно расходовать свою энергию. Как и в Алма-Ате, выезды Троцкого на рыбную ловлю были целыми экспедициями. Выезжали в больших лодках, с сетями и камнями в качестве якорей. Троцкий подолгу пропадал в море, сопровождаемый двумя турками-рыбаками, постепенно ставшими близкими людьми в семье. С ними он трудился, тащил сети, камни и корзины с рыбой. (Истмен, на взгляд которого «идея отдыха» Троцкого представлялась неприемлемой, удивлялся: «Разве это дело, когда он отправляется на рыбную ловлю собранный, быстрый, действующий систематизированно, организованный ради успеха примерно так, как он отправлялся к Казани, чтобы сокрушить белую армию»*.) Троцкий не умел бережливо расходовать свои физические и умственные силы, и даже хроническое недомогание, по-видимому, не подрывало его жизнеспособности. Иногда он выходил в море один, вызывая беспокойство семьи и секретарей, исчезая на длительное время. Один из его приверженцев, который приехал как раз в такой момент, удивился, почему Троцкий не боится ГПУ, которое может устроить ловушку в море. Троцкий ответил довольно фаталистически, что ГПУ настолько могучая

* *Eastman M.* Great Companions. P. 117.

организация, что, если оно решит уничтожить его, в любом случае он будет беспомощным. Между тем он не видел причин стать собственным тюремщиком и лишать себя небольшой оставшейся свободы, цвета и вкуса жизни *.

Опасения, с которыми Троцкий приехал в Турцию, несколько рассеялись. Турки вели себя корректно и даже оказывали помощь. Кемаль-паша сдержал своё слово, хотя Троцкий пока еще не верил ему. Полицейские, стоявшие у ворот виллы, привязались к ее обитателям и тоже стали чем-то вроде домочадцев, выполняя поручения и помогая по хозяйству. Белоэмигранты не предприняли никаких попыток проникнуть за высокий забор. Даже ГПУ, казалось, было далеко и не интересовалось Троцким. Внешние признаки, однако, были обманчивы. ГПУ было поблизости. Очень часто кто-нибудь из агентов ГПУ, выступая под видом горячего сторонника Троцкого, проникал в окружение его в качестве секретаря или охранника. «Латыш Франк жил на Принцевых островах пять месяцев,— писала Наталья,— позднее мы узнали, что он был агентом русской секретной службы, подобно другому, Соболевичусу, тоже латышу, который приехал на очень короткий промежуток времени (его брат Ромэн Узлл действовал в качестве провокатора в кругах оппозиции в Париже и в Центральной Европе)» **. Беда заключалась в том, что разоблаченные как провокаторы были в действительности не всегда ими, в то время как самые опасные шпионы так и не были разгаданы. Соболевичус, например, 30 лет спустя осужденный в Соединенных Штатах как советский шпион, признался, что шпионил за Троцким во время его пребывания на Принцевых островах ***. Тем не менее вся его переписка с

---

* М. Парижанин живо описал рыболовную эскападу вместе с Троцким в водах Малой Азии: «Он стремился получить трофей... Можно было почувствовать его тайное удовольствие... Он овладевал природой». Ночью они попали в сильный шторм. Лодка чуть не утонула, и жандарм — турок, сопровождавший их, плакал от страха. Но Троцкий сел на весла и энергично боролся с волнами. Он был настолько спокоен, заботлив к спутникам и юмористически настроен, что Парижанин подумал: «Не бойся... с тобой Цезарь, и его судьба — твоя судьба». Они нашли убежище в пустой хижине на необитаемом маленьком островке. На следующее утро, оставшись без продуктов, они подстрелили двух кроликов. Парижанин, ранивший своего кролика, добил его. «Так охотник не поступает,— сказал Троцкий,— нельзя убивать раненое животное». Между тем турецкие власти начали поиски, и несколько крестьян спасли их. Троцкий принял помощь, посмеиваясь над собой и помянв рассказ Щедрина о двух русских генералах, оказавшихся на необитаемом острове и неспособных добыть себе пропитание. «Ах,— вздохнул один из них,— если бы мы могли найти мужика здесь! И, о, счастье, немедленно появился мужик и в мгновенье ока сделал все, что нужно» (*Parijanine M.* Léon Trotsky ou la Revolution Bannie//Les Humbles. Mai—Juin 1934).

** *Serge V.* (et *Natalya Sedova*). Vie et Mort de Trotsky. Paris, 1951. P. 201—202.

*** Hearings before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act. United States Senate (21 November 1957). Washington,

Троцким и обстоятельства их разрыва бросают тень сомнения на правдивость части его признаний. Соболевичус неоднократно выражал серьезные политические разногласия с Троцким и открыто порвал с ним, а так провокатор не мог себя вести. Троцкий в конце концов осудил его как сталиниста и не верил, что он был провокатором. Какова бы ни была правда, как Соболевичус, так и его брат пользовались почти неограниченным доверием Троцкого во время первых трех лет его жизни на Принцевых островах. Они не были новичками в кругах троцкистов. Соболевичус в России был корреспондентом левомарксистского «Зехсише Арбайтерцайтунг» и там вступил в троцкистскую оппозицию в 1927 году. Как он, так и его брат позднее были не только чрезвычайно активны во Франции и Германии, но также снабжали Троцкого очень полезной информацией и справочными материалами для его книг. Они помогали издавать «Бюллетень оппозиции», и через их руки прошла значительная часть подпольной переписки Троцкого с корреспондентами из Советского Союза, шифры, письма, написанные тайными чернилами, адреса почтовых ящиков и т. д. *

Едва ли вообще возможно не допустить в подпольную организацию провокатора. Всякая организация всегда служит мишенью для шпионов, и в равной степени легко совершить ошибку, предаваясь чрезмерной подозрительности, которая может парализовать всю организацию, как и быть недостаточно бдительным. Дела Троцкого в этом отношении обстояли особенно плохо, ибо лишь немногие из его сторонников на Западе знали русский язык и русские нравы, и поэтому он очень зависел от этих немногих. Работа Троцкого была бы почти невозможной без помощи Левы. Но этого было недостаточно. Троцкий очень неохотно принимал самопожертвование сына, ибо со стороны человека 20 с небольшим лет осуждение себя на почти тюремную жизнь на Принцевых островах было действительно самопожертвованием. Поэтому Троцкому очень часто приходилось подыскивать русских секретарей, и это облегчало шпикам доступ к нему. Время от времени друзья предотвращали беду своевременными предостережениями. Так, в начале 30-х годов некий Валентин Ольберг, происходивший из семьи русских меньшевиков, под видом троцкиста стремился получить доступ на Принцевы острова в качестве секретаря. Однако Франц Пфемферт и Александра Рамм, заподозрив его, информи-

1958. P. 4875—4876. На этом заседании Соболевичус выступал под именем «Джек Собль». В переписке с Троцким он использовал псевдоним Сенин. Его брат, доктор Собль, также осужденный, бежал из США в Израиль в 1962 году, но ему было отказано там в праве убежища. По дороге в Соединенные Штаты, когда его везли через Англию, он сделал две попытки самоубийства и умер в Лондоне.

* Переписка Троцкого с Соболевичусом и его братом Р. Уэллом (доктор Собль) заполняет два досье в закрытой секции *Архива Троцкого*.

ровали Троцкого из Берлина о своих опасениях, и Ольберг был отвергнут — в 1936 году он появился как подсудимый и свидетель против Троцкого, Зиновьева и Каменева на первом из великих процессов в Москве *. Такие своевременные предостережения, однако, были чрезвычайно редки, и в последующие годы тени провокаторов преследовали Троцкого как проклятие.

* * *

Материальное положение Троцкого во время пребывания на Принцевых островах было значительно легче, чем он ожидал. Его литературные заработки были велики, жизнь на острове — дешевой, а нужды Троцкого и семьи чрезвычайно скромными. По мере расширения хозяйства (в доме увеличилось число секретарей и подолгу жили гости, а переписка достигла размеров среднего правительственного ведомства) расходы вырастали до 12 и даже 15 тысяч американских долларов в год **. Большая читательская аудитория в мире обеспечивала Троцкому соответственно высокие гонорары. За первые статьи, написанные в Константинополе, он получил 10 тысяч долларов, 6 тысяч из которых отложил на издание «Бюллетеня оппозиции», французских и даже американских троцкистских газет. Позднее, в том же году он получил значительные авансы за разные издания «Моей жизни», 7 тысяч долларов только за американское издание. В 1932 году «Сатердей ивнинг пост» заплатил 45 тысяч долларов за издание в виде серии статей «Истории русской революции» ***. Когда Троцкий покинул советское консульство в Константинополе, он занял 20 тысяч французских франков у Мориса Паза. Через год он вернул долг и не нуждался в том, чтобы занимать деньги. Когда в мае 1929 года Паз осведомился, не испытывает ли он материальных затруднений, Троцкий ответил, что их не только нет, но он может оказать помощь политическим друзьям на Западе. Это, как показы-

* Переписка Пфемферта с Троцким. Апрель 1930 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* Ольберг был членом руководства германской оппозиции. Он вызвал подозрение постоянными справками о связях Троцкого со сторонниками в Советском Союзе. (См. также переписку Ольберга и Льва Седова.) Вопрос о том, был ли он провокатором в 1930 году или стал им позднее, как в случае с Соболевичусом, до конца не выяснен. После прихода к власти нацистов в 1933—1934 гг. Ольберг жил в крайней бедности политическим эмигрантом в Чехословакии. Он, конечно, мог работать в качестве шпика Сталина по «идеологическим» причинам, не получая денег. Он был подсудимым и одним из главных свидетелей обвинения на процессе Зиновьева в 1936 году и осужден на смерть.

** *Eastman M.* Great Companions.

*** Данные почерпнуты из счетов Троцкого и переписки с его издателями и литературными представителями. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

вают переписка Троцкого и сохранившиеся документы, он делал щедрой рукой, на которую некоторые получатели стали довольно бесстыдно опираться.

* * *

Задолго до своего поражения Троцкий, Зиновьев и даже Шляпников [16] сделали попытку организовать своих сторонников в иностранных коммунистических партиях. Сначала эти усилия были небезуспешными, несмотря на разного рода отлучения и изгнания *. Тактические маневры и отступления в русской оппозиции, однако, дезориентировали зарубежных коммунистов, в такой же степени как запугивали их сталинские репрессии. Окончательная капитуляция фракции Зиновьева деморализовала ее иностранных сторонников. Неудача Троцкого и его высылка имели несколько иные последствия. В глазах коммунистов, еще не до конца готовых подчиниться диктату Сталина, моральный авторитет Троцкого был по-прежнему высок, а легенда, окружавшая его имя неукротимой боевитостью, и история побед обогатились новой ноткой мученичества. Однако Коминтерн уже заклеймил троцкизм с такой яростью и так усиленно изгонял его из иностранных секций, что ни один коммунист не мог надеяться получить какую-нибудь выгоду, присоединившись к ереси. Очень немногие были готовы следовать по пути мученичества.

С Принцевых островов Троцкий приступил к сплочению своих сторонников, старых и нынешних. Тот факт, что он не мог разделить с ними власть, не делал в его глазах это предприятие безнадежным, а, напротив, некоторым образом оно казалось ему более привлекательным. Зная, что на призывы не откликнутся честолюбцы и бюрократы, он обращался только к мыслящим и лично не заинтересованным людям. Разве сила любой революционной организации заключается не в силе убежденности ее членов, их преданности делу, а в их численности? В конце 20-х годов господство Сталина над Коминтерном было поверхностным. Почти каждый, кто провел эти годы в коммунистических партиях, может исходя из собственного опыта засвидетельствовать замешательство и неохоту, с которыми кадровые работники и рядовые члены партии стали следовать новой ортодоксальной линии, освященной в Москве. Под конформизмом, который был очень неглубок, таились неверие и беспокойство. Еще существовали старые марк-

---

* В письме Соболевичусу и Уэллу от 4 ноября 1929 г. Троцкий утверждал, что германский «Ленинбунд» вел свою деятельность на деньги, которые его лидеры получали от Пятакова до капитуляции последнего. Размах этой деятельности был столь невелик, что ее могла обеспечить очень небольшая сумма.

систские навыки мышления, а судьба Троцкого постоянно бередила совесть. Хорошие коммунисты считали своим высшим долгом провозглашать солидарность с русской революцией, и поэтому они не могли противоречить людям, правившим тогда в Москве, говорившим голосом революции, настаивавшим на том, чтобы иностранные коммунисты в своих комитетах и ячейках проголосовали за резолюции с осуждением троцкизма. Коммунисты голосовали, как от них того требовали, однако вся «кампания» оставалась для них печальной загадкой. Злоба, с которой она проводилась, оскорбляла коммунистов. Они не могли понять ее мотивов и иногда размышляли, почему от них требуют добавить собственное скромное осуждение к ужасающим анафемам, произносившимся на недосягаемых высотах. Члены партии из рабочих, за исключением очень молодых и несведущих, помнили о днях славы Троцкого, о его мощных атаках на мировой капитализм, о его яростных манифестах, которые подняли на ноги многих из них и даже вовлекли некоторых в ряды партии. Изменение позиции партии в отношении человека, которого они помнили ближайшим единомышленником Ленина, казалось непонятным. Однако они мало что могли или ничего не могли сделать. То там, то здесь немногие люди, приведенные в возмущение той или иной манипуляцией «партийной линии», уходили из партии, однако большинство думало, что и не следует чрезмерно заботиться по поводу схватки между вождями. Россия в любом случае далеко и ее трудно понять, а собственные классовые враги здесь, под рукой, и против них коммунистическая партия ведет убежденную и смелую борьбу. Они продолжали поддерживать партию, но делали это вопреки, а не благодаря сталинизму, и в течение некоторого времени они попадали в затруднительное положение, когда слышали, как партийные чиновники клеймили Троцкого «предателем и контрреволюционером».

Влияние Троцкого на левую и радикальную интеллигенцию еще было громадным. Когда Бернард Шоу писал о нем как о человеке, снова становящемся «вдохновителем и героем всех боевых элементов крайнего левого крыла во всех странах», он был ближе к истине, чем могло показаться позднее *. Мы уже упоми-

* Шоу неоднократно с необычайным рвением выражал свое восхищение Троцким. В одном из писем Молли Томпкинс он, например, писал: «Вчера... мне попалась груда отчетов с речами наших великих партийных лидеров и дешевая книжка, написанная Троцким... С точки зрения грубого варварского тупоумия трудно превзойти выступления Биркенхеда, Ллойд Джорджа и Черчилля. Однако если мне нужен здравый смысл, откровенность и образованность, подайте мне книгу Троцкого. Перейти от президентской кампании в вашей стране и всеобщих выборов у нас к его анализу означает как бы улететь на другую планету» (*Show G. B.* To a Young Actress. London. 1960. P. 78). Именно Шоу был первым, сравнившим Троцкого с Лессингом (в терминах, заимствованных у Гейне из работы «К истории религии и философии в Германии»).

нали о значительном числе прославленных деятелей радикальной Англии, высказавшихся в защиту Троцкого и против собственного правительства. (Конечно, Коммунистическая партия Великобритании была менее заражена троцкизмом, чем любая другая, и все же надо отметить, что в переписке Троцкого в период жизни на Принцевых островах можно найти толстое досье чрезвычайно дружественных и откровенных писем, которыми он обменялся с английским писателем-коммунистом, впоследствии получившим недобрую известность сторонника сталинской ортодоксальности.) Европейские и американские поэты, писатели и художники, известные или стоявшие на пороге славы: Андре Бретон и другие, принадлежавшие к школе сюрреалистов, голландская поэтесса Генриетта Роланд Холст, Панаит Истрати, чья молниеносная и печальная литературная карьера тогда была в зените, Диего Ривера[17], Эдмунд Вильсон, молодой Андре Мальро[18] и многие другие — все они под его чарами. «Троцкий продолжал притягивать коммунистическую интеллигенцию»,— пишет историк американского коммунизма и в подтверждение приводит высказывание хорошо известного коммунистического писателя и издателя Майкла Голда, который даже после первых анафем в адрес Троцкого «не мог не превозносить Троцкого» [в «Нью Мэссис»] как «разностороннего, почти как Леонардо да Винчи»! Даже в 1930 году Голд, сделав несколько банальных упреков, заметил, что «Троцкий бессмертен в истории великой русской революции... один из вечных легенд человечества, он подобен Савонароле[19] или Дантону[20]» *. Не только Майкл Голд испытывал громадное восхищение Троцким, указывает другой писатель-коммунист, «им были отмечены крайние радикалы в Соединенных Штатах, следившие за событиями в России».

В большинстве европейских стран активно действовали группы исключенных троцкистов и зиновьевцев, руководимые несколькими основателями Коммунистического Интернационала. Прошло примерно пять лет с тех пор, как ЦК Французской партии выразил единогласный протест Москве против антитроцкистской кампании. С 1924 по 1929 год Альфред Росмер, Борис Суварин и другие продолжали борьбу против сталинизма **. Симпатии к Троцкому

* *Draper Th.* American Communism and Soviet Russia. New York, 1960. P. 358; *Draper Th.* Roots of American Communism. New York, 1957. P. 129; *Freeman J.* An American Testament. London, 1938. P. 383—384.

** В 1926 г. Пятаков, работавший тогда в советском посольстве в Париже, попытался объединить различные антисталинские элементы, исключенные из Французской коммунистической партии. В Москве Троцкий и Зиновьев создали Объединенную оппозицию, а задача Пятакова заключалась в том, чтобы организовать ей помощь во Франции. Он совещался с Росмером, А. Дюнуа, Лорио, Субариным, Монаттом, Пазом и др. и начал выпускать журнал «Против течения». Одна-

были живы в революционно-синдикалистском кружке Пьера Монатта, который был одной из организаций, учредивших ФКП, но затем отошел от нее. Зиновьевцы имели собственных сторонников. В Германии существовал «Ленинбунд», а также оппозиция Веддинга (по названию крупнейшего рабочего района Берлина), но там задавали тон не троцкисты, а зиновьевцы, представленные Аркадием Масловым и Рут Фишер. Два крупных итальянских коммунистических лидера Антонио Грамши [21] и Амадео Бордига [22], оба томившиеся в тюрьмах Муссолини [23], выступили против Сталина. Грамши из тюремной камеры направил заявление об этом в Москву, где представитель Итальянской компартии в Исполкоме Коминтерна Тольятти скрыл его *. Андрес Нин, самый талантливый сторонник марксизма в Испании, связал свою судьбу с русской оппозицией и многие годы поддерживал контакт с Троцким **. В Голландии Маринг-Снивлиет, первый вдохновитель коммунизма в Индонезии, руководил довольно сильной группой голландских профсоюзных работников левой ориентации, выступавших против сталинизма. В Бельгии Ван Оверстретен и Лесойл, бывшие руководители коммунистической партии, и их сторонники имели сильные позиции в крупном горнодобывающем районе Шарлеруа. Они также исповедовали троцкизм.

Внутрипартийные разногласия вызвали некоторые отзвуки даже в Азии. Микробы троцкизма были занесены в Шанхай,

---

ко Росмер и Монатт, враждебно относящиеся к любой идее «блоков» между троцкистами и зиновьевцами, отказались от этого сотрудничества, и поэтому журнал стал выходить как французский орган Объединенной оппозиции под редакцией обоих Пазов и Лоряо. Росмер и Монатт продолжали борьбу против Сталина самостоятельно.

* Б. О. 1930. № 17—18. С. 61. См. также письмо Росмера Троцкому от 10 апреля 1930 г. в *Архиве Троцкого. Закрытая секция.* Примерно в это время три члена Политбюро Итальянской коммунистической партии Равацголи, Леонетти и Трессо перешли к троцкистской оппозиции. Они были друзьями и сторонниками Грамши, и один из них информировал Росмера о письме Грамши Тольятти и о его сокрытии. В 1961 г. я публично задал вопрос Тольятти в итальянской печати, чтобы он объяснил мне это дело. Он ответил через своего друга, что Грамши действительно просил его в 1926 г. не ввязывать итальянских коммунистов во внутрипартийную борьбу в России. (Тольятти поддерживал Бухарина и Сталина против Троцкого.) Тольятти утверждает, что письмо Грамши поступило в Москву во время перемирия во внутрипартийной борьбе, и поэтому, посоветовавшись с Бухариным, он решил, что оно не имело никакого отношения к тогдашней обстановке. Однако, когда борьба между Сталиным и Троцким возобновилась, Коминтерн и Итальянская компартия не получали информации относительно позиции Грамши. Эта позиция объясняет, почему память Грамши была предана забвению во время эры Сталина. Только после смерти Сталина «заслуги Грамши были вновь открыты», и Тольятти положил начало чему-то похожему на посмертный культ Грамши в Итальянской компартии.

** Нин переписывался с Троцким уже в период пребывания последнего в Алма-Ате. *Архив Троцкого.*

Пекин, Кантун и Ухань бывшими студентами университета Сунь Ятсена [24] в Москве, видевшими борьбу Троцкого в 1927 году по поводу Китая. В 1928 году они провели первую национальную конференцию китайской оппозиции, а некоторые из них стояли за союз с Мао Цзэдуном [25], которым в это время Коминтерн был недоволен, ибо его позиция в 1925—1927 годах часто совпадала с позицией Троцкого, а также потому, что он теперь при спаде революции встал на путь партизанской войны против Гоминьдана. В 1929 году Чэнь Дусю, руководитель партии до 1927 года, выступил с «Открытым письмом», в котором раскрыл грязную внутреннюю историю отношений между Москвой, Гоминьданом и китайским коммунизмом, признав, что критика Троцким Сталина и Бухарина была вполне обоснованной *. Влияние троцкистов проявлялось в Индокитае, в Индонезии и на Цейлоне. Примерно в это время Троцкий завоевал новых сторонников в Америке: Джеймса П. Кеннона и Макса Шахтмана, членов Центрального Комитета Компартии Соединенных Штатов, и Мориса Спектора, председателя Коммунистической партии Канады. Даже в отдаленной Мексике группа коммунистов, вдохновлявшаяся Диего Риверой, присоединилась к делу еретиков, сокрушенных в Москве.

Троцкий установил связи со всеми этими группами и пытался сколотить из них единую организацию. После депортации Троцкого из Москвы они жили крохами его идей, публикуя в маленьких газетах и бюллетенях фрагменты из трудов Троцкого, тайно вывезенных из Советского Союза. Прибытие Троцкого в Константинополь послужило для них стимулом. Моральный авторитет Троцкого явился для них величайшим достоянием, и они ожидали, что он вдохнет жизнь в международную коммунистическую оппозицию сталинизму. Однако авторитет Троцкого лег на них также и грузом ответственности, ибо им надо было теперь отвыкать

---

* Интерес Троцкого к Китаю был столь же прочен, как и его контакты со сторонниками в Китае, насколько это было возможно при этих обстоятельствах. Летом или осенью 1929 г. оппозиционер Линь Це по дороге из Москвы в Китай посетил его на Принцевых островах, и после этого до 1940 г. Троцкий поддерживал почти регулярно корреспонденцию с несколькими группами в Китае, представлявшими различные оттенки оппозиции. Уже в 1929—1931 гг. китайские сторонники Троцкого сообщали ему о разногласиях между Ли Лисаном, тогда официальным руководителем партии, Чжу Дэ и Мао Цзэдуном, сбрасывая со счетов как «оппортунистов» первых двух и возлагая громадные надежды на Мао. Некоторые из сторонников Троцкого вовсе не пришли в восторг, когда Чэнь Дусю «обратился к троцкизму». Они считали его «ликвидатором», утверждая, что его роль исчерпана. Троцкий, для которого имя Мао не могло означать многого, придавал большое значение Чэнь Дусю, «великому старику» китайского марксизма, и пытался примирить китайских троцкистов с ним. Чэнь Дусю в письме Троцкому от 1 декабря 1930 г. объяснил, что он впервые познакомился с его взглядами на китайскую революцию летом 1929 г. и сразу же убедился в их правильности. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

от ограниченной роли учеников и последователей. Троцкизм, как выразился Генри Брандлер, уже был крошечной лодкой, которую перевешивал громадный парус. Личность Троцкого доминировала даже в русской оппозиции, однако там он по крайней мере был окружен единомышленниками, отличившимися в революции, независимо мыслившими, сильными духом и имевшими богатейший опыт. Среди единомышленников Троцкого за пределами России не было, за одним или двумя исключениями, людей такого типа. Он надеялся, что эта слабость оппозиции будет скоро ликвидирована и из рядовых вырастут новые лидеры. Он никогда не думал, что останется единственным изгнанным вождем русской оппозиции. Он ожидал, что Сталин, помимо него, вышлет других, особенно Раковского и Радека, и как только они приедут из России, международная оппозиция приобретет «сильный руководящий центр». Эти ожидания не оправдались. Сталин вовсе не намеревался укрепить позиции Троцкого новыми высылками.

* * *

Что же, за исключением личного обаяния Троцкого, представлял собой троцкизм на этой стадии?

Сутью троцкизма были принципы революционного интернационализма и пролетарской демократии [26]. Революционный интернационализм принадлежал к наследию классического марксизма. III Интернационал в свое время спас его, выхватив из ослабевших рук II Интернационала, а теперь Троцкий защищал его против как III, так и II Интернационала. Для Троцкого этот принцип не был простой абстракцией, а пронизывал его мышление и политические инстинкты. Он никогда не подходил ни к какому политическому вопросу иначе, как с точки зрения международных перспектив, и высшим критерием для Троцкого были сверхнациональные интересы коммунизма. Поэтому он считал доктрину «социализма в одной стране» «национал-социалистическим» извращением марксизма, символом национальной самонадеянности и высокомерия советской бюрократии. Эта доктрина теперь господствовала не только в Советском Союзе, где по крайней мере в ней ощущалась психологическая необходимость, она также стала официальным каноном международного коммунизма, который в нем не нуждался. Склонившись перед священным эгоизмом сталинской России, Коминтерн лишил себя оснований для собственного существования: Интернационал, прицепленный к социализму в одной стране, был противоречием уже в самом термине. Троцкий подчеркивал, что теоретическая концепция изолированного и самообеспечивающегося социалистического государства чужда марксистскому мышлению, ее генезис — в национал-ре-

формистской теории германских ревизионистов XIX столетия, а практически она означает отказ от международной революции и подчинение политики Коминтерна сталинским нуждам *. Считая интернациональные интересы важнее национальных, Троцкий отнюдь не относился к национальным нуждам Советского Союза с какой-либо нигилистической небрежностью или игнорировал его дипломатические или военные интересы. Он настаивал, что защита первого рабочего государства является долгом каждого коммуниста. Однако он был убежден, что сталинская концепция самообеспеченности ослабляет Советский Союз, главная задача которого заключается в ликвидации своей изоляции и распространении революции. Отсюда он делал вывод, что на решающих стадиях международной классовой борьбы рабочее государство должно быть готовым ради долгосрочных целей пожертвовать непосредственными выгодами, а не подрывать эту борьбу, как Сталин и Бухарин подрывали китайскую революцию в 1925—1927 годах. В 30-е годы этот спор превратился в вопросы о коммунистической стратегии и тактике против нацизма и о Народном фронте, однако в основе спора лежал тот же конфликт между (если использовать аналогию с современной американской политикой) троцкистским интернационализмом и изоляционизмом, окрасившим политику Сталина в 20-е и 30-е годы.

На первый взгляд позиция Троцкого была или должна была быть значительно более приемлемой для коммунистов за пределами Советского Сок за, чем позиция Сталина. У Троцкого были основания ожидать, чт › она найдет живой отклик, ибо он подчеркивал важную роль коммунистов, работавших вне Советского Союза,

* Троцкий проследил генезис концепции построения социализма в одной стране в письме к Г. Фольмару, хорошо известному немецкому реформисту, который аа 20 лет до «ревизионистской» кампании Бериштейна развил идею «изолированного социалистического государства». (Это, мы можем добавить, была социалистическая вариация иа осиовиую тему политэкоиомии Листа.) Концепция Фольмара, замечал Троцкий, более тоикая, чем концепция Сталипа и Бухарина, ибо в его представлеиии изолированное социалнстическое государство должно быть государством, подобиым Германии, находящимся в стадии технологического роста, а не слаборазвитой крестьяиской страной. Фольмар усматривал в технологическом превосходстве изолированного социалистического государстиа иад его капиталистическими соседями гараитию безопасности и успеха этого государства, в то время как Бухарии и Сталин (до 1928 г.) были убеждеиы, что подобиое государство может процветать, даже будучи промышлеиио отсталым. Фольмар также считал, что социалистическая Германия, опираясь на преимущества превосходящей технологии, плановой экономики, возобладает над капиталистическими соседями на путях мириого экономического соревноваиия, и таким образом иеобходимость революции в других странах в той или иной мере отпадет. Выдвинув эту идею, Фольмар предвосхитил ие столько сталинскую и бухаринскую концепцию 20-х годов, сколько тезис Хрущева об «экономическом сорениовании» и мирном переходе к социализму, принятый XX съездом КПСС в феврале 1956 г.

как независимых действующих лиц в международной классовой борьбе, в то время как Сталин отводил им роль простых клиентов «рабочего отечества».

Защита Троцким «пролетарской демократии» была направлена на то, чтобы освободить коммунистические партии от узких рамок их ультрабюрократических организаций и восстановить в них «демократический централизм». Этот принцип также восходил к марксистской традиции и еще значился в уставах компартий. Демократический централизм был призван обеспечить социалистическим, а позднее коммунистическим партиям свободу в дисциплине и дисциплину в свободе. Он обязывал партии строжайше соблюдать согласие и единство в действиях, но разрешал им терпеть самые разнообразные взгляды, совместимые с их программой. Этот принцип обязывал меньшинство выполнять решение большинства и обязывал большинство уважать право любого меньшинства критиковать и выступать против. Он даровал Центральному Комитету каждой коммунистической партии (и руководству Коминтерна) полномочия эффективно руководить рядовыми членами партии во время пребывания у власти данного руководства, однако сделал Центральные Комитеты зависимыми от воли и свободного голосования рядовых членов. Этот принцип поэтому имел громадное просветительное и практическое политическое значение для коммунистического движения. Отказ от него и замена его бюрократическим централизмом подорвали Коминтерн. Если в советской партии монолитная дисциплина и сверхцентрализация были неотъемлемой частью органической эволюции большевистской монополии на власть, то распространение этого режима на иностранные секции Коминтерна было целиком и полностью искусственным и не было связано с национальной средой и условиями существования иностранных коммунистических партий.

Большинство западных коммунистических партий привыкло работать в рамках многопартийной системы, где, как правило, они имели формальную свободу критики и дискуссии. Теперь руководители этих партий оказались в парадоксальном положении — в рядах собственных организаций они отрицали за своими сторонниками права, которые последние имели за пределами этих организаций. К 1930 году ни один германский, французский или другой коммунист не мог выразить несогласия с партийной линией. Они должны были принимать как евангелие официальные указания, исходившие из Москвы. Таким образом, каждая коммунистическая партия превратилась в собственной стране в некий странный остров, резко отрезанный от остальной части народа не столько своей революционной целью, сколько кодексом поведения, который почти не имел связи с этой целью. Этот кодекс носил квазицерковный характер, подвергая членов партии суро-

вой психологической дрессировке, подобной практикуемой в любой монашеской организации со времен контрреформации. Верно, что средствами этой дрессировки сталинизированный Коминтерн достиг необычайной дисциплины. Однако дисциплина такого рода оказалась разрушительной для эффективности революционной партии. Такая партия должна быть в народе и с народом, среди которого она работает. Ее нельзя отрезать в интересах соблюдения известного лишь посвященным культа. Сталинизм со своей верой и ритуалами несомненно привлекал некоторых интеллигентов, искавших веры, тех интеллигентов, которые позднее проклинали его как «падшего бога». Однако культ, которому они поклонялись, редко захватывал массы рабочих, этих «прирожденных пролетариев», которым он должен был служить. Больше того, необычайная дисциплина и ритуалы связывали партийных агитаторов по рукам и ногам, в то время как был необходим свободный и легкий доступ к тем, кого они стремились собрать под свои знамена. Когда европейский коммунист доказывал свое дело рабочей аудитории, он обычно встречался там с социал-демократическим противником, аргументы которого ему следовало опровергнуть и лозунгам которого он должен был противопоставить свои лозунги. Он не мог сделать этого, ибо не обладал навыками ведения политических споров, не культивировавшихся в коммунистической партии, и из-за того, что его подготовка лишала его возможности проповедовать тем, кто не был до того обращен в коммунистическую веру. Он не мог должным образом проникнуть в суть аргументации противника, ибо ему приходилось все время думать о собственной ортодоксальности и постоянно проверять, не отходит ли он в своих речах неосознанно от партийной линии. Он мог лишь с механическим фанатизмом повторять предписанный набор аргументов и лозунгов. Однако непредвиденное сопротивление или неожиданные критические замечания сбивали его с позиции. Когда такому агитатору приходилось, как часто случалось, давать ответ на критику в адрес Советского Союза, он очень редко мог говорить убедительно. Его благодарственные молебны рабочему отечеству и осанна Сталину делали его смешным в глазах любой трезвой аудитории. Неэффективность сталинской агитации была одной из основных причин, по которым в течение многих лет, даже в самых благоприятных условиях, эта агитация преуспевала очень мало, если вообще преуспевала, против социал-демократического реформизма.

Троцкий поставил себе цель стряхнуть оцепенение с коммунистических партий, возродить в них порыв, веру в себя и страсть к борьбе, которые когда-то у них были и которые они не могли вновь обрести без свободы в собственных рядах. Вновь и вновь он объяснял значение демократического централизма для блага ком-

мунистов, которые никогда не понимали его или забыли о нем. Он обращался к ним в их собственных интересах, во имя их собственного достоинства и будущего, надеясь, что обращения эти не останутся без ответа. И конечно, если разум, марксистские принципы или сами интересы коммунизма что-нибудь означают, то аргументы и призывы Троцкого должны были быть услышаны.

Помимо основных принципов, троцкизм содержал также ряд тактических концепций, менявшихся в зависимости от обстоятельств. Очень большая часть работ Троцкого в изгнании состоит из комментариев по этим вопросам, которые редко представляют интерес для аутсайдеров, особенно когда проходит какое-то время. Однако спектр тактических идей Троцкого был весьма широк, а его взгляды частично и до сих пор важны для политики рабочего класса, так что они представляют собой нечто гораздо большее, нежели просто исторический интерес.

Следует напомнить, что с 1923 по 1928 год, когда Коминтерн проводил «умеренную линию», Троцкий и его сторонники критиковали ее слева. После 1928 года эта линия в некоторой мере изменилась. Поскольку Сталин положил начало «левому курсу» в Советском Союзе, политика Коминтерна, отражая каждое движение и получая импульс от русской партии, автоматически изменила свое направление. Уже на VI конгрессе летом 1928 года Коминтерн начал менять лозунги, тактические рекомендации — вместо правых в сторону ультралевых *. В последующие месяцы новая линия получила дальнейшее развитие, пока не стала во всех отношениях диаметрально противоположной старой линии **. Если в предшествующие годы Коминтерн говорил об «относительной стабилизации капитализма», то теперь он поставил диагноз конца стабилизации, предсказав неминуемый и окончательный крах капитализма. Это было ядро так называемой «теории третьего периода», главным пропагандистом которой стал Молотов, сменивший Бухарина на посту руководителя Коминтерна. В соответствии с этой «теорией» политическая история послевоенного периода делилась на три четких периода: первый — революционный подъем, продолжавшийся до 1923 года, второй — стабилизация капитализма, которая закончилась к 1928 году, а третий, теперь открывавшийся, должен был принести смертельную агонию капитализму и империализму. Если раньше международный коммунизм оборонялся, то теперь пришло время перейти в наступление, обратившись от борьбы за «частичные требования» и реформы к прямой борьбе за власть.

---

* См.: Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. Под ред. Б. Куна. М. 1933. С. 760—784.

** См. там же. С. 876—888, 915—925, 957—966.

Коминтерн утверждал, что все противоречия капитализма вот-вот взорвутся, ибо буржуазия не сможет справиться со следующим экономическим кризисом, революционная ситуация очевидна во всем мире, особеннс в новой радикализации рабочего класса, стряхивающего реформистские иллюзии и буквально ждущего, чтобы коммунисты возглавили его и повели на бой. Любой инцидент в классовом конфликте ныне имел не поддающийся оценкам революционный потенциал, мог привести к «борьбе на улицах» или к вооруженному восстанию. «Во всем капиталистическом мире,— указывалось в «Большевике» в июне 1929 года,— поднимается волна забастовок... Элементы упорной революционной борьбы и гражданской войны переплетаются с забастовками. В борьбу втягиваются массы неорганизованных рабочих... Рост недовольства и сдвиг влево охватил также миллионы сельскохозяйственных рабочих и угнетенных крестьян». «Нужно быть тупым оппортунистом или презренным либералом,— заявил Молотов на заседании Исполкома Коминтерна,— чтобы не видеть, что мы обеими ногами вступили в период величайших революционных событий международной значимости». Эти слова предназначались быть не предсказанием отдаленного будущего, а прямыми указаниями и директивами для действий. Несколько европейских коммунистических партий действительно попытались превратить первомайские демонстрации 1929 года и антивоенные демонстрации 4 августа в прямую «борьбу на улицах», которая закончилась бесполезными кровавыми схватками между демонстрантами и полицией в Берлине, Париже и других городах.

В соответствии с этой «генеральной линией» Коминтерн также изменил свое отношение к социал-демократическим партиям. В действительно революционной обстановке, указывалось в этой связи, эти партии могут выступить лишь совместно с контрреволюцией, и поэтому у коммунистов нет никаких оснований искать сотрудничества или частичных соглашений с ними. Поскольку буржуазия стремится спасти свое правление с помощью фашизма, а эра парламентского правления и демократических свобод подходит к концу, парламентская демократия трансформируется «изнутри» в фашизм, и социал-демократические партии тоже становятся «социал-фашистскими» — «социалистическими на словах и фашистскими на деле». Поскольку они скрывают свою «истинную природу» под фразеологией демократии и социализма, социал-демократы представляют даже большую угрозу, чем явные фашисты. Поэтому коммунисты должны сосредоточить огонь на «социал-фашизме», как на «главном враге». Аналогичным образом левые социал-демократы, которые иногда выступают на словах как коммунисты, являют еще большую опасность, чем правое крыло «социал-фашистов», и с ними следует

бороться еще энергичнее. Если до тех пор от коммунистов требовали создавать единые фронты с социал-демократами «сверху и снизу», с лидерами и рядовыми социал-демократами, то теперь Коминтерн запретил эту тактику. Единый фронт можно было еще создавать «только снизу» — коммунистам разрешали сотрудничать лишь с теми рядовыми социал-демократами, которые «готовы порвать с собственными лидерами». Выступать за любой контакт «сверху» означало оказывать помощь и поощрять «социал-фашизм» *.

Этими указаниями коммунистические партии руководствовались в течение последующих 5—6 лет почти до времени создания Народного фронта, то есть на протяжении знаменательных лет мирового экономического кризиса, подъема нацизма, краха монархии в Испании и других событий, в ходе которых поведение коммунистических партий имело решающее значение.

В предшествующий период, когда Троцкий утверждал, что своей робкой политикой Коминтерн утрачивает революционные возможности, он никогда не предполагал, что линия Коминтерна изменится столь резко и круто. Поэтому Троцкий критиковал это изменение как «поворот на 180°» и «прыжок от оппортунизма к ультрарадикализму»: новые лозунги и тактические указания просто выворачивают наизнанку старые и предназначены для сокрытия провала этих старых лозунгов и указаний. В сокрушительной критике положений Молотова о трех периодах Троцкий указал, что если уж неверно рассматривать «второй период», во время которого произошли китайская революция и общая забастовка в Англии, как период стабилизации, то еще менее реально ожидание близкого краха капитализма в течение «третьего периода» и выведение отсюда необходимости исключительно наступательной политики. Коминтерн, говорил Троцкий, выполнил эту «реориентацию» механически, не пытаясь выяснить, что было неверным в его старой тактике, без настоящего обсуждения и переоценки спорных вопросов. Поскольку коммунистические партии не обсуждали правоту или ошибочность своей политики, они были обречены на то, что стали бросаться из одной крайности в другую и сменять по приказу свыше один набор ошибок на другой. Внутрипартийный режим в коммунистических партиях не был простым организационным делом, он затрагивал всю политику Коминтерна, превращая ее в закосневшую и одновременно нестабильную. Равным образом лихорадочный ультрарадикализм «третьего периода» отнюдь не свидетельствовал о возрождении революционного интернационализма в официальной Москве. Этот ультрарадикализм помешал росту коммунизма в мире не менее

* См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 946, 957—966.

эффективно, чем прежний оппортунизм, и в основе его лежало прежнее циничное бюрократическое безразличие к международным интересам рабочего класса *.

Теперь, как и раньше, Троцкий пропагандировал тот взгляд, что вся эпоха, открытая первой мировой войной и русской революцией, была эпохой упадка капитализма, сами основы которого были потрясены. Это, однако, не означало, что здание вот-вот с грохотом рухнет. Упадок социальной системы никогда не находит своего выражения в единственном процессе экономического краха или в непрерывной цепочке революционных ситуаций. Ни один кризис поэтому не являлся априори «последним и окончательным». Даже в период упадка капитализм должен иметь подъемы и спады (хотя подъемы имеют тенденцию становиться короче и менее прочными, а спады приобретают более глубокий и разрушительный характер). Промышленные циклы, как бы они ни изменились со времен Маркса, все еще развиваются обычным порядком не только от бума к спаду, но также и от спада к буму. Поэтому будет самонадеянным объявлять, что буржуазия «объективно» достигла конечного тупика: не существует такого тупика, из которого имущий класс не выберется, и удастся ли ему это или нет, зависит не столько от чисто экономических факторов, сколько от соотношения политических сил, которое может быть склонено в ту или другую сторону в зависимости от качества коммунистического руководства. Предсказывать «непрерывно поднимающуюся волну революции», открывать «элементы гражданской войны» почти в любой бурной забастовке и объявлять, что пришел момент перейти от обороны к наступлению и вооруженному восстанию, означает не предлагать никакого руководства и навлечь на себя поражение. В классовой борьбе, как и в войне, нельзя отделять и противопоставлять оборонительные и наступательные формы действия. Самое эффективное наступление обычно вырастает из успешной обороны, а элемент обороны существует даже в вооруженном восстании, в этом кульминационном пункте всей революционной борьбы. Во время кризиса рабочие должны защищаться против наступления на их жизненный уровень и подъема фашизма. Говорить им, что время для такой защиты прошло и что они должны быть готовы к генеральному наступлению на капитализм, означает проповедовать не что иное, как бездействие или капитуляцию, ведя эту проповедь в крайне ультрарадикальных словечках. Равным образом запретить всякое сотрудничество коммунистических и социалистических партий означает навлечь катастрофу на рабочее движение вообще и на коммунизм в

* Троцкий посвятил критике политики «третьего периода» весь «Бюллетень оппозиции» № 8 за январь 1930 г. и неоднократно возвращался к ней позднее.

особенности. Концепция «третьего периода», заключил Троцкий, есть продукт бюрократической опрометчивости под эгидой «маэстро Молотова» и представляет собой всего-навсего «третий период просчетов Коминтерна».

Эта первая критика содержала в зародыше весь широкий спор Троцкого с Коминтерном (по поводу политики последнего во время прихода Гитлера [27] к власти), заполнивший начало 30-х годов. Конечно, по этим тактическим вопросам троцкизм, казалось, выступал против Коминтерна справа, а не слева, как было раньше. Такое изменение не было изменением позиции Троцкого, которая соответствовала позиции Ленина и его самого на III и IV конгрессах Коминтерна в 1921—1922 годах, а коренилась в сталинском «бюрократическом централизме» и «последовательных правых и ультралевых зигзагах». Но даже если это и так, все же позиция человека, критикующего Сталина «справа», имела свои неудобства для Троцкого. Коммунисты, привыкшие считать его критиком Сталина слева, могли заподозрить непоследовательность или беспринципность. В действительности различия между троцкизмом и разнообразными правыми квазибухаринскими оппозициями в коммунистическом лагере были неясными по крайней мере в тактических вопросах, которые занимали громадное место в этих спорах. Правая оппозиция в Европе, среди которой сторонники Брандлера играли самую важную роль — Брандлер и Талгеймер только что были исключены из партии,— также сурово критиковала новый ультрарадикализм *. Троцкизм отличали от всех других групп оппозиции интеллектуальная мощь, наступательный характер и всеобъемлющая критика. Брандлер и Талгеймер ограничились разоблачением только последнего ультралевого «зигзага» Коминтерна. Троцкий подверг нападкам весь период деятельности Коминтерна после Ленина. Сторонников Брандлера заботила главным образом политика их национальных партий, и они тщательно воздерживались от оскорблений советского руководства: во внутренних советских конфликтах они волей-неволей брали сторону Сталина, одобряя концепцию строительства социализма в одной стране, извиняя бюрократический режим как соответствующий особым условиям России и даже как эхо откликаясь на московские осуждения троцкизма **. Они были убеждены,

* Группы, сходные со сторонниками Брандлера, были группами Варского и Костшева в Польше (которые были сняты со своих постов в 1929 г., но еще не исключены из партии), Гумберта Дроза в Швейцарии и Лавстона в Соединенных Штатах.

** В органе сторонников Брандлера «Arbeiterpolitik» сохранялось последовательно враждебное отношение к троцкизму, и Троцкий отплатил той же монетой. «Как я не обсуждаю различные тенденции материализма с любым крестящимся, проходя мимо церкви, так я не буду спорить с Брандлером и Талгеймером»,— писал он.

что никакая коммунистическая оппозиция, бросающая Москве принципиальный вызов, не может получить отклик в рядах коммунистов, и надеялись, что Коминтерн рано или поздно обнаружит, что политика «третьего периода» нереалистична, отбросит ее и примирится с теми из ее критиков, кто воздерживался от непоправимого разрыва. Троцкисты же настаивали, что политика различных национальных партий не может быть выправлена или их ошибки не могут быть исправлены только в рамках этих партий, ибо главный источник их «перерождения» — в Москве, и поэтому долг всех коммунистов принимать к сердцу внутренние советские дела и выступать в этих вопросах против сталинской бюрократии. Этот призыв к вмешательству иностранных коммунистов в советские дела был отличительной чертой троцкизма. То был вызов, который внушал ужас большинству коммунистов.

Несмотря на всеобъемлющий характер критики в адрес Коминтерна, троцкизм вовсе не стремился основать новое коммунистическое движение. Тогда и в течение нескольких последующих лет Троцкий категорически выступал против идеи создания IV Интернационала, уже выдвинутой Рабочей оппозицией в Советском Союзе и некоторыми из оставшихся от зиновьевской оппозиции в Европе. Троцкий объявил, что со своими сторонниками верен Коммунистическому Интернационалу, хотя их исключили из него. Они составляют школу, стремящуюся вернуть себе место в рядах общего коммунистического движения. Только преследования заставили их конституироваться во фракцию, но они остаются фракцией, а не соперничающей партией. Их единственная цель заключается в том, чтобы оказать влияние на коммунистов, заставить их осознать, что бразды правления в СССР и Коминтерне захватили узурпаторы, и побудить коммунистическое движение стремиться к восстановлению марксизма и ленинизма во всей чистоте. Поэтому троцкисты выступали за реформу Интернационала, но не за окончательный разрыв с ним. Троцкий верил, что коммунистические партии со всеми их недостатками и грехами все еще представляют боевой авангард рабочего класса. Место оппозиции — в этом авангарде. Если оппозиция со своими сторонниками отвернется от него, то окажется на задворках, куда загонял ее Сталин. Конечно, сталинизм не допускал, чтобы какая-нибудь оппозиция возникла в рядах Коминтерна. Однако такое положение дел не могло долго продолжаться: критические события внутри или вне Советского Союза скоро поднимут дремлющий порыв коммунизма, побудят коммунистов к действию и откроют возможности перед оппозицией. Троцкий предостерегал, что выступавшие за IV Интернационал должны иметь в виду, что для группы несогласных недостаточно поднять новое знамя, чтобы стать реальным политическим фактором. Революционные движе-

ния не вызываются к жизни знаменами и лозунгами, а рождаются и органически растут вместе с социальным классом, от имени которого они выступают. Каждый из Интернационалов представлял определенную стадию в историческом опыте рабочего класса в борьбе за социализм, и нельзя безнаказанно игнорировать связи II и III Интернационалов с массами или вес их политических традиций. Больше того, III Интернационал был рожден русской революцией, и политически сознательные рабочие были с ним солидарны, как и с революцией. В этом они правы, указывал Троцкий, хотя они не должны позволить сталинцам злоупотреблять их верностью. И поэтому, пока Советский Союз остается рабочим государством, нельзя ожидать или побуждать рабочих отказаться от III Интернационала.

В этом пункте, а именно что Советский Союз, хотя и «бюрократически деформированный», остается рабочим государством, Троцкий был непреклонен. По его мнению, социалистический характер советского государства определяет государственная собственность на средства производства. Пока это «самое главное завоевание Октября» было неприкосновенно, Советский Союз имеет базу, на которой может основывать свое социалистическое развитие. Конечно, рабочий класс должен утвердить себя вопреки бюрократии, перед тем как приступит к превращению социализма в реальность иным путем, кроме как на базе общественной собственности. А пока она сохраняется, рабочее государство живет не только потенциально, но и реально.

Этот взгляд часто ставился под сомнение многими, в том числе учениками Троцкого. Но Троцкий никогда не шел на компромисс по поводу его и не уступал ни на йоту, даже когда ревизовал и изменял другие свои идеи. Так, в течение первой половины пребывания в изгнании Троцкий проповедовал реформы, но не революцию в Советском Союзе, в то время как во второй период изгнания он стал утверждать, что политическая революция — единственный ответ на бюрократический абсолютизм. Впоследствии он также пересмотрел собственную концепцию роли оппозиции, провозгласив необходимость новой коммунистической партии и нового Интернационала. Но даже тогда он не колебался, настаивая на том, что Советский Союз есть рабочее государство. Он заявлял, что «безусловная защита Советского Союза» против буржуазных врагов является элементарной обязанностью каждого члена оппозиции, и он неоднократно дезавуировал друзей и сторонников, которые не хотели принять этой обязанности *.

* См.: Б. О. № 3—4. С. 4—5 и в других местах; *Trotsky L.* Écrits. Vol. I. P. 213—274; Militant. December 1929.

* * *

Итог первых попыток Троцкого организовать своих сторонников на Западе был разочаровывающим. Троцкий сосредоточил свое внимание на Франции, где у него были самые влиятельные последователи, и, надеясь создать там сильную базу, попытался сплотить различные троцкистские и квазитроцкистские группы и кружки, объединив их с зиновьевцами и с синдикалистским кружком «Пролетарская революция». С самого начала Росмер предостерегал его по поводу политической депрессии и деморализации, царивших в большинстве этих групп. Прошло пять лет с тех пор, когда троцкисты имели максимальное влияние во французской партии. За это время Коминтерн сумел восстановить там свое влияние, исключив всех несогласных и изолировав их от рядовых коммунистов. Ощущение изоляции и поражение оппозиции в России подорвали дух многих антисталинистов, среди которых Росмер заметил повальную панику, заставившую их отказаться от борьбы и стремиться «вообще никогда не иметь ничего общего с оппозицией». Даже выступавшие против таких настроений находились в замешательстве и занимали взаимно противоречивые позиции. «Величайшая беда всех этих групп,— продолжал Росмер,— в том, что они стоят вне практической работы, и это фатальным образом подчеркивает их сектантский характер» *.

Правота Росмера стала очевидной, когда Троцкий, отбросив его совет, попытался «вновь завоевать» Суварина и других на сторону оппозиции. В свое время Суварин прославился тем, что поднял одинокий голос в защиту Троцкого в Москве, и Троцкий, ценя его дар журналиста, ожидал, что он станет самым влиятельным французским рупором оппозиции. К удивлению Троцкого, Суварин выдвинул неприемлемые претензии. Он просил Троцкого не выступать с какими-либо публичными заявлениями без «предварительного согласия французской оппозиции», то есть самого Суварина. Троцкий, стремясь избежать споров, ответил, что не будет выступать по поводу французских дел, до сих пор он публично говорил только о советских (и китайских), по которым, конечно, он имел право выразить свое мнение, не прося одобрения французов. Суварин ответил громадным трактатом, занявшим свыше 130 страниц, полным парадоксов, острых словечек, метких наблюдений и различного рода анализа с чрезвычайно запутанной аргументацией,— и все это излагалось в тоне яростной враждебности, что сделало разрыв неизбежным. Суварин утверждал, что большевизм «раз и навсегда потерпел крах за пределами России», ибо «он превратно понимал характер эпохи», недооценивал силу

* Росмер — Троцкому. 16 апреля 1929 г.

буржуазии и переоценивал боевитость рабочих, он также совершил «фатальную ошибку», пытаясь создать иностранные коммунистические партии по собственному подобию. Такого взгляда независимо от его достойных внимания сторон Троцкий не ожидал от любого, считавшего себя троцкистом, и не мог одобрить его. Троцкий не был согласен, что большевизм виновен в «фатальных ошибках», приписанных ему Сувариным, и винил сталинизм, но не ленинизм за провал Коминтерна. Куда более поразительными были другие упреки Суварина, которые, несмотря на всю его болтовню о советском «государственном капитализме», имели просталинистский оттенок, а именно что Троцкий и оппозиция без нужды «культивировали революционную непримиримость», что не дало им возможности должным образом заботиться об «осязаемых нуждах советского государства». «Нет ничего более важного — таковы были слова Суварина — для всего международного рабочего движения, чем экономический успех Советского Союза, государственный капитализм которого неоспоримо выше империалистического капитализма». Он высмеивал «никчемный героизм», не давший возможности Троцкому и его сторонникам служить советскому государству, даже если для них не оказалось места в рядах партии: «Можно быть полезным революции, не будучи членом Политбюро или Центрального Комитета или даже членом партии». Если бы не их полная абсурдность, эти замечания могли бы прозвучать как запоздалый совет Троцкому капитулировать перед Сталиным, ибо ничто, за исключением капитуляции (и даже она), не могло бы дать ему возможности продолжать «служить революции», не будучи членом партии. Не переводя дыхания, Суварин с крайним сарказмом обрушился на верность Троцкого большевизму и ленинизму, побуждая его освободиться от них и «вернуться к Марксу».

«Я не вижу больше тех уз, которые объединяли нас считанные годы назад»,— ответил Троцкий. В том, что написал Суварин, Троцкий не мог найти «ни одного аргумента, фактов...». «Вами руководит и подсказывает вам парадоксы перо озлобленного журналиста-неудачника». «Вы считаете партию и Интернационал трупами. Вы усматриваете величайшую ошибку русской оппозиции в ее постоянных попытках оказать влияние на партию и вернуться в ее ряды. С другой стороны, вы характеризуете советскую экономику как государственный капитализм... и требуете, чтобы оппозиция удовлетворилась ролью слуги государственного капитализма... Вы переходите на другую сторону баррикады» *. На этом переписка оборвалась, и Суварин навсегда остался среди противников Троцкого. Хотя в 1929 году он сам

* Росмер — Троцкому. 16 апреля 1929 г.

пытался научить Троцкого, «как быть полезным революции», служа прогрессивному государственному капитализму, в последующие годы Суварин клял Троцкого за противоположные прегрешения, а именно за то, что тот усматривал прогресс в Советском Союзе, заявляя, что там осталось достаточно из наследия революции, что стоило защищать.

Попытка договориться с синдикалистами из группы «Пролетарская революция», среди членов которой самыми известными были Монатт и Лузон, также ни к чему не привела. Когда-то, в годы первой мировой войны, Троцкий оказывал на них сильное влияние, преодолевая их характерный предрассудок против любой политической деятельности, включая революционно-марксистскую. Позднее они вступили в коммунистическую партию, из которой были исключены во время антитроцкистской кампании. Они лично еще были сильно привязаны к Троцкому, однако опыт отношений с Коминтерном подтвердил их старое отвращение к политике и укрепил их в убеждении, что боевая тред-юнионистская деятельность, кульминационный пункт которой — всеобщая забастовка, является единственной дорогой к социалистической революции. Что бы ни делал Троцкий, ему не удалось вернуть их к ленинской точке зрения о чрезвычайной важности революционной партии и побудить их присоединиться к нему в борьбе за реформирование Коминтерна.

Не лучшими оказались результаты посредничества Троцкого между его сторонниками и зиновьевцами. Последние составляли крошечную секту, но их возглавлял известный лидер Альбер Трен, который был официальным руководителем Французской коммунистической партии в 1924—1925 годах. Именно Трен в то время, когда Зиновьев руководил «большевизацией», исключил троцкистов из партии, осыпая их осуждениями и клеветой. За это они возненавидели его и сохранили ненависть даже после исключения Трена и не хотели слышать о примирении с ним. Троцкий тем не менее в мае 1929 года пригласил Трена на Принцевы острова и целый месяц пытался добиться примирения. Однако старая нелюбовь оказалась слишком сильной, и Трен, стремясь оправдать свое поведение в 1924 году, не сделал ничего для умиротворения страстей. Троцкий под давлением собственных сторонников был вынужден расстаться с Треном, однако их расставание было более дружественным, чем расставание с Сувариным, и они поддерживали корректные, хотя и прохладные отношения.

Потерпев неудачу с Сувариным, с синдикалистами и Треном, Троцкий тут же вынужден был заняться разногласиями среди самих троцкистов. Последующую историю едва ли стоило рассказывать, если бы она не сыграла своей роли в жизни Троцкого

и в конечной неудаче троцкизма как движения. В Париже было несколько соперничавших групп и кружков: кружок Мориса и Магдалины Пазов, выпускавший небольшой периодический орган «Против течения», Росмер, молодые троцкисты (имевшие собственные газеты «Борьба классов» и «Правда»); среди последних Пьер Навиль и Раймон Молинье образовали две враждующие секты. Из всех этих людей только Росмер был общественно значимой фигурой: он принадлежал к небольшой элите революционных интернационалистов, испытанных в годы первой мировой войны. Навиль был молодым писателем, принимавшим участие в литературном мятеже сюрреалистов. Потом он вступил в коммунистическую партию, приобрел некоторую известность как марксистский критик сюрреализма, с симпатией следил за борьбой Троцкого в Москве в 1928 году и был сам исключен из партии. Он был теоретически подкован в марксизме, однако имел очень небольшой политический опыт и едва ли какие-нибудь связи с рабочим движением. Молинье, напротив, был «активистом», полным энергии и предприимчивости, очень хорошо чувствовавшим себя на практической работе, но не слишком разборчивым в выборе путей и средств и, вероятно, довольно неотесанным в интеллектуальном отношении. Антиподы — интеллигент и активист — часто составляли неплохую рабочую пару, когда их двигала инерция практической повседневной деятельности широкой организации, и все же антагонизм между ними обычно разрушал маленькие группы, отрезанные от главного потока движения и остававшиеся «вне практических действий».

Когда в начале весны 1929 года Морис и Магдалина Пазы приехали на Принцевы острова, Троцкий убеждал их объединить свой кружок с другими группами, превратить орган «Против течения» в «большой и наступательный» еженедельник, говорящий голосом оппозиции, и приступить к благородной кампании по вербовке членов. Он разработал с ними план кампании и обещал тесное сотрудничество. Они согласились с предложением Троцкого, хотя не без оговорок. По возвращении в Париж однако они поразмыслили и отказались приступить к изданию большого еженедельника. Они не видели никаких шансов на успех вербовочной кампании оппозиции в масштабах, предложенных Троцким. И прежде всего они протестовали против «попытки навязать руководство Росмера», предпринятой Троцким, презрительно отзываясь о молодых троцкистах, рвавшихся к боевой деятельности, как о группе простаков и невежд. Ничто не могло сильнее, чем подобные рассуждения, убедить Троцкого, что Пазы имели очень немного, если вообще имели, качеств профессиональных революционеров, которых он стремился собрать. Они и в самом деле были «гостинными большевиками», преуспевавшими в своих

буржуазных профессиях. Морис был довольно состоятельным юристом и занимался троцкизмом как хобби. Когда Троцкий был в Алма-Ате, они были рады действовать в качестве его представителя в Париже и купаться в лучах его отраженной славы. Однако, когда Троцкий приехал из России и предстал перед ними во плоти и крови со своими трудными требованиями, они не имели ни малейшего желания серьезно связываться с ним. Последовала мучительная переписка. Троцкий дал им почувствовать, что считает их филистерами. «Революционеры,— писал он им,— могут быть либо образованными, либо невежественными людьми, либо интеллигентными, либо тупыми. Однако не может быть революционеров без воли, которая ломает препятствия, без преданности, без духа самопожертвования» *.

Пазы ответили в такой манере, что оскорбили Троцкого не меньше, чем он их. Они говорили о мощи и притягательной силе официального коммунизма и слабости оппозиции, используя этот действительно существовавший контраст как предлог для извинения отсутствия пыла у себя. Они объяснили, что не превратят орган «Против течения» в еженедельник, поскольку «орган оппозиции, чтобы не потерпеть краха, должен иметь кое-что еще помимо изысканной прозы и боевого имени товарища Троцкого»,— такой еженедельник должен иметь материальную и моральную базу и быть способным «жить со своими читателями и активными сторонниками». Еженедельник не будет иметь такой базы, ибо старые коммунисты, для которых имя Троцкого очень много значит, впали в апатию, а молодые невежественны и недоступны для аргументации. «Не предавайтесь иллюзиям относительно веса вашего имени. В течение пяти лет официальная коммунистическая печать оклеветала вас в такой степени, что среди широких масс существует лишь слабое воспоминание о вас, как о руководителе Красной Армии». Осталось очень мало от почтения, с которым Пазы всего несколько месяцев назад обращались к Троцкому как к «дорогому великому Другу». В сущности, они намекали на то, что у Троцкого были развиты эгоизм и тщеславие. О том, что его сторонники были изолированы, а сталинские пропагандисты сделали его имя одиозным в глазах рядовых коммунистов или пытались предать его забвению, Троцкий знал. Однако такая обстановка как раз и служила для него еще одной причиной, чтобы троцкисты предприняли крупную контратаку, лишь в ходе которой они могли бы сломить апатию рядовых коммунистов. Он заключил, что не может иметь ничего общего с Пазами, хотя разрыв с ними, последовавший сразу же за разрывом с Сувариным, был более неприятен, учитывая услуги и внимание с их стороны с момента его изгнания.

---

* **Переписка Троцкого с Пазами.** ***Архив Троцкого. Закрытая секция.***

Последовавшее было более чем прискорбно. Троцкому пришлось одновременно бороться с враждебностью, разделявшей его оставшихся сторонников — Росмера и секты Навиля и Молинье. Молинье приехал на Принцевы острова полный оптимизма, с громадными планами превращения троцкизма в великую политическую силу. Он был убежден, что перед оппозицией открываются блестящие возможности во Франции, ибо официальная партия была полна недовольства и не могла оставаться безучастной к призыву оппозиции,— оппозиции требовалось лишь действовать с уверенностью и проявить смелую инициативу. Молинье имел планы проникновения троцкистов в партию, проведения массовых собраний, издания газет большими тиражами и т. д. Выполнение этих планов требовало значительно больше денег, чем оппозиция могла собрать среди своих членов. Однако Молинье имел также финансовые планы, довольно туманные, но в какой-то мере осуществимые. Он был готов приняться за различные коммерческие предприятия и уже намечал, как потратить ожидаемые прибыли *.

Росмер и Навиль более осторожно оценивали перспективы. Они сбрасывали со счетов «массовые действия», которые планировал Молинье, и были склонны для начала удовлетвориться более скромным, но упорным разъяснением идей оппозиции и пропагандой среди зрелых элементов левого крыла. Они опасались, что рискованные начинания Молинье могут дискредитировать оппозицию, и не доверяли ему. «Он не боевой коммунист, он деляга и невежда»,— говорил Росмер. О Молинье в Париже начали циркулировать порочившие его слухи: он дезертировал из армии, а затем перед военным судом защищался в манере, недостойной коммуниста, говоря, что он против службы в армии по религиозным мотивам. Делались намеки насчет темного характера его коммерческих предприятий, однако было трудно указать на что-либо конкретное.

Троцкий, признавая определенные недостатки Молинье, в душе тем не менее доверял ему. Его захватили энергия, изобретательность и мужество Молинье, то есть те качества, которые Троцкий обычно ценил в сторонниках. Молинье был в некотором роде авантюристом, но горел настоящим революционным рвением и готов был на все. Именно эти качества, говорил Троцкий, навлекли недовольство и клевету филистеров на голову Молинье, а он, Троцкий, знает очень хорошо, что ни одно революционное движение не может обойтись без таких людей, в которых определенная неотесанность мысли компенсируется энергией, желанием действовать и идти на риск. Как часто ему приходилось опираться именно на таких людей

* Семья Молинье владела небольшим банком на авеню де ля Репюблик в Париже.

в годы революции и гражданской войны! Молинье стал симпатичен Троцкому благодаря готовности, с которой он выполнял небольшие, но важные поручения: помогал организовать жизнь на Принцевых островах, создавать секретариат, защищал интересы Троцкого в издательствах в Париже и т. д. В сущности, он стал совершенно необходимым. Семья Молинье, жена Жанна[28] и брат Анри, скромный инженер, не имевший политических амбиций,— все были полезны «своей молиньевской энергией», которая очень нравилась Троцкому. Они ездили между Парижем и Принцевыми островами, проводили много времени в Бюйюк Ада. Их отношения с семьей Троцких стали тесными и теплыми. Поэтому Троцкий стремился мягко рассеять подозрения Росмера. Хотя он очень ценил честность и здравые суждения Росмера, но считал его слабо приспособленным для организационной работы, легко впадавшим в панику из-за небольших трений, обычных во фракционной работе, которой занимался Молинье. Когда против Молинье выдвинул возражения Навиль, то Троцкий отнесся к ним уже совсем терпимо, отругал Навиля за «интеллигентское высокомерие», «схематическое мышление», политическую леность и «нежелание заняться работой в массах». Кое-как ему удалось на время уладить соперничество. Росмер, Молинье и Навиль согласились на «урегулирование» и, пообещав отвлечься от личных эмоций и работать вместе, вернулись в Париж с намерением создать не национальную, а международную организацию оппозиции *.

Троцкий был преисполнен надежд. Конечно, «база», создававшаяся во Франции, будет более узкой, чем хотелось бы, но достаточной, чтобы стать зародышем широкой организации. И конечно, уже на этой стадии возникла дилемма: должна ли оппозиция стремиться «к массовым действиям», выступать с собственной агитацией и лозунгами или должна ограничиться работой, проводившейся в прошлом медленно, но плодотворно, небольшими пропагандистскими марксистскими кружками, терпеливо распространяющими свои теории и имеющими дело скорее с идеями, чем с лозунгами? Однако эта дилемма пока не предстала ясно или остро, и поэтому решение ее можно было отложить. Тот факт, что оппозиция не стремилась к созданию новой политической партии, а была фракцией, стремившейся реформировать старую партию, подсказывал, что ей нужно сосредоточить усилия на теоретической пропаганде своих идей. К этой форме деятельности Троцкий как мыслитель, конечно, был склонен. И все-таки человек действия в нем, великий комиссар и руководитель оппозиции негодовал по поводу

* Рассказ об этом основан на переписке Троцкого, Р. Молинье, Навиля, В. Сержа, Л. Седова и многих других, охватывающей все 30-е годы. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

ограниченности такого рода мероприятий и рвался к широкому массовому движению.

Летом 1929 года Росмер отправился в поездку по Германии и Бельгии для инспектирования и сплочения там оппозиционных групп. Он установил контакты с итальянскими, голландскими, американскими и другими троцкистами. О своей работе он подробно информировал Троцкого. В целом отчеты не были оптимистичными. Бездействие, сектантские склоки и личное соперничество, сильно ослабившие оппозицию во Франции, причинили ей большой вред и в других местах. С точки зрения Троцкого, Германия была самой важной страной в качестве арены классовой борьбы в Европе; ее коммунистическая партия, которой отдавали свои голоса несколько миллионов избирателей, была самой сильной компартией Запада. Росмер доложил, что в Берлине он нашел несколько групп, признававших авторитет Троцкого, но они расточали свои силы в постоянной борьбе друг с другом. Так называемая группа Веддинга объединяла собственно троцкистов, однако значительно более важным был «Ленинбунд», выпускавший «Знамя коммунизма» и руководившийся Гуго Урбансом. Там же были другие небольшие «ультралевые» секты, так называемые коршисты, названные по имени теоретика Карла Корша, в 1923 году занимавшего пост министра в коммунистическо-социалистическом правительстве Тюрингии. Зиновьевцы, руководимые Масловым и Фишер, были значительно сильнее. Как ни парадоксально, после капитуляции их духовного вождя перед Сталиным, сами они заняли крайне антисталинскую позицию, аналогичную позиции остатков Рабочей оппозиции в России, и в нападках на официальный коммунизм шли «значительно дальше», чем был готов пойти Троцкий. Они доказывали, что русская революция исчерпала себя, Советский Союз начал эпоху контрреволюции, в нем не осталось ничего от пролетарской диктатуры, правящая бюрократия выступает как новый класс эксплуататоров и угнетателей, опирающийся на государственный капитализм национализированной экономики, одним словом, русский термидор восторжествовал. Они добавляли, что даже внешняя политика сталинизма становится неотличимой от политики царского империализма. Следовательно, никакие реформы не могут восстановить правления рабочего класса — этого можно достигнуть только новой пролетарской революцией. Они также считали безнадежным стремиться к реформе III Интернационала, этого «орудия русских термидорианцев», эксплуатирующего героическую легенду Октября, чтобы не дать возможности рабочим взглянуть в лицо фактам и использовать их революционную энергию в интересах контрреволюции. Излишне говорить, что придерживавшиеся таких взглядов не считали себя обязанными проявлять солидарность с Советским Союзом, тем более защищать его. Они ссылались на

изгнание Троцкого из страны как на убедительное доказательство в пользу своей позиции. «Изгнание Троцкого,— писали они,— обозначает линию, на которой русская революция определенно пришла к концу».

Троцкий защищался против избытка рвения со стороны своих защитников. В спорах с «Ленинбундом» и «Пролетарской революцией» он отточил свой старый аргумент против утверждений о том, что советский термидор — свершившийся факт. Вновь определяя термидор как буржуазную контрреволюцию, Троцкий указывал, что она не может свершиться без гражданской войны. Советский Союз же не прошел через новую гражданскую войну, и режим, установленный в 1917 году, несмотря на его вырождение, сохранил преемственность, проявляющуюся в его социальной структуре, основанной на общественной собственности и непрерывном правлении большевистской партии. «Русская революция XX столетия,— писал Троцкий,— является несравнимо более широкой и глубокой, чем французская революция XVIII столетия. Социальный класс, на который опиралась Октябрьская революция, несравненно более многочислен, однороден, сплочен и решителен, чем были городские плебеи во Франции. Руководство Октябрьской революцией *по своему составу* было несравненно более опытным и умелым, чем были или могли быть руководящие группы французской революции. Наконец, политические, экономические, социальные и культурные изменения, осуществленные большевистской диктатурой, были также несравненно более глубокими, чем изменения, проведенные якобинцами. Если оказалось невозможным вырвать власть из рук французских плебеев... без гражданской войны, а термидор был гражданской войной, в которой санкюлоты потерпели поражение, как можно думать или верить, что власть может перейти из рук русского пролетариата в руки буржуазии мирно, путем тихого, незаметного бюрократического изменения? Такая концепция термидора не что иное, как «реформизм *наоборот*». «Средства производства,— продолжал Троцкий,— раньше принадлежавшие капиталистам, остаются в руках советского государства до сегодняшнего дня. Земля национализирована. Социальные элементы, живущие эксплуатацией труда, по-прежнему не допускаются в Советы и Армию». Термидорианская опасность достаточно реальна, однако борьба еще не подошла к концу и как «левый курс» Сталина и его наступление на нэпмана и кулака не уничтожили термидорианскую опасность, так и изгнание Троцкого не свело на нет Октябрьскую революцию. Следует проявлять чувство меры при оценке фактов и в теоретических построениях. Концепция советского государственного капитализма бессмысленна, ибо капитализма там вообще не существует. И если говорящие о нем осуждают государственную собственность, они

отказываются от важнейшей предпосылки социализма. Равным образом бюрократия есть не новый эксплуататорский класс в марксистском смысле, а «злокачественный нарост на теле рабочего класса». Новый эксплуататорский класс не может вырасти из обычных функций управления, не имея никакой собственности на средства производства *.

Значение этого спора стало очевидным, когда летом 1929 года вспыхнул конфликт между Советским Союзом и Китаем по поводу КВЖД. Китай выдвинул претензии на железную дорогу, являвшуюся концессией советского правительства. Немедленно встал вопрос: на чью сторону должна встать оппозиция? Французские синдикалисты, «Ленинбунд» и некоторые бельгийские троцкисты утверждали, что советское правительство должно отказаться от железной дороги (построенной Россией в ходе царской экспансии в Маньчжурии), и в отказе Сталиным сделать это усмотрели доказательство империалистического характера его политики. К их удивлению, Троцкий заявил, что Сталин прав, не отдавая железную дорогу, и долг оппозиции выступить на стороне Советского Союза против Китая **. В первый год изгнания это был первый крупный спор Троцкого со своими сторонниками. Мы увидим, что в последний год жизни в изгнании Троцкий во время советско-финской войны 1939—1940 годов вел другой крупный спор со своими сторонниками, и вновь вокруг вопроса об отношении оппозиции к Советскому Союзу; и в этом споре он в целом развивал тот же взгляд, что и в 1929 году.

Троцкий заявил, что не видит никаких оснований для того, чтобы рабочее государство сдало важные экономические и стратегические позиции правительству Чан Кайши [29] (которое признало советскую концессию в Маньчжурии). Троцкий резко критиковал поведение Сталина в отношении китайцев, игнорирование их больных мест и нежелание обратиться к народу Маньчжурии — ведь более продуманная политика могла бы предотвратить конфликт. Но коль скоро конфликт разразился, утверждал Троцкий, у коммунистов нет иного выбора, кроме как поддержать Советский Союз. Если бы Сталин передал железную дорогу Гоминьдану, он уступил бы не китайскому народу, а его угнетателям. Чан Кайши сам находится в зависимости. Если бы он получил контроль над КВЖД, он не смог бы удержать ее и рано или поздно утратил бы железную дорогу в пользу Японии (или разрешил бы американскому капиталу поставить экономику Маньчжурии под свой контроль). Только

* *Trotsky L.* Écrits. Vol. 1. P. 213—274.

** О роли Троцкого в 1926 г. как председателя Китайской комиссии Политбюро, когда ему пришлось заниматься, между прочим, обеспечением советского влияиия в Маньчжурии, рассказаио в книге «Разоруженный пророк».

Советский Союз достаточно силен, чтобы не допустить перехода этих позиций в Маньчжурии в руки японцев. Национальные права Китая, на которые ссылаются некоторые критики, по мнению Троцкого, не имеют никакого отношения к этому делу — всего лишь инциденту в сложном, многостороннем состязании между мировым империализмом и рабочим государством. Троцкий заключил, что для Советского Союза придет время совершить историческую справедливость и вернуть маньчжурский форпост Китаю, когда в Пекине будет учреждено революционное правительство, и его предсказание сбылось после китайской революции. А пока советское правительство должно выступать доверенным революционного Китая, сохранив для него китайское имущество в Маньчжурии *.

Легко представить себе замешательство, вызванное Троцким среди фанатиков оппозиции. Они были поставлены в тупик его «непоследовательностью», думая, что он упускает величайшую возможность нанести удар по Сталину. Троцкий же, конечно, не стремился к простому сведению счетов. Его поведение соответствовало его общей концепции о Советском Союзе как о рабочем государстве. За это государство он, изгнанник, чувствовал такую же ответственность, как и в то время, когда был членом Политбюро и правительства Ленина. Он расценивал приступы праведного гнева по поводу советской политики у некоторых из его учеников как неверные и дешевые и прямо говорил им, что не имеет ничего общего с «троцкистами», которые не желают оказывать рабочему государству непоколебимую поддержку, хотя и не без критики.

Ригоризм Троцкого в отстаивании своих принципов, отказ разбавить их демагогией оскорбили многих его старых и потенциальных сторонников. Больше того, движение, которому он клал начало, затруднялось, с одной стороны, строгой принципиальностью Троцкого, а с другой стороны, бесцеремонным преследованием со стороны сталинистов. Эти преследования держали сторонников Троцкого на громадном расстоянии от тех единственных людей, у которых идеи Троцкого могли вызвать отклик,— широкой коммунистической аудитории в Европе. Тщательность в выборе аргументации отчуждала Троцкого от рассеянного, но растущего антисталинско-

* В 1935 г. Сталин, встревоженный приближавшейся войной и стремясь отсрочить японское нападение на СССР, продал железную дорогу японскому марионеточному правительству Маньчжурии. В 1945 г. Советский Союз восстановил контроль над КВЖД, и только в сентябре 1952 г. Сталин после некоторых колебаний уступил ее правительству Мао Цзэдуна. Это был один из последних важных политических актов Сталина. До этого он проводил политику экономического проникновения в Китай, и отказ от железной дороги предвещал окончательный отказ его преемников от такой политики. В этом, как во многих других актах, Сталин и его последователи были неохотными исполнителями политики, которую изложил Троцкий примерно на 25 лет раньше.

го сообщества, состоявшего из бывших членов партии, которые стремились схватиться со сталинистами на их собственной почве, отвечать ударом на удар, выступать против низких методов такими же средствами и на злобу отвечать озлоблением. Люди такого типа не желали считаться с высокими призывами Троцкого.

Поэтому после одного-двух лет убеждений и вербовки оказалось, что ступивших на путь Троцкого очень немного. То там, то здесь появлялись новые группы. Тот или иной член, допустим, итальянского Политбюро или бельгийского Центрального Комитета, или небольшая группа чешских и даже британских активистов вдруг начинали видеть истинный свет и присоединялись к оппозиции. Однако такие присоединения не могли ничего изменить в общем положении оппозиции. Даже если некоторые из прибывших до недавних пор были очень влиятельны в своих партиях и были тесно связаны на протяжении многих лет с рабочим классом, они утрачивали свое влияние и связи, как только соответствующая партия исключала их, приступала к преследованию их, клевеща и изгоняя отовсюду как прокаженных. Все работало против них — авторитет Москвы, престиж собственной партии, дисциплина пролетарского авангарда, внушительные массовые собрания, легионы пропагандистов и агитаторов, некоторые из которых были не лучше гангстеров, а большинство из-за страстной, но слепой приверженности к собственному делу превращалось в моральных убийц недавних товарищей. Новообращенные троцкисты преисполнялись решимостью потрясти любимую ими партию и заставить ее усмотреть свет, который усмотрели сами, изучая труды Троцкого. Но вскоре они оказывались замкнутыми в небольших изолированных кружках, где им приходилось привыкать жить как благородным прокаженным в политической пустыне. Небольшие группы, не могущие связаться с массовым движением, быстро падают духом. Какими бы умными и энергичными они ни были, они не могли практически применить эти качества и расточали свои силы в схоластических склоках, в глубокой личной враждебности, приводившей к бесконечным расколам и взаимным анафемам. Такое сектантское склочничество, конечно, в определенной мере отмечало развитие любого революционного движения. Однако живое движение отличается от иссохшей секты тем, что первое своевременно находит, а вторая нет спасительный переход от склок и расколов к подлинному политическому массовому действию.

Группы троцкистов не испытывали недостатка в умных, честных людях, преисполненных энтузиазма. Однако они не могли пробиться через навязанный им сталинизмом остракизм и никогда не могли преодолеть собственные внутренние разногласия. Так, вскоре после примирения усилиями Троцкого среди французских троцкистов последние снова передрались. Росмер и Навиль возоб-

новили свои жалобы на Молинье, обвиняя его в безответственности и опрометчивости, в то время как он упрекал их в маловерии и срыве всех планов действия. Крошечная организация, придававшая себе внешность и конституцию значительно большей организации, имела свой Национальный Исполком и Парижский Комитет. В первом большинство составляли Росмер и Навиль. Они предложили исключить Молинье на том основании, что его финансовые делишки угрожают подорвать репутацию оппозиции. Однако за Молинье стоял Парижский Комитет, и он имел поддержку Троцкого. Росмер умолял Троцкого спасти Национальный Исполком от этого затруднения и перестать прикрывать Молинье *. Однако теперь Троцкий очень привязался к Молинье, его отношения с Росмером стали напряженными, а переписка с ним довольно желчной. Это соперничество также затронуло два квазимеждународных органа, которые создала оппозиция: Международное Бюро и Международный Секретариат, тоже враждовавших друг с другом **. Летом 1930 года Троцкий вновь попросил своих французских сторонников приехать на Принцевы острова, чтобы уладить распри между ними. Они приехали, достигли нового «мира», и Троцкий отослал их в Париж, убежденный, что теперь они наконец единодушно начнут долго откладывавшееся наступление, на которое он возлагал такие надежды. Однако спустя немногие недели вновь вспыхнула склока, и в ноябре Росмер, обиженный симпатией Троцкого к Молинье, подал в отставку. Это был удар по организации, лично по Троцкому, который знал, что ни один из его сторонников в Европе не имеет авторитета Росмера. Однако Троцкий был убежден, что энергия Молинье скоро выведет организацию из тупика, и тогда Росмер вернется. Даже подавая в отставку, Росмер дал Троцкому доказательства редкой преданности — он воздержался от всяких споров и, не вступая открыто в конфликт с Троцким, устранился

* См. переписку Троцкого с Росмером в июне—июле 1930 г., а также письма Троцкого М. Шахтману от 18 августа 1930 г., Р. Молинье в январе—феврале 1931 г. и Федерации Шарлеруа от 28 июня 1931 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Международное бюро, организованное на конференции троцкистов нескольких стран в апреле 1930 г., состояло из Росмера (заместителем которого был Навиль), американца Шахтмана, немца Ландау, испанца Нина и русского Маркина. Под фамилией «Маркин» русскую оппозицию представлял Л. Седов (Лева. Он, однако, не принимал участия в этой конференции). Бюро не могло функционировать, так как Шахтман вернулся в Соединенные Штаты, Нин вскоре был посажен в тюрьму в Испании, а Маркин не мог выбраться с Принцевых островов. Тогда в Париже был создан Международный Секретариат, главным действующим лицом которого стал Навиль, а членами — итальянец Сузо и американец Милль. Милль вскоре был разоблачен как сталинист, и Секретариат оказался не более эффективен, чем Бюро. Троцкий затем попытался укрепить его с помощью Сенина-Соболевичуса и Уэлла (см. письмо Троцкого Уэллу от 15 декабря 1931 г.).

от всей фракционной деятельности. Но он был настолько обижен поведением Троцкого, что в течение нескольких лет отказывался встретиться с ним и даже вести переписку.

Подобные разногласия, в которых совершенно невозможно отличить личное от политического, стали хронической болезнью большинства, если не всех троцкистских групп. Французский пример был тем более заразителен хотя бы потому, что Париж теперь стал центром международного троцкизма. Спорившие, как правило, имели такой небольшой вес, спорные вопросы были так незначительны, а склоки так отвратительны, что даже вмешательство Троцкого в них не оправдало бы упоминания об этих вопросах в его биографии. С годами вмешательство Троцкого в такие конфликты приобрело прискорбные, а иногда и смехотворные черты. Поскольку каждый спор потрясал всю организацию, эти мелочи поглощали очень много времени и нервов Троцкого. Он выступал на той или иной стороне. Он являлся арбитром. Поддерживая контакт с группами во всех уголках земного шара, Троцкому приходилось иметь дело с невероятно большим количеством таких склок, а поскольку он поощрял различные группы оппозиции интересоваться делами друг друга, то писал бесконечные циркуляры и послания, объясняя, например, бельгийцам, почему перессорились французы, а грекам, почему германские товарищи не находятся в согласии, полякам, каковы спорные вопросы между сектами бельгийских и американских оппозиционеров, и т. д. *

Троцкий делал все это в убеждении, что просвещает и готовит новый набор коммунистов, новые кадры революции. Чрезвычайная бедность ресурсов оппозиции и слабость ее организации не останавливали его. Он считал, что мощь движения — в силе его идей, которые в конечном счете восторжествуют, что главная задача «сохранить преемственность» марксистской школы, что только организация может обеспечить такую преемственность и любая организация должна строиться при существующих обстоятельствах и с имеющимся человеческим материалом. Иногда склоки среди сторонников приводили Троцкого в отчаяние и заставляли задумываться, не расточает ли он свои силы впустую. Тогда он утешался воспоминаниями о том, что Ленин в годы его «фракционных эмигрантских склок» часто ссылался на один из персонажей Толстого. Писатель обрисовал человека, сидящего посреди дороги и делающего непонятные маниакальные движения, заставляющие прохожих думать, что он сумасшедший. Но когда подойдешь ближе, видишь, что малопонятные телодвижения имеют осмысленную цель: чело-

* Из 300 досье, содержащих около 20 тысяч документов в *Закрытой секции Архива Троцкого*, примерно $^9/_{10}$ занимает переписка Троцкого со своими сторонниками. Очень значительная часть секции *Архива* также состоит из его работ по поводу политики, тактики и организации различных троцкистских групп.

век оттачивает нож о камень. Поэтому какими бы бесцельными ни представлялись иной раз Троцкому собственные действия в отношении своих сторонников, он убеждал себя в том, что в действительности он оттачивает ум и волю нового поколения марксистов. Он подавлял в себе отвращение, когда приходилось смешивать великие принципы с мелкими склоками, и употреблял все свое терпение и силу убеждения ради своих сторонников. Однако он не мог не почувствовать, что человеческий материал, с которым ему приходится работать, был совсем иным, чем тот материал, с которым он или Ленин работали накануне революции. Тогда, каковы бы ни были отрицательные стороны эмигрантской политики, участвовавшие в ней были настоящими и серьезными борцами, всецело преданными своему делу, жертвующими ради него всеми интересами жизни и самой жизнью,— человеческие языки революционного пламени. Нынешние сторонники Троцкого на Западе были сделаны из другого теста. В них было очень мало страсти и героизма, необходимых для штурма неба. Они, конечно, не были или «еще не были истинными большевиками», размышлял Троцкий, и это объясняет громадное психологическое расстояние, разделявшее Троцкого и их. В своих мыслях Троцкий предпочитал общаться с другими своими друзьями-учениками, рассеянными по тюрьмам и концентрационным лагерям Урала и Сибири, где они боролись, умирали с голоду, замерзали и в борьбе уходили в другой мир. Даже самые посредственные среди них теперь представлялись Троцкому более ценными как борцы и более близкими, чем почти любой из его нынешних сторонников на Западе. Иногда он неосознанно давал выход этому ощущению, например, в некрологе по поводу смерти Коте Цинцадзе, написанном в начале 1931 года. Большевик с 1903 года, Цинцадзе возглавлял кавказскую ЧК во время гражданской войны, а затем, как ведущий оппозиционер, был сослан, заключен в тюрьму и подвергся пыткам. Больной туберкулезом, страдающий кровохарканьем, он боролся, устраивал голодовки в тюрьме и умер там. В некрологе, опубликованном в «Бюллетене оппозиции», Троцкий процитировал слова из письма Цинцадзе, написанного ему в Алма-Ату: «Многие, очень многие из наших друзей и близких нам людей должны будут... окончить свою жизнь в тюрьме или где-нибудь в ссылке. Однако в итоге это будет обогащением революционной истории: новое поколение выучит этот урок».

«Западные коммунистические партии,— заметил Троцкий,— еще не воспитали борцов типа Цинцадзе» *. В этом была их коренная слабость, затрагивавшая также оппозицию. Он признавал, что был удивлен, как много тщеславия и эгоизма было даже среди оппозиционеров на Западе. Он вовсе не обесценивал любое честолю-

* См.: Б. О. 1931. Март. № 19. С. 3.

бие — желание отличиться часто бывало стимулом для усилий и достижений. Однако «революционер начинается там, где личная амбиция полностью и целиком подчинена на службу большой идее...». К сожалению, лишь немногие люди на Западе научились серьезно относиться к принципам: «флирт с идеями» или дилетантское обращение с марксизмом-ленинизмом были слишком частыми *.

Очень редко Троцкий позволял себе такие жалобы. Он не видел никакой пользы ломать руки по поводу низкого качества человеческого материала, созданного историей,— только из такого материала могут быть созданы «новые Цинцадзе».

* * *

Между тем в Советском Союзе оппозиция разваливалась, и борцы типа Цинцадзе либо физически исчезали, либо деградировали морально. Они оказались в двойной ловушке — сталинского террора и собственных проблем. Уже в начале 1928 года, когда Троцкий еще поддерживал их дух сопротивления из Алма-Аты, стали проявляться признаки, что троцкисты могут не выдержать напряжения. Как мы помним, когда был положен конец коалиции между сталинцами и бухаринцами и начат сталинский «левый курс», среди троцкистов возникли разногласия. Эти события привели к тому, что некоторые из основных требований и боевых лозунгов оппозиции устарели. Оппозиция призывала к быстрой индустриализации и постепенной коллективизации сельского хозяйства, обвиняя Сталина в том, что он ставит препятствия на этом пути и выступает за богатого крестьянина. Когда в 1928 году Сталин ускорил темпы индустриализации и выступил против частного сельского хозяйства, оппозиционеры сначала поздравили себя по поводу этого изменения, усматривая в нем оправдание себя. Но затем они почувствовали, что у них похитили их идеи и лозунги и в значительной степени лишили их смысла политического существования.

При любом режиме, хотя бы минимально терпимо относящемся к политическим спорам, партия или фракция, имеющая несчастье увидеть, что соперники похитили ее лозунги, может еще получить возможность с достоинством помогать в осуществлении ее программы другими. Ссыльные троцкисты не могли даже намекнуть, что их лозунги похитили, или указать, притом так, чтобы услышала нация, насколько бессмысленными и лицемерными были обвинения, которыми сталинисты осыпали их, когда заклеймили их «сверхиндустриализаторами» и «врагами крестьян». Сталинский «левый курс», сам по себе оправдывавший оппозицию, подвел итог ее поражению,

---

* См.: Б. О. 1931. Март. № 19. С. 3.

и оппозиция теперь ясно не знала, надо ли ей и на какой основе продолжать выступать против него. Положение усугублялось тем, что до середины 1929 года, до решения Сталина о проведении «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулака», его политика довольно точно следовала требованиям оппозиции. Если для любой партии или группы огорчительно видеть, как ее программу списывают и используют ее противники, то для троцкистов, которые, пропагандируя свои идеи, стали объектом преследований и клеветы, это был сокрушительный удар. Некоторые начали задаваться вопросом, ради чего продолжать страдать и заставлять своих родственников испытывать жесточайшие лишения. Не пришло ли время, спрашивали они себя, отказаться от борьбы и даже примириться со своими удивительными преследователями?

Люди, поддававшиеся такому настроению, легко соглашались с доводами Радека и Преображенского о том, что в таком примирении нет ничего ужасного и оппозиция должна возрадоваться по поводу триумфа идей, хотя и воплощаемых в жизнь их преследователями. Действительно, говорили они, Сталин не проявил никакой готовности восстановить в партии пролетарскую демократию, за которую выступала оппозиция. Однако, поскольку он выполняет значительную часть программы оппозиции, есть основания надеяться, что в конечном счете он выполнит и оставшуюся часть. В любом случае оппозиционеры будут иметь больше возможностей способствовать делу внутрипартийной демократии, если вернутся в ряды партии, а не останутся в лагерях, откуда они не могут оказывать практически никакого влияния. За что бы они ни боролись, они должны бороться за это в рядах партии, которая, как когда-то указывал Троцкий, является «единственным историческим инструментом, данным рабочему классу» для развития социализма, только через партию и внутри ее могут оппозиционеры достигнуть своих целей. Ни Радек, ни Преображенский пока не предложили капитуляции. Они просто рекомендовали более примиренческую позицию, которая даст возможность вести переговоры об условиях восстановления в партии.

Другая часть оппозиции, от имени которой выступали Сосновский, Дингельштедт и иногда Раковский, отвергали эти соображения, не веря, что Сталин всерьез занялся индустриализацией и борьбой против кулаков. Они относились к «левому курсу» как «временному маневру», за которым последуют широкие уступки капитализму в деревне, неонэпу и торжество правого крыла. Они отрицали, что события обогнали программу оппозиции, и не видели оснований хоть сколько-нибудь менять свою позицию. Наиболее оптимистичные, как всегда, надеялись, что время работает на них. Если Сталин будет продолжать проводить «левый курс», говорили они, его логика принудит Сталина отказаться от борьбы против

левой оппозиции, а если он начнет неонэп, «последующий сдвиг вправо» настолько подорвет его собственную позицию, что вновь для восстановления баланса ему придется договариваться с троцкистами. Оппозиция поэтому поступит неразумно, если будет пытаться отдать принципы в обмен на восстановление в партии, особенно отказаться от своего требования свободы самовыражения и критики. В целом это был «ортодоксально-троцкистский» взгляд.

Убеждение в том, что программа оппозиции устарела, распространялось не только среди примиренцев. Его придерживались с еще большим рвением, но по причинам, диаметрально противоположным мотивам Радека и Преображенского, те, кто составлял самое крайнее и непримиримое крыло оппозиции. В этих кругах уже стало аксиомой, что Советский Союз — больше не рабочее государство, что партия предала революцию и надежда на реформу напрасна. Оппозиции нужно создать новую партию, проповедовать и готовить новую революцию. Некоторые пока рассматривали Сталина как сторонника аграрного капитализма и даже как руководителя «кулацкой демократии», в то время как для других его правление символизировало возвышение государственного капитализма, непримиримо враждебного социализму.

Вплоть до конца 1928 года эти противоречивые тенденции еще не были настолько сильными, чтобы разрушить внешнее единство оппозиции. В колониях ссыльных шла непрерывная дискуссия, над которой возвышался Троцкий, сохраняя равновесие между противоположными точками зрения. После изгнания Троцкого в Константинополь, однако, разногласия углубились, и противоположные группы разошлись дальше. Примиренцы, стремившиеся к восстановлению в партии, постепенно «сокращали» условия, на которых они были готовы договориться со Сталиным, так что в конце концов пока примирение, к которому они готовились, стало равнозначным капитуляции. С другой стороны, непримиримые стали столь враждебно относиться ко всему, за что выступал Сталин, что их больше не заботили изменения в его политике и даже происходившие в стране вообще. Они с упорством маньяков повторяли старые осуждения сталинизма независимо от того, имели ли эти осуждения отношение к фактам, старым и новым. Члены этих крайних групп относились друг к другу как к ренегатам и предателям. «Непримиримые» заранее клеймили своих товарищей-«примиренцев» как «сталинских лакеев», в то время как последние смотрели на этих непримиримых как на людей, потерявших рассудок, переставших быть большевиками, превращающихся в анархистов и контрреволюционеров. Два крайних крыла набирали силу, и лишь в сокращавшемся центре оставались «ортодоксальные троцкисты».

Не прошло и трех месяцев после изгнания Троцкого, как от

внешнего единства оппозиции не осталось и следа. Пока он был отрезан от своих сторонников (потребовалось несколько месяцев, чтобы восстановить контакты), Сталину оказалось легко разделить и деморализовать их методом кнута и пряника. Террор был избирательным. ГПУ щадило примиренцев, но прочесало колонии ссыльных, выхватывая самых упорных оппозиционеров, бросая их в тюрьмы, где они подверглись жестокому обращению: находились под военной охраной, скученные в сырых и темных камерах, не отапливаемых сибирской зимой. Их кормили скудной гнилой пищей, не давали книг, отказывали в связях с семьями. Таким образом, они были лишены прав, которые имели политзаключенные в царской России и которые большевики с конца гражданской войны предоставляли антибольшевикам. (Примерно в это время как будто с целью усилить издевательства в отношении прежних товарищей Сталин приказал освободить горстку меньшевиков и эсеров.) В начале марта 1929 года троцкисты, описывая свою жизнь в тюрьме усиленного режима в Тобольске, сравнивали ее с ужасным описанием каторги в книге Достоевского «Записки из Мертвого дома» *. Если этот террор был направлен на запугивание и переманивание «примиренцев», он в то же время, по-видимому, был рассчитан на то, чтобы заставить «непримиримых» пойти на демонстрацию такой неслыханной враждебности ко всем аспектам существующего режима, что будет легко заклеймить их как контрреволюционеров и вбить еще глубже клин между ними и «примиренцами».

Однако Сталин не мог свалить оппозицию только методами террора. Значительно более эффективным оружием оказался его «левый курс». «Без жестоких репрессий,— заметил Раковский,— «левый курс» толкнул бы в ряды оппозиции новых сторонников, так как он означал идейное банкротство центризма. Но также верно сказать, что без нового курса репрессии не имели бы того эффекта, которого они достигли» **. В месяцы, последовавшие за прибытием Троцкого в Константинополь, колебания Сталина по поводу соответствующей политики пришли к концу. Его разрыв с Бухариным свершился на февральском заседании Политбюро, когда Троцкий находился в пути в Турцию. В апреле конфликт был вынесен из Политбюро на Центральный Комитет, а затем на XVI партийную конференцию. Конференция обратилась к народу с громовым призывом ускорить индустриализацию и коллективизацию, в котором частично буквально воспроизводились прежние призывы Троцкого ***. Становилось все труднее утверждать, как это делали Троцкий и некоторые из троцкистов, что изменение Сталиным по-

* См. отчет от 20 марта 1929 г. в Б. О. № 1—2. С. 18.

** Там же. 1929. Ноябрь — декабрь. № 7. С. 4.

*** См.: ВКП(б) о профсоюзах. М., Профиздат. 1939. С. 450. В резолюциях конференции призывы Троцкого к социалистическому соревнованию, имевшие

литики было «временным маневром». Выяснилось, что Преображенский и Радек, все время утверждавшие, что Сталин не шутит с «левым курсом» (и что обстоятельства не разрешат ему шутить, даже если бы он и захотел), лучше понимали реальное положение вещей.

Немедленно все трудности оппозиции возросли. Для оппозиционеров стало почти смехотворным пережевывать старые лозунги, требовать большей индустриализации, протестовать против умиротворения капитализма в деревне и говорить об угрозе неонэпа. Оппозиция должна была либо признать, что Сталин выполнял ее дело за нее, либо «перевооружиться» политически для любой дальнейшей борьбы. Троцкий, Раковский и другие действительно стремились осовременить свои идеи, однако события обгоняли даже самых стремительных теоретиков.

В не меньшей степени, чем изменения в официальной политике, смятению в рядах оппозиции способствовала обстановка в стране. То было время чрезвычайных трудностей. Сталин именно так отозвался о них *. Но о том же самом говорили и все лидеры оппозиции, невзирая на разделявшие их разногласия. Преображенский, которому не была свойственна страсть к преувеличениям, сравнил напряжение весной 1929 года с напряжением, приведшим к кронштадтскому мятежу [30], который большевики считали более опасным для себя, чем любой критический период в ходе гражданской войны **. Радек, говоря о конфликте между сталинцами и бухаринцами в Центральном Комитете, заявил, что «Центральный Комитет выглядел как Конвент якобинцев в самый канун 9-го термидора», то есть того дня, который принес крах якобинству. Раковский охарактеризовал момент «как самый знаменательный со времен гражданской войны». По этому пункту были согласны все наблюдатели.

В течение нескольких лет пропасть между городом и деревней расширялась и углублялась. 25—26 миллионов мелких, в основном отсталых, крестьянских хозяйств не могли прокормить быстро растущее городское население. Города жили в почти постоянном страхе перед голодом. В итоге кризис мог быть разрешен только через замену непроизводительных мелких хозяйств большими современными фермами. В большой стране, привыкшей к экстенсивному сельскому хозяйству, этого можно было достигнуть либо энергичным поощрением капитализма в деревне, либо коллективи-

---

теперь 10 лет за плечами, были списаны буквально, однако, разумеется, без укааазаний источника; КПСС в реаолюциях... Ч. 2. С. 495; см. также мою книгу «Soviet Trade Unions». London, 1950. P. 95—97.

* См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 118 и др. (Так в тексте.— *Прим. ред.*)

** См.: *Преображенский Е.* Ко всем товарищам по оппозиции. *Архив Троцкого*. На этот документ я ссылаюсь дальше. См. также отчет Раковского в Б. О.

зацией. Иного пути не было. Ни одно большевистское правительство не могло действовать в качестве приемного отца капитализма в деревне. Если бы оно пошло по такому пути, оно бы развязало могучие враждебные силы и скомпрометировало перспективы плановой индустриализации *. Таким образом, оставался один путь — коллективизация, хотя предстояло решить чрезвычайно важные вопросы о ее размахе, методах и темпах. Годы официальных колебаний привели к тому, что решение о коллективизации нужно было вынести в условиях, значительно худших, чем те, в которых оно могло быть принято раньше. Попытки Сталина объединить противоречивую политику — умиротворять зажиточных хозяев, а затем реквизировать их продукты — взбесили крестьянство. Его давняя неохота спешить с промышленным развитием имела не менее катастрофические результаты. В то время как деревня была неспособна и не хотела кормить город, город не мог снабдить деревню промышленными товарами. Крестьянин, который не мог получить обувь, одежду и сельскохозяйственный инвентарь, не имел никакого стимула увеличивать свое производство и еще меньше — продавать продукты своего труда, и поэтому голодающий город и деревня, не имевшая промышленных товаров, находились в состоянии брожения.

Решения о темпах и масштабах индустриализации и коллективизации были приняты в условиях острого недостатка всех человеческих и материальных ресурсов, необходимых для наступления на обоих фронтах. Рабочим не хватало хлеба, промышленности не хватало квалифицированных рабочих и оборудования. Машины простаивали из-за отсутствия топлива и сырья, поставки которых зависели от деревенской экономики. Транспорт находился в расстройстве и не мог обеспечить растущие промышленные перевозки. Поставки почти всех товаров и предоставление услуг далеко не покрывали потребностей. Свирепствовала инфляция. Контролируемые цены не имели никакой связи с неконтролируемыми. Ни первые, ни вторые не отражали истинной экономической стоимости и ценности.

Связи и звенья между различными частями государственной структуры были перерезаны, за исключением уз нищеты и отчаяния. Не только снова прервался экономический обмен между горо-

---

* Крупное капиталистическое сельское хозяйство составляло аграрную основу индустриализации в Англии и Соединенных Штатах; юнкерские и крупные крестьянские поместья доминировали в немецком сельском хозяйстве в годы промышленного роста Германии. Во всех странах крупное сельское хозяйство находилось в начале процесса индустриализации, в то время как в России 20-х годов ее не было. Концентрация в сельском хозяйстве любым нормальным способом капиталистической конкуренции потребовала бы много времени и применения законов свободного рынка.

дом и деревней, но начали рваться все нормальные отношения между гражданами и государством и даже между партией и государством. Не было пределов обману и насилию, к которым как правители, так и правимые были готовы дойти в борьбе. Кулаки, многие середняки и даже бедняки яростно ненавидели «комиссаров». Поджоги домов, убийства представителей партии и агитаторов ежедневно случались в деревне. Настроение крестьянства оказывало воздействие на рабочий класс, среди которого была масса выходцев из деревни. На двенадцатом году революции бедность народа, промахи и злоупотребления правительства вызвали такие яростные и широкие конвульсии, что должно было случиться нечто великое или ужасное или должно было быть сделано что-то быстро, чтобы либо подавить, либо освободить накопившиеся чувства. Под поверхностью бурлили силы, которые могли дать гигантский взрыв, о котором в значительно меньших масштабах даст представление венгерское восстание 1956 года. Сталин и его сторонники, почти загнанные в угол, боролись с возрастающим ожесточением.

«Революция в опасности!» — этот лозунг троцкисты бросили в ссылке и тюрьмах. Как ортодоксальные троцкисты, так и «примиренцы» были в равной мере охвачены тревогой, но в то время как первые не видели пути в сложившихся для них условиях и думали, что они должны быть готовы встретить во всеоружии приближавшийся кризис, «примиренцы», напротив, почувствовали позыв «действовать немедленно» и с лозунгом «Революция в опасности!» двинулись к капитуляции. Лучшие из них пошли на нее, будучи глубоко убежденными, что, когда на карту поставлена судьба большевизма и революции, преступно цепляться за фракционные интересы и амбиции. Худшие, измученные оппортунисты, нашли в «угрозе революции» удобный предлог для отказа от борьбы за проигранное дело. Не принадлежавшие ни к лучшим, ни к худшим, рядовые «примиренцы», быть может, не понимали собственных мотивов, которые, вероятно, были смешанными.

В апреле 1929 года Преображенский сплотил «примиренцев» своим призывом «Ко всем товарищам оппозиции!»*. Это был удивительный документ: в нем «примиренец» в последний раз, перед тем как капитуляция заставила его замолчать, откровенно высказался, бросая ретроспективный взгляд на блуждания оппозиции и взирая на мучительный и трудный путь, лежавший перед ним. Преображенский рассказал, как оппозиция оказалась загнанной в тупик самим триумфом ее идей. Он счел, что многие из товарищей скорее будут готовы отрицать триумф, чем признают тупик. Они еще ведут себя так, как будто их предсказания о неонэпе

* См. *Архив Троцкого.*

и «сдвиги вправо» оправдались и как будто «левого курса» не существует. Конечно, Сталин начал «левый курс» далеко не так, как они его понимали. Оппозиция хотела, чтобы индустриализация и коллективизация проводились при ярком свете пролетарской демократии, с согласия масс и при свободной инициативе «снизу», в то время как Сталин использовал силу закона и принуждения сверху. Тем не менее оппозиция стоит за то, что он делает, хотя образ действий Сталина для нее отвратителен. Если она откажется признать это, тогда превратится в оппозицию ради оппозиции и, чтобы оправдать себя, ей придется отойти от собственных принципов. Преображенский не отказывался от прошлого оппозиции: «Ведя борьбу против Центрального Комитета, мы выполнили наш долг», но теперешний долг оппозиции сблизиться с партией, а затем вернуться в нее [здесь заговорил теоретик-первооткрыватель «первоначального социалистического накопления»], чтобы «сдержать вместе давление того недовольства, которое неизбежно возникнет в крестьянской стране в результате политики социалистического накопления и борьбы против капитализма в деревне».

Преображенский говорил о недовольстве, вызванном Сталиным даже среди примиренцев, изгнанием Троцкого «с помощью классового врага», то есть турецкого правительства. Оппозиционеры «не могут простить этого», говорил Преображенский, но предлагал не позволить, чтобы это бесчинство затмило соображения общего характера, добавляя, что Троцкий тоже поставил оппозицию в затруднительное положение, перенеся борьбу против Сталина на страницы буржуазной печати Запада. Преображенский не питал особых иллюзий относительно судьбы, ожидавшей примиренцев. Он знал об ударах и унижениях, которые достанутся на их долю в «трудные критические грядущие годы», но даже он едва ли мог представить себе грязь и кровь, в которую их бросят и в которой они погибнут. Однако он был достаточно трезв, чтобы ясно указать товарищам, что путь, на который он их зовет, будет полон тревог и испытаний. Его надежды на подлинное и достойное примирение, которые он вынашивал в минувшем году, уменьшились. Теперь он усматривал в восстановлении в партии фактическую капитуляцию. «Те из нас,— заключил Преображенский,— которые боролись в рядах партии 10, 20 или больше лет [Преображенский сам был большевиком с 1904 года], вернутся к ней с чувствами, очень отличными от тех, с которыми они впервые вступили в нее». Они войдут в нее без прежнего энтузиазма, как люди с сокрушенными сердцами. Они не могут быть даже уверенными в том, что Центральный Комитет восстановит их на каких бы то ни было условиях. «Таковы все обстоятельства этого возвращения и такова внутрипартийная обстановка, что в случае восстановления мы должны будем нести ответственность за то, против чего мы предос-

терегали, и подчиниться [методам], с которыми мы не можем согласиться... Если мы будем восстановлены, каждый из нас получит назад партбилет, как тяжкий крест». Однако для тех, кто хочет по-настоящему служить делу социализма, не остается ничего, как взвалить на себя этот крест.

В мае Преображенскому разрешили приехать в Москву, чтобы попытаться «заключить мир с партией». Сначала он пытался добиться благоприятных условий для оппозиции в целом, прося прекратить террор, ссылки и реабилитировать членов партии, осужденных по статье 58 по обвинению в контрреволюционной деятельности, и последнее по счету, но не по важности,— отменить высылку Троцкого. Он вел переговоры с Орджоникидзе, Ярославским[31] и другими членами ЦК и ЦКК, действовавшими под личным наблюдением Сталина.

Для Сталина капитуляция значительной части оппозиции была достаточно важной из-за последствий, которые это будет иметь для морального духа партии и судьбы Троцкого. Стремясь заманить примиренцев и опасаясь разом лишить их всех надежд, он сначала сделал вид, что готов рассмотреть некоторые из их предложений. Однако в действительности он не мог принять ни одного. Прежде всего он не мог разрешить оппозиционерам заявить по их восстановлении, что они вернулись назад, потому что партия приняла *их* программу. Это означало бы не только оправдание Троцкого и троцкизма и опровержение всех обвинений, выдвинутых против них, но и разоблачение беззаконности репрессий, при помощи которых Сталин возобладал над ними. Он не мог разрешить никому даже намека на тот факт, что утащил лист (и какой лист!) из книги Троцкого. Если бы он сделал это, то ликвидировал бы собственные претензии на непогрешимость и власть. Капитулянты должны заявить, что он, а не они и Троцкий, был прав. Они должны осудить и отвергнуть собственное прошлое. Нельзя допустить, чтобы они вернулись назад как люди, которых не поняли. Они должны вернуться как раскаявшиеся саботажники «левого курса» и всей политики, которая последовательно привела к нему. И даже тогда им нельзя разрешить возбудить в партии чувство, обычное в отношении блудных сынов. Они должны рассчитывать лишь на прощение, даруемое сломленным духом грешникам и преступникам. Они должны проделать обратный путь на коленях. Чтобы заставить их сделать это, Сталин должен был сломать затяжным и упорным торгом их интеллектуальную оборону, заставляя их отказываться от одного требования за другим, пока они не дойдут до безоговорочной капитуляции. Поведение Сталина не было удивительным: условия, на которых Зиновьев, Каменев, Антонов-Овсеенко, Пятаков и многие другие капитулировали, и процесс, при помощи которого их заставили сделать это, еще были

всем памятны. Однако такова уж сила самообмана, что многие «примиренцы», издалека с беспокойством следившие за переговорами Преображенского в Москве (ему разрешили сноситься с колониями ссыльных), еще надеялись, что их избавят от позора, которому подверглись прежние капитулянты.

Через месяц результат «переговоров» Преображенского уже сказался на поведении его ближайших товарищей. В середине июня Радек и Смилга под конвоем ГПУ тоже приехали в Москву и присоединились к Преображенскому. Их поезд остановился на маленькой станции в Сибири, где они случайно встретились с группой оппозиционеров, описавших эту встречу в письме, сохранившемся в бумагах Троцкого. Они рассказали только о Радеке, Смилга был болен и лежал в купе. Радек рассказал им о целях поездки и привел известные к тому времени аргументы в пользу капитуляции: голод по всей стране (нехватка хлеба чувствовалась даже в Москве), недовольство рабочих, угроза восстания крестьян, разногласия в Центральном Комитете (где «бухаринцы и сталинцы собирались арестовать друг друга») и т. п. Обстановка, сказал Радек, столь же серьезна, как в 1919 году, когда Деникин[32] стоял у ворот Москвы, а Юденич[33] шел на Петроград. Они должны все сплотиться в партии. На каких условиях? — спросили его. Потребует ли он в Москве, чтобы статья 58 Уголовного кодекса, то есть клеймо контрреволюции, была снята со ссыльных? Нет, ответил Радек, упорствующие в оппозиции заслуживают это клеймо. «Вы сами,— закричал он,— загнали себя в ссылку и в тюрьмы!» Потребует ли он возвращения Троцкого? Прошло лишь несколько недель с тех пор, как Преображенский заявил, что оппозиция «не могла простить» изгнания Троцкого, и всего несколько месяцев с тех пор, как Радек, автор прославленного очерка «Троцкий — организатор победы», протестовал перед Центральным Комитетом против того, что тот обрекает «на медленную смерть» это «боевое сердце революции», и заключил свой протест словами: «Хватит бесчеловечной игры со здоровьем и жизнью товарища Троцкого!» Однако последние несколько недель логика капитуляции перед Сталиным сделала свое дело. И поэтому слушавшие Радека, к своему изумлению, получили ответ: «Я определенно порвал с Львом Давыдовичем. Теперь мы — политические враги. С автором, пишущим в газеты лорда Бивербрука, я не имею ничего общего». (Радек сам часто писал для буржуазных газет и делал это впоследствии, но в интересах Сталина.)* Самой яростью

* Троцкому приходилось очень часто защищать себя против этого упрека, который сначала был сделан даже его французскими сторонниками, как информировал об этом Троцкого Росмер в письме от 24 февраля 1929 г. Ответ Троцкого Росмеру заключался в том, что Маркс тоже был вынужден зарабатывать себе на жизнь, работая для буржуазной печати. В специальной заметке в первом вы-

ответа Радек выдал свою нечистую совесть. Он продолжал злобно говорить о новобранцах оппозиции, сердитых молодых людях, которые, утверждал Радек, не имеют ничего большевистского, присоединились к троцкистам из простой антисоветской злобы. И снова он воззвал к собеседникам: «Последняя партийная конференция приняла нашу платформу, которая блестящим образом оправдала себя. Что вы можете иметь против партии?» Ответ дали Радеку конвойные ГПУ. Они прервали его, закричав, что не позволят ему агитировать против высылки Троцкого, схватили и затолкали в вагон. Радек разразился истерическим смехом: «Я? Агитирую против изгнания Троцкого?» Затем он жалобно извинился: «Я всего-навсего пытался уговорить этих товарищей вернуться в партию». Но конвой не хотел ничего слушать и тащил его назад в купе. За год перед тем Радек высмеивал Зиновьева и Пятакова за «отвратительное зловоние достоевщины, которую источают они и их раскаяние». Теперь он сам, король памфлетистов, обратился к недавним единомышленникам и страдавшим вместе с ним, как Смердяков, сошедший со страниц Достоевского, на маленькой, забытой богом сибирской станции *.

После еще месяца препирательств 13 июля Радек, Преображенский, Смилга и 400 других ссыльных наконец объявили о капитуляции **. Сталин получил от этого множество преимуществ. Ни одно событие со времени капитуляции Зиновьева и Каменева на XV партсъезде в декабре 1927 года не усилило так престижа Сталина. Поскольку он как раз начал массированное наступление на фракцию Бухарина, распад троцкистской оппозиции освободил Сталина от необходимости сражаться одновременно на двух фронтах. Троцкий часто говорил, что перед лицом острой «опасности справа» троцкисты и сталинцы объединятся. Конечно, теперь они делали это, но на условиях Сталина. Он завоевывал их на свою сторону без Троцкого и даже вопреки ему. Многие из капитулировавших были очень талантливыми и опытными людьми, которыми он заполнил посты в промышленности и администрации, откуда вытеснялись сторонники Бухарина. Он знал, что капитулянты душой и телом отдадутся работе ради подъема промышленности,— многие из них стали служить под руководством Пятакова, архикапитулянта, возглавившего Наркомат тяжелой промышленности и ставшего его душой. Один Радек в качестве пропагандиста стоил для Сталина больше, чем орды его собственных писак.

пуске «Бюллетеня оппозиции» Троцкий объяснил свое положение советскому читателю, подчеркнув, что даже в буржуазной печати он поступал как большевик-ленинист, защищая революцию.

* *Архив Троцкого;* Б. О. 1929. № 6.

** Правда. 1929. 13 июля.

Троцкий немедленно атаковал «капитулянтов третьего призыва» (капитулянтами первого призыва были Зиновьев, Каменев и их сторонники, капитулянтами второго — Антонов-Овсеенко, Пятаков и их друзья). «Они заявляют,— писал Троцкий,— что разногласия между Сталиным и оппозицией почти исчезли. Как тогда они объяснят яростные репрессии? Если при отсутствии непримиримых и глубоких разногласий сталинисты отсылают на каторгу большевиков, тогда они делают это из соображений чистейшего бюрократического бандитизма, не преследуя никаких политических целей. Так предстает сталинская политика, если взглянуть на нее с точки зрения Радека. Как тогда он и его друзья осмеливаются поднять голос в защиту единства с политическими бандитами?» Троцкий расценивал сталинскую политику совершенно иначе. Он утверждал, что, несмотря на полное отсутствие щепетильности, сталинизм имеет глубокие политические мотивы для непримиримой враждебности к оппозиции. Коренные противоречия не утратили своей силы. Радек и Преображенский не видят их или притворяются, что не видят, ибо они сломлены морально. Революция была величайшим пожирателем характеров, и каждый период реакции брал свои жертвы из усталого поколения борцов. Но рано или поздно старые и усталые заменялись молодыми, вступавшими в борьбу со свежим мужеством и извлекавшими уроки даже из поражения старших. «Перед нами перспектива длительной упорной борьбы и тяжких трудов по просвещению»*.

Надо сказать, что Троцкий отнесся к первым известиям о капитуляции Радека с определенным недоверием. Он приписал поведение Радека «его импульсивному характеру, изоляции, отсутствию моральной поддержки» товарищей. Он с теплотой припомнил, что «Радек имел за плечами 25 лет революционной марксистской работы», и сомневался, в действительности ли Радек сможет заключить мир со сталинизмом: «У него для этого слишком много марксистского, и, прежде всего, он обладает интернационалистическим мировоззрением». Но когда вышла «Правда» с покаянным письмом Радека, Троцкий нашел, что «Радек пал ниже, чем я предполагал». Даже теперь его падение представлялось столь невероятным, что Троцкий считал сделку Радека со Сталиным временной, и поскольку Радек часто колебался между правыми и левыми в партии, то скоро он объединится с бухаринцами. Однако оставалось много запутанного и неясного: «Радек и немногие другие с ним считают, что наступил самый удобный момент для капитуляции. Почему же? Потому что, видите ли, сталинисты преследуют Рыкова, Томского и Бухарина. Разве наша задача зак-

* *Trotsky L.* Écris. Vol. 1. P. 157—163.

лючалась в том, чтобы одна правящая группа преследовала другую? Разве подход к коренным политическим вопросам изменился?.. Разве не сохранился антимарксистский режим Коммунистического Интернационала? Есть ли какая-нибудь гарантия на будущее?» Радек и Преображенский усмотрели в первом пятилетнем плане радикальное новое начало. «Главный вопрос,— возражал им Троцкий,— не статистика самого этого бюрократического пятилетнего плана сама по себе, а проблема партий», дух, которым руководится партия, ибо этот дух определяет ее политику. Разве составление и выполнение пятилетки можно контролировать снизу, критиковать и обсуждать? А ведь от этого зависят результаты пятилетки. «Внутрипартийный режим для марксиста является неотъемлемым элементом контроля политической линии» — такой была всегда основная идея оппозиции. «Но ренегаты обычно имеют короткую память или думают, что у других короткая память. Можно обоснованно сказать, что революционная партия воплощает память рабочего класса: ее первая и самая главная задача научиться не забывать прошлое, чтобы предвидеть будущее». Троцкий еще считал «левый курс» Сталина побочным продуктом борьбы и давления оппозиции. Он пока думал, что Сталин может изменить свою политику, а конфликт Сталина с Бухариным, пусть яростный, на самом деле лишь «поверхностный».

Аргументация Троцкого стала известна оппозиционерам в Советском Союзе только осенью, и ее едва ли было достаточно, чтобы остановить капитуляцию. Переворот в Советском Союзе пошел глубже, и его влияние на оппозицию было сильнее, чем думал Троцкий. Тем не менее в замечаниях Троцкого нет намека на серьезность и тревогу, которые были видны в писаниях всех, даже самых непримиримых оппозиционеров в России. Троцкий пока рассматривал обстановку 1929 года через призму 1928 года и едва ли понимал, что страна стояла «на пороге гражданской войны». Весь смысл лозунга «Революция в опасности!» как-то ускользнул от его внимания. Троцкий не заметил также темпов, набираемых «левым курсом», и глубины раскола между Сталиным и Бухариным. Однако именно эти вопросы больше всего занимали все группы оппозиционеров.

Ощущение того, что революции грозит смертельная опасность, которую оппозиция должна отвратить совместно со Сталиным, скоро подтолкнула многих, принадлежавших к «непримиримым», последовать за Преображенским и Радеком. Победитель Колчака, один из ближайших единомышленников Троцкого, Иван Смирнов, борец легендарного мужества Мрачковский, Белобородов, комиссар, в доме которого Троцкий нашел убежище, когда выехал из Кремля в ноябре 1928 года, Тер-Ваганян, Богуславский и многие другие просили о восстановлении в партии. Они начали переговоры со сталин-

ским штабом не в таком мрачном настроении, как Преображенский, надеясь, что положение в стране побудит Сталина восстановить их на менее унизительных условиях *. На этот раз торг продолжался почти пять месяцев — с июня до конца октября, в течение которых группа Смирнова подготовила четыре различные политические декларации. В первоначальном наброске, составленном в августе и сохранившемся в бумагах Троцкого, они объясняли свой шаг согласием с пятилеткой и «опасностью справа». Однако они также выступали с ясной критикой политики Сталина, заявляя, что в пятилетнем плане уделяется недостаточно внимания необходимости поднять низкий уровень жизни рабочих, что «подбор партийных кадров» таков, что нельзя выразить критического мнения, что доктрина социализма в одной стране служит «дымовой завесой для оппортунизма». Равным образом в этом направлении действуют официальные поблажки середняку. Подтвердив по всем этим пунктам позицию оппозиции, они признали также свои ошибки. Они ошибались, указывалось в документе, полагая, что Центральный Комитет в поисках выхода из кризиса повернется вправо и проложит путь термидору,— только поведение бухаринского меньшинства оправдывало этот страх. Они соглашались, что в нынешних серьезных обстоятельствах партийное руководство не должно разрешать свободы фракций, ибо от этого получат выгоду только правые элементы. Троцкистская оппозиция поэтому должна распустить свою организацию и руководящие центры, «которые под различными названиями существовали годами», прекратить все виды подпольной деятельности. Однако они также требовали положить конец репрессиям против оппозиции и страстно просили вернуть Троцкого, «судьба которого связана с судьбой рабочего класса» и без услуг которого ни Советский Союз, ни международный коммунизм не могут обойтись.

Очень нехотя, защищая каждый из этих своих пунктов, Смирнов и его единомышленники позволили, чтобы их требования были сведены на нет. С течением времени и ростом трудностей Сталин действительно был больше заинтересован, чем раньше, добиться новых капитуляций. Он не потребовал от этой группы такого униженного раскаяния, какое получил от Радека и Преображенского. Смирнов с друзьями, смягчив или совсем сняв критику в адрес Сталина и ряд своих требований, все еще настаивали, чтобы им разрешили при капитуляции потребовать возвращения Троцкого,— именно по этому вопросу торг затянулся на пять месяцев. Когда наконец они уступили, они по-прежнему отказались осудить или отмежеваться от Троцкого, и их заявление о согласии с партией, появившееся с сотнями подписей в «Правде» 3 ноября 1929 года, было

* Б. О. 1929. № 7. С. 10—12.

более сдержанным и достойным, чем любой документ такого рода в прошлом.

Дух капитуляции теперь затронул самую сердцевину оппозиции, самых стойких троцкистов. Тем не менее Раковский, серьезно больной и страдавший от сердечных приступов, был переведен из Астрахани в Барнаул, но и оттуда умудрялся сплачивать их. Под его влиянием часть оппозиции, такая же большая, как последовавшая за Смирновым, остановилась на пороге капитуляции. Мы боремся «за осуществление *всей* своей платформы» — заявил Раковский. Те, кто пошли на мир со Сталиным, потому что он выполнял экономическую часть этой программы, и надеявшиеся, что он выполнит также политическую, вели себя как реформисты старого типа, удовлетворившиеся частичным осуществлением своих требований. Политические идеи оппозиции неразрывно связаны с ее экономическими требованиями: «...без осуществления политической части платформы все социалистическое строительство может полететь вверх тормашками». Для Раковского была еще более важной искренность убеждений и честность по отношению к противникам. Партийное руководство, вымогавшее у оппозиции признания в вымышленных ошибках, всего-навсего имитировало католическую церковь, которая заставляла атеиста раскаиваться на смертном одре. Такое руководство «теряет тем самым всякое право на уважение к себе... оппозиционер, который в течение ночи меняет свои убеждения, заслуживает лишь полного презрения»*.

Группе Раковского потребовалось несколько месяцев, чтобы определить свою позицию. «Открытое письмо Центральному Комитету» группы не было готово до конца августа. Собрать около 500 подписей из примерно 90 мест ссылки было трудно, однако оказалось еще труднее отразить в документе все оттенки мнений подписавшихся. Тон письма, которое по форме было также обращением о восстановлении в партии, свидетельствовал о господстве примиренческого настроения. Подобно Преображенскому и Смирнову, Раковский и последовавшие за ним Сосновский, Муралов, Мдивани, Каспарова и другие заявляли, что чрезвычайное положение в стране и решение партии начать пятилетку побудили их обратиться к Центральному Комитету. Успех плана, утверждали они, укрепит рабочий класс и социализм. Неудача вновь откроет дверь термидору и реставрации. Перед лицом «серьезнейшего конфликта между силами капитализма и социализма» они предпочитают писать о вопросах, по которым согласны с партией, а не по тем, по которым расходятся. С их точки зрения «наступление справа» не заставит себя ждать и будет сильным, и если они что-нибудь критикуют в политике партии, так это — желание умиротворить серед-

* Б. О. 1929. № 7. С. 5.

няка. Они выступают столь энергично за быструю индустриализацию, что даже из концентрационных лагерей требовали укрепления дисциплины на предприятиях и решительных действий против пытающихся использовать недовольство рабочих в контрреволюционных целях. Однако они также указывали, что для успеха индустриализации необходимо, чтобы она поддерживалась массой народа, недовольного игнорированием его жизненного уровня, свирепствовавшей инфляцией, невыполнением многих официальных обещаний и бюрократическим высокомерием. Пропагандируя в течение нескольких лет образ действий, воспринятый ныне партией, подписавшие документ считали, что они подлежат восстановлению в партии, тем более что они также приветствуют «поворот влево» Коминтерна и признают вред любой фракционности. Они сожалели об ожесточении между оппозицией и Центральным Комитетом, чему значительно способствовала высылка Троцкого. «Мы обращаемся к Центральному Комитету, Центральной Контрольной Комиссии и всей партии,— заканчивалось заявление,— облегчить нам путь назад в партию, освободив большевиков-ленинцев, отменив обвинение по 58-й статье и вернув назад Льва Давыдовича Троцкого».

Когда это заявление 22 сентября достигло Принцевых островов, удовлетворение Троцкого было смешано с опасениями. Ему было приятно увидеть наконец заявление своих сторонников, первое за многие месяцы, которое не свидетельствовало о полнейшей капитуляции, но он был обеспокоен его тоном. Наладив теперь контакт с Советским Союзом через Берлин, Париж и Осло, Троцкий принялся распространять письмо в тех колониях ссыльных, которые еще не получили его. Однако он добавил собственное заявление, чтобы заострить письмо. Он указал, что одобряет письмо, ибо хотя оно «умеренно», тем не менее «написано без экивоков». Лишь те могут отказаться подписать его, кто придерживается мнения, что советский термидор — свершившийся факт, партия мертва и Советскому Союзу требуется ни больше ни меньше как новая революция. «Хотя это мнение нам приписывалось десятки раз, у нас с ним нет ничего общего... Несмотря на репрессии и преследования, мы объявляем, что наша верность ленинской партии и Октябрьской революции остается непоколебимой». Троцкий также признавал, что с началом «поворота влево» и разрывом между Сталиным и Бухариным возникла новая обстановка: «Если раньше Сталин сражался против левой оппозиции аргументами, заимствованными у правых бухаринцев, он теперь нападает на правых с аргументами, значительно заимствованными слева». Теоретически это должно было бы привести к сближению центра и левого крыла. Практически этого не случилось. Принятие Сталиным политики оппозиции было поверхностным и только тактическим. В основе они находились на

противоположных полюсах. Сталин задумал пятилетку в рамках концепции социализма в одной стране, в то время как оппозиция рассматривала весь процесс строительства социализма в контексте международной революции. Основное противоречие оставалось неизменным, и хотя Раковский с друзьями объявили о солидарности с новой политикой Коминтерна, Троцкий кратко, но твердо возразил. И все-таки он соглашался, что Раковский прав, выражая готовность «подчинить борьбу за наши идеи уставным нормам и партийной дисциплине, которая основывается на пролетарской демократии». Они были готовы защищать свои взгляды *внутри* партии в то время, когда в партии правила правоцентристская коалиция, тем более они должны быть готовы сделать это, когда правые больше не осуществляют контроля. Отказываться от своих взглядов именно ввиду этого будет бесчестно и «недостойно марксистско-ленинского мировоззрения».

В глубине души Троцкий доверял честности и мужеству Раковского, однако понимал, что тому приходилось действовать под нажимом. Намеком он извинял примирительный тон Раковского, как рассчитанный лишь на то, чтобы «открыто проверить внутрипартийный режим» в изменившихся политических обстоятельствах: «Был тот режим или не был после недавних уроков способным компенсировать, по крайней мере частично, громадный ущерб, нанесенный им партии и революции?» Была ли еще возможна самореформа сталинского «аппарата»? У Раковского его «сдержанность, умолчание об ошибках Сталина на международной арене и подчеркивание им недавних сдвигов влево» были рассчитаны на то, чтобы облегчить приступ к такой самореформе. Раковский еще раз продемонстрировал, что для оппозиции имели значение суть, а не форма, интересы революции, а не честолюбивые чаяния отдельных лиц или групп. «Оппозиция готова занять самое скромное место внутри партии, но только если она останется верна себе...»*.

Даже когда Троцкий писал это, он задавался вопросом, сколько из числа подписавших заявление Раковского все равно дезертируют, и в конфиденциальном письме предостерегал Раковского, что в поисках примирения он дошел до предела и не должен делать «больше ни шага!». В том же номере «Бюллетеня оппозиции», в котором появилось заявление Раковского, Троцкий напечатал также неподписанное письмо от корреспондента из России с критикой Раковского за потворство капитулянтам. Корреспондент, один из немногих оставшихся «оптимистов», был убежден, что скоро «Сталин будет стоять на коленях перед нами, как в 1926 году стоял Зиновьев».

---

* «Письмо друзьям (не для публикации)» от 25 сентября 1929 г. *Архив Троцкого.*

К концу года держалась только кучка оппозиционеров. По данным одного сообщения, не более тысячи троцкистов оставались в ссылке и тюрьмах, в то время как до капитуляции их насчитывалось несколько тысяч. Не в первый и не в последний раз Троцкий должен был сказать себе: «Отче, друзья, приходящие к нам, гибнут в буре!» В последние дни ноября он писал группе своих учеников в Советском Союзе *: «Пусть в ссылке останется не 350 человек, верных своему знамени, а только 35, пусть там останется только трое, но знамя останется, стратегическая линия останется, будущее останется». Он был готов продолжать борьбу даже в одиночку. Быть может, в этот момент он вспомнил о прощальном письме Адольфа Иоффе? «Я всегда думал,— писал Иоффе накануне самоубийства Троцкому,— что у Вас недостаточно от ленинского неукротимого характера, недостаточно той способности, которой обладал Ленин,— остаться одному на дороге, которую он считал правильным путем».

* * *

Сталин, как ни парадоксально, с некоторым беспокойством следил за нашествием капитулянтов в Москву, хотя надеялся извлечь из этого выгоду. Многие тысячи троцкистов и зиновьевцев были теперь в партии и вокруг нее, образуя собственную общину. Сталин не разрешил ни одному из них занять сколько-нибудь важный политический пост. Однако в качестве администраторов, экономистов и деятелей просвещения они получали посты на всех уровнях, откуда могли оказывать особое влияние. Хотя Сталин и не сомневался в их рвении в проведении «левого курса», особенно индустриализации, он знал цену вырванного у них раскаяния. В душе они оставались оппозиционерами. Они считали себя обиженными зачинателями «левого курса». Они ненавидели Сталина не только как преследователя, но и как человека, ограбившего их идейно. Правда, он превратил в политическом отношении их в своих рабов, однако тайная ненависть рабов может быть более опасной, чем открытая враждебность. Они могут таиться в засаде, следить за хозяином тысячами глаз и броситься на него, когда он поскользнется или сделает неверный шаг.

Капитулянты теперь имели возможность влиять прямо или косвенно даже на сталинистов и бухаринцев, некоторые из которых также были приведены в замешательство, увидев, что Сталин заимствовал идеи и лозунги, которые они искренне считали губительны-

* Письмо, датированное 26 ноября 1929 г., было вызвано сообщением от оппозиционера, который, очевидно, склонялся присоединиться к капитулянтам. *Архив Троцкого.*

ми в устах Троцкого и Зиновьева. После всех побед над всеми противниками Сталин столкнулся с некоторыми из собственных сторонников, среди которых начал обнаруживать тайных троцкистов и тайных бухаринцев. «Если мы были правы в 1925—1927 годах,— говорили такие люди,— когда мы отвергли требование оппозиции в пользу быстрой индустриализации и наступления на кулака и когда мы заклеймили Троцкого и Зиновьева как саботажников союза рабочих и крестьян, тогда мы несомненно не правы сегодня. А если мы не правы сегодня, если ничего, за исключением «левого курса», не может спасти революцию, не следовало ли нам принять его раньше, когда к этому побуждала нас оппозиция?» «И не было ли низко с нашей стороны,— добавляли самые чувствительные,— поливать грязью и сокрушать оппозицию?» Ответы, конечно, были различными: одни выводили одни заключения, другие — другие *. Достаточно сказать, что уже летом и осенью 1929 года, когда капитулянты восстанавливались в партии, некоторые добропорядочные старые сталинцы были исключены, а отдельные из них даже сосланы в те места, где недавно томились оппозиционеры. Самым известным было дело Угланова [34], секретаря Московской организации, и других членов Центрального Комитета, заклейменных как бухаринцы, Шацкина, Стена и Ломинадзе, известных пропагандистов и руководителей, «юных сталинцев». Все трое были разоблачены как полутроцкисты.

Эти случаи обнаружили нечто похожее на брожение в самой правящей группе, что показало, что для Сталина иметь поблизости такое большое количество капитулянтов было сомнительным преимуществом. Сталин знал, что они все еще считали Троцкого своим вождем и вдохновителем и больше того, истинным руководителем революции. Каждая группа оппозиционеров, когда она вела переговоры об условиях капитуляции, просила возвращения Троцкого и оставалась верной этой просьбе, хотя уступала по всем другим политическим и дисциплинарным вопросам. Когда наконец их заставляли осуждать Троцкого, большинство делало это с сокрушенными сердцами и со слезами на глазах. Немногие, очень немногие, подобно Радеку, извращенным образом подавили свои чувства и выступили против Троцкого, но тирады Радека вызывали отвращение даже у старых сталинистов. Для большинства капитулянтов Троцкий представлял все, за что они стояли в их лучшие и гордые дни. Их разгром и самоуничижение изолировали Троцкого политически, но возвеличивали в моральном отношении. Капитулянты, бухаринцы и сомневавшиеся сталинцы живо интересовались каждым словом Троцкого, проникавшим в Советский Союз. В критичес-

* Такие рассуждения слышались даже в 1931 г. во время пребывания автора книги в Москве.

кие моменты, когда предстояло выносить важные решения, слышался шепот: «А что говорит об этом Лев Давыдович?» Эти слова часто произносились даже в приемной Сталина *. «Бюллетень оппозиции» циркулировал в Москве. Партийцы, возвращавшиеся из-за границы, прежде всего работники посольств, тайком провозили его на родину и передавали друзьям. Хотя таким образом проникало немного экземпляров, «Бюллетень оппозиции», по-видимому, никогда не печатался тиражом свыше тысячи экземпляров, но комментарии и предсказания Троцкого и шедевры его красноречия быстро распространялись. Сталин не мог почивать на лаврах и равнодушно взирать на это брожение.

* * *

Дело Блюмкина дало ему возможность нанести удар. Высокопоставленный работник иностранного отдела ГПУ Яков Блюмкин имел за плечами странную карьеру и сыграл еще более странную роль. Накануне революции юношей он вступил в террористическую организацию эсеров. В какой-то степени поэт, он был идеалистом-романтиком с честолюбивым складом ума и безграничной преданностью делу. В октябре 1917 года Блюмкин был среди левых эсеров, объединившихся с большевиками, и представлял свою партию в ЧК при Дзержинском. Так, будучи юношей двадцати лет — революция избирает себе молодых любовников! — он был одним из отцов-основателей ЧК. Когда его партия порвала с большевиками по поводу Брест-Литовского мира, Блюмкин разделял глубокую убежденность товарищей, что, заключив мир, большевики предали революцию. Когда его товарищи решили поднять мятеж против правительства Ленина и заставить Советскую республику вступить в войну с Германией, они поручили двум людям совершить покушение на жизнь немецкого посла в Москве графа Мирбаха. Одним из двух был Блюмкин. Ему удалось выполнить поручение, и это событие было сигналом для восстания, подавленного Троцким. Большевики схватили Блюмкина и привели к Троцкому.

Следует напомнить, что сама большевистская партия также глубоко разделилась по поводу Брест-Литовского мира. Поэтому, хотя партия поставила левых эсеров вне закона, многие большевики испытывали теплые чувства к убийце Мирбаха, хотя и осуждали его. Троцкий воззвал к революционным чувствам мятежников и попытался убедить в ошибочности их действий и обратить их в большевистскую веру. Когда к нему привели Блюмкина, он завязал с молодым и впечатлительным террористом

* В помещении Центрального Комитета автор, к его удивлению, неоднократно слышал это.

длинный и серьезный спор. Поддавшись превосходящей силе убеждения, Блюмкин раскаялся и попросил, чтобы ему дали возможность искупить вину. Для проформы его приговорили к смерти и даже информировали германское правительство о его казни. Однако в действительности его простили и дали возможность «доказать преданность революции». Он выполнял самые опасные поручения большевиков во время гражданской войны, работая для них в тылу белогвардейцев. Левые эсеры считали его предателем и совершили несколько покушений на его жизнь. Во время одного из таких покушений ему бросили гранату в палату госпиталя, где он лечился, а он успел выбросить ее в окно за мгновение до взрыва. Реабилитированный большевиками, Блюмкин затем служил в штабе Троцкого, учился в военной академии, получил некоторую известность как военный писатель и активно работал в Коминтерне. После гражданской войны он вновь пошел на работу в ЧК, или ГПУ, и был высокопоставленным офицером в отделе контрразведки. Блюмкин безгранично верил в Троцкого. Он был привязан к наркому обороны всей силой своего пылкого сердца. Он также поддерживал близкую дружбу с Радеком, которого «обожал» и который был более доступен и легче откликался, чем Троцкий. Когда Троцкий и Радек стали оппозиционерами, Блюмкин не делал секрета из солидарности с ними. Хотя по характеру своей работы он не мог принимать участия в деятельности оппозиции, Блюмкин счел своим долгом сообщить о своей позиции руководителю ГПУ Менжинскому. Однако, поскольку его искусство как контрразведчика ценилось высоко и он не принимал участия в деятельности оппозиции и никогда не нарушал дисциплины, ему разрешили придерживаться своих взглядов и оставаться на своем посту. Он остался в партии и на работе в ГПУ даже после исключения оппозиции из партии.

Летом 1929 года, возвращаясь в Россию из Индии, где он был в служебной командировке, Блюмкин остановился в Константинополе, и там, как утверждал Троцкий, случайно встретил на улице Леву [35]. Можно, конечно, сомневаться, была ли встреча случайной. Невероятно, чтобы Блюмкин приехал в Турцию, не намереваясь вступить в контакт с Троцким. Встретившись с его сыном случайно или нет, он попросил приема у отца. Троцкий сначала отказался, считая риск чрезмерным. Однако когда Блюмкин настойчиво повторил просьбу, он дал согласие на встречу.

Блюмкин явился, чтобы излить душу человеку, перед которым 11 лет назад он стоял как убийца Мирбаха. Как и большинство оппозиционеров, он не понимал, что происходит, и был жертвой конфликта верности. Он считал трудным примирить свою работу в ГПУ с чувствами в отношении оппозиции. Он разрывался между оппозиционерами-капитулянтами и продолжавшими сопротивле-

ние, между верой в Троцкого и дружбой с Радеком. Он не верил, что разрыв между ними окончателен, и простодушно надеялся примирить их. Часами он сидел, запершись с Троцким, рассказывая о московских новостях и внимательно слушая, что говорил Троцкий об ответственности и обязанностях оппозиции, бесполезности капитуляции.

Блюмкин рассказал Троцкому о собственных сомнениях и о желании уйти из ГПУ. Троцкий твердо разубедил его. Как ни трудна обстановка, сказал Троцкий, он должен продолжать верно служить в ГПУ. Оппозиция обязана защищать рабочее государство, и поэтому ни один оппозиционер не должен уходить ни с одного официального поста, где он действует в общих интересах государства, а не в интересах сталинской фракции. Разве не была оппозиция на стороне Советского Союза в конфликте по поводу КВЖД? Деятельность Блюмкина была всецело направлена против внешнего врага и полностью соответствует взглядам оппозиции, и поэтому он должен продолжать ее.

Блюмкин согласился с советом и попросил Троцкого дать ему инструктивное письмо для оппозиционеров на родине. Он также выразил готовность помочь установить контакты и с помощью турецких рыбаков организовать доставку «Бюллетеня оппозиции» через границу.

Троцкий вручил ему послание, копия которого сохранилась в архиве. Документ не имеет ничего, что можно было бы даже при самом сильном воображении счесть конспиративным. Он написан столь общими словами частично и настолько тривиально, что Троцкий и Блюмкин едва ли могли подумать, что передача его сопряжена хоть с малейшим риском. Троцкий предсказывал, что осенью Сталин окажется в очень затруднительном положении, и тогда капитулянты поймут всю бессмысленность своей капитуляции. Он, конечно, призывал своих сторонников держаться, презрительно отзываясь о слабых. Он сообщал им, что собирается выступить против Радека, и заранее информировал об основном содержании этого выступления, которое будет опубликовано. В который раз он опровергал обвинение, ныне поддерживаемое Радеком, будто он, Троцкий, стремится создать новую партию, повторяя, что оппозиция осталась неотъемлемой частью старой партии. Он рассказал о своих усилиях по созданию международной организации оппозиции и детально объяснил споры между немецкими, французскими, австрийскими троцкистами и зиновьевцами, прося не разочаровываться по поводу всего этого, а сохранять уверенность, что международная оппозиция в конце концов станет жизнеспособной политической силой. Отрадно думать, что ссыльные возлагают такие большие надежды на это и что Троцкий давал им соответствующие заверения. В целом в послании не было ниче-

го, что он не говорил или не собирался высказать публично, особенно на страницах «Бюллетеня оппозиции» *. Конечно, можно заподозрить, что Троцкий устно дал Блюмкину более определенные конспиративные инструкции. Но странным образом даже ГПУ никогда не утверждало, что он сделал это, и по всем данным о позиции Троцкого, его деятельности и переписке видно, что в действительности он не сообщал своим сторонникам доверительным образом ничего сверх того, что говорил им публично. С этим посланием и поехал Блюмкин в великолепном настроении, убежденный, что теперь он сможет доказать Радеку и другим необоснованность их обвинений, что Троцкий по-прежнему верный и великий большевик и что оппозиция под его руководством восстановит свое единство.

Вскоре по приезде в Москву Блюмкина арестовали, обвинили в измене и казнили. Нелегко выяснить, как ГПУ узнало о его поездке. Некоторые говорили, что он доверил свой секрет женщине, которую любил и которая, будучи сама тайным агентом, предала его. Другие утверждали, что по возвращении Блюмкин пошел прямо к Радеку, который, боясь навлечь подозрения на себя или стремясь убедить Сталина в искренности своего раскаяния, предал друга. Этот рассказ получил широкое распространение и привел к тому, что Радека стали презирать и ненавидеть. Еще по одной версии, распространявшейся Виктором Сержем, роль Радека была скорее плачевной, чем зловещей. Серж рассказывает, что по возвращении в Москву Блюмкин немедленно почувствовал, что ГПУ знает, где он был, и следит за ним, чтобы выяснить, с кем из оппозиционеров он поддерживает связь. Радек был опечален бедой, приключившейся с Блюмкиным, посоветовав ему обратиться к председателю Центральной Контрольной Комиссии Орджоникидзе и честно рассказать обо всем. Это был единственный путь, якобы сказал Радек, каким Блюмкин мог спастись: Орджоникидзе, хотя и сторонник суровой дисциплины, был хорошим и в своем роде великодушным человеком, единственным в партийной иерархии, который мог отнестись к делу строго, но по-человечески. Неиз-

---

* Текст послания (без даты) хранится в *Архиве Троцкого. Закрытая секция.* Русское досье. Я не смог установить точной даты визита Блюмкина. По некоторым данным представляется, что Блюмкин приехал либо в июле, либо в августе 1929 г. Послание Троцкого, помимо вышеизложенного, содержало следующие организационные «инструкции»: он просил своих сторонников не посылать ему писем через руководителя немецкого «Ленинбунда» Урбанса, с которым он вел политический спор, и предостерегал их против сотрудника советского посольства в Париже Харина, которого заклеймил как сталинского провокатора. (По всей вероятности, частично через Харина Троцкий непосредственно после высылки поддерживал контакт с Россией.) Эти «инструкции» не носили конспиративного или даже конфиденциального характера. В любом движении такого рода предостережения против провокатора придаются широчайшей огласке, с тем чтобы насторожить максимально большое число людей.

вестно, однако, был ли Блюмкин арестован до или после обращения к Орджоникидзе *. Загадка может иметь самое простое объяснение: бдительный глаз работников советского консульства в Константинополе заметил Блюмкина, садящегося на пароход, шедший на Принцевы острова, или провокатор в доме Троцкого мог узнать, кто был тайный визитер, с которым Троцкий заперся на много часов.

Блюмкин «вел себя с удивительным достоинством» во время допросов, рассказывает бывший офицер ГПУ, «он мужественно пошел на казнь и перед смертельным выстрелом крикнул: «Да здравствует Троцкий!» ** В последующие годы все чаще и чаще этот возглас звучал среди залпов палачей.

То была первая такая казнь. Конечно, другие троцкисты уже поплатились жизнями за свои убеждения, умирая от голода и истощения,— за год перед этим, например, один из секретарей Троцкого, Бутов, умер в тюрьме после длительной голодовки. Тем не менее правило, что большевики никогда не должны повторять фатальной ошибки якобинцев и не прибегать в своей внутренней борьбе к казням, до тех пор уважалось по крайней мере формально. Теперь это правило было нарушено. Блюмкин был первым членом партии, казненным за нарушение внутрипартийных уставов,— нарушение не более серьезное, чем связь с Троцким.

Сталин опасался, что капитулянты сотрут линию разграничения между оппозицией и партией, и дело Блюмкина усилило его опасения. Он не мог терпеть, чтобы высокопоставленный сотрудник ГПУ, находившийся на действительной службе, дружеским образом посещал Троцкого и выступал посредником между Троцким и капитулянтами. Примириться с этим означало бы превратить все официальные обвинения Троцкого в некую пародию и поощрить к новым контактам. Сталин сам, быть может, не верил в общем-то невинный характер миссии Блюмкина и послания Троцкого оппозиции. Возможно, в его подозрительном уме мелькнула мысль, что небезопасно полагать, что убийца Мирбаха никогда больше не выразит свои бесхитростные, но сильные политические страсти в новом террористическом акте. В любом случае казнь Блюмкина должна была послужить предостережением другим, показав, что официальное обвинение в контрреволюции не шутка, статья 58 есть статья 58 и отныне товарищеские связи с изгнанником на Принцевых островах будут наказываться по всей строгости извращенного закона. Любопытно, что до тех пор ни один из убежденных троцкистов не подвергся казни, хотя

* *Serge V*. Memoirs d'un Révolutionnaire. Paris, 1951. P. 277—279.
** *Orlov A*. The Secret History of Stalin's Crimes. London, 1953. P. 202.

они поддерживали из тюрем и ссылки связи со своим руководителем, который посылал им коллективные приветствия в годовщину Октябрьской революции и в день 1 Мая, и их подписи появлялись под статьями и «тезисами» в «Бюллетене оппозиции». В то время предостережение касалось только членов партии, занимавших официальные посты, особенно в ГПУ, и капитулянтов, восстановленных в партии. Демаркационная линия между партией и оппозицией вновь была проведена, на этот раз кровью.

Троцкий узнал о казни от неизвестного оппозиционера, еще находившегося на правительственной службе, приехавшего с официальной миссией в Париж *. Но в Москве царила тишина, и когда через германскую прессу просочился этот слух, коммунистические газеты отрицали его. Несколько недель Троцкий ожидал новой информации и в письмах своим сторонникам в России не делал никаких ссылок на Блюмкина. Наконец в январе 1930 года послание от оппозиционеров в Москве рассеяло все сомнения. Троцкий немедленно рассказал обо всех обстоятельствах встречи с Блюмкиным. Он заявил, что Сталин лично приказал казнить Блюмкина, Ягода выполнил приказ, даже не посоветовавшись с номинальным главой ГПУ Менжинским. В «Бюллетене оппозиции» были опубликованы письма из Москвы, авторы которых утверждали, что Блюмкина предал Радек. Троцкий, поразмыслив, усомнился, что дело действительно обстояло так, сочтя, что Радек, вероятно, действовал безответственно и глупо, но честно. «Несчастье Блюмкина,— писал Троцкий,— заключалось в том, что он доверял Радеку, а Радек доверял Сталину».

Троцкий побуждал своих приверженцев на Западе поднять «бурю протестов». «Дело Блюмкина,— писал он Росмеру 5 января 1930 года,— должно стать делом Сакко и Ванцетти [36] левой оппозиции». Несколько раньше казнь в Бостоне двух итальяно-американских анархистов Сакко и Ванцетти была поводом для памятного международного протеста коммунистов, социалистов, радикалов и либералов. Призыв Троцкого не получил никакого отзвука. Судьба Блюмкина не вызвала даже малой части того негодования, какое вызвала казнь Сакко и Ванцетти. Значительно легче возмутить совесть левых кругов против неверного отправления правосудия судебным аппаратом буржуазного государства, чем поднять их против убийства, тоже по суду, совершаемого рабочим государством. Прошло всего несколько недель, и Троцкий должен был протестовать и просить протестовать других против двух новых казней оппозиционеров и жестоких репрессий, которым

* Известие было сообщено Троцкому Р. Молинье в письме от 10 декабря 1929 г. вместе с довольно мрачным рассказом о распаде оппозиции. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

подверглись Раковский с друзьями. Вновь он не смог пробить каменного безразличия тех, кого надеялся поднять *.

* * *

1929 год завершился в Советском Союзе взрывом насилия, превзошедшим все ожидания. В начале года сталинская политика была еще колеблющейся и неопределенной. Промышленность набирала темпы, однако правительство еще не отказалось от осторожности. В апреле XVI партийная конференция призвала к ускоренной коллективизации, но заявила, что в сельском хозяйстве частные хозяйства будут господствовать еще много лет; к 1933 году пятилетний план предусматривал коллективизацию всего 20% хозяйств, кулак должен был платить более высокие налоги и поставлять больше зерна, но пока не было и мысли о его «ликвидации». К концу года представлялось, будто ураган пронесся по этим планам, разметал их, смел осмотрительность. Наступление на промышленном фронте развивалось, не зная границ: вновь и вновь повышались задания и раздавались призывы, чтобы план был выполнен в 4,3 или даже в 2,5 года. В 12-ю годовщину революции Сталин столкнулся с «трудностями», предсказанными Троцким: с отказом крестьянства поставлять продовольствие. Тогда он вынес смертный приговор частному сельскому хозяйству, отдав боевой приказ о «немедленной и сплошной коллективизации». Всего через четыре месяца Сталин заявил, что 50%, то есть около 13 миллионов, всех крестьянских хозяйств коллективизированы. Вся мощь государства и партии обрушилась на кулаков. Они сгонялись с земли, а миллионы других крестьян принуждались объединять свое имущество и принимать новый способ производства **.

Почти каждая деревня стала полем битвы невиданной классовой войны, которую вело коллективистское государство под верховным командованием Сталина, чтобы завоевать сельскую Россию и сломить ее упорный индивидуализм. Силы коллективизма были невелики, но хорошо вооружены, мобильны и управлялись единой волей. Деревенский индивидуализм обладал громадной мощью, но эта мощь не была сконцентрирована, его застали

* См.: Б. О. № 10. Троцкий назвал двух казненных — Силова и Рабиновича, заявив, что их обвинили «в саботаже на железнодорожном транспорте». Согласно Орлову (*Orlov A.* Op. cit. P. 202), истинная «вина» офицера ГПУ Рабиновича заключалась в том, что он информировал подпольные троцкистские круги в Москве о казни Блюмкина.

** См.: КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 449—469, 593; *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 118—135; Правда. 1930. 6 января; *Deutscher Y.* Stalin. Political biography. Oxford, 1977. P. 317—322.

врасплох, и он был вооружен лишь дубиной отчаяния. Как и во всякой войне, не было недостатка в маневрировании, в безрезультатных стычках, в отступлениях и наступлениях. Но в итоге победители захватили свою добычу и взяли бесчисленное количество пленных, которых угнали в бесконечные просторы Сибири и в ледяные пустыни Крайнего Севера. Но в отличие от других войн, победители не могли ни признать, ни рассказать о полном размахе боевых действий: они должны были притворяться, что проводят здоровую трансформацию крестьянской России с согласия ее подавляющего большинства. Поэтому даже спустя несколько десятилетий точное число жертв, а их были миллионы, неизвестно.

Внезапность, размах и сила этого переворота были таковы, что лишь немногие оказавшиеся свидетелями его, смогли понять и представить себе его грандиозность. До недавнего времени троцкистская оппозиция могла утверждать, что Сталин, начав «левый курс», только воплощал в жизнь ее требования. Однако великая перемена зашла настолько дальше этих требований, что перехватила дух как у троцкистов, так и у сталинистов, не говоря уже о бухаринцах. Среди троцкистов «примиренцы» яснее понимали размах и окончательный характер происходивших событий. Сопротивлявшиеся еще цеплялись за посылки и аргументы предшествующих лет. Раковский, например, отнесся к приказу Сталина уничтожить кулаков как «к ультралевой риторике», утверждая, что «конкретный вес богатых хозяйств в национальной экономике еще больше возрастет, несмотря на все разговоры о борьбе с аграрным капитализмом». Накануне 12-й годовщины революции Троцкий сам утверждал, что «медленное развитие сельской экономики... и трудности, которые испытывает деревня, благоприятствуют росту мощи кулака и усилению его влияния» *. Он не мог представить себе, что росчерком пера или за считанные годы 25 миллионов мелких сельских хозяйств могут быть уничтожены силой.

В начале 1930 года Троцкий начал осознавать происходящее и посвятил серию очерков критике пятилетки, где разработал новую линию осуждения сталинской политики. Новая критика характеризовалась диалектической двойственностью: проводилось строгое различие между «социально-прогрессивной» и «бюрократическо-ретроградной» тенденциями в Советском Союзе и разъяснялось, почему они находятся в вечном конфликте. Он начал, например, очерк «Экономический авантюризм и его опасности» такими словами **: «Успехи промышленного развития СССР имеют

* *Trotsky L.* Écris. Vol. 1. P. 76.

** Очерк, написанный в феврале 1930 года, был опубликован в Б. О. № 9. С. 1.

мировое историческое значение. Ничего, кроме презрения, не вызывают социал-демократы, которые не пытаются даже оценить те темпы, до которых оказывается способным подниматься советское хозяйство. Эти темпы не являются ни устойчивыми, ни обеспеченными... Но они дают опытное доказательство тех неизмеримых возможностей, которые заложены в социалистических методах хозяйства.

Если бы в 1918 году социал-демократия в Германии использовала врученную ей революцией власть для социалистического переворота,— у нее была для этого полная возможность,— не трудно, на основании опыта Советской России, понять, какой экономической мощью обладал бы сегодня социалистический массив Центральной Европы, Восточной Европы и значительная часть Азии. Все человечество выглядело бы иначе. Предательства германской социал-демократии человечество будет оплачивать дополнительными войнами и революциями».

Таким образом, подчеркнуто повторив свою оценку социалистической тенденции в развитии Советского Союза, Троцкий подверг нападкам внутреннюю политику Сталина в тех же терминах, в которых он характеризовал новую линию Коминтерна: сталинская фракция «превратила свой левый зигзаг в ультралевый курс» *. То обстоятельство, что Сталин, как «центрист», действовал под переменным давлением справа и слева, соответствовало прежним взглядам Троцкого, когда он давал оценку месту Сталина во внутрипартийных блоках 20-х годов, хотя эти его взгляды и меньше подходили к реальному положению вещей позднее. В целом Троцкий еще придерживался мнения, что интенсивная индустриализация и коллективизация были всего лишь переходными фазами сталинской политики. Он не понимал и никогда так и не понял до конца, что в 1929—1930 годах Сталин перешел свой рубикон и отныне не мог остановить развитие промышленности, а уничтожив кулака, не мог попытаться пойти на мировую с ним. Эта коренная ошибка в оценке Троцкого (к которой мы вернемся позднее) все же не обесценивает его конкретной критики, предвосхитившей большинство изменений политики, проведенных преемниками Сталина после 1953 года. Как в 20-е годы Троцкий был пионером первоначального социалистического накопления, так в начале 30-х годов он был предтечей экономических и социальных реформ, проведенных лишь спустя несколько десятилетий.

Он с самого начала раскритиковал темпы роста, установлен-

---

* Б. О. № 9. С. 2.

ные в окончательном варианте первого пятилетнего плана *. От «черепаших темпов», заметил Троцкий, Сталин переключился к «галопу призового скакуна». В первоначальных версиях пятилетка предусматривала 8—9% ежегодного прироста продукции, и предложение оппозиции удвоить эти темпы было отброшено как безответственная и опасная фантазия. Теперь темпы были утроены. Вместо того чтобы стремиться к оптимальным результатам, указывал Троцкий, плановики и руководители промышленности получили приказ неизменно напрягать все ресурсы, чтобы достигнуть максимума, независимо от того, что это дисбалансировало национальную экономику и снижало эффективность промышленного подъема. Установленные плановые задания намного превосходили наличные ресурсы, и поэтому возникло несоответствие между обрабатывающей и добывающей промышленностью, между тяжелой и легкой промышленностью, между инвестициями и потреблением. Еще опаснее было противоречие между успехами промышленности и отставанием сельского хозяйства. Здесь нет необходимости говорить об этих и других диспропорциях, которые Троцкий часто детально анализировал,— с тех пор стало трюизмом, что эти диспропорции действительно омрачили весь процесс индустриализации сталинской эры. Однако, как часто случается, трюизмы одного поколения были пугающими ересями предшествующего поколения. И коммунисты, да и не только они, отнеслись к критике Троцкого с негодованием или издевательски.

А между тем, когда по истечении времени анализируешь сказанное Троцким на этот счет, больше удивляешься его политической сдержанности, чем полемическому жару. Он предварял почти каждое критическое замечание подчеркнутым признанием прогресса, достигнутого под руководством его противника, хотя настаивал, что основа прогресса — государственная собственность и планирование в экономике и что Сталин не только использовал, но и злоупотребил этими преимуществами советской экономики. Он не верил, что административный кнут действительно ускоряет или может ускорить темпы экономического роста — слишком часто этот кнут был первопричиной задержек и неудач. Государственная собственность вызвала к жизни и потребовала централизованного планирования. Однако бюрократическая сверхцентрализация ведет к концентрации и усилению ошибок, совершаемых стоящими у власти, к параличу социальной инициативы, к громадному расточению человеческих и материальных ресурсов. Безответственный и «непогрешимый» вождь должен был скрывать все ошибки и неудачи, хвастаясь все время выдающимися дости-

* См. также «Открытое письмо» Троцкого членам партии//Б. О. 1930. Апрель. № 10; его комментарии к XVI съезду//Там же. Июнь — июль. № 12—13. Успехи социализма и опасности авантюризма//Там же. Ноябрь — декабрь. № 17—18.

жениями, неслыханными рекордами и сокрушительной статистикой. Сталинистское планирование делало упор на количественную сторону индустриализации, исключая все остальное. Чем больше требовалось произвести товаров любой ценой, тем ниже было их качество. Для рационального планирования нужна всеобъемлющая система экономических коэффициентов и проверки, которая не только постоянно измеряла бы рост производства, но и учитывала изменения в качестве, стоимости, покупательной силы денег, сравнительные темпы производительности труда и т. д. Однако все эти факторы экономики держались в тайне: Сталин вел экономическое наступление, «выключив фары», не оглашая сколько-нибудь важную информацию.

Критика Троцким коллективизации была еще более радикальной. Он осудил «ликвидацию кулака» как чудовищную и сделал это задолго до того, как ужасы, сопровождавшие эту акцию, стали известными. В годы, когда его клеймили как «врага крестьянства», он побуждал Политбюро повысить налогообложение на богатых хозяев, организовать сельских рабочих и крестьян-бедняков, поощрять создание ими колхозов на добровольной основе и предоставить государственные ресурсы (сельскохозяйственные машины, удобрения, кредит и агрономическую помощь) колхозам, с тем чтобы поощрять их соревнование с частным сельским хозяйством. Эти предложения исчерпывающим образом выражали его антикулацкую политику, и он никогда не шел дальше их. Ему никогда не приходило в голову, что столь многочисленный социальный класс, каким была деревенская буржуазия, может или должен быть уничтожен декретом и насилием, что миллионы людей должны быть лишены их собственности и осуждены на социальную, а многие и на физическую смерть. Что социализм и частное сельское хозяйство в конечном счете несовместимы и что фермер-капиталист погибнет в обществе развивающегося социализма, конечно, было аксиомой марксизма и ленинизма. Но Троцкий, как и до недавнего времени большевики, рассматривал это как постепенный процесс, в ходе которого мелкий крестьянин поддастся более производительным коллективным методам ведения хозяйства аналогично, но менее болезненно, тому, как ремесленник и мелкий фермер поддались современной промышленности и крупному сельскому хозяйству при капитализме.

Поэтому не было никакого элемента демагогии в гневном осуждении, с которым Троцкий отозвался на ликвидацию кулаков. В его глазах это было не только злоумышленное и кровавое нарушение всего, за что выступали марксизм и ленинизм. Он не верил, что колхозы, которые вызвал к жизни Сталин, будут жизнеспособными. Он указывал, что коллективизированное

сельское хозяйство требует технологической базы, превосходящей базу индивидуального сельского хозяйства. Такой базы в Советском Союзе не было: трактор еще не заменил лошадь *. С помощью простого сравнения (о котором, конечно, можно сказать, что сравнение не есть доказательство) Троцкий утверждал, что без современной техники также невозможно превратить мелкие сельские хозяйства в жизнеспособный колхоз, как невозможно построить океанский лайнер из маленьких лодок. Сталин, конечно, намеревался с годами поставить машины, что в конце концов и случилось. Утверждения Троцкого сводились к тому, что коллективизация не должна обгонять необходимые для нее технические средства. В противном случае колхозы не будут интегрированы в экономическом отношении. Производительность в них не будет превышать производительность в частном сельском хозяйстве, и они не обеспечат крестьянам материальных преимуществ, которые компенсируют утрату частной собственности **. Между тем, пока колхозы в технологическом отношении не будут интегрированы, недовольство крестьян проявится в упадке или загнивании сельскохозяйственного производства, что создаст угрозу взрыва колхозов изнутри. Троцкий так глубоко проникал в мировоззрение крестьянства, что с Принцевых островов предостерегал Москву о предстоявшем катастрофическом массовом забое скота, и он сделал

* «Правда» от 15 иniaари 1930 г. указывала, что дли полной коллектиаизации советского сельского хозяйстаа требоаалось 1,5 млн тракторов. Такой уровень механизации был достигнут лишь в 1956 г., когда тракторный парк, исчисляемый а 15-сильных единицах, превысил 1,5 млн. В действительности, поскольку машины имели по 30 лошадиных сил, он состоял из 870 тыс. тракторов. Ежегодный выпуск тракторов а 15-сильном исчнслении составлил немногим более 3 тыс. в 1929 г. и 50 тыс.— в 1932 г. Количество другой сельскохозяйстаенной техники было ничтожным. В начале первого пятилетнего плана в 1928 г. в сельском хозяйстве было меньше 1 тыс. грузовиков, а в 1932 г. их насчитывалось лишь 14 тыс. // Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический ежегодник. М., 1959. С. 243, 487.

** «Коллективизации сохи... жульничестао»,— писал Троцкий. Аргументацию Троцкого опровергали некоторые троцкисты-экономисты (см., например: *Греф Я.* Коллективизация деревни и относительное перенаселение // Б. О. № 11) и, конечно, сталинисты, утверждавшие, что колхоз, даже технологически отсталый, будет более производительным, чем прежние мелкие крестьянские хозяйства. Критики Троцкого исходили из аналогии с британской мануфактурой, которая даже до промышленной революции (когда она являлась мануфактурой в строгом смысле слова) была более производительной, чем индивидуальный ремесленник, ибо, как указал Маркс в «Капитале», она имела преимущества, во-первых, «простой кооперации», а затем — разделения труда. В абстрактной теории критики Троцкого были правы: коллективизация даже без предшествующего существования необходимого ей технологического базиса должна привести к большей производительности, как произошло в Китае в середине 50-х годов. Практически, однако, в том, что касается коллективизации 1929—1930 гг., Троцкий был прав: любые преимущества, которые колхоз мог получить от кооперации и разделения физического труда, сводились на нет нежеланием крестьян работать и первоначальным уничтожением скота, запасов и инвентаря.

это задолго до того, как Сталин признал этот факт *. Даже много позже Троцкий оставался убежденным, что коллективистская структура сельского хозяйства хронически пребывала в состоянии, приближавшемся к краху.

При ретроспективном взгляде может показаться, что Троцкий нарисовал слишком мрачную картину: коллективные хозяйства в конце концов не потерпели краха. Тем не менее крестьянская политика Сталина на протяжении всех 30-х годов, невероятно сочетая массовый террор и мелкие уступки, диктовалась именно опасением краха: лишь железными методами можно было сколотить колхозы. Упадок и последующая стагнация сельскохозяйственного производства были однако абсолютно реальными и стали важнейшей темой официальной политики через 25—30 лет.

Положение дел в деревне оказало влияние на все аспекты национальной политики. Индустриализация проходила на опасно сузившейся и потрясенной сельскохозяйственной базе в обстановке голода или хронической нехватки продовольствия. Поэтому она сопровождалась почти зоологически свирепой всеобщей борьбой за первоочередные средства жизнеобеспечения, широким недовольством и низкой производительностью труда. Правительству приходилось постоянно подавлять недовольство и увеличивать производительность труда запугиванием и принуждением. Яростное потрясение 1929—1930 годов загнало Советский Союз в порочный круг нехваток и террора, из которого он длительное время не мог выбраться.

Теперь Сталин провозгласил конец нэпа и упразднение рыночной экономики. Рассматривая взгляды Троцкого на этой ранней стадии, мы видим, что в них «нет места для внезапной отмены нэпа, запрещения частной торговли декретом» и что социалистическое планирование «не могло бы в один день росчерком пера заменить нэп, а должно развиваться в рамках смешанной экономики, пока социалистический сектор своим растущим превосходством постепенно не поглотит, не изменит или не уничтожит частный сектор и не перерастет рамки нэпа». Троцкий по-прежнему придерживался этого взгляда. Он считал «отмену нэпа» плодом бюрократического ума — только бюрократия, которая в результате длительного игнорирования индустриализации и ошибочного подхода к крестьянству не смогла справиться с силами рыночной экономики и позволила им выйти из-под контроля, может пытаться декретом уничтожить рынок. Однако «выброшенный через дверь рынок вернется через окно»,— говорил Троцкий. Пока сельское хозяйство органически и прочно не социализировано, в обстановке всеобщей нехватки товаров невозможно ликви-

* Б. О. 1930. № 9. С. 5.

дировать игру спроса и предложения, заменив их плановым распределением товаров. Стихийное давление рынка прорвется сначала в сельском хозяйстве, затем там, где перекрещиваются сельское хозяйство и промышленность, и в конце концов — даже в национализированном секторе экономики, где оно будет часто опрокидывать и извращать планирование. Тому были многочисленные доказательства, особенно в начале 30-х годов: хаос официальных и неофициальных цен на потребительские товары, фантастический рост черного рынка, обесценение рубля, быстрое падение реальной заработной платы. Плановики работали «без аршинов и весов», будучи не в состоянии установить истинные цены и издержки, и исчислить производительность. «Возьмите аршин и весы» — таков был настойчивый совет Троцкого. Вместо того чтобы притворяться, что давление рынка преодолено, плановикам лучше было бы признать его существование, принять его в расчет и попытаться поставить его под контроль. Даже в последующие годы, когда была преодолена галопирующая инфляция начала 30-х годов, эта критика сохранила свою силу, и многое из сказанного советскими экономистами в первое десятилетие после смерти Сталина о важности должной оценки цен и издержек звучит эхом аргументации Троцкого.

Введенное в практику Сталиным замалчивание экономической информации затемнило и другие жизненно важные вопросы. Кто оплачивает индустриализацию, какой социальный класс и в какой мере? Какие классы и группы получают от нее выгоду и сколько? В начале 20-х годов руководители оппозиции, особенно Преображенский, утверждали, что крестьянство должно будет в значительной степени покрыть инвестиционные фонды национализированной промышленности. Сталин надеялся обеспечить фонды путем коллективизации, чтобы крестьянство действительно сделало этот вклад, увеличив производство и поставки продовольствия и сырья. Однако крестьянство обмануло его. «Пусть моя душа погибнет вместе с комиссарами!» — с таким воплем мелкий крестьянин расставался со своим хозяйством. Хотя ему не удалось сломать устои коллективистского государства, он отказался оплачивать счет индустриализации, как от него ожидалось. На практике это означало массовый забой скота и падение производительности в сельском хозяйстве.

В результате городским рабочим пришлось нести более тяжкую ношу. Главная часть чудовищного инвестиционного фонда в промышленности, в сущности, была взята из заработной платы. С точки зрения реальной покупательной способности значительно возросший рабочий класс должен был существовать на сократившейся массе потребительских товаров, одновременно строя новые электростанции, сталелитейные заводы и машинострои-

тельные заводы *. Десять лет назад Троцкий говорил, что рабочий класс «может прийти к социализму лишь через величайшие жертвы, напрягая все свои силы и отдавая свою кровь и нервы». Теперь Сталин требовал этих жертв — крови и нервов. «Могут случиться моменты,— говорил Троцкий в 1923 году,— когда правительство не будет вам платить вообще зарплаты или будет платить вам половину зарплаты и когда вы, рабочие, должны будете одолжить другую половину государству, чтобы дать ему возможность перестроить национализированную индустрию». Сталин теперь захватил «эту другую половину» заработной платы рабочего. Но в то время как Троцкий извинял свое предложение разрухой экономики после мировой и гражданской войн и стремился получить согласие рабочих на этот метод накопления, Сталин делал это, говоря рабочему, что его реальная зарплата удвоилась и что он вступает на обетованную землю социализма. Сначала инфляция скрывала реальное положение вещей от рабочих, от энтузиазма, выдержки и по крайней мере готовности работать которых зависел успех пятилетки **.

* Городское населенне СССР в течение 30-х годоа аыросло с 30 млн до почти 60 млн и наиболее ннтенсиаиый рост проходил а пераую половину десятилетня. Валовое проиааодство сельского хозяйства упало со 124% а 1928 г. (1913—100%) до 101% в 1933 г. и составляло лншь 109% в 1936 г., поголоаье скота сократнлось со 137% а 1928 г. до 65% а 1933 г., а затем медлеино увеличилось до 96% в 1936 г. На протяжеини 30-х годов урожаи ие преаышали уровеиь до 1913 г. ялн были иесколько ниже его (Народное хоаяйство в СССР а 1958 году. С. 350—352). В 1928 г. товариый нзлишек сельскохозяйствеииого производства состаалял только полоаину дореаолюционного объема и лишь путем реквизиций а 1929—1932 гг. удалось его удаоить (примерно) для покрытия нужд а хлебе городов. Поставки сахара, мяса н жиров резко упали в годы первого пятилетнего плана (там же. С. 302). Выпуск хлопчатобумажных ткаией упал или оставался постояииым в период между 1928 и 1935 гг. (С. 274). То же самое отиосится к прonаводству обувн, недостаток которой усилился а результате исчеаиоаения ядомииков (там же. С. 293). На протяжении десятилетия, отмеченного нехааткой рабочих н материалоа, требовавшихся в пераую очередь для тяжелой промышлениости, городская переиаселениость, уже приобретшая широкий размах раньше, стала катастрофической. Новое городское стронтельство а среднем давало ие более 4 кв. ярдоа [3,7 м^2] иа каждого иового жителя города.

** В реаолюцня Цептрального Комитета от 10 января 1933 г. (КПСС в резолюцнях... Ч. 2. С. 723) «среднее» повышенне доходов рабочих н крестьян а пернод пятнлетнего плана оценнвается а 85%. В тот же пернод общнй объем роанннчной продажн в государстаеиных н кооператнвных магазнях уаеличился примерно с 12 млрд до саыше 40 млрд рублей (Народнoе хозяйство а СССР в 1958 году. С. 698). За нсключеннем хлеба, продававшегося по карточкам по твердой цеие, и, аозможно, картошкн, масса проданных товаров была примерно постоянной нли лншь слегка увеличилась в ати годы. Отсюда следует, что покупательиая снла рубля, даже измеряемая в коитролируемых ценах, умеиьшилась от $^1/_4$ до $^1/_3$ по сравиеиию с 1928 г. В некоитролируемых ценах падеиие было еще большим. Таким обрааом, даже еслн «средняя» иомииальиая заработная плата а 1932 г. состааляла лишь половиму заработной платы 1928 г., то отсюда следует, что путем ифляцин Сталин буквальио отобрал половиму заработной платы рабочих, чтобы фннансировать индустриализацию.

На первых порах осуществление пятилетнего плана проводилось в духе, если и не эгалитарном, то в духе общей работы и общей жертвенности, не запятнанных каким-либо постыдным неравенством. Этот дух возбудил рвение комсомольцев и ударников, бросившихся строить магнитогорскстрои и тракторострои *. Однако, по мере того как первоначальный подъем спадал и сказывалась чрезвычайная усталость рабочих, правительство стало подталкивать их дифференцированной оплатой, премиями, стахановским движением, наградами за производственные рекорды и т. д. Вместе с бюрократией и управленческим аппаратом рабочая аристократия достигла явно привилегированного статуса. Отныне Сталин постоянно поносил «мелкобуржуазную уравниловку», и антиэгалитарная тенденция набрала громадную силу. Выступая против нее, Троцкий сослался на «традицию большевизма, направленную против рабочей аристократии и бюрократических привилегий». Он не проповедовал уравниловки. «Совершенно бесспорно,— указывал Троцкий,— что на низком уровне производительных сил, а следовательно, и общей культуры равенство в оплате труда неосуществимо» **. Он даже признал, что уравнительная политика заработной платы первых революционных лет зашла слишком далеко и препятствовала экономическому прогрессу. Однако он утверждал, что социалистическое правительство, вынужденное сохранять неравенство в необходимых пределах, должно постепенно сокращать его, защищая интересы громадных непривилегированных масс. «В конфликте воззрений работницы и бюрократа мы, левая оппозиция,— с работницей против бюрократа, который... держит работницу за горло». В том факте, что Сталин действовал как защитник привилегий, Троцкий усматривал «угрозу всем завоеваниям революции».

Троцкий теперь дал также новое определение своих взглядов на пролетарскую демократию. Только когда трудящиеся свободны выдвигать свои требования и критиковать стоящих у власти, подчеркивал Троцкий, они могут предотвратить рост привилегий. С точки зрения социализма высшая проверка, «путем которой можно судить об экономических условиях в стране, является уровень жизни рабочих и их роль в государстве». Если в годы нэпа Троцкий считал, что лишь сила пролетарской демократии может уравновесить объединенные силы нэпманов, кулаков и консервативных бюрократов, то теперь он расценивал

* Энтузиазм питался иллюзией, что Советский Союз «догонит и перегонит» западные промышленные страны через два или три года и, таким образом, построит «бронированную стену вокруг социализма в одной стране» (Б. О. 1930. № 17—18. С. 3).

** Б. О. 1932. № 27. С. 9.

демократию как единственную политическую систему, в рамках которой плановая экономика может достичь полной эффективности. Следовательно, важнейшим экономическим, а не только политическим интересам Советского Союза соответствует возрождение пролетарской демократии. Вопреки мифу вульгарного троцкизма Троцкий не выступал за какой-либо «прямой рабочий контроль в промышленности», то есть за управление фабрично-заводскими комитетами или рабочими советами. Эта форма управления провалилась в России вскоре после революции, и с тех пор Троцкий был самым убежденным сторонником единоличного управления и центрального контроля, указывая, что управление через фабрично-заводские комитеты станет возможным, если и когда масса производителей будет хорошо образованна и проникнута глубоким пониманием социальной ответственности. Он был также категорически против «анархо-синдикалистских» планов Рабочей оппозиции передать управление промышленностью профсоюзам или «ассоциациям производителей». Он не изменил этих взглядов, оказавшись в оппозиции и изгнании. Троцкий видел в пролетарской демократии право рабочих на свободу критики, на выступления против правительства и тем самым на формирование его политики, однако не их «право» осуществлять прямой контроль над производством. Троцкий усматривал в центральном планировании и управлении коренное условие любой социалистической экономики и любой экономики, эволюционирующей к социализму. Вместе с тем он указывал, что процесс планирования, чтобы быть эффективным, должен проходить не только сверху вниз, но и снизу вверх. Производственные задания не должны декретировать с вершины административной пирамиды без предварительного общенационального обсуждения, без внимательного рассмотрения на месте имеющихся ресурсов и возможностей, без предварительной оценки настроения рабочих и без подлинного понимания последними плана и готовности выполнить его. Когда рабочим не разрешали проверять, исправлять и изменять планы, представленные планирующими органами, неизбежно возникали громадные диспропорции, характерные для советской экономики при Сталине.

Троцкий подверг критике посылки национальной самообеспеченности, которыми Сталин обосновывал свою экономическую практику. Для него, Троцкого, социализм в одной стране оставался «реакционной национал-социалистической утопией», недостижимой независимо от того, будут ли к нему идти со скоростью призового скакуна или черепашьими темпами. С акцентом, который иногда бывал преувеличенным или ставился не там, где надо, он утверждал, что Советский Союз не может собственными ресурсами и собственными усилиями превзойти и даже достигнуть

уровня производства развитых западных капиталистических стран, что являлось обязательным условием достижения социализма. Распространение революции в любом случае остается коренным условием для победы социализма в Советском Союзе. Сталинистский изоляционизм воздействовал не только на большую стратегию революции и социалистического строительства, но даже на непосредственные цели торговли: Сталин не принимал в расчет преимуществ «международного разделения труда», практически игнорируя важность внешней торговли для советской индустриализации, особенно после начала мирового экономического кризиса, когда условия торговли резко ухудшились для Советского Союза. Троцкий тогда настаивал, чтобы Москва усилила политическими средствами свои позиции в торговле, обратившись ко многим миллионам безработных на Западе, чтобы они выступили за торговлю с Россией (и за предоставление экспортных кредитов), которые помогут России и в то же время будут способствовать занятости в капиталистических странах. От своего имени и от имени своей небольшой организации Троцкий опубликовал несколько убедительных манифестов в этом смысле. Однако идея не вызвала никакого отклика в Москве *.

Эта подробная критика достигла кульминационного пункта в сильном и страстном протесте Троцкого против моральной дискредитации коммунизма сталинской политикой. В 1931 году Сталин провозгласил, что Советский Союз уже заложил «основы социализма» — даже «вступил в эру социализма», и сталинским пропагандистам надлежало поддержать эти претензии, проводя контраст между фантастически светлым образом советского общества с грубо преувеличенной картиной нищеты при умирающем капитализме **. Разоблачая это двойное извращение, Троцкий заявлял, что убеждать массы советского народа, что голод и лишения, не говоря уже об угнетении, которые они испытывают, это и есть социализм, означает убивать их веру в социализм и превращать их в его врагов. В этом он усматривал «величайшее преступление» Сталина, совершенное в отношении самых дорогих чаяний рабочего класса и грозившее скомпрометировать будущее революции и коммунистического движения ***.

---

* Оппозиция, левая и правая, «предлагает нам усилить нашу зависимость от капиталистического мира»,— утверждал Каганович [37], на что Троцкий сказал: «Автаркия — идеал Гитлера, не Маркса и не Ленина» (Советское хозяйство в опасности // Б. О. 1932. Ноябрь. № 31. С. 5). Стоимость советского экспорта уменьшилась до $^1/_3$, а импорта до $^1/_4$ с 1930 по 1935 г. Часть этого падения объяснялась невыгодными условиями торговли.

** См., например, КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 717—724; «Правда», «Большевик» и вся советская печать 30-х годов полна таких контрастов.

*** Б. О. 1932. Ноябрь. № 31.

* * *

Мы уже говорили, что критика Троцкого во всех аспектах совпадала с традицией классического марксизма, а также что она предвосхищала реформы послесталинской эры. Можно задать вопрос, уместна ли она была и в какой степени подходила в обстановке 30-х годов? Были ли предложения Троцкого практичны в момент их выдвижения? Не был ли глубокий разрыв между марксистской теорией и практикой русской революции характерным для той эры? И не сделали ли обстоятельства это расхождение неизбежным? Очень немногие вопросы, с которыми имеет дело историк, могут подорвать его уверенность в собственных суждениях в такой степени, как указанные вопросы. Сам Троцкий, когда был настроен менее полемически, подчеркивал, что колоссальные трудности Советского Союза коренятся в бедности, отсталости и изоляции. Главное обвинение Троцкого против правления Сталина сводилось к тому, что Сталин усиливал эти трудности, а не создавал их, и нелегко ни для Троцкого, ни для историка провести линию между «объективными» и «субъективными» факторами, между несчастьями, унаследованными русской революцией, и созданными сталинским произволом и жестокостью. Больше того, существовало реальное «единство противоположностей», диалектическая взаимосвязь объективного и субъективного: бюрократический произвол и жестокость были неотъемлемой частью российской отсталости и изоляции — они были запоздалой реакцией наследников революции на родную отсталость.

Ныне оба, Троцкий и Сталин (частично молчаливо), придерживались того взгляда, что Советский Союз может достичь быстрого промышленного подъема только на путях первоначального социалистического накопления. Этот взгляд исторически оправдывается тем фактом, что на любой другой основе ни одна слаборазвитая страна в нынешнем столетии не достигла успехов, сравнимых с успехами в России. Первоначальное накопление, однако, предполагает, что рабочие и крестьяне должны нести более тяжкое, чем «нормальное», бремя экономического развития. Некоторые из базовых диспропорций сталинского планирования коренились именно в этих условиях. Инвестирование в любом случае должно было увеличиваться значительно быстрее, чем потребление. Тяжелая промышленность пользовалась приоритетом по сравнению с легкой промышленностью. Теоретики оппозиции доказывали, что по мере индустриализации национальный доход будет расти так быстро, что народное потребление поднимется вместе с инвестициями, хотя не тем же темпом. Вместо этого потребление катастрофически падало в критические годы после

1930 года. Троцкий утверждал, что этого можно было избежать, если бы индустриализация проводилась с меньшим напряжением, если бы к ней приступили на несколько лет раньше и применяли в ходе ее более рациональные методы. Аргумент звучал убедительно, однако правильность его не могла быть доказана. Сталинский контраргумент, выдвигавшийся не всегда гласно, был также убедительным: великие перемены влекут за собой столь же великий катаклизм, даже если бы к ним приступили раньше и проводили их менее форсированно. Угроза голода висела над городской Россией большую часть послереволюционного времени (она периодически возникала и до революции). Индустриализация и быстрый рост городского населения в любом случае должны усилить ее, пока сельское хозяйство остается раздробленным и архаичным. Отказавшись разрешить капиталистическому сельскому хозяйству взять на себя заботу об обеспечении продовольствием лихорадочно растущих городов, большевики должны выступать за коллективизацию. Если бы они попытались проводить коллективизацию постепенно, за что стоит Троцкий, указывали сталинцы, они бы оказались в чрезвычайно тяжелом положении: в любом случае громадная масса мелких хозяев была бы антагонизирована, а прогресс был бы, как при капиталистическом сельском хозяйстве, слишком медленным, чтобы обеспечить города продовольствием в ходе быстрой индустриализации. Троцкий, напротив, верил, что возможно побудить крестьянство встать на путь добровольной и экономически здравой коллективизации. Вопрос о том, не недооценил ли он размеров, в которых любая форма коллективизации оскорбляет упорную «иррациональность» мужика и его приверженность к частной собственности, остается спорным. Сталин действовал, исходя из принципа Макиавелли [37], что для правителя нет ничего более опасного, чем оскорблять и в то же время пытаться умилостивить своих врагов, а для Сталина его подданные стали врагами. Он бросил всю свою мощь против мелких крестьянских хозяйств, и целое поколение должно было трудиться, пожиная плоды этого экономического катаклизма. Однако такой ценой Сталин, с его точки зрения, достиг громадного политического успеха: становой хребет архаичного сельского индивидуализма, который грозил подорвать индустриализацию, был сломан. Достигнув этого, он не мог отказаться от своего достижения, а должен был защищать его зубами и ногтями.

Троцкий не верил в прочность этого достижения в духе Макиавелли [38]. Он отрицал до конца, что Сталин победил крестьянский индивидуализм. Убежденный в том, что этот индивидуализм все еще мог уничтожить колхозы или использовать их в своих интересах и нуждах, Троцкий предсказывал, что в колхозах поднимется новый класс кулаков, который возьмет бразды правле-

ния *. Здесь Троцкий опять-таки подметил истинную тенденцию, хотя и слишком подчеркнул ее силу. Приобретательские черты крестьянина действительно вновь проявлялись в различных отношениях, и Сталин должен был бороться против возрождения кулачества в колхозах. Все же сочетанием экономических мер и террора ему удалось удержать возрождение частной собственности в узких и сурово ограниченных рамках, и крестьянский индивидуализм так и не оправился от смертельного удара, нанесенного ему, хотя его предсмертные судороги потрясали Россию в течение 25 лет.

Из ссылки Троцкий неоднократно умолял сталинское Политбюро отказаться от этого свирепого предприятия, положить конец варварской войне против сельского варварства и вернуться к более цивилизованному и гуманному образу действий, к которому обязывало Москву марксистско-ленинское наследие. Он побуждал Политбюро стать инициатором великого примирения с крестьянством, объявить перед лицом всего народа, что, приступив к насильственной коллективизации, Политбюро поступило неверно и что крестьяне, желающие уйти из колхозов и вернуться к своему хозяйству, могут сделать это. Он не сомневался, что это приведет к роспуску многих, возможно, большей части колхозов. Однако такие колхозы, на взгляд Троцкого, в любом случае нежизнеспособны, и будет потеряно немного, а оставшиеся колхозы (если они будут обеспечены машинами, кредитами и помощью агрономов и, таким образом, дадут своим членам материальные выгоды, превышающие доходы мелкого крестьянина) могут еще стать пионерами подлинно добровольного движения в пользу коллективизации, которое со временем трансформирует все сельское хозяйство, подняв его производительность на уровень, необходимый для современной и расширяющейся экономики. Это, заявил Троцкий, сделает оппозиция, если она вернется к власти **.

Для сталинского Политбюро было поздно искать такого примирения с крестьянством. С осени 1929 года все силы партии и государства были целиком вовлечены в борьбу, и попытка освободить их для глубокого отступления могла кончиться разгромом. С начала кампании жертвы были столь многочисленными, были разбужены такие горькие страсти, в отношении крестьян чинился такой произвол, и они так горели жаждой мщения, столь громадным и кровавым был переворот, что более чем сомнительно, что можно было найти какой-нибудь рациональный выход, пока поколение, пережившее этот удар, жило. Если бы правительство

* См., например, главу «Социальные противоречия в коллективизированной деревне» // *Trotsky L.* The Revolution Betrayed. London, 1937. P. 128—135.

** См.: Б. О. 1932. № 29—30.

заявило, что крестьяне могут уходить из колхозов, рухнула бы вся сельскохозяйственная структура и колхозы едва ли выжили вообще. Тогда потребовалось бы время, прежде чем частное сельское хозяйство стало вновь работоспособным и начало работать привычным путем. Между тем производство и снабжение продовольствием еще более ухудшились бы и промышленное развитие оказалось бы серьезно подорванным. Равным образом едва ли массовый исход из колхозов оказался бы мирным. Крестьяне считали бы вправе отомстить правительству и партии. Примирение потребовало бы, чтобы экспроприированные и ссыльные были амнистированы и получили возмещение убытков. Легко вообразить себе настроение, в каком поезда ссыльных возвращались бы из концентрационных лагерей и встречались в родных деревнях. Деколлективизация могла бы развязать столь же яростные страсти, какие сопровождали коллективизацию. Быть может, новое правительство с чистыми руками, правительство, сформированное оппозицией, могло бы попытаться умиротворить страну, не приведя ее назад на порог контрреволюции,— в это Троцкий верил. Для правительства Сталина любая такая попытка означала самоубийство. Проявление любой слабости с его стороны превратило бы ненависть, дымившуюся в миллионах хижин, в пожар. Сталину ничего не оставалось делать, как продолжать борьбу, хотя, как он много лет спустя признался Черчиллю, она была ужасней, чем испытания второй мировой войны *.

Мы видели, что условия, существовавшие в деревенской России, не допускали любого рационального изменения и в индустриальной политике. Новую и чудовищную промышленную структуру, во много раз превосходившую структуру дореволюционной России, приходилось сооружать на более узкой сельскохозяйственной базе, чем при старом режиме. В течение многих лет жизнь все возрастающего населения городов — оно, как мы знаем, увеличилось с 30 до 60 млн человек только в 30-е годы — зависела от уменьшившихся или совершенно недостаточных поставок продовольствия. Никакое правительство не было в силах выровнять эту диспропорцию, то есть никакое правительство, которое не было готово прекратить индустриализацию или снизить ее темпы и оказаться перед перспективой экономической стагнации. Если бы Троцкий со своими сторонниками в любое время после 1929—

* «Время было после полуночи...— пишет Черчилль.— Скажите мне,— спросил я,— напряжение этой войны было для вас лично столь же сильным, как проведение коллективизации?» Этот предмет немедленно взволновал маршала. «О, нет,— сказал он,— коллективизация была ужасающей борьбой»... «Десять миллионов [крестьян],— сказал он, воздев вверх руки,— это было ужасно. Она продолжалась четыре года, но была абсолютно необходима для России» (*Churchill W. S.* The Second World War. London, 1951. Vol. 4. P. 447).

1930 годов вернулись к власти, они тоже должны были бы считаться с последствиями катастрофического разрушения и ухудшения положения в сельском хозяйстве, и, поскольку они обязались проводить индустриализацию, они также должны были приспособить свою политику к этим обстоятельствам, ставившим чрезвычайно жесткие рамки.

Несколькими годами раньше Преображенский утверждал, что первоначальное социалистическое накопление, которое, как он ожидал, будет происходить в менее тяжелых условиях, окажется «самой критической эрой в жизни социалистического государства... Речь будет идти о жизни и смерти, мы должны будем пройти через этот переход с максимальной быстротой». Насколько же сильнее это было делом жизни и смерти для Сталина, отрезавшего себе все пути к отступлению! Он шел через этот переходный период смертоносным темпом, не обращая никакого внимания на предостережения и советы в пользу умеренности. Преображенский побуждал большевиков «встать на точку зрения производителей, а не потребителей», ибо «мы еще не живем в социалистическом государстве с его производством для потребления, мы живем под железной пятой закона первоначального социалистического накопления». Насколько же сокрушительно тяжелее стала теперь эта железная пята! Насколько более суровой также стала «производительная» точка зрения, которую после всего случившегося и со всеми вытекающими последствиями должен был принять Сталин! Преображенский предвидел, что относительный недостаток потребительских товаров будет в любом случае сопровождать накопление и приведет к экономическому неравенству между администраторами и рабочими и между квалифицированными, неквалифицированными и полуквалифицированными рабочими, и это неравенство будет необходимо, чтобы поощрять квалифицированных и хорошо работающих. Однако оно не вызовет к жизни новых и глубоких классовых антагонизмов. В действительности неравенство росло прямо пропорционально нехваткам, и как первое, так и вторые превзошли все ожидания.

Сталин употреблял все идеологические средства, чтобы увеличить, скрыть и оправдать разрыв между привилегиями немногих и скверным положением многих. Однако идеологических уловок было недостаточно. Террор осуществлял свое бдительное и ужасное наблюдение над этой пропастью. Свирепость террора соответствовала напряженности всех социальных отношений. На первый взгляд бесчинства в 30-е годы выглядели как возрождение террора гражданской войны. В действительности они далеко превзошли его, резко отличаясь от террора гражданской войны размахом и слепой силой. В гражданской войне это была обжигающее дыхание истина революционного гнева, наносившего удар по силам

старого режима, которые устраивали заговоры, организовались, вооружались и боролись против новой республики. Сотрудники ЧК еще недавно были восставшими рабочими, жили опытом своего класса, разделяли его лишения и жертвы и опирались на его поддержку. Их террор был максимально избирательным среди хаоса гражданской войны. Он был направлен против настоящих и активных врагов революции, которые, даже если не были «просто горсткой», в любом случае составляли меньшинство. В суровой атмосфере военного коммунизма террор также охранял утопическое спартанское равенство тех лет.

Террор 30-х годов был хранителем неравенства. Уже самим своим характером он был антинароден, и, будучи потенциально и действительно направленным против большинства, он был тотальным и огульным. Однако даже это полностью не объясняет его всеобъемлющего и яростного характера: массовые казни, массовые чистки и массовые ссылки, в сущности, не были нужны лишь для того, чтобы обеспечить различную заработную плату или даже привилегии бюрократии — значительно большее неравенство и привилегии обычно обеспечиваются куда более мягкими мерами. Колоссальный взрыв насилия начался одновременно с коллективизацией. Террор был нужен, чтобы провести великие перемены в деревне, а они в свою очередь увековечили террор. Только карательные отряды и политотделы в деревне могли не допустить возврата крестьян к частному сельскому хозяйству. Грубая сила обеспечивала жизнеспособность колхозов, не имевших внутреннего экономического единства. Необходимость употреблять эту силу в отношении подавляющего большинства народа — крестьянство еще составляло 60—70% населения — и применять ее в каждом сезоне в году во время вспашки, сева, сбора урожая и, наконец, когда крестьяне должны были поставлять свои продукты государству,— все это привело к постоянным инъекциям таких чудовищных доз страха в такие обширные части социального организма, что отравленным неизбежно оказалось все тело. Стоило пустить в ход машину террора, превышавшего по размерам все виданное дотоле, как она развила собственную инерцию, не поддававшуюся контролю. Городская Россия не могла изолировать себя от конвульсий сельской России. Отчаяние и ненависть крестьянства выплескивались в города, захватывая большие группы рабочего класса, и туда же выплескивалось ответное насилие, направленное против отчаяния и ненависти.

* * *

Хотя перемены 1929—1930 годов проводились иррационально, они развивали социальную революцию столь же необратимо, как

Октябрь 1917 года, но совершенно по-иному. В этом перевороте проявилась «перманентность» революционного процесса, предсказанная Троцким. Однако это проявление настолько отличалось от предсказанного им, что Троцкий не признавал и не мог признать его. Он по-прежнему полагал, как думали очень недавно все большевики, что революция необходима лишь для свержения феодального буржуазного правления, экспроприации имений и крупного капитала, а после достижения всего этого «переход от капитализма к социализму» будет проходить в основном путем мирной эволюции. В подходе к внутренним проблемам Советского Союза автор «Перманентной революции» был в определенном смысле реформистом. Конечно, раньше других он осознал, что Советская республика не сможет разрешить свои внутренние конфликты и проблемы в рамках национальных реформ, и поэтому ожидал их окончательного разрешения в рамках международной революции. Революционный подход Троцкого к международной классовой борьбе и его реформистский подход к внутриполитическим советским делам были двумя сторонами одной монеты. Сталин, напротив, до 1929 года был убежден, что национальные реформы сами смогут разрешить конфликты советского общества. Обнаружив, что дело обстоит по-иному, он должен был выйти за рамки национальной реформы и провести новую национальную революцию. Он отбросил реформистский, а не националистический элемент своей политики. Прагматическое безразличие Сталина к перспективам международной революции и квазиреволюционный характер его внутренней политики были также двумя сторонами одной и той же монеты.

Теперь историческое развитие иронически подтвердило правоту идеи, лежавшей в основе схемы Троцкого, однако противоречило, по крайней мере частично, этой схеме. «Предоставленный самому себе, рабочий класс России,— писал Троцкий в начале столетия,— будет неизбежно сокрушен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от пролетариата». Этот момент представлялся очень близким сначала в 1921 году и вновь в конце 20-х годов, когда крестьянство отвернулось от большевиков. «Рабочие не будут иметь иного выбора,— писал далее Троцкий,— как связать судьбу... русской революции с судьбой социалистической революции в Европе». С 1917 года Троцкий постоянно повторял, что Россия сама не может достигнуть социализма, но тем не менее потенциальный запас ее революции не исчерпан — 1917 год есть прелюдия к международной революции. Теперь выяснилось, что динамическая сила русской революции действительно не иссякла, хотя и не сумела зажечь пламя революции в Европе. Не сработав за рубежом, будучи стиснутой рамками страны, эта динамическая сила обратилась внутрь и вновь начала насильствен-

но перестраивать структуру советского общества. Принудительная индустриализация и коллективизация теперь оказались заменой распространения революции, а ликвидация русских кулаков — эрзацем свержения правления буржуазии за рубежом. Для Троцкого его идея была неотделима от этой схемы: только немецкий, французский или по крайней мере китайский Октябрь окажутся действительным продолжением русского Октября, кульминационная точка революционного процесса в России может быть достигнута только его интернационализацией. Исторически это все еще было верно, но пока что Сталин действовал как невольный проводник перманентной революции в пределах Советского Союза. Троцкий не хотел признать это и принять эрзац за подлинную вещь[39].

Во взглядах Троцкого содержалась рациональность классического марксизма. Великие перемены, проведенные Сталиным, были пронизаны иррациональностью. Классическая революция, как ее представляли себе марксисты, совершается на гребне социальной сознательности и политической активности масс — она есть высшее проявление их воли к жизни и желания переделать свою жизнь. Переворот 1929—1930 годов произошел в низшей точке социального самосознания и политической энергии. То была революция сверху, основанная на подавлении всей стихийной активности народа. Ее движущей силой был не какой-нибудь социальный класс, а партийная машина. Для Троцкого, чье мировоззрение впитало богатые и разнообразные европейские традиции классической революции, этот переворот, следовательно, вообще не был революцией, а был насилием над историей, совершенным сталинской бюрократией. Однако какой бы «незаконной» с классической точки зрения ни была сталинская революция сверху, она произвела долговременную, а что касается масштабов, беспрецедентную перемену в общественных отношениях и в итоге в образе жизни всего народа.

* * *

На протяжении нашего рассказа мы неоднократно рассматривали особенность истории России, заключающуюся в чрезвычайной власти государства над нацией. Старый царский абсолютизм черпал свою силу из примитивных недифференцированных и бесформенных составных частей русского общества. «Если на Западе,— заметил Милюков,— сословия создали государство, в России государство вызвало к жизни сословия». Даже российский капитализм, добавил Троцкий, вступил в жизнь как «дитя государства». Незрелость социальных классов России побуждала лидеров интеллигенции и крошечные группы революционеров замещать собою народ, действуя в качестве его доверенных лиц. После относитель-

но краткого, но громадного подъема народов России в первые два десятилетия XX столетия, истощение их энергии в гражданской войне и в послереволюционном распаде общества привело к аналогичным результатам. В 1921—1922 годах, когда рабочий класс не мог отстоять собственные классовые интересы, Ленин и старая гвардия взяли на себя роль его доверенных лиц. Логика «заместительства» привела их к установлению политической монополии большевистской партии, которая затем уступила место значительно более узкой монополии сталинской фракции. Для того чтобы понять дальнейший ход событий и борьбу между Сталиным и Троцким, мы должны сейчас кратко рассмотреть условия существования различных классов советского общества через десять лет после гражданской войны.

Сокращение численности и распад рабочего класса, характерные для начала 20-х годов, теперь были делом прошлого. При нэпе, по мере восстановления промышленности, вырастал новый рабочий класс, почти такой же многочисленный, как и старый. Спустя немногие годы, к 1932 году, занятость в промышленности возросла с 10 до 22 миллионов. В течение 30-х годов в промышленность и на шахты пришло так много рабочих, что к 1940 году рабочий класс по численности почти в 3 раза превышал свою максимальную численность в прошлом *. Однако, несмотря на колоссальный рост, вес рабочего класса политически не сказывался. Прямое влияние рабочих на политическую жизнь было несопоставимо меньшим, чем в последние годы существования царизма, не говоря уже о 1917 годе. Рабочий класс был совершенно неспособен утвердить себя против бюрократии. Дело не в том, что в рабочем государстве не было необходимости в этом — не кто другой, как Ленин, в 1920—1921 годах настаивал, что рабочие должны защищаться против собственного государства, и если эта необходимость существовала в 1921 году, то она была куда сильнее в 1931 году. Тем не менее рабочие оставались пассивными и немыми.

Чем объяснялись столь длительный упадок социального самосознания и паралич политической воли? Дело заключалось не только в терроре, даже не в тоталитарном терроре, ибо террор эффективен или неэффективен в сопоставлении с силой сопротивления, которую он подавляет или не может подавить. Было что-то в самом рабочем классе ответственное за эту пассивность. Так что же?

Миллионы новых рабочих пришли в промышленность главным образом из отсталой деревни, сначала «стихийно», под давлением деревенской перенаселенности, затем в ходе плановой перекачки

* См.: Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 656—657. В эти данные включены рабочие и служащие.

людских ресурсов из деревни в город,— этим занималось правительство, используя колхозы как удобные вербовочные центры. Новые рекруты приносили с собой (в города и фабричные поселки) безграмотность, покорность и фаталистические настроения деревенской России. Вырванные из привычного окружения и находившиеся в замешательстве в незнакомой обстановке, они немедленно попадали в чудовищный механизм, который круто изменял их, приучал к ритму и дисциплине промышленности, обучал механическому мастерству и вбивал в них заповеди, запреты и лозунги партии. Жившие в скученности в громадных лагерях и бараках, одевавшиеся в лохмотья, плохо питавшиеся, подвергавшиеся давлению на работе, а часто подчинявшиеся почти военной дисциплине, они не могли оказать сопротивления нажиму на них. В основе их жизнь не очень отличалась от жизни поколений бывших крестьян, брошенных в промышленный тигель раннего капитализма. Однако если при капитализме стихийные бедствия рабочего рынка, страх, безработица и голод медленно изменяли и дисциплинировали крестьянина, превращая его в промышленного рабочего, то в сталинской России об этом заботилось государство, и весь процесс превращения занимал куда более короткое время.

На нового рабочего оказывалось такое давление, он подвергался такой интенсивной дрессировке, чувствовал себя таким забытым богом и людьми и подавленным чудовищными силами, формировавшими его жизнь, что у него не оставалось ни воли, ни сил сформировать собственное мнение или промолвить слово протеста. Время от времени его недовольство прорывалось в пьяной драке, в нанесении тайком ущерба машинам или в попытке сбежать с одного предприятия на другое. Он пытался оградить себя и улучшить собственную жизнь, не думая о положении своего класса в целом. Его атавистический индивидуализм в такой же мере, как запрещение забастовок, не давали ему возможности сплотиться для самозащиты с товарищами-рабочими и солидарно действовать с ними. Сталин, уничтожавший индивидуализм в родной деревне рабочего, вдохновлял индивидуализм и играл на нем в промышленности, где стахановское движение и «социалистическое соревнование» доводили до крайности стремление рабочих к приобретению, подталкивая их соревноваться друг с другом у станка.

Таким образом, когда проходила коллективизация крестьянства, рабочий класс был низведен до такого положения, что очень немного осталось от его традиционного коллективистского мировоззрения. «...Крестьянская масса, влившись в ряды пролетариата, произвела качественные изменения в нем... Это совсем не то, что пролетаризация крестьянства. Тут пахнет крестьянизацией пролетариата»,— печально заметил один ссыльный социолог оп-

позиции *. Это вовсе не означает, что классовая солидарность и марксистская боевитость были целиком уничтожены. Они еще были живы у остатков «поколения Октября» и у немногих молодых людей, воспитанных в 20-е годы,— в этом мог убедиться любой, наблюдавший в преддверии и в начале 30-х годов жертвенный энтузиазм, с которым первые ударники приступили к строительству, часто на собственных костях, новых сталелитейных заводов, электростанций среди голых скал Урала и далее к востоку. Сталинская пропаганда, хотя и противоречивая, продолжала многое восхвалять в марксистских традициях, пусть извращая и искажая их. Рабочие, впитавшие эти традиции, были недовольны вторжением крестьянского индивидуализма на предприятия, борьбой за зарплату и за различные виды материального вознаграждения. Однако такие рабочие составляли меньшинство, и их затопили миллионы пролетаризированных мужиков. Больше того, государство и партия постоянно иссушали интеллектуальные и политические ресурсы рабочего класса, выхватывая из его среды самых классово сознательных, образованных, энергичных людей, чтобы поставить их на вновь создававшиеся управленческие и административные посты или направить в специальные бригады, задача которых заключалась в коллективизации крестьян. Лишаемый своей элиты рабочий класс еще больше раздирался центробежными силами и раскалывался. Он, конечно, также глубоко разделялся по поводу коллективизации. Наступление в деревне сначала вызвало возвышенные надежды среди пролетариев городского происхождения, которые крайне не доверяли деревенской буржуазии. Однако рабочие, приходившие из деревень, были взбешены. Они распространяли в городах рассказы об ужасах, творимых в деревне, вызывая к себе немалую симпатию. Социолог, которого мы только что цитировали, замечает, что в годы первой пятилетки города были полны людей, которых он характеризует как санкюлотов наоборот. Со времен французской революции, объясняет этот социолог, санкюлот — человек без собственности — был врагом собственности, но на этот раз в Советском Союзе он — самый яростный защитник собственности. Его присутствие и настроения сказывались даже в самых старых цитаделях большевизма, что неудивительно, ибо в Донецком угольном бассейне, например, в 1930 году не менее 40% шахтеров составляли экспроприированные кулаки и другие крестьяне. В старых пролетарских слоях настроения варьировались от мрачной враждебности к власти до чувства, что партия и государство в конце концов выражают чая-

* Я. Греф в очерке о коллективизации и перенаселении (Б. О. 1930. № 11. С. 20, 23). Это наиболее оригинальный, хотя несколько догматический анализ советского общества во времена рассматриваемого переворота.

ния рабочего класса, и оппозиция к ним недопустима. Однако не может быть ни малейших сомнений в том, что масса санкюлотов наоборот и многочисленный люмпен-пролетариат, перемещенные крестьяне, которые не могли приспособиться к жизни в промышленных районах, наполнявшие предместья пьянством и совершавшие преступления, потенциально составляли громадный резерв пушечного мяса для любого «термидорианского» контрреволюционного и даже фашистского движения.

Своей раздробленностью, смятением и отсутствием политического лица новый рабочий класс частично напоминал пролетариат начала капиталистической эры, который Маркс характеризовал как «класс в себе», но не «для себя». «Класс в себе» выполняет свою экономическую функцию в обществе, не осознавая своего места, не может сформулировать собственные корпоративные и «исторические» интересы, подчинив им групповые или личные стремления своих членов. Марксисты молчаливо исходили из того, что стоит рабочему классу достигнуть социальной самоинтеграции и политического самосознания, превращающих его в «класс для себя», как он на неопределенно долгое время будет оставаться в этом положении и не вернется к незрелости. Вместо этого рабочий класс России, свергнув царя, прогнав помещиков и капиталистов, вернулся к прежнему состоянию класса, не сознающего свои интересы и не могущего выразить их.

Положение крестьянства было, конечно, еще хуже. Удары, обрушенные на крестьянство, окончательно дезорганизовали и подавили его, хотя накануне 1929 года крестьянство, казалось, достигло неслыханной раньше внутренней сплоченности. В своей массе оно, по всей вероятности, было едино во враждебности, с которой выступало против большевистского коллективизма. Его антагонизм к партии и государству затмил внутренние противоречия, то есть конфликт между зажиточными и бедными крестьянами. Кулак возглавил деревенскую общину, а сельскохозяйственные рабочие и бедняки, бывшие в течение ряда лет свидетелями усилий большевиков договориться с кулаками, воздерживались бросать вызов его положению и волей-неволей смирились с его руководством. Поэтому когда коллективизаторы впервые появились на сцене, им оказалось трудно сломить солидарность крестьян. Самоуверенность кулака была так велика, а бедняки настолько свыклись с ней, что они не верили комиссарам, угрожавшим уничтожить кулака. Многие полагали, что более безопасно взять сторону кулака и защищать старые устои в деревне, а не следовать призыву комиссаров. Но когда стало ясно, что правительство не собирается отступать, и кулак действительно обречен, единство деревни рухнуло. Давно подавляемая, но теперь прорвавшаяся враждебность бедняков к богачам вернулась со всей силой. Громадная масса

разрывалась конфликтными интересами, расчетами и эмоциями, поскольку правительство вело наступление не только на деревенский капитализм, но и на частное сельское хозяйство вообще и даже от бедных крестьян требовало отказаться от их крохотных наделов. Крестьяне все еще имели тенденцию оставаться объединенными в защите своего имущества. Инстинкт собственности зачастую столь же силен в бедняке, как и в богатом крестьянине, и этот инстинкт плюс самая обыкновенная житейская человечность были потрясены и возмущены произволом и бесчеловечностью коллективизации. Однако эти чувства подрывались и ослаблялись холодным расчетом бедняков, что они могут в конце концов получить выгоду от лишения собственности зажиточных крестьян и объединения участков земли. И когда наконец не осталось сомнения, кто побеждает, многие бросились в лагерь победителей.

Идея коллективного хозяйства, конечно, не была чужда деревенской России. Вера в то, что земля — совместное достояние обрабатывающих ее, а не предназначенная богом для обогащения некоторых и обнищания остальных, в свое время была очень сильной, и «мир», или исконная деревенская община, в рамках которой земли периодически перераспределялись среди ее членов, дожил почти до революции. Только в 1907 году правительство Столыпина дало возможность «крепким хозяевам» уходить из «мира», изымать оттуда свои владения, избавляя их от перераспределения и уравниловки. Правда, с 1917 года приверженность крестьянина к своему собственному увеличенному наделу значительно возросла. Тем не менее партийные агитаторы еще могли представлять колхозы как законных наследников «мира», расхваливая их деревенским жителям не как подрывные нововведения, а скорее как возрождение в измененной форме старого института, о котором, хотя и разъединенном алчностью капиталистов, еще помнили. Таким образом, импульсы и влияния, определявшие поведение крестьянства, были сложными и противоречивыми. Страх и вера, ужас и надежда, отчаяние и уверенность довлели над мыслями мужика, делали его нервным, озлобленным и тем не менее не сопротивляющимся и пытающимся облегчить свои беды неохотным подчинением.

В обстановке, когда крестьян быстро приводили в такое состояние, среди них разразилась сумасшедшая оргия разрушения. В первые месяцы коллективизации они забили свыше 15 миллионов коров и быков, около 40 миллионов овец и коз, 7 миллионов свиней и 4 миллиона лошадей. Поголовье скота в стране сократилось более чем наполовину. Громадные блюда с мясом были главной едой на тризне, которой мелкий крестьянин праздновал собственные похороны. Забой скота начали кулаки, подстрекнув других

последовать их примеру. Кулак, увидев, что он утратил все, что он, кормилец народа, лишается своей собственности, решил лишить страну продовольствия и, чтобы не дать возможности коллективизаторам угнать его скот на общественные сборные пункты, наполнил собственные кладовые мясом, с тем чтобы подохли с голоду его враги. Коллективизаторы сначала отшатнулись перед этой формой «классовой борьбы» и с беспомощным удивлением следили за тем, как середняк и даже бедняк присоединились к забою скота, пока вся деревенская Россия не превратилась в скотобойню.

Так начался странный карнавал, на котором председательствовало отчаяние, а ярость наполняла горшки. Эпидемия обжорства распространялась с деревни на деревню, с волости на волость, с губернии на губернию. Мужчины, женщины и дети обжирались, их рвало, но они возвращались к столу. Никогда в стране не варилось столько самогона — почти над каждой избой курился дымок самогонного аппарата. По старой славянской традиции [40] пили долго и много. Обжирающиеся и икающие кулаки освещали деревню кострами своих овинов и конюшен. Люди задыхались от зловония мяса, от паров водки, от дыма и горящих домов и собственного отчаяния. Частыми были сцены, когда появлялась бригада коллективизаторов, чтобы прервать мрачное пиршество треском пулеметов. Она расстреливала на месте или уводила упорных врагов коллективизации, объявляя, что отныне оставшиеся жители деревни, как примерные члены колхоза, будут стремиться лишь к победе социализма в сельском хозяйстве. Однако после раскулачивания кулаков и подкулачников уничтожение скота и пир продолжались. Не было никакой возможности остановить его. Скот убивали, потому что не осталось кормов или потому что он болел из-за отсутствия ухода. Даже бедняки, вступившие в колхоз, которые были заинтересованы в сохранении своего имущества, продолжали расточать его, набивая давно пустые желудки. Затем последовало длительное и ужасное похмелье: колхозы остались без лошадей и семян. Колхозники с Украины и из Европейской России бросились в Среднюю Азию покупать лошадей и, вернувшись с пустыми руками, запрягли в плуги немногих оставшихся коров и быков. В 1931—1932 годах обширные пространства земли остались необработанными, везде валялись трупы умерших с голоду мужиков. Мелкий крестьянин погибал так, как он жил,— в ужасающей беспомощности и варварстве. Его окончательное поражение было смертельным как экономически, так и политически.

Однако коллективизация также понесла моральное поражение, и, как мы уже указывали, новая система в сельском хозяйстве функционировала в грядущие годы под знаком этого поражения. Обычно революция не зависит в своем успехе от конструктивной работы социального класса, который она низвергла: независимо

от того, кто это — помещики или буржуазия,— она может опираться только на классы, вставшие на ее сторону. Парадокс деревенской революции 1929—1930 годов заключался в том, что стало ясно — позитивная программа зависела именно от побежденных: колхозы не могли процветать, если мелкие крестьяне-колхозники не хотели, чтобы они работали.

Отсутствие морального и политического сплочения среди рабочих и крестьян объясняют очевидным всемогуществом государства. Если после гражданской войны бюрократическое правление было установлено в обстановке экономической дезинтеграции и распада рабочего класса, то теперь это правление приобрело практически неограниченную власть в результате противоположных процессов: экономического роста и расширения, которые придавали обществу новую структуру и облик, но сделали общество более бесформенным и усилили его умственную атрофию. В грядущие годы вся энергия Советского Союза была настолько поглощена материальным прогрессом и колоссальными усилиями для его обеспечения, что оставалось очень мало ресурсов для утверждения любых моральных и политических целей. Поскольку сила государства, осуществляясь в нации, политически низведенной к нулю, была большой, стоявшие у власти делали все для удержания народа именно в таком положении.

Однако даже бюрократию не объединяли по-настоящему какие-либо общие интересы или мировоззрение. Распри, раскалывавшие другие классы, отражались и в ней. Старое отчуждение между государственными служащими — коммунистами и некоммунистами — так и не было преодолено. Оно остро проявилось в частых чудовищных процессах «спецов», осуждавшихся как саботажники и «вредители». В годы нэпа большинство «спецов» и их друзей с надеждой ожидали того момента, когда динамическая сила революции придет к концу и Россия снова превратится в «нормальное» государство. Они действительно молились неонэпу и термидору, призраки которых преследовали троцкистов и зиновьевцев. Сначала они сделали ставку на Сталина и Бухарина против Троцкого, затем мечтали, чтобы Бухарин или другой «настоящий термидорианец» победил Сталина. Теперь эти надежды рухнули. Деятели, питавшие их, часто не способные или не желавшие приспособиться к новой обстановке, находились в смятении. В большевистской части бюрократии бухаринцы и сталинцы резко враждовали между собой. Первые, укрепившись в годы нэпа, теперь подвергались преследованиям, снимались с постов. Новые люди, выходцы из рабочего класса и молодой интеллигенции, занимали их места и многие другие постоянно открывавшиеся вакансии. Состав бюрократии поэтому был в высшей степени нестабилен, а мировоззрение — разнородным. Даже единственные

узы, которые могли бы связать ее, узы привилегий, были чрезвычайно непрочными: в те времена не только отдельные лица, но и целые группы бюрократов могли и часто лишались в один день всех привилегий, исключались из партии и бросались в концентрационные лагеря. Даже сталинские элементы — люди, принадлежавшие к партийной машине, и руководители национализированной промышленности, которые собственно и составляли правящую группу, никоим образом не испытывали чувства безопасности. В годы сталинской автократии дрожала вся иерархия.

Таким образом, лихорадочное экономическое развитие, всеобщее неустройство, сопутствовавшее ему, падение социального самосознания в массах и угасание их политической воли создавали обстановку, благоприятную для превращения правления одной фракции в правление одного вождя. Уже громадное количество неразрешенных конфликтов между классами и в каждом классе требовало постоянного арбитража, который мог исходить только с вершины власти. Чем больше было неустройства, колебаний и хаоса внизу, тем более стабильной и твердой должна была быть вершина власти. Чем более слабыми и лишенными воли становились все социальные силы, тем сильнее и более волевым становился арбитр, а чем более сильным становился он, тем бессильнее должны были стать внизу. Он был призван сосредоточить в себе всю силу решений и действий, которых у них не было. Ему предстояло сфокусировать в себе весь рассредоточенный порыв нации. В той мере, в какой основная масса народа оставалась ниже уровня высоких человеческих надежд, он должен был предстать сверхчеловеком. Его непогрешимый ум должен был доминировать над всей неразумной Россией. Его бодрствующая бдительность должна была защитить всех от опасностей, о которых они не знали и против которых не могли защититься. Каждый должен быть слеп, чтобы он, единственный зрячий, мог руководить [41]. Он должен быть провозглашен единственным защитником революции и социализма, а его коллеги, до тех пор осуществлявшие опеку совместно с ним, должны отказаться от любых претензий на это и тем не менее должны быть сокрушены. Чтобы его превосходство было поставлено выше любого вызова, массам надлежало беспрестанно восхвалять его, а он должен был сохранять свое превосходство с величайшей тщательностью и следить за тем, чтобы народное восхваление возрастало непрестанно. Подобно гегелевскому Избраннику Истории, он воплощает великую эру в жизни нации, больше того, в жизни человечества. Однако для патологической мании величия, развитой в нем его положением, даже этого было недостаточно: сверхчеловек локтями раздвигал рамки времени — в нем должны жить и слиться прошлое, настоящее и будущее. Прошлое с тенями первых

царей, строивших империю, смешивалось невероятным образом с тенями Маркса и Ленина, настоящее — с его громадной разрушительной и созидательной силами, а будущее обещало исполнение высших чаяний человечества. Секрет этого возвышения к гротеску таится меньше в Сталине, чем в обществе, которым он правил, поскольку общество отказалось от собственного политического лица и понимания собственного колоссального движения вперед. Это политическое лицо и все движение истории сосредоточились в лице вождя.

Процесс, в ходе которого сталинистское правление стало правлением Сталина, был менее отчетливым и последовательным, чем эволюция, приведшая к нему, то есть трансформация правления большевистской партии в правление сталинской фракции. С самого начала политическая монополия фракции в определенной степени была собственной монополией Сталина, ибо сторонники Сталина всегда были более дисциплинированны, чем сторонники его соперников. Он всегда был единственным командующим своих приверженцев, в то время как Троцкий, Зиновьев и Бухарин никогда не командовали своими. Тем не менее, сокрушив всех противников, Сталин должен был завершить полное возвышение над собственными сторонниками. Теперь выяснилось, что правление одной фракции в не меньшей степени, чем правление одной партии, есть противоречие по самому определению. Как при однопартийной системе, пока ее члены могут свободно выражать свое мнение, различные группы и школы формируют теневую многопартийную систему, несовместимую с таким правлением, так и при господстве одной фракции возникает тенденция воспроизводить в себе слабые воспоминания о фракциях и школах, которые только что были подавлены. Сталин должен был уничтожить криптотроцкистов и криптобухаринцев среди собственных сторонников. Он должен был лишить этих сторонников еще остающихся у них ограниченных свобод. Теперь настала для них очередь понять, что, лишив всех своих противников свободы, они лишили свободы и себя и оказались во власти собственного вождя. Провозгласив в свое время, что партия должна быть монолитной, или она не будет большевистской партией, Сталин теперь настаивал, что его собственная фракция должна быть монолитной, или она не будет сталинской фракцией. Сталинизм перестал быть течением мысли или выражением какой-нибудь политической группы, он стал личным интересом, волей и прихотью Сталина [42].

Персонификация всех политических отношений затронула также и положение Троцкого. По мере того как Сталин становился единственным официальным и ортодоксальным воплощением революции, Троцкий превращался в ее единственного неофициального и неортодоксального представителя. До 1929 года ситуация

была иной. Троцкистская оппозиция никоим образом не была личной вотчиной Троцкого, хотя он являлся ее выдающимся лидером. Руководящий центр оппозиции состоял из сильных и независимых людей: Раковского, Радека, Преображенского, Смирнова, Пятакова и других, ни одного из которых нельзя было охарактеризовать как креатуру Троцкого, а рядовые члены оппозиции, боровшиеся за свободу в партии, сохранили эту свободу в узких рамках собственной фракции. В Объединенной оппозиции Зиновьев и Каменев, хотя и понимавшие превосходство Троцкого, чрезвычайно ревностно относились к собственному авторитету и обращались с ним на равных. Он не только не навязывал своего диктата, но часто, как мы видели, был сдержан в своих действиях против Сталина, чтобы уступить своим приверженцам или временным союзникам. До 1929 года бухаринская школа представляла альтернативу как сталинизму, так и троцкизму, привлекая многих в партии и вне ее. Таким образом, несмотря на растущую концентрацию власти в руках Сталина и возраставший конформизм, надежды и ожидания большевиков еще не сосредоточились на каком-либо одном вожде или какой-либо одной политике, а связывались с различными лицами, группами руководителей, различными позициями и даже их оттенками.

События 1929—1930 годов все перевернули. Бухаринская школа потерпела поражение, не успев открыто выступить против Сталина. Она не могла продолжать спорить против свершившихся фактов Великой Перемены. Она не могла сопротивляться индустриализации или опираться на крепкого хозяина. Альфой и омегой бухаринизма был его подход к крестьянству, теперь ставший бессмысленным. С исчезновением мелкого хозяина правая оппозиция не имела под собой почвы. Здесь и заключалось коренное различие между поражением Троцкого и Зиновьева и поражением Бухарина и Рыкова: для победы над первыми Сталину пришлось похитить их политическое оружие, а последние сами отбросили собственное оружие как устаревшее. Поэтому Бухарин, Рыков и Томский, когда в ноябре 1929 года они были исключены из Политбюро, ушли с едва слышными жалобами, в то время как Зиновьев и Каменев в свое время ушли с боевым кличем.

Капитуляция зиновьевцев и тихая смерть бухаринизма оставили сталинизм и троцкизм единственными соперниками на верность большевизму [43]. Но теперь на путях странного параллелизма во всей этой обстановке противоречивого развития обе фракции также распадались, каждая собственным путем: троцкисты — в результате бесконечного дезертирства, а сталинисты — в результате сомнений и смятения в собственных рядах. И точно так, как сталинизм в победе сводился к автократии Сталина, так и троцкизм в поражении идентифицировал себя только с Троцким. Конечно,

после всех поражений еще были нераскаявшиеся оппозиционеры в тюрьмах и ссылке, и в начале 30-х годов, когда ими руководил Раковский, их ряды время от времени усиливались новыми сторонниками и возвращением капитулянтов, разочаровавшихся в капитуляции. Тем не менее, несмотря на такое пополнение, троцкизм не мог сохранить своей сплоченности и уверенности, которыми обладал еще в 1928 году. В лучшем случае он был лишь непрочной коалицией отколовшихся групп [44], понимавших свою изоляцию, отчаявшихся в будущем, но упорствовавших в приверженности Троцкому и тому, за что он стоял или предполагал стоять. Они по-прежнему спорили между собой, вырабатывали противоречивые тезисы и доклады. Однако эти документы циркулировали лишь в стенах тюрем. Даже до того, как террор достиг высшей точки во время великих чисток, троцкисты не смогли использовать тюрьмы и места ссылок как базу для политического действия, как это делали революционеры в царские времена,— их идеи не доходили до рабочего класса и интеллигенции. С годами их связи с Троцким стали ослабевать, пока в 1932 году переписка окончательно не прекратилась. Они больше не знали точно, за что он стоит, а он не был больше уверен, совпадают ли его и их взгляды. У Троцкого не оставалось иного выбора, как заместить собою оппозицию в целом, а они не имели другого выбора, как признать его — гласно или молчаливо — их единственным доверенным лицом и, следовательно, единственным хранителем революции. Только голос Троцкого теперь был голосом оппозиции, глубокая тишина всей антисталинской России усиливала его.

Таким образом, против Сталина — единственного опекуна большевизма у власти — встал Троцкий как единственное доверенное лицо большевизма в оппозиции. Имя Троцкого, подобно имени Сталина, стало чем-то похожим на миф, но, в то время как Сталин был мифом власти, созданным властью, Троцкий был легендой сопротивления и мученичества, питаемой мученичеством. Молодые люди, которые в 30-е годы бросали в лицо палачам «Да здравствует Троцкий!», часто очень слабо разбирались в его идеях. Они идентифицировали себя с ним скорее как с символом, а не с программой, символом собственного гнева против всех несчастий и подавления, окружавших их, страстного желания увидеть свершение великих обещаний Октября и своих собственных, довольно туманных надежд на «возрождение» революции.

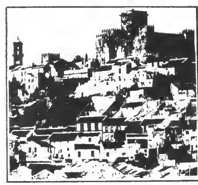
Не только преданные сторонники и большинство капитулянтов относились к Троцкому так. Ощущение, что он представляет единственную альтернативу сталинизму, сохранилось даже среди членов партии, которые молчаливо выполняли приказы Сталина, а за пределами партии — среди политически сознательных рабочих и интеллигенции. Когда люди боялись или чув-

ствовали, что Сталин ведет их на грань катастрофы, и когда их чувства потрясались каким-нибудь очередным эксцессом его зверств, они обращались мысленно, пусть мимолетно, к Троцкому, о котором знали, что он не сложил оружия и на чужой земле продолжает одинокую борьбу против извращения революции.

Сталин с тревогой следил за всем этим и обращался с Троцким, как в старые времена монарх на троне обращался с опасным претендентом или как при двойном или тройном расколе папа обращался с антипапой. Теперь Троцкому иронией истории была уготована роль антипапы, которая для него, наследника классического марксизма, была плохо приспособлена, и он не умел и не хотел играть ее. На протяжении десяти лет, наполненных грандиозными и взрывоопасными событиями — трансформация советского общества, мировой экономический кризис, подъем нацизма, гром приближающейся войны, то есть на протяжении 30-х годов, дуэль Сталина и Троцкого оставалась в центре советской политики [45], часто затмевая все другие вопросы. Ни на одно мгновение сам Сталин не ослаблял усилий и не разрешал своим пропагандистам и полицейским сложить руки в антитроцкистской кампании, которую он вел во всех сферах идеологии и практической деятельности, усиливая ее год от года и месяц от месяца. Страх перед претендентом лишал его сна. Он постоянно искал агентов претендента, которые, быть может, нелегально пересекают границу, тайком провозят послания претендента, подстрекают, интригуют и сплачивают к действию. Подозрение, преследовавшее Сталина, заставляло его читать скрытые мысли самых верных из его собственных подданных о Троцком. Он усматривал в самых невинных их высказываниях, даже в лести своих придворных, умышленные и лукавые ссылки на законность претензий Троцкого. Чем сильнее становился Сталин, чем увереннее он высказывался и чем ниже прежние сторонники Троцкого склонялись перед ним, готовые лизать пыль, тем более параноидным становилось его представление о Троцком, тем неустаннее он работал, чтобы заставить весь Советский Союз разделить его параноидное отношение. Безумие, с которым он продолжал вражду, превратив ее в постоянную заботу международного коммунизма, равно как Советского Союза, подчинив ей все политические, тактические, интеллектуальные и другие интересы, неописуемо: едва ли в истории есть другой случай, когда такие громадные ресурсы власти и пропаганды были брошены против одного человека.

Хотя эта мания была болезненной, она основывалась на реальности. Сталин не завоевал власть раз и навсегда, ему приходилось снова и снова завоевывать ее. Его успех не должен затмить того факта, что по крайней мере до конца великих чисток главенство

Сталина оставалось не очень прочным. Чем выше он поднимался, тем глубже был вакуум вокруг него и тем больше была масса людей, имевших основания бояться и ненавидеть его, и потому он сам боялся и ненавидел их. Он видел, что старые различия среди его противников, различия между правыми и левыми большевиками уходят в прошлое, и боялся этих «заговоров правых и левых» и «троцкистско-бухаринских блоков», которые должна была раскрыть или изобрести его полиция и возникновение которых, конечно, было действительно возможно в такой обстановке. Наконец, возвышение Сталина над собственной фракцией превратило даже настоящих старых сталинистов в потенциальных союзников троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев. Поднявшись над всей большевистской партией, он не без оснований видел в ней одну потенциальную коалицию против себя и должен был использовать каждый грамм своей силы и хитрости, чтобы предотвратить превращение потенциального в реальное. Он знал, что если такая коалиция когда-нибудь образуется, ее бесспорным руководителем будет Троцкий. Заставив руководителей всех оппозиций распластаться перед ним, он сам невольно возвысил уникальный моральный авторитет Троцкого. Теперь ему нужно было сделать все, что он мог, и значительно больше для развенчания его. Он прибегал к самым энергичным мерам и ко все более абсурдной клевете, однако его усилия давали обратный эффект. Чем больше он бичевал противника как главного или единственного вдохновителя любой ереси и оппозиции, тем сильнее он обращал все безмолвные антисталинские чувства, переполнявшие большевистскую Россию, к далекой, но громадной фигуре изгнанника.



РАССУДОК И БЕЗРАССУДСТВО

На протяжении 30-х годов Троцкий интеллектуально боролся против волны иррациональности, нахлынувшей на международную политику [1]. Тем не менее некоторые из его русских сторонников опасались, что, хотя критика Троцким политики Сталина оправданна и неопровержима, он как-то не сумел сделать допущение в пользу некоторой правомерности иррационального элемента в обстановке в Советском Союзе. Сам Троцкий несколькими годами ранее в споре с Бертраном Расселом [2] утверждал, что невозможно «наметить заранее революционную дорогу рациональным путем» и что «революция является выражением невозможности перестроить классовое общество рациональными методами». Теперь выяснилось, что невозможно реконструировать такими методами общество даже после революции при системе, которая отказалась от преимуществ капитализма, но не может еще использовать преимущества социализма. Большинство, если не все факторы, которые объясняют иррациональность классового общества,— коренной конфликт интересов, товарный и денежный фетишизм, слабый или вообще отсутствующий социальный контроль над производительными силами — все зти факторы активно действовали в Советском Союзе. Мечты большевиков индустриализовать и просветить Россию, построить плановую зкономику, установить контроль над социальным хаосом оказались сами пронизанными иррациональностью той среды, в которой они действовали. Эта обстановка, хотя ее можно было теоретически объяснить или даже предсказать, вызвала к жизни столь чудовищный абсурд, что аналитический и диалектический ум иногда становится в тупик, пытаясь отделить рассудок от безрассудства.

На Западе зто были годы мирового зкономического кризиса, и летопись безумий и преступлений истории внезапно пополнилась восхождением и триумфом нацизма. Тем или другим образом триумф нацизма отныне отбрасывал свою тень на жизнь Троц-

кого. Не забегая далеко вперед в нашем изложении, можно сказать, что попытка Троцкого указать рабочему классу Германии на опасность, грозившую ему, и поднять его против нее была величайшим его политическим деянием в изгнании. Как никто другой и значительно раньше, чем кто-либо другой, он понял разрушительное безумие, в которое национал-социализм должен был ввергнуть мир. Комментарии Троцкого к обстановке в Германии, написанные с 1930 по 1933 год, то есть в период до прихода Гитлера к власти, являются выдающимся хладнокровным клиническим анализом и предсказанием этого чудовищного феномена социальной психопатологии и его последствий для международного рабочего движения, для Советского Союза и всего мира. Политическое безумие того времени еще больше подчеркивается величайшей беззаботностью о будущем, крайней враждебностью, с которой люди, ответственные за судьбы германского коммунизма и социализма, реагировали на тревогу, поднятую Троцким из своего пристанища на Принцевых островах в эти решающие годы. В историческом повествовании едва ли можно дать читателю представление обо всем том потоке клеветы и насмешек, которыми были встречены его предсказания. Он, в сущности, был выразителем самоспасения рабочего движения против самого этого движения, как бы стремившегося к самоуничтожению. Он был вынужден бессильно наблюдать за капитуляцией III Интернационала перед Гитлером,— так отец бессильно наблюдает, как идет к самоубийству любимый и неразумный ребенок — со страхом, стыдом и злостью. Он не мог забыть, что он был одним из отцов-основателей Коминтерна.

Судьба жестоко вырезала фунт мяса — безумие проникло даже в семью Троцкого.

* * *

Прошло всего несколько месяцев с начала мирового экономического кризиса, с паники на Уолл-стрите в октябре 1929 года, и все здание Веймарской республики [3] зашаталось. Кризис ударил по Германии, с разрушительной силой выбросив 6 миллионов рабочих на улицу. В марте 1930 года социал-демократический канцлер Герман Мюллер был вынужден уйти в отставку: коалиция социалистов и католиков, на которую опиралось его правительство, рухнула. Партнеры по этой коалиции не пришли к согласию по поводу того, следует ли и в какой мере правительству сократить пособия безработным. Реликт и символ империи Гогенцоллернов — теперь президент республики фельдмаршал Гинденбург [4] — распустил парламент и назначил рейхсканцлером Генриха Брюнинга [5]. Брюнинг правил, издавая декреты, стал

проводить строго «дефляционную» политику, сократил расходы на социальное обеспечение, прибег к массовым увольнениям государственных служащих, уменьшил заработную плату и жалованье, задавил мелких дельцов налогами и таким образом усилил несчастье и отчаяние всех. На выборах 14 сентября 1930 года партия Гитлера, собравшая только 800 тысяч голосов в 1928 году, получила 6,5 миллиона голосов. Из небольшой партии она превратилась во вторую по силе партию в рейхстаге. Коммунистическая партия также увеличила количество своих голосов с 3 миллионов до 4 миллионов с лишним. Социал-демократы, которые в течение ряда лет правили в Веймарской республике, потерпели поражение. Такая же судьба постигла немецкую национальную партию и другие партии традиционного правого крыла. Выборы показали нестабильность и острый кризис парламентской демократии.

Руководители Веймарской республики игнорировали все предзнаменования случившегося. Консерваторы относились к подъему нацистского движения со смешанными чувствами. Опечаленные собственными неудачами и бесчинствами нацистов, они тем не менее были довольны ростом влияния крупной партии, объявившей непримиримую войну организациям рабочего класса, и надеялись найти в нацизме союзника против левых, а возможно, и младшего партнера по правительству. Социал-демократы, напуганные угрозами Гитлера, потрясавшего страну воплями, что «головы марксистов и евреев скоро покатятся в песок», решили «терпеть» правительство Брюнинга как «меньшее из двух зол». Коммунистическая партия радовалась своим победам и списывала со счетов громадное увеличение числа голосов, отданных за Гитлера. На следующий день после выборов «Роте фане», тогда самая влиятельная коммунистическая газета в Европе, писала: «Вчера был «великий день» г-на Гитлера, однако так называемая победа на выборах нацистов является лишь началом их конца». «14 сентября,— повторила «Роте фане» через несколько недель,— было высшей точкой национал-социалистского движения в Германии. За этим последует только отлив».

Спустя несколько месяцев, когда города и городки Германии впервые почувствовали террор гитлеровских штурмовиков, руководитель коммунистической партии Эрнст Тельман [6] заявил на Исполкоме Коминтерна в Москве: «После 14 сентября вслед за сенсационным успехом национал-социалистов их сторонники по всей Германии ожидали очень многого. Мы, однако, не позволили, чтобы нас сбила с пути паника, проявившаяся в рабочем классе, по крайней мере среди сторонников социал-демократической партии. Мы трезво и серьезно заявили, что 14 сентября было в определенном смысле лучшим днем Гитлера, за

которым не последует лучших дней, но только худшие». Исполком Коминтерна одобрил эту точку зрения, поздравил Тельмана и подтвердил свою политику «третьего периода», обязывавшую коммунистическую партию отвергать любую коалицию социалистов и коммунистов против нацистов и сосредоточить огонь по социал-фашистам *.

Мы знаем, что Троцкий подверг эту политику жестокой критике уже в 1929 году. В марте 1930 года, за полгода до столь знаменательных выборов, он повторил ее в «Открытом письме» советской Коммунистической партии, где высказал тревогу по поводу роста сил фашизма по всей Европе, прежде всего в Германии, и настаивал на необходимости совместных действий социалистов и коммунистов **. Как только результаты сентябрьских выборов стали известны, Троцкий посвятил им специальную брошюру, которую позаботился напечатать на нескольких европейских языках. «Главным качеством действительно революционной партии является способность смотреть в лицо фактам»,— писал Троцкий, подчеркивая, что Коминтерну отнюдь не с чем поздравлять себя, и указывая, что получение коммунистами свыше миллиона новых голосов очень незначительно по сравнению с тем, что нацисты получили почти 6 миллионов голосов. «Радикализация масс», которой хвастался Коминтерн, оказалась на руку контрреволюции, а не революции. «Гигантский» подъем нацизма объяснялся «глубоким социальным кризисом», психологически потрясшим беднейшую часть средних классов, и неспособностью коммунистической партии справиться с проблемами, поставленными этим кризисом. Если коммунизм выражает революционные надежды рабочего, нацизм выражает контрреволюционное отчаяние мелкого буржуа. Когда партия социалистической революции находится на подъеме, она ведет с собой не только рабочий класс, но также значительную часть нижних слоев среднего класса. В Германии, однако, случилось противоположное: партия контрреволюционного отчаяния захватила нижние слои среднего класса и немалые слои рабочего класса. Коминтерновские комментаторы утешают себя тем, что нацизм есть запоздалая реакция на кризис 1923 года и последовавшее социальное напряжение. Троцкий возражал, что нацизм не только не есть запоздалая

* Это заседание Исполкома Коминтерна состоялось в апреле 1931 г. Докладчиком о международном положении был Мануильский [7]. Он восхвалял политику «третьего периода» с невероятным рвением, которое только подчеркнуло ее абсурдность.

** См.: Б. О. 1930. Апрель. № 10. См. также яростно критическую статью «Третий период и ошибки Коминтерна», опубликованную в «Vérité», «Permanente Revolution», «Militant» и других троцкистских органах в январе и феврале 1930 г.

реакция на какой-либо кризис в прошлом, а он мобилизует силы для грядущего кризиса. «Тот факт, что фашизм мог занять такие сильные исходные позиции в канун революционного периода, а не в его конце, является источником слабости коммунизма, но не фашизма». Троцкий заключил, что, «несмотря на парламентский успех Коммунистической партии, пролетарская революция... потерпела серьезное поражение... поражение, которое может стать решительным» *.

В этой брошюре Троцкий уже набросал общие контуры анализа национал-социализма, который развил в серии книг и статей. Через 30 лет некоторые из идей Троцкого могут представиться трюизмом, но все они без исключения были сочтены ересью, когда он впервые выдвинул их. В целом его взгляд на нацизм сохранил свежесть и оригинальность, является единственным цельным и реалистическим анализом национал-социализма (или фашизма в целом) во всей марксистской литературе. Поэтому целесообразно суммировать здесь соображения Троцкого по этому вопросу, которые он развивал главным образом полемически в ходе спора о тактике коммунистов **.

Ядро концепции Троцкого заключается в характеристике национал-социализма как «партии контрреволюционного отчаяния». Он усматривал в национал-социализме движение и идеологию взбесившегося мелкого бюргера. Это отличало нацизм от всех других реакционных и контрреволюционных партий. Силы обычной реакции действуют, как правило, сверху, с вершины социальной пирамиды, защищая установленную власть. Фашизм и национал-социализм были контрреволюциями снизу, плебейскими движениями, поднимавшимися из глубин общества. Они выражали потребность нижних слоев среднего класса утвердиться против остального общества. Это побуждение, обычно подавляемое, становится агрессивным во время национальной катастрофы, с которой существующая власть и традиционная партия не могут справиться. В период «процветания» 20-х годов гитлеровская партия была совершенно незначительной и находилась среди мелких крайних партий. Кризис 1929 года выдвинул ее на авансцену. До сих пор громадная масса торговцев и конторских служащих следовала за традиционными буржуазными партиями, усматривая в них оплот парламентской демократии. Теперь они покинули эти партии и пошли за Гитлером, ибо внезапная

---

* *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 25—46; *Архив Троцкого.*

** Самые важные работы Троцкого по этому вопросу следующие: «Немецкая революция и сталинская бюрократия» (опубликованная под названием: «Was Nun?». Berlin, 1932 (нем. яз.); «What Next?». New York, 1932 (англ. яз.); «Единственный путь». Берлин, 1932; эссе и статьи в Б. О. и в других публикациях троцкистов; *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3.

экономическая катастрофа вызвала у них чувство неуверенности и страх, подхлестнула их желание самоутвердиться.

Мелкий бюргер обычно не доволен своим социальным положением: смотрит снизу с завистью и ненавистью на крупный капитал, которому часто беспомощно подчиняется в конкурентной борьбе, и смотрит свысока на рабочих, завидуя их способности к политической и профсоюзной организации и коллективной самообороне. Маркс однажды разъяснил, какие причины побудили французскую мелкую буржуазию яростно выступить против восставших рабочих Парижа. Лавочники, сказал Маркс, увидели, что вход в их магазины перегородили баррикады рабочих. Поэтому они вышли на улицы и разнесли баррикады. Немецкий лавочник начала 30-х годов не имел таких причин, чтобы взбеситься. Ни одна баррикада не преграждала доступ к его магазину. Но немецкие лавочники были разорены экономически. Они считали виновной за это Веймарскую республику, которую многие годы возглавляли социал-демократы, и боялись угрозы коммунизма, которая, даже если и не материализовалась, все же держала общество в постоянном брожении и волнении. В глазах мелкого лавочника крупный капитал, евреи-финансисты, парламентская демократия, социал-демократическое правительство, коммунизм и марксизм вообще — все сливалось в образ многоглавого чудовища, душившего его, все были союзниками в зловещем заговоре, который-то и довел его до краха. Крупному капиталу маленький человек грозил кулаками, как будто он был социалистом. Перед лицом рабочего он раздувал свою буржуазную респектабельность, свой страх классовой борьбы, крайний национализм и презрение к марксистскому интернационализму. Этот политический невроз обнищавших миллионов дал национал-социализму его силу и динамику. Гитлер был маленьким раздувшимся человеком, которого преследовал этот невроз, и который находился во власти предрассудков и ярости. «Не каждый взбесившийся мелкий бюргер может стать Гитлером,— сказал Троцкий,— но в каждом взбесившемся мелком бюргере есть что-то от Гитлера».

Между тем нижние слои среднего класса обычно выступают в качестве «человеческой пыли». Они не обладают способностью самоорганизации, ибо, в сущности, они аморфны и раздробленны и, несмотря на блеф и угрозы,— трусливы, если сталкиваются с действительным сопротивлением. Вся история классовой борьбы в Европе и русской революции доказала это. Мелкий буржуа не может больше играть независимую роль. В конечном счете он должен пойти либо за крупной буржуазией, либо за рабочим классом. Его мятеж против крупного капитала обречен на неудачу. Мелкий ремесленник и лавочник не могут победить моно-

полистическую капиталистическую олигархию. Поэтому национал-социализм у власти не может сдержать ни одного из своих социалистических обещаний. Он проявит себя прежде всего как консервативная сила, будет стремиться увековечить капитализм, бороться против рабочего класса и ускорит крах той самой беднейшей части среднего класса, которая привела его к власти. А пока беднейшая часть среднего класса и ее союзники из люмпен-пролетариата пребывали в лихорадке, их воображение воспламеняла мечта о социальном и политическом главенстве, которое Гитлер принесет им.

Эту «человеческую пыль», доказывал Троцкий, притягивает к себе магнит власти. В борьбе она следует за той стороной, которая проявляет больше решимости к победе, больше смелости и больше способности бороться с катастрофой, подобно мировому экономическому кризису. Поэтому в России большевизм, возглавив в 1917 году рабочий класс, в решительные моменты вел за собой также громадную колеблющуюся и раздробленную массу крестьянства и даже часть мелкой городской буржуазии. Равным образом немецкий рабочий класс еще может привлечь к себе громадные массы беднейшей части средних классов, если они ощутят его силу и решимость победить, то есть если социалистическая и коммунистическая политика будет целенаправленна. Преувеличенное честолюбие мелкого бюргера и сила нацизма проистекают из слабости рабочего класса. Лидеры социал-демократов пытались слиться со средними классами, с их нижними и верхними слоями, действуя в годы Веймарской республики в качестве управляющих буржуазного государства, а затем робко склонившись перед режимом Брюнинга и упорно защищая социальный и политический статус-кво. Но именно против Веймарской республики и ее продолжения в лице Брюнинга и против статус-кво восстала беднейшая часть средних классов. Политика социал-демократов поэтому явилась решающим вкладом в опасное отчуждение между организованным рабочим классом и мелкой буржуазией, на котором и расцвел нацизм. Социал-демократы продолжали проповедовать умеренность и осмотрительность, когда эти качества обанкротились, и продолжали защищать статус-кво, когда он стал невыносимым и массы предпочитали любое другое положение, даже пропасть, в которую толкал их Гитлер.

Ведя себя подобно страусу, социал-демократы верны своему характеру. Отсюда, указывал Троцкий, еще большая ответственность коммунистической партии. Однако ее лидеры не поняли масштабов и характера угрозы. С притворным ультрарадикализмом они отказываются проводить какое-либо различие между фашизмом и буржуазной демократией. Они утверждают, что в той мере, в какой монополистический капитал стремится пре-

вратить буржуазную демократию в фашизм, все партии, стоящие на почве капитализма, должны пройти этот процесс. Тогда все коты коричневые: Гитлер — фашист, и таковы же лидеры традиционных буржуазных партий правых и центристских, в особенности Брюнинг, который правил, издавая декреты, и таковы же социал-демократы, образующие «левое крыло фашизма». Это не было злоупотреблением в ходе полемики, ибо в основе этого лежат ошибочная политическая ориентация и ложная стратегия. Снова и снова коммунистические пропагандисты заявляют: «Германия уже жила при фашизме» и «Гитлер не может ухудшить положения больше, чем при канцлере голода Брюнинге» *. Однако, возражал Троцкий, заявляя, что фашизм уже победил, тем самым признают, что сражение проиграно еще до его начала. Говоря массам, что Гитлер не хуже Брюнинга, они по меньшей мере морально разоружают массы перед лицом Гитлера. Но было бы безумием для партии рабочего класса отрицать или стирать различия между фашизмом и буржуазной демократией. Конечно, в какой-то степени верно, что и первый и вторая — «только» различные формы и методы капиталистического правления. Однако при тогдашних обстоятельствах различия в форме и методах имели величайшее значение. При парламентской демократии буржуазия удерживает свое господство средствами широкого социального компромисса с рабочим классом, что обязательно обусловливает постоянные споры и предполагает существование автономных пролетарских организаций, политических партий и профсоюзов. С точки зрения революционного марксиста такие организации создают «островки пролетарской демократии в рамках буржуазной демократии», опорные пункты и бастионы, с которых рабочие могут бороться с правлением буржуазии вообще. Фашизм означает конец социального компромисса и споров между классами. Он не нуждается в тех каналах, через которые ведутся эти споры, и не может терпеть существования любых автономных организаций рабочего класса. Выводя урок из эволюции итальянского фашизма, а также, вне сомнения, рассуждая по опыту однопартийной большевистской системы, Троцкий заранее ярко обрисовал товали-

* На протяжении 1933 г. и в первой половине 1934 г. эти, так сказать, глубокомысленные диагнозы и предсказания почти ежедневно появлялись на страницах «Rote Fahne», и они авторитетно поддерживались «Internationale Presse — Korrespondenz», «Kommunistische Internationale» (см. также: XI Пленум ИККИ//Коммунистический Интернационал. 1932. № 27—30). Не только Молотов, Мануильский, Пятницкий [8] и другие русские руководители, но и также представители европейского коммунизма, как Тольятти (Эрколи), Торез, Кашен [9], Ленский [10], Куусинен [11] и другие, усердно убеждали себя и своих сторонников, что единственная дорога к спасению — та, по которой Тельман ведет германскую партию.

тарную монополию на власть Гитлера, при которой не будет места для рабочих партий и независимых профсоюзов. Уже по одной этой причине марксисты-ленинцы обязаны защищать буржуазную демократию или скорее имеющиеся в ней «островки пролетарской демократии» против наступления фашизма. Заявляя, что социал-демократы образуют «левое крыло фашизма» и рано или поздно «пойдут на сделку с нацистами», сталинская пропаганда не видит объективной невозможности такой сделки *. Следует добавить, что лидеры социал-демократов также верили этой иллюзии. В 1933 году они сделали самоубийственную попытку достичь соглашения с Гитлером **. Троцкий не сомневался, что Гитлер уничтожит последние остатки рабочего движения, как реформистского, так и коммунистического. Его предсказания были основаны на убежденности, что национал-социализм не может не стремиться к полной атомизации немецкого общества.

Таким образом, было неверно относиться к режиму Брюнинга как к фашистскому, хотя он означал конец широкого компромисса между капиталом и трудом, на котором была выстроена Веймарская республика. Брюнинг не мог сокрушить рабочее движение (но и не мог устоять против национал-социализма). Не считая слабой поддержки католической партии центра и «терпимости» социал-демократов, он мог опираться только на обычные ресурсы бюрократической машины. С помощью одной этой машины он не мог подавить организованный рабочий класс, и поэтому политическая структура оставалась такой же, как и при Веймарской республике. Только динамическая сила национал-социализма могла разрушить ее. Провал компромисса между классами подготовил арену для гражданской войны, в которой нацизм и рабочее движение в целом будут реальными антагонизмами. Режим Брюнинга был «подобен шару на вершине пирамиды». Он зиждился на непрочном равновесии между двумя враждебными лагерями. Нацисты рекрутировали новые миллионы сторонников, раздували истерию и готовили громадные ударные силы, в то время как социалисты и коммунисты лишь тратили время и практически саботировали мобилизацию собственных сил.

Несколько цитат могут показать настойчивость и даже гнев Троцкого, развертывавшего свою аргументацию:

---

* *Trotsky L.* What Next? Preface and Chapters I—II; *Trotsky L.* Écrits. 1928—1940. Paris, 1959. Vol. 3. P. 109—113.

** Лидер социал-демократов в рейхстаге Отто Велс использовал одну из своих последних возможностей говорить с парламентской трибуны, чтобы провозгласить готовность его партии поддержать правительство Гитлера в области внешней политики. Такой ценой он надеялся спасти партию от уничтожения нацистами. Но Гитлер не принял этого предложения.

«Режим Брюнинга является переходной краткой прелюдией к катастрофе... Мудрецы, утверждающие, что они не видят разницы между Брюнингом и Гитлером, на деле говорят: нет никакой разницы между тем, существуют наши организации или они уже уничтожены. За этим псевдорадикальным языком скрывается самая глубокая пассивность... Каждый мыслящий рабочий... должен осознать это и усмотреть истинный свет через пустую и развязную болтовню... о том, что Брюнинг и Гитлер одно и то же. Вы ошибаетесь! — отвечаем мы.— Вы позорно ошибаетесь, потому что вы боитесь трудностей, лежащих впереди, потому что вы напуганы громадными проблемами, стоящими перед вами. Вы сдались до начала сражения. Вы заявили, что мы уже потерпели поражение. Вы лжете! Рабочий класс расколот... ослаблен... но еще не уничтожен. Его силы еще не исчерпаны. Режим Брюнинга переходный. Он означает переход к чему? Либо к победе фашизма, либо к победе рабочего класса... Два лагеря только готовятся к решающему сражению. Если вы отождествляете Брюнинга с Гитлером, вы отождествляете обстановку накануне сражения с условиями после поражения. Вы заранее признаете поражение. Вы, в сущности, призываете к капитуляции без битвы. Подавляющее большинство рабочих, в первую очередь коммунисты, этого не хотят. Сталинская бюрократия тоже этого не хочет. Но нужно принимать в расчет не их хорошие намерения, которыми Гитлер замостит дорогу в свой ад... Мы должны до конца разоблачить пассивную, робко-колеблющуюся, пораженческую политику Сталина, Мануильского, Тельмана и Реммеля. Мы должны показать революционным рабочим, что коммунистическая партия все еще держит ключи к обстановке, но сталинская бюрократия пытается замкнуть этими ключами ворота к революционным действиям» *.

Лидеры социал-демократии обещали начать «главное наступление», если и когда Гитлер попытается захватить власть, а от рабочих требовали спокойствия и сдержанности. Сталинисты хвастались, что, если Гитлер захватит власть, рабочие сметут его. Ведущий коммунистический парламентарий Реммель заявил в рейхстаге: «Пусть Гитлер придет к власти, он скоро обанкротится, и тогда наступит наше время». На это Троцкий ответил:

«Главное наступление должно быть начато перед тем, как Гитлер заменит Брюнинга, перед тем, как будут сокрушены рабочие организации... Позор обещать, что рабочие сметут Гитлера, когда он захватит власть. Так расчищают путь для господства Гитлера... Если германский рабочий класс... разрешит фашизму захватить власть, если он совершит такой слепой и пассивный

* *Trotsky L.* What Next? P. 38—39; *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 129—130.

поступок, тогда нет никаких оснований предполагать, что после захвата фашистами власти тот же рабочий класс в один миг стряхнет с себя летаргию и свергнет фашизм. Ничего подобного не случилось в Италии [после прихода к власти Муссолини]. Доводы Реммеля целиком похожи на то, как французские мелкобуржуазные фразеры в 1850—1851 годах были убеждены, что, если Луи Бонапарт поставит себя над республикой, народ поднимется... Народ, который позволил авантюристу захватить власть, показал себя неспособным убрать его позднее... Должны были произойти исторические землетрясения и война прежде, чем он был низвергнут. [Именно так закончилась такого же рода «борьба» против Гитлера, по сравнению с которым Муссолини и Наполеон III выглядели как «мягкие, почти человечные аптекари маленького города».] «Мы — победители завтрашнего дня,— хвастал Реммель в рейхстаге.— Мы не боимся, что Гитлер возьмет власть». Это означает, что завтрашняя победа будет принадлежать Гитлеру, а не Реммелю. А тогда зарубите себе на носу: победа коммунизма не придет скоро. «Мы не боимся» того, что Гитлер возьмет власть — что это, если не формула трусости, вывернутая наизнанку? «Мы» не считаем себя способными предотвратить взятие Гитлером власти. Еще хуже. Мы, бюрократы, настолько выродились, что не осмеливаемся серьезно думать о борьбе против Гитлера, поэтому «мы не боимся». Чего же вы не боитесь? Борьбы против Гитлера! О, нет... они не боятся победы Гитлера, они не боятся отказаться сражаться, они не боятся признаться в своей трусости. Позор!» *

Предостерегая, пока еще было время, Троцкий ожидал, что социалисты и коммунисты объединятся. Их положение было далеко не безнадежным, но быстро ухудшалось. Он призывал ни много ни мало как к подготовке гражданской войны. Для социал-демократических проповедников умеренности и сталинистов, которые бросали Гитлеру вызов взять власть, призывы Троцкого звучали как безответственные и злоумышленные провокации или в лучшем случае как проповеди Дон Кихота. События самым жестким образом показали, кто был безответственным, кто был злоумышленным и кто занимался донкихотством. Они продемонстрировали, что из всех видов действия, открытых для немецких левых, гражданская война, которая могла бы предотвратить взятие власти Гитлером, на деле была менее рискованной, больше того, единственным средством, способным спасти Германию и мир от ужасов третьего рейха и катаклизма мировой войны. Уже в начале своей кампании Троцкий был убежден, что единый левый фронт еще может нанести поражение нацистам почти без

* *Trotsky L.* What Next? P. 60—62; *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 143—145.

борьбы, так же как большевики и меньшевики разгромили Корнилова [12] в августе 1917 года. Этот пример он часто приводил. Троцкий доказывал, что демонстрация мощи социалистов и коммунистов способна еще внести разлад в ряды сторонников Гитлера, в эту «человеческую пыль», набравшую мощь лавины только потому, что она двигалась в политическом вакууме и не встречала сплоченного сопротивления. Левым в определенной степени содействовал тот факт, что традиционное правое крыло еще не объединилось с Гитлером, хотя некоторые представители немецкой промышленности и банков уже поддерживали его. В своих весьма содержательных обзорах стратегической и тактической обстановки Троцкий анализировал честолюбивые чаяния капиталистических олигархий, юнкеров, армии «Стального шлема» [13] и полиции, которые разрывались между желанием использовать нацизм и боязнью его, между надеждой сокрушить рабочих руками Гитлера и опасением, что он может бросить Германию в кровавую гражданскую войну, исход которой нельзя предвидеть. Гинденбург, промышленные магнаты и офицерский корпус еще сомневались. Отсюда — ссоры и схватки между ними и нацистами. Энергичные действия социалистов и коммунистов были необходимы, чтобы углубить эти затруднения, увеличить в глазах консервативных лидеров риск поддержки ими Гитлера, усилить их колебания и разногласия и нейтрализовать по крайней мере некоторых из них. Дезориентация и бездействие левых, уменьшая этот риск, только бросит крупную буржуазию, армию и Гинденбурга в лагерь нацизма.

Единый фронт социалистов и коммунистов мог, таким образом, изменить все положение на политической сцене. Одна и та же смертельная опасность нависла теперь над обеими партиями, хотя ни одна из них не понимала этого. Уже одного этого было бы достаточно для объединения. Но сама мысль об этом, конечно, с негодованием отвергалась руководителями социал-демократии. Антикоммунизм лежал в основе их политики уже с 1918 года, заставив их скорее следовать «меньшему злу» Гинденбурга и Брюнинга, чем объединиться с коммунистами против Гитлера. Снова и снова Троцкий указывал, что, исповедуя доктрину «меньшего зла», они открывают путь большему злу нацизма. Для него это было еще одной причиной, почему коммунисты должны сделать единый фронт центральной задачей всей политики рабочего класса. Они не смогли поступить так, ибо запутались в линии «третьего периода» Коминтерна. Коммунистическая партия не смогла даже попытаться открыть глаза миллионам рабочих социал-демократов на опасность, которая угрожала им всем, когда ее лидеры не видели этой опасности. А запрещение Москвы соглашения с социал-демократической партией помешало эффек-

тивному обращению коммунистов к этой партии. Ежедневные тирады сталинистов против «социал-фашистов» углубляли раскол в рабочем классе, давали лидерам социал-демократов возможность правдоподобно отрицать их антикоммунизм и облегчали им проведение их катастрофического курса. Только искренний и убедительный призыв коммунистов к сознанию социал-демократов и их интересам, неустанно повторяемый всему рабочему классу, мог бы сломать барьеры между двумя партиями.

Их единый фронт не должен был прикрывать дипломатическую или парламентскую игру, когда высказываются пустые и неискренние слова благорасположения в стиле Англо-советского комитета [13] в 1924—1926 годах (или можно добавить Народного фронта 1936—1938 годов), а должен был носить характер совместной подготовки к общей борьбе. Обе партии и их профсоюзы должны были «идти различными путями, но нанести удар совместно» и достичь согласия, «как ударить, кого ударить и когда ударить». Для этого им не было необходимости отказываться от любого из своих принципов, искать какого-либо идеологического примирения. Коммунисты никогда не должны забывать, что социал-демократы в лучшем случае будут их «временными и ненадежными союзниками», всегда боящимися внепарламентских действий, и могут выйти из борьбы в самый критический момент. Тем не менее долг коммунистов оказать на них сильнейшее давление, чтобы поднять их к действию. Если социалисты уступят этому давлению, хорошо, если нет, миллионы их последователей по крайней мере увидят, где стоит каждая партия, и будут более склонны ответить на чисто коммунистический призыв к действию. Уже тогда, в 1930—1931 годах, не проходило и дня без разрозненных и кровавых стычек рабочих и штурмовиков, однако в этих стычках боевитость рабочих бесцельно растрачивалась. Только стихийно социалисты и коммунисты соглашались отражать нападение нацистов совместно. Комментируя один такой случай, Троцкий заметил: «О, верховные руководители! О, мудрецы стратегии семи пядей во лбу! Учитесь у рабочих... Поступайте, как они! Делайте это шире в национальных масштабах!» В течение 1931 года численность гитлеровских штурмовиков выросла со 100 тысяч до 400 тысяч. Троцкий настаивал, чтобы германские левые создали свою собственную антинацистскую милицию и согласованно и совместно защищали помещения своих партий, фабрично-заводских советов профсоюзов и т. д. Памятуя о русских красногвардейцах, он писал: «Каждое предприятие должно стать антифашистским оплотом с собственными командирами и с собственными батальонами. Необходимо работать с картой, зная расположение фашистских казарм и укреплений в каждом городе и в каждом районе. Фашисты пытаются окружить

цитадели пролетариата. Окружающие должны быть сами окружены» *.

Руководители германского рабочего движения не могли заставить себя думать и действовать в терминах гражданской войны. Частично потому, что Гитлер по мере продвижения к власти время от времени опровергал какое-либо намерение со своей стороны совершить государственный переворот или прибегнуть к насилию. Он заверял, что возьмет власть и будет осуществлять ее в соответствии с конституцией, и эти заверения возымели свое действие. «Он заманивает своих противников,— предупреждал Троцкий,— чтобы захватить их врасплох и нанести смертельный удар в нужный момент. Его ссылки на парламентскую демократию могут помочь ему создать в ближайшем будущем коалицию, в которой его партия получит самые важные посты, чтобы использовать их позднее для государственного переворота». «Эта военная хитрость независимо от того, насколько она ясна и проста, таит за собой громадную силу, ибо рассчитана на удовлетворение психологических нужд промежуточных партий, которые хотят разрешить все мирно и законно и — самое опасное — она удовлетворяет легковерие народных масс» **.

«Правда» и «Роте фане» теперь заговорили о Троцком, как о «паникере», «авантюристе» и «агенте Брюнинга», побуждающего коммунистов отказаться от пролетарской революции, защищать буржуазную демократию и забыть, что без «предварительной победы над социал-фашизмом мы не можем победить фашизм» ***. С некоторым озлоблением, но с бесконечным терпением Троцкий разбирал даже более чудовищные аргументы, чтобы прояснить свои взгляды для сбитых с толку полемическими вывертами. Он неустанно продолжал бороться против заблуждения, будто не может быть «победы над фашизмом без предварительной победы над социал-фашизмом», указывая, что, напротив, только с сокрушением фашизма коммунисты могут эффективно бороться против социал-демократов и пролетарская революция в

* *Trotsky L.* Germany, the Key to the International Situation. London, 1931. P. 41; Б. О. 1931. № 27.

** *Trotsky L.* What Next? P. 147—148.

*** Антология полемики германских сталинистов против Троцкого поучительна, хотя очень утомительна для чтения. Даже такой человек, как В. Мюнценберг, писал: «Троцкий предлагает... блок между коммунистической и социал-демократической партиями. Ничто не может быть более пагубным для германского рабочего класса и коммунизма и ничто не двинет вперед дело фашизма, как реализация такого преступного предложения. Предлагающий такой блок... только помогает социал-фашистским лидерам. Его роль, больше того... явно фашистская» (Rote Aufbau. 15 Februar 1932). Мюнценберг закончил свою полемику самоубийством в изгнании.

Германии может вырасти лишь из успешного сопротивления нацизму.

Все было тщетно. Даже в сентябре 1932 года, за несколько месяцев перед тем как Гитлер стал канцлером, Тельман на заседании Исполкома Коминтерна еще повторял сказанное Мюнценбергом: «В своей брошюре, трактующей о том, как следует разгромить национал-социализм, Троцкий дает только один ответ: Германская коммунистическая партия должна объединиться с социал-демократической партией... Согласно Троцкому это — единственный путь, на котором германский рабочий класс может спастись от фашизма. Он говорит: либо коммунистическая партия создаст единый фронт с социал-демократами, либо германский рабочий класс будет потерян на 10 или 20 лет. Это теория окончательно обанкротившегося фашиста и контрреволюционера. Больше того, она еще хуже, это самая опасная и самая преступная теория, которую Троцкий создал в последние годы своей контрреволюционной пропаганды» *.

«Приближается один из самых решительных моментов в истории,— возражал Троцкий,— когда Коминтерн как революционный фактор может быть сметен с политической карты на целую историческую эпоху. Пусть слепые и трусы отказываются заметить это. Пусть клеветники и наемные писаки обвиняют нас в том, что мы в союзе с контрреволюцией. Пусть контрреволюция стала чем-то... что портит пищеварение коммунистических бюрократов, но ничто не может быть скрыто, ничто преуменьшено. Мы должны сказать рядовым рабочим максимально громко: «После «третьего периода» опрометчивости и хвастовства наступил четвертый период паники и капитуляции». В почти отчаянных усилиях поднять коммунистов Троцкий вложил в свои слова всю силу своего убеждения и вновь забил в набат: «Рабочие и коммунисты! Вас сотни тысяч, вас миллионы... если фашизм придет к власти, он проедет как чудовищный танк по вашим головам и спинам. Ваше спасение в беспощадной борьбе. Только боевое единство с рабочими социал-демократами может обеспечить победу. Торопитесь, рабочие-коммунисты, ваше время истекает» **.

* Сравните цитату из «Rote Aufbau» (15 February 1932) с материалами XII Пленума ИККИ, ч. III («Коммунистический Интернационал». 1932. № 28—29. С. 102—103, 112). Тельман был свято убежден, что Германия, «конечно, не станет фашистской. Наши победы на выборах являются гарантией против этого... Неуклонное продвижеяие коммунизма является гарантией против этого».

** *Trotsky L.* Germany, the Key to the International Situation. P. 44.

* * *

Сидеть в такое время на тихих Принцевых островах для Троцкого становилось все более мучительным. Письма и газеты из Европы приходили с большой задержкой, иногда до двух недель. Требовалось еще больше времени для доставки его брошюр и манифестов в Германию. В 1923 году, когда Германия, казалось, стояла на пороге революции, он попросил Политбюро освободить его от официальных постов и разрешить отправиться туда по просьбе германской партии для руководства революционными операциями. Насколько же более заинтересованным он был теперь оказаться поближе к месту действия, когда будущее коммунизма и политические судьбы мира решались на десятилетия вперед. В 1931 году распространился слух, что Троцкий отправится с короткой поездкой для чтения лекций в Германию. Однако из этого ничего не вышло. У него не было никакой возможности выбраться из Турции. Еще хуже было то, что немногие сторонники Троцкого в рейхе не добились никаких успехов. Они выпускали небольшую газету «Перманентная революция», выходившую раз в месяц, заполненную работами Троцкого и не имевшую почти никакого влияния (хотя его брошюры широко читались и обсуждались). Троцкий задумал создать в Берлине Международный Секретариат, где братья Соболевичусы вели очень активную деятельность и куда уже было перенесено издание «Бюллетеня оппозиции». Чтобы улучшить контакт с Секретариатом, было решено, что Лева отправится в Берлин и будет представлять там отца или, как требовала организационная формальность, будет «представителем русской секции левой оппозиции».

Как мы знаем, Лева разделял со своими родителями все превратности их ссылки и был правой рукой Троцкого. Однако в отношениях отца и сына были трения. Отец и сын находились в полном политическом согласии, и восхищение Левы отцом доходило до отождествления себя с ним. Но это как раз и создавало напряженность. Троцкий испытывал беспокойство, что его личность и интересы чрезмерно довлели над Левой и что он низвел Леву до ничтожной роли маленького сына великого человека. Однако он жаждал сыновней преданности. Чем более одиноким становился Троцкий, тем больше он нуждался в ней. Лева был единственным человеком, с которым он мог свободно обсуждать свои идеи и планы, делиться самыми интимными мыслями, был его самым доверенным критиком и, как он любил думать, его «связью» (в позднейшие годы единственной связью) с молодым революционным поколением России. Но временами абсолютная преданность Левы беспокоила его. Он хотел от сына больше независимости и почти желал некоторых признаков сыновней стропти-

вости. Однако когда такая строптивость проявлялась или скорее был намек на нее, это расстраивало Троцкого и заставляло опасаться отчуждения. Их уединенное житье и непрерывное общение усилили взаимозависимость, но также и углубили напряжение, которое, хотя и естественное между отцом и сыном, таило в себе нечто похожее на раздражительное напряжение между двумя заключенными, долго сидящими в одной камере. Троцкий был требовательным к своим помощникам и секретарям, однако ни к кому он не предъявлял таких жестких требований, как к сыну. С посторонними он сдерживался, был вежлив, но, когда бывал один или с родственниками, при большом нервном напряжении контроль над собой у него отказывал. В таких случаях на голову Левы обрушивались суровые упреки по поводу «беспорядка» в секретариате, «халтурности и халатности» и что он «подводит» отца. Эти упреки не могли не обижать преданного, трудолюбивого и совестливого молодого человека *.

Поэтому, когда родители и сын согласились разъехаться, к печали примешивалось некоторое облегчение. Вероятно, была еще одна причина для такого решения: жена Раймона Молинье Жанна оставила мужа и решила жить с Левой. Молинье, однако, по-прежнему часто и с пользой приезжал на Принцевы острова. Отъезд Левы с Жанной мог бы избавить всех от трудных встреч. Сначала было сомнительно, чтобы Лева получил германскую въездную визу. (Годом раньше он напрасно обращался с просьбой о французской визе: французская полиция ответила, что знает о его революционной деятельности и не желает его видеть в Париже.) Все-таки, поступив студентом в Высшую техническую школу в Берлине, Лева наконец получил немецкую въездную визу в феврале 1931 года. Академическая цель его пребывания в Германии не была простым предлогом. В Высшей технической школе он прилежно изучал физику и математику, но в основном занимался, конечно, политическими делами **.

За две недели до отъезда Левы в середине января случилось событие, которое затронуло жизнь всей семьи: из Москвы приехала Зина с пятилетним сыном Севой. В Бюйюк Ада ее ждали уже несколько месяцев и почти отказались от надежд увидеться с ней,

---

* Отношения между отцом и сыном описываются здесь и на последующих страницах на основе семейной переписки, которая занимает 40 досье в *Закрытой секции Архива Троцкого* и содержит 1244 документа.

** Тетради Левы для упражнений по математике, исписанные до конца, с датами записей и отметками преподавателей позднее служили доказательством его алиби во время контрпроцесса в Мексике в 1937 г. Эти тетради сохранились в *Архиве Троцкого*. В письме доктору Соблю (Уэллу) без даты Лева объяснил причины организационного порядка, побудившие его приехать в Берлин. (Потребовалось 7—8 месяцев для получения въездной визы в Германию.)

ибо советское правительство неоднократно отказывало ей в разрешении на выезд. Муж Зины Платон Волков был сослан, и ее дважды арестовывали за связи с оппозицией. Только после вмешательства друзей в Западной Европе, обратившихся к советским послам, ссылаясь на соображения человечности — здоровье Зины резко ухудшилось после смерти сестры Нины, за которой она ухаживала до конца, Зина получила разрешение. Но и здесь была ловушка. Ей позволили взять с собой одного ребенка, оставив в Москве заложницей Сталину маленькую дочь 6—7 лет. Первая жена Троцкого Александра Львовна, сама находившаяся на подозрении и уже воспитывавшая двух детей Нины, стала заботиться и об этом ребенке. Она побуждала Зину уехать, присоединиться к отцу и лечиться за границей.

Зина приехала на Принцевы острова в полном упадке сил и нервном расстройстве, хотя в радостной суматохе встречи этого не заметили. Отец отнесся к ней с большой сердечностью. «Первое время моего пребывания,— писала она позднее матери в Ленинград,— он был настолько мягок и внимателен ко мне, что я не могу описать это». Из всех детей Троцкого Зина — первенец напоминала больше всего отца. У нее были те же резкие черты лица, такие же пронзительные глаза, такая же улыбка, такая же сардоническая ирония, она обладала такими же глубокими эмоциями, а иногда проявляла такой же, как у него, неукротимый ум и красноречие. Казалось, что Зина унаследовала политические страсти, боевитость и жажду деятельности отца. «Она жила,— вспоминала мать,— больше общественными, чем семейными, интересами» *. В отношении Троцкого к ней чувствовалось некоторое угрызение совести. Еще с тех дней в 1917 году, когда, выступая перед громадными толпами в цирке «Модерн» в Петрограде, он чувствовал на себе взгляд любящих глаз своих девушек-дочерей, смотревших на него из аудитории, Троцкий знал о громадной привязанности Зины к нему и тем не менее для него она была почти незнакомкой. Прошло почти 30 лет с тех пор, как Троцкий оставил первую жену с двумя маленькими девочками в восточносибирском городке Верхоленске, месте его первой ссылки,— почти 30 лет с тех пор, когда он соорудил в своей постели чучело человека, чтобы обмануть полицию и задержать преследование. Казалось, как будто это чучело обмануло и дочь от первого брака. За 15 лет до 1917 года Троцкий видел дочерей два или три раза мельком, да и потом, в годы революции, в послереволюционные годы и гражданской войны и последовавшей жестокой борьбы мог уделять им очень мало времени и внимания. Сердцем

* Цитата взята из письма Соколовской Троцкому, написанному после смерти Зины. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

он тянулся к ним, когда был сослан в Алма-Ату. Но было поздно: Нина вскоре умерла, а Зина была настолько больна, что не смогла приехать из Москвы, чтобы принять участие в печальном прощальном воссоединении семьи в поезде, когда Троцкого высылали из России. Она приехала на Принцевы острова с сокрушенным сердцем, но полная радости, любви и гордости за отца. Она приехала не как больная и страдающая дочь, а как убежденная сторонница, надеясь быть полезной ему, предлагая свои услуги и жаждущая его доверия. Они вместе оплакивали смерть Нины, говорили о друзьях и товарищах и ссыльных родственниках и спорили о политике. Она в восторге слушала и читала взахлеб рукопись «Истории русской революции» и другие работы, познакомилась с полемикой, которую он вел, впитывала в себя ее драматическую важность, радовалась его сарказму и остроумию. Она безудержно смеялась, прочитав статью Черчилля «Людоед Европы», и отныне любила обращаться к отцу «Людоед» *.

Другие члены семьи тоже отнеслись к ней с любовью и состраданием, делая все, чтобы она чувствовала себя уютно. Особенно деликатным было положение Натальи Ивановны, но она была ближе к детям Троцкого от первого брака, чем он, и не только пыталась преодолеть их отчуждение дружбой, но и вела себя в отношении их как вторая мать. Не обманываясь кажущимся улучшением здоровья Зины, она стала возить ее по врачам, пристально следя за ее здоровьем. Будучи слишком чувствительной, чтобы поверить, что скрытая натянутость отношений может исчезнуть навсегда, она старалась исчезать всякий раз, когда считала, что лучше оставить отца и дочь наедине. Любопытно, что отношения Левы с сестрой были куда более напряженными. У них были различные характеры. Лева больше походил на мать, чем на отца. Он был сдержан, скромен, обладал ровным темпераментом. Его легко выводили из себя темпераментность и взрывчатость сестры, в то время как к ее чувствам примешивалась зависть по поводу близости Левы к отцу. В первое время сердечного воссоединения семьи, когда Лева готовился к отъезду в Берлин, всего этого не было видно. Вся семья необычайно радовалась приезду мальчика Зины, болтовня и шалости которого внесли незнакомую нотку в суровую и трудовую жизнь дома. По всей вероятности, впервые Троцкий, уже имевший пять внуков и внучек, смог свободно проявить чувство деда.

Вскоре после приезда Зины глубокой ночью в доме начался большой пожар. Сгорела большая часть имущества семьи и библиотека Троцкого. С трудом он вырвал из огня архив и рукопись

---

* Эти детали взяты из переписки Зины. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* В *Архиве* я нашел ее фото, подаренное отцу с надписью: «Людоеду».

только что законченного первого тома «Истории русской революции». Все подозревали поджог. Быть может, то была попытка ГПУ уничтожить архив? Начали следствие. Свидетели подвергались перекрестному допросу, но ничего не было обнаружено. «Все мы были подавлены и очень обеспокоены,— писал один из секретарей Троцкого,— все, за исключением Троцкого». Семья переехала в ближайшую гостиницу, и «не успели мы устроиться, как он разложил рукопись на столе, позвал стенографистку и начал диктовать главу своей книги, как будто ночью ничего не случилось» *. Через несколько дней они переехали в предместье Кодикой к востоку от Константинополя, где жили англичане и американцы. Семья поселилась в деревянном доме, окруженном высоким забором из колючей проволоки, где вместе с секретарями, полицейскими и рыбаками оставалась около года, пока дом в Бюйюк Ада не был вновь приготовлен для жизни.

Спустя несколько месяцев после переезда в Кодикой снова возник пожар. Опять архив был торопливо вытащен, а семье пришлось устроить временное убежище в соседних сараях, и снова каждому пришла в голову мысль о поджоге. Однако выяснилось, что причиной пожара был сын Зины, который играл с коробком спичек в куче досок и опилок на чердаке. То-то было облегчение после всех страхов, все смеялись и дразнили «маленького агента ГПУ».

Через несколько недель Зина заболела. У нее были больные легкие. Ей пришлось подвергнуться нескольким операциям. Она не могла выносить жаркого климата Восточного Средиземноморья и терзалась тревогой по поводу судьбы мужа и дочери, оставшихся за границей. Больная и озабоченная, она утратила душевное равновесие. Скрытое напряжение и конфликты, возможно коренившиеся в тяжелом детстве [14] и усиленные жизнью, всплыли на поверхность. Она стала вести себя неровно и непоследовательно, предавалась воспоминаниям, высказывала желания и обиды, которых до тех пор от нее никогда не слышали. Ее преследовало чувство, что она — ненужная дочь и в тягость отцу, которого обожала всем сердцем как животворного гения революции. Вера в него, писала Зина, заставляла ее жить и придавала силы для борьбы с трудностями. Без него жизнь была ненужной. Однако она ощущала непреодолимый барьер между отцом и собой. «Я знаю, я знаю, что дети не нужны. Они приходят как наказание за грехи» — такие слова она бросала ему **. Казалось, что тот ужас, который она, возможно, испытала ребенком, найдя вместо отца чучело в постели, пронизывал этот упрек.

* *Fraenkel J.*//Militant. 2 Janviere 1932; Journal d'Orient. 8 Avril 1931.

** Письмо Зины от 26 февраля 1932 г.

В таком змоциональном напряжении Зина пыталась подавить внутреннее неприятие второго брака отца. Внешне она любовно и заботливо относилась к Наталье Ивановне, но зто была неестественная зкзальтация. Зина буквально ходила на цыпочках вокруг своей приемной матери, постоянно справляясь о ее здоровье, беспокоясь о ней и расточая ласки и извинения. Однако отчужденность давала себя знать, отец и приемная мать чувствовали это. Время от времени зто прорывалось совершенно открыто. Как они ни старались ничего не замечать, отношения стали напряженными. Чтобы избежать ухудшения положения, Троцкий замкнулся в себе. Но чем глубже он замыкался в себе, тем больше болела Зина, жаждавшая его доверия и близости. Она надеялась работать по крайней мере одним из помощников отца. Он, беспокоясь о ее здоровье и памятуя о возможном возвращении к дочери в Россию, не поощрял ее. Он хотел, чтобы Зина использовала пребывание за границей для лечения и избежала политической компрометации себя, как будто один тот факт, что она его дочь, не скомпрометировал ее раз и навсегда. По мере ухудшения здоровья Зины он чувствовал, что необходимо беречь ее больше, и совместная работа стала почти невозможной. Он не мог довериться ей по поводу дел оппозиции в России, а именно зтого ей страстно хотелось. В то время переписка Троцкого со сторонниками в России была еще довольно обширной, частично она шла открыто, а частично через тайные каналы с зашифрованными подписями и адресами. Требовалось сохранять шифры в величайшей тайне, и зту секретность приходилось удваивать, чтобы скрыть от нервнобольного человека, который по возвращении в Россию мог бы подвергнуться инквизиторским допросам. Элементарные правила подпольных связей требовали таких мер предосторожности. Однако несчастная женщина считала их недоверием к себе со стороны отца. «Для папы,— часто повторяла Зина,— я ни к чему не пригодна». Росло ее недовольство собой, росли ее упреки к себе, росла печаль, и зто все углублявшееся нервное расстройство стало тягостным для всех. Летом она оставила дом и в ближайшем санатории подверглась операции легких. Она вернулась в несколько лучшем состоянии, но по-прежнему обуреваемая тягостными мыслями.

В печали и глубоком сострадании Троцкий чувствовал себя виноватым и беспомощным. Насколько легче усмотреть, как бороться с великими болезнями общества, чем облегчить страдания неизлечимо больной дочери! Насколько легче поставить диагноз смятения в коллективном уме германской мелкой буржуазии, чем проникнуть в болезненную личность Зины! Насколько глубже было марксистское понимание социальной психологии, чем проникновение в индивидуальную психику! Он видел, как на лицо

и глаза Зины наползало безумие, а ведь это были черты его лица и его глаза. Для Троцкого, носителя интеллектуальной ясности и самодисциплины, было невыносимо видеть дочь в таком состоянии. Казалось, как будто разум вдруг нашел свое воплощение в безумии в ближайшем человеке, в двойнике. Нежность и ужас, сострадание и неприятие, гордость и унижение — все соединилось в Троцком. Он был уязвлен, беспомощен, стал раздражительным. Иногда, когда Зина ревниво пыталась обидеть Наталью Ивановну, Троцкий повышал голос, требуя такта и вежливости. Повышенный голос отца погружал ее в прострацию. Припоминая одну из таких сцен, она писала ему год спустя: «Не кричи на меня, папа, не кричи. Твой крик я не могу вынести. В этом я похожа на мать». И добавляла: «Нет ничего, что бы мне так хотелось, если бы у меня было достаточно сил для этого, как смягчить Наталье Ивановне то, что я причинила ей, будучи без вины виноватой».

При напряженных отношениях, когда болезнь Зины приняла угрожающий характер, она начала бредить по ночам. Так жизнь не могла продолжаться. Некоторое время Троцкий обдумывал, как заставить ее пройти психоаналитическое лечение, и написал об этом семье Пфемфертов в Берлин. Зина сопротивлялась. Она не хотела погружаться в «грязь» своего собственного подсознания и не могла вынести мысль, что, преодолев столько препятствий и принеся столько жертв, чтобы соединиться с отцом, она снова расстанется с ним. Она должна была также расстаться и с сыном, ей трудно было его воспитывать. Все же Зина уступила уговорам и летом 1931 года, оставив Севу, уехала в Берлин. Расставание было мучением и для отца, и для дочери. В письме к Леве она пересказала слова Троцкого, обращенные к ней: «Ты удивительный человек. Я никогда не видел никого, похожего на тебя». «Он сказал это,— добавила она,— выразительным и суровым тоном».

То был голос разума, ставшего в тупик, огорченного безумием.

* * *

Жизнь в столице Германии, когда Зина приехала туда, шла по возрастающей хаоса и всеобщего смятения. Она приехала спустя несколько недель после референдума, проведенного по инициативе Гитлера и Геббельса с целью свержения социал-демократического парламента Пруссии. Нацисты развернули свирепую шовинистическую кампанию, призывая к «народной революции» против партии, «согласившейся с рабством и унижением Версальского мира». Тогда коммунистическая партия обратилась к социал-демократическим министрам Пруссии Брауну и Зеверингу с ультиматумом, в котором предлагала защитить их правительство, если они согласятся на определенные требования, но пригрозила голосовать против него, если эти требования будут отвергнуты. На

первый взгляд это был отход от тактики «третьего периода» по крайней мере в том, что коммунисты прямо обратились к социал-демократическим лидерам. В действительности они «сосредоточили огонь на социал-фашистах», и когда прусское правительство отклонило их требования, коммунисты призвали рабочих голосовать против него. Таким образом, вместо создания условного или безусловного единого фронта с социал-демократами коммунисты создали непризнанный, но тем не менее реальный и безусловный единый фронт с нацистами, а чтобы спасти лицо, назвали все предприятие «красным референдумом».

В коммунистической политике обнаружилась теперь фатальная и глубоко деморализующая бессмысленность, которая продолжалась до захвата Гитлером власти и даже после него. Нередко одни и те же лозунги появлялись на знаменах коммунистов и нацистов. Нацисты, стремившиеся завоевать социально недовольные и радикальные элементы, обещали, что в ходе их «народной революции» будут сведены счеты с финансовым капиталом. Коммунистическая партия, побаиваясь призывать к пролетарской социалистической революции, заговорила о «народной революции», которая обеспечит «социальное и национальное освобождение» Германии и разобьет цепи Версаля. Дух национализма проявлялся все больше и больше в коммунистической пропаганде как раз в то время, когда ничто не было более настоятельным в Германии, чем необходимость остановить подъем расистского и шовинистического фанатизма. Хотя референдум завершился в пользу социал-демократов, его последствия углубили раскол в рабочем классе и усилили смятение.

Троцкий подверг критике «национал-коммунизм» Тельмана и Коминтерна, с величайшей энергией разоблачая абсурдность «красного референдума». Все предприятие, указывал Троцкий, тем более отвратительно, что коммунисты и нацисты остаются и не могут не оставаться смертельными врагами. В самооправдание сталинисты утверждают, что социал-демократы мостят путь нацизму. Это совершенно верно, заметил Троцкий, но, если социал-демократы мостят путь для победы нацистов, должны ли коммунисты сокращать этот путь? Иногда случается, что революционные и контрреволюционные партии нападают на одного «умеренного» врага со своих противоположных позиций. Но марксистская партия может пойти на это только тогда, когда течение идет в ее пользу, а не когда, как случилось в Германии, в пользу контрреволюции. «Выйти на улицу с лозунгом «долой правительство Брюнинга — Брауна» — чистейший авантюризм, ибо соотношение сил таково, что «на смену ему может прийти лишь правительство Гитлера — Гугенберга. Тот же лозунг получает однако совсем другой смысл, если становится вступлением к непосредственной борьбе

самого пролетариата за власть». Даже теперь он не сомневался в добрых намерениях коммунистической партии. Однако «беда в том, что сталинская бюрократия, чем дальше, тем больше стремится действовать против фашизма его собственным оружием: она заимствует краски с его политической палитры и старается перекричать его на аукционе патриотизма. Это не методы принципиальной классовой политики, а приемы мелкобуржуазной конкуренции». Говорящие о «народной революции» и об освобождении Германии от цепей Версаля забыли положение Карла Либкнехта о том, что «для рабочего класса главный враг стоит в его собственной стране». Внедрение национализма в коммунистическое мышление началось со сталинского социализма в одной стране и теперь привело к «национал-коммунизму» Тельмана. «...Идеи имеют не только свою логику, но и свою взрывчатую силу» *, и беззастенчивость, с которой Коминтерн стремится победить Гитлера в националистической демагогии, показывает «духовную пустоту сталинизма».

По Троцкому, на карту поставлены не только все с трудом завоеванные достижения немецкого рабочего движения, но и будущее цивилизации: с нацизмом тень средневековья наползает на Европу. Победоносный Гитлер не только сохранит капитализм, но и низведет его до варварства. Взбешенный мелкий бюргер «отвергнет не только марксизм, но даже дарвинизм», и рационализму XVIII и XIX веков противопоставит мифы X или XI веков, мистику расы и крови. Это предполагаемое расовое превосходство взвинтит гордость беднейшей части германского среднего класса, дав мнимый выход из трудностей повседневной жизни. В зверином антимарксизме и отказе от «экономического взгляда на историю» национал-социализм падает еще ниже: «от экономического материализма к зоологическому материализму». Нацизм собрал «весь мусор международной политической мысли... чтобы создать политическую интеллектуальную сокровищницу нового германского мессианства». Он поднял и сплотил все силы варварства, бурлившие под тонкой коркой «цивилизованного» классового общества. Он пустил в дело неисчерпаемые резервы темноты, невежества и зверства. Впечатляющими словами, в которых чувствуется предвосхищение аутодафе и газовых камер третьего рейха, Троцкий характеризует сущность нацизма: «Все, что общество при нормальном развитии [т. е. к социализму] отвергло бы... как экскременты культуры, теперь низвергается наружу через его глотку: капиталистическую цивилизацию рвет непереваренным варварством — такова физиология национал-социализма» **.

* Против национал-коммунизма (Уроки красного референдума)//Б. О. 1931. № 24. С. 5, 6, 8. Статья была опубликована в виде брошюры в Германии.

** *Trotsky L.* «Qu'est ce que c'est le national-socialisme?» Écrits. Vol. 3. P. 100—101.

Коммунистическое (и некоммунистическое) общественное мнение начала 30-х годов оставалось нечувствительным к такому философско-историческому взгляду на нацизм, и этот факт, вероятно, не должен удивлять историка, но ему значительно труднее понять, почему руководители Советского Союза и громадная масса коммунистов во всем мире могли остаться глухими к тому, что Троцкий говорил об угрозе Советскому Союзу. В ноябре 1931 года, за 10 лет до битвы под Москвой, он писал: «Победа фашизма в Германии будет означать неизбежность войны против СССР*. В то время Москва еще рассматривала Францию как главного западного противника Советского Союза и боялась скорого удара со стороны Японии, только что захватившей Маньчжурию. Успехи нацизма пока возбуждали небольшие, если вообще они были, опасения у Сталина и его советников, хотя Гитлер открыто провозглашал, что собирается уничтожить большевизм и завоевать Восток. Сталин полагал, что это были высказывания Гитлера-«мятежника», но Гитлер на посту канцлера едва ли откажется от преимуществ, которые Германия получала от своих отношений с Россией в соответствии с Рапалльским договором [15]. Сталин ожидал, что Гитлер, стремившийся перевооружить Германию, вступит в конфликт с Францией, что заставит его отказаться от враждебности к Советскому Союзу. Не случайно Коминтерн вдохновлял германских коммунистов оказывать двусмысленную поддержку кампании Гитлера против Версаля [16]: эта кампания должна была отвратить Гитлера от его идеи возглавить крестовый поход Запада против большевизма.

Троцкий боролся против этого непонимания международных последствий нацизма. Он не верил, что Франция остается главным врагом России, как в годы интервенции. «Ни одно из нормальных буржуазных парламентских правительств,— утверждал Троцкий,— не может в настоящее время рискнуть пойти войной против Советского Союза: такое предприятие повлечет за собой неисчислимые последствия внутри страны. Однако стоит Гитлеру захватить власть... разбить и деморализовать германский рабочий класс на многие годы, его правительство будет единственным, способным вести войну против Советского Союза» **. Равным образом Троцкий не верил, что Япония серьезно угрожает Советскому Союзу. Он предсказывал, что Япония, захватив Маньчжурию, ввяжется в длительную войну на истощение с Китаем, которая отвлечет японские силы от Советского Союза и ускорит революцию в Китае. «Основные условия Востока — громадные расстояния, чудовищное население и экономическая отсталость — указывают, что весь про-

* *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 100—101.

** Ibid.

цесс [японских завоеваний] будет медленным и тяжелым, в любом случае на Дальнем Востоке Советскому Союзу не угрожает непосредственная и серьезная опасность. Критические события грядущего периода развернутся в Европе и в Германии», где «политический и экономический антагонизм достиг беспрецедентной остроты... и развязка близка». И снова: «На многие годы не только судьба Германии... но судьбы Европы и судьбы всего мира будут решаться в Германии». «Социалистическое строительство в Советском Союзе, развитие испанской революции, рост революционной ситуации в Англии, будущее французского империализма, судьба революционного движения в Китае и в Индии — все эти вопросы сводятся к... одному вопросу: кто победит в Германии в течение следующих месяцев? Коммунизм или фашизм?» *

Троцкий полагал, что ради антисоветского крестового похода Гитлер получит поддержку мирового капитала, и это повлечет за собой «ужасающую изоляцию Советского Союза и необходимость вести войну не на жизнь, а на смерть в самых тяжелых и опасных условиях». «Если фашизм сокрушит германский рабочий класс, это будет означать, по крайней мере наполовину, гибель республики Советов». Только в том случае, если рабочим удастся преградить Гитлеру путь к власти, Германия, Советский Союз и мир будут спасены от катастрофы. Политика Сталина по отношению к Германии поэтому направлена против коренных интересов Советского Союза, равно как и германского коммунизма. Безопасность СССР и международные интересы пролетариата неразрывно связаны. В течение многих лет Сталин и Коминтерн кричали о том, что антисоветский крестовый поход вот-вот начнется: но теперь, когда опасность стала реальной, они молчат. Тем не менее следует принять «за аксиому», что попытка нацистов захватить власть «должна иметь своим продолжением мобилизацию Красной Армии. Для рабочего государства это будет делом революционной самообороны... Германия не является только Германией. Это — сердце Европы, Гитлер не является только Гитлером. Он — кандидат на роль Сверхврангеля, но Красная Армия не является только Красной Армией. Это инструмент пролетарской мировой революции» **.

Через несколько месяцев, в апреле 1932 года, Троцкий повторил эту мысль с еще большей силой. Погрязшие в рутине политики и дипломаты, говорил Троцкий, слепы к тому, что происходит, как они были слепы накануне первой мировой войны. «Мои отношения с нынешним правительством в Москве не такого характера, чтобы разрешить мне говорить от его имени или ссылаться на его

* *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 95.
** Ibid. P. 101.

намерения... с тем большей откровенностью я могу заявить ныне, как, по моему мнению, советскому правительству следует действовать в случае фашистского переворота в Германии. На их месте я в момент, когда бы телеграф принес весть об этом событии, подписал бы приказ о мобилизации, призвав несколько возрастных групп. Перед лицом смертельного врага, когда логика обстановки указывает на неизбежность войны, безответственно и непростительно дать врагу время укрепиться, консолидировать свои позиции, заключить союзы... и разработать план нападения». И вновь: «Война между гитлеровской Германией и Советским Союзом будет неизбежно и скоро». Учитывая это, вопрос о том, кто нападет, имеет второстепенное значение. Памятуя о тех во Франции и Англии, кто надеялся спасти статус-кво на Западе и версальскую систему, толкнув германский империализм на Восток, Троцкий писал, что «какие бы иллюзии ни питали в Париже, можно с уверенностью предсказать, что версальская система будет одной из первых поглощенных в пламени войны между большевизмом и фашизмом» *.

Печать Коминтерна немедленно заклеймила Троцкого как «предателя, поджигателя войны», пытающегося столкнуть Россию с Германией. Многим за пределами Коминтерна смелость его заявления представлялась безрассудством. Позиция Троцкого, однако, не покажется столь безрассудной, если припомнить, что даже в начале 30-х годов, когда Германия, Англия и Соединенные Штаты были разоруженными, Советский Союз был величайшей военной державой мира. Но Троцкий, по существу, не побуждал Советский Союз вести войну против Германии, пусть даже нацистской. В 1933 году, когда Гитлер стал канцлером, Троцкий объявил, что при создавшейся обстановке мобилизация Красной Армии будет бесполезной. Ранее он выступал с прямо противоположным утверждением, объяснил Троцкий, предполагая, что Гитлеру предстоит силой прорываться к власти,— он отказывался поверить, что германское рабочее движение разрешит Гитлеру стать хозяином страны без единого выстрела. В этом контексте предполагавшейся гражданской войны в Германии он тогда настаивал, что долг Красной Армии вмешаться **. Конечно, это был бы рискованный образ действия, но менее рискованный, чем пассивно ожидать прихода Гитлера к власти и перевооружения Германии. Позиция Троцкого, революционная в ее политических аспектах, в военном отношении была аналогична позиции, занятой Черчиллем 4 или 5 лет спустя, когда он призвал английское и французское правительства объявить мобилизацию и провести военные приготовления, чтобы помешать Гитлеру ввести войска в Рейнскую область. Эта позиция

* *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 104—105.

** Эта статья первоначально появилась в американском журнале «Forum». 15 April 1932; *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 233—240. См. также: Гитлер и Красная Армия//Б. О. 1933. Май. № 34. С. 18.

обеспечила Черчиллю неоспоримый моральный авторитет, который был нужен ему, чтобы стать лидером Англии в годы второй мировой войны. Троцкий же стяжал только злобную кампанию клеветы.

Между тем нацистская лавина катилась. Весной 1932 года в Германии предстояли выборы президента. Гитлер выдвинул свою кандидатуру. Социалистическо-коммунистический кандидат неизбежно собрал бы больше голосов, чем Гитлер или любой другой претендент. На двухэтапных парламентских выборах в том же году коммунисты и социал-демократы неизменно собирали больше 13 миллионов голосов. Однако социал-демократы решили поддержать кандидатуру престарелого, уходившего в отставку президента Гинденбурга, против которого они выступали на предшествующих выборах, как символа кайзеровской реакции. Теперь они пытались укрыться за спиной этого старца. Коммунистическая партия призвала рабочих голосовать за Тельмана. Гинденбург был переизбран и немедленно нанес последний удар парламентскому режиму и социал-демократам. Он уволил Брюнинга, сделавшего слабую попытку запретить гитлеровских штурмовиков и вызвавшего враждебность восточнопрусских юнкеров. Новый канцлер Гинденбурга фон Папен отменил запрет на штурмовиков, а 20 июля 1932 года сместил декретом социал-демократическое правительство Пруссии, которое нацисты тщетно пытались свергнуть путем референдума. Это событие замечательно своим трагикомическим характером: лейтенант, командовавший взводом солдат, изгнал из служебного помещения премьер-министра и министра внутренних дел Пруссии, которые номинально руководили всей прусской полицией. С большим запозданием прусские коммунисты порекомендовали социал-демократам призвать к всеобщей забастовке и предложили свою поддержку. Вновь социал-демократы отказались действовать сообща со своими «врагами слева», предаваясь иллюзии, что фон Папен и камарилья Гинденбурга (главной движущей силой которого был генерал Шлейхер) как-то сумеют перехитрить Гитлера и сдержать его. Это была широко распространенная иллюзия в последние месяцы существования Веймарской республики: фон Папен, с такой легкостью захвативший «крепость» социал-демократов в Пруссии, представлялся могущественным. Казалось, он похитил громы у Гитлера, и нацистское движение теряло свою инерцию *.

Тем более следует удивляться точности анализа и предсказаний Троцкого. «Чем менее рабочие были подготовлены к борьбе,— комментировал Троцкий,— тем более появление на сцене прави-

---

* *Shirer W. L.* The Rise anl Fall of the Third Reich. London, 1960. P. 158—180, 170—172.

тельства Папена производило впечатление силы...» * Однако это еще не фашистский переворот. Он еще грядет. Папену не удастся перехитрить Гитлера и предотвратить создание нацистской диктатуры, ибо он не располагает даже ограниченными силами Брюнинга: его поддерживают лишь самые архаические элементы прусской бюрократии. Он не сможет контролировать ярость и гнев миллионов, идущих за Гитлером,— это может сделать только решимость и боевой дух миллионов рабочих, но откуда рабочим взять эту решимость, если они видят, что прусское социал-демократическое правительство разрешило свергнуть себя «щелчком по носу» и что коммунисты, в течение многих лет говорившие им, что Германия уже фашистская, теперь призывают их выйти на всеобщую забастовку против «фашистского» государственного переворота Папена и в защиту «социал-фашистского» правительства Пруссии. Однако в какое бы смятение ни были приведены рабочие, альтернатива остается прежней — либо победа нацизма, либо победа рабочего класса. Третьего не дано. Папен, настаивал Троцкий, получит не больше «ста дней», и так же будет обстоять дело со Шлейхером, который последует за ним на посту канцлера, а затем рейхсвер и юнкеры вступят в коалицию с нацистами в надежде приручить последних. Все будет напрасно: «Политически все мыслимые комбинации с Гитлером означают растворение бюрократии, суда, полиции, армии в фашизме». Даже сейчас, утверждал Троцкий, еще не поздно создать «объединенный фронт» рабочих. Но «сколько же времени было потеряно напрасно, бесцельно, бездумно и позорно!» **

* * *

Примерно в это же время Троцкий начал спор с Коминтерном по поводу испанской революции. Диктатура Примо де Риверы [17] пришла к концу в 1930 году, а крах монархии последовал в апреле 1931 года. В то время когда Германия трансформировалась из буржуазной демократии в авторитарный режим, в Испании происходило противоположное. Тем не менее в обеих странах Коминтерн следовал политике «третьего периода». Германская партия заявила, что антагонизм между фашизмом и буржуазной демократией не имеет значения, а испанская партия сбрасывала со счетов конфликт между монархией и республикой. В Москве Мануильский сказал на заседании Исполкома Коминтерна в феврале 1930 года после падения Примо де Риверы: «Движения такого рода проходят на историческом экране как простые инциденты и не оставляют

* Der Einrige Weg. 1932; Б. О. 1932. № 29—30. С. 25.
** Ibid. С. 26.

глубоких следов в умах рабочего класса... Одна забастовка может иметь большее значение, чем «революция», подобная испанской» *. Революция, которая захватила внимание мира почти на целое десятилетие, пока упоминалась лишь в кавычках. Отречение короля Альфонса захватило партию врасплох. Когда вслед за этим на всю Испанию прогремели требования демократически избранных кортесов, официальные коммунистические лица, подобно анархо-синдикалистам, утверждали, что рабочие и крестьяне не получат ничего от любого парламента, и выступали за бойкот выборов. В то же время Коминтерн заявил, что испанская революция, ввиду отсталости страны, должна остаться в «буржуазно-демократических» рамках и что «пролетарская диктатура не стоит на повестке дня». Здесь легко усмотреть сталинский тезис-канон, развитый как антитезис перманентной революции Троцкого и уже примененный к Китаю в 1925—1927 годах. Этот канон пронизывает сталинскую политику в Испании на протяжении всех ее фаз. На позднейшей фазе, в 1936—1938 годах, он был использован, чтобы оправдать коалицию коммунистов с буржуазно-республиканскими партиями в Народном фронте, «умеренную» политику коммунистической партии и ее репрессивные акции против ПОУМа [18], троцкистов и радикальных анархо-синдикалистов. В начале 30-х годов, однако, тот же канон невероятным образом сочетался с ультралевой тактикой и с отклонением требований созыва Учредительного собрания, демократических свобод, то есть классических целей буржуазной революции.

Троцкий утверждал, что испанская революция должна будет перейти, как русская революция, от буржуазной к социалистической фазе, чтобы не потерпеть поражения. Из всех европейских стран Испания больше всего напоминала Россию накануне 1917 года по социальной структуре, расстановке классовых сил. В Испании, как и в России, рабочие советы или хунты были призваны стать органами революции. Настаивая на перманентности революции, Троцкий требовал от коммунистов прибегнуть к более реалистической тактике, выдвинуть требование или поддержать его в пользу всеобщего избирательного права, созыва Учредительного собрания, самоопределения для Каталонии и Страны Басков и прежде всего поддержать борьбу крестьян за землю. Крестьяне, конечно, будут ждать от кортесов решения аграрного вопроса, и коммунисты обязаны провозгласить свою аграрную программу с парламентской трибуны хотя бы для того, чтобы поощрить крестьянство на внепарламентские действия. Они не могли сделать это

* Однако позднее, в том же году, орган Исполкома Коминтерна обвинил испанских коммунистов в том, что они не поняли революционного значения этих событий. См.: Коммунистический Интернационал. 1930. № 34—35.

в соответствии с политикой «третьего периода», когда были склонны игнорировать и бойкотировать парламент. «Парламентарный кретинизм есть отвратительная болезнь, но и антипарламентарный кретинизм немногим лучше» *,— заметил Троцкий. Разве большевики не призывали к созыву Учредительного собрания в 1917 году? Для Испании парламентская политика еще важнее, чем для России, ибо ритм революции будет более медленным и испанские коммунисты должны будут в своих действиях меньше принимать в расчет опыт России, чем опыт Великой французской революции. Диктатуре якобинцев предшествовали три парламентских собрания, и нечто подобное может случиться в Испании **.

Испанская компартия была не только дезориентированной, маленькой и слабой. Она была также дезорганизована расколами, неотделимыми от сталинской ортодоксии. Она уже исключила несколько троцкистских и полутроцкистских групп, а также основателя и руководителя партии Андреса Нина. Расколы явились причиной сильной деморализации в республиканской Испании позднее, а кампания против Нина закончилась его убийством. Уже в апреле 1931 года, спустя несколько дней после свержения монархии, Троцкий в секретном письме в Политбюро в Москву протестовал против охоты за еретиками в Испании. Он напомнил, что в 1917 году большевики под руководством Ленина объединились со всеми группами, близкими к ним, независимо от прошлых разногласий,— он сам тогда вступил в большевистскую партию. Они тогда пришли к выводу, что такая их тактика, а также их способность основывать единство и дисциплину на свободе внутрипартийных обсуждений решительно укрепят партию в борьбе за власть. «Может ли пролетарский авангард Испании,— спрашивал Троцкий,— другими путями и методами выработать свои взгляды и проникнуться таким несокрушимым убеждением в их правильности, которое одно только позволит ему повести народные массы на решающий штурм?» Охота за еретиками сбивает с толку и деморализует рядовых членов партии и облегчает победу фашистам. «Незачем говорить о том, какие последствия это имело бы для всей Европы и для СССР». Троцкий просил Политбюро посоветовать — не приказать, а именно посоветовать «испанским коммунистическим организациям созвать в возможно короткий срок объединительный съезд».

«Ход событий в Испании... будет каждый день подтверждать необходимость единства коммунистических рядов» ***. Из Москвы

* Б. О. 1931. № 21—22. С. 3.

** *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 451—471.

*** Письмо в Политбюро было опубликовано позднее в Б. О. 1931. № 21—22; *Trotsky L.* Écrits. Vol. 3. P. 447—448.

не последовало никакого ответа на это послание. Но в этом документе было указано на семена поражения, которые испанская революция потерпела спустя 7—8 лет.

* * *

В разгар этих споров Сталин лишил Троцкого советского гражданства и права возвращения в Россию. 20 февраля 1932 года в «Правде» был опубликован соответствующий указ, где в качестве объяснения упоминалась контрреволюционная деятельность Троцкого без ее конкретизации. То была беспрецедентная кара. Эмигранты из меньшевиков и эсеров, занимавшие места в руководящих органах II Интернационала и при материальной и моральной поддержке этого Интернационала проводившие агитацию против большевиков, пока не были лишены советского гражданства. Чтобы исправить упущение и несколько замаскировать главную цель, указ от 20 февраля одновременно лишал гражданства также примерно 30 меньшевиков-эмигрантов.

В этой «амальгаме» крылся злой умысел. В отличие от Троцкого меньшевистские лидеры не были депортированы. Большинству из них в 1921—1922 годах «порекомендовали» выехать, если они хотят избежать преследования. Они уехали. Ленин дал им этот «совет», а Троцкий, несомненно, одобрил решение. Враждебность Троцкого к меньшевикам не изменилась в изгнании, что за несколько месяцев до издания указа от 20 февраля привело его к серьезному промаху. В 1931 году во время позорного процесса над меньшевиками в Москве Троцкий полностью согласился с обвинениями прокуратуры против них. Подсудимые Суханов, Громан и другие обвинялись в экономическом саботаже и сговоре со своими друзьями в эмиграции. Обвинения основывались на фальшивых свидетельствах и «признаниях» *. Позиция Троцкого частично объяснялась тем, что в утверждениях прокуратуры касательно главного обвиняемого Громана, в прошлом экономического советника Госплана, который якобы пытался заниматься обструкцией первой пятилетки, была доля истины. Громан действительно в течение длительного времени поддерживал политику Сталина и Бухарина, упорно сопротивляясь программе индустриализации

---

* Прокурор утверждал, что подсудимые подчинялись Р. Абрамовичу, эмигрантскому лидеру меньшевиков, и что последний тайком приезжал в Россию для инспектирования подпольной организации. Абрамович сумел доказать, что в то время, когда, по словам прокурора, он должен был ездить по России, он присутствовал на заседаниях Исполкома II Интернационала в Брюсселе, публично выступая вместе с Леоном Блюмом [19], Вандервельде [20] и другими лидерами социал-демократов.

Троцкого. Во время суда над ним Троцкий заметил, что при потворстве Сталина Громан и его группа саботировали советскую экономику, и только «левый курс» привел сталинское потворство к концу, а меньшевиков на скамью подсудимых *. Хотя эти обстоятельства объясняют согласие Троцкого с прокуратурой, они не оправдывают его. Позднее Троцкий публично выразил сожаление о своей ошибке **. Однако этот инцидент иллюстрирует, насколько яростно Троцкий по-прежнему ненавидел меньшевиков, и можно легко представить себе, с какой извращенной радостью Сталин пригвоздил к позорному столбу Троцкого и меньшевистских «саботажников», одним указом одновременно лишив их гражданства.

Это событие последовало вскоре после довольно загадочного «дела Туркула» [21]. 31 октября 1931 года «Роте фане» опубликовала статью, в которой утверждалось, что генерал Туркул, эмигрант, командовавший белогвардейцами в гражданской войне, собирался организовать покушение на жизнь Троцкого, воспользовавшись неважной охраной на Принцевых островах, и если покушение удастся, его участники возложат вину на советское правительство. Утверждения эти звучали довольно убедительно. Однако вызывало удивление, что с ними выступила «Роте фане». По настоянию Троцкого его друзья сделали представление в советских посольствах в Берлине и Париже, напомнив, что советское правительство обещало защитить жизнь Троцкого в изгнании, и требуя выполнить это обязательство. Москва оставила обращение без ответа, и Троцкий заключил, что «Роте фане» преследовала единственную цель: обеспечить алиби для Сталина в случае покушения. Сторонники Троцкого тогда направили советскому правительству заявление (в нем ясно виден стиль Троцкого), в котором утверждалось: «Сталин озабочен не тем, чтобы воспрепятствовать белогвардейцам осуществить задуманное ими предприятие, а только тем, чтоб помешать или возложить ответственность за террористический акт на Сталина и его агентов» ***. Сталин ответил косвенным образом через Коминтерн, бичуя Троцкого за черную неблагодар-

* Первую оценку Троцким суда над меньшевиками см. в Б. О. 1931. № 21—22. С. 35—36. Через 30 лет, в июле—сентябре 1961 г., меньшевистский «Социалистический вестник» опубликовал воспоминания Н. Ясного о Громане, где подтверждалась роль Громана в борьбе между большевистскими фракциями, как ее описал Троцкий, хотя, конечно, он был невиновен в преступлениях, приписанных ему.

** См.: Б. О. 1936. Июль—август. № 51. Лева побудил Троцкого признать свою ошибку, и он сделал это накануне большого процесса над Зиновьевым и Каменевым.

*** Это послание было конфиденциально направлено в Москву. Троцкий опубликовал его лишь после лишения его советского гражданства. Б. О. 1932. Март. № 27.

ность, которой он отплатил за заботу, проявленную к нему Сталиным; из ответа следовало, что жизнь Троцкого действительно находилась под угрозой со стороны белогвардейцев *. Сталин теперь наказал «неблагодарного», лишив Троцкого гражданства и даже тени формальной защиты, какую оказывает любое правительство своим подданным в других странах.

Этот акт был предназначен достигнуть того, чего не достигла казнь Блюмкина,— перерезать все контакты Троцкого с его сторонниками в Советском Союзе. Несмотря на цензуру и перехват корреспонденции, Троцкий получал много писем из колоний ссыльных и тюрем. В Берлине Лева пытался установить связи со старыми товарищами, приезжавшими туда по официальным поручениям, докладывая на Принцевы острова об удачах и неудачах. Весной 1931 года он случайно встретил Пятакова. Этот человек раньше был другом, а теперь, как писал Лева, «рыжий иуда отвернул голову и притворился, что не заметил меня». Позднее, в июле, зайдя в один из больших магазинов, Лева неожиданно встретил Ивана Смирнова, занявшего после своей капитуляции высокий пост в советской промышленности. Они обнялись, Смирнов тепло справился о здоровье Троцкого и всех членов семьи, выплакивая горечь капитулянта, говорил о мрачной обстановке и громадном недовольстве в Советском Союзе. Хотя он и разочаровался в надеждах, с которыми капитулировал перед Сталиным, но не был настроен возобновлять борьбу, предпочитая выжидать. Смирнов, однако, сказал, что он с его друзьями будет приветствовать «блок» с Троцким и его сторонниками, непосредственной целью которого явится обмен информацией. По крайней мере он хотел поддерживать контакт с Троцким, а поскольку собирался вернуться в Москву, обещал прислать через доверенного друга документ с обзором состояния советской экономики и политических настроений в стране. Они договорились о пароле для посланцев. В начале осени старый большевик, а теперь капитулянт Е. С. Гольцман привез меморандум от Смирнова, который был опубликован в «Бюллетене оппозиции» через год. В документе впервые были показаны размах забоя скота во время коллективизации, серьезные диспропорции в промышленности, последствия инфляции для всей экономики и т. д. Меморандум заканчивался следующим многозначительным выводом: «Ввиду неспособности нынешнего руководства выбраться из экономического и политического тупика растет убеждение в необходимости сменить руководство партии». Лева и Голь-

* Ответ имел форму секретного циркуляра, разосланного Исполкомом Коминтерна Центральным Комитетам всех коммунистических партий. Копия циркуляра, попавшего в руки Троцкого, хранится в *Архиве Троцкого*, в *Закрытой секции*.

цман часто встречались, обсуждая события в Советском Союзе *.

Смирнов и Гольцман говорили не только от своего имени, но и от имени многих капитулянтов, которые робко, но определенно вновь обращали взоры к Троцкому. Они встревожились в связи с бурей, собиравшейся над Германией, и с внутренней обстановкой в их собственной стране. Их беспокоил паралич германского коммунизма, и они с симпатией следили за кампанией Троцкого. Большинство из них уже вынашивали мысль, которую позднее, в 1933 году, выразил Радек, когда доверительно беседуя с одним германским коммунистом и указав на кабинет Сталина в Кремле, заметил: «Там сидят те, кто несет ответственность за победу Гитлера» **. Не видя путей изменить политику Коминтерна, разочарованные и павшие духом капитулянты теперь сделали несколько шагов назад в сторону сближения с троцкистской оппозицией. Это не ускользнуло от внимания Сталина, который прилагал максимальные усилия, чтобы уберечь партию от влияния Троцкого. Он теперь сожалел о том, что изгнал Троцкого из России, дав ему возможность распространять свои идеи по всему миру. Сталин решил исправить эту «ошибку»: Троцкий, лишенный советского гражданства, был навсегда заклеймен как пария. Отныне любой советский гражданин, пытавшийся вступить в связь с Троцким, был виновен в связях не только с опозоренным лидером внутренней оппозиции, но и с иностранным заговорщиком.

Троцкий ответил открытым письмом Президиуму ВЦИК, от имени которого был опубликован указ от 20 февраля ***. Он разоблачил беззаконие указа (который охарактеризовал как «совершенную амальгаму в стиле термидора» и «бессильный, даже жалкий» акт личной мести Сталина), а также подвел итоги десятилетия внутрипартийной борьбы. «И вы думаете, что вы можете вашей фальшивой бумажкой от 20 февраля остановить развитие большевистской критики? Удержать нас от выполнения нашего долга? Запугать наших единомышленников?.. Через Постановление 20 февраля оппозиция перешагнет, как рабочий переступает через лужу на пути к месту труда». Он знал, что репрессиями Сталин «еще не сказал своего последнего *практического* слова». «Арсенал его средств нам известен... Вы знаете Сталина не хуже моего. Многие из вас в беседе со мною лично или с близкими мне людьми не

---

* Этот рассказ основан на переписке Левы с отцом и показаниях Левы французской следственной комиссии, которая в 1937 году вела расследование, готовя контрпроцесс в Мексике. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Э. Волленберг, бывший издатель «Rote Fahne» и руководитель «Rotfrontbund», пишет: «В начале 1933 года Зиновьев сказал мне: «Не считая германских социал-демократов, Сталин несет главную ответственность перед историей за победу Гитлера» // *Wollenberg E.* The Red Army. London, 1940. P. 278.

*** Б.-О. 1932. Март. № 27. С. 4—6.

раз оценивали Сталина и оценивали без иллюзий». Он обращался к окружению Сталина, «аппаратчикам». Он взывал к их совести, но также и к их интересам. Троцкий стремился убедить их, что они ничего не выиграют, но много проиграют при сталинской автократии. Он ярко рассказал об унижении, которому Сталин подвергал их и всю партию:

«Вы начали борьбу с «троцкизмом» под флагом «старой большевистской гвардии». Мнимым, вами же выдуманным претензиям единоличного руководства со стороны Троцкого вы противопоставляли «коллективное руководство ленинского ЦК». Что сохранилось от коллективного руководства и что осталось от ленинского ЦК? Независимый от рабочего класса и партии аппарат подготовил независимую от аппарата диктатуру Сталина. Сейчас поклясться в верности «ленинскому ЦК» означает почти то же, что открыто поднять знамя восстания. Единственно допустимая ныне формула верности есть клятва именем Сталина. Оратор, пропагандист, журналист, теоретик, педагог, спортсмен обязан включить в свою речь, статью или лекцию фразу о безошибочности политики ЦК «под руководством Сталина», т. е. о непогрешимости Сталина, севшего верхом на ЦК. Это значит, что каждый партийный и советский работник, от председателя Совнаркома до скромного волостного канцеляриста, дает гласную, перед лицом всей страны, клятву в том, что, в случае расхождения между ЦК и Сталиным, он, нижеподписавшийся, поддержит Сталина против ЦК.

Сталин подавлял собственную фракцию, которая помогла и помогала ему подавлять всех его противников. Внутри собственной фракции он создал еще более узкую личную фракцию, работающую при помощи тайных агентов, паролей, шифров и т. д. Он всеми силами стремится окончательно уничтожить оппозицию. Отсюда указ от 20 февраля, чтобы развязать руки для сведения счетов с собственными сторонниками и окружением. «Аппаратчики» должны в собственных интересах отказаться идти за Сталиным. Только так они могут спасти себя.

«Сила Сталина всегда была не в нем, а в аппарате... Отделенный от аппарата, противопоставленный аппарату Сталин — ничто, пустое место... Надо довериться рабочему классу и его действительной, а не поддельной партии.

Вы хотите по этому пути идти дальше! Но дальше нет пути. Сталин завел вас в тупик. Надо пересмотреть всю советскую систему и беспощадно очистить ее от накопившегося мусора. Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: *убрать* Сталина».

В данном случае Троцкий обращался, притом подчеркнуто, к руководителям сталинской бюрократии, а не к рядовым большевикам. Обязавшийся работать в пользу реформы правящей партии,

а не добиваться ее ниспровержения, Троцкий должен был апеллировать к ним, ибо только Центральный Комитет, состоявший почти целиком из сталинистов, мог начать реформу на конституционных принципах. Троцкий, в сущности, подталкивал руководителей старой сталинской фракции начать — и это в 1932 году! — десталинизацию, которую некоторые из них принялись проводить через 20 с лишним лет, после смерти Сталина. Этот призыв, хотя ему так никто и не последовал, никоим образом не был безосновательным, ибо конфликт между Сталиным и его старыми сторонниками для большинства из них закончился фатально. Троцкий, наблюдая за их конфликтом, никоим образом не склонен был преуменьшать его значения, хотя фактически делал это в некоторых других полемических работах. Это был, как мы знаем, самый опасный и мрачный период в советской истории, когда нация почувствовала всю силу катастрофы в сельском хозяйстве и голода и когда хаос инфляции грозил подорвать трудное развитие промышленности. «Неудачи и провалы нагромождались друг на друга. Популярность Сталина упала почти до нуля. Он напряженно наблюдал за волнами поднимавшегося недовольства, которые бились о стены Кремля» — так мы описали этот момент в другой книге *. Недовольство, следует добавить, не только билось о стены Кремля, оно пробивало их.

Разногласия между Сталиным и его окружением проявились уже в 1930 году, когда в статье «Головокружение от успехов» он демонстративно отказался от использования насилия при коллективизации и через голову Центрального Комитета предстал перед страной как единственный защитник крестьянства. Центральный Комитет запротестовал. Сталину пришлось сказать нации, что весь ЦК, а не только он один призывает положить конец произволу. Следующий раунд разногласий явился результатом того, что в том же году впал в немилость Ярославский. Он был одним из столпов сталинской фракции, наиболее яростным охранителем ее ортодоксальности, автором учебника по истории партии — шедевра фальсификации, который приветствовали как надежное руководство в доктринерском лабиринте внутрипартийной борьбы и который вбивали в головы партийцев. Сталин вдруг обнаружил, что учебник изобилует ересями, и приказал изъять его. Ярославский, написавший книгу в 20-е годы, не мог довести ее до такого пункта, который устраивал бы Сталина в 1931 году. Фальсификаторы истории не работают в вакууме. Масштабы фальсификации зависят от того, насколько забвение, создаваемое самим ходом времени, безразличием и предшествующими фальсификациями, уже затмило умы людей и события. В 20-е годы Ярославский был вынужден счи-

* *Deutscher J.* Stalin. P. 332.

таться с тем фактом, что многие читатели имели еще довольно свежие воспоминания о годах революции и гражданской войны. В 1931 году Сталин потребовал куда больше фальсификации. По мере того как он усиливал свою власть, ему нужно было, чтобы ткань истории перекраивалась по его фигуре. Несколькими годами ранее для любого сталинистского сочинения было достаточно осудить Троцкого как «уклониста» от большевизма и превознести Сталина как надежного толкователя ленинизма. Теперь автор любого учебника был обязан заклеймить Троцкого как человека, всегда являвшегося ярым контрреволюционером, говорить о нем как о предателе, даже в бытность его председателем Петроградского Совета и наркомом обороны, заставить людей забыть, что негодяй когда-то занимал такие высокие посты, облачить Сталина во все величавые одежды, содранные с Троцкого, и вне всякого сомнения установить апостольскую преемственность Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Эту фальсификацию нужно было доводить до столь крайних пределов не в интересах сталинской фракции в целом, а только в интересах автократии Сталина. Учебник Ярославского отражал точку зрения сталинистов в то время, когда они относились к Сталину как к первому среди равных. В книге, следовательно, превозносился сталинизм, но не прославлялся сам Сталин и его сверхчеловеческий гений, позволивший ему возвыситься над собственной фракцией. Ярославскому поэтому задали трепку. Однако это вызвало такой ужас среди самых правоверных сталинистов, что вскоре опала с Ярославского была снята *.

Более драматичным оказалось снятие также в 1931 году Рязанова с поста директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Прославленный ученый-марксист давно отошел от политической деятельности и, несмотря на старую дружбу с Троцким, вел себя в отношении Сталина вполне лояльно, посвящая всю свою энергию богатым архивам и библиотеке института. Однако одно присутствие Рязанова в институте обеспечивало сохранение научной традиции классического марксизма как раз в то время, когда Сталин хотел превратить институт в храм личного культа. Рязанова поэтому прогнали и выслали из Москвы под тем предлогом, что он вступил в заговор с меньшевиками, чтобы скрыть некоторые из неопубликованных работ Маркса **.

* Автор в это время находился в Москве и слышал много взволнованных рассказов об этом ужасе, охватившем самых «ортодоксальных» партийцев.

** О защите Троцким Рязанова см. в Б. О. 1931. Май — июнь. № 21—22. В качестве директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса Рязанов сделал больше, чем кто-нибудь другой, чтобы собрать в институте рукописи Маркса и Энгельса. Он получил среди других рукописей несколько писем Маркса Каутскому [22], которые Каутский передал на том условии, что некоторые из них, содержащие кри-

В связи со всем этим находились и пресловутые нападки Сталина на редакторов журнала «Пролетарская революция», которых он обвинил в протаскивании «троцкистской контрабанды». Журнал опубликовал историческую статью о позиции большевиков до 1914 года в отношении Розы Люксембург [23], отдав должное ее достоинствам революционерки и сторонницы Маркса. В этом не было ничего необычайного, ибо со времени убийства Люксембург в 1919 году коммунисты регулярно и торжественно воздавали должное ее памяти. С 1924 года годовщины смерти Ленина, Люксембург и Либкнехта ежегодно отмечались одной торжественной церемонией «трех Л». Сталин теперь осудил идеи Люксембург как внутренне враждебные большевизму и сходные с троцкизмом. Сходство было несомненным. Однако до тех пор сталинисты боролись против живого лидера оппозиции, а не против тени, и Сталин заподозрил, что, воздавая должное тени, делается попытка тайком реабилитировать Троцкого.

«Я думаю,— писал Сталин,— что на зтот путь толкнул ее [редакцию] гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение. Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. Отсюда — некоторый либерализм в отношении троцкистов и троцкистски-мыслящих людей. Едва ли нужно доказывать, что такой взгляд на троцкизм является глубоко ошибочным и вредным. На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма... Вот почему либерализм в отношении троцкизма... есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу» *.

Сталин теперь столкнулся не только с «гнилым либерализмом» в собственном окружении. Он должен был справиться с прямыми вызовами. В Центральном Комитете и вокруг него возникли новые группы недовольных. Дело Рютина, Слепкова, Сырцова и Ломинадзе к зтому времени тянулось уже больше двух лет. Все четверо были поочередно сняты с постов, осуждены, наполовину реабилитированы и вновь заклеймены как заговорщики. Сталин и Центральный Комитет не могли прийти к решению относительно степени вины зтих людей и мер наказания. В 1932 году

тические замечания в его адрес, не будут опубликованы при его жязни. Рязанов, дав слово, воздержался от их публикации, и никто не использовал этого факта против него, пока Сталиау не понадобялся предлог для изгиания его из института я дискредитацяи.

* *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 98—99.

были разоблачены несколько новых «заговорщических групп»: группа под руководством бывшего наркома сельского хозяйства А. Смирнова, наркома снабжения Эйсмонта, наркома транспорта Толмачева; другая группа в составе Конора, Коварского и Вульфа была обнаружена в Наркомате сельского хозяйства, а «оппозиционная сеть» выявлена в профсоюзах и различных наркоматах *. Руководители этих групп не принимали участия в сколько-нибудь реальных заговорах. Те из них, кто были членами Центрального Комитета, использовали свое положение и право, пытаясь убедить коллег, что политика Сталина губительна, что он виновен в злоупотреблениях властью и что Центральный Комитет должен снять его с поста генерального секретаря. Они распространяли документы по этому поводу и пытались получить моральную поддержку прежних оппозиций. Так, Рютин искал совета Зиновьева и Каменева, в то время как Эйсмонт и Толмачев обращались к Томскому и Рыкову. В 1931—1932 годах Сталин оказывал давление на Политбюро и Центральный Комитет, требуя предоставления ему полной свободы в отношении этих критиков. Он встретил сопротивление в ЦК, и даже ГПУ не рвалось в бой **.

Лишь после множества оттяжек Сталин сумел в ноябре 1932 года и в январе 1933 года исключить некоторых недовольных и обрушить новую анафему на Зиновьева и Каменева, которых снова выслали из Москвы, на этот раз в Сибирь. Во время второй ссылки Зиновьев якобы заявил, что величайшей ошибкой его жизни, большей, чем выступление против Ленина в дни Октябрьской революции, было решение дезертировать от Троцкого и капитулировать перед Сталиным в 1927 году. Вскоре после этого Преображенский, Иван Смирнов, Мрачковский, Муралов, Тер-Ваганян и многие другие капитулянты были снова исключены из партии и брошены в тюрьму. С ними обращались с еще большей жестокостью, чем с капитулировавшими оппозиционерами. К концу года казалось, что оппозиция вернула себе почву, выбитую у нее из-под ног в 1927 году. В одном отчете того времени так описываются результаты преследования капитулянтов: «Старые революционеры, опытные политики сделали попытку найти общий язык с аппаратом. Опыт длился около четырех лет и привел к разрыву. В

* *Popov N.* Outline History of the CPSU (b). London. n. d. Vol. 2. P. 391, 399, 418—419, 434; КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 742. Дела этих «уклонистов» были предметом различных «признаний» во время московских процессов 1937—1938 гг. См. стенографические отчеты этих процессов. См. также: *Serge V.* Memoires d'un Revolutionnaire. P. 280—281; Б. О. № 31.

** В своей секретной речи иа XX съезде Н. Хрущев предал гласности телеграмму, которую Сталин и Жданов [24] послали 25 сентября 1936 г. в Политбюро, упрекая ГПУ за то, что оно «запоздало на 4 года» с «разоблачением» троцкистско-зиновьевских заговоров//*Khrushev N.* The Dethronoment of Stalin («Manchester Guardian» edition of the «secret» speech at the XX Congress). 1956. P. 12.

свое время во всех ячейках партии разъясняли, что «все старые большевики порвали с оппозицией» и что это одно означает ее конец. Этот довод производил несомненно большое впечатление на широкие круги партии. Теперь аресты бывших левах оппозиционеров производят еще большее впечатление, но только в обратном направлении: «значит, говорят многие, левая оппозиции доказала на деле свою правоту, если к ней возвращаются все те, кто отходил от нее» *. В действительности они возвращались не по собственной воле. Сталин выгнал их из партии, ибо опасался их присутствия там в начальной фазе конфликта с собственными сторонниками и развала собственного окружения. Как раз во время второй ссылки Зиновьева и Каменева вторая жена Сталина Надя Аллилуева [25] совершила самоубийство. Она не могла вынести, как ее муж вершит дела партии и государства.

Таковы были обстоятельства, в которых Троцкий побуждал окружение Сталина выполнить наконец завещание Ленина и переместить Сталина. Со стороны Троцкого это не было простой реакцией на указ, лишавший его гражданства. Он считался с возможностью того, что автократические претензии Сталина в конце концов возмутят членов правящей группы и заставят их восстать в интересах самообороны. Если учесть, что в последующие пять или шесть лет Сталин приказал казнить 98 из 139 членов и кандидатов Центрального Комитета (и 1108 делегатов из 1966 присутствовавших на XVII съезде партии) и таким образом истребил большинство сталинистских «кадров», почти три четверти элиты, тогда можно признать, что, обращаясь к этим кадрам, Троцкий имел достаточно оснований не только ссылаться на свои интересы, интересы оппозиции и партии, но также указывать на соображения их собственной безопасности. «Спасайте себя! Это ваша последняя возможность!» — в сущности, он говорил это всем сталинцам, которые вскоре пали жертвами сталинского террора. Он побуждал людей типа Хрущева и Микояна «очистить советское государство от грязи, которая переросла его», за 24 года до того, как они были готовы приступить к этому, а ведь в то время нужно было вычистить значительно меньше грязи, чем накопилось позднее. Он, конечно, знал, что если бы они даже решились выступить против Сталина, то действовали бы нерешительно, удерживаемые тысячами соображений. Тем не менее Троцкий предвидел объединенный фронт с ними, предлагая им свою решительную поддержку, убежденный, что стоит движению против Сталина начаться, как он со своими сторонниками окажется на авансцене **.

---

* См. письма из Москвы в Б. О. 1932. № 33. С. 24.

** См. Б. О. № 27. В 1932 г. Троцкий часто возвращался к этой теме в переписке с Левой.

Троцкий делал все возможное, чтобы вдохновить недовольных Сталиным. Лева, находившийся в Берлине, поближе к смятению в Москве, особенно старался, чтобы дело получилось. Сообщения из Москвы свидетельствовали, что недовольство среди сталинцев нарастает, идут разговоры о необходимости «убрать Сталина». Но в тех же сообщениях указывалось, что недовольные Сталиным ужасались от одной мысли о возвращении Троцкого. «Если Троцкий вернется,— говорили они,— он перестреляет всех нас». Или: «Он отомстит за все, что мы сделали ему и его последователям, и расстреляет тысячи из нас». Сталин использовал этот страх и раздувал его. «Это указывает линию, которой мы должны следовать,— писал Троцкий сыну.— Никоим образом мы не должны пугать лозунгами или формулировками, которые можно истолковать как выражающие любое намерение... отомстить. Чем ближе схватка... тем мягче и примирительнее должны мы говорить, хотя мы, конечно, не должны идти ни на какие компромиссы в принципиальных вопросах» *. В «Бюллетене оппозиции» и в специальной листовке, предназначенной для распространения в России, Троцкий так пытался успокоить боявшихся его мести:

«Разумеется, бонапартистскому режиму единого вождя и принудительно обожающей его массы должен быть и будет положен конец, как самому постыдному извращению идеи революционной партии. Но дело идет не об изгнании лиц, а об изменении системы.

Именно сталинская клика неутомимо пускает слух о том, что левая оппозиция вернется в партию не иначе, как с мечом в руках и что первым ее делом будет беспощадная расправа над фракционными противниками. Нужно опровергнуть, отвергнуть и разоблачить эту отравленную ложь. Месть не есть политическое чувство. Большевики-ленинцы никогда не руководились ею и меньше всего собираются руководиться в будущем. Мы слишком хорошо знаем те исторические причины, которые загнали десятки тысяч партийцев в тупик...

Мы готовы работать рука об руку с каждым, кто хочет предотвратить катастрофу через восстановление партии» **.

Однако это был 1932 год, а не 1953-й или 1956-й годы. Несмотря на признаки, как будто предвещавшие движение против Сталина, оно никак еще не материализовалось. «Аппаратчики» были неспособны подняться против своего вождя. Страх перед возвращением и местью Троцкого не был самой важной причиной, удержавшей их от действия. Они потеряли способность действовать из-за распада сталинской фракции. Сталин господствовал над

---

* Письма Троцкого Леве 17, 24 и 30 октября 1932 г.

** Б. О. 1932. № 33. С. 9—10.

ними, разделяя их, создавая соперничающие кружки и формируя свою преторианскую гвардию, члены которой не знали приверженности к прежним товарищам, а с готовностью поддерживали его личное правление. Это был «тайный штаб», работавший через собственных агентов с помощью «тайных паролей и шифров», о которых писал Троцкий. Это были «пятерки», «шестерки» и «семерки», которые, по словам Хрущева, Сталин создал в Политбюро и Центральном Комитете и через которые он обессилил эти партийные органы. Искусство в захвате власти не подвело его в удержании ее. Он умел заметить любое враждебное движение в Центральном Комитете перед тем, как оно успевало распространиться. Ни одна группа недовольных, даже состоявшая из самых влиятельных сталинистов, не могла выступить с какой-либо критикой и попытаться оказать влияние на других в иерархии, ибо стоило им встать на этот путь, как их немедленно «разоблачали» и клеймили как предателей.

Однако тайные кружки, «пятерки», «шестерки» и другие заговорщические ухищрения Сталина значили бы немного, если бы недовольные не были парализованы страхом, связавшим руки всем предшествующим оппозициям. Они боялись, что любые действия против Сталина могут оказаться сигналом для взрыва народного недовольства и подготовят почву для контрреволюции, которая поглотит вместе со Сталиным всех его противников-большевиков. Этот страх преследовал и Троцкого. Он все еще не видел разрешения дилеммы, мучившей его в 20-е годы. Вскоре после того как он обратился со своим драматическим посланием, заключив его словами «убрать Сталина!», Троцкий передумал. В октябре 1932 года он писал сыну:

«Лозунг «убрать Сталина!» правилен в определенном конкретном смысле [в смысле, в котором Ленин использовал его, советуя Центральному Комитету избрать другого генерального секретаря]... Если бы мы были теперь сильны... не было бы решительно никакой опасности в выдвижении этого лозунга. Но в настоящее время Милюков [26], меньшевики и термидорианцы всех оттенков... с готовностью эхом откликнутся на лозунг «убрать Сталина!». В течение нескольких месяцев еще может случиться, что сталинцам придется защищаться против давления термидорианцев, и нам придется временно поддерживать его. Эта стадия у нас пока не позади... Поскольку это так, лозунг «убрать Сталина!» двусмыслен и его не следует выдвигать как наш боевой клич в этот момент» *.

В то же время Троцкий заявил в «Бюллетене оппозиции», что если бюрократическое равновесие в Советском Союзе [т. е. прав-

---

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

ление Сталина] было бы в настоящее время опрокинуто, это почти наверняка оказалось бы на руку силам контрреволюции.

Для недовольных сталинистов в Москве, не говоря уже о капитулянтах, этот эвфемизм означал совет не бороться. Если сам Троцкий считал лозунг «долой Сталина!» слишком опрометчивым *, то тем более рискованным он представлялся им. Тогда что же им оставалось делать? «Вы хотите по этому пути идти дальше! Но дальше нет пути,— сказал им Троцкий в марте.— Сталин завел вас в тупик». Они теперь увидели, что не было и пути назад, и единственное, что они могли сделать,— попытаться выжить в тупике, надеясь, что время и развитие страны выведут их из него. Они заключили, что пока следует склониться перед неизбежным, и они склонились на два десятилетия, до самой смерти Сталина.

* * *

Зиновьев или Каменев как-то сказали Троцкому, что Сталин будет мстить ему, его детям и внукам вплоть «до третьего и четвертого колена». Теперь, действительно, эта библейская месть ударила по семье Троцкого. Указ, лишивший Троцкого советского гражданства, лишил его тех родственников, которые разделяли с ним ссылку, запретив им возвращение в Советский Союз. Это немедленно затронуло Зину. Она оказалась отрезанной от мужа и маленькой девочки, не надеясь никогда увидеть их снова.

Зина провела больше четырех месяцев в столице Германии. Незнакомый Берлин и политическая драма, разразившаяся там, сначала настолько поглотили ее, что, к удовлетворению врачей, казалось, она восстановила душевное равновесие. Но улучшение было поверхностным, и врачи, возможно, были введены в заблуждение тем, что гордая пациентка не обнаруживала перед ними своего истинного душевного состояния. Она упорно отказывалась от психоаналитического обследования. «Доктора только запутывали меня,— признавалась она позднее,— но я запутывала их, бедных, значительно сильнее». Душевное напряжение Зины не ослабевало. Ее восхищение отцом по-прежнему никак не совмещалось с ее обидами. В мыслях и переписке она возвращалась к последнему расставанию с отцом, негодовала по поводу непривычной холодности, отдаленности и олимпийского превосходства отца. Она размышляла над его словами: «Ты удивительный человек. Я никогда не встречал никого, подобного тебе». Непонятная суровость больно колола Зину. Она жаждала более теплой переписки, а отец отвечал редко, по крайней мере реже, чем ей хотелось. В письмах,

* Интересно отметить, что частично по наущению Левы Троцкий стал отвергать собственный лозунг «долой Сталина!».

хотя и полных заботы о ней, она ощущала его холодность и отчуждение.

К этому прибавились раздоры с Левой. Она не могла поладить с ним, хотя в Берлине у нее, за исключением брата, не было ни одного близкого человека и отец просил их поддерживать друг друга при затруднениях. Зина упрекала и Леву за отсутствие сострадания и при каждом появлении его испытывала мучительную ревность. «Каждый раз, когда я вижу его,— писала она вскоре по приезде в Берлин,— я чувствую нервное напряжение» *. Зина избегала встреч с братом, а он в любом случае был слишком занят политической работой и учебой. Сама занятость, объяснявшаяся тесной близостью с их отцом, возбуждала у нее зависть: она противопоставляла ей собственную «пассивность и бесполезность», высмеивая себя, как «Зину-тунеядца».

Указ, лишивший ее возможности вернуться в Россию, углубил одиночество и ощущение отсутствия безопасности. Отец посоветовал спокойно и уверенно протестовать в советское посольство. Быть может, если в Москве поймут, что она не занимается политической деятельностью, а только лечится, ее исключат из действия указа **. Мы не знаем, последовала ли она этому совету, но ей не вернули советского гражданства. Между тем врачи пришли к заключению, что для выздоровления она должна вернуться к семье в Россию и по возможности скорее возобновить нормальную жизнь в привычном окружении. Именно этого Зина не могла сделать. Изгнанная, одинокая в громадном чужом городе, чувствуя отчуждение от половины семьи и упрекая себя за то, что бросила другую половину, она чувствовала себя все хуже. Нервные припадки и приступы рассеянности стали более частыми. Ей пришлось неохотно вернуться на кушетку психоаналитиков, на которую ее забросила судьба и откуда ей оставалось лишь быть свидетелем политического безумия нации.

В письмах Зина рассказывала о несчастьях и муках Германии, пересыпая свои наблюдения острыми замечаниями и язвительным юмором. Когда она в первый раз писала отцу, сообщая о том, что мучается, будучи отрезанной от России и родственников там, она также написала, что в равной степени на нее произвели тягостное впечатление «красный референдум», смятение и деморализация германского рабочего класса ***. Она с жадностью следила за развитием «германской кампании» Троцкого, но удовлетворение по поводу ее снижалось из-за ощущения того, что она исключена из

* См., например, письма и открытки Зины отцу от 26 февраля, 30 мая и 7 июня 1932 г.

** См. переписку Троцкого с детьми в марте 1932 г.

*** См. письмо Зины от 26 февраля 1932 г.

его работы и политических интересов: «Нет смысла переписываться с папой... этим Фомой неверующим,— заметила она в письме,— он все выше поднимается в заоблачную высь высшей политики... а я в основном погружена в психоаналитическое свинство» *. Ее видение картины политического брожения усиливалось конвульсивным прозрением собственного безумия. В ее письмах есть богатые по содержанию, саркастические фразы, как будто сошедшие с пера отца. Как рефрен повторяется в переписке образ голодного и пьяного Берлина, полного грохота тяжелых сапогов и находящегося во власти отчаяния и жажды крови. «Берлин поет... все время, часто голосом, охрипшим от пьянства или голода... Это веселый город, действительно очень веселый... Подумать только, старик Крылов опрометчиво заметил, что никто не может петь на голодный желудок» **.

Обреченный город околдовал ее. Она привязалась к Берлину, как будто принадлежала ему. Она переживала с ним все волнения. В начале июня 1932 года, когда гитлеровские штурмовики, не испугавшиеся запрещения Брюнинга, вновь торжествующие появились на сцене, Лева посоветовал ей уехать из Берлина, перебраться в Вену и там в более спокойной атмосфере продолжить психоаналитическое лечение. Поскольку ему самому полиция чинила неприятности, Лева боялся, что возьмутся и за Зину. Она не посчиталась с его советом, высмеяла его страхи и жаловалась на Принцевы острова, что покровительство Левы надоело ей. Когда отец повторил совет Левы, она ответила удивительно почтительно, объявив, что даже не осмеливается протестовать, а затем написала о своей любви к Берлину и отказалась выехать. Ее унижала даже забота отца и брата. Разве не отец множество раз говорил, что судьба Европы, нет, судьба человечества решается в Берлине на десятилетия вперед? Разве не поэтому он хотел, чтобы Лева находился там? Разве не он отказался принять на работу немецкого троцкиста в качестве секретаря, заявив, что было бы позором, если бы в такое время хоть один из его приверженцев ушел с поля политической битвы? Тогда почему ее просят уехать? Она чувствовала себя отвергнутой и униженной **.

Одиночество подтачивало ее. Врачи попросили, чтобы по крайней мере к ней привезли мальчика, оставшегося на Принцевых островах, чтобы занять ее заботами. Однако указ затронул и ребенка. В возрасте шести лет Сева стал «политическим эмигрантом без гражданства», официально зарегистрированный в качестве такового, представляя целую проблему для консулов, дававших

---

* Письмо от 30 мая.

** Письма от 7 июня и 17 августа 1932 г.

*** Там же.

въездные и выездные визы. Просьбы о въезде Севы отвергались на том основании, что он мог ехать только с одним из родителей или с дедом или бабкой. Мальчика расстраивали отсутствие матери и письма от нее, где Зина умоляла не забывать мать и обещала скоро вернуться. С трудом ее убедили больше не писать таких писем. Теперь ожидание воссоединения семьи сказалось и на нервах ребенка и всей семьи.

В бедственном положении Зина все меньше была способна заботиться о себе, даже должным образом распоряжаться ежемесячно высылавшимися деньгами *. Она упрекала себя за то, что обременяет отца, переехала в дешевый пансион, где жила среди бродяг и жуликов и часто разнимала их во время драк. Любая попытка брата или отца вытащить ее оттуда и вести за нее ее денежные дела вызывала у нее негодование и провоцировала нервные припадки. После одного из таких припадков она написала сердитую открытку отцу, упрекая его за припадок и прося оставить ее в покое **.

Страдания Зины и напряжение, которое они создавали для Троцкого, в какой-то мере омрачили его отношения с Левой, от которого он ожидал проявления большей терпимости и любви к ней. Однако его зависимость от Левы все больше возрастала. Троцкий не хвалил его вслух за руководство выпуском «Бюллетеня оппозиции» и политическую деятельность. Он по-прежнему поверял ему свои сокровенные мысли, советовался и просил критически относиться к его действиям. Троцкого трогала самоотверженность и верность Левы, и он получил тому тысячи доказательств. (Он беспрестанно упрекал Леву за чрезвычайную скрупулезность в денежных тратах и за то, что тот расходует деньги, высылаемые ему на жизнь, для издания «Бюллетеня оппозиции» ***.) Однако вновь и вновь Троцкий подозревал, что согласие во взглядах и идеях проистекает лишь из сыновьего пиетета, который был приятным, но и раздражающим. Чем больше уставал Троцкий в работе, тем более требовательным, даже чудовищно требовательным становился он к сыну. Одиночество и изоляция, свидетельствует Наталья, проявлялись в нетерпении, с которым Троцкий ожидал писем от Левы. Когда в течение нескольких дней из Берлина не было почты, Троцкий гневался, обвинял Леву в безразличии и даже оскорблял его. Затем сердился на себя, жалел сына и становился еще более раздражительным ****.

---

* Именно так Лева описал ее положение в письме отцу от 26 ноября 1932 г.

** Зина — Троцкому 5 и 24 октября 1932 г.

*** См., например, письмо Троцкого от 11 мая 1932 г.

**** Это описание основывается на переписке Натальи, особенно на ее письме к Леве от 27 июля 1932 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

Личные затруднения Левы были достаточно велики. Из Москвы жена писала тяжелые письма о сломанной жизни и несчастье ребенка. Она напомнила Леве, что он уехал за границу вопреки ее протестам и слезам, чтобы быть при родителях и защищать отца. Теперь он не был ни с родителями, ни с женой и ребенком. Было бесполезно объяснять ей, какая судьба ожидает его в России,— она была простая работница, больная, жившая в бедности и отчаянии и грозившая покончить с собой *. Лева не мог ничем помочь ей, за исключением посылки денег. Его союз с Жанной Молинье был не намного счастливее. Только преданность делу отца помогала ему отвлекаться от личных неурядиц. Лева неукоснительно выполнял тысячу и одну инструкцию с Принцевых островов, поддерживал связь со всеми рассеянными троцкистскими группами, давил на русских издателей, чтобы своевременно выпускался «Бюллетень оппозиции», следил за тем, чтобы актуальные брошюры отца оперативно переводились на немецкий язык и выходили в свет, торговался с литературными агентами и часами зачастую голодный бродил по улицам Берлина в надежде встретить соотечественника, приехавшего по делам за границу, или западного туриста, направлявшегося в Россию, чтобы получить информацию или передать послание. Сверх всего, он педантично продолжал занятия математикой и физикой, а по ночам писал письма родителям. Ничто не могло так огорчить Леву, как дурное настроение отца или любой намек на то, что сын не оправдывает ожиданий отца. Ему было трудно рассеять его недовольство, объяснить, что произошло, просить объяснения или извиняться. Он жаловался и поверял свои горести только матери.

Наталья, слабая и страдающая женщина, попавшая в опасный и заколдованный круг эмоций Зины, разрывавшаяся между мужем и сыном, делала все, что могла. Она была достаточно умна и ясно представляла себе трудности каждого из членов семьи. У нее хватало любви для каждого и твердости, чтобы поддерживать всех. В письмах Леве она объясняла затруднения Зины, вновь и вновь рассказывала Леве и Зине о невыносимом напряжении, в котором живет их отец, настоящий герой в борьбе против враждебного мира,— и разве удивительно, что время от времени в кругу семьи ему не хватает выдержки? «Беда с отцом, как вы знаете, не по большим вопросам, а по мелочам». В крупных проблемах у него бесконечное терпение, а по тривиальным он легко раздражается и даже взрывается. Она умоляла детей никогда не забывать об этом и не сомневаться в глубокой и страстной любви родителей к ним. «Ваша боль — боль всех нас троих»,— писала она Леве, умоляя

* Ее письмо, где сказано об этом, хранится в семейной переписке в *Закрытой секции Архива Троцкого.*

чаще присылать письма отцу и писать «вдохновляющие» письма, а также быть более мягким и внимательным к Зине. Однако временами удары были слишком тяжелыми для твердой духом Натальи. «Что делать — ничего не поделаешь». Эти печальные слова нередко встречаются в ее письмах к Леве. Однажды она призналась ему: «Я пишу тебе, как и ты, с закрытыми глазами и упрятанными чувствами» *.

* * *

Наступил конец лета 1932 года. Прошло три с половиной года с приезда Троцкого на Принцевы острова. Все это время он напряженно работал в самых разных направлениях, не игнорируя ни одного из корреспондентов, наполняя страницы «Бюллетеня оппозиции» и написав помимо дюжины небольших книг и брошюр мемуары «Моя жизнь» и три больших тома «Истории русской революции». (Троцкий отослал последнее приложение, завершавшее третий том, Александре Рамм 29 июня.) Это были годы титанического труда, ибо, презирая легкую литературную работу, он неоднократно переделывал почти каждую главу каждой из своих книг, терпеливо просиживая над каждой страницей, почти каждой фразой.

Напряженный труд утомил его. Его голова была полна новыми литературными планами: он намеревался написать историю гражданской войны, о жизни Ленина, о жизни Маркса и Энгельса и другие книги. Однако обстоятельства не благоприятствовали началу крупной работы. Он нуждался в отдыхе. Все чаще негодовал по поводу заключения на Принцевых островах **. Политические события не давали ему покоя. Новости из России выводили его из себя. В Германии социалисты и коммунисты двигались по избитым дорогам к пропасти. Кампания Троцкого не производила никакого эффекта. Сила троцкистской группы была более чем незначительной, а в международной организации оппозиции нарастали трудности: в Секретариате в Берлине братья Соболевичусы, которые совсем недавно поддерживали его в споре против ультралевого «Ленинбунда», теперь встали на тревожно примирительную позицию в отношении сталинизма. Если бы он мог выбраться с этого прекрасного и проклятого острова и оказаться ближе к основному течению политической жизни и цивилизации!

В начале осени датские социал-демократические студенты пригласили Троцкого в Копенгаген выступить с лекцией по случаю

* Многие письма Натальи не имеют дат.

** Во время пребывания на Принцевых островах Троцкий ездил в Константинополь раз или два посмотреть на собор св. Софии и к зубному врачу.

XV годовщины Октябрьской революции. Троцкий и раньше получал немало таких приглашений, но не было никаких шансов на поездку в Европу *. Хотя Троцкий сомневался, чтобы датское социал-демократическое правительство дало ему визу, на этот раз он принял приглашение. Когда он получил визу, то немедленно занялся подготовкой к отъезду. В глубине души у него теплилась смутная надежда на то, что возвращаться будет излишне, хотя он осмотрительно заручился разрешением турецких властей на обратный въезд. Троцкий и Наталья также надеялись взять Севу в Копенгаген, а оттуда отправить его к Зине. Однако они не могли получить документы для проезда ребенка и вынуждены были оставить его на Принцевых островах на попечение одного из секретарей.

14 ноября в сопровождении Натальи и трех секретарей Троцкий отплыл из Константинополя. Он зарегистрировался как пассажир без гражданства г-н Седов, но инкогнито не смогло защитить его от любопытства публики. Оно только усилило ореол тайны и скандальности, окружавшей его. «Правда», перефразировав Бернарда Шоу, смеялась над «сбежавшим львом», и насмешка ненамеренно передала в определенной степени нервозность, с которой правительства, полиция и печать многих стран наблюдали за поездкой Троцкого. Если бы он пересекал Европу как глава реального и могучего заговора и имел множество сторонников, приветствующих его, путешествие не могло бы вызвать больше смятения, чем поездка в Копенгаген, когда он ехал парией, не имея защиты ни одного правительства, сопровождаемый лишь пожилой больной женщиной и немногими молодыми приверженцами, и когда его единственная цель заключалась в прочтении лекции. Дикие слухи обгоняли Троцкого. Газеты спекулировали по поводу действительной цели поездки. Они не сомневались, что лекция — пустой предлог. В некоторых газетах указывалось, что Троцкий должен тайно встретиться где-то в Европе с посланцем Сталина, другие утверждали, что Троцкий завершает последнюю подготовку заговора против Сталина. В греческих и итальянских портах репортеры осаждали его, но Троцкий отказался говорить с ними. Ему не разрешили посетить Афины. В Неаполе он сошел с корабля и под конвоем полиции посетил развалины Помпеи. Французы запретили ему сойти в Марселе. В открытом море полиция приказала Троцкому пересесть на маленький катер, который привез его на крошечный островок около Марселя, где он и сошел на берег. Его провезли через Францию на автомобиле и в поезде, позволив лишь на час остановиться в Париже. В результате репортеры, преследовавшие его от Марсе-

---

* Между прочим, группа студентов из Эдинбурга попросила его разрешить выставить его кандидатуру на выборах ректора университета. Троцкий вежливо отклонил предложенную честь. *Архив Троцкого.*

ля, смогли поймать его только в Дюнкерке, где Троцкий садился на пароход, отправлявшийся в Данию. Проезжая через Францию, он был объектом проклятий правых газет, авторы передовиц которых были вне себя при мысли, что «брест-литовский предатель», человек, «ограбивший вдов и сирот» французских рантье, получил разрешение ступить на французскую землю. Троцкий попытался успокоить волнение и заверил репортеров, что совершает «строго частное путешествие, не имеющее никакого политического значения» *.

23 ноября Троцкий приехал в Данию, и ему приказали сойти в Эсбьерге, с тем чтобы, как писала «Политикен», он «вошел в Копенгаген через черный ход». Явилась толпа коммунистов, чтобы освистать его. Однако, согласно той же газете, «в момент, когда появился Троцкий, воцарилась глубокая тишина,— осознали историческую личность, а возможно, исторический момент» **. Репортеры отметили «абсолютное спокойствие» Троцкого, нервозность его секретарей и организаторов поездки. Едва Троцкий появился в Копенгагене, как член королевской семьи принц Ааге, повторяя утверждения некоторых газет, осудил «убийцу царской семьи»: датский двор не забыл, что мать последнего царя была датской принцессой. В то же время советский посол выразил озабоченность своего правительства по поводу приезда Троцкого. Социал-демократы тепло встретили Троцкого, однако этой теплоты хватило ненадолго. Поскольку как королевская семья, так и советское посольство продолжали выражать недовольство, социалистические министры, попавшие в затруднительное положение, стали торопить его с отъездом.

Троцкий делал все, чтобы не попадаться на глаза. Он остановился в довольно эксцентричном месте — на вилле, которую Раймон Молинье арендовал у известной танцовщицы, находившейся в поездке,— комнаты были переполнены безделушками, а на стенах висели соблазнительные картины отсутствовавшей хозяйки. Затем одна газета обнаружила местопребывание Троцкого, опубликовав фотографию виллы. Троцкому со спутниками пришлось торопливо перебраться в пансион в предместье. Были многочисленные мелкие инциденты. Автомобиль Молинье, которым пользовался Троцкий, загадочно исчез. Через несколько часов полиция вернула его без объяснений, сняв у владельца отпечатки пальцев. Распространились слухи, что враги Троцкого собирались сорвать собрание, на котором он должен был выступить с лекцией. Все время он находился под охраной как полиции, так и своих приверженцев. Лишь раз или два Троцкий совершил короткую поездку по городу.

* Заявление французской прессе 21 и 22 ноября 1932 г. *Архив Троцкого.*
** Politiken. 24 November 1932. Berlingske Tidende. Informacion. 24 November 1932.

Лекция Троцкого прошла без помех или беспорядков. В течение двух часов он, говоря по-немецки, обращался к аудитории, насчитывавшей примерно 2 тысячи человек. Троцкий говорил о русской революции. Поскольку власти разрешили лекцию на том условии, что оратор будет избегать полемики, Троцкий говорил в профессорской манере, передавая слушателям квинтэссенцию трех томов только что законченной им «Истории русской революции». Сдержанность лектора не скрыла глубины и силы его убеждений. Лекция была оправданием Октябрьской революции тем более эффективным, что она была свободна от апологетики и в ней откровенно признавались частичные промахи и ошибки. Почти через 25 лет присутствовавшие на лекции припоминали ее как шедевр ораторского искусства *. Между прочим, то был последний случай, когда Троцкий лично выступил на большом собрании.

Из других событий во время пребывания Троцкого в Копенгагене можно упомянуть о его интервью и выступлении по-английски по радио для Соединенных Штатов. «Мой английский язык, мой бедный английский язык,— говорил он в этой радиопередаче,— никак не соответствует моему восхищению англо-саксонской культурой». Тем, кто, говоря о движении назад в Советском Союзе и о собственной судьбе Троцкого, отрицал необходимость Октябрьской революции, Троцкий возражал, что «в критике, как и в творчестве, нужна перспектива». 15 лет после Октября были «только минутой на часах истории». Гражданская война в Америке тоже возмущала современников. Однако «из гражданской войны вышли нынешние Соединенные Штаты с их неограниченной практической инициативой, их рационализированной технологией, их экономическим подъемом. Эти достижения... составляют часть основы для будущего общества» **. Он сказал американским интервьюерам, что, хотя кризис 1929 года жесточайшим образом потряс их страну, положение в Соединенных Штатах укрепилось по сравнению с остальным капиталистическим миром. Он заявил французским журналистам, что никогда не откажет Сталину в своем сотрудничестве, если этого потребует защита Советского Союза: *«Политика не знает ни личной неприязни, ни духа мести. Политика знает только эффективность»* ***.

Через четыре года во время великих чисток, на процессе Зиновьева, Каменева и других обвинение основывало решающую часть своих доказательств против Троцкого и подсудимых на ут-

---

* В 1956 г., когда я читал лекцию в Копенгагене, ко мне подошли несколько человек, которые рассказали о памятном собрании 1932 г., на котором они побывали.

** Троцкий произнес речь для «Коламбия бродкастинг систем». Датское радио отказалось транслировать его лекцию. *Архив Троцкого.*

*** Там же.

верждении, что из Копенгагена в последнюю неделю ноября 1932 года он двинул гигантский заговор, приказав своим сторонникам убить Сталина, Ворошилова и других членов Политбюро, проводить саботаж в промышленности, травить массы русских рабочих, подрывать экономическую и военную мощь страны, чтобы восстановить капитализм. Согласно заявлению генерального прокурора Вышинского [27], в Копенгагене в присутствии сына Троцкий принял Гольцмана, Фрица-Давида и Бермана-Юрина — трех человек, сидевших за Зиновьевым и Каменевым на скамье подсудимых, и передал свои приказы через них. Здесь нет нужды подробно опровергать эти обвинения и «признания» подсудимых, которыми они подкреплялись. Преемники Сталина, поддерживавшие эти обвинения в течение двадцати лет, больше этого не делают. На XX и XXII съездах Коммунистической партии Советского Союза Хрущев, которого еще преследовала тень Троцкого, рассказал, как стряпались такие обвинения и как добывались такие «признания». Но даже значительно раньше, во время этих процессов, Троцкий подорвал обвинения прокуратуры, разоблачив их абсурдность и противоречивость. Так, отель «Бристоль», который Вышинский имел неосторожность назвать в качестве штаба Троцкого в Копенгагене, не существовал в 1932 году. Его разрушили за много лет до этого. Лева, о котором Вышинский говорил как о действовавшем в Копенгагене в качестве начальника штаба при лидере террористов, не был с отцом в столице Дании. Троцкий смог бы реконструировать каждый эпизод своей поездки в Данию по своим педантично систематизированным архивам, а также вызвать многочисленных свидетелей, которые дали бы показания в его пользу *.

В Копенгагене Троцкого окружало больше людей, чем обычно. Не считая трех секретарей, приехавших с ним, 25 троцкистов — немецких, французских, итальянских и других — съехались туда, среди них Молинье, Навиль, Снивлиет, французский адвокат Троцкого Жерар Розенталь. Из Гамбурга прибыла группа студентов встретиться с ним и охранять его. Другим визитером был видный немецкий юрист Оскар Кон, соратник Карла Либкнехта и тоже юридический представитель Троцкого в Германии. Присутствие такого числа сторонников дало возможность Троцкому провести неофициальную «международную конференцию», на которой была обсуждена обстановка в Германии и положение дел в различных троцкистских группах. Ничто менее не походило на совещание конспираторов, чем это небольшое собрание восторженных, но довольно бессильных приверженцев крошечной секты. «Каждый говорил бесконечно,— вспоминает единственный английский участ-

* The Case of Leon Trotsky. London, 1937. P. 135—173. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

ник,— за исключением Троцкого, который почти все время напряженно работал в своей комнате, либо писал, либо диктовал» *. Через пять лет каждый из присутствовавших, если он не находился в нацистской тюрьме или в концентрационном лагере, дал свидетельские показания, что ни один из людей, которые, согласно Вышинскому, получали приказы от Троцкого в Копенгагене, не находились там или не могли проскользнуть незамеченными через многочисленную охрану. Единственным человеком, связанным с Россией, которого принял Троцкий, был Сенин-Соболевичус. Он приехал, чтобы очиститься от подозрений в том, что он агент Сталина. Он провел час или два с Троцким, обращавшимся с ним не как с провокатором, а как с политическим противником: в их переписке Соболевичус откровенно и отчасти правильно критиковал Троцкого за недооценку достижений Сталина в области промышленности и долговременного эффекта коллективизации. Насколько можно судить из их последующих писем, встреча в Копенгагене закончилась урегулированием разногласий. В любом случае Соболевичус не выступал свидетелем ни на одном из московских процессов. Равным образом он, вероятно, не сделал никакого другого вклада в эти процессы, ибо если бы поступил так, то дал бы обвинению картину пребывания Троцкого в Копенгагене значительно более реалистическую, чем Вышинский.

Пребывание Троцкого в Дании, таким образом, было в целом бедно событиями. После публичной лекции он выступил лишь раз перед небольшой группой пригласивших его датских студентов. Хозяин дома отметил следующий любопытный инцидент:

«Троцкий с пятью или шестью людьми находился в моем доме, когда внезапно мне позвонил друг, сказавший, что вышла газета, где напечатана телеграмма из Москвы о том, что Зиновьев умер. Троцкий встал, глубоко потрясенный... «Я сражался против Зиновьева...— сказал он,— в некоторых вопросах я был вместе с ним. Я знаю его ошибки, но в этот момент я не думаю о них. Я думаю только о том факте, что всю жизнь он старался работать ради рабочего движения». Троцкий продолжал превозносить в красноречивых фразах память умершего противника и соратника. Было очень трогательно слушать эту торжественную речь в такой крошечной аудитории» **.

Ни одно постороннее лицо, даже друзья и секретари Троцкого не знали о разочаровании и боли, пережитых им в Копенгагене.

* Британским участником, которому я обязан этими впечатлениями, был мистер Харри Уикс. Он собирался передать некоторые тексты Троцкого в СССР через русских моряков, посещавших британские порты. Троцкий дал ему письмо, уполномочивающее его на это.

** The Case of Leon Trotsky. P. 147. Слух о смерти Зиновьева был опровергнут на следующий день.

Для него уже прискорбным был тот факт, что пришлось пересечь всю Европу с надлежащими предосторожностями среди враждебного шума, и все это лишь для того, чтобы прочитать лекцию в Дании, а затем вернуться на Принцевы острова. Троцкий сделал жалкие попытки отсрочить, если не избежать возвращения. Американским журналистам он горько заметил: насколько ему было бы приятнее хоть некоторое время «наблюдать за международной панорамой из Нью-Йорка», как будто смотришь на горизонт «с вершины небоскреба». «Разве это утопия, я спрашиваю вас, мечтать, что я бы мог поработать в одной из величайших американских библиотек два или три месяца? Добрый пример датского правительства, как я надеюсь, не будет утрачен и для других стран» *. «Пример» отнюдь не был поучительным: датское правительство отказало ему в убежище даже на краткий срок. Напрасно Оскар Кон обращался к личному другу, премьер-министру социалисту Стаунингу, напрасно сам Троцкий просил Стаунинга продлить визу на две недели, с тем чтобы он и его жена могли подлечиться в Копенгагене. Напрасно он обращался за шведской визой. В этом ему было отказано якобы из-за возражений советского посла, то была Александра Коллонтай [28], в прошлом лидер Рабочей оппозиции.

Куда более тяжелым, чем окружившая его снова враждебность со всех сторон, было беспокойство о Зине, чье здоровье неуклонно ухудшалось. Вероятно, во время пребывания в Дании Троцкий получил полное трагизма письмо, звучавшее прощальным обвинением. «Ты действуешь,— писала она ему,— слишком нетерпеливо и поэтому иногда необдуманно. Понимаешь ли ты значение того сложного и в то же время элементарного, что является инстинктом и чем нельзя шутить? Кто говорит, что инстинкт слеп? Неверно. Инстинкт имеет удивительно проницательные глаза, которые видят в темноте... преодолевают время и пространство. Не случайно инстинкт является памятью поколений и начинается там, где начинается сама жизнь. Он может направиться к любым целям. Что самое ужасное — инстинкт безошибочно и беспощадно бьет по тем, кто стоит на его пути». Она писала о «предчувствиях», «подозрительных образах» и «ужасно обостренной чувствительности», которые составляют инстинкт, и продолжала: «Тебя не испугает, если я скажу, что был момент, когда я почувствовала, что что-то подобное затронуло меня. Но с ужасающей яростью я бросилась в борьбу. Никто не поддержал меня. Доктора только запугали меня... Знаешь, что поддерживало меня? *Вера в тебя,* несмотря на все, что ясно и очевидно, несмотря на все... А это разве не инстинкт?» **

* Из заявления для американских журналистов. *Архив Троцкого.*

** Письмо без даты, но, по косвенным признакам, написано в ноябре 1932 г.

Лева должен был приехать в Копенгаген, чтобы, помимо всего прочего, посоветоваться с родителями относительно Зины. Однако непреодолимые трудности с паспортом и визой удержали его в Берлине. Между тем он слал тревожные письма о поведении Зины: ее душевное состояние становилось совсем плохим. Если Севу пришлют к ней, она не сможет заботиться о нем. Она все меньше способна заботиться о себе. Он чувствовал беспокойство по поводу ее странной политической деятельности: по всей вероятности, она вступила в контакт с Германской коммунистической партией. Лева опасался, что она подвергнется полицейским преследованиям. «Разве ты не видишь,— повторяла она ему в дни после отставки Папена,— что Германия перейдет прямо к [коммунистической] революции?» * Он советовал родителям сделать все возможное, чтобы отослать ее в Австрию. Ежедневно, иногда дважды в день Троцкий или Наталья с глубокой тревогой говорили с Левой по телефону, справляясь о Зине, спрашивая, считают ли врачи небезопасным доверить ей маленького сына и прося Леву приехать в Копенгаген.

Так прошло 8 дней. Тех дней, как трубили тогда на весь мир, которые Троцкий использовал для организации чудовищного заговора против советского правительства. Он провел эти дни, «составляя заговор» против тирании, которую обычный паспорт и правила выдачи виз создают для человека без гражданства и без дома. Он употребил все свое влияние и случайные обстоятельства, невинные уловки и даже свою популярность, чтобы добиться разрешения провести еще несколько недель или только дней в Дании или где-нибудь в Европе. Между тем Наталья обратилась к французскому премьер-министру Эдуарду Эррио [29], прося его позволить Леве встретиться с ней во Франции, когда она и Троцкий будут возвращаться в Турцию. Когда прошли 8 дней, на которые была выдана виза Троцкому, он заявил, что опоздал на пароход и еще не готов выехать. Быть может, думал Троцкий, Лева приедет, пока он ждет следующего судна? Быть может, они примут решение, стоит ли и как послать мальчика к Зине? Быть может, сердце какого-нибудь правительства растает и будет получена виза куда-нибудь на негостеприимном континенте? Однако датское правительство настаивало, что время Троцкого истекло и он должен выехать. Его вывезли из страны на автомобиле, с тем чтобы он все-таки успел на какой-нибудь другой пароход до истечения срока визы. Итак, 2 декабря Троцкий, Наталья и секретари выехали из Дании. На этот раз никто не освистывал его на пристани, но и равным образом никто не пришел проститься с ним.

* Цитируется по письму Левы отцу от 26 ноября 1932 г.

* * *

Когда пароход вошел в Антверпен, порт был черным от мундиров полиции и оцеплен. На борт поднялись пограничники для допроса Троцкого. Он отказался отвечать, указав, что не высаживается в Бельгии и допрос незаконен. Последовал спор, посыпались угрозы ареста, и никому из спутников Троцкого не разрешили сойти на берег.

В этот момент ему вспомнилась история десятилетней давности. В 1932 году, когда Дору Каплан судили в Москве за покушение на жизнь Ленина, прославленный бельгийский социалист, председатель II Интернационала Эмиль Вандервельде попросил, чтобы его допустили в качестве защитника. Разрешение дали, и Вандервельде использовал эту возможность для нападок в советском суде на советскую систему правления. Он поступил таким же образом в Открытом письме Троцкому. Оставив письмо без ответа в 1922 году, Троцкий решил дать на него ответ теперь, пока пароход находился в бельгийских водах. Вандервельде за истекшее время побывал королевским премьер-министром и даже, находясь в оппозиции, занимал весьма видное место в политической жизни Бельгии.

«Правительство, к которому я принадлежал,— писал Троцкий Вандервельде,— разрешило Вам не только прибыть в Советскую Россию, но и выступить на суде адвокатом тех, которые пытались убить вождей первого рабочего государства. В своей защитительной речи, которую мы опубликовали в нашей печати, Вы неизменно апеллировали к принципам демократии. Это Ваше право.

4-го декабря 1932 года я оказался проездом, со своими спутниками, в гавани Антверпена. Я не претендовал ни проповедовать диктатуру пролетариата, ни выступать защитником арестованных бельгийским правительством коммунистов и стачечников, которые, насколько я знаю, отнюдь не покушались на жизнь членов бельгийского правительства... Та часть порта, где стояли наши пароходы, была тщательно оцеплена. По обеим сторонам парохода — справа и слева — стояли наготове полицейские суда. С борта нашего парохода мы имели возможность произвести смотр полицейским агентам демократии, военным и штатским. Это было внушительное зрелище!

Число фликов и буров — Вы мне разрешите для краткости эти фамильярные обозначения — превосходило число моряков и грузчиков. Пароход походил на временную тюрьму, прилегающая часть порта — на тюремный двор» *.

* Б. О. 1932. Декабрь. № 32. С. 40.

Он, конечно, знал, что такой прием и все эти неприятности — «пустяки перед лицом всего того, что совершают ныне над трудящимися массами всех частей света и, в особенности, над коммунистами». Он упомянул эти факты лишь для того, чтобы дать весьма запоздалый ответ на филиппику Вандервельде 1922 года против большевизма и за демократию: «Я не ошибусь, надо надеяться, если причислю Бельгию к демократиям. Война [1914—1918 годов], которую вы вели, была ведь войной за демократию. После войны Вы стояли во главе Бельгии в качестве министра и даже премьера. Что же еще нужно, чтоб довести демократию до полного расцвета?.. Почему же все-таки от этой демократии так воняет старой прусской полицейщиной? И можно ли думать, что демократия, которая испытывает нервное потрясение при случайном приближении к ее границам большевика, окажется способной нейтрализовать классовую борьбу и обеспечить мирное превращение капитализма в социализм?»

О, да, он, Троцкий, знал все о ГПУ и политических преследованиях в Советском Союзе. Но советское правительство по крайней мере не хвастается своими демократическими достижениями. Оно открыто отождествляет себя с пролетарской диктатурой, и единственное испытание, по которому следует судить о нем,— это обеспечит ли оно переход от капитализма к социализму.

«Диктатура имеет собственные методы и собственную логику, которые довольно суровы. Нередко... революционеры, сами установившие диктатуру, являются жертвами ее логики... Перед классовыми врагами, однако, я принимаю полную ответственность не только за Октябрьскую революцию... но даже за Советскую республику, какой она является сегодня, включая то правительство, которое изгнало меня и лишило меня советского гражданства. Но вы, вы защищаете капитализм якобы во имя демократии. Где эта демократия? Во всяком случае, ее нельзя найти в порту Антверпена».

Несмотря ни на что, он покидал воды Антверпена «без малейшего пессимизма». Перед его глазами стояли «крепкие, суровые фламандские докеры, густо покрытые угольной пылью», которые, отделенные от корабля кордоном полиции, «в молчании смотрели на сцену, оценивая каждого», признавали «своих», иронически подмигивали в направлении шпиков, обменивались дружескими улыбками с опасным пассажиром на борту и приветствуя его, «своими заскорузлыми пальцами дотрагивались до шапок». «Когда пароход пошел вниз по Шельде в тумане мимо кранов, замерших из-за экономического кризиса, прощальные возгласы неизвестных, но верных друзей донеслись с набережной. Заканчивая эти строки между Антверпеном и Флиссингеном, я шлю братский привет рабочим Бельгии».

* * *

6 декабря Троцкий и Наталья сошли с поезда на Северном вокзале в Париже, где их вновь окружил сильный полицейский кордон, отрезав от толпы пассажиров. Здесь их ждал Лева: Эррио удовлетворил просьбу Натальи. На границе Троцкому сказали, что ему придется провести 9 дней в Марселе в ожидании парохода, направляющегося в Константинополь. Он радовался задержке. Молинье снял квартиру около Марселя, и Троцкий попросил друзей приехать туда провести несколько дней с ним. Стоило ему приехать в Марсель, как полиция заявила, что он не может оставаться в городе ни единого дня и должен немедленно подняться на борт итальянского грузового парохода, который случайно отправлялся тем же вечером. Протестуя, Троцкий сел на пароход. Однако, обнаружив, что на нем нет пассажирских кают, а путь займет 15 дней и, опасаясь, что их завлекли в ловушку, Троцкий сошел на берег. Была полночь. Полиция попыталась силой водворить его на судно, но не преуспела. Вступив в схватку с жандармами, вся компания разместилась в гавани и провела там зимнюю ветреную ночь. Из гавани Троцкий послал телеграммы протеста Эррио, министру внутренних дел Блюму и Торезу. Он также направил просьбу в Рим о предоставлении транзитной визы. На рассвете полиция отвела Троцкого и Наталью в гостиницу, предупредив их, чтобы они были готовы к немедленной депортации.

Прошел день, проходили часы, не было ответа ни от Эррио, ни от кого-либо другого в Париже. По иронии судьбы министерство иностранных дел Муссолини немедленно сообщило о предоставлении транзитной визы. Тогда полиция посадила Троцкого и Наталью на первый же поезд, отправлявшийся в Италию. Через полицейский кордон оба обнялись с Левой. Они провели с ним только день, полный таких волнений, что не успели, как выразилась Наталья, посмотреть друг на друга, не говоря уже о том, чтобы поговорить о бедах и заботах, довлевших над ними,— мелкие огорчения и недоразумения, возникающие в подобных обстоятельствах, помешали сделать это.

В поезде Троцкий и Наталья размышляли об абсурдности всего случившегося. Они были оскорблены и измучены. Казалось, на них разом обрушилась вся тяжесть их жизни, свинцовая злоба правительств и жандармов, несчастье с Зиной, неясность по поводу судьбы ее сына. Уже из Италии Наталья писала Леве: «Мы долго сидели с папой в темном купе и плакали» *.

---

* Наталья — Леве 16 декабря 1932 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* См. также заявление Троцкого для печати в Бриндизи от 8 декабря. *Архив Троцкого.*

На следующее утро они проснулись в Венеции, которую никогда не видели, и глазами, полными слез, смотрели на великолепие Сан-Марко.

* * *

12 декабря они вернулись на Принцевы острова. Сбежавший лев «был снова в своей «клетке». Казалось, он примирился с возвращением. Возможно, нервы успокоились при виде прекрасного острова, вежливости турецких чиновников на границе и открытых лиц рыбаков Бюйюк Ада, светившихся дружескими улыбками. Книжные полки, письменные столы с кипами корреспонденции и газет звали его назад к привычной работе. «Хорошо работается с пером в руке на Принцевых островах,— записал Троцкий позднее в дневнике,— особенно осенью и зимой, когда остров пуст и в парке появляются дятлы». За окнами — море, похожее на бурное озеро, где стаи рыб подходят прямо к берегам. После волнения и шума недавних недель тишина острова, где никогда не раздавался сигнал автомобиля или телефонный звонок, обещала отдых и побуждала к размышлениям.

Так, в тишине и отдыхе прошли последние недели года. Единственным неприятным, но малозначительным инцидентом был окончательный разрыв с Сениным-Соболевичусом, который в Берлине внес резолюцию об отмежевании от имени Международного Секретариата оппозиции от одной из резких нападок Троцкого на Сталина *. Инцидент удивил Троцкого, хотя за несколько месяцев перед этим он писал Соболевичусу, что «партия сильно притягивает вас». Однако он полагал, что они пришли к согласию в Копенгагене. «Вы сказали мне,— писал он Сенину 18 декабря,— что поездка в Советский Союз окончательно убедила вас в правоте оппозиции». Даже теперь Троцкий не заподозрил нечистой игры, полагая, что Сенин уступил «притяжению партии», и это может привести его к капитуляции. «Капитуляция,— предупредил он Сенина,— полити-

* См. переписку Троцкого с братьями Сениными-Собль-Соболевичусами от 15, 16, 18 и 22 декабря 1932 г. Критические замечания Троцкого о Сталине («Обеими руками»), против которых они возражали, были напечатаны в «Бюллетене оппозиции» № 32 в том же месяце. В заметках Троцкий обвинил Сталина в беспринципном заигрывании с американским капитализмом. Он основывал это обвинение на интервью, которое Сталин дал некоему Томасу Кемпбэлу, американскому инженеру и автору книги о России. Кемпбэл цитировал Сталина, заявившего, что первой причиной для разрыва между Сталиным и Троцким было стремление Троцкого распространить революцию на другие страны и его, Сталина, стремление «ограничить все усилия собственной страной». Сталин позднее отрицал, что он сделал такое заявление, однако опровержение было не очень убедительным. Братья Соболевичусы считали, что нападки Троцкого были несправедливые и ультралевые.

ческая смерть», посоветовав повременить и еще подумать. Он, очевидно, сожалел, что теряет умного и полезного сторонника. Однако разрыв произошел, и вскоре Сенин исчез из поля зрения Троцкого *.

В эти недели отдыха Троцкий нашел в рыбной ловле испытанный «способ избежать печали и успокоить смятение в мыслях». В записях в дневнике, написанных накануне его отъезда с Принцевых островов в духе Уолтона, любовно выписаны образы друзей рыбаков, особенно молодого почти неграмотного грека Харальмбоса, с которым он часто выходил в море **. У молодого грека «в костях были рыболовные крючки», все его предки, насколько он их помнит, были рыбаками. «Его собственный мир простирается приблизительно на четыре километра вокруг Принцевых островов. Но он знает этот мир» и находит в нем достаточно очарования, чтобы он заполнял его жизнь (как у Уолтона «нечто подобное поэзии» и «нечто подобное математике, которую нельзя полностью изучить»). «Он как художник читает прекрасную книгу Мраморного моря». И ему удалось обратить к этой же книге ум старого революционера, странствующий в далеких краях. Они общались друг с другом только жестами, улыбками, немногими односложными турецкими, греческими и русскими словами. Их было достаточно для Хараламбоса, чтобы объяснить происходившее в глубине моря, сказать, судя по горизонту, небу, сезону и направлению ветра, как забросить сети — прямой спиралью или полукругом, как бросать грузы с лодки, чтобы заманить в ловушку омаров, и как защищать добычу от снующих вокруг дельфинов. Автор «Перманентной революции» горячо и почтительно изучал «это сложное и изначальное искусство, не изменившееся за тысячелетия». Он замечал «уничтожающий взгляд», который бросал на него Хараламбос, стоило ему не так забросить грузила. «Из чувства доброты и сознания социальной дисциплины он признает, что в целом я неплохо бросаю грузила. Достаточно, однако, сравнить мою работу с его, и моя гордость немедленно покидает меня». В конце концов было не так уж плохо вернуться к Хараламбосу, читать с ним книгу Мраморного моря и писать собственную книгу.

Идиллия оборвалась внезапно и ужасно. 5 января 1933 года пришла телеграмма от Левы о том, что Зина совершила самоубийство. Она наложила на себя руки через неделю после того, как мальчика наконец доставили к ней. Ребенок, по всей вероятности, не успокоил, а, напротив, окончательно выбил ее из колеи. Среди бумаг она оставила записку, написанную на немецком язы-

---

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Эти страницы в дневнике, помеченные 15 июля, хранятся в *Архиве Троцкого.*

ке: «Я чувствую приближение моей страшной болезни. В этих условиях я не могу доверить себе даже собственного ребенка. *Ни при каких обстоятельствах* он не должен приходить. Он очень чувствительный и нервный. Он также боится фрау Б. [владелицы пансиона]. Он находится с фрау К. [следует адрес]. Он не знает ни слова по-немецки. Сообщите по телефону моему брату»*. Нервные приступы у Зины повторялись со все большей силой и частотой. Она чувствовала себя бесполезной даже для собственного ребенка. У нее не было сил продолжать борьбу, и, помимо всего прочего, полиция только что уведомила ее, что она должна выехать из Германии... Это были последние дни правительства генерала Шлейхера. К концу месяца Гитлер стал канцлером. Громче, чем раньше, в Берлине раздавался топот кованых сапог, хрипло орали пьяные песни, и одна из них, самая гнусная, «Коричневые батальоны очищают улицы», заглушала все остальные. «Устрашающий танк» нацизма надвигался на немецкого рабочего. Песня о Хорсте Весселе гремела в ее ушах. Своя страна перед ней была закрыта. Сама она была оторвана от семьи, изгонялась из Германии и слишком больна, чтобы искать другого убежища. Зина заперлась, забаррикадировалась в комнате и открыла газ. Она соорудила такую громадную баррикаду, что любая попытка спасти ее была безнадежна. Врачи были поражены «редкой энергией», проявленной ею при сооружении баррикады, и в последнюю минуту жизни сознание освобождения вызвало легкую улыбку на ее лице, застывшем с выражением облегчения и спокойствия. Ей было 30 лет **. Послание Левы о самоубийстве было лаконичным, но, говоря словами Троцкого, «чувствовалось невыносимое моральное напряжение в каждой его строчке», ибо «он оказался почти в одиночестве с трупом старшей сестры». Как сказать мальчику, что случилось? Как примет это известие мать Зины Александра Соколовская в Ленинграде? Лева попытался связаться по телефону с братом в Москве. «Растерялось ли ГПУ перед фактом самоубийства Зины, или же надеялось подслушать какие-либо тайны, но телефонная связь была, вопреки ожиданиям, установлена, и Льву удалось живым голосом сообщить в Москву трагическую весть. Таков был последний разговор наших двух мальчиков, обреченных братьев, над еще неостывшим телом сестры» ***.

Через шесть дней после самоубийства Зины Троцкий написал

---

* Записка, написанная по-немецки, не помечена датой.

** Трогательное описание смерти и похорон Зины содержится в письме Франца Пфемферта Троцкому от 20 января 1933 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* Там же находится телеграмма Левы.

*** Цитируется по некрологу о Леве, написанному через 6 лет. Б. О. 1938. Март. № 64.

Открытое письмо всем членам ЦК, ЦКК ВКП(б) и ЦИК СССР. Он рассказал, как указ от 20 февраля сломал дух Зины: ее смерть «не была добровольной. Сталин ей навязал эту смерть». «Преследование же дочери моей лишено было и тени политического смысла... Политически бесцельные акты обнаженной мести — и только». Он закончил письмо тоном, в котором гнев подавлял печаль: «Я ограничиваюсь этим сообщением, без дальнейших выводов. Для выводов время наступит. Их сделает возрожденная партия» *.

Из Ленинграда от матери Зины донесся вопль боли, упрека и отчаяния. Она потеряла обеих дочерей, рожденных во время первой ссылки их отца и погибших во время его последней ссылки. «Я сойду с ума, если не узнаю все»,— писала она Троцкому 31 января, прося объяснить все обстоятельства. Она приводила строки из письма, присланного ей Зиной за несколько недель перед смертью: «Как ни печально, я больше не могу вернуться к папе. Ты знаешь, как я обожала, почитала его с дней раннего детства, а теперь мы целиком рассорились. Это в основе моей болезни». Зина жаловалась на холодность отца. «Я ответила ей — таковы были слова ее матери,— что все это объясняется твоим характером, тем, что тебе трудно проявить свои чувства, даже когда ты хочешь этого». (Знавшие Троцкого на людях, страстного оратора, были бы удивлены письмом его первой жены, свидетельствовавшем о его сдержанном внутреннем характере.) Затем мучительный упрек: «Считались только с ее физическим состоянием, но она взрослый и полностью развитый человек, нуждающийся в интеллектуальном общении». Она жаждала политической деятельности, жаждала размаха, ибо следовала за отцом, и «ты, ее отец, мог бы спасти ее». Что, спрашивала Александра, лежало за конфликтом между Зиной и Левой, о котором Зина тоже писала? И почему Троцкий настаивал на психоаналитическом лечении, когда «она была так же замкнута, как мы оба, и не надо было заставлять ее говорить то, чего она не хотела говорить!». Однако, если, как мать, она осыпала Троцкого упреками, то смягчала их, задумываясь над тем, что если бы Зина осталась в России, то в любом случае погибла бы, умерла бы от чахотки. «Наши дети были обречены,— добавляла Александра, описывая тот страх, с которым она смотрела на внуков, оставшихся с ней,— я больше не верю в жизнь, я не верю, что они вырастут. Все время я жду новой катастрофы». Она заключила: «Мне было трудно написать и отправить это письмо. Извини мою жестокость к тебе, но ты должен знать все» **.

---

* Б. О. 1933. Март. № 33. С. 30.

** Письмо Александры Соколовской датировано 31 января 1933 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

Мы не знаем, как и ответил ли вообще Троцкий на это письмо. Возможно, рана была слишком глубока для слов. Через некоторое время, извиняясь перед друзьями за то, что он не ответил на выражения соболезнования, Троцкий писал, что его мучила малярия и он «наполовину оглох» *.

* * *

Троцкий отказывался поверить, что германское рабочее движение было настолько лишено способности самосохранения, что не окажет никакого сопротивления нацизму и позорно рухнет при первом же его наступлении. На протяжении почти трех лет Троцкий доказывал, что невероятно, чтобы Гитлер победил без гражданской войны. Невероятное случилось: 30 января 1933 г. Гитлер стал канцлером еще до того, как социалисты и коммунисты начали собирать свои громадные силы для борьбы. Неделю спустя Троцкий отмечал: «Приход Гитлера к власти, несомненно, страшный удар для рабочего класса. Но зто еще не окончательное, не безвозвратное поражение. Враг, которого можно было разбить, когда он только поднимался вверх, занял сегодня целый ряд командующих постов. Это большое преимущество на его стороне, но битвы еще не было». Даже теперь еще есть время, ибо Гитлер пока не захватил всю власть, ему приходилось делить ее с Гугенбергом и германскими националистами. Возглавляемая им коалиция непрочна и раздирается противоречиями. Ему еще нужно лишить своих партнеров всякого влияния и добиться исключительного контроля над государством. Пока зтого не случилось, положение Гитлера уязвимо. Социалисты и коммунисты могут еще нанести ответный удар. Однако время истекает с чудовищной быстротой: «Дело идет о голове немецкого рабочего класса, о голове Коммунистического Интернационала и,— не забудем и этого,— о голове Советской Республики!» **

Теперь из многочисленных немецких архивов и дневников мы знаем, насколько и в самом деле было уязвимо первое правительство Гитлера, когда оно пришло к власти ***. Даже месяц спустя, 5 марта, после налета нацистов на дом Карла Либкнехта в Берлине и пожара в рейхстаге, на выборах, проходивших в обстановке разнузданного нацистского террора, социалисты и коммунисты

---

* Троцкий — Францу Пфемферту 5 февраля 1933 г.— Там же. Согласно Пьеру Франку [30], находившемуся в то время в Бюйюк Ада, Троцкий на несколько дней заперся в своей комнате. С ним была только Наталья. Лишь она входила и выходила оттуда. Когда он наконец появился, секретари заметили, что его волосы сильно поседели.

** Б. О. 1933. № 33. С. 20, 22.

*** *Bullock A.* Hitler // A Study in Tyranny. London, 1953. P. 229—233.

сумели собрать 12 миллионов голосов, не говоря уже о почти 6 миллионах голосов, отданных за католиков, находившихся в оппозиции к Гитлеру. Мы также знаем о распрях, стычках и взаимном недоверии между Гитлером и его партнерами, которые могли бы разрушить их коалицию, если бы миллионы социалистов и коммунистов перешли к действиям. Уже 6 февраля Троцкий заметил, что «пролетариат находится не в обороне, а в отступлении, которое завтра может превратиться в паническое бегство». Он заключил довольно лаконично серьезным предупреждением: «Чтоб раскрыть ярче историческое значение решений и действий партии, в эти дни и недели, нужно, на мой взгляд, ставить перед коммунистами проблему без малейших смягчений, наоборот, со всей резкостью и непримиримостью: отказ партии от единого фронта, от создания местных комитетов обороны, т. е. завтрашних советов, означает капитуляцию партии перед фашизмом, т. е. историческое преступление, которое равносильно ликвидации партии и Коммунистического Интернационала.

В случае подобной катастрофы пролетариат через горы трупов, через годы невыносимых страданий и бедствий, придет к IV-му Интернационалу» *.

Еще до того как эти слова были напечатаны, великие массовые организации рабочего класса, его партии, профсоюзы, его многочисленные газеты, культурные учреждения и спортивные организации — все лежали в руинах.

Колоссальное поражение немедленно оказало влияние на судьбу семьи Троцкого. В Берлине было запрещено издание «Бюллетеня оппозиции». Леве пришлось уйти в подполье и тайком перебраться через границу. 24 марта Троцкий писал Пфемфертам (дом которых нацисты уже разгромили): «Мы все время очень беспокоились о Л. Л. [т. е. о Леве]. Немецкие друзья считают, что если он попадет в руки фашистов, ему не выйти живым. Я думаю так же. Но вчера мы получили от него телеграмму: «Переезжаю в Париж». Будем надеяться, что ему посчастливится закончить переезд. Мы больше не получали от него известий»**.

* * *

В эти недели Троцкий отказался от лояльного отношения к III Интернационалу. В статье, названной «Трагедия немецкого пролетариата» и имевшей подзаголовок «Немецкие рабочие поднимутся, сталинизм — никогда!», Троцкий следующим образом подвел итог создавшемуся положению. Рабочее движение в Гер-

* Б. О. 1933. № 33. С. 23.

** *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

мании потерпело не временную неудачу или тактическое поражение, а решительный стратегический разгром, который оставит рабочий класс бессильным и парализованным на целую эпоху. Как II, так и III Интернационалы отказываются признать это, говорят об «эфемерности» успеха Гитлера и теперь, когда время упущено, шумят о едином фронте. Но «прежде чем возможны станут *решающие* бои, авангард немецкого пролетариата должен будет ориентироваться заново, т. е. ясно понять то, что произошло, распределить ответственность за большое, историческое поражение, наметить новые пути и таким образом вернуть себе доверие к самому себе». В течение многих лет «ключ к обстановке» находился в руках коммунистов. Теперь у них этого ключа нет. Все позиции в Германии утрачены тоже на многие годы, и тем более важно для рабочего движения укрепить оставшиеся форпосты и бороться в странах, окружающих Германию,— в Австрии, Чехословакии, Польше, Голландии и Франции. «На первое место выдвигается Австрия, которой непосредственнее всего грозит фашистский переворот». Со стороны Коминтерна было верхом безответственности заявлять, что германские рабочие стоят накануне великих битв из-за того, что они отдали пять миллионов голосов коммунистам. «Да, пять миллионов коммунистов успели еще поодиночке подойти к урнам. Но в предприятиях и на улицах их нет. Они расстреляны, распылены, деморализованы... Бюрократический террор сталинизма парализовал их волю прежде, чем пришла очередь для бандитского террора фашизма» *.

Троцкий заключил, что сталинизм также имел «свое 4 августа», потерпел столь же позорный крах, как и II Интернационал в начале первой мировой войны. Тогда Ленин, Троцкий, Роза Люксембург, Карл Либкнехт и их единомышленники заявили, что II Интернационал мертв, и выдвинули идею создания III Интернационала. Аналогия с 4 августа подсказывала, что Троцкий теперь провозгласит идею основания IV Интернационала. Однако пока он не пошел на это. Он призывал лишь к созданию новой коммунистической партии в Германии. «Передовые рабочие этой страны будут отныне не иначе, как со жгучим чувством стыда, со словами ненависти и проклятия говорить о периоде господства сталинской бюрократии. Официальная компартия Германии обречена. Отныне она будет только распадаться, крошиться и сходить на нет». Троцкий еще допускал возможность, что поражение может оказаться оздоровительным толчком для других коммунистических партий, побудит их продолжать борьбу, обрести свою ответственность и, быть может, порвать со сталинизмом.

* Статья «Трагедия немецкого пролетариата», датированная 14 марта, была опубликована в майском номере Б. О. (№ 34).

Если так произойдет, тогда Коминтерн (или часть его) еще сумеет спасти свою революционную честь и оправдать свое собственное существование. «В Германии зловещая песня сталинской бюрократии во всяком случае снята... Под страшными ударами врагов передовым немецким рабочим предстоит строить новую партию». В этой связи можно было бы возразить, что нелогично призывать к созданию новой коммунистической партии, а не нового Интернационала. Однако историческое развитие не всегда соответствует законам логики, и следует подождать и посмотреть, извлекут ли коммунистические партии уроки из опыта Германии.

Если у Троцкого и были надежды на это, то они вскоре рассеялись. На первом после победы Гитлера пленуме Исполком Коминтерна заявил, что победа не имеет никакого значения. Исполком подтвердил, что стратегия и тактика германской партии была безупречной с начала до конца, и запретил всем коммунистическим партиям открывать дискуссию на этот счет *. Ни одна партия не осмелилась бросить вызов запрещению. Зрелище было столь постыдным, что побудило Троцкого заметить: «Организация, которую не мог пробудить гром фашизма... мертва и не может быть возвращена к жизни». В июле Троцкий заявил, что недостаточно создать новую коммунистическую партию в Германии, а пришло время заложить основы нового Интернационала **.

Но даже теперь Троцкий не мог определенно решить, следует ли новому Интернационалу распространить свою деятельность на Советский Союз, то есть следует ли его сторонникам перестать считать себя фракцией старой партии и создать новую собственную партию. В течение нескольких месяцев он отговаривал их против такого образа действий, настаивая, что деятельность IV Интернационала должна останавливаться у границ Советского Союза. Троцкий по-прежнему усматривал в монополии большевиков на власть, хотя ею злоупотреблял Сталин, обязательное условие выживания революции. Оппозиция, указывал Троцкий, будет права, стремясь создать независимую партию лишь в том случае, если она утратит все надежды на возможность исправить режим и должна будет переориентироваться на революционную борьбу против сталинизма; но просто так оппозиция не должна этого делать. Новый Интернационал может позволить себе воздержаться от работы внутри Советского Союза, ибо «ключ к обстановке» в рабочем движении больше не находится в Советском Союзе: оппозиция едва ли имеет там какие-нибудь шансы на ус-

* Коммунистический Интернационал. 1933. № 36. С. 17; Б. О. 1933. № 36—37.

** См. Б. О. № 34.

пех, по крайней мере в ближайшем будущем, поэтому вопрос о новой коммунистической партии носит академический характер. Только в том случае, если новый Интернационал превратится в важную политическую силу в других странах, может произойти изменение и в соотношении сил в Советском Союзе. Успех революции на Западе, который не может быть обеспечен под руководством Сталина, прежде всего ослабит хватку сталинизма в Советском Союзе и придаст новые силы коммунистической оппозиции *.

Это была в высшей степени зыбкая позиция, и логика нового предприятия Троцкого вскоре заставила его изменить точку зрения. Было непоследовательно пропагандировать создание новой партии в Германии, но не нового Интернационала. Равным образом было непоследовательно для нового Интернационала воздерживаться от любых действий в пределах Советского Союза. Поэтому в октябре 1933 года Троцкий пришел к заключению, что оппозиция должна создать также новую партию в самом Советском Союзе **. Троцкому потребовалось около шести месяцев, чтобы сделать такой вывод. В этой связи он должен был ревизовать некоторые из своих взглядов, которых неуклонно придерживался на протяжении 10 лет. Он прекратил поддерживать политическую монополию правящей партии. Новая партия, если и когда она начнет существовать, должна стремиться не к реформированию и конституционной замене сталинского правительства, а к его революционному свержению. Тогда считал ли Троцкий по-прежнему Советский Союз рабочим государством? Или он теперь рассматривал режим в СССР как термидорианскую или бонапартистскую разновидность контрреволюции? Должна или не должна теперь оппозиция безоговорочно защищать Советский Союз?

Троцкий доказывал, что после случившегося в последние годы было бы наивно думать, что Сталина можно сместить на съезде партии или съезде Советов. «Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой». Этот авангард, однако, рассеян и сокрушен и не сможет бороться за власть в ближайшем будущем. Поэтому решение вопроса о реформе или революции в основном откладывается на отдаленное

---

* Б. О. 1933. № 36—37. Пьер Франк рассказывает, что в течение тех недель и месяцев, когда Троцкий пытался уяснить себе эти вопросы, его секретари видели, как он каждый день часами ходит по своей комнате, молчаливый, напряженный и погруженный в мысли. «Его лицо было покрыто потом. Можно было буквально почувствовать физическое напряжение мышления и колебаний».

** Там же. Троцкий изменил свою линию в очерке «Классовая природа Советского государства», написание которого, по материалам *Архива*, он завершил 1 октября 1933 г. В Б. О. № 36—37 эта дата неверно указана как 1 октября 1932 г.

будущее. Оппозиция не может претендовать на власть без поддержки большинства рабочего класса, а добиться ее она не может без предварительных социальных сдвигов в стране и радикальных перемен на международной арене, прежде всего без успеха революции вне Советского Союза. После таких сдвигов и перемен «сталинский аппарат повиснет в воздухе» и оппозиция при поддержке народа сможет победить даже без революции или гражданской войны. Если Сталин и его единомышленники, несмотря на их изоляцию, все еще будут цепляться за власть, оппозиция применит «меры полицейского порядка». В обстановке подъема политической энергии в рабочем классе сталинизм будет крайне слаб, ибо «черпает свою силу в рабочем классе и нигде больше». Только в результате пассивности и покорности, а не активной поддержки рабочих Сталин обрел силу. Без них его можно сбросить одним толчком *.

Советский Союз, вновь утверждал Троцкий, остается рабочим государством. Господствует общественная собственность на средства производства, и поэтому советское общество находится в переходной стадии от капитализма к социализму, хотя платит чудовищную цену за каждый шаг вперед. Бюрократия вне зависимости от ее привилегий остается «злокачественным наростом на теле рабочего класса, а не новым имущим классом». Привилегии и растущее социальное неравенство не отражают новый вид эксплуатации, как утверждают ультрарадикалы, а были следствием всеобщей бедности и материальных нехваток. В некотором отношении как стимулы производительности труда привилегии и неравенство служат «буржуазными орудиями социалистического прогресса». Паразитическое и тираническое правление бюрократии может поставить под угрозу все завоевания революции и спровоцировать контрреволюцию. Но оно может оказаться и «орудием» — плохим и дорогим — социалистического развития **.

Прекратив защиту однопартийной системы в Советском Союзе, Троцкий тем не менее повторил свои прежние предостережения, что «сегодня потрясение бюрократического равновесия в СССР послужило бы почти наверняка на пользу контрреволюции». Он подтвердил свою установку на безусловную защиту Советского Союза. «Прежде чем он сможет реформировать советское государство, он должен будет взять на себя его защиту.

Всякое политическое течение, которое под предлогом «непро-

* Б. О. 1933. № 36—37. С. 9, 10.

** Там же. С. 8. «Ясно,— заключил Троцкий,— что в этом счастливом историческом варьянте бюрократия оказывается только орудием — плохим и дорогим орудием — социалистического государства». Однако он не считал само собой разумеющимся, что этот «счастливый варьант» действительно осуществится.

летарского» характера Союза, махнет на него безнадежно рукой, рискует оказаться пассивным орудием империализма». Сторонники нового Интернационала, добавлял Троцкий, «в час смертельной опасности... должны оставаться на последней баррикаде» в защиту СССР *.

Однако, хотя Троцкий категорически настаивал, что Советский Союз, исходя из его экономической структуры, остается рабочим государством, он пришел к выводу, что в качестве фактора международной революции СССР имеет теперь значение не намного большее, чем потухший вулкан. «С начала империалистской войны, а в развернутом виде — с Октябрьской революции, партия большевиков играла ведущую роль в мировой революционной борьбе. Сейчас это положение полностью утрачено». Не только официальный большевизм — эта «карикатура на партию», но также и большевистская оппозиция из-за трудных условий ее работы не способны к «руководящей роли в международном масштабе». «Революционный центр тяжести окончательно передвинулся на Запад, где ближайшие возможности партийного строительства неизмеримо шире». Троцкий выдвинул идею IV Интернационала, веря, что новый импульс к революции придет с Запада, а не из Советского Союза **.

Мы видели, с какими колебаниями Троцкий решился порвать с III Интернационалом. Причины его колебаний ясны, ибо он сам множество раз заявлял о своих возражениях против предпринятого теперь шага. Троцкий доказывал тогда, что революционные рабочие всех стран ищут руководство в лице III Интернационала. В нем они усматривают законного наследника II и I Интернационалов и само воплощение идеи русской революции. Пока Советский Союз остается рабочим государством и пока Коминтерн связан с ним, верность Коминтерну классово сознательной элиты рабочих оправданна. Троцкий не был до конца убежден, что эта аргументация потеряла свой смысл. Равным образом для него было нелегко, учитывая собственную роль, сыгранную в III Интернационале, провозгласить об окончательном разрыве с ним. Очень редко какой-нибудь из главных архитекторов великого и жизнеспособного движения находит в себе силы заявить, что оно не имеет смысла. Для Троцкого было гораздо труднее порвать с III Интернационалом, чем отречься от II Интернационала в 1914 году. Он сделал это лишь в результате катастрофической неудачи Коминтерна в Германии. Троцкий признавал, что между 1914 и 1933 годами имеется существенная разница. В 1914 году лидеры II Интернационала, поддержав империалистическую войну, пошли на созна-

* Б. О. 1933. № 36—37. С. 11.

** Там же.

тельное предательство, в то время как в 1933 году Коминтерн облегчил победу Гитлера глупейшей безответственностью и слепотой. А между тем катастрофа 1933 года во многих отношениях была хуже катастрофы 1914 года. Во время первой мировой войны революционный марксизм вскоре оправился от нанесенного ему удара: Циммервальд, Кинталь и русская революция явились могучим протестом против «социал-империалистского» извращения марксизма. Подобного протеста против чудовищных эксцессов 1933 года ни тогда, ни в дальнейшем не последовало от коммунистического движения. Политика Коминтерна не только способствовала потере германским рабочим движением всего завоеванного им в течение восьмидесяти с лишним лет борьбы; эта политика не только дала возможность реализоваться опасности, больше того, неизбежности новой мировой войны,— но и все это случилось в обстановке невероятного безразличия и апатии со стороны всего движения. Что же стряслось, спрашивал Троцкий, с политическим сознанием громадной массы коммунистов?

Троцкий заключил, что реформизм и сталинизм каждый со своей стороны отравляют умы и подрывают волю рабочих. Тот факт, что его собственные предостережения такие ясные, такие громкие, так удивительно подтверждаемые событиями, прошли незамеченными, укрепило Троцкого в этом выводе. Никто не знал лучше, чем Троцкий, как игнорировались его предупреждения: в письме Соболевичусу в начале 1932 года он заметил, что троцкистской оппозиции не удалось завербовать в Германии даже «десяток местных промышленных рабочих». (Она завербовала считанных интеллигентов и эмигрантов.) * В годы первой мировой войны по крайней мере несколько тысяч немецких рабочих вступили в подпольный «Спартак» и поддержали осуждение «4 августа», с которым выступили, находясь в тюрьме, Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Теперь, после триумфа Гитлера, все коммунистические партии встретили самооправдания и самопоздравления Коминтерна покорным молчанием. Быть может, во всех этих партиях не осталось и следа от разума, международной солидарности и ответственности? Эти вопросы вновь и вновь задавал себе Троцкий. Если нет, тогда сталинизм настолько развратил все коммунистическое движение, что попытка реформировать его — сизифов труд. Троцкий занимался этим трудом уже 10 лет. Он не хотел больше продолжать попытки тащить тяжелейшую скалу на чудовищную гору.

Для Троцкого еще труднее было окончательно порвать с советской партией, основанной Лениным, победившей в революции

* Письмо Сенину-Соболевичусу от 6 марта 1932 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

и в рядах которой он сам стал великим. За год перед этим после второй ссылки Зиновьева, Каменева, Смирнова, Преображенского и других дело представлялось так, будто Объединенная оппозиция 1925—1927 годов возвращалась к жизни. Каждое письмо из Москвы указывало, что в обстановке всеобщего замешательства в стране даже ближайшие сторонники Сталина мечтали освободиться от него. С 1932 года, однако, Сталину опять удалось одержать победу. Он преуспел в этом частично потому, что снова провел в жизнь некоторые из мер, рекомендованных Троцким: в конце первой пятилетки дал экономике «передышку», установил более низкие и более реалистичные задачи для второго пятилетнего плана и пошел на уступки коллективизированному крестьянству. В результате хаос, смятение и внутрипартийное брожение уменьшились. Катастрофа в Германии не ослабила, а укрепила позиции Сталина. Те, кто понимал последствия этой катастрофы, чувствовали несвоевременность подрыва стабильности правления в Москве. Создание тоталитарного режима в Германии дало новый толчок тоталитарным тенденциям в Советском Союзе. Когда всю Германию потрясали вопли — «Один фюрер, одна партия, один народ!» — советская иерархия и многие рядовые члены партии считали, что революция и Советский Союз могут выжить лишь под руководством одного вождя. В мае 1933 года Зиновьев и Каменев еще раз капитулировали и были возвращены из ссылки. Во время первой капитуляции в 1926 году они сдались сталинизму, но не встали на колени перед персоной Сталиным, да никто от них и не ждал этого. Когда же от них потребовали этого в 1932 году, они не могли заставить себя так поступить. Но именно так они поступили в 1933 году: в их новых раскаяниях они славили непогрешимость и уникальный гений Сталина.

Все это случилось, когда Троцкий выдвинул идею IV Интернационала, но еще не был готов призвать к созданию новой партии в Советском Союзе. Триумфальный выход Сталина из кризиса, новый автократический ореол вокруг него и зрелище последних капитуляций побудили Троцкого разорвать последние узы, теоретически связывавшие его со старой партией. Комментируя «трагические судьбы» Зиновьева и Каменева, он писал: «Когда будущий историк захочет показать, как беспощадно эпохи великих потрясений опустошают людей, он приведет пример Зиновьева и Каменева... Сталинский аппарат стал машиной для дробления позвоночников [бывших революционеров]». И еще: «Как герой Гоголя, Сталин собирает мертвые души, за отсутствием живых» *. Надежды Троцкого на какое-либо возрождение советской партии теперь рухнули. Бесполезно обращаться к людям со сломанными

* Б. О. 1933. № 35. С. 23, 24.

хребтами и к мертвым душам, в любом случае в партии, которая могла склониться перед автократом, не осталось марксистско-ленинских традиций. Лишь в полной независимости от нее и вне ее может возродиться большевизм.

К этому, коротко говоря, сводились доводы Троцкого в пользу создания нового Интернационала. Выдвинув эту идею и после дискуссии получив одобрение всех групп своих сторонников, Троцкий, однако, не объявил, что эти группы и образуют IV Интернационал. Зная их слабость, он ограничился выдвижением идеи в надежде, что она немедленно завоюет множество сторонников. Некоторым образом Троцкий повторил собственные действия в период Циммервальда, память о котором видна в его работах и поведении. С того самого момента, когда Ленин и Троцкий начали пропагандировать создание III Интернационала в 1915 году, потребовалось четыре года убеждения и подготовительной работы, прежде чем они созвали учредительный конгресс Интернационала. Аналогичным образом теперь вопрос стоял «не о немедленном провозглашении... Интернационала», а только о подготовительной работе. «Новая перспектива означает... что разговоры о «реформе» [сталинской организации] и требования восстановления оппозиционеров в официальных партиях должны быть окончательно оставлены... Левая оппозиция окончательно перестает чувствовать себя и действовать как [внутрипартийная] оппозиция» *. Потребовалось ровно четыре года, перед тем как Троцкий был готов созвать учредительный конгресс.

Надежды Троцкого на новый Интернационал не были беспочвенны в 1933 году, как они представлялись позднее. Коминтерн действительно полностью дискредитировал себя в германском вопросе, в то время как троцкизм завоевал убедительную моральную победу. Если до тех пор, думал Троцкий, все его призывы к европейскому коммунистическому движению почти не встречали отклика, то это частично объяснялось тем, что главными спорными вопросами в его дискуссии со Сталиным были внутренние советские дела и китайская революция, которые были либо далеки от европейских коммунистов, либо малопонятны. На последней стадии спор сосредоточился на Германии — «сердце Европы». Приход к власти Гитлера непосредственно затронул каждую коммунистическую партию. Он поставил во весь рост вопрос о жизни и смерти. Речь шла о войне. Гитлер у власти грозил коммунизму уничтожением. Как Троцкий, так и Коминтерн вели спор публично, с величайшей энергией до последнего момента, когда их разногласия прошли испытание событиями. Исход испытания не вызывал ни малейших сомнений. Доводы «за» и «против» были или

* Б. О. 1933. № 36—37. С. 22.

должны были быть свежи в памяти всех. Каждый коммунист мог вернуться к ним и поразмыслить над ними. Вывод, который можно было сделать, не вызывал сомнений: те, кто привел самую могущественную коммунистическую партию Запада к такому постыдному разгрому, виновны в некомпетентности, граничившей с преступлением, и утратили все права на руководство. По тем же критериям оппозиция претендовала или должна была претендовать на руководство.

В какой-то мере осознание этого, несомненно, проникало в ряды сталинизма. С чем большей злобой Коминтерн нападал и высмеивал Троцкого за «игру с жупелом», «преувеличение угрозы фашизма», «настояния в пользу единого фронта с социал-фашистами», с тем большей силой все эти наскоки бумерангом ударили по их авторам. Замешательство и стыд охватили немало партийных организаций. Даже закаленные сталинисты тайком восхищались ясной и бесстрашной позицией Троцкого *. Среди немцев, бежавших от террора Гитлера, а также польских, чехословацких, датских, американских и других коммунистов возникли новые троцкистские и квазитроцкистские группы. Они не были велики, однако их влияние нельзя было игнорировать. Они привлекали к себе умных и преданных членов партии. Группы взывали к совести коммунистов. Они вынудили сталинизм занять оборонительную позицию. Только лихорадочными призывами к партийному патриотизму, угрозами исключения и действительными исключениями лидеры партий смогли ликвидировать эту болезнь в собственных рядах, а в конечном итоге Коминтерн смог окончательно ликвидировать ее, отказавшись от всех своих позиций, выбросив за борт собственные лозунги о социал-фашизме и приняв тактику единого фронта (а вслед за ней Народного фронта). Больше того, падение Веймарской республики потрясло также социал-демократические партии. Их вере в парламентскую демократию был нанесен жесточайший удар. Едва ли в Европе осталась хоть одна социалистическая партия, которая под влиянием событий в Германии торжественно не вписала в той или иной форме формулировку о «пролетарской диктатуре» в свою программу. Внутри этих партий радикальные и левые группы обращали взоры к Троцкому, находя его идеи куда более рациональными и привлекательными, чем все, что мог предложить официальный коммунизм. То был кульминационный пункт политического влияния Троцкого в изгнании. Если у него и был шанс основать независимую коммунистическую партию вообще, то время для этого как раз пришло.

* Они сами признавали такое «скрытое восхищение» спустя много лет, когда смогли сделать это, а некоторые говорили об этом автору данной книги.

Однако аргументация, которую Троцкий часто и уместно употреблял против образа действий, к которому теперь прибег сам, не утратила своей силы. По-прежнему оставалось верным, что, пока государственная собственность на средства производства в Советском Союзе остается в неприкосновенности, а знамя большевизма развевается над Москвой, связь международного коммунизма с Советским Союзом остается неразрывной. Для массы симпатизировавших коммунизму первое рабочее государство по-прежнему представлялось форпостом международной революции, и официальные коммунистические партии притягивали их с неумолимой силой. Эти люди не видели никакой альтернативы сталинскому руководству, которое в их глазах стало представлять русскую революцию и большевистскую традицию. Сталинской бюрократии удалось отождествить себя с ленинизмом и марксизмом вообще. Боевые французские докеры, польские шахтеры и китайские партизаны — все они видели в правителях в Москве наилучших судей в том, что касается собственно советских интересов, и надежных советчиков международного коммунизма. Отсюда — малоразумная покорность, с которой они так часто соглашались с зигзагами и с самыми нелепыми диктатами сталинской политики. Враги сталинизма представлялись им врагами Советского Союза и коммунизма, как для верующего католика враги папы являются врагами христианства.

То были недобрые предзнаменования для предприятия Троцкого. На идеи и лозунги Троцкого могли откликнуться лишь симпатизировавшие коммунизму. Но эти люди меньше всего были склонны сплотиться вокруг нового Интернационала. Поскольку призывы Троцкого в пользу реформ в их собственных партиях очень долго не производили на них впечатления, они в еще меньшей степени откликнулись на его настояния разорвать с этими партиями.

Равным образом последствия разгрома в Германии не способствовали и не могли способствовать созданию нового Интернационала, независимо от того, насколько были дискредитированы старые Интернационалы. Каждый из прежних Интернационалов поднимался на гребне высокой волны рабочего движения, и в момент возникновения ни одному из них не пришлось сражаться против укрепившегося соперника *. IV Интернационал взялся бросить вызов двум здравствующим и могучим соперникам в период глубокой депрессии в движении. В Германии рабочий класс, как и предсказывал Троцкий, действительно не смог политически возродиться в течение многих лет. Именно по этой причине троцкизм не мог

* Продолжение этой аргументации, особенно доводы польских троцкистов против создания IV Интернационала, см. в главе «Дьявольски темная ночь».

извлечь никакой практической выгоды из моральных преимуществ, полученных им в германском вопросе. В других странах Европы рабочий класс в оставшийся период этого десятилетия отступал, хотя в 1936 году наблюдался взлет его энергии во Франции и Испании. Длинная цепь отступлений и поражений вызвала моральное недомогание и такую обстановку, когда самые убедительные призывы к новому Интернационалу игнорировались. Троцкий доказывал, что рабочий класс нуждается в новом руководстве, чтобы остановить отступление, перегруппировать силы для обороны и контрнаступления. Но массы коммунистов (и социалистов), те из них, кто еще не лишился мужества, считали, что нельзя менять лошадей посередине реки, и поэтому два существовавших Интернационала процветали даже на собственных ошибках и поражениях: их сторонники независимо от своих опасений не хотели искать новых вождей и новых методов борьбы под градом ударов нацизма и фашизма. Они были готовы скорее копошиться под старыми и привычными знаменами, идти от поражения к поражению, чем сплотиться вокруг нового знамени, за которым видели гигантскую, но загадочную и подозрительную фигуру знаменосца.

Троцкий был убежден, что Коминтерн как революционная организация исчерпал свою роль. Он не ошибался. Через десять лет Сталин распустил организацию, объявив ее бесполезной. На протяжении этих десяти лет Коминтерн лишь добавил к своему банкротству в Германии новые провалы во Франции, Испании и двусмысленную политику в период пакта Сталина — Гитлера 1939—1941 годов. Однако движение, стоявшее за Коминтерном, отнюдь не было «трупом». Что бы Сталин ни делал для морального подрыва его, ничто не могло уничтожить движения. В то самое время, когда Сталин распустил Коминтерн, западные коммунистические партии набирали новые силы в движении Сопротивления против нацистской оккупации и еще под сталинистскими знаменами, хотя уже в подспудном конфликте со Сталиным югославская и китайская революции шли к победе. Что бы ни делал Сталин для превращения коммунистических партий в простые пешки, югославская, китайская и некоторые другие партии имели достаточно сил, чтобы жить по-своему, вести собственную борьбу и менять судьбы своих стран и всего мира. Больше того, они получили новый революционный стимул в результате побед советского оружия во второй мировой войне.

Идея о том, что новые импульсы революции должны прийти с Запада, а не из Советского Союза, пронизывала пропаганду Троцкого в пользу IV Интернационала. Вновь и вновь Троцкий утверждал, что хотя в Советском Союзе сталинизм продолжает играть двойственную роль, одновременно прогрессивную и реакци-

онную, в международном плане он оказывает только контрреволюционное влияние. Здесь Троцкий не смог понять реального положения вещей. Сталинизм продолжал выполнять двойственную роль не только в национальных рамках, но и на международной арене: он стимулировал классовую борьбу за границами Советского Союза и мешал ей. В последующие три или четыре десятилетия революционные импульсы приходили не с Запада. Так что основная посылка, на которой Троцкий решил создать IV Интернационал, была несостоятельной. Но поскольку все его попытки реформировать Коминтерн оказались напрасными, он не мог, как мы видели, продолжать этот сизифов труд. Он должен был искать другое решение. Его новая задача, однако, оказалась по крайней мере столь же невыполнимой, как и старая. Сизиф с надеждой перешел всего-навсего с одного склона ужасающей горы на другой и там снова начал втаскивать вверх громадный камень.

* * *

Мы уже видели, как Троцкий, порвав с Коминтерном, вновь обязал своих сторонников защищать до последнего Советский Союз. Сам он, в тех случаях, когда обращался в своих статьях к западной буржуазии, пытался пробудить ее к пониманию того факта, что третий рейх означает мировую войну. Уже весной 1933 года он побуждал западные державы вступить в союз с СССР. Это были первые недели и месяцы существования третьего рейха, когда едва ли хоть один западный государственный деятель размышлял над этой идеей. Гитлер тогда занимал пацифистскую позицию, а на международной конференции по разоружению принял, к облегчению и восторгу официального Лондона, планы разоружения, предложенные Остином Чемберленом и Джоном Саймоном. 2 июня 1933 года Троцкий писал в статье «Гитлер и разоружение»: «Самое опасное — недооценивать врага... Вожди немецких рабочих организаций не хотели брать Гитлера всерьез... Та же опасность может повториться и в плоскости мировой политики». Он отмечал, с какой готовностью английское правительство откликнулось на «умеренный тон» Гитлера: «Дипломатическая рутина имеет свои преимущества, пока события движутся по знакомым маршрутам. Однако «под дипломатическим фехтованием кроются... более глубокие факторы и планы». Остин Чемберлен и Джон Саймон ожидали встретить [в Гитлере] «невменяемого, размахивающего топором», а вместо этого увидели «человека с незаметным браунингом в заднем кармане брюк»,— какое облегчение!» Это был первый большой дипломатический успех Гитлера. Его цель заключалась в перевооружении Германии, которая со времен Версаля восстановила свое место как сильней-

шая промышленная держава Европы, но по-прежнему была разоруженной. «Этим сочетанием потенциальной мощи и фактической слабости предопределяются как крайне взрывчатый характер целей национал-социализма, так и крайняя осторожность ближайших шагов на службе этих целей». Гитлер согласился с английскими планами разоружения, прекрасно зная, что Франция не может принять их. Это давало ему возможность использовать Англию против Франции и возложить на других ответственность за последующую гонку вооружений. «Миролюбие Гитлера — не случайная дипломатическя импровизация, а составная часть большого маневра, который должен радикально изменить соотношение сил в пользу Германии и заложить фундамент европейской и мировой офензивы [наступления] германского империализма». Троцкий предсказывал, что, если действиям Германии не будут поставлены преграды, то они неизбежно приведут к мировой войне через пять — десять лет. «Гитлер хочет начать наступление против Советского Союза, однако, «если бы линия на Восток не оказалась линией наименьшего сопротивления, взрыв мог бы произойти и по другому направлению... Военные средства, годные против Востока, годны и против Запада» *. Троцкий заметил, что не считает себя «призванным стоять на страже Версальского договора. Европа нуждается в новой организации. Но горе ей, если это дело попадет в руки фашизма».

Заявлениями для американской печати Троцкий побуждал правительство США (которое в этот шестнадцатый год после Октябрьской революции еще не признало Советское правительство) сблизиться с Советским Союзом, чтобы противостоять угрозе со стороны Японии и Германии **. Мы не знаем, оказали ли какое-либо воздействие эти настояния на решение президента Рузвельта [31], принятое вскоре после этого, о восстановлении дипломатических отношений с Москвой, но взгляды Троцкого, несомненно, произвели впечатление на дипломатию Сталина, которая немедленно подняла вопрос об антифашистском союзе. Когда речь шла о безопасности собственного правления, Сталин с готовностью прислушивался к совету своего противника, хотя часто с запозданием и всегда в своей грубой и извращенной манере.

Между тем Советское правительство продлило Рапалльский договор с Германией, что побудило ультрарадикальных антиста-

* Б. О. 1933. № 35. Статья была опубликована в «Manchester Guardian». 21—22 June 1933 (через три недели после того, как она была написана). Из этой статьи министр иностранных дел Сталина Литвинов [32] заимствовал часто употреблявшуюся фразу: «Винтовка, которая может стрелять на Восток, может также стрелять на Запад».

** См., например, интервью Троцкого 4 июля 1933 г. для «The New York world telegram».

линистов заклеймить этот шаг как новое «предательство» Сталина. Троцкий счел вопрос слишком серьезным, чтобы превращать его в предмет спора. Он неустанно подчеркивал ответственность Сталина и Коминтерна за приход к власти Гитлера, однако не отказывал Сталину в праве действовать в дипломатической сфере, исходя из соображений целесообразности. За два года перед этим, как мы знаем, Троцкий побуждал советское правительство мобилизовать Красную Армию, если Гитлер пригрозит захватить власть. Однако, делая это, он считал, что левые в Германии с оружием в руках поднимутся против нацизма. Тогда Красная Армия будет обязана помочь им. Бескровная победа Гитлера и тотальное разрушение левого движения в Германии, указывал теперь Троцкий, изменили баланс сил в ущерб Советскому Союзу, особенно потому, что Советский Союз был также ослаблен внутренне в результате сталинистской коллективизации. Советской дипломатии поэтому необходимо выиграть время, вести переговоры и даже искать временного соглашения с Гитлером. С несколько странной беспристрастностью Троцкий заявил, что если бы в нынешних обстоятельствах оппозиция была у власти, она не могла бы действовать иным образом. «Если б большевики-ленинцы (левая оппозиция) оказались сегодня во главе советского государства, они вынуждены были бы в своих *непосредственных практических действиях* исходить из того соотношения сил, которое сложилось в результате десятилетней политики эпигонов. Они были бы вынуждены, в частности, поддерживать дипломатические и экономические связи с Германией Гитлера. В то же время они готовили бы реванш. Это большая и длительная задача, которая не разрешается демонстративным жестом, а требует радикального изменения политики во всех областях» *. Суждение Троцкого, как и раньше, не было окрашено личными чувствами против Сталина и было строго объективным.

* * *

Шли последние месяцы жизни Троцкого на Принцевых островах. В течение некоторого времени друзья Троцкого во Франции, в особенности его переводчик Морис Парижанин, просили французское правительство отменить распоряжение, по которому Троцкий в 1916 году был «навсегда» выслан из Франции, и предоставить ему убежище. Троцкий был настроен скептически. Он считал, что только что сформированное радикальное правительство Эдуарда Даладье [33] будет стремиться к улучшению отношений с Советским Союзом и не потерпит его пребывания во Франции. Однако он сделал все, чтобы помочь своим француз-

* Б. О. 1933. № 35. С. 16.

ским друзьям. Чуть раньше он договорился об опубликовании в Нью-Йорке малолестного очерка об Эдуарде Эррио, написанного вскоре после ночной перебранки с полицией в Марселе. Теперь он отказался от его опубликования, с тем чтобы не давать пищи противникам его допуска во Франции. Он также написал министру просвещения Анри Герню, который в качестве члена правительства поддерживал право Троцкого на убежище, торжественно обещая вести себя во Франции с величайшей сдержанностью и не чинить правительству никаких затруднений *.

Проходили недели, но решения не было. За это время Троцкий отработал в общих чертах свои соображения о Интернационале, а также написал несколько небольших статей по политическим и литературным вопросам, касающимся Франции. Неопределенность ближайшего будущего заставила его отложить в сторону более крупные литературные проекты и повлекла за собой финансовые трудности, которых он не знал с 1929 года. Поездка в Копенгаген, болезнь Зины, переезд Левы во Францию и перевод редакции «Бюллетеня оппозиции» в Париж вовлекли его в большие расходы как раз в то время, когда доходы резко сократились. В Германии, где основные работы Троцкого имели широкое распространение, нацисты запретили и сожгли их вместе со всей марксистской и фрейдистской литературой как раз по выходе в свет третьего тома «Истории русской революции». В Соединенных Штатах «История русской революции» расходилась неважно. Уже в марте Троцкий писал своему стороннику в Англии: «Мировой финансовый кризис стал также и моим личным кризисом, особенно потому, что продажа «Истории» ничтожна». Время от времени Троцкий писал статьи для «Манчестер гардиан» и других газет, но гонорары были невелики. Чтобы ускорить решение о въездной визе во Францию, 7 июля он написал Анри Молинье, что удовлетворится видом на жительство, который позволит ему проживать не собственно во Франции, а на Корсике, ибо даже там он будет в более тесном контакте с европейской политикой и подальше от ГПУ, чем на Принцевых островах **. Друзья Троцкого во Франции требовали для него права убежища, и их настойчивость вскоре была вознаграждена. Еще до середины июля Троцкий получил визу, отнюдь не предоставлявшую неограниченного права на жительство: ему разрешалось проживать лишь в одном из южных департаментов, запрещалось приезжать даже на самое короткое время в Париж, он должен был сохранять строжайшее инкогнито и находиться под пристальным надзором полиции.

---

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*
** Там же.

Троцкий принял эти условия как невероятную удачу: наконец-то ему удастся выбраться из турецкого захолустья! Он едет во Францию, жизнь и культура которой так близки ему и которая теперь стала главным центром рабочего движения Запада. Готовясь к отъезду, полный надежд, он бросил взгляд на жизнь на Принцевых островах. «Четыре с половиной года тому назад, когда мы приехали сюда,— писал Троцкий в дневнике,— солнце Просперити еще сияло над Соединенными Штатами. Ныне эти дни представляются столь же далекими, как предыстория или волшебная сказка... Здесь, на этом тихом острове, где эхо так мягко, звуки большого мира достигают нас с запозданием и приглушенно». Не без волнения он расставался с величием Мраморного моря, рыболовными экспедициями и верными рыбаками, некоторые из которых, «чьи кости пропитаны морской солью», недавно нашли покой на деревенском кладбище, в то время как другие в эти годы кризиса должны были прилагать громадные усилия, чтобы продать свой улов. «Дом уже пуст. Деревянные ящики внизу. Молодые руки вбивают в них гвозди. Пол нашей старой и разрушенной виллы весной был окрашен такой странной краской, что даже теперь, спустя четыре месяца, столы, стулья и наши ноги прилипают к нему. Я испытываю странное ощущение, как будто мои ноги как бы корнями уходят в землю Принцевых островов» *.

Судьба не защитила его от разочарований и страданий на острове. Тени смертей неоднократно посещали его в те годы, даже в часы отъезда. Последнее, что он написал на Принцевых островах (помимо прощального благодарственного письма турецкому правительству), был некролог о Скрыпнике [34], старом большевике, одном из руководителей Октябрьского восстания, впоследствии ревностного сталиниста, который, вступив в конфликт со Сталиным, покончил жизнь самоубийством **.

Тем не менее, несмотря на все превратности судьбы, годы, проведенные Троцким на Принцевых островах, были самыми спокойными, самыми творческими и наименее несчастливыми из всех лет, прожитых в изгнании.

---

* «Перед отъездом», 15 июля 1933 г. *Архив Троцкого.*

** Некролог опубликован в Б. О. в октябре, № 36—37. С. 27—28.

РЕВОЛЮЦИОНЕР КАК ИСТОРИК

Подобно Фукидиду[1], Данте, Макиавелли, Гейне, Марксу, Герцену и другим мыслителям и поэтам, Троцкий достиг своей вершины как писатель только в изгнании, в течение нескольких лет, проведенных на Принцевых островах. Потомки запомнят его не только как руководителя Октябрьской революции, но и как ее историка. Ни один другой большевик не создал или не мог создать такого величественного и блестящего рассказа о событиях 1917 года: ведь ни один из многих писавших с позиций антибольшевистских партий не явил свету достойного контррассказа. Литературный дар у Троцкого проявился очень рано. Его описание революции 1905 года и по сей день представляет собой самую живую панораму «генеральной репетиции» 1917 года. Троцкий написал первый рассказ и дал первый анализ событиям 1917 года спустя всего несколько недель после Октябрьского восстания, во время перерыва в работе мирной конференции в Брест-Литовске, и в последующие годы он продолжал работу над исторической интерпретацией событий, участником которых был. Он обладал двояким даром историка: страстью революционера делать историю и страстью писателя описывать и постигать ее значение.

Все изгнанники размышляют о прошлом, но лишь немногие, очень немногие завоевывают будущее. Едва ли хоть одному из них приходилось бороться так за свою жизнь в моральном и физическом отношении, как боролся Троцкий. Сталин сначала применил к нему меру изгнания так же, как применяли ее древние римляне в качестве замены смертной казни, и не остался доволен этой заменой. Еще до физического убийства Троцкого его моральные убийцы в течение многих лет вели свою работу, сначала стирая его имя из анналов революции, а затем восстанавливая его как синоним контрреволюции. Роль Троцкого-историка поэтому была вдвойне трудной: он защищал революцию против ее врагов и

защищал свое собственное место в ней. Ни один писатель никогда не создавал своего главного труда, когда вокруг делалось все, чтобы возбудить его гнев, лишить возможности спокойно размышлять и извратить его представление о событиях. Все страсти Троцкого были возбуждены, но его мышление оставалось спокойным, а взгляд ясным. Он часто вспоминал правило Спинозы [2]: «Не плакать, не смеяться, а понимать». Однако сам плакал и смеялся. Тем не менее понимал.

Было бы не вполне справедливо говорить, что как историк Троцкий сочетал крайнюю пристрастность и строгую объективность. Ему не было нужды объединять их: они были теплом и светом его работы и, как тепло и свет, были нераздельны. Он высмеивал «бесстрастность» и «примиренческую справедливость» ученого, притворяющегося, что «стоит на стене осажденного города и принадлежит одновременно как к осажденным, так и к осаждающим» *. Место Троцкого, как и в 1917—1922 годах,— внутри осажденного града революции. Однако участие Троцкого в борьбе не только не притупило, а, напротив, заострило ясность его взора. Антагонизм Троцкого к старым правящим классам России, их вольным или невольным сторонникам позволил ему ясно рассмотреть не только недостатки или слабости, но также кое-какие достоинства, которыми они обладали. Здесь, как в лучших работах по военным вопросам Троцкого, его крайняя пристрастность и скрупулезно трезвые наблюдения действительно идут рука об руку. Для хорошего солдата самое важное иметь реальное представление о происходящем «по ту сторону холма», не принимать желаемое за действительное и не руководствоваться эмоциями. Троцкий в качестве руководителя Октябрьского восстания действовал, исходя из этого принципа. Троцкий-историк поступал аналогичным образом. Описывая революцию, он достиг единства субъективного и объективного.

Исторические сочинения Троцкого диалектичны до такой степени, что в марксизме подобного не видывали со времен Маркса, от которого Троцкий заимствовал свой метод и стиль. В сопоставлении с небольшими историческими сочинениями Маркса «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции» «История русской революции» Троцкого представляется как большое панно на стене в сравнении с миниатюрами. Если Маркс возвышался над своим учеником с точки зрения силы абстрактного мышления и готического воображения, ученик превосходит учителя как

---

* Троцкий ссылался конкретно на Л. Мадлена, «реакционного и поэтому модного» французского историка. Предисловие к «The History of tne Russian Revolution. Translated by *Max Eastman*». Vols. 1—3. London, 1932—1933.

художник, особенно как мастер графического изображения масс и индивидуумов в действии. Его социально-политический анализ и его художественное видение находятся в таком согласии, что между ними нет и следа различия. Его мысль и воображение идут вместе. Он излагает свою теорию революции с напряжением и подъемом рассказчика, а сам его рассказ черпает глубину из его идей. Сцены, портреты и диалоги Троцкого, бесспорно реальные, внутренне освещены его концепцией исторического процесса. Эта отличительная особенность его работ произвела глубочайшее впечатление на критиков-немарксистов. Вот что говорил, например, английский историк А. Л. Рауз:

«Истинное значение «Истории» Троцкого не в силе его слов, описаний характеров или сцен, хотя блестящий дар Троцкого постоянно напоминает Карлейля [3]. Есть что-то от той же техники, от того же маньеризма, даже от того, как лучи света бросаются на сцену и в центре оказываются самые примечательные эпизоды, придавая остроту и оттеняя основную мысль. Испытываешь ту же трудность, пытаясь проследить последовательность событий,— лучи света ослепляют. Однако, если у Карлейля была лишь его удивительная способность к интуиции, Троцкий обладает теорией истории, что дает ему возможность понимать ее и связывает события воедино. То же самое можно проиллюстрировать более ясно, сравнив его труды с работой Уинстона Черчилля «Мировой кризис», ибо оба в какой-то мере сходны по характерам и дарованиям, однако и здесь можно заметить различие. Для мистера Черчилля история имеет личный оттенок, события изложены живо, энергично, в чем-то есть сходство с манерой письма Троцкого, но история Черчилля не имеет за собой философии истории» *.

Замечание относительно сходства Троцкого и Черчилля правильно. На противоположных полюсах эти двое людей представляли тот же сплав реализма и романтики, ту же жизнеспособность, ту же склонность видеть и идти впереди своего класса и окружения, то же побуждение делать и писать историю. Вряд ли стоит отрицать наличие у Черчилля «философии истории»: он придерживался ее инстинктивно. Троцкий же обладал развитой и разработанной теорией. Важно однако то, что его теоретическое мировоззрение пронизывает его понимание, усиливает интуицию и обостряет взгляд, и хотя он, как и Карлейль, имел громадную и блестящую способность воображения, он также умел компактно и ясно выражать мысли и сохранять равновесие, а это уже качество величайших историков-классиков. В сущности,

* *Rowse A. L.* End of an Epoch. London. P. 282—283.

Троцкий — единственный гениальный историк среди марксистов и пока что ими отвергаемый *.

* * *

Из двух главных исторических сочинений Троцкого «Моя жизнь» и «История русской революции» первое, конечно, менее честолюбиво. Он написал эту работу в каком-то смысле преждевременно, хотя если бы он не написал ее в 1929 году или вскоре после этого, он вообще едва ли создал бы ее. В книге рассказывается в основном о первой половине его жизни, революционных триумфах, в ней даны лишь наброски другой половины, которая пока развертывалась. Троцкий закончил книгу через несколько месяцев после приезда в ссылку, спустя пять лет после начала открытой борьбы со Сталиным. Конфликт был еще слишком свежим, и рассказ о нем затруднялся тактическими соображениями и отсутствием перспективы. Что ему пришлось пережить в грядущие 11 лет, было не только значительно само по себе, но и отразилось на прежней жизни: на нее пал отсвет трагедии мрачного эпилога. Троцкий заключил «Мою жизнь» словами, бросающими вызов всем, кто рассуждал о его трагедии: «Я наслаждаюсь этим зрелищем, в котором я понимаю каждую картину...— повторил он вслед за Прудоном [4],— то, что подавляет других, все более и более возвышает меня, вдохновляет и укрепляет: как же вы хотите, чтобы я обвинял судьбу, плакался на людей и проклинал их?» ** Повторил бы он эти слова спустя несколько лет? В определенном смысле, если считать, что трагедия по необходимости включает епитинью действующего лица, то у Троцкого не было трагедии — у него не было епитиньи до самого финала. Подобно Шелли, он не мог допустить, чтобы все кончилось унижением перед Юпитером. Троцкий питал «отвращение к такой постыдной катастрофе». Трагедия Троцкого была новейшей трагедией предтечи, находящегося в конфликте со своими современниками. Пример такой трагедии Троцкий усматривал в Бабефе с тем различием, что драма Троцкого была значительно большей и в нее были вовлечены куда более мощные катастрофические силы. Но даже такая трагедия не предвиделась в его автобиографии, которая в результате этого оставляет впечатление некоторой поверхностности взгляда автора на свою судьбу, характерной для действующего лица трагедии накануне того, как на него со всех сторон посыпались удары.

---

* Это верно лишь в той степени, в какой можно характеризовать коммунистическое движение при Сталине и Хрущеве как марксистское.

** *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 338.

Самая малоубедительная часть «Моей жизни» — заключительные главы, где повествуется о борьбе Троцкого против Сталина. В них он дает множество деталей, проницательных наблюдений и характеристик, но не доходит до существа дела и лишь наполовину объясняет возвышение Сталина. Он изображает Сталина негодяем, появившимся внезапно, и относится к нему так же, как относился несколько лет назад, как к человеку слишком незначительному, чтобы быть противником Троцкого, не говоря уже о том, чтобы доминировать на арене Советского государства и международного коммунизма в течение трех полных десятилетий. «Верхнему слою партии (в более широких кругах его вообще не знали) он [Сталин.— *Ред.*] казался всегда человеком, созданным для вторых и третьих ролей»,— заявил Троцкий, высказывая предположение, что хотя Сталин захватил первую роль, он очень скоро исчерпает себя *. В этой связи можно припомнить, что Ленин в «Завещании» охарактеризовал Сталина как одного из «двух самых способных членов Центрального Комитета»; другим был Троцкий. Ленин предостерегал партию, что вражда этих двух людей была серьезнейшей опасностью для революции. Троцкий не смог объяснить многообразные политические причины возвышения Сталина, представив его воплощением партийной машины и новой бюрократии, жадной до власти и привилегий. И он не смог убедительно объяснить, почему руководящие круги большевиков сначала помогли Сталину в узурпации, а затем смирились с ней, почему это привело к таким удивительным формам внутрипартийной борьбы. Как автобиограф, в не меньшей степени как лидер оппозиции, Троцкий буквально игнорирует прямую связь между подавлением большевизмом всех партий и самоподавлением самой большевистской партии, высшим выражением которого был Сталин. Он не видит, почему партии пришлось обратить против себя выкованное ею оружие, с меньшей свирепостью применявшееся против врагов. Все это представляется ему результатом простого «заговора» **.

Тем не менее «Моя жизнь» остается шедевром автобиографического жанра. Франсуа Мориак [5] справедливо сравнивает ее первые главы с описаниями детства Толстым и Горьким ***. Троцкий обладал той же «детской» свежестью глаза и той же почти неисчерпаемой зрительной памятью, той же силой в воссоздании атмосферы и настроения и той же кажущейся легкостью воспроизведения образов и сцен. Двумя-тремя маленькими штрихами, описывая гримасу, жест или выражение глаз, он передает вну-

---

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 247.

** Там же. С. 227—234.

*** *Mauriac F. Mémoires Intérieures. Paris, 1959. P. 128—132.*

треннее содержание и характер человека. Так он рисует целую галерею родственников, домашней прислуги, соседей, школьных учителей и т. д. Вот несколько примеров, хотя его проза так связана со всем текстом, что любой отрывок не очень жизнеспособен вне контекста. Директора своей школы в Одессе он описывает так: «Он никогда не глядел на того, с кем говорил, двигался по коридорам и по классу неслышно на резиновых подбивках, голосом ему служил небольшой сиплый фальцет, который, не повышаясь, умел наводить ужас. С внешней стороны... казался ровным, но внутренне никогда не выходил из состояния отстоявшегося раздражения» *. Один из учителей Троцкого был «худой, с колючими усами на зеленовато-желтом лице, со всегда мутными белками глаз и усталыми движениями, точно спросонья, он то и дело шумно отхаркивался и отплевывался в классе... Неплохой математик... однако глядел куда-то поверх учеников... Несколько лет спустя он перерезал себе горло бритвой» **. Другой учитель: «...крупный и осанистый человек, с золотыми очками на небольшом носу и с мужественной молодой бородкой вокруг полного лица. Только когда он улыбался, открывалось внезапно и с полной очевидностью даже для нас, мальчиков, что осанистость этого человека мнимая, что он слабоволен, робок, чем-то раздирается изнутри и боится, что об нем что-то знают или могут узнать» ***. И еще один: «...огромный немец с большой головой и бородой, доходившей до пояса. На маленьких, почти детских ножках этот человек переваливал свое тяжелое тело, которое казалось сосудом добродушия. Струве был честнейшим человеком, страдал неуспехами своих учеников...» ****

Мы видим «печать судьбы» на соседях-помещиках, которые «с удивительной быстротой прогрессировали в одном и том же направлении — к падению». Одной из этих семей «когда-то принадлежали все земли в районе; теперь их отпрыск живет тем, что пишет жалобы и письма для крестьян. Когда он приходил к нам, то обычно прятал табак и куски сахара в рукав, и так же поступала его жена. Со слюной на губах она, бывало, рассказывала нам о своей молодости, о своих крепостных, роялях, шелковых туалетах и парфюмерии. Два их сына выросли почти неграмотными. Младший, Виктор, был учеником в нашей механической мастерской». Вот описание еврея-помещика: «Он получил аристократическое образование, бегло говорил по-французски, играл на пианино... Его левая рука была слабой, но правая рука, как он утверждал, была пригод-

---

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 68.
** Там же. С. 69.
*** Там же.
**** Там же. С. 71.

на, чтобы играть в оркестре и концерте... Он часто останавливался в середине пьесы, вставал, подходил к зеркалу. Если в комнате никого не было, он опалял свою бороду со всех сторон папиросой. Так он содержал ее в чистоте». А за этой галереей разорившихся помещиков и идущих вверх фермеров, изнуренных рабочих и самых разных родственников — как всегда, дыхание украинской степи: «Имя Фальц-Фейна [помещика, «короля овец»] звучало как топот десятков тысяч овечьих копыт, как блеяние бесчисленных овечьих голосов, как крик и свист степных чабанов... как лай бесчисленных овчарок. Сама степь выдыхала это имя в зной и в лютые морозы» *.

Из обстановки своего детства Троцкий переносит нас в первый революционный кружок города Николаева, в тюрьмы Одессы и Москвы, в колонии ссыльных в Сибири, а затем показывает нам галерею редакторов «Искры», раскол на Втором съезде партии и рождение большевизма. Ни в мемуарах, ни в записках очевидцев, ни в какой другой литературе, касающейся этого периода, нет такого яркого рассказа о расколе, какой мы можем прочитать в «Моей жизни». Тот факт, что Троцкий был в 1903 году меньшевиком, но писал как большевик, в значительной степени объясняет манеру, в которой он воссоздает атмосферу собраний и описывает действующих лиц. Бросая ретроспективный взгляд, он становится на сторону Ленина, однако он воздает должное себе, Мартову [6], Аксельроду [7] и Засулич [8], объясняя, почему все они выступили против Ленина. В отличие почти от всех мемуаристов — большевиков и меньшевиков, он показывает каждую из враждовавших групп изнутри, и хотя теперь политически осуждает меньшевиков, делает это с пониманием и симпатией. Даже до того как Троцкий вводит нас в суть политического спора, он заставляет почувствовать внутреннее столкновение характеров: «Бок о бок с Лениным Мартову, ближайшему его тогда соратнику, было уже не по себе. Они были еще на «ты», но в отношениях уже явственно пробивался холодок. Мартов гораздо больше жил сегодняшним днем, его злобой, текущей литературной работой... Ленин, подминая под себя сегодняшний день, врезывался мыслью в завтрашний. У Мартова были бесчисленные и нередко остроумные догадки, гипотезы, предложения, о которых он часто сам вскоре позабывал, а Ленин брал то, что ему нужно, и тогда, когда ему нужно. Ажурная хрупкость мартовских мыслей заставляла Ленина не раз тревожно покачивать головой... Относительно Ленина и Мартова можно сказать, что и до раскола, и до съезда, Ленин был «твердым», а Мартов — «мягкий». И оба это знали. Ленин критически и чуть подозрительно поглядывал на Мартова, которого очень ценил, а Мартов, чувствуя этот

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 50.

взгляд, тяготился и нервно поводил худым плечом. Когда они разговаривали друг с другом при встрече, не было уже ни дружеских интонаций, ни шуток, по крайней мере, на моих глазах. Ленин говорил, глядя мимо Мартова, а у Мартова глаза стекленели под отвисавшим и никогда не протиравшимся пенсне. И когда Ленин со мною говорил о Мартове, то в его интонации был особый оттенок: «Это что ж, Юлий сказал?» — причем имя Юлия произносилось по-особому, с легким подчеркиванием, как бы с предостережением: «Хорош-то хорош, мол, даже замечателен, да очень уж мягок» *.

Можно сразу почувствовать дыхание судьбы, возникающее в этот момент между двумя «близкими товарищами по оружию», и ощущение поражения, нависшего над слабой и неопрятной фигурой Мартова. Троцкий не забыл, скольким, будучи молодым человеком, он был обязан Мартову, и поэтому, вынося окончательный вердикт о нем, делает это с печальной теплотой: «Мартов был... одной из самых трагических фигур революционного движения. Одаренный публицист, изобретательный политик, глубокий мыслитель, он стоял значительно выше... движения, лидером которого стал. Однако в его мышлении не хватало мужества. Его проницательность была лишена воли. Простая изворотливость не заменяла этого. Его реакция на события всегда имела тенденцию быть революционной. Поразмыслив, не имея поддержки активной воли, он обычно отступал». Отсутствие активной воли описано здесь как коренной недостаток, подрывающий дерзкий ум и благородный характер. Совсем иначе дано описание Плеханова [9], сделанное со сдержанной антипатией: «Плеханов, по-видимому, что-то почувствовал на съезде. По крайней мере, он сказал тогда Аксельроду про Ленина: «Из такого теста делаются Робеспьеры». Сам Плеханов играл на съезде малозавидную роль. Только один раз мне довелось видеть и слышать Плеханова во всей силе его: это было в программной комиссии съезда. С ясной, научно отшлифованной схемой программы в голове, уверенный в себе, в своих знаниях, в своем превосходстве, с веселым ироническим огоньком в глазах, с колючими усами с сединой, с чуть-чуть театральными, но живыми и выразительными жестами, Плеханов, сидевший председателем, освещал собою всю многочисленную секцию, как живой фейерверк учености и остроумия» **.

Таково уничтожающее, хотя на первый взгляд лестное описание человека с его самодовольством и тщеславием, прорывающимися через его блестящие качества,— человека, сравниваемого с фейерверком, который вот-вот погаснет во мраке.

---

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 175—176.
** Там же. С. 189.

Не менее ярки и памятны зарисовки лидеров европейского социализма эры до 1914 года: Августа Бебеля [10], Карла Каутского, Жана Жореса [11], Виктора Адлера [12], Рудольфа Гильфердинга [13], Карла Реннера [14] и многих других. В коротком, часто юмористическом отрывке, где повествуется о внешне тривиальном случае, Троцкий рассказывает об этом времени и об этих людях больше, чем содержится во многих ученых книгах. Он повествует, например, как в 1902 году после первого побега из Сибири остановился без денег, голодный, но полный осознания важности своей миссии в Вене и направился в штаб социал-демократов просить прославленного Виктора Адлера о помощи, чтобы продолжить путь в Лондон. Дело происходило в воскресенье. Учреждение было закрыто. На лестнице он встретил пожилого господина, «малоприветливого вида», которому сказал, что должен повидать Адлера. «Вы знаете, какой сегодня день? — спросил он меня строго...— Сегодня воскресенье! — отчеканил высокий господин и хотел пройти мимо.— Все равно, сказал я, мне нужен Адлер». Тогда мой собеседник ответил мне таким тоном, как если бы он в бурю командовал батальоном: «В воскресенье доктора Адлера видеть нельзя, говорят вам!.. Да хоть бы ваше дело было в десять раз важнее, поняли?... Если бы вы даже привезли весть,— слышите? — что убит ваш царь, и что у вас там началась революция,— слышите? — и это не дало бы вам права нарушить воскресный отдых доктора!» *.

На лестнице молодой революционер, только что приехавший из российского подполья, столкнулся с воплощением упорядоченной, иерархической, задавленной рутиной бюрократии европейского социализма. В нескольких фразах он рассказывает о встрече с Адлером, которого в конце концов сумел найти: «Невысокого роста человек, сутуловатый, почти горбатый, с опухшими глазами на усталом лице» **. Троцкий извинился за то, что побеспокоил его в воскресенье. «Дальше, дальше... сказал он с внешней суровостью, но таким тоном, который не пугал, а поощрял. Из всех морщинок этого человека сквозил ум». Когда ему было рассказано о странной встрече на лестнице, Адлер задумался: «Кто бы это мог быть? Высокий? Кричит? Это Аустерлиц. Кричит, вы говорите? Это Аустерлиц. Не берите этого слишком всерьез. Если вы привезете из России вести о революции, можете звонить ко мне и ночью» ***. Эти немногие строчки сразу дают нам представление о другом элементе европейского социализма до 1914 года — о проницательности и уме престарелого лидера, который, однако, постепенно становился славным пленником некоего партийного унтера. Книга

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 164.

** Там же. С. 165.

*** Там же.

наполнена сотнями таких лаконичных и выразительных случаев и диалогов.

Когда Троцкий переходит к описанию высшей точки своей жизни — к Октябрьской революции и гражданской войне, он делает это с величайшей сдержанностью, точными, часто тонкими мазками. Приведем пример. Вот как он показывает настроение народа в дни короткого триумфа реакции в голодный и бурный июль 1917 года, когда большевизм, казалось, шел вниз, а Ленин, заклейменный как германский шпион, прятался. Троцкий ведет нас в столовую Петроградского Совета: «...я заметил, что Графов подсовывал мне стакан чаю погорячее и бутерброд получше, глядя при этом мимо меня. Ясно: Графов сочувствовал большевикам и скрывал это от начальства. Я стал присматриваться. Графов был не одинок. Весь низший персонал Смольного — сторожа, курьеры, караульные,— явно тяготели к большевикам. Тогда я сказал себе, что наше дело уже наполовину выиграно. Но пока только наполовину» *.

Реплика ребенка, упоминание о «грязном воротнике» Ленина на следующий день после Октябрьского восстания, описание длинного, темного, забитого людьми коридора Смольного, кишащего, как муравейник, какой-нибудь смешной эпизод в разгар решающей битвы и напряженный диалог — главным образом такими деталями Троцкий передает дух эпохи. Художественное дарование Троцкого заключается в том, что он окольными путями подходит к громадным событиям, а если бы они описывались фронтально (как это бывает обычно в автобиографиях), для их величины не хватило бы великих слов.

О «Моей жизни» говорилось, что в ней виден эгоцентризм и «самодраматизация» Троцкого. Но всякая автобиография «эгоцентрична» уже по определению, и эта критика равносильна рекомендации, чтобы Троцкий не занимался ею. У него были собственные «марксистские» угрызения совести, терзавшие его, когда он придумывал название книги. «Если бы я писал эти мемуары в иных обстоятельствах,— извинялся Троцкий,— хотя в других обстоятельствах я едва ли написал бы их вообще, я бы поколебался, чтобы включить многое из сказанного в них». Однако он был вынужден принять контрмеры против лавины сталинистской фальсификации, покрывшей все прошедшие годы его жизни. «Мои друзья — в тюрьмах или ссылке. Я обязан рассказать о себе... Это вопрос не только исторической правды, но также политической борьбы, которая все продолжается». Он был в положении человека на скамье подсудимых, обвиняемого во всех возможных и невозможных преступлениях, пытающегося оправдать себя, давая суду полный отчет

* *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 37.

о своих деяниях, а на него кричат, что он занимается прежде всего собой.

Все это вовсе не означает, что у Троцкого не было явно выраженного эгоцентризма. Это качество объясняется его натурой художника. Оно развилось в дореволюционные годы, когда Троцкий шел своим путем, не будучи ни большевиком, ни меньшевиком, а сталинистская кампания, вынудив Троцкого занять в свою защиту в высшей степени личную оборонительную позицию, подчеркнула его эгоцентризм. Однако о самодраматизации Троцкого можно было бы говорить лишь в том случае, если бы его автобиография или любая биография Троцкого могла бы представить его жизнь более драматично, чем она была на самом деле. Поскольку, когда Троцкий писал «Мою жизнь», он до конца не осознавал трагизма своей судьбы, более правильно сказать, что он как бы недодраматизировал себя. Равным образом, как мы увидим дальше, не может быть и речи о том, что Троцкий раздул свою роль в революции. Как в книге «Моя жизнь», так и в «Истории русской революции» главный герой не он, а Ленин, в тень которого автор сознательно помещает себя.

Другие критиковали «Мою жизнь» за отсутствие самоанализа, за то, что автор не открыл свой подсознательный мир. Конечно, Троцкий не дает «внутреннего монолога», не рассказывает о своих мечтах или комплексах, соблюдает почти пуританскую сдержанность в сексуальных вопросах. В конечном счете эта книга — политическая автобиография, политическая в очень широком смысле. Тем не менее уважение автора к рациональному ядру психоанализа проявляется в той заботе, с которой он описывает детство, предоставляя возможному психоаналитику такой материал, как опыт и «случай» детских лет, игрушки и т. п. (Изложение начинается словами: «Временами мне казалось, что я помню себя сосущим грудь матери».) Он дает походя объяснение своей сдержанности в отношении фрейдистского самоанализа. «Память... не является незаинтересованной,— пишет Троцкий в предисловии.— Нередко она подавляет или отодвигает в темный угол эпизоды, которые противоречат общему направлению важнейших инстинктов индивидуума... Это, однако, вопрос для «психоаналитической» критики, которая иногда бывает оригинальна и поучительна, но по большей части эксцентрична и произвольна». Троцкий занимался вопросами психоанализа глубоко и систематически и поэтому знал недостатки этого метода. У него не было ни времени, ни терпения для эксцентричных и произвольных догадок в своем подсознательном мире. Вместо этого он дал портрет самого себя, замечательный по целостности, честности и человеческой теплоте.

Как политическое сочинение «Моя жизнь» не достигла своей непосредственной цели. Она не произвела впечатления на ком-

мунистическую аудиторию, к которой прежде всего была обращена. Для рядовых членов партии простое ознакомление с книгой уже было бы грехом, и поэтому они не читали ее. Немногие, прочитавшие автобиографию, либо оскорблялись, либо озлоблялись. Они либо соглашались с культом Сталина, и книга лишь подтверждала в их глазах сталинские словеса касательно личного честолюбия Троцкого, либо они были шокированы, увидев, что руководитель революции вообще занимается саморисовкой. «Вот он, Троцкий, нарцисс, предающийся самовосхвалению,— таков был типичный комментарий. Поэтому коммунисты просмотрели богатейший исторический материал, представленный им Троцким, его мысли о революции и его интерпретацию большевизма, из которой они могли извлечь много поучительного. С другой стороны, книгу широко читали в буржуазных кругах, где восхищались ее литературными достоинствами, но ее социальная значимость в данном случае совершенно пропадала. «Мое страдание им чуждо, мои муки не заставят их сердце биться». Троцкий мог бы сказать это о себе.

* * *

«Историю русской революции» можно считать центральной работой Троцкого по объему, силе изложения и полноте выражения идей Троцкого о революции. Как рассказ о революции одного из главных действующих лиц этот труд уникален в мировой литературе.

Троцкий вводит нас на сцену 1917 года главой «Особенности развития России», в которой события показаны в глубокой исторической перспективе. В этой главе можно сразу узнать обогащенную и зрелую версию его раннего эссе о перманентной революции, восходящего к 1906 году. Нам показывают Россию, вступившую в XX столетие, не стряхнув с себя средние века, не пройдя реформации и буржуазной революции, однако с элементами современной буржуазной цивилизации, внедренными в ее архаичную жизнь. Вынужденная развиваться под экономическим и военным давлением Запада, Россия не могла пройти через все фазы «классического» цикла западноевропейского прогресса. «Дикари отбрасывают луки и стрелы и хватают ружья, не пройдя дороги, отделявшей эти два вида оружия в прошлом». Современная Россия не могла провести собственную реформацию или буржуазную революцию под руководством буржуазии. Сама отсталость страны заставляла ее стремительно продвигаться политически к уровню, достигнутому Западной Европой, и за ним — к социалистической революции. Слабая русская буржуазия, неспособная сбросить с себя бремя полуфеодального абсолютизма, небольшой, но компактный рабочий

класс, в конечном итоге поддержанный мятежным крестьянством, выдвинулись на авансцену как ведущие революционные силы. Рабочий класс не мог удовлетвориться революцией, которая привела бы к установлению буржуазной демократии. Он должен был бороться за реализацию социалистической программы. Таким образом, в силу «закона комбинированного развития» крайняя отсталость имела тенденцию соединиться с крайним прогрессом, что и привело к взрыву 1917 года.

«Закон комбинированного развития» объясняет силу напряжений внутри социальной структуры России. Троцкий, однако, оценивает социальную структуру как «относительно постоянный» элемент обстановки, которая сама по себе не была причиной революционных событий. Споря с Покровским [15], он указывает, что ни в 1917 году, ни в предшествующее десятилетие в социальной структуре России не произошло какого-либо коренного сдвига. Война ослабила и сделала уязвимой эту структуру, но не изменила ее *. Национальная экономика и основные отношения между социальными классами в 1917 году в общем были такими же, как в 1912—1914 годах и даже в 1905—1907 годах. Что же в таком случае было прямой причиной февральского и октябрьского взрывов, бурных приливов и отливов революции в промежуточный период? Изменилась психология масс, отвечает Троцкий. Если структура общества была постоянным фактором, то настроение масс было переменным элементом, определявшим приливы и отливы событий, их ритм и направление. «Самой неоспоримой чертой революции является прямое вмешательство масс в исторические события. Революция существует в их нервах перед тем, как она выходит на улицу». «История русской революции» поэтому в значительной степени является исследованием революционной психологии масс. Занявшись взаимосвязью между «постоянным» и «переменным» факторами, Троцкий продемонстрировал, что революция является не только следствием того, что социальные и политические институты давным-давно пришли в упадок и буквально взывали к небесам, чтобы их низвергли, но и того, что многие миллионы людей впервые услышали этот «вопль» и узнали о его существовании. В социальной структуре революция созрела задолго до 1917 года. В умах масс она созрела лишь в 1917 году. Таким образом, как ни парадоксально, глубочайшие причины революции заключаются не в подвижности человеческого мышления, а в свойственном ему консерватизме: люди поднимаются массой только тогда, когда они осознают, что в умственном отношении отстали от времени и хотят немедленно исправить сложившееся положение вещей. Вывод из «Истории

* Предисловие к тому I и введение к томам II и III «Истории русской революции».

русской революции» таков: ни один великий переворот в обществе не проистекает автоматически из упадка старого порядка. Целые поколения могут прожить при порядке, приходящем в упадок, не понимая этого. Но когда под давлением какой-нибудь катастрофы, подобной войне или экономическому кризису, они осознают это, следует гигантский взрыв отчаяния, надежды и активности. Историк поэтому должен «проникнуть в нервы» и умы миллионов людей, чтобы почувствовать и передать могучий толчок, сокрушающий существующий порядок.

Академический педант закапывается в гору документов, чтобы реконструировать по ним один исторический факт. Можно сказать, что ни один историк не может «проникнуть в нервы» миллионов. Троцкий понимал эту трудность. Проявления массового сознания случайны и разбросаны, что может привести историка к произвольным построениям и ложным интуитивным предположениям. Однако, указывает Троцкий, историк все же способен отличить правду от неправды в своем представлении о сознании масс, прибегнув к нескольким строго объективным критериям. Он должен неуклонно следовать за внутренним смыслом событий. Он может и должен проверять, соответствует ли движение сознания масс, как оно ему представляется, действительности, вытекает ли каждая фаза из предыдущей и сохранена ли причинная связь. Он должен, далее, рассмотреть, соответствует ли движение массового сознания движению событий: отражается ли настроение народа в событиях и, в свою очередь, отражают ли сами события это настроение? Если можно утверждать, что ответы на подобные вопросы должны быть туманными и субъективными, то Троцкий в своих ответах опирался в марксистской манере на практические действия как на окончательный критерий истины. Он указывает: то, что он делает как историк, он и другие руководители большевиков делали на практике, совершая революцию. Опираясь на анализ и наблюдения, они строили гипотезы относительно настроений масс. Все их важнейшие политические решения основывались на этих «догадках», и ход революции доказал, что, несмотря на поиски и ошибки, их образ действий в целом был правильным. Если в горячке битвы революционер мог составить приблизительно верное представление о политических эмоциях и мыслях миллионов, нет никаких причин, чтобы историк не мог достичь того же после свершения событий.

Манера описания Троцким массовых действий имеет много общего с методом Эйзенштейна [16] в классическом фильме «Броненосец Потемкин». Троцкий выделяет из толпы отдельных людей, показывает их в момент возбуждения или апатии, дает им возможность выразить свое настроение фразой или жестом, а затем снова показывает толпу, громадную и теплую толпу, колеблемую волнами

эмоций или движущуюся к действию, и мы сразу понимаем, что индивидуальная фраза или жест предвосхитили эти эмоции или действия толпы. Троцкий обладал особым даром подслушивать массы, когда они мыслят вслух, и дает нам возможность услышать их. В концепции и образе Троцкий постоянно идет от общего к конкретному и обратно к общему, переход никогда не бывает у него неестественным или напряженным. Здесь опять можно припомнить сравнение между Троцким и Карлейлем. Однако это сравнение скорее подчеркивает контраст, чем сходство. В исторических сочинениях обоих значительная часть образов зависит от массовых сцен. Оба заставляют нас почувствовать стихийную силу мятежного народа так, что мы наблюдаем за ней как за движущейся лавиной. Но если толпы у Карлейля движимы только эмоциями, толпы у Троцкого думают и размышляют. Они стихийны, но в то же время человечны. Масса Карлейля закутана в пурпур мистицизма, и этим внушается мысль, что революционный народ Франции был слепым орудием возмездия бога за грехи правящего класса. Масса Карлейля привлекает и отталкивает. Он «проникает в нервы» лишь после того, как сам взвинтил себя,— автор буквально бредит в горячке. Троцкий описывает массовые сцены с не меньшим воображением, но с кристальной ясностью. Он дает нам почувствовать: именно так люди творят историю — в соответствии с «законами истории», но также своими сознательными и волевыми действиями. Он гордится такими людьми, хотя они могут быть безграмотными и грубыми. Он хочет, чтобы и мы гордились ими. Для него революция — короткое, но многозначительное событие, когда униженные и оскорбленные наконец обретают голос. В его глазах один этот миг компенсирует века угнетения. Он возвращается к революции с ностальгией, придающей его повествованию живой и образный характер.

Троцкий, однако, не переоценивает роли масс. Он не противопоставляет их партии и лидерам, как, например, великий историк-анархист французской революции Кропоткин [17], пытавшийся доказать, что каждое продвижение революции вперед было результатом массовых народных действий, а каждая неудача объяснялась замыслами и «государственными махинациями» политиканов. Троцкий усматривает в массах движущую силу переворота, однако последнюю нужно концентрировать и направлять, что может сделать только партия. «Без направляющей организации энергия масс рассеется как пар, не заключенный в цилиндр. Тем не менее событиями движет не цилиндр, а пар». Великий контраст, выводимый Троцким, между двумя революциями 1917 года основывается на этой идее. Февральская революция в основе своей была делом масс, чья энергия оказалась достаточно могучей, чтобы заставить царя отречься от трона, вызвать к жизни Советы, но энергия затем была

растрачена, не дав решения ни одному из кардинальных вопросов, позволив князю Львову [18] стать главой правительства. Октябрьская революция была прежде всего делом рук большевиков, сфокусировавших и направивших энергию масс.

Отношения между классами и партиями значительно более сложны в изложении Троцкого, чем может дать любое механистическое сравнение. Он показывает тонкое взаимопереплетение многих объективных и субъективных факторов. Партией в ее действиях руководит прежде всего определенный классовый интерес. Однако связи между классом и партией часто запутанны, иногда двусмысленны, а в революционную эру в высшей степени нестабильны. Хотя поведение партии в конечном счете определяется ее связями с данным классом, она может рекрутировать своих сторонников из другого, потенциально враждебного класса. Или она может представлять собой только одну фазу в развитии ее социальной среды, поскольку именно к этой фазе могут быть в умственном отношении прикованы некоторые вожди, в то время как данная фаза осталась позади. Или же партия может оказаться впереди своего класса и выступить с программой, которую этот класс еще не готов принять, но события заставят принять ее, и т. д., и т. п. В ходе революции традиционный политический баланс нарушается, и быстро возникают новые союзы. «Историю русской революции» Троцкого можно считать великим исследованием динамики этих процессов.

* * *

Мы уже указывали, что Троцкий не скрывает своей враждебности к врагам Октябрьской революции. Точнее сказать, он выставляет их перед трибуналом истории как прокурор и вторично наносит им поражение, которое в свое время нанес на улицах Петрограда. Как правило, эта роль не для историка. Однако в истории, как и в юриспруденции, случается, что прокурор может дать наиболее полное изложение существа дела во многих случаях, а именно: когда он обвиняет подсудимых в преступлениях, действительно ими совершенных; когда он не преувеличивает их вины; когда он входит в их мотивы, объясняет условия, в которых они находились, и должным образом учитывает смягчающие обстоятельства; когда он поддерживает каждое обвинение обильными и убедительными доказательствами и, наконец, когда подсудимые, имеющие полную свободу опровергнуть обвинения, не только не делают этого, а шумной ссорой между собой на скамье подсудимых лишь подтверждают правоту прокурора. Именно так Троцкий выполнил свой долг. Когда его «История русской революции» увидела свет, и в течение многих лет после этого, большинство руководителей

антибольшевистских партий — Милюков, Керенский, Церетели [19], Чернов [20], Дан [21], Абрамович и другие были живы и вели активную деятельность в эмиграции. Однако ни один из них не смог указать на существенное слабое место в сети фактов, сотканной Троцким. Ни один, разве что за исключением Милюкова, не сделал серьезной попытки дать альтернативный рассказ *. И поэтому (поскольку никакой истории революции, достойной этого названия, пока не издано в Советском Союзе) работа Троцкого и поныне, в пятое десятилетие после Октября, остается единственной обстоятельной историей революции. И это не случайно. Все другие главные действующие лица, за частичным исключением Милюкова, были настолько поглощены своими противоречиями и заняты собственными ошибками, что оказались неспособными дать свое развернутое и более или менее связное изложение событий. Они отказались в качестве историков вернуться на фатальные поля битв, где все, буквально каждый клочок земли напоминал им об их позоре. Троцкий вновь посетил поля битв с чистой совестью и с высоко поднятой головой.

Тем не менее в его истории нет абсолютных мерзавцев. Он, как правило, не квалифицирует врагов большевизма как коррумпированных и гнусных людей. Он не лишает их личных достоинств и чести. Если тем не менее они предстают обреченными, то потому, что Троцкий показал, как они защищали то, что защитить невозможно, как тащились за событиями, как были подняты обстоятельствами на высоты ответственности, на которые они не поднялись умственно и морально, и как они постоянно разрывались между словом и делом. Низость и злодейство, разоблаченные Троцким, коренились в архаической социальной системе, а не в индивидуумах. Его детерминистский взгляд на историю позволил ему относиться к противникам не свысока, но справедливо, а по временам великодушно. Когда он описывает врага у власти, он показывает его благодушным, уверенным и сокрушает его иронией или негодованием. Нередко, однако, Троцкий останавливается, чтобы воздать должное прошлым достижениям противника, цельности его натуры, даже героизму, и сокрушается по поводу падения людей, достойных лучшей судьбы. Когда он описывает поверженного врага, он подчеркивает необходимость случившегося и оправдывает это с точки зрения истории. Но иногда, оставив ликование, он

* Милюков, однако, сам частично дезавуировал свою работу как с исторической точки зрения недостаточную. См. Предисловие к книге П. Милюкова «История второй Русской революции». Главный и, скорее, единственный факт, в котором Керенский пытается опровергнуть Троцкого,— повторение старого обвинения о том, что Ленин и большевистская партия были платными шпионами Германии// *Kerensky A.* The Crucifixon of Liberty. London, 1934. P. 285.

бросает сочувственный взгляд, обычно последний, на поверженную жертву.

Он никогда не рисует врагов революции в более черных красках, чем они рисовали друг друга. Часто Троцкий рисует их менее мрачно, ибо отбрасывает их взаимную вражду, соперничество и устраняет преувеличения, содержащиеся в грубых оскорблениях, которыми они обменивались. Он относится к царю и царице не беспощаднее, чем Витте [22], Милюков, Деникин и даже более ортодоксальные монархисты. Он даже «защищает» царя против либеральных критиков, утверждавших, что своевременными уступками царь мог бы предотвратить катастрофу. Николай II [23], доказывает Троцкий, сделал немало уступок, но не мог пойти дальше, ибо это противоречило интересам его самосохранения. Как у Толстого в «Войне и мире», так и у Троцкого, царь — «раб истории». «Николай II унаследовал от своих предков не только гигантскую империю, но и революцию. Они не оставили ему в наследство ни одного качества, которое дало бы ему возможность управлять империей, губернией или даже уездом. Историческому паводку, каждый вал которого подкатывался все ближе к воротам его дворца, последний Романов противопоставлял лишь немое безразличие». Троцкий проводит запоминающуюся аналогию между тремя обреченными монархами: Николаем II, Людовиком XVI [24] и Карлом I [25], а также между их королевами. Главная отличительная черта Николая — не жестокость, на которую он был способен, или глупость, а «скудость внутренних сил, слабость нервного разряда, бедность духовных ресурсов». «Как Николай, так и Людовик XVI создают впечатление людей, которым их ноша не по плечу, но в то же время не желающих отказаться даже от части прав, которые они не могли использовать». Каждый шел к пропасти «с короной, напяленной на голову». Но, замечает Троцкий, «разве легче... идти к неизбежной пропасти с широко открытыми глазами?» Он показывает, что в решающие моменты, когда судьба властвовала над тремя суверенами, они были настолько похожи друг на друга, что отличия между ними, казалось, исчезали, ибо «на щекотку люди реагируют различно, но совершенно одинаково на прикосновение раскаленного добела железа». Что касается царицы [26] и Марии Антуанетты [27], то обе женщины были «предприимчивы, но пустоголовы», и обе «испытывали радужные надежды, когда тонули».

Он рисует портреты кадетов, меньшевиков и эсеров. Вот Милюков: «Профессор истории, автор значительных академических работ, основатель кадетской партии... совершенно свободный от этого невыносимого, наполовину аристократического и наполовину интеллигентского политического дилетантизма, свойственного большинству русских либеральных политических деятелей. Милюков

относился к своей профессии очень серьезно, и уже это отличало его». Русская буржуазия не любила его, ибо «прозаически и трезво, без приукрашивания он выражал политическую сущность русской буржуазии. Видя свое отражение в зеркале Милюкова, русский буржуа понимал, что он сер, эгоистичен и труслив, и, как часто случается, он обижался на зеркало». Родзянко [28], царский дворецкий, ставший одним из руководителей февральского режима, был гротескной фигурой: «Получив власть из рук заговорщиков, мятежников и тиранов, он ходил в эти дни с испуганным выражением на лице... вертелся на цыпочках вокруг пожара революции, кашляя от его дыма и говоря: «Пусть все сгорит до углей, тогда мы попытаемся сварить что-нибудь».

Меньшевики и эсеры у Троцкого, конечно, имеют мало общего с безликими контрреволюционными призраками, обычно показываемыми в сталинистской и даже послесталинистской литературе. Каждый из них принадлежал к своему виду, но имел индивидуальные черты. Вот блестящий очерк о Чхеидзе [29], меньшевистском председателе Петроградского Совета: «Он пытался отдать исполнению обязанностей всего себя, скрывая постоянное отсутствие уверенности в себе под маской веселости. Он был отмечен неистребимой печатью провинциализма... горной Грузии, Жиронды русской революции». «Самый выдающийся деятель» этой Жиронды Церетели много лет провел на каторге в Сибири, но «остался радикалом южнофранцузского типа. В условиях обычной парламентской рутины он чувствовал бы себя как рыба в воде, но он был рожден в революционную эпоху и отравил себя в юности глотком марксизма. Из всех меньшевиков Церетели по крайней мере... обладал самым широким кругозором и самым сильным желанием проводить последовательную политику. По этой причине он чаще, чем кто-либо другой, помогал в разрушении февральского режима. Чхеидзе полностью подчинялся Церетели, хотя временами его пугала доктринерская прямота, заставлявшая вчерашнего каторжника революционера объединяться с консервативным представителем буржуазии».

Скобелев [30], когда-то ученик Троцкого, выглядит недоучкой, «игравшим роль государственного деятеля в любительском спектакле».

Что касается Либера [31], то «...если первой скрипкой в оркестре... был Церетели, то на пронзительном кларнете играл Либер со всей силой своих легких и глазами, налитыми кровью. Этот меньшевик принадлежал к Бунду [32], имел большое революционное прошлое, был очень искренним, очень темпераментным, очень красноречивым, очень ограниченным и страстно желал проявить себя неукротимым патриотом и железным государственным деятелем... Он кипел ненавистью к большевикам».

А вот Чернов, в прошлом принимавший участие в Циммервальдском движении, а теперь министр в правительстве Керенского: «Хорошо начитанный, а не образованный человек, со значительными, но не систематическими знаниями, Чернов всегда имел под рукой громаднейший ассортимент подходящих цитат, которые в течение длительного времени захватывали воображение русской молодежи, не научив ее многому. Был только один вопрос, на который этот многословный вождь не мог ответить: кого он вел и куда? Эклектические формулы Чернова, украшенные морализмами и стихами, на время объединили самых различных людей, которые в критический момент двигались в различных направлениях. Нет ничего удивительного в том, что Чернов с удовлетворением противопоставлял свои методы создания партии «сектантству» Ленина... Он решил избегать всех спорных вопросов, воздерживаясь от голосования, и это стало для него формой политической жизни. При всем различии между Черновым и Керенским, которые ненавидели друг друга, они оба были неразрывно связаны с дореволюционным прошлым — старым, дряблым русским обществом, с той жидкокровой и претенциозной интеллигенцией, горевшей желанием учить массы народа, быть их хранителями и благодетелями, но совершенно неспособной прислушиваться к ним, понимать их и учиться от них».

В представлении Троцкого большевиков отличала от всех других партийцев именно способность «учиться у масс», равно как учить их. Однако они не без неохоты и не без внутреннего сопротивления учились и выполнили свою задачу. Когда Троцкий заключает книгу хвалой революции и своей партии, он оставляет нас в раздумье о том, сколько же большевики будут продолжать «учиться у масс». Партия, которую он показывает нам, очень отличается от «железной фаланги», которая, по официальной легенде, неуклонно шагает, свободная от человеческих слабостей, к своей предопределенной цели. Дело не в том, что большевики у Троцкого не имеют «железной» решимости и смелости, но они обладают этими качествами в дозах, соответствующих человеческому характеру и распределенных довольно неравномерно между вождями и рядовыми членами партии. Мы видим большевиков в их лучшие дни, когда, находясь в изоляции, подвергаясь оскорблениям, они надеются и продолжают борьбу. В беззаветной преданности делу ни один из их противников не может с ними равняться. Величие цели и характеров всегда просматривается в рассказе Троцкого. Вместе с тем мы видим их в разброде, в смятении, когда вожди близоруки и робки, а рядовые члены партии, спотыкаясь, бредут в темноте. Из-за этого Троцкого обвиняли в том, что он дал карикатуру на большевизм. Ничто не может быть дальше от правды, чем такое утверждение. Его описание великолепно соответствует

действительному положению вещей, ибо он показывает все слабости, сомнения и колебания большевизма. В ключевые моменты нерешительность и разногласия слабеют или совсем преодолеваются, и сомнения уступают место уверенности. То обстоятельство, что партии, чтобы выполнить свою роль, приходилось бороться с собой, а не только с врагами, не преуменьшает ее достижений,— напротив, эти достижения становятся больше. Троцкий не лишает политической чести даже Зиновьева, Каменева, Рыкова, Калинина и других, испугавшихся великого прыжка в Октябре: если своим рассказом он позорит их, то только потому, что после революции они пытались выступать никогда не ошибавшимися вождями железной фаланги.

В «Истории русской революции» подробно рассказано о двух великих «внутренних кризисах» большевизма в год революции. Во время первого Ленин, только что вернувшийся из Швейцарии, выступил со своими «Апрельскими тезисами» и политически «перевооружил партию» для войны против февральского режима. Во время второго, в канун революции, сторонники и противники восстания выступили друг против друга в Центральном Комитете большевистской партии. В обоих случаях в центре изложения — узкий кружок вождей. Однако эти сцены запечатлеваются у нас так же глубоко, как более широкие и величественные картины февральского восстания и Октябрьской революции или мрачный интервал июльских дней, когда движение показано в самой низшей точке. Во время обоих кризисов мы чувствуем, что судьба революции зависела от немногих членов Центрального Комитета: их голосование решало, будет ли энергия масс растрачена понапрасну или же будет направлена к победе. Проблема масс и вождей поставлена во всей остроте, и сразу в центре внимания оказывается единственный вождь — Ленин.

Как в апреле, так и в октябре Ленин стоит почти один [33]. Его не понимают собственные ученики. Члены Центрального Комитета чуть ли не готовы сжечь письмо, в котором он настоятельно требует от них готовиться к восстанию. Он преисполняется решимости «вести войну» против них и, если понадобится, обратиться прямо к рядовым членам партии, игнорируя партийную дисциплину. «Ленин не доверял Центральному Комитету без Ленина...— комментирует Троцкий.— Ленин не был неправ в этом недоверии». Тем не менее в ходе каждого кризиса Ленин в конце концов убеждал партию в правильности своей стратегии и бросал ее в битву. Проницательность, реализм и концентрированная воля Ленина показаны Троцким как решающие элементы исторического процесса, по меньшей мере равные по важности, стихийной борьбе миллионов рабочих и солдат. Если их энергия была «паром»,

а большевистская партия «паровой машиной» революции, то Ленин был машинистом.

В этой связи Троцкий занимался классической проблемой личности в истории и здесь, вероятно, добился наименьшего успеха. Фактическая сторона рассказа о деятельности Ленина безупречна. Ни на одном этапе повествования нельзя сказать, что в том или другом случае Ленин или другие большевики вели себя иначе, чем рассказывает нам Троцкий. Он также не старается представить Ленина единственным творцом событий. «Ленин не выступал против партии извне, а сам был полнейшим выражением партии»,— заверяет нас Троцкий. Он неоднократно доказывает, что Ленин просто переводил в ясные формулы и действия мысли и настроения, волновавшие рядовых членов партии и благодаря этому в конечном итоге побеждал. Вождь и масса действуют в унисон. Существовало глубокое согласие между Лениным и его партией, даже когда он вступал в противоречия с Центральным Комитетом. Как большевизм не случайно вышел на историческую арену, так и роль Ленина не была случайной: он был «продуктом всего прошлого... тесно связанным с ним». Он был не «демиургом революционного процесса», а звеном, «великим звеном» в цепи объективных исторических закономерностей.

Однако, определив роль Ленина как звена в этой цепи, Троцкий затем напоминает, что без «звена» «цепь» распадается. Он спрашивает, что случилось бы, если бы Ленин не сумел вернуться в Россию в апреле 1917 года. «Возможно ли с уверенностью утверждать, что партия без него нашла бы свой путь? Мы не можем найти в себе смелости утверждать это...» Вполне вероятно, добавляет Троцкий, что «дезориентированная и расколотая партия могла бы упустить революционные возможности на многие годы». Если в «Истории русской революции» Троцкий осторожно выражает этот взгляд, то в других своих текстах он ставит точки над «i». В письме, написанном Преображенскому из Алма-Аты, Троцкий утверждает: «Вы знаете лучше, чем я, что, если бы Ленину не удалось приехать в Петроград в апреле 1917 года, Октябрьской революции не случилось бы». В своем дневнике во Франции он еще более категоричен: «Если бы я не был в 1917 году в Петрограде, Октябрьская революция все равно бы произошла *при условии, что там был и руководил Ленин.* Если бы ни Ленина, ни меня не было бы в Петрограде, не было бы Октябрьской революции: руководство большевистской партии не допустило бы ее. В этом я не имею ни малейшего сомнения!» * Если Ленин все же не был «демиургом истории», то лишь в том смысле, что не совершил революцию

---

* Письмо Преображенскому, написанное в 1928 г., хранится в *Архиве Троцкого.*

из ничего: нужны были упадок социальной структуры, «пар» энергии масс, «паровая машина» большевистской партии (которую сконструировал и построил Ленин) для того, чтобы он мог сыграть свою роль. Но даже если бы все эти элементы наличествовали, убеждает нас Троцкий, без Ленина большевики «упустили бы революционные возможности на многие годы». На сколько лет? Пять-шесть или, возможно, 30—40? Мы не знаем. В любом случае без Ленина Россия могла бы продолжать жить при капитализме или даже при реставрированном царизме, возможно, в течение неопределенно долгого времени. В этом столетии по крайней мере мировая история значительно отличалась бы от того, чем она стала.

Для марксиста это удивительный вывод. Аргументация несомненно носит оттенок схоластики, и историк не может решить этот вопрос, опираясь на эмпирические данные: он не может вновь произвести революцию, устранив Ленина с поля действия, и посмотреть, что случится. Если вопрос тем не менее рассматривается здесь довольно обстоятельно, то не ради того, чтобы что-то доказать, а ради того, чтобы в свете его взглянуть на главное действующее лицо этой книги. Здесь взгляды Троцкого-историка тесно связаны с опытом и настроением Троцкого — руководителя оппозиции, потерпевшей поражение,— сомнительно, чтобы раньше в своей жизни он выразил бы такой взгляд, идущий вразрез с марксистской интеллектуальной традицией.

Эту традицию прекрасно представляет знаменитый очерк Плеханова «К вопросу о роли личности в истории». Как и другие теоретические работы Плеханова, этот очерк оказал громадное влияние на несколько поколений русских марксистов. Плеханов рассматривает вопрос в терминах классической антиномии — необходимости и свободы. Он не отрицает роли личности, соглашаясь с Карлейлем, который «называет великих людей *начинателями*. Это очень удачное название. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других». Отсюда «колоссальное значение» в истории и «страшная сила» великого лидера. Однако Плеханов настаивает, что лидер выступает просто орудием исторической необходимости и необходимость создает свое орудие, когда испытывает в нем нужду. Поэтому ни один великий человек не может считаться «незаменимым». Любая историческая тенденция, если она недостаточно глубока и широка, выражается через определенное число людей, а не только через одного индивидуума. Рассматривая французскую революцию, Плеханов задает вопрос, аналогичный поставленному Троцким: каков был бы ход событий без Робеспьера или Наполеона?

«Допустим, что он [Робеспьер] в своей партии представлял собою совершенно незаменимую силу. Но он был, во всяком случае,

не единственной ее силой. Если бы случайный удар кирпича убил его, скажем, в январе 1793 года, то его место, конечно, было бы занято кем-нибудь другим, и, хотя бы этот другой был гораздо ниже его во всех смыслах, события все-таки пошли бы в *том самом направлении*, в каком они пошли при Робеспьере... Жирондисты, наверное, и в этом случае не миновали бы поражения; но, возможно, что партия Робеспьера несколько раньше лишилась бы власти... Падение партии Робеспьера совершилось бы... Может быть, раньше, а может быть, позже, но все-таки непременно совершилось бы...» *

Троцкий же предполагает, что если бы, скажем, в марте 1917 года Ленина убил кирпич, то большевистская революция не случилась бы в том году и «в течение многих последующих лет». Падение кирпича, следовательно, направило бы громадный поток истории в какое-то другое русло. Рассмотрение роли личности превращается в спор по поводу случайности в истории, который тесно связан с философией марксизма. Плеханов заключает свою аргументацию указанием на то, что случайные «изменения в ходе событий могли в определенной степени воздействовать на последующую политическую... жизнь Европы», но «ни при каких обстоятельствах конечный исход революционного движения не был бы «противоположным» случившемуся на деле. Благодаря специфическим особенностям своего мышления и характера влиятельные индивидуумы могут изменять *индивидуальные черты событий и некоторые их конкретные последствия*, но они не могут изменить их общей *тенденции*, определяющейся другими силами». Троцкий же считает, что личность Ленина изменила не только «индивидуальные черты событий», но и общую тенденцию — без Ленина социальные силы, составившие эту тенденцию или способствовавшие ей, были бы неэффективными. Это заключение мало соответствует мировоззрению Троцкого и многим другим вещам. Если верно, что величайшая революция всех времен не могла бы произойти без одного конкретного лидера, тогда культ этого лидера никоим образом не является нелепостью. И тогда осуждение культа всеми историческими материалистами от Маркса до Троцкого и возмущение всей прогрессивной мысли против него были бы бессмысленными.

Троцкий в данном случае, очевидно, подпадает под власть «оптического обмана», о котором говорит Плеханов в споре против историков, настаивавших, что роль Наполеона была решающей, ибо никто другой не мог бы занять его место с такими же или подобными последствиями. «Обман» состоит в том, что вождь

---

* *Плеханов Г.* Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 325.

представляется незаменимым, ибо, заняв свое место, он не дает возможности другим занять его.

«Выступив в роли «хорошей шпаги», спасающей общественный порядок, Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из которых иные может быть сыграли бы ее так же или почти так же, как и он. Раз общественная потребность в энергическом военном правителе была удовлетворена, общественная организация загородила всем другим военным талантам дорогу к месту военного правителя... *Личная* сила Наполеона является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю ту *общественную силу*, которая выдвинула и поддерживала ее. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей, силы не перешли из *возможности* в *действительность*. И когда нам говорят: а что было бы, если бы не было Наполеона, то наше *воображение* путается и нам кажется, что без него совсем не могло бы совершиться все то общественное движение, на котором основывались его сила и влияние» *.

Равным образом можно утверждать, что влияние Ленина на события представляется нам сильно преувеличенным, ибо стоило Ленину занять положение вождя, как он предотвратил занятие его другими. Конечно, нельзя сказать, кто мог бы занять место Ленина, если бы его там не было. На этом месте мог бы оказаться сам Троцкий. Весьма показательно, что такие видные революционеры, как Луначарский [34], Урицкий [35] и Мануильский, обсуждая летом 1917 года сравнительные достоинства Ленина и Троцкого, согласились, что Троцкий в то время затмевал Ленина. Это говорилось тогда, когда Ленин находился на месте. Хотя влияние Ленина в большевистской партии было решающим, Октябрьское восстание фактически было выполнено в соответствии с планом Троцкого, а не Ленина [36]. Если бы не было ни Ленина, ни Троцкого, мог бы выдвинуться кто-нибудь другой. Тот факт, что среди большевиков, очевидно, не было другого человека, равного им, не означает, что при их отсутствии такой человек не мог появиться. История действительно имеет ограниченное количество вакансий на должность великих вождей и военачальников, и, если вакансии заняты, потенциальные кандидаты не имеют никакой возможности достичь «самовоплощения». Но следует ли отсюда, что в других обстоятельствах они не могли бы сделать этого? Не могли ли меньшие руководители сыграть роль Ленина и Троцкого с той единственной разницей, возможно, что меньшие люди, вместо того чтобы «разрешить судьбе руководить» ими, позволили бы ей «тащить себя за шиворот»?

---

* *Плеханов Г.* Избранные философские произведения. Т. 2. С. 327.

Безусловно, почти каждый великий вождь или диктатор представляется незаменимым при его жизни, но после смерти кто-то занимает его место. Обычно этот кто-то представлялся его коллегам самым маловероятным кандидатом, «посредственностью», «предназначенной играть второстепенную или третьестепенную роль». Отсюда удивление многих, сначала увидевших на посту преемника Ленина Сталина, а затем наследником Сталина Хрущева. Такое удивление представляет собой побочный продукт оптической иллюзии насчет незаменимого колосса. Троцкий утверждал, что только гений Ленина мог справиться с задачами русской революции, и часто говорил, что в других странах для победы революции нужна партия, подобная большевистской, и вождь, подобный Ленину. Нет никакой нужды отрицать громадные способности и твердость характера Ленина, а также некое везение большевизма, что он возглавлял его. Однако разве в наше время китайская и югославская революции не победили под руководством партий, сильно отличавшихся от большевистской партии 1917 года и под руководством лидеров меньшего, даже значительно меньшего калибра? В каждом случае революционная тенденция находила или создавала свой орган из человеческого материала, имевшегося под рукой. И если представляется небезосновательным утверждать, что Октябрьская революция могла бы произойти и без Ленина, то гораздо менее основательно обратное утверждение: кирпич, упавший с крыши в Цюрихе в начале 1917 года, мог бы изменить судьбы человечества в этом столетии.

Добавим, что эта последняя точка зрения очень плохо соответствует основной философии и концепции Троцкого о революции и что Троцкий не мог последовательно придерживаться ее. Так, в книге «Преданная революция» *, написанной спустя несколько лет, он утверждает: «Качества руководства отнюдь не безразличны... но это не единственный фактор и, в конечном счете, не решающий... Большевики победили... не личным превосходством вождей, а новым сочетанием социальных сил... [Во время Великой французской революции] в чередовании у власти Мирабо, Бриссо, Робеспьера, Барраса, Бонапарта есть объективная закономерность, которая неизмеримо могущественнее особых примет самих исторических протагонистов» **.

* «Преданная революция» («Революция, которую предали») — французское название книги Троцкого, которая по-русски озаглавлена «Что такое СССР и куда он идет?». Здесь и далее сноски даются на русское издание книги.— *Прим. ред.*

** *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? Б. м., б. г. С. 104, 105. Характерно, что Сидней Хук, выступая против марксизма (и троцкизма), опирается в особенности на субъективную тенденцию в оценке Троцким Ленина и заключает, что Октябрьская революция была «не столько продуктом всего прошлого в русской истории, сколько продуктом одного из эпохальных характеров всех времен». *Hook S.* The Hero in History. London, 1945. P. 150—151.

Как уже указывалось, «оптический обман» Троцкого относительно Ленина проливает свет скорее на него самого и его мышление в эти годы, а не на Ленина. Он написал «Историю русской революции» после того, как началась оргия культа личности Сталина, и взгляд Троцкого был негативным рефлексом, порожденным этим культом. Он выступил против «незаменимого» Сталина, ссылаясь на «незаменимого» Ленина. Больше того, если принять во внимание апатию и аморфность советского общества, то всякий вождь действительно представлялся гораздо более значительной фигурой в эти годы, чем в 1917 году, когда масса народа кипела политической энергией. С одной стороны, Сталин поднимался как автократ, с другой стороны, Троцкий по необходимости осуществлял роль своего рода идейного морального автократа, единственного рупора оппозиции. В своем поражении он также представлялся как личность необычайная, даже уникальная по своей значимости. Как историк он спроецировал громадные очертания вождя на экран 1917 года и вывел отсюда самозащитительную мораль: «Из-за колоссального значения, которое приобрел приезд Ленина, следует сделать лишь вывод, что вожди создаются не случайно, что они избираются постепенно и готовятся десятилетиями, что их нельзя заменить по капризу и что их механическое устранение из борьбы наносит партии громадную рану и во многих случаях может парализовать ее на длительный период» *. В своем дневнике он излагает эту мораль с еще большей ясностью:

«Я думаю, что работа, которой я занят сейчас [оппозиция Сталину и основание IV Интернационала], несмотря на ее чрезвычайно недостаточный и отрывочный характер, является самой важной работой моей жизни, более важной, чем работа 1917 года, более важной, чем работа периода гражданской войны или любая другая... Я не могу говорить о «незаменимости» моей работы даже в период 1917—1921 гг. Но теперь моя работа «незаменима» во всем смысле этого слова. В этом нет никакого преувеличения. Крах двух Интернационалов поставил проблему, которую ни один из лидеров этих Интернационалов не может решить. Превратности моей личной судьбы поставили меня лицом к лицу с этой проблемой и вооружили меня важным опытом для ее разрешения. Теперь нет никого, за исключением меня, кто может выполнить миссию вооружения нового поколения революционным методом... Мне нужно, по крайней мере, пять лет непрерывной работы, чтобы обеспечить ее успех» **.

---

* *Trotsky L.* The History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 342. В этой морали есть *непоследовательность,* ибо если вожди «не случайно создаются», они также не случайно (или «по капризу») устраняются позднее.

** Trotsky's Diary in Exile. P. 54.

Троцкому было необходимо убедить себя, что вождь, будь то Ленин в 1917 году или он сам в 30-е годы, был незаменим — из этого убеждения он черпал силы для своей одинокой героической борьбы. Теперь, когда один из всего поколения большевиков он выступал против Сталина, никто действительно не мог занять его места... Но именно потому, что Троцкий был одинок и незаменим, значительная часть его трудов растрачивалась понапрасну.

Отвлекаясь от всех «за» и «против» в этой аргументации, продолжим рассмотрение отношения Троцкого к Ленину. Процитируем мнение двух современников. «Троцкий — человек колючий, нетерпимый, повелительный... Есть стороны, в которых Троцкий бесспорно превосходит» Ленина *,— писал Луначарский в 1923 году на заре антитроцкистской кампании. Крупская, разговаривая в начале 30-х годов с известным иностранцем, некоммунистом, и зная, что ее подслушивают и ее слова донесут Сталину, также упомянула «властный и трудный характер» Троцкого, но добавила: «Он любил Владимира Ильича очень сильно. Узнав о его смерти, он упал в обморок и не приходил в себя два часа» **. Любовь к Ленину и признание его превосходства видны во всех послереволюционных высказываниях Троцкого о нем. Уже в сентябре 1918 года, после покушения Доры Каплан на жизнь Ленина, он так говорил о раненном вожде:

«Все, что было в старой революционной интеллигенции лучшего — ее дух самопожертвования, дерзания, ненависти к гнету,— все это сосредоточилось в этой фигуре, которая, однако, бесповоротно, еще в период юности, порвала связь с миром интеллигенции, ввиду ее связи с буржуазией, и воплотила в себе смысл и сущность развития рабочего класса. Опираясь на молодой революционный пролетариат России, пользуясь богатым опытом мирового рабочего движения, превратив его идеологию в рычаг действия, эта фигура ныне поднялась на политическом небосклоне во весь рост. Это — фигура Ленина, величайшего человека нашей революционной эпохи... Никогда собственная жизнь каждого из нас не казалась нам такой второстепенной и третьестепенной вещью, как в тот момент, когда жизнь самого большого человека нашего времени подвергается смертельной опасности» ***.

В этих словах нет ни намека на лесть и угодничество. Ленин пока не был окружен культом, и Троцкий еще не раз серьезно расходился с ним. В 1920 году по случаю 50-летия Ленина он опубликовал биографический очерк, более сдержанный по тону,

---

* *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 349, 350.— *Прим. ред.*

** *Karolyi M.* Memoirs. London, 1956. P. 265.

*** *Trotsky L.* Lenine. Paris, 1938. P. 211—218. [См. также: *Троцкий Л.* К истории русской революции. М. 1990. С. 238—240.]

о национальном в Ленине *, воплощавшем лучшие стороны русского характера. В изгнании, после отъезда с Принцевых островов, Троцкий начал работать над большой биографией Ленина, но успел написать лишь несколько первых глав. Хотя эта работа не была завершена, он все же частично выполнил свою задачу, опубликовав множество биографических очерков в начале 20-х годов. В этих очерках Троцкий рассказывает о решающих периодах в жизни Ленина: 1902—1903 и 1917—1918 годы, дав очень живой портрет, полный нежности, о которой говорит Луначарский. Троцкий восхищался целеустремленностью Ленина, полным подчинением себя великой цели, но также его личностью, в которой возвышенные чувства подкреплялись любовью к жизни, серьезность — громадным юмором, фанатическая преданность принципу — широтой мысли, беспощадность в действии — тонкой чувствительностью, высокий интеллект — простотой. Он показывает «вождя новой эпохи» как человека, могущего ошибаться, и таким образом уничтожает сталинистскую икону Ленина. Однако сам Троцкий подходит к Ленину, сняв шапку, и, не смущаясь, почитает его. Но на колени он не становится. Он воздает должное не идолу, а человеку, которого знал. Даже когда Троцкий описывает героический характер Ленина, он не превращает его в полубога. Он дает нам жизненную фигуру человека в работе, а не описывает величественную статую. Он прибегает к стилю однодневки, журналистскому очерку, но создает картину, которая будет жить многие годы. Его очерки о Ленине имеют больше художественных достоинств, чем очерки, написанные двумя великими писателями того времени — Горьким и Уэллсом. Он с жадностью следит за Лениным во всех ракурсах: как Ленин размышляет, как строит свою аргументацию, как появляется и ведет себя на трибуне, за его жестами и телодвижениями, за тоном смеха и житейскими шутками. Мы видим, как Ленин хмурится, негодует и гневается. Мы следим за ним, ласково играющим с собакой в драматический момент, когда он принимает важное решение. Мы видим его, бегущего, как школьник, через площадь в Кремле на заседание правительства, где он собирается забавно подшутить над друзьями-комиссарами. И все время в ищущих глазах художника мы видим отблеск любви к «прозаическому гению революции».

Однако в глазах художника видно и выражение сожаления. Троцкий провел рядом с Лениным в ближайшем сотрудничестве лишь около шести лучших эпохальных лет. Предшествующие 13 или 14 лет прошли в фракционной борьбе против Ленина, когда Троцкий осыпал его свирепыми личными нападками, называя

* *Trotsky L.* Lenine. Paris, 1938. P. 205—210. [См. также: *Троцкий Л.* К истории русской революции. С. 233—237.]

«неряшливым адвокатом», «отвратительной карикатурой на Робеспьера», «мерзким и морально отталкивающим», «эксплуататором российской отсталости», «деморализатором русского рабочего класса» и т. п., то есть оскорблениями, по сравнению с которыми ответные эпитеты Ленина представляются сдержанными, даже мягкими. Хотя Ленин никогда с 1917 года даже намеком не напоминал об этом, злобные нападки Троцкого были слишком сильны, чтобы совсем не оставить шрамов. Даже с 1917 по 1923 год, когда они находились в теснейшем политическом союзе, в отношениях Ленина и Троцкого не было личной интимности, и Ленин был в определенной степени сдержан *. Троцкий своим «трогательным почтением» молчаливо и тактично пытался исправиться. В своих работах он продолжал, возможно, лишь полуосознанно исправлять после смерти Ленина свое оскорбительное поведение в отношении него. Он признает, что в 1903 году, когда он порвал с Лениным, революция в основном была для него «теоретической абстракцией», в то время как Ленин полностью понял ее реальность. Вновь и вновь он говорит о том, какое внутреннее сопротивление ему приходилось преодолевать, «двигаясь к Ленину». Но, преодолев его и воссоединившись с Лениным, он оказался в его тени и остался там как историк. Он умышленно рассказывает обо всех разногласиях, но его память не хочет припоминать. Он инстинктивно сокращает время их разделения, смягчает жесткость антагонизма и с большей радостью пишет о годах дружбы, стремясь раздвинуть их назад и вперед. Иногда, полный почтения, он стремится пережить свою жизнь заново, в ничем не прерываемом согласии с Лениным. Он задумал написать книгу о тесной плодотворной и на всю жизнь дружбе Маркса и Энгельса, его идеале дружбы, которого ему не удалось достичь в своей жизни. Через 11 лет после смерти Ленина Троцкий помечает в своем дневнике:

«Прошлой ночью... мне приснилось, что я разговаривал с Лениным. Судя по обстановке, беседа происходила в третьем классе корабля. Ленин лежал на койке, я стоял или сидел около него... Он с тревогой спрашивал о моей болезни: «По всей вероятности у вас нервное утомление, вы должны отдохнуть». Я ответил, что всегда преодолевал усталость быстро, но... на этот раз, по-видимому, дело объясняется не так просто... «Тогда вы должны *серьезно* (он подчеркнул это слово) посоветоваться с докторами» (последо-

* Когда я говорил с Натальей Седовой об отсутствии личной привязанности между Лениным и Троцким и предположил, что оскорбительный характер дореволюционной полемики Троцкого сделал невозможным такие отношения, она ответила, что никогда не думала так. Поразмыслив, однако, она добавила: «Возможно, это было причиной определенной сдержанности Ленина. Так велась эта старая фракционная борьба. Это была звериная борьба» // *Deutscher J.* The Prophet Armed Trotsky: 1923—1939. New York, 1963. P. 92—93.

вало несколько фамилий). Я ответил, что побывал у многих докторов... Но, взглянув на Ленина, я вспомнил, что он мертв. Я немедленно попытался отогнать от себя эту мысль... Когда я закончил рассказ о моей поездке для лечения в Берлин в 1926 году, то хотел добавить: «Это случилось после вашей смерти», но сдержался и заметил: «Это было после вашей болезни» *.

Сны и грезы защищали уязвимого Троцкого, и в своих грезах он видел себя под защитой заботы и любви Ленина.

* * *

«Оптическая иллюзия» в отношении Ленина являет единственный пример субъективного мышления автора «Истории русской революции». Во всех других случаях Троцкий рассказывает о событиях как объективный наблюдатель. Конечно, только действующее лицо и очевидец мог чувствовать столь глубоко, как он, внутреннее содержание, цвет и аромат каждого исторического факта. Но как историк он поднимается выше себя как действующего лица и очевидца. Что говорилось о Цезаре — как писатель он был только тенью полководца и политика,— нельзя повторить о Троцком. Он подчиняет свою работу самым жесточайшим требованиям и подкрепляет рассказ строжайше отобранными фактами, которые, как правило, черпает скорее у врагов, чем у друзей. Он никогда не ссылается на собственный авторитет и крайне редко вводит себя в качестве действующего лица. Он ограничивается, например, одной сухой фразой о том, что стал председателем Петроградского Совета, в то время как это было одним из величайших событий того времени **. Вероятно, недостаток этой книги заключается в том, что, если взяться судить лишь по ней, насколько важна была роль Троцкого в революции, можно прийти к неверным выводам. Троцкий выглядит несравненно более значительной фигурой в 1917 году на каждой странице «Правды», в каждой антибольшевистской газете и в отчетах Совета и партии, чем предстает на страницах, написанных собственной рукой. Его силуэт выступает, вероятно, почти единственным пустым местом на этом громадном и живом полотне.

* * *

Хацлитт утверждал, что ораторский гений и литературный дар несовместимы. Однако Троцкий, обладавший в полной мере ораторской быстротой восприятия, стихийным красноречием и умени-

* Trotsky's Diary in Exile. P. 130—131.

** *Trotsky L.* The History of the Russian Revolution. Vol. 2. P. 347.

ем понимать аудиторию, в такой же степени был наделен способностью глубокого и концентрированного мышления, был безразличен к преходящим успехам и обладал «терпением души», необходимым для настоящего писателя. Луначарский, сам выдающийся оратор, считал Троцкого «самым крупным оратором нашего времени», а его статьи и книги — как бы «застывшей речью». «...Он литературен в своем ораторстве и оратор в своей литературе» *. Такая оценка хорошо подходит к ранним работа Троцкого. Луначарский высказал ее в 1923 году, до того как Троцкий-писатель поднялся на новые высоты. В «Моей жизни» и в «Истории русской революции» риторический элемент сурово дисциплинируется в интересах изложения и интерпретации, проза имеет эпический ритм. «Сгусток речи» все еще сохраняется в том смысле, в каком это бывает вообще во всяком повествовании.

В течение десятилетий основные работы Троцкого читались лишь в переводе. Был изгнан он, и его литературный гений был изгнан в иностранные языки. Он нашел талантливых и преданных переводчиков в лице Макса Истмена, Александры Рамм и Мориса Парижанина, познакомивших европейскую и американскую публику с главными произведениями Троцкого. Однако чего-то от духа и стиля Троцкого нет в переводах, хотя Троцкий, усвоивший очень много от европейской литературной традиции, был самым космополитичным среди русских писателей [37]. Но он черпал больше всего из родного языка, используя в своих работах мощь, тонкость, цвет и юмор русского языка. В своем поколении он был величайшим мастером русской прозы. Для английского уха стиль Троцкого иногда звучит как перегруженный «слишком многим», в чем Колридж усматривал недостаток даже лучшего немецкого, или континентального, стиля. Но это вопрос вкуса и принятых стилистических стандартов, которые варьируются не только у разных наций, но и от эпохи к эпохе у одной нации. Эмоциональная энергия, сильные и повторяющиеся акценты принадлежат стилю революционной эры, когда оратор и писатель пропагандируют громадным массам народа идеи, за которые идет битва не на жизнь, а на смерть. И конечно, громкие голоса, которыми разговаривают люди на поле битвы или во время революции, невыносимы у тихого камина в английском замке. Однако «Моя жизнь» и «История русской революции» свободны от «слишком многого». В них Троцкий проявил классическую экономию в выборе изобразительных средств. Он предстает здесь как «объективный создатель слов», стремящийся к величайшей точности в оттенках значения или настроения,— напряженный работник на ниве литературы.

---

* *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. С. 348.— *Прим. ред.*

Он выполнял свою работу, бдительно следя за структурой всей книги и за пропорциями ее частей, с никогда не покидавшим его чувством художественного единства. Он так искусно вплетает свои политические доводы в изложение, что при попытке извлечь их все здание утрачивает пропорции. Он знал, как сокращать и где расширять рассказ, и умел это делать, как немногие другие рассказчики.

Но он не поступал здесь произвольно: темп и акценты отражают пульс событий. Все это мчится мощным потоком, как и подобает рассказу о революции. В более длинных абзацах он сохраняет равномерный ритм, пока не подходит к кульминационному пункту; тогда ритм ускоряется, поднимается, рассказ становится бурным и страстным, и красногвардейский штурм Зимнего дворца, гудки военных кораблей на Неве, последняя схватка между партиями в Совете, падение социального порядка и триумф революции звучат с силой симфонии *. При всем том не утрачивается цельность изложения. Оригинальность Троцкого заключается в сочетании классического величия и современного здравого смысла.

На страницах произведений Троцкого разбросаны удивительные сравнения и метафоры. Они спонтанно возникают в его воображении, но он никогда не утрачивает контроля над ними. Его воображение столь же точно, концептуально, как и живо. Он пользуется метафорами с определенной целью — ускорить мысль, осветить ситуацию, связать покрепче две или три идеи. Образ может быть заключен в одной фразе. Он может складываться медленнее на протяжении абзаца или вырасти в целой главе подобно растению: сначала проклюнется семя, затем через несколько страниц растение зацветет и начинает плодоносить к концу главы. Отметим, например, использование метафор в разделе, где описывается начало Февральской революции. Речь идет о демонстрации 2500 петроградских рабочих, которые, стиснутые улицей, встречаются с отрядом казаков, этих «извечных карателей» народных мятежей:

«Прорезая путь лошадьми, офицеры первыми бросились в атаку на толпу. За ними, по всей ширине проспекта, галопом скакали казаки. Решительный момент! Но кавалеристы осторожной длинной лентой ехали через коридоры, проложенные офицерами. «Некоторые из них улыбались,— припоминает Каюров,— а один добродушно подмигнул рабочим». Подмигивание не было лишено смысла. Рабочие, осмелевшие в результате дружеского, а не враждебного заверения, последовали за казаками. Подмигнувший нашел имитаторов. Несмотря на новые усилия офицеров, казаки,

* *Trotsky L.* The History of the Russian Revolution. Vol. 3. P. 301, 305, 313, 315—316, 377—378.

не нарушая открыто дисциплины, не заставили толпу разойтись, а проезжали через нее. Это повторялось три или четыре раза, что сблизило обе стороны. Отдельные казаки начали отвечать на вопросы рабочих и даже вступали с ними в короткие разговоры. От дисциплины осталась лишь тонкая, прозрачная оболочка, могущая лопнуть в одну секунду. Офицеры поторопились отделить казаков от рабочих и, отказавшись от мысли рассечь их, выстроили казаков через улицу как барьер, чтобы не допустить демонстрантов к центру. Даже это не помогло: стоя недвижимо, полностью соблюдая дисциплину, казаки не мешали рабочим «подныривать» под их лошадей. Революция не выбирает путей. Она сделала первые шаги под брюхами казачьих лошадей» *.

Обобщенный образ революции, подныривающей под брюха казачьих лошадей, естественно вытекает из этого отрывка. Он освещает новизну, оптимизм и неопределенность обстановки. Мы чувствуем, что на этот раз рабочих больше не будут топтать копытами лошадей, хотя их положение еще не упрочилось. Но прочитаем еще 20 страниц, на которых рассказывается, как набирает силу восстание,— и метафора снова появляется в измененной форме, как напоминание о расстоянии, которое прошла революция: «И вот одно за другим приходят радостные сообщения о победах. Появились наши первые броневики! С развевающимися знаменами они наводят ужас на еще не подчинившиеся районы. Больше не нужно ползать под брюхами казачьих лошадей, революция выпрямилась во весь рост» **.

Не менее характерно и другое описание, когда автор показывает конкретную сцену с таким напряжением, что сама сцена становится величайшим символом. Он говорит об антагонизме между офицерами и солдатами в распадавшейся царской армии: «Слепая борьба имела свои приливы и отливы. Офицеры пытались приспособиться. Солдаты вновь выигрывали время, но в течение этого временного перерыва, в течение этих дней и недель перемирия социальная ненависть, разлагавшая армию старого режима, становилась все более острой. Все чаще и чаще она резко прорывалась. В Москве, в одном из театров, было созвано собрание инвалидов, на котором присутствовали вместе солдаты и офицеры. Оратор-инвалид начал оскорблять офицеров, поднялся протест, застучали сапоги, костыли, трости. А сколько вы, господин офицер, оскорбляли солдат пинками и кулаками! Эти раненые, контуженные и искалеченные люди стояли друг против друга, как две стены, инвалиды-солдаты против инвалидов-офицеров, большинство против меньшинства, костыли против костылей. Эта кошмарная

**Trotsky L.* The History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 122—123.
** Ibid. P. 143.

сцена в театре была предвозвестником ярости грядущей гражданской войны» *.

Этот строго реалистический репортаж проникнут сконцентрированным напряжением страсти. Сцена передана в шести коротких, как бы обрубленных предложениях. Несколько слов вводят нас в театр и наполняют наши уши «стуком сапог, костылей и тростей». Обычное сравнение подчеркивает необычное зрелище. Костыли, «как две стены» друг против друга. Сколько трагизма в этих немногих, на первый взгляд бесхитростных фразах!

Произведения Троцкого пронизывают сарказм, ирония и юмор. Он поднялся против установленного порядка не только в негодовании и теоретических убеждениях, но также понимая его абсурдность. В разгар самой напряженной и беспощадной борьбы Троцкий отмечает смехотворные или комические инциденты. Его вновь и вновь поражает слабоумие людей, бессмысленность и лицемерие. В «Моей жизни» он припоминает, как в Нью-Йорке в начале 1917 года русско-американские социалисты реагировали на его предсказания о том, что русская революция закончится свержением правления буржуазии, равно как и царизма: «Почти все мои собеседники принимали мои слова за шутку. На узком собрании почтенных и самых почтенных русских социал-демократов я прочитал доклад, в котором доказывал неизбежность завоевания власти партией пролетариата на второй стадии русской революции. Это произвело такое же примерно действие, как камень, брошенный в болото, населенное чванными и флегматичными лягушками. Доктор Ингерман не преминул объяснить собранию, что я не знаю четырех правил политической арифметики и что на опровержение моих бредней не стоит тратить и пяти минут» **.

Именно так, с юмористическим презрением по большей части Троцкий смеялся над своими противниками. Его смех недобр, за редким исключением, когда он вспоминает о детстве и молодости, когда он еще мог смеяться от сердца. Позднее он был слишком занят слишком жестокой борьбой, и он высмеивает людей и институты, чтобы поднять народ против них. «Что? — вопрошает он.— Что? Мы разрешим этим надутым и флегматичным лягушкам идти своим путем и вести наши человеческие дела за нас?» Его сатира должна была заставить угнетенных и оскорбленных смотреть свысока на сильных мира сего, заставить сильных дрожать под ее бичом. Подобно Лессингу [38] в знаменитом портрете Гейне, он не только отрезал голову своему врагу, но «был достаточно злобен, чтобы поднять ее с земли и показать, что она совершенно пуста». Никогда он не отрезал столько голов, показывая их пустоту, когда вместе с Клио [39] вновь посетил великое поле битвы Октября.

* *Trotsky L.* The History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 273.

** *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 315.

«ВРАГ НАРОДА»

«По той самой причине, что на мою долю выпало принять участие в великих событиях, мое прошлое теперь отрезает меня от возможности действовать,— заметил Троцкий в дневнике,— мне приходится лишь интерпретировать события и пытаться предвидеть их дальнейший ход» *. По всей вероятности, он только раз сделал такое замечание о себе, выразив в этой связи нечто больше, чем, вероятно, намеревался сказать. Если судить по контексту, Троцкий имел в виду, что остракизм, которому он подвергся, сделал для него невозможным принимать участие в любой широкой политической деятельности. В действительности его прошлое «отрезало его от возможности действовать» также и в другом, более глубоком смысле. Его идеи, методы и политический облик принадлежали эпохе, к которой настоящее, а именно период изгнания, было настроено враждебно, и поэтому его идеи и методы не имели воздействия. Они принадлежали периоду классического марксизма и были связаны с перспективой революции «на передовом капиталистическом Западе». Политический облик Троцкого создавался в атмосфере революции снизу и пролетарской демократии, на которой был воспитан русский и международный марксизм. Однако в период между двумя мировыми войнами, несмотря на напряженную классовую борьбу, международная революция пришла в упадок. Жизнеспособность западного капитализма оказалась значительно сильнее, чем ожидали классические марксисты, и она еще более укрепилась, когда социал-демократический реформизм и сталинизм политически и морально разоружили рабочее движение. Лишь после второй мировой войны международная революция возобновила свое наступление, однако теперь ее главной ареной стал слаборазвитый Восток, и ее форма, а частично и содержание очень отличались от предсказанных классическим марксиз-

* Trotsky's Diary in Exile. P. 21.

мом. В Восточную Европу революция в основном была принесена «сверху и извне» в результате завоевания и оккупации, в то время как в Китае она поднялась не как пролетарская демократия, распространяясь из городов в деревню, а как гигантская жакерия, приводившая к завоеванию городов из деревни, и только впоследствии перешла из «буржуазно-демократической» в социалистическую фазу. В любом случае годы изгнания Троцкого были с марксистской точки зрения исторической передышкой, и почва рушилась под ногами сторонников классической социалистической революции. В бурных событиях 30-х годов, особенно происходивших за пределами СССР, Троцкий в основном был великим аутсайдером.

Однако это прошлое, которое «отрезало его от возможности действовать», не позволяло ему быть пассивным: деятель Октября, основатель Красной Армии и когда-то вдохновитель Коммунистического Интернационала не мог примириться с ролью аутсайдера. Дело не в том, что такая роль была несовместима с его марксистским мировоззрением. Маркс и Энгельс сами на долгие периоды были отрезаны от «практической» политики, занимались фундаментальной теоретической работой, удовлетворялись «интерпретацией» событий и при всем том никоим образом не были аутсайдерами. Не они, а Лассаль [1] возглавил первое массовое социалистическое движение в Германии. Не они, а Прудон и Бланки вдохновили французский социализм, а их влияние на английское рабочее движение было невелико и очень неглубоким. Они не проводили в жизнь собственный философский постулат «о единстве теории и практики» с такой строгостью, чтобы считать обязательным для себя принимать участие в формальной политической деятельности все время *. Когда у них не

* В феврале 1851 г., после того как стало ясно поражение революции в Европе, Энгельс писал Марксу: «У иас есть теперь наконец опять... возможность показать, что мы не нуждаемся ни в какой популярности, ни в какой поддержке со стороны какой-либо партии какой бы то ни было страны и что наша позиция совершенно не зависит от подобных пустяков. Отныне мы ответственны только за самих себя, а когда наступит момент и эти господа будут в нас нуждаться, мы сможем диктовать им свои собственные условия. До того времени нас, по крайней мере, оставят в покое. Конечно, будет и некоторое одиночество... Впрочем, по существу, мы не можем даже слишком жаловаться, что эти маленькие великие мужи нас боятся; разве мы в продолжение стольких лет не делали вид, будто всякий сброд — это наша партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии, сохраняя за собой право называть их между нами неисправимыми болванами, не понимали даже элементарных начал наших теорий? Разве могут подходить для какой-либо «партии» такие люди, как мы, которые, как чумы, избегают официальных постов? Какое значение имеет «партия», то есть банда ослов, слепо верящих нам, потому что они нас считают равными себе, для нас, плюющих на популярность... Лишь только выступаешь в качестве представителя какой-либо партии, втягиваешься в... водоворот непреодолимой естественной необходимости. Только держа себя неза-

было возможности создать собственную партию и бороться за власть, они отступали в сферу идей. Работа, проделанная ими там, с точки зрения исторической, но не с точки зрения непосредственных целей имела величайшее практическое значение, ибо, осмыслив богатый опыт социальной борьбы, они указывали на будущие действия. Что касается Троцкого, то ни склад ума, ни обстоятельства не позволяли ему отойти от формальной политической деятельности. Он не хотел и не мог вырваться из повседневной борьбы. Время его изгнания не было бесцветным политическим интервалом, подобным десятилетиям после 1848 года, когда Маркс писал «Капитал». Теперь это была эра всемирных социальных битв и катастроф, от которых человек типа Троцкого не мог стоять в стороне. Не мог он ни на миг прекратить и свою беспрерывную и жестокую дуэль со Сталиным. Прошлое Троцкого толкало его к действию так же неумолимо, как оно отрезало его от любой возможности действовать.

Все поведение Троцкого в изгнании отмечено этим конфликтом между необходимостью и невозможностью действия. Он чувствовал конфликт, но никогда ясно не осознавал его. Даже когда он сталкивался с невозможностью, он считал ее случайной, временной и проистекающей лишь из преследований и физической изоляции. Это непонимание более глубокого затруднения давало ему силы бороться при самом неблагоприятном соотношении сил, когда-либо выпадавшем на долю исторического деятеля. Необходимость побуждала его к формальной политической деятельности. И он вновь и вновь отторгался от нее не намеренно, ибо всегда был настроен оптимистически, а неосознанным настроением и инстинктивными рефлексами. Его воля всегда боролась с этими настроениями и никогда не подчинялась им. Однако это было ужасающее, отчаянное и истощавшее его столкновение.

В годы жизни на Принцевых островах сама физическая изоляция делала эту проблему менее настоятельной. Он кипел и хотел быть поближе к арене политического действия, убежденный, что

аисимо, будучи *по существу* более революциоииым, чем другие, можно, по крайней мере, хоть некоторое время, сохранить саою самостоятельность по отношению к этому водовороту... Эту поэицию мы можем и должны занять при ближайших событиях. Не надо не только ннкаких *государственных* постов, но, пока воэможио,— и иикаких официальных *партийных* постоа, никаких мест а комитетах и т. д., иикакой ответственностн эа ослоа, беспощадная критика по отношеиию ко всем, и эатем тот юмор, которого яас ие смогут лишить все вместе взятые «заговоры» этих тупиц... Главное в иастоящий момеит — это аоэможиость печатать наши вещи; либо в трехмесячиике... либо же а толстых киигах... Что остаается от всех тех сплетен н пересудов, которые может о тебе распространяять ася эмиграитская чернь, когда ты ответишь на это политической экоиомией?» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 177—178).

это даст ему возможность выступить эффективно. Между тем у него не было иного выбора, как погрузиться в литературно-историческую деятельность. Он ушел, хотя и не всецело, в царство теоретических идей, где был особенно силен. Именно поэтому четыре года жизни Троцкого на Принцевых островах были его самым творческим периодом в изгнании. Отъезд с островов углубил и обострил стоявшую перед ним дилемму. Дело не только в том, что он немедленно должен был ощутить на себе всю неукротимую ненависть, от которой затворничество частично защищало его. Близость к арене политической активности возбудила в нем страсть к действию, а в этом крылась теперь его слабость. Ему было суждено открыть, точнее — открыть заново, что события идут мимо него, однако он напрягал усилия, чтобы повернуть их ход. В оставшиеся восемь лет жизни Троцкий не подготовил ни одной крупной работы, имевшей долговременное значение, подобной «Истории русской революции» или даже подобной автобиографии, хотя не выпускал пера из руки. Он уезжал с Принцевых островов, надеясь написать историю гражданской войны, которая из-за его уникального места в ней была бы столь же важной, как история революции, а быть может, даже еще существенней. Он приступил к работе над большой биографией Ленина, которая, как Троцкий признался Максу Истмену и Виктору Голланцу, должна была быть «главной работой моей жизни» и поводом для всеобъемлющего «позитивного и критического» изложения о философии диалектического материализма *. Он не выполнил ни этого, ни других своих планов отчасти потому, что скитания и преследования не дали возможности сосредоточиться, а главным образом потому, что принес эти книги в жертву формальной политической деятельности, неутомимой работе по созданию IV Интернационала.

Таким образом, вся жизнь Троцкого разрывалась между необходимостью и невозможностью действия. Теперь, в момент отъезда с Принцевых островов, он предчувствовал серьезность такого конфликта. Он уезжал, настроенный оптимистически, полный надежд и великих ожиданий, однако в глубине сердца ощущая леденящий ужас.

* * *

17 июля 1933 года на борту тихоходного итальянского парохода «Болгария» Троцкий с Натальей, Максом Шахтманом, тремя секретарями — ван Хейеноортом, Клементом и Сарой Вебер

* Троцкий — Истмену 6 ноября 1933 г. и Голланцу 28 сентября 1933 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* В письме Голланцу Троцкий писал, что он, подобно Артуру Ренсому, постарается выпустить английское издание этой работы.

отплыл с Принцевых островов. Путь до Марселя занял неделю. Снова все предосторожности к сохранению поездки в тайне оказались бесполезными. Как и при посещении Дании, Троцкий ехал под фамилией жены и делал все, чтобы остаться незамеченным. Однако, когда судно вошло в Пирей, много жадных до новостей репортеров уже ожидали его. Троцкий сказал им, что его поездка носит строго личный характер, он с женой посвятит следующие несколько месяцев лечению и отказался сделать какое-либо политическое заявление: «Наше путешествие не имеет никакого основания привлекать публичное внимание, особенно сейчас, когда мир занят бесконечно более важными вопросами». Однако печать опять с подозрением следила за ним и спекулировала по поводу целей поездки. Распространился слух, что он едет во Францию по инициативе Сталина, чтобы встретиться с наркомом по иностранным делам Литвиновым и обсудить условия возвращения в Россию. Этот слух был настолько распространен и упорен, что серьезная германская газета «Фоссише цайтунг» запросила, так ли это, а ТАСС выступило с официальным опровержением *.

Большую часть пути Троцкий провел в каюте, обдумывая вопросы, связанные с IV Интернационалом. Он написал статью «Нельзя больше оставаться в одном «Интернационале» со Сталиным, Мануильским, Лозовским и К°» (он также написал короткую и теплую рецензию на недавно вышедший роман одного из его молодых итальянских последователей — Игнацио Силона «Фонтамара») **. Спустя несколько дней, посвященных работе, Троцкий заболел на борту парохода, приближавшегося к Франции. Сильный прострел уложил его в постель ***. «Было очень жарко,— вспоминала Наталья,— боль мучила его... он не мог встать. Мы позвали судового врача. Пароход приближался к месту назначения. Мы боялись высадиться на берег». Боль, которая затрудняла даже дыхание, несколько ослабла, когда задолго до Марселя судно было остановлено в море и французская полиция приказала ему и Наталье пересесть на катер, в то время как его секретари продолжили путь в Марсель. Троцкий чувствовал себя неважно, разлученный с секретарями, и собирался протестовать, но заметил Леву

---

* Троцкий заподозрил, что «Vossische Zeitung», уже находившаяся под контролем нацистов, сделала запрос по приказу Гитлера; Сталин поторопился успокоить Гитлера, что не собирался идти на примирение с человеком, предлагавшим, чтобы Советское правительство ответило на захват Гитлером власти мобилизацией Красной Армии. См. заметку «Сталин успокаивает Гитлера» от 19 июля 1933 г. *Архив Троцкого*.

** *Архив Троцкого;* Б. О. 1933. № 36—37.

*** По определению «Медицинского словаря» Блэка (с. 731), «прострел может быть результатом не какой-либо болезни мускулов спины, а эмоциональных переживаний, которые буквально не дают возможности индивидууму встать, чтобы противостоять стрессам и напряжению жизни».

и Раймона Молинье, ожидавших в катере. Он медленно, задыхаясь от боли, спустился в катер. Эту процедуру устроил Лева, чтобы Троцкого не заметили по приезде и чтобы избежать толпы репортеров, собравшихся в гавани, среди которых, несомненно, были бы агенты ГПУ. Троцкий незамеченным высадился в Кассисе, около Марселя, где офицер французской службы безопасности вручил ему официальную бумагу, отменявшую распоряжение 1916 года, по которому Троцкий изгонялся из Франции «навсегда». «Много воды утекло,— заметил Троцкий,— с тех пор как я принимал какой-либо официальный документ с таким удовольствием» *.

Удовольствие сразу было несколько испорчено воплями правых газет против допуска Троцкого во Францию **. По иронии судьбы в день приезда Троцкого 24 июля «Юманите» также протестовала против отмены распоряжения 1916 года о высылке, принятого по просьбе последнего посла царя графа Извольского в качестве репрессии против антивоенной деятельности Троцкого. Кроме того, «Юманите» опубликовала резолюцию Политбюро Французской компартии, призывавшую всю партию следить за передвижением Троцкого. Опасения и предосторожности Левы целиком оправдались. Из Кассиса в сопровождении нескольких молодых французских троцкистов поехали в направлении Бордо, затем на север в Сен-Пале, около Руайана на Атлантическом побережье, где Молинье снял виллу. Между тем секретари высадились в Марселе, разгрузили библиотеку, архив и другой багаж Троцкого, отправили их в Париж и поехали туда сами. Ищейки ГПУ заключили из этого, что Троцкий тоже отправился в Париж, и именно на этом предположении Вышинский на московских процессах через четыре года основывал важнейшую часть своих утверждений касательно террористической деятельности Троцкого во Франции.

Троцкий и сопровождающие его медленно ехали в сторону Руайана и, поскольку Троцкий непрерывно страдал от боли, остановились в деревенской гостинице в департаменте Жиронда,— по ночам Лева и молодой француз охраняли дверь Троцкого. Только на следующий день они приехали в Сен-Пале. По приезде Троцкий слег, у него была высокая температура, но через час он должен был одеться и поспешно оставить дом. В доме начался пожар, комнаты наполнились дымом. Веранда, сад и забор полыхали. В этом первом инциденте было нечто символическое: неоднократно во время пребывания Троцкого во Франции сама земля начинала гореть у него под ногами, и ему приходилось стремительно перебираться на другое место. Однако несчастье в Сен-

---

* *Архив Троцкого.*

** Le Matin, Le Journal. 24, 25, 26 Juillet 1933.

Пале не было чьим-то умышленным актом. Стояло очень жаркое лето, сгорело немало лесов и домов. Этот случай мог бы создать затруднения, если бы Троцкого опознали,— он дал обязательство сохранять инкогнито. У виллы собралась толпа, и, чтобы избежать опознания, Троцкий торопливо перебрался через дорогу, спрятался в автомобиле Молинье, стоявшем на обочине, и там ожидал, пока жена, сын, друзья, которым помогла перемена ветра, потушат пожар. К нему подходили, но он притворялся американским туристом, едва понимающим французский язык, и с облегчением отметил, что акцент не выдал его. На следующий день местная газета, сообщавшая об этом инциденте, упомянула о «пожилой американской чете», въехавшей в виллу как раз перед началом пожара.

Троцкий жил в Сен-Пале с 25 июля до 1 октября, оставаясь все время дома, главным образом в постели. Здоровье Троцкого, по словам Натальи, ухудшалось всякий раз, когда что-нибудь его волновало. Он страдал от бессонницы, головной боли и лихорадки. «Он не мог сесть в постели, заставить себя осмотреть сад или выйти на пляж, откладывая это «предприятие» со дня на день». Когда Троцкий почувствовал себя немного лучше, он стал принимать посетителей, но быстро уставал и проводил долгие часы на кушетке в доме или в кресле в саду. Посетители припоминали, что он не мог выдержать больше 15—20-минутной беседы, покрывался испариной и почти терял сознание. Поэтому некоторым из них приходилось оставаться в Сен-Пале по нескольку дней, чтобы провести с ним несколько коротких бесед *.

Однако в течение двухмесячного пребывания в Сен-Пале он принял не менее пятидесяти посетителей. Среди них, помимо французских и других троцкистов, были: жена Дженни Ли, Эньюрина Бивена, и А. С. Смит (оба принадлежали к Британской независимой рабочей партии); бывшие руководители Коммунистической партии Германии, а теперь возглавлявшие Социалистическую рабочую партию Якоб Вальхер и Пауль Фрёлих; некогда представитель Коминтерна в Индонезии и Китае, а ныне член голландского парламента и руководитель Независимой социалистической партии Маринг-Снивлиет; будущий генеральный секретарь НАТО, в то время лидер Социалистической молодежи Бельгии Пюль-Анри Спаак, который тогда почитал Троцкого и прилежно, хотя и с опасением, подчинялся ему; Рут Фишер; видный итальянский антифашист Карло Росселли; Андре Мальро и другие.

Большинство посетителей навестили Троцкого в связи с кон-

* См. заявление Натальи Седовой перед комиссией Дьюи от 1 марта 1937 г. и показания Клемента и «Эрде» (от 31 марта 1937 г.). *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

ференцией, созывавшейся в конце августа в Париже, в которой принимали участие партии и группы, заинтересовавшиеся идеей нового Интернационала. Троцкий, который не мог приехать на конференцию, принимал активное участие в ее подготовке, написал «Тезисы» и резолюции для нее и интересовался подробностями ее организации. Он надеялся завоевать на свою сторону многих стоявших вне существовавших Интернационалов. Однако из четырнадцати небольших партий и групп, представленных на конференции, только три — Германская социалистическая рабочая партия и две голландские — группы присоединились к троцкистам в их деятельности по созданию IV Интернационала. Все остальные, отпугнутые крайней оппозицией Троцкого как к реформизму, так и к сталинизму, воздержались. Даже указанные три группы выразили свое согласие с оговорками. Они не основали Интернационал, а просто создали предварительную организацию. Внешне Троцкий был доволен началом, усматривая в нем столь же знаменательное событие, как им в свое время была Циммервальдская конференция *.

Однако он не мог не понимать, насколько малозначительным было это начало. Это, конечно, погружало его в уныние. О настроении Троцкого в эти недели можно судить по переписке с Натальей, которая в первые дни сентября поехала в Париж, чтобы показаться врачам. Их письма, печальные и нежные, показывают, каким заброшенным и морально зависевшим от нее был он в то время. Едва ли такое могло случиться раньше, в более активные периоды жизни Троцкого. Пребывание Натальи в Париже напомнило ему о далеких годах, когда они жили там вместе, и он остро ощутил убывающие силы и приближающуюся старость. Через день или два после отъезда Натальи он пишет: «Как мучительно я хотел бы посмотреть на нашу старую фотографию, где мы сняты вместе, когда мы были так молоды... Ты поехала в Париж... в день твоего отъезда... я чувствовал себя плохо... я пошел в твою комнату и трогал твои вещи». Вновь и вновь он напряженно пытался припомнить молодость, жаловался на бессонницу, апатию, потерю памяти «в результате страданий последних лет», но заверял Наталью, что его интеллектуальные силы не подорваны, что за ним прекрасно ухаживает товарищ, приехавший из Парижа, хороший врач, который живет с ним. «Бесконечно дорогая моя,— пишет он 11 сентября,— на Принцевых островах было спокойнее. Уже сейчас недавнее прошлое кажется лучше, чем оно было в действительности. Однако мы связывали столько надежд с жизнью во Франции. Что, мы уже старики? Или это временный, очень рез-

* Б. О. 1933. № 36—37. Троцкий подписал некоторые из резолюций и «тезисов», подготовленных им к конференции, псевдонимом Г. Гуров.

кий упадок сил, который я преодолею? Вчера двое старых рабочих и учитель пришли повидаться со мной. Навиль тоже был здесь... я себя чувствовал плохо. Разговор был пустым, но я с любопытством смотрел на двух стариков, провинциальных рабочих» *.

Неделю спустя Троцкий немного оправился и писал Наталье, что, находясь еще в постели, принял группу сторонников и яростно спорил с ними и что Лева, проводив их, вернулся, обнял его поверх одеяла, поцеловал и шепнул: «Люблю тебя, отец». Эта сыновья любовь и восхищение тронули Троцкого — столько лет прожито порознь! Через несколько дней он снова пишет, что чувствует себя очень старым среди молодых людей, приходящих к нему, а по ночам он просыпается, «как брошенный ребенок», и зовет Наталью: «Разве Гёте не сказал, что старость внезапно настигает нас и находит нас детьми?» — «Как ты печален,— ответила Наталья,— ты никогда не был таким,— я вижу тебя бледным, усталым, несчастным. Это страшно, это совсем непохоже на тебя. Ты делаешь сверхчеловеческие усилия, ты говоришь о старости, когда нужно удивляться, как ты можешь нести такой громадный груз». Внутренне он пасовал перед невыполнимостью своей задачи. Посещения, беседы, по большей части вращавшиеся в замкнутом круге, и интриги мелких клик едва ли могли поднять его дух.

К началу октября здоровье Троцкого улучшилось, и, чтобы полностью отдохнуть, он поехал с Натальей в Баньер де Бигор в Пиренеях, где они провели три недели, совершая прогулки, посетили Лурд, забавлявший и в то же время раздражавший Троцкого как памятник человеческого легковерия. Троцкий пришел в себя и стремился к работе. Из Баньера он пишет Голланцу, побуждавшему его продолжить работу над биографией Ленина, что теперь он сосредоточит силы на подготовке этой книги и отложит план написания «Истории Красной Армии» **.

Так прошли три месяца со времени приезда Троцкого во Францию. Протесты против допуска его в страну поутихли. Он сумел сохранить инкогнито. Его пребывание не было известно в печати, и лишь очень немногие друзья и доброжелатели, приезжавшие в Сен-Пале, знали его точный адрес. Лева с громадными предосторожностями организовывал их визиты. Сталинисты не могли проследить место пребывания Троцкого и провести спланированные ими демонстрации против проживания его во Франции. Один человек, симпатизировавший троцкистам и являвшийся

---

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Письмо Голланцу от 25 октября 1933 г. В ответ на эти заверения Голланц предложил Троцкому аванс в сумме 1500 фунтов стерлингов за книгу «Жизнь Ленина». *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

еще членом компартии, приехал в Руайан, чтобы следить за происходившим в местной партийной организации и в случае необходимости предупредить в Сен-Пале. Однако местные сталинисты не имели ни малейшего представления, что Троцкий проживает поблизости. Правительство, убежденное в его сдержанности, сняло некоторые ограничения на свободу передвижения и разрешило ему жить везде, за исключением Парижа и департамента Сены. 1 ноября Троцкий приехал в городок около Парижа Барбизон, по имени которого названа прославленная школа живописи. Он жил там в пригородном доме, в маленьком парке на краю леса Фонтенбло, хорошо скрытый от жадных глаз и под охраной часовых и сторожевых собак. Он поддерживал тесный контакт со своими сторонниками в Париже — посланцы регулярно передавали корреспонденцию из города и обратно, а зимой в сопровождении охранника он совершил две или три поездки в столицу. В Барбизоне Троцкий надеялся без помех по крайней мере год работать над книгой о Ленине.

Казалось, не осталось и следа от его недавней апатии. Он возобновил свой обычный режим работы: в 6 утра, когда в доме все еще спали, он уже работал и, делая перерыв лишь для завтрака, продолжал трудиться до полудня. После второго завтрака и часового отдыха он снова приступал к работе. В 4 часа Троцкий, Наталья и секретари пили чай, затем все возвращались к делам до вечера. Вечером обитатели дома и посетители составляли дискуссионный клуб, где, конечно, председательствовал Троцкий. Он возобновил исследовательскую работу для книги: собирал материалы, занимался прошлым семьи Ульяновых, детством Ленина, его юношескими годами, изучал Россию 70-х и 80-х годов и этапы ленинского интеллектуального роста, то есть вопросы, занявшие первую и единственную законченную часть биографии. Собираясь разобрать философские произведения Ленина и понимая пробелы в собственных познаниях, он обратился к классикам логики и диалектики — Аристотелю, Декарту [2], но особенно к Гегелю. Троцкий не позволял, чтобы другие замыслы отвлекали его от книги. Примерно в это время Гарольд Ласки попросил Троцкого написать книгу «Куда идет Америка?», что-нибудь подобное «Куда идет Британия?». «Я не знаю никого,— писал наставник Британской лейбористской партии, прославленный авторитет в вопросах американской конституционной истории и политики,— я не знаю ни одного, чья книга по этому вопросу была бы более интересной для англо-американской публики» *. Но Троцкий не хотел, чтобы его отвлекали от основного занятия.

---

* Ласки — Троцкому 15 ноября 1933 г. *Архив Троцкого. Закрытая Секция.*

В большей степени, чем когда-либо, он любовно следил за французской политической и культурной жизнью. Для отдыха он написал или переработал очерки о Бриане[3], Мильеране[4], Пуанкаре[5], Эррио и написал рецензии на несколько французских романов. Из этих работ очерк Троцкого о книге Селина «Путешествие на край ночи» и мемуарах Пуанкаре заслуживает краткого рассмотрения *. Поводом для написания очерка был дебют Селина со своей книгой. «Селин вошел в большую литературу, как другие входят в собственный дом,— писал Троцкий, восхваляя безразличие автора к респектабельности, его громадный опыт, великолепную наблюдательность и смелый язык.— Он потряс словарь французской литературы», возродив слова, давным-давно изгнанные академическим пуританством. Основываясь на богатой традиции, восходящей к Рабле, он написал свое «Путешествие», «как будто первый использует французские слова». Он также бросил вызов условностям французской буржуазии, совершенным воплощением которых был Пуанкаре. Противопоставление Селина Пуанкаре было подсказано Троцкому сценой, которой начинается «Путешествие»,— Пуанкаре открывает выставку собак. «Неподкупный нотариус французской буржуазии» и святой покровитель Третьей республики «не имеет ни одной индивидуальной собственной черты». Все в нем условно и является имитацией. Его личность, как она проявляется в речах и мемуарах, «подобна скелету из колючей проволоки, украшенному бумажными цветами и мишурой». «Я буржуа, и ничто буржуазное мне не чуждо»,— мог бы сказать Пуанкаре. Его алчность, выразившаяся в репарационных требованиях к разбитой Германии, его лицемерие, «такое абсолютное, что стало своего рода искренностью», рядятся в одежды традиционного французского рационализма. Однако логика и ясность изложения французской буржуазии находятся в таком же соотношении с этой высокой философской традицией, как «средневековая схоластика соотносилась с Аристотелем». «Она рассматривает мир не в трех измерениях действительности, а в двух измерениях документов». Прославленное французское чувство пропорции превратилось у Пуанкаре в «чувство маленьких пропорций». Французская буржуазия «унаследовала от своих предков богатый гардероб исторических костюмов», которые она использует, чтобы прикрыть свой упорный консерватизм, а вслед за рационализмом «религия патриотизма» оказалась примерно тем, чем является религия для средних классов англо-саксонских стран. «Свободомыслящая французская буржуазия», от имени которой говорит Пуанкаре, «внедрила в собственный народ свои

* Очерк датирован 10 мая 1933 г., но Троцкий продолжал работать над ним и после.

атрибуты, которые другие народы вкладывают в отца, сына и духа святого». Франция для него — пресвятая дева. «Литургия патриотизма является неизбежной частью политического ритуала».

Заслуга Селина заключается в том, что он разоблачил и отверг эти святости. Он описал образ жизни, в которой убийство ради небольшой выгоды — не редкое исключение или эксцесс в рамках условной морали, а почти естественное явление. Однако, будучи новатором больше по стилю, чем по идеям, сам Селин — буржуа, усталый, отчаявшийся и «приведенный в такое отвращение собственным отражением в зеркале, что он бьет по стеклу, пока не окровавит руки». Имея на вооружении лишь крайнюю ненависть ко лжи и неверие в какую-либо истину, Селин не сможет написать другую книгу, подобную «Путешествию», заключил Троцкий, и если в нем не произойдет радикальных перемен, то он канет в забвение. (Вскоре Селин был действительно захвачен и унесен половодьем нацизма.)

Замечания Троцкого о работах Мальро тоже примечательны, ибо он был одним из первых, если не первым рецензентом романа «Условия человеческого существования», который превозносил как проявление большого и оригинального таланта. Он просил нью-йоркского издателя выпустить эту книгу в США, рекомендуя ее так: «Только величайшая сверхчеловеческая цель, за которую человек готов отдать собственную жизнь, придает смысл его личному существованию. Это, конечно, вывод романа, свободного от философского дидактизма и остающегося с начала до конца шедевром искусства» *. В одной из своих более ранних рецензий, однако, он говорил о духе «дешевого макиавеллизма» Мальро, которого привлекают не столько революция и ее настоящие борцы, сколько псевдореволюционные авантюристы и «бюрократические сверхчеловеки», стремящиеся господствовать и распоряжаться рабочим классом. Увлеченность «сверхчеловеком» такого рода, как мы теперь знаем, сделало легкой для Мальро связь сначала со сталинизмом, а затем с голлизмом. В то время, однако, он еще пытался примирить свои сталинистские наклонности с симпатией и восхищением перед Троцким **.

---

* Троцкий — Симону и Шустеру в Нью-Йорк 9 ноября 1933 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Троцкий впервые писал о Мальро в 1931 г.//Б. О. № 21—22. Некоторое время спустя после приезда Троцкого во Францию Мальро стал членом Комитета содействия безопасности Льва Троцкого. Комитет организовал денежный сбор, который должен был покрыть расходы на обеспечение Троцкого охранником, и в обращении, подписанном и Мальро, содержался призыв «ко всем тем, кто не хочет подставить под пули реакции изгнанника, посвятившего всю свою жизнь борьбе за лучшее общество». (Среди поддержавших это обращение был Ромен Роллан, который позднее, однако, оправдывал сталинские чистки.) Цит. по: Les Humbles. Mai — Juin 1934.

* * *

В Барбизоне Троцкий мог пристальнее вглядеться в западноевропейских сторонников, особенно французских, и попытался выйти за узкие рамки своей фракции, вербуя будущих членов IV Интернационала. Он связывал большие надежды с присоединением Рут Фишер и Маслова, жившими в эмиграции во Франции. В Барбизоне Троцкий часто принимал Фишер и, к негодованию немецких троцкистов, сделал ее членом Секретариата Интернационала. Он написал полное энтузиазма предисловие к брошюре Марии Реезе, в прошлом депутата рейхстага от коммунистической партии, разоблачавшей смятение и панику, в которые впала Коммунистическая партия Германии в 1933 году, и объявившей о своем присоединении к троцкизму. Вскоре, однако, Реезе дезертировала из лагеря троцкистов, вернулась в Германию и высказалась за национал-социализм *. Вербовка новых членов шла трудно. Немногие группы, согласившиеся работать в пользу нового Интернационала, раздирались острыми противоречиями. Некоторые старые троцкисты, подобные Нину и его сторонникам, откололись и образовали независимую партию, ПОУМ в Каталонии. Во Франции все троцкистские группы насчитывали в лучшем случае около сотни членов, а «Верите» имела тираж менее 3 тысяч экземпляров. Росмер держался в стороне. «За все двухлетнее пребывание Троцкого во Франции,— говорит он,— мы ни разу не виделись. Вероятно, он ожидал, чтобы я сделал первый шаг, а я ожидал первого шага от него» **. К этому времени Троцкий обнаружил, что Росмер не без причин отказывался совместно работать с Раймоном Молинье. Троцкий сам был шокирован «политической безответственностью» Молинье, хотя семья Молинье оказывала ему большую помощь во всех перипетиях жизни во Франции. Троцкого также печалило «высокомерие» и «отсутствие революционного духа и инициативы» у Навиля ***. Троцкий провел многие часы в беседах с Симоной Вейль, тогда еще «троцкисткой», но обнаружил, что у нее «в голове сумятица», «нет никакого понимания политики рабочего класса и марксиз-

---

* Б. О. 1934. № 38—39. С. 26—27.

** Это полностью совпадает с тем, что писал позднее Троцкий (29 апреля 1936 г.) В. Сержу: «Росмер, который не соглашался со мной по второстепенному вопросу, стал слишком эмоциональным... Из-за этого мы не встречались во время моего пребывания во Франции. Однако наше уважение и симпатии к обоим — Альфреду и Маргарите — были велики, как всегда. Росмер является человеком, на которого можно всегда положиться в трудных обстоятельствах». *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

*** Троцкий — Леве 27 декабря 1935 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* Он характеризовал другого своего французского сторонника Давида Руссе как «смесь оппортунизма и анархизма». *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

ма»; в последующие годы она приобрела известность как философ с уклоном в католицизм и мистицизм. Впечатление, которое большинство его французских сторонников-интеллигентов производили на него, хорошо передает письмо Троцкого Виктору Сержу, написанное спустя два года, где он отзывается о них как о «филистерах»: «Я побывал у них в домах и почувствовал запах их мелкобуржуазной жизни,— мой нос не обманул меня». Он мог рассчитывать только на немногих страстных молодых рабочих и студентов, но даже у них не было политических знаний и опыта, и они действовали вне рабочего движения. «Мы должны искать путей к рабочим,— заключил Троцкий,— и при этом избегать экс-революционеров и даже бесцеремонно отпихивать их» *.

Это было время дела Ставиского [6], скандала, разоблачившего чудовищную коррупцию Третьей республики, ее министров, депутатов, полицейских чинов и прессы. Парламентская опора республики, радикальная партия, была глубоко замешана в этом деле, и правительство почти задохнулось в миазмах дела Ставиского. Фашистские и полуфашистские лиги, в особенности «Огненный крест» или кагуляры под руководством полковника Де ля Рока, спекулировали на народном негодовании и грозили свергнуть парламентский режим. 6 февраля 1934 года они устроили нечто вроде маленького восстания и с криками «Долой Даладье!» напали на палату депутатов. Государственный переворот, однако, не удался, и не прошло недели, как этот мятеж спровоцировал всеобщую забастовку рабочих Парижа, в которой социалисты и коммунисты впервые за многие годы организовали единый фронт снизу. Это случилось как раз в то время, когда Коминтерн начал отказываться от своей «ультралевой» тактики, и единый фронт, возникший 12 февраля, стал прецедентом. В июле социалисты и коммунисты достигли официального согласия «совместно защищать Республику против любого фашистского нападения». Радикальная партия не присоединилась к ним, однако Народный фронт с ее участием возник на следующий год. Тем не менее открылась новая глава: правительство Даладье было спасено единым фронтом и в возрастающей степени зависело от его поддержки. Политическое соотношение сил во Франции изменилось, наблюдался подъем энергии среди рабочих, возрождалась классовая борьба.

В этих обстоятельствах, указывал Троцкий, крайне важно, чтобы его сторонники оказались в рядах массового движения. Поскольку они не могли вернуться в коммунистическую партию, клеветавшую на них и беспощадно их преследовавшую, он рекомендовал им присоединиться к СФИО, социалистической партии,

---

* Троцкий — Сержу 30 июля 1936 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

находившейся под руководством Леона Блюма и ведшей за собой большинство рабочих. (СФИО тогда еще не была партией конторских служащих и мелкой буржуазии, каковой она стала после второй мировой войны.) Троцкий рекомендовал своим сторонникам присоединиться к этой партии не для того, чтобы разделить ее идеи, а, напротив, чтобы бросить вызов реформизму в его собственной цитадели и «принести свою революционную программу массам». СФИО была не централизованной организацией, а федерацией различных, открыто соперничавших групп и фракций, домогавшихся влияния. В такой организации троцкисты вполне могли набрать себе сторонников в пользу идеи IV Интернационала. Это был «французский поворот», который обсуждали все троцкистские группы в 1934—1935 годах. В конце концов Троцкий рекомендовал почти им всем последовать аналогичному образу действий в своих странах, то есть войти различными группами в социал-демократические партии *.

Тем самым Троцкий молчаливо признал, что его первоначальный план создания нового Интернационала был нереалистичным, «французский поворот» был отчаянной попыткой спасти его. Он не мог удаться. Троцкизм не мог оказать влияния, кроме как эпизодического, на рядовых членов социал-демократической партии. Он чудовищно противоречил их навыкам мышления и реформистским традициям. Троцкий не мог нанести поражения влиянию Блюма на родной почве Блюма, а именно это косвенно он и пытался сделать. Его сторонники вступили в СФИО как крошечная группа, не имевшая авторитета или престижа, заранее провозглашая свою враждебность к общепризнанным лидерам и программным положениям партии. Они обратили в свою веру немногих молодых, но вскоре натолкнулись на стену вражды. «Французский поворот» отдалил троцкистов еще больше от массы коммунистов и лил воду на мельницу сталинистской пропаганды. Для рядовых коммунистов разговоры о том, что троцкисты вступали в СФИО только для того, чтобы дать бой реформизму, звучали ложным предлогом. Коммунисты видели, что социал-демократы временно наживают политический капитал на присоединении троцкистов, и слышали, как последние обрушиваются на сталинизм с трибун социал-демократов. Старое недоверие к троцкизму превратилось в слепую ненависть к «ренегатам и предателям». Конечно, в то же время коммунисты видели, что троцкисты нападают на лидеров социал-демократов и их политику и что именно

* Употребляя термин «вступительство», троцкисты характеризовали и обсуждали эти события даже через 30 лет, когда они все еще продолжали вступать, уходить и вновь вступать в другие партии, раскалывая собственные ряды в ходе этого процесса и продолжая «строить IV Интернационал».

за это их исключают из СФИО. Но это происходило в условиях существования Народного фронта, и коммунистическая партия аплодировала и даже поощряла это исключение. Так что «французский поворот» помогал превратить антипатию рядового французского коммуниста к троцкизму в яростную враждебность. Хотя такое различие было лишь нюансом, оно было существенным: незаметными градациями настроение западноевропейских коммунистов менялось и было доведено до яростного отвращения к троцкизму, с которым они встретили великие чистки.

* * *

Не прошло и шести месяцев после приезда Троцкого в Барбизон, когда относительный покой, в котором он жил там, был внезапно нарушен. Он сохранял инкогнито и скрывал свое местожительство так хорошо, что даже друзья не знали, где он находится, и переписывались с ним по условленному адресу. Ни одно письмо Троцкого никогда не было отправлено из Барбизона. Один из секретарей работал посыльным, возя почту между Барбизоном и Парижем. Один тривиальный инцидент положил конец всем этим сложным мерам предосторожности. Как-то вечером в апреле полиция остановила посыльного Троцкого за мелкое нарушение правил дорожного движения. Удивленная его туманными ответами и иностранным акцентом (посланцем был немецкий политический эмигрант Клемент), полиция докопалась до того, что Троцкий находится в Барбизоне. Руководители службы безопасности Франции тщательно скрывали это от полиции, и местные жандармы, обрадовавшись своей проницательности, с громом и треском объявили о своем открытии. Местный прокурор в сопровождении взвода жандармов и репортеров из Парижа явился допросить Троцкого. Правая печать немедленно возобновила свою кампанию, а «Юманите» вновь солидаризировалась с ней. Правительство перепугалось. Фашистские организации уже нападали на него за предоставление убежища Троцкому. Это, вопили они, одно из преступлений «прогнившего и выродившегося» режима, истинное лицо которого показало дело Стависского. Из Берлина министерство пропаганды Геббельса распространило сплетню, что Троцкий готовит коммунистическое восстание. Мелкая буржуазия, приведенная в ужас кризисом, озлобленная против Третьей республики и с жадностью читавшая сенсационные заголовки о таинственных делах Троцкого, с готовностью поверила, что «людоед Европы» охотится на нее. «Юманите» утверждала, что Троцкий составил заговор против национальных интересов Франции. Чтобы умиротворить враждебную кампанию, правительство заявило, что собирается выслать Троцкого, и вручило ему распоряжение о вы-

сылке. Однако оно не требовало его немедленного выполнения, ибо ни одно государство не было готово принять Троцкого.

16 или 17 апреля полиция приказала Троцкому выехать из Барбизона. Его дом осаждали толпы. Опасались нападения со стороны либо кагуляров, либо сталинистов. Троцкий сбрил бороду, сделал все, чтобы его не узнали, и незаметно выскользнул из дома. Он переехал в Париж и несколько дней прожил с сыном в бедной студенческой мансарде. Однако в Париже ему было запрещено жить, и находиться там было опасно. Поэтому, оставив Наталью, он опять пустился в путь. С Анри Молинье и ван Хейеноортом он поехал на юг без определенного пункта назначения. Троцкий оставался во Франции еще 14 месяцев, но ему приходилось либо вести жизнь бродяги, либо укрываться в отдаленной деревушке в Альпах, и постоянно он должен был прятать свою гордо поставленную и слишком приметную голову.

В сопровождении полицейских ищеек он переезжал с места на место, из гостиницы в гостиницу, пока не приехал в Шамоникс. Почти немедленно местная газета сообщила эту сенсационную новость. «Очевидно, полиция заподозрила,— записал Троцкий,— что у меня были какие-то намерения касательно Швейцарии или Италии, и выдала меня». Пришлось снова пуститься в путь. Полиция запретила Троцкому проживать в пограничной зоне, приказав найти убежище в маленьком городке или в деревне, расположенных по крайней мере в 300 километрах от Парижа. В Шамониксе к нему присоединилась Наталья, и, пока Молинье или ван Хейеноорт искали новое убежище, Троцким пришлось жить в пансионе. Чтобы поселиться в пансионе, нужно было провести «очень сложную операцию», ибо он не мог въехать под собственной фамилией, а полиция не позволяла прибегнуть к псевдониму. Наконец Троцкий прописался как господин Седов, французский гражданин иностранного происхождения, а чтобы обеспечить невмешательство в личную жизнь, они с Натальей притворились, что находятся в глубоком трауре, и питались в своих комнатах. Ван Хейеноорт, выступавший под видом племянника, следил за окружающей обстановкой. Одно трагикомическое обстоятельство: пансион оказался центром местных роялистов и фашистов, с которыми «верный республиканец», агент службы безопасности, продолжавший сопровождать Троцкого, вел желчные споры за столом. «Каждый раз после еды «наш племянник», бывало, рассказывал нам об этих мольеровских сценах, и полчаса подавляемого смеха (мы, конечно, были в трауре) вознаграждали нас, по крайней мере частично, за жизненные неудобства. По воскресеньям Наталья и я шли «в церковь», в действительности на прогулку. Это увеличило наш престиж в пансионе». Из пансиона они переехали в дачный домик в деревне. Однако когда местный пре-

фект узнал адрес, он воздел к небу руки: «Вы избрали самое неподходящее место! Здесь гнездо клерикалов, а мэр — мой личный враг». Сняв домик на несколько месяцев вперед и будучи к этому времени «банкротом», Троцкий отказался выехать, пока очередное сообщение в местной газете не вынудило его поспешно убраться *.

После почти трехмесячного бродяжничества в начале июля Троцкие наконец приехали в Домен около Гренобля, где остановились у деревенского учителя месье Бо. Здесь они оставались почти 11 месяцев в полной изоляции, без секретаря или охранника. Лишь двое или трое посетителей, приехавшие специально для этой цели из-за границы, навестили Троцкого в Домене. Раз в несколько недель из Парижа приезжал секретарь, время от времени несколько местных учителей посещали месье Бо, и тогда его двое жильцов обсуждали вместе с ними местные школьные дела. «Наша жизнь здесь очень немногим отличается от заключения,— записывал Троцкий,— мы заперты в доме и дворе, встречаем людей не чаще, чем мы встречали бы во время посещений в тюрьме... У нас есть радиоприемник, но радиоприемники, вероятно, есть в некоторых тюрьмах». Даже их ежедневные прогулки напоминали прогулки в тюрьме. Гуляя, они крались по деревне, чтобы избежать людей, и не могли уйти далеко, потому что пришлось бы пройти соседнюю деревушку. Почта из Парижа прибывала только дважды в месяц. В демократической Франции они имели значительно меньше свободы, чем на Принцевых островах или даже в Алма-Ате **.

Троцкий работал меньше обычного и менее плодотворно, почти не продвинулся в написании книги о Ленине. В октябре он написал брошюру о французской политике накануне Народного фронта под заголовком «Куда идет Франция?». В брошюре было много блестящих мест, но она не дала ответ или скорее дала неверный ответ на вопрос, поставленный в заголовке. Троцкий рассматривал положение во Франции через ту же призму, через которую рассматривал положение в Германии. Однако призма, благодаря которой он так ясно увидел приход к власти Гитлера, привела к смещению его взгляда на перспективы Франции. Вновь он поставил правильный диагноз кризиса буржуазной демократии. Однако вновь он усмотрел, на этот раз ошибочно, что низшие слои средних классов пребывают «в бешенстве» и являются динамическим фашистским массовым движением, противопоставляющим себя рабочему классу в актах насилия. Февральский путч «Огненного креста», казалось, давал некоторое подтверждение его взгляда.

* Trotsky's Diary in Exile. P. 104.
** Ibid. P. 37, 92; *Naville P.* Trotsky Vivant. Paris, 1962.

Однако полковник Де ля Рок не стал французским Гитлером, и французская мелкая буржуазия не положила начало движению, подобному национал-социализму, либо потому, что Народный фронт предотвратил его, либо потому, что мировоззрение и традиции французской мелкой буржуазии отличались от немецкого мелкого бюргерства. Одна из особенностей французской политической истории 30, 40 и 50-х годов заключалась в том, что неоднократно предпринимались попытки организовать фашистские массовые движения, и неоднократно эти попытки терпели крах. Когда Третья республика рухнула в 1940 году, то это случилось в огне германского вторжения. Даже тогда не местный фашизм, а склеротическая диктатура Петэна [7] выросла на обломках республики. 18 лет спустя Четвертая республика также пережила военный переворот. Французская реакция против буржуазной демократии приняла форму, как это случалось в XIX столетии, квази- или псевдобонапартистскую, приведшую «к правлению сабли», методы и воздействие которой значительно отличались от методов тоталитарного фашизма *.

Из этих посылок Троцкий развил свои идеи относительно стратегии и тактики французского рабочего движения. Он критиковал единый фронт, в том виде, в каком его практиковали Торез и Блюм, на том основании, что все ограничивалось парламентскими маневрами и союзами на выборах и что этот фронт не пытался поднять рабочих к непарламентской борьбе против фашизма, которая могла бы также создать условия для социалистической революции. Он саркастически отзывался о Коминтерне, который осудил его за настояние, чтобы немецкие социалисты и коммунисты совместно предотвратили приход к власти Гитлера, и который теперь не моргнув глазом принял единый фронт только для того, чтобы извратить его, превратив в тактику уловок, «парламентского кретинизма» и оппортунизма. По иронии судьбы именно Торез теперь просил Блюма расширить их союз, включив в него радикалов, чтобы «связать мелкую буржуазию с антифашистской борьбой рабочего класса». Так Народный фронт, доказывал Троцкий, не свяжет низшие слои средних классов с рабочими,

* Троцкий в его время был единственным политическим теоретиком, давшим четкое определение фашизма. Однако в некоторых случаях он применил его довольно неточно. Он усмотрел неизбежность фашизма во Франции и настаивал на том, что псевдобонапартистскую диктатуру Пилсудского [8] в Польше следует заклеймить как фашистскую, хотя Пилсудский не правил тоталитарными методами и должен был мириться с существованием многопартийной системы. С другой стороны, Троцкий охарактеризовал довольно неубедительно эфемерные правительства Шлейхера и Папена, а также слабое правительство Думерга 1934 г. как бонапартистские. (Только в 1940 г. он наконец назвал режим Петэна псевдобонапартистским, а не фашистским.) Я спорил по этим вопросам с Троцким в 30-е годы, однако вопрос, вероятно, имеет незначительную историческую ценность и слишком сложен, чтобы поднимать его на этих страницах.

а откроет глубокую пропасть между ними, ибо низшие слои средних классов выступали теперь против радикалов, своей традиционной партии. Он обращался к коммунистам и социалистам с призывом создать рабочую милицию и подготовиться к борьбе с фашизмом с оружием в руках, если в этом будет необходимость, и повторил это в другой брошюре: «Еще раз: куда идет Франция?», написанной в марте 1935 года.

Конечно, неудачи Народного фронта оправдали бóльшую часть критики Троцкого, однако в то время объединенные действия социалистов и коммунистов нанесли поражение фашистским организациям, от которого последние никогда не оправились. Народный фронт, несомненно, на время поднял рабочий класс и дал громадный толчок его движению. Но впоследствии политика Народного фронта подорвала энергию рабочего класса, привела к отчуждению мелкой буржуазии и, таким образом, бросила страну в реакцию и прострацию, в которых она находилась в начале второй мировой войны. Однако в 1934—1935 годах, когда угроза фашизма уменьшилась, призыв Троцкого к внепарламентским действиям и созданию рабочей милиции прозвучал несвоевременно и не вызвал никакого ответа. Наблюдая из своего убежища в Альпах первые маневры Народного фронта, Троцкий отметил в своем дневнике, что «этот орден безнадежно подорвал себя. Он рухнет со зловонием» *. Считанные годы отделяли триумф Народного фронта и великое зловоние краха 1940 года.

* * *

Вплоть до конца 1932 года Троцкий еще поддерживал контакты со своими сторонниками в Советском Союзе, получая письма и бюллетени из многих колоний ссыльных и тюрем. Написанные на русском, французском и немецком языках главным образом на грубой оберточной бумаге, иногда даже на папиросной бумаге и касавшиеся политических, теоретических вопросов или содержавшие личные приветствия, эти послания переправлялись невероятно изобретательно: как-то, например, на стол Троцкому упал спичечный коробок, внутри которого он нашел целый политический трактат, написанный микроскопическим почерком. Эта переписка, сохранившаяся в Архиве Троцкого, приносила на Принцевы острова дыхание сибирских и полярных ветров, зловоние застенков, эхо зверской борьбы, вопли обреченных и отчаявшихся людей, но также ясные мысли и несломленные надежды. Пока продолжалась переписка, Троцкий чувствовал советскую действительность. Постепенно, однако, переписка сократилась до ничтож-

* Trotsky's Diary in Exile. P. 48.

ных размеров и еще до отъезда Троцкого с Принцевых островов вообще прекратилась.

Во Франции у него не было никаких контактов с оппозицией в Советском Союзе. Молчание оппозиции, углублявшееся бесконечными раскаяниями капитулянтов, было у него на уме, когда он заявил, что движение в России утратило силу революционной инициативы и только новый Интернационал может возродить ее. В феврале 1934 года, когда Троцкий еще находился в Барбизоне, до него дошли вести о капитуляции Раковского. Можно легко представить себе, как они подействовали на него. Раковский был ближе к Троцкому как «друг, борец и мыслитель», чем любой другой единомышленник. Несмотря на свой возраст, он, не сломленный преследованиями, держался против Сталина, когда почти все другие лидеры оппозиции капитулировали, в тюрьмах и ссылке его моральный авторитет уступал только Троцкому. Почти в каждом выпуске «Бюллетеня оппозиции» Троцкий печатал что-нибудь написанное Раковским или что-нибудь о нем: статью, письмо, отрывок из старой речи или протест против преследований Раковского. После каждого поражения оппозиции и каждой серии капитуляций Троцкий указывал на Раковского как на блестящий пример и доказательство того, что оппозиция живет. Дезертирство Раковского опечалило его до глубины души. Оно знаменовало для него уход в прошлое целой эпохи. «Раковский,— писал Троцкий,— был буквально последней связью со старым революционным поколением. После его капитуляции никого не осталось» *. Что, усталость, размышлял Троцкий, наконец возобладала над старым борцом? Или Раковский руководствовался, как он заявил, убеждением, что, когда Советскому Союзу грозил третий рейх, он тоже должен «сплотиться со Сталиным?». В любом случае триумф Сталина не мог быть более полным, и в последующие несколько месяцев примирение Сталина со многими его раскаявшимися противниками казалось более искренним, чем когда-либо еще, хотя партия по-прежнему неустанно исключала «нелояльные элементы» из своих рядов.

Внезапно, еще до конца года, видимость примирения рухнула. 1 декабря Сергей Киров, который за 10 лет до этого заменил Зиновьева во главе Ленинградской организации и в Политбюро, был убит. По первой официальной версии утверждалось, что за убийцей Николаевым стояла группа белогвардейских заговорщиков и их деятельность направлял латвийский консул. Вопрос о том, что в убийстве замешана внутрипартийная оппозиция, вообще не ставился. По второй версии, однако, убийцу называли сторонником Зиновьева и Каменева и уже не упоминались бело-

* Trotsky's Diary in Exile. P. 41, 53.

гвардейцы. Николаев и 14 других молодых людей, все комсомольцы, были казнены. Зиновьева и Каменева исключили из партии в третий раз. Их бросили в тюрьму в ожидании военного трибунала. Печать и радио связывали Троцкого с Зиновьевым и Каменевым, нападая на него как на истинного вдохновителя. Был развязан массовый террор против «убийц Кирова» (троцкистов, зиновьевцев и недовольных сталинистов). Многие тысячи людей были брошены в концентрационные лагеря. Наконец, нескольким высокопоставленным руководителям Ленинградского ГПУ было предъявлено обвинение в «халатности», и они были осуждены с удивительной мягкостью на 2—3 года заключения.

В своем домике в Альпах Троцкий не отходил от радиоприемника, слушая передачи из Москвы, где рассказывалось о раскрытии заговора, и записывал свои комментарии *. В шуме, исходившем из Москвы, он сразу различил прелюдию к событиям, куда большим и куда более зловещим, чем дело Кирова. Он был убежден, что Зиновьев и Каменев не были связаны с убийством Кирова,— для них, старых марксистов, ничто не было столь чуждо, как действия тайком с целью устранения человека без изменения системы. Он не сомневался, что Сталин использовал убийство в качестве предлога для новых атак на оппозицию. 30 декабря, за две недели до сообщения о суде над руководителями Ленинградского ГПУ, Троцкий утверждал на основании официальных заявлений, что ГПУ знало о подготовке убийства и по собственным мотивам смотрело на зто сквозь пальцы. Тогда каковы были эти мотивы? Николаев был комсомольцем, выросшим после подавления всех оппозиций. Разочарованный, не имевший возможности высказать свои взгляды легально, не связанный марксистской традицией, он пытался протестовать с бомбой и револьвером. Не оппозиция, утверждал Троцкий, а правящая группа несет ответственность за это. ГПУ знало о намерениях Николаева и использовало его как свою пешку. Чего добивалось ГПУ? Николаев якобы сознался, что латвийский консул подталкивал его установить контакт с Троцким, написав ему письмо. «Консул», сказал Троцкий, действовал в интересах ГПУ, которое спланировало «открыть» заговор Николаева только после того, как могло добыть «доказательства», что он переписывался с Троцким. Пока ГПУ не получило зтих «доказательств», оно оставляло Николаева в покое, будучи уверенным в своей способности пристально наблюдать за ним и направлять его действия. ГПУ просчиталось. Николаев выстрелил в Кирова до того, как ГПУ достигло своей цели. Отсюда противоречия между различными официальными версиями и тай-

---

* Б. О. № 41, вышедший в январе 1935 г., полностью заняли комментарии Троцкого по поводу дела Кирова.

на, в которой проходил суд над Николаевым. Наконец, отсюда же суд над руководителями ГПУ за «халатность» и мягкость вынесенных им приговоров.

Троцкий заключил, что ГПУ, не сумев получить ложные показания против него от Николаева, попытается добыть их у Зиновьева и Каменева. Между тем Зиновьева и Каменева приговорили к 10 и 5 годам тюрьмы соответственно, но разрешили публично заявить, что они не имели никаких связей с Николаевым и их можно считать соучастниками только косвенно в той мере, в какой их критика Сталина в минувшие годы могла оказать влияние на террориста. Суд согласился с их мнением, и Троцкий заключил, что за сценой была заключена сделка между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым: Сталин, должно быть, обещал реабилитировать их, если они согласятся осудить Троцкого как руководителя террористического заговора. «Насколько я могу судить,— писал Троцкий,— стратегия Сталина вокруг трупа Кирова не принесла ему лавров»,— несообразности дела дали повод для комментариев и слухов, возложивших ответственность на Сталина и его окружение. «Именно поэтому Сталин не может ни остановиться, ни отступить. Он должен прикрыть неудачу этой амальгамы новыми амальгамами, которые будут задуманы в значительно более широких масштабах на международной арене и с большим... успехом» *. Проанализировав дело Кирова, Троцкий предсказал великие процессы, которые были действительно задуманы «в международных масштабах» и где вместо скромного латвийского консула выступал Гитлер, изображенный Сталиным как союзник Троцкого.

* * *

Дело Кирова немедленно затронуло судьбу семьи Троцкого. Оба его зятя, Невельсон и Волков, находившиеся в ссылке с 1928 года, были арестованы, и без суда сроки их ссылки или содержания в тюрьме были продлены. Его первую жену, которой теперь было больше 60 лет, выслали из Ленинграда сначала в Тобольск, а затем в отдаленное селение в Омской области. Ее трое внуков, о которых она заботилась, остались со старой теткой, брошенные на произвол судьбы. «Я получаю письма от малышей,— писала Александра Леве,— но совершенно не представляю себе их жизнь. Моей сестре, вероятно, очень трудно... хотя она продолжает успокаивать меня. Мое здоровье кое-как, здесь нет врача, и поэтому я должна держаться» **. На этот раз террор затронул младшего сына Троцкого Сергея, который, как мы помним, был

* «Письмо американским друзьям» от 26 января 1935 г. *Архив Троцкого.*
** Trotsky's Diary in Exile. P. 79.

ученым, избегал политики и контактов с отцом. Все это время, начиная с 1929 года он переписывался только с матерью, рассказывая ей о своем здоровье, успехах в научной работе, справляясь о жизни семьи,— во всех его письмах или открытках не было ни малейшего намека на политику. Как раз за несколько дней до убийства Кирова он снова писал матери о профессиональной работе, рассказывая о тех предметах, по которым читал лекции в Высшем техническом училище в Москве, усилиях, требовавшихся для этого от него; только в заключительных строчках он намекнул, что «назревает что-то неприятное; пока речь идет о слухах, но чем все это кончится, я не знаю». Неделю спустя, 12 декабря он вновь писал о своей академической работе и тревожно закончил: «Мое положение в общем очень серьезно, серьезнее, чем можно предположить» *. Совершенно невероятно, размышляли крайне обеспокоенные родители, чтобы ГПУ схватило Сергея заложником? Несколько недель они ожидали нового письма от него. Письмо не пришло. Старый друг семьи вдова Л. С. Клячко, жившая в Вене, посетила Москву и справилась о Сергее с тем только результатом, что ей без объяснений было предложено немедленно покинуть страну.

Неделями и месяцами, многими бессонными ночами родители мысленно обращались к Сергею. Их мучила неизвестность. Быть может, его беды носят личный, а не политический характер? Быть может, ГПУ только выслало его из Москвы, но не бросило в тюрьму? Несомненно, ГПУ должно было понимать, что он совсем не занимается политикой? Могли ли бросить его в тюрьму, не уведомив Сталина? Наталья спросила, как бы выражая слабую надежду, что, быть может, поможет обращение к Сталину? Нет, ответил Троцкий, только по приказу Сталина Сергей мог быть брошен в тюрьму. Только Сталин способен на такую мстительность. Попытаются ли они вырвать у Сергея признание с обвинениями против собственного отца? Но зачем это Сталину? Разве фальсификация не будет очевидной? Тогда зачем они могли схватить его? Будут ли они пытать его? Будет ли он сломлен? **

Днями и ночами родителей преследовала мысль о сыне, стоящем перед инквизиторами. Они боялись, что, будучи политически незрелым, он не выдержит удара. Они видели его впавшим в смятение и сокрушенным и бранили себя за то, что не настояли, чтобы он уехал с ними в изгнание. Но разве могли они оторвать его от академической работы, когда не знали. что их ожидает самих? Дело обстояло совершенно по-иному с Левой, полностью ушедшим в политическую борьбу. Они вспоминали Зину, которую

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Trotsky's Diary in Exile. P. 61—72.

не смогли спасти. Они вспоминали безмятежное детство Сергея, его неприятие образа жизни отца и старшего брата, его отвращение к политике, его беспокойное, но веселое юношество и, наконец, абсолютную преданность науке. Нет, они не могут просить его вовлечься в дела отца. Но не думает ли он, что они покинули и забыли его? Они с жадностью читали русские газеты, ища упоминания о Сергее в растущей лавине поношений «отбросов зиновьевцев, троцкистов, бывших князей, графов и жандармов», встречали фамилии родственников и друзей, но о нем — мертвое молчание. Сталин, отметил Троцкий, «достаточно умен, чтобы понимать, что даже сегодня я не поменялся бы местами с ним... Однако если мщение на высшем [морально-политическом] уровне не принесло успеха и, конечно, оно не увенчается успехом, все еще остается возможным [для Сталина] вознаградить себя, нанося удары по близким мне людям» *.

Ощущение того, что Сталин наложил руки на сына, ибо не мог добраться до отца, вызывало у Троцкого чувство вины. В дневнике между записями о Сергее он рассказывает, на первый взгляд вне контекста, о казни царя и царской семьи. Опасаясь, что Сергей падет жертвой его конфликта со Сталиным, он, очевидно, задумался о других невиновных детях — детях царя, которые погибли за грехи отца. Он записывал в дневнике, что не принимал участия в принятии решения о казни царя. Решение принадлежит прежде всего Ленину, и Троцкий сначала был потрясен, узнав о судьбе царской семьи. Он припоминал это, однако, не для того, чтобы отмежеваться от Ленина или оправдаться. Через 17 лет он оправдывает решение Ленина как необходимое в интересах революции. В разгар гражданской войны, записывал Троцкий, большевики не могли оставить белым армиям «живое знамя, под которым они могли сплотиться», а после смерти царя кто-либо из детей царя мог бы служить таким символом. Дети царя «пали жертвой принципа, составляющего суть монархии,— преемственности династии». Невысказанный вывод этого отступления в дневнике достаточно ясен. Даже если признать за Сталиным право истреблять своих противников, а Троцкий, конечно, этого не признавал, то Сталин все равно не имел никакого оправдания преследовать детей своих противников. Сергей не был связан с отцом принципом преемственности династии. Немедленно вслед за этим отступлением Троцкий записывает: «Никаких новостей о Сереже, и, возможно, их долго не будет. Долгое ожидание притупило беспокойство первых дней» **.

Тем не менее беспокойство начало сказываться на Троцком. Он был мрачно настроен. Снова он размышлял над старостью и

* Trotsky's Diary in Exile. P. 66—67.
** Ibid. P. 82.

смертью. Ему еще не было 55 лет, но он уже не раз припоминал слова то ли Ленина, то ли Тургенева: «Знаете, в чем величайший грех? Быть старше 55 лет». С оттенком зависти он заметил: «Но Ленин не дожил, чтобы совершить такой грех». «Мое здоровье не вдохновляет меня. Приступы болезни стали более частыми, симптомы более острыми, сопротивление организма слабее». «Конечно, моя кривая может еще временно пойти вверх, но в целом я чувствую приближение ликвидации». С ясным сознанием грядущего он заметил, что Сталин «сейчас дал бы много, чтобы отменить решение о моей высылке, он неизбежно прибегнет к террористическому акту... в двух случаях... если возникнет угроза войны или если его собственное положение серьезно ухудшится. Конечно, может быть третий и четвертый случай... увидим. Если не увидим мы, увидят другие». Троцкий начал подумывать о самоубийстве, рассуждая, не следует ли пойти на него, когда физические силы будут исчерпаны и он не сможет продолжать борьбу. Быть может, ему пришло в голову, что так он спасет Сергея? Но все зто были преходящие мысли. Хотя знергия Троцкого была подорвана, он проявил удивительную жизнеспособность и напористость в грядущие годы перед лицом куда более серьезного вызова. Между тем он испытывал обычное и человеческое, происходящее с людьми средних лет, поддавался приступам ипохондрии. На Троцкого действовала усталость от длительной изоляции и пассивности *.

Это была низшая точка жизни Троцкого. Честолюбивые планы и оптимистические надежды, с которыми он уехал из Турции, рухнули. Его великая кампания против капитуляции Сталина перед Гитлером не принесла политического вознаграждения. Сталинизм даже использовал эту капитуляцию, чтобы нажить новый политический капитал: играя на страхе перед нацизмом, он перетягивал на свою сторону левые круги в Европе. Троцкий чувствовал, хотя не мог признаться в зтом даже себе, что IV Интернационал был мертворожденным. Он не мог избежать окружавших его обстоятельств, как не мог и примириться с ними. Он нашел некоторое утешение в возвышенных размышлениях о своей «исторической миссии» при основании IV Интернационала. В зтом контексте он размышлял, что случилось бы с русской революцией без Ленина и без него самого, и в зтой связи утверждал, что его работа по созданию нового Интернационала была «незаменимой» в некотором смысле, в каком не была таковой даже его деятельность в Октябрьском восстании и гражданской войне. «В этом утверждении нет никакого высокомерия,— записывал Троцкий,— крах двух Интернационалов поставил проблему, которую ни один

* Trotsky's Diary in Exile. P. 51, 109.

из лидеров этих Интернационалов вовсе не может разрешить... По-видимому, сейчас нет никого, помимо меня, кто мог бы выполнить миссию вооружения нового поколения революционным методом через головы руководителей II и III Интернационалов, и... худший грех быть старше 55 лет! Мне нужно по крайней мере 5 лет непрерывной работы, чтобы она увенчалась успехом», то есть чтобы был создан Интернационал, способный повести рабочий класс к революции *. В низшей точке своей карьеры он бросил вызов судьбе, давшей ему ровно «еще пять лет», но не позволившей его работе «увенчаться успехом».

* * *

За все годы совместной жизни, теперь уже тридцать три, Троцкий и Наталья никогда не были так одиноки, как во время этих 11 месяцев в Домене. Одиночество и страдания еще теснее сблизили их. В трагические часы, говаривал Троцкий, его «всегда удивляла сила ее характера». Их любовь прошла через триумфы и поражения, и отблески прошлого счастья скрашивали печаль этих дней. Ее лицо уже бороздили морщины. Оно было напряжено беспокойством и заботами, а он с болью думал о ее яркой, живой, вызывающей молодости. «Сегодня на прогулке мы взбирались на холм. Наталья устала и неожиданно присела, бледная, на сухие листья... Даже сейчас ее походка прекрасна, она не устает, идет, как молодая. Но последние два месяца у нее побаливало сердце. Она работает слишком много... Она внезапно садится. Она, очевидно, *не может* больше идти и, как бы извиняясь, улыбается. С какой чудовищной болью я жалею о ее молодости». Она спокойно несла свой крест, полностью связав свою жизнь с жизнью мужа. Каждая буря, проходившая над ним, потрясала ее. Каждое его настроение проникало в ее существо, и каждый оттенок его мысли отражался в ней. Она не была для Троцкого политическим другом, каким была Крупская для Ленина, ибо Крупская, не имевшая детей, была самостоятельным политическим работником и входила в ЦК партии. Наталья была не только менее активной, но и менее политичной. «Хотя она и интересуется небольшими каждодневными фактами политики [таковы слова Троцкого], она обычно не объединяет их в стройную картину». Любящий муж не мог яснее выразить сомнений о политических суждениях своей жены. Но не это было важно: «Когда политика заходит глубоко и требует всестороннего ответа, Наталья всегда находит в своей внутренней музыке правильные ноты» **.

*Trotsky's Diary in Exile. P. 54.
** Ibid. P. 56.

Эту ее «внутреннюю музыку» он часто понимал, и, между прочим, когда Троцкий описывает жену в своем дневнике, он по большей части говорит о ней, слушающей музыку. Ее собственные интересы обычно были связаны с искусством. Она обладала незаурядным даром понимания, наблюдения и выражения, что видно на страницах ее дневника. Ученики Троцкого иногда удивлялись ее политическим замечаниям, и это побудило Троцкого заметить, что «тонкие люди... инстинктивно чувствуют глубину ее натуры. О тех, кто проходит мимо нее с безразличием или снисходительно, не замечая силы, таящейся в ней, можно всегда сказать с уверенностью, что они поверхностны и тривиальны... от нее нельзя скрыть филистерства, вульгарности и трусости, хотя она чрезвычайно терпима к мелким недостаткам людей». В ее «внутренней силе» не может быть ни малейшего сомнения. В самые тяжкие моменты, когда ему почти отказывала выдержка, именно она ставила его на ноги, возбуждала в нем вновь силы нести свой крест. В Домене он отметил с благодарностью, что она никогда не упрекала его за несчастья Сергея, скрывая от него свои страдания. Только иногда ее горе прорывалось в замечаниях такого рода: «Они не сошлют Сергея... Они будут пытать его, чтобы добиться чего-нибудь, а после этого уничтожат». Она скрывала свои чувства, поглощенная работой, заботой о доме, помогая мужу писать и обсуждая с ним прочитанные французские и русские романы. «Звук ее голоса причиняет мне острую боль... Немножко охрипший, он исходит из глубины ее груди,— заметил Троцкий,— когда она страдает, он становится еще ниже, прямо как будто говорит ее душа. Как хорошо я знаю этот нежный и страдающий голос». Как-то он записал, что многие дни она думала больше о его первой жене, чем о Сергее, говоря, что Сергей в конце концов может не оказаться в беде, но Александра, преклонных лет, не вынесет ссылки *.

В слабой надежде, что, быть может, обращение к совести мира спасет Сергея, Наталья написала Открытое письмо в его защиту и опубликовала его в «Бюллетене оппозиции» **. Она объяснила полную невиновность Сергея и, несколько ущемляя собственную гордость, рассказала, как его нелюбовь к политике вызвала враждебные чувства к отцу. Разве последние события изменили настроения Сергея и вовлекли его в оппозицию? «Я была бы счастлива за него, если бы могла так думать, ибо при этом условии Сереже неизмеримо легче было бы переносить обрушившийся на него удар». К сожалению, такое предположение нереалистично: от различных лиц она узнала, что «в течение по-

* Trotsky's Diary in Exile. P. 51, 71, 121—122.
** Б. О. 1935. Июль. № 44. С. 11—12.

следних нескольких лет он по-прежнему держался в стороне от политики. Но лично для меня даже не нужно было этих свидетельств». ГПУ и университетские власти должны знать это, ибо они, вне всяких сомнений, следят за ним, и Сталин, «сын которого был частым гостем в комнате наших мальчиков», также знает это. Она обращалась к знаменитым деятелям и «друзьям СССР», таким, как Ромен Роллан, Андре Жид, Бернард Шоу и другие, прося их высказаться, и предложила, чтобы международная комиссия расследовала массовые репрессии, последовавшие за делом Кирова. «Советская бюрократия не может стоять выше общественного мнения рабочего класса всего мира. Что касается интересов рабочего государства, то они лишь выиграют в результате серьезного расследования его действий. Я... предлагаю всю необходимую информацию, документы, касающиеся моего сына. Если после длительных колебаний я открыто поднимаю вопрос о Сергее, то делаю это не потому, что он мой сын. Этой причины было бы более чем достаточно для матери, но недостаточно... для политических действий. Но дело Сергея совершенно ясное, простое и является неоспоримым случаем сознательного и преступного злоупотребления властью, который может быть расследован очень легко». Обращение оказалось безрезультатным.

По случайному стечению обстоятельств примерно в то время, когда Наталья выступила с этим обращением, Троцкий перечитывал автобиографию протопопа Аввакума, известного и колоритного русского священника-старообрядца, жившего в XVII веке после Смутного времени. Аввакум защищал «истинную» греческую ортодоксальную церковь против своего сурового соперника патриарха Никона. Никон по светским соображениям изменил церковные обряды и внес исправления в богослужебные книги. Аввакум разоблачал коррупцию церковной иерархии и выступал в защиту угнетенных крестьян. Его расстригли, бросили в тюрьму, выслали в Сибирь, а затем к монгольской границе, морили голодом и пытали. Но он отказывался раскаяться. С ним страдала его семья. Он, любящий муж и отец, некоторое время размышлял, не стоит ли ему сдаться ради спасения родственников. Его дети умерли от болезней и голода в ссылке. В Сибири Аввакум написал автобиографию, явившуюся целой эпохой в русской литературе. Он продолжал проповедовать с таким рвением, что слава о нем, как о «герое и мученике за правду», разнеслась по стране. Ссыльным он был опаснее для врагов, чем вблизи трона. Его вернули в Москву и сожгли *. Через пропасть столетий и идеоло-

* Новое издание «Жития протопопа Аввакума» с интересным предисловием, в котором имеются уточнения обстоятельств, места и времени событий, появилось в Москве в 1960 г.

гий Троцкий не мог не почувствовать с содроганием близость с легендарным мятежником. Как много и как мало изменилось в России! И даже дух жены Аввакума стоял рядом с ним, как бы воплощенный в Наталье:

«Размышляя об ударах, выпавших на нашу долю, я напоминал Наташе вчера о жизни протопопа Аввакума. Они, спотыкаясь, брели вместе в Сибири,— мятежный священник и его верная супруга. Они тонули в снегах. Бедная, истощенная женщина постоянно падала в сугробы. Аввакум рассказывает: «И я подошел, и она, бедная душа, начала упрекать меня, говоря, сколько же будут продолжаться эти страдания. А я ответил: «Марковна, до самой смерти». Она со вздохом ответила: «Пусть будет так, Петрович, но пойдем нашим путем» *.

То же самое предстояло и Троцкому с Натальей — страдания «до самой смерти».

* * *

Они не могли больше оставаться в Домене. Любой политический сдвиг вправо, выдвигающий на арену фашистские организации, и любой сдвиг влево, добавляющий силы коммунистической партии, угрожали лишить Троцкого его ненадежного убежища. Случился сдвиг влево. После дела Кирова сталинская клевета на «лидера мировой контрреволюции» стала настолько грубой и злобной, что могла в любой момент привести к насилию **. Троцкий не мог чувствовать себя в безопасности даже в заброшенной деревушке в Альпах. Он рассказывает, что в эти дни он и Наталья, сидевшие в одиночестве в своем домике, в напряженном молчании слушали, как двое мужчин, подходивших к дому, пели «Интернационал». Раньше только друг мог прийти с этой песней, теперь это мог быть враг и убийца. Они чувствовали себя, как старые народники, которые два поколения назад пошли в деревню просвещать и освобождать мужиков, а их избивали и линчевали сами мужики.

Правительство не могло больше игнорировать кампанию сталинистов. В мае 1935 года Лаваль [9] отправился в Москву вести переговоры о советско-французском союзе со Сталиным и вернулся с удивительным заявлением, согласно которому Сталин обязался поддержать политику обороны Даладье и Лаваля. Лидеры Французской компартии, до тех пор принципиально выступавшие против такой политики, немедленно заняли «патриотическую» пози-

---

* Trotsky's Diary in Exile. P. 121.

** В статье Жака Дюкло [10], опубликованной в «Humanité» в декабре 1934 г., говорилось о «руках Троцкого, покрытых кровью Кирова». Французская секция МОПРа потребовала высылки Троцкого из Франции.

цию, и Народный фронт вступил в жизнь. Троцкий имел все основания считать, что правительство теперь без промедления выполнит распоряжение о высылке, врученное ему за год до этого. Поскольку никакая страна не желала принять его, он опасался депортации в отдаленную французскую колонию, возможно на Мадагаскар.

Весной 1935 года Троцкий обратился с просьбой об убежище к Норвегии. Там только что состоялись выборы, и к власти пришла Рабочая партия. Эта социал-демократическая партия имела одно отличие: она входила в Коминтерн и, хотя порвала с ним в 1923 году, не вошла во II Интернационал. Было естественно ожидать, что такая партия предоставит убежище Троцкому. Немецкий троцкист Вальтер Хельд, живший в эмиграции в Осло, обратился к одному из видных лидеров партии Олаву Шёффле, который возглавлял ее радикальное крыло и очень симпатизировал Троцкому. Официальный ответ пришел нескоро. Троцкий предполагал, что норвежцы недовольны его статьей, где в их адрес высказывались критические замечания по поводу того, что они, взяв власть, отказались от своих республиканских традиций и примирились с королем. В начале июня, однако, его информировали, что Норвегия предоставляет убежище. 10 июня Троцкий уехал из Домена и приехал в Париж за визой. Но тут вышла заминка. Высокопоставленные норвежские должностные лица, недовольные решением правительства, стремились сорвать его. Троцкий не получил визы и был вынужден отложить подготовку к отъезду. Французская полиция, заподозрив, что все это лишь предлог, чтобы обосноваться в Париже, приказала ему оставить Францию в течение 24, самое большее 48 часов. Он примирился с возвращением в Домен, но ему не разрешили и этого. Троцкий предложил подождать окончательного ответа из Осло в частной клинике, но полиция, заподозрив, что он пытается сыграть с ней новую шутку, возразила и против этого. День-два Троцкий прожил в доме хорошо известного парижского хирурга доктора Розенталя. 12 июня Троцкий по телеграфу обратился с укорами к норвежскому премьер-министру, указав, что покинул свое местожительство, положившись на обещание, а теперь «французское правительство считает, что я обманул его, и требует моего выезда из Франции в 24 часа. Я болен, и больна моя жена. Положение отчаянное. Прошу о немедленном благоприятном решении» *. Положение ухудшилось, ибо Троцкий был без копейки и должен был занять деньги на поездку. Норвежцы все еще просили его добиться разрешения на повторный въезд во Францию, которое он не мог получить до разрешения на въезд в Норвегию. Наконец благодаря

---

* Из телеграммы Троцкого премьер-министру Норвегии Нюгорсволлю от 12 июня 1935 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

усилиям Шёффле Троцкий получил визу лишь на шесть месяцев. Он поспешно попрощался с парижскими друзьями: «Я повидался со многими товарищами в Париже. Респектабельная квартира врача неожиданно превратилась в штаб большевистско-ленинской группы. Во всех комнатах шли совещания, телефон звонил, приходили все новые и новые друзья» *. Он описал эту сцену в манере, напоминающей обстоятельства его депортации из Москвы в 1928 году. Но описание было лишь литературной имитацией: прощание в Москве завершало одну великую эпоху борьбы и открывало другую, прощание в Париже ничего не завершало и не открывало.

Троцкий опять написал, как уже сделал это перед высылкой из Франции в 1916 году, Письмо французским рабочим. Он поведал им, что во время пребывания во Франции был обречен на молчание. «Самые «демократические» министры, как и самые реакционные, имеют своей задачей *охранять* капиталистическое рабство. Я принадлежу к революционной партии, которая ставит своей целью *опрокинуть* капитализм». Он бичевал сталинистов: «Два года тому назад «L'Humanité» повторяла ежедневно: «фашист Даладье вызвал социал-фашиста Троцкого во Францию, чтоб организовать, при его помощи, военную интервенцию против СССР». ...Сейчас эти господа заключили, как известно, с «фашистом» Даладье антифашистский «народный фронт». Об интервенции французского империализма в СССР сталинцы, именующие себя коммунистами, окончательно перестали говорить. Наоборот, теперь они гарантию мира видят в военном союзе французского капитала с советской бюрократией...» и «начинают говорить, что политика Троцкого и большевиков-ленинцев служит службу не Эррио и Даладье, а Гитлеру». Он с гневом заключил, что сталинизм есть «главная язва» мирового рабочего движения, которую нужно выжечь «каленым железом», и что рабочие должны вновь собраться под знаменем Маркса и Ленина. «Я уезжаю с горячей любовью к французскому народу и с неискоренимой верой в великое будущее французского пролетариата... Я верю, что трудящийся народ вернет мне раньше или позже то гостеприимство, в котором мне отказывает буржуазия» **. После двух мрачных и напрасно потраченных лет он уезжал из Франции, в которую никогда больше не вернулся.

Рассказ о пребывании Троцкого в Норвегии звучит как большая вариация на тему драмы Ибсена [11] «Враг народа». Ибсен рассказывает о драме доктора Стокмана, почитавшегося за благородство всеми согражданами до тех пор, пока он не пригрозил уничтожить их благосостояние, раскрыв правду об отравленном источнике их богатства. Тогда его собственный брат — мэр города и

---

* Trotsky's Diary in Exile. P. 125—126.

** Б. О. 1935. Июль № 44. С. 6, 7, 10.

«радикальные» друзья обрушились на него с холодной и смертоносной яростью. Мы с вами теперь тоже попадаем в страну Ибсена. Неважно, что на этот раз враг народа — беглец из-за границы, что он говорит не о зараженных трубах норвежского курорта, а о революции, которая была извращена. Драма и сцена в общем те же самые, и фамильные черты действующих лиц, особенно сыновей и внуков псевдорадикалов Ибсена, даже их «посланец народа» наличествуют. Как и в прежние времена, они в мгновение ока меняют свою позицию и обрабатывают общественное мнение. В толпе мы можем также различить одного или двух преемников скромного и мужественного капитана Хорстера, который один защищал Врага народа. Изменились лишь времена. Действующие силы значительно более могучи, а конфликт носит более жестокий характер.

С самого начала предзнаменования были неблагоприятными. Норвежцы не только с трудом предоставили Троцкому убежище, они установили для него ограничения, не очень отличавшиеся от французских, сохранив за собой право определить для него местожительство на некотором расстоянии от столицы. Стоило Троцкому ступить на землю Норвегии 18 июня, как национальный союз фермеров выступил с протестом против его допуска в страну, а 22 июня протест уже обсуждался в стортинге. Это не имело немедленных последствий, но было ясно, что оппозиция использует присутствие Троцкого, чтобы чинить неприятности правительству. Консервативная буржуазия боялась «людоеда». Было невозможно найти пристанище для него. Ни один домовладелец не решался принять Троцкого в качестве жильца. Правительство потребовало от Троцкого дать обязательство воздерживаться от политической деятельности. Он сделал это на том условии, что это будет означать невмешательство во внутренние дела Норвегии. Правительство позднее утверждало, что речь шла об отказе от любой политической деятельности, то есть было выдвинуто требование, на которое не может пойти ни один политический эмигрант и подчиниться которому его нельзя принудить. Тот факт, что с ним обращались так люди, все еще считавшие себя не более чем еретиками официального коммунизма, подчеркивает низость их поведения.

Тем не менее по прибытии Троцкого руководители правительства и рабочей партии устроили шумную кампанию, демонстрируя свое великодушие. «Рабочий класс Норвегии и все объективно настроенные люди будут приведены в восторг решением правительства — так их газета «Арбейдербладет» приветствовала его.— Право убежища — не мертвая буква, а реальность. Норвежский народ считает... что ему оказана честь пребыванием Троцкого в его стране». Не вдаваясь во все «за» и «против» его спора со Сталиным, по поводу которого газета не имела определенных взглядов, она отрицала за Сталиным право «преследовать и изгонять человека,

подобного Льву Троцкому, чье имя будет всегда стоять рядом с именем Ленина в истории русской революции. В условиях, когда, несмотря на свои великие и непреходящие заслуги, он изгнан из собственной страны, любая демократическая нация должна считать приятным долгом предоставить ему убежище... * Основатель и руководитель партии Мартин Транмаль прислал личное приветствие. Различные министры утверждали, что условия допуска Троцкого в страну, ограничение визы шестью месяцами и его свободы передвижений представляют собой пустую формальность. Правительство попросило издателя-социалиста Конрада Кнудсена помочь Троцкому. Кнудсен, обнаружив, что дом снять невозможно, предложил Троцкому и Наталье остановиться в его доме **.

Вскоре три руководителя партии — Транмаль, министр юстиции Трюгве Ли и издатель «Арбейдербладет» нанесли Троцкому официальный визит. Встреча оказалась довольно неловкой. Норвежцы напомнили Троцкому, что в 1921 году они находились в Москве и вели переговоры с ним, Лениным и Зиновьевым об условиях присоединения к Коминтерну, но вмешавшийся Трюгве Ли прервал рассказ, указав Троцкому на его обязательство воздерживаться от политической деятельности. Троцкий ответил, что не имеет ни малейшего намерения вмешиваться в дела Норвегии. Трюгве Ли впоследствии утверждал, что потребовал тогда от Троцкого, чтобы он воздерживался от любых действий, «враждебных в отношении любого дружественного правительства». Очевидец припоминает, что «Троцкий отказался быть втянутым в любое политическое обсуждение с нами и говорил только о погоде». Однако посетители, выполнив официальную часть визита, захотели перейти на товарищеский тон, обсудить политические вопросы, покупавшись в славе великого человека, которому они предоставили убежище. Они просили Троцкого дать «Арбейдербладет» длинное и исчерпывающее интервью по важнейшим вопросам международной политики. По словам того же очевидца, Троцкий холодно ответил, что министр юстиции только что запретил ему заниматься всякой политической деятельностью. Собеседники пожали плечами, сбросив со счетов это запрещение как пустое, сделанное ради формы, дабы умиротворить парламентскую оппозицию, а министр юстиции заверил Троцкого, что, выражая свое мнение, он никоим образом не нарушит условия допуска в страну. Министр сам превратился в жадного журналиста. Троцкий подробно ответил на его вопросы, воспользовавшись случаем осудить политику Сталина и террор,

* *Krog H.* Meninger. Oslo, 1941. P. 220. Я обязан министру Крогу и мистеру Н. К. Далю за перевод на английский выдержек из этой книги и других норвежских документов, которые цитируются дальше; Trotsky's Diary in Exile. P. 128—129.

** Так рассказал мне об этом Конрад Кнудсен.

развязанный после убийства Кирова. 26 июля «Арбейдербладет» опубликовала интервью с большими похвалами в редакционной статье, не оставив у читателей ни малейшего сомнения, что министр юстиции сам потрудился, чтобы донести взгляды Троцкого до них. Таким образом, «непонимание первых дней», казалось, рассеялось. Партия, стоявшая у власти, относилась к Троцкому как к почетному гостю, а не как к беженцу. Члены парламента и журналисты соревновались друг с другом, воздавая ему почести. Некоторое время величайшую значимость в левых кругах Осло приобретал человек, который мог похвастаться, что его принимал у себя сам великий изгнанник.

К концу июня Троцкий и Наталья поселились в доме Кнудсена в Вексхалле, деревне около Хоннефосса, примерно в 50 километрах севернее Осло. В тихой и спокойной стране, пользуясь гостеприимством скромной, доброй и довольно большой семьи, они могли оправиться от недавних испытаний. Кнудсен был умеренным и рафинированным социал-демократом, очень далеким от троцкизма,— он предложил свой кров руководителю Октябрьской революции из человеколюбивых соображений и в пику филистерам. По молчаливому согласию они никогда не затрагивали политических вопросов, разделявших их. «Во время всего пребывания Троцкого у нас — таковы слова Кнудсена,— не было ни малейшего непонимания. Троцкий был слишком занят своей работой, чтобы терять время на бесполезные споры. Он работал очень много. Я не знаю другого человека, столь точного, пунктуального и педантичного в своих привычках. Когда он не был болен, он вставал в 5.20 или 5.30 утра, шел на кухню, немножко ел и приступал к работе. Он делал все очень тихо, на цыпочках, чтобы не побеспокоить кого-нибудь. У меня не хватает слов, чтобы описать его тактичность и уважение ко всем в нашем доме. Так же вела себя Наталья. Мы любовно прозвали ее «маленькой хозяйкой большого дома». Их нужды были невероятно скромными» *. Впервые с 1917 года Троцкий не должен был жить под защитой «товарища охранника» или под наблюдением полиции и инкогнито. Ворота во двор были открыты день и ночь, и деревенские жители заходили для дружеских бесед. Время от времени прибывали посетители из-за рубежа: немецкие эмигранты, жившие в Скандинавии, французы, бельгийцы, американцы. Среди американцев был Гарольд Исаакс, только что вернувшийся из Китая, где пробыл несколько лет. Он оказался источником ценной информации об этой стране и ее коммунистическом движении. (Он как раз писал книгу «Трагедия китайской революции», к которой Троцкий написал предисловие.) В Вексхалл также приехали Шахтман и хорошо известный американский социалист Муст, который присоединился к троцкистам. Приезжали не-

* Я вновь цитирую рассказ Кнудсена, а также его предисловие к норвежскому изданию «Моей жизни».

сколько раз французы со своими спорами и ссорами, прося Троцкого выступить арбитром. Они не могли прийти к согласию насчет того, надо ли выходить из СФИО и конституироваться в качестве независимой партии. Раймон Молинье основал собственную газету «Ля Коммюн», выступавшую за выход. Это вызвало открытый спор и наконец побудило Троцкого порвать с Молинье. Инцидент не заслуживал бы упоминания, если бы не то обстоятельство, что распри затянулись на многие годы и смехотворным образом переплелись с судьбой семьи Троцкого. В этой обстановке и занятый перепиской с друзьями, которую он не мог вести должным образом из Франции и объем которой очень возрос *, Троцкий начал писать новую книгу «Преданная революция».

Однако 19 сентября Троцкий лег в муниципальный госпиталь в Осло из-за лихорадки и общей слабости. В тишине палаты он предался печальным размышлениям. «Прошло почти 20 лет,— писал он,— с тех пор, когда я лежал на нарах в Мадридской тюрьме и размышлял в изумлении, что́ же привело меня туда. Я помню. что рассмеялся... смеялся и смеялся, пока не заснул. Теперь я вновь в изумлении думаю, что же привело меня сюда, в госпиталь в Осло?» ** Библия на столике у кровати обратила его мысли дальше, к тюремной камере в Одессе, где за 37 лет до этого он учил иностранные языки по тексту Библии, изданной на нескольких языках. «К сожалению, я не могу обещать, что эта новая встреча со старой и такой знакомой книгой поможет спасти мою душу. Но чтение Библии на норвежском языке может помочь мне изучить язык страны, оказавшей мне гостеприимство, и ее литературу, которую я... любил с ранней молодости». После многократных осмотров Троцкий вышел из госпиталя: душа не была спасена, и здоровье не возвращено. Он провел большую часть декабря в постели, и, как говорил позднее, «то был худший месяц в моей жизни».

Выздоровлению Троцкого мешали старые и новые заботы. Угнетала бесполезность его «организационной» работы. Раздражали французские троцкисты, которые не переставали одолевать его своими ссорами. Он пишет Леве: «Абсолютно необходимо, чтобя я получил по крайней мере четырехнедельный «отпуск» и чтобы мне не доставлялось больше никаких писем из секций... В противном случае для меня будет невозможно восстановить работоспособность. Эти отвратительные мелкие склоки не только лишают меня возможности заняться более серьезными делами, но вызывают бес-

* Громадный рост переписки Троцкого со сторонниками во Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Австрии, Америке, Греции и других странах отражен в досье *Архива Троцкого. Закрытая секция.* Там же хранится доклад Гарольда Исаакса о Китае.

** Цитируется по предисловию Троцкого к норвежскому изданию «Моей жизни» и по тексту из *Архива Троцкого*.

сонницу, лихорадку и т. д... Прошу тебя быть совершенно беспощадным в этом отношении. Тогда я, возможно, буду в твоем распоряжении вновь, скажем, 1 февраля» *. В последующие недели и месяцы, однако, он не раз бранил Леву за то, что тот беспокоит его «мелкими склоками», выражая свое «отчаяние» по поводу «глупых интриг французских клик» **. Переписка Троцкого показывает совершенно ясно, что в большинстве других секций будущего IV Интернационала дела обстояли не лучше. Сверх всего, терзала боль по поводу событий в России и неопределенность относительно судьбы Сергея. На косвенные запросы в Москву давались официальные объяснения, что Сергей не арестован, но «поставлен под наблюдение», чтобы не допустить его связей с отцом. Однако, когда Наталья попыталась переслать небольшую сумму жене Сергея в Москве, деньги были возвращены в банк в Осло с припиской: адресат неизвестен. В довершение всего Троцкого беспокоила нехватка денег. Авансы издателей дали ему возможность покрыть расходы, связанные с переездом в Норвегию, и выплатить долг Анри Молинье, который он хотел погасить до разрыва с его сектой. О тяжелом денежном положении Троцкого можно судить по письму Гарольду Исааксу, написанному в госпитале в Осло 29 сентября, у которого Троцкий просил помощи в «финансовой катастрофе»: нужно было платить ежедневно за пребывание в госпитале 10 крон, а у него оставалось лишь 100 крон ***.

Как раз накануне рождества Троцкий вместе с Кнудсеном и несколькими молодыми норвежцами отправились в дикий горный район к северу от Хоннефосса, надеясь, что несколько дней физических упражнений на свежем воздухе улучшат состояние его здоровья. Дату поездки следует запомнить — год спустя на процессе Радека и Пятакова Вышинский утверждал, что именно в это время Пятаков тайно встретился с Троцким, а сам Пятаков признался, что прилетел в Осло самолетом из Берлина и прямо с аэродрома на автомобиле отправился на встречу с Троцким. Эти утверждения были опровергнуты норвежскими властями, которые подтвердили, что ни один немецкий самолет не приземлялся в аэропорту в Осло в конце декабря 1935 года и в течение нескольких месяцев до и после этого. Спутники Троцкого доказали, что никто не мог приехать на автомобиле туда, где они находились с Троцким. «Зима была исключительно суровой. Местность, не имевшая дорог, полностью покрыта снегом и скована арктическим льдом. Мы помним это очень хорошо, ибо как-то во время поездки Троцкий попал в ловушку из снега и льда. Мы были на лыжах, а он был неважным

* Письмо, датированное 27 декабря 1935 г., было адресовано Леве, а также, по-видимому, другому члену Международного Секретариата. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Письма от 14 января и 22 марта 1936 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

*** Переписка с Гарольдом Исааксом.

лыжником, и поэтому мы должны были организовать целую спасательную операцию и были очень обеспокоены» *.

Вскоре, благодаря одной из резких перемен в состоянии его здоровья, поражавших врачей, Троцкий оправился и возобновил работу над книгой «Преданная революция». Он был занят написанием ее следующие шесть месяцев, пока не закончил.

* * *

«Преданная революция» занимает особое место в литературном творчестве Троцкого. Это последняя законченная им книга, в некотором смысле его политическое завещание. В ней он дает свой окончательный анализ советского общества и обзор его истории до середины сталинской эры. Книга эта самая сложная из всех его трудов. В ней проявляются как слабость, так и сила мышления Троцкого. В книге масса новых и оригинальных размышлений о социализме, о трудностях, с которыми сталкивается пролетарская революция, о роли бюрократии в рабочем государстве. Автор также анализирует международное положение Советского Союза накануне второй мировой войны и пытается бросить взгляд в будущее, смело выступая с предсказаниями, хотя частично и ошибочными. Книга представляет собой глубокое теоретическое исследование своего времени, творческое развитие классических марксистских взглядов и манифест «нового троцкизма», призывающего к революции в Советском Союзе. Троцкий предстает в ней во всеоружии своих способностей: как строго объективный мыслитель, как лидер разбитой оппозиции, как страстный публицист и полемист. Полемическая часть работы во многом понятна лишь посвященным и несколько затмевает объективную и аналитическую аргументацию. Благодаря богатству идей и творческому подходу «Преданная революция» — одна из выдающихся книг столетия, как поучительная, так и сбивающая с толку. Ее истолковывали вкривь и вкось чаще, чем любое другое политическое сочинение. Даже название книги стало одним из клише нашего времени.

«Преданная революция» была критической реакцией Троцкого на критический момент сталинской эры. Официальная Москва только что провозгласила, что Советский Союз уже достиг социализма. До недавнего времени Москва удовлетворялась более скромным утверждением, что заложены «основы социализма». Сталин решился провозгласить ни много ни мало как приход социализма в результате успехов индустриализации, первых поверхностных признаков укрепления коллективного сельского хозяй-

* Это рассказали мистер и миссис Н. К. Даль, которые сопровождали Троцкого в этой поездке. См. также: The Case of Leon Trotsky. P. 204—223.

ства и недавнего облегчения жизни народа, когда голод и кровавые избиения начала 30-х годов остались позади. Новая конституция, «самая демократическая в мире», должна была стать выражением новой эпохи: в ней официально отменялась дискриминация против прежних имущих классов и вводилось всеобщее и равное голосование. Это предполагало, что пролетарская диктатура больше не нуждается в каких-либо специальных конституционных гарантиях, ибо практически возникло бесклассовое общество. Однако, в то время как конституция давала гражданам равное право голоса, она лишала всех права выбирать, за кого голосовать, и, в отличие от прежних советских конституций, освятила однопартийную систему. Эта система и монолитная партия, утверждали пропагандисты, соответствуют самой основе социалистического общества, не раздираемого классовыми конфликтами, тогда как многопартийная система отражает внутренние антагонизмы буржуазного общества.

Но это было также время растущего неравенства, когда возник громадный разрыв между высокими и низкими заработками, когда «социалистическое соревнование» выродилось в дикую свалку за привилегии и удовлетворение первоочередных нужд жизни, когда стахановское движение распространило эту свалку на каждый фабричный станок и на каждый забой по всей стране и когда контраст между изобилием немногих и пауперизмом многих принял самые отвратительные формы. Сталин, проводивший яростную кампанию против «уравниловки», возглавил нуворишей, возбудил их аппетиты, высмеивал сохранившиеся у них остатки щепетильности, восхвалял новое неравенство как достижение социализма. Возникала новая иерархическая организация. Она была тщательно разработана — с рангами, титулами и прерогативами, резко дифференцированными, где с удивительной точностью отмечалась каждая ступень на длинной лестнице власти. Наиболее наглядно отход от прежней «пролетарской демократии» к новому авторитаризму выразился в вооруженных силах, где были восстановлены царские воинские звания. Под грохот празднеств по поводу прихода социализма в воздухе витало нечто подобное реставрации. Система просвещения и духовная жизнь страны претерпели глубокую переделку. Прогрессивные реформы школы 30-х годов, которые вызвали восхищение многих иностранных деятелей просвещения, были осуждены как ультралевые заблуждения. Националистический традиционализм и старая патерналистская дисциплина во все возрастающей степени вторгались в школьные классы и лекционные аудитории, отравляя душу и мысли молодого поколения. Бюрократическая опека над наукой, литературой и искусством стали невыносимо тираническими. Во всех областях жизни государство вызывающе и бестактно осуществляло абсолютную

власть, возвеличивая себя как высшего хранителя интересов общества, а автократический носитель власти превозносился как отец народов, источник всей мудрости, благодетель человечества и демиург социализма.

Троцкий взялся опровергнуть претензии Сталина и сделал это, противопоставив реальность сталинизма классической марксистской концепции социализма. Он указал, что преобладание общественных форм собственности еще не есть социализм, хотя и составляет его важное условие. Социализм предполагает экономику изобилия. Он не может основываться на нужде и бедности, господствовавших тогда в Советском Союзе, что привело к возрождению чудовищного неравенства. Сталин использовал положение Маркса о двух стадиях коммунизма: низшей, когда общество будет вознаграждать «каждого по труду», и высшей, когда оно будет вознаграждать «каждого по потребностям». Сталин объявил, что Советский Союз находится на низшей стадии. Троцкий писал, что Сталин злоупотребляет авторитетом Маркса для оправдания вводимого им неравенства. Хотя и верно, что Маркс предвидел, что на ранней стадии социализма неравенство сохранится, ему никогда бы не пришло в голову, что оно будет чудовищно расти, как случилось при Сталине. Советское общество находится лишь на полпути между капитализмом и социализмом. Оно может либо продвигаться вперед, либо пятиться назад, и лишь в той мере, в какой оно будет преодолевать неравенство, будет совершаться движение вперед. Рост неравенства свидетельствует о регрессе общества.

Оргия сталинского абсолютизма была неотъемлемой частью движения назад. Ленин в своей работе «Государство и революция» извлек из забвения марксистское положение об «отмирании государства», сделав его привычной идеей большевизма. Троцкий теперь защищал эту идею против сталинских манипуляций. Он настаивал, что социализм невозможен без отмирания государства. Государство возникло в результате классового конфликта и существует как инструмент классового господства. Даже на низшей фазе социализм означает исчезновение классовых антагонизмов и политического принуждения, и при социализме должны сохраняться только чисто административные функции государства — «управление вещами, а не людьми». Ленин представлял себе пролетарскую диктатуру лишь как «полугосударство», строящееся по образцу Парижской коммуны, чиновники которого будут избираться и смещаться голосованием и получать заработную плату рабочего, с тем чтобы они не могли образовать отчужденную от народа бюрократию. В отсталой и изолированной России этот план оказался неосуществимым. Движение к социализму должно измеряться степенью, в какой убывает сила принуждения государства. Массовые политические преследования и возвеличивание госу-

дарства сами по себе опровергают сталинские утверждения о приходе социализма. Сталин доказывает, что государство не может отмереть в одной стране. Для Троцкого это было лишь косвенным признанием того, что социализм также не может быть построен в одной стране. Однако главной причиной увеличения мощи государства было не «капиталистическое окружение», так как острие сталинского террора было направлено прежде всего против «внутренних врагов», то есть против коммунистической оппозиции.

Для немарксиста большая часть этой критики представляется «доктринерством». Для марксиста она была важна, ибо лишала сталинизм идеологических претензий, отделяя марксизм от практики Сталина. Троцкий стремился обеспечить марксистской школе такие позиции, с которых она могла бы снять с себя моральное бремя сталинизма и заявить, что ее идеи не более ответственны за царство террора Сталина, чем 10 заповедей и Нагорная проповедь за деятельность святой инквизиции. Аргументация имела не только моральное или историческое значение, она оказала глубокое влияние на мышление коммунистов. Положение, развивавшееся Хрущевым в конце 50-х и начале 60-х годов, о том, что Советский Союз переходит от социализма к коммунизму, выводилось из сталинистской претензии, будто социализм был построен в 30-е годы, и оно столь же нереально, как и претензия Сталина. С точки зрения Троцкого, советское общество, несмотря на громадное движение вперед, оставалось очень далеким от социализма. Поскольку все мышление советских идеологов, экономистов, социологов, философов и историков связано каноном о завершении строительства социализма и движется в заколдованном круге концепций, построенных вокруг этого канона, применение критериев Троцкого к нынешней реальной советской жизни повлечет за собой ревизию наследия сталпнизма значительно более основательную, чем проведенная в Советском Союзе в первое десятилетие после Сталина.

«Преданная революция» — классический обвинительный акт Троцкого против бюрократии. Вновь в «конфликте между рядовой работницей и бюрократом, схватившим ее за глотку», он берет сторону работницы. Троцкий усматривал основную опору сталинизма в защите привилегий, что придавало определенное единство различным аспектам сталинской политики, объединявшей ее «термидорианский дух» с ее дипломатией и подрывом Коминтерна. Правящая группа защищала интересы привилегированного меньшинства против народного недовольства внутри страны и ударов революционной классовой борьбы за рубежом. Троцкий проанализировал социальный состав групп менеджеров, партийной машины, государственной администрации и офицерского корпуса, которые в совокупности составляли 12—15% населения, то есть весьма значительный слой, понимавший свой вес, ставший кон-

сервативным благодаря привилегиям и прилагавший все усилия, чтобы сохранить национальный и международный статус-кво.

Не удовлетворившись обвинением бюрократии, Троцкий вновь рассмотрел, как и почему она добилась власти в Советском Союзе и не таится ли возможность ее господства в природе социалистической революции вообще. Он пошел дальше своих прежних ответов и яснее подчеркнул объективные причины возрождения неравенства в обстановке «нужды и нищеты» в Советском Союзе. Однако он также подчеркнул, что некоторые из этих факторов будут повторяться в любой социалистической революции, ибо ни одна из них не сможет уничтожить неравенства. Даже в Соединенных Штатах, «на фундаменте самого передового капитализма», «социалистическое государство... не могло бы сразу доставлять каждому столько, сколько нужно». Эта страна тоже страдает от относительных нехваток, которые заставят ее при коммунистическом строе сохранять различия в оплате труда. Следовательно, напряжение и социальные конфликты не исчезнут, хотя они будут появляться в значительно более мягкой форме, чем в любой слаборазвитой стране. Так что «тенденции бюрократизма... должны будут везде сказаться и после пролетарского переворота» *. Маркс и Ленин понимали это. Маркс говорил о «буржуазном праве», сохраняющем неравное распределение материальных благ, как «неизбежном на первой стадии коммунистического общества». Ленин характеризовал Советскую республику как в некоторых отношениях «буржуазное государство без буржуазии», хотя правление в нем осуществлялось в духе пролетарской демократии. Однако лишь опыт сталинской эры показал истинные масштабы проблемы и позволил пристально взглянуть на противоречия общества, возникающего после капитализма. Революционное правительство должно сохранять неравенство и в то же время бороться против него — и первое и второе ради социализма. Оно должно стимулировать техников, квалифицированных рабочих и администраторов, чтобы обеспечить должное функционирование и быстрое расширение экономики. Однако оно должно одновременно стремиться к сокращению и конечному упразднению привилегий.

В итоге это противоречие может быть разрешено лишь увеличением общественного богатства, превосходящим все, о чем мечтало человечество, и достижением такого высокого и всеобщего уровня образования, что противоречия между физическим и умственным трудом исчезнут. А до тех пор, пока этого не будет достигнуто, революционное государство получает «с самого начала двойственный характер: социалистический, поскольку оно охраняет общественную собственность на средства производства; буржуазный — по-

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 77.

скольку распределение жизненных благ производится при помощи капиталистического мерила ценности, со всеми вытекающими отсюда последствиями». Ясная формулировка этого противоречия и двойственности как неотъемлемой черты перехода к социализму является одним из важнейших вкладов Троцкого в марксистское мышление во времени *.

Возвращаясь к анализу советского общества, Троцкий признал, что ни Ленин, ни он не предвидели, что «буржуазное государство без буржуазии» окажется несовместимым с подлинной советской демократией и что государство не «отомрет», ввиду «железной необходимости» выделять и поддерживать привилегированное меньшинство. Разрушение советской демократии, таким образом, объяснялось не одним заговором Сталина, являвшимся субъективным аспектом более широкого объективного процесса. Троцкий писал, что сталинистское правительство сохраняет «двойственный характер» любого революционного правительства, но буржуазные элементы в нем получили колоссальный вес и влияние за счет социалистических элементов. Бюрократия по своей сути «является насадительницей и охранительницей неравенства», она ставит полицейского при острой нехватке товаров «для охраны порядка», она «знает», кому давать, а кто должен подождать. Однако «кто распределяет блага, тот никогда еще не обделял себя. Так из социальной нужды вырастает орган, который перерастает общественно необходимую функцию, становится самостоятельным фактором и вместе с тем источником великих опасностей для всего общественного организма... Бедность и культурная отсталость масс еще раз воплотились в зловещей фигуре повелителя с большой палкой в руках» **.

Приобрели ли буржуазные элементы в советском обществе достаточную силу для уничтожения социалистических элементов? — спрашивал Троцкий. Он опять категорически отверг концепцию о том, что бюрократия представляет собой «новый класс» или что советские массы эксплуатируются «государственным капитализмом». Государственный капитализм без класса капиталистов, с точки зрения марксиста, — противоречие в самом термине. Что касается бюрократии, то она не обладает социальной однородностью класса, который обязан своим местом в обществе владению средствами производства и управлению ими. Осуществление всего лишь функций управления не превратило руководителей советской промышленности и государства в такой класс, хотя все они относятся к государству и промышленности, как будто это их личное владение. Неравенство, поощряемое сталинизмом, ограничи-

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? Гл. III.
** Там же. С. 127.

вается сферой личного потребления. Привилегированные группы не имеют возможности приобретать средства производства. В отличие от любого эксплуататорского класса они не могут накапливать богатства в такой форме, которая дала бы им возможность осуществлять контроль над трудом других и приобретать все больше и больше богатств. Даже их привилегии и власть переплетены с народной собственностью на производственные ресурсы, и поэтому они должны защищать эту собственность, тем самым выполняя функцию, которая с социалистической точки зрения необходима и прогрессивна, хотя они выполняют ее чудовищной ценой для общества.

Что касается социального баланса сталинистского государства, продолжал Троцкий, то он непрочен. В конечном итоге победит либо социалистический элемент, либо буржуазный. Постоянный рост неравенства — тревожный сигнал. Группы менеджеров не будут бесконечно удовлетворяться потребительскими привилегиями. Рано или поздно они попытаются сформироваться в новый имущий класс, экспроприируя государство и становясь владельцами-акционерами трестов и концернов. «Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства... Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс». Сталин, писал Троцкий, не может руководить этим «превращением». Его режим покоится на государственной собственности и плановой экономике. Превращаясь в новую буржуазию, бюрократия, следовательно, по необходимости вступит в конфликт со сталинизмом, и Сталин, поощряющий ее накопительские тенденции, не понимая этого, подрывает не только собственное правление, но и все завоевания революции. Такая опасность представлялась Троцкому настолько близкой, что он без колебаний заявил, что Конституция 1936 года «создает политические предпосылки для возрождения нового имущего класса» *. Как в 20-е, так и в 30-е годы Троцкий считал бюрократию или часть ее потенциальным агентом капиталистической реставрации. Но если раньше он усматривал в ней вспомогательную силу кулаков и нэпманов, то теперь, после «ликвидации» этих классов, он считал ее независимой силой.

Такой взгляд представляется совершенно неверным с сегод-

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 276.

няшних позиций. Советская бюрократия не только не захватила средства производства, но в грядущее десятилетие осталась хранителем общественной собственности. Следует, однако, заметить, что Троцкий говорил о метаморфозе бюрократии и превращении ее в новую буржуазию как об одной из нескольких возможностей. Он был достаточно осмотрительным, чтобы указать, что возможность не следует принимать за действительность. Он занимается — и он особо это подчеркнул — беспрецедентно сложным и загадочным феноменом в то время, когда сталинистские антиэгалитарные тенденции и реакция против раннего большевизма достигли кульминационного пункта. Теоретик не считает ничто само собой разумеющимся. Он не может исключить возможность, что эти тенденции развяжут могущественные независимые силы, глубоко враждебные социализму. Сталин, представляющий собой двусмысленную комбинацию «ленинской ортодоксии» с восстанием против революционного принципа, временами действительно, казалось, приводил Россию на грань реставрации. В том, что он все-таки не сможет перейти эту грань, Троцкий не сомневался, но он боялся, что перейдут ее другие, через труп Сталина.

Тот же страх преследовал и Сталина, и поэтому он бесчинствовал в отношении собственной бюрократии и под предлогом борьбы с троцкизмом и бухаринизмом уничтожал бюрократов в массовом порядке в каждой из очередных чисток. Одним из последствий чисток было то, что была предотвращена консолидация групп менеджеров в прочный социальный слой. Сталин пробуждал у них приобретательские инстинкты и сворачивал им шеи. Это было одним из самых малоизвестных, наименее обсуждавшихся, но тем не менее очень важным следствием постоянного террора. Хотя, с одной стороны, террор уничтожал кадры старых большевиков и приводил к покорности рабочий класс и крестьянство, с другой стороны, он постоянно изменял состав всей бюрократии, возобновляя его, не позволяя, чтобы из стадии протоплазмы или амебы выросло компактное и жизнеспособное тело, имеющее собственное социально-политическое лицо. При таких обстоятельствах группы менеджеров не могли стать новым имущим классом, даже если бы захотели. Они не могли приступить к накоплению капитала, находясь на перепутье между собственными учреждениями и концентрационными лагерями. Так же как Сталин «ликвидировал» кулаков, так он постоянно «ликвидировал» зародыши новой буржуазии и в этом отношении действовал в своей собственной варварской автократической манере, исходя из тех посылок, с которыми молчаливо соглашался Троцкий. В любом случае потенциальная бюрократическая буржуазия не была выдумана Троцким. Однако он, очевидно, преувеличивал ее жизнеспособность и способность к самореализации, равно как он преувеличивал мощь кулаков и в кото-

рый раз недооценил хитрость, упорство и беспощадность Сталина. Его методы стимуляции и подавления буржуазных элементов в государстве были совершенно чужды и даже непонятны Троцкому, который всегда считал, что только сознательный и активный рабочий класс может остановить антисоциалистические тенденции государства.

Но Троцкий в то же время понимал, что советские рабочие не желают подниматься против бюрократии, ибо, даже будучи враждебными к ней «в огромном большинстве», они боятся, что «опрокинув бюрократию... расчистят поле для капиталистической реставрации». «Бюрократия продолжает выполнять необходимую функцию», и рабочие «видят в ней пока что сторожа некоторой части своих завоеваний. Они неизбежно прогонят нечестного, наглого и ненадежного сторожа, как только увидят другую возможность...». Что за парадокс! Одна и та же социальная группа, могущая превратиться в новый имущий класс и уничтожить революцию, в определенной степени остается хранителем революции. Троцкий знал, что «доктринеры не удовлетворятся» его оценкой обстановки: «Они хотели бы категорической формулы: да—да, нет — нет». И конечно, «социологические вопросы были бы, несомненно, проще, если бы социальные явления имели всегда завершенный характер». Однако, писал он, нет «ничего опаснее, как в погоне за логической законченностью устранять из действительности такие элементы, которые уже сегодня нарушают схему, а завтра могут совсем опрокинуть ее». «...Мы,— продолжал Троцкий,— больше всего остерегаемся производить насилие над динамической общественной формацией», и научная и политическая задача не в том, «чтоб дать законченное определение незаконченному процессу, а в том, чтоб следить за всеми его этапами... предвидеть возможные варьянты развития и находить в этом предвиденьи опору для действия» *.

События опровергли гипотезу о превращении бюрократии в новый имущий класс уже в 30-е годы и еще в большей степени во время и после второй мировой войны. Тогда нужды национальной обороны и уничтожение буржуазного порядка в Восточной Европе и Китае сильнейшим образом подкрепили национализированную структуру советской экономики. Сталинистское государство, поощряя или помогая по собственным мотивам революции в Восточной Европе и Азии, создало могучие противовесы собственным буржуазным тенденциям. Послевоенная индустриализация, громадное расширение советского рабочего класса, рост массового образования и возродившаяся уверенность рабочих в себе имели тенденцию подавлять буржуазный элемент в государстве, а после

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 260.

смерти Сталина бюрократия была вынуждена делать уступки за уступками эгалитаризму масс. Конечно, напряжение между буржуазными и социалистическими элементами в государстве оставалось. Будучи заложенным в структуре любого послекапиталистического общества, это напряжение будет существовать в будущем очень длительное время. Менеджеры, администраторы, техники и квалифицированные рабочие остались привилегированными группами, но пропасть между ними и громадной массой трудящихся сужалась. В середине и в конце 50-х и в начале 60-х годов баланс между противоречивыми элементами в государстве значительно отличался от того, каким он был, когда Троцкий писал свою «Преданную революцию». Сам Троцкий предвидел возможность такого развития событий:

«Извнутри советского режима вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он, в противоположность загнивающему капитализму, развивает производительные силы, он подготовляет экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду высшим слоям, он доводит до все более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он подготовляет капиталистическую реставрацию. Противоречие между формами собственности и нормами распределения не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут, в том или ином виде, распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут придти в соответствие с социалистической собственностью» *.

Именно так развивались события спустя 20—25 лет, когда преемники Сталина начали неохотно, но твердо приводить нормы распределения в более тесное соответствие с системой социалистической собственности. Гипотеза Троцкого о росте нового имущего класса представляется поэтому необоснованно пессимистической, хотя она отражала обстановку, когда баланс складывался сильно и опасно против социалистических элементов. И все же, несмотря на «пессимизм», анализ Троцким динамических противоречий послереволюционного государства до сих пор дает наилучший ключ для понимания последующей социальной эволюции.

Против этой «жадной, лживой и циничной касты правителей», против зародыша нового имущего класса Троцкий выдвинул свою программу «политической революции» в Советском Союзе. «Мирного выхода из кризиса нет,— писал он.— Ни один дьявол еще не обстригал добровольно своих когтей. Советская бюрократия не сдаст без боя своих позиций». «Пролетариату отсталой страны суждено было совершить первую социалистическую революцию. Эту историческую привилегию он, по всем данным, должен будет

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 248—249.

оплатить второй, дополнительной революцией — против бюрократического абсолютизма» *. Троцкий пропагандировал «политическую, а не социальную революцию», которая свергнет сталинистскую систему правления, но не изменит существующих отношений собственности.

Это была совершенно новая перспектива: марксисты никогда не предполагали, что после социалистической революции им придется вновь призвать рабочих подняться, ибо они считали само собой разумеющимся, что рабочее государство может быть только государством пролетарской демократии. История теперь продемонстрировала, что это не так и как буржуазный порядок дал различные формы правления — монархическую и республиканскую, конституционную и автократическую, так и рабочее государство может существовать в различных политических формах, начиная от бюрократического абсолютизма и кончая правлением через демократические Советы. Как французская буржуазия должна была «дополнить» социальную революцию 1789—1793 годов политическими революциями 1830 и 1848 годов, в ходе которых переменились правящие группы и методы правления, но не экономическая структура общества, так, доказывал Троцкий, и рабочий класс должен «дополнить» Октябрьскую революцию. Буржуазия, выступая против абсолютистских правителей, действовала в соответствии со своими классовыми интересами. Рабочий класс тоже будет действовать правомерно, высвобождая свое государство из мертвой хватки деспотизма. Политическая революция такого рода не имеет ничего общего с террористическими актами: «Индивидуальный террор — орудие нетерпеливых или отчаявшихся одиночек, принадлежащих чаще всего к младшему поколению самой бюрократии» **. Для марксистов остается аксиомой, что они могут успешно совершить революцию только при открытой поддержке большинства рабочих. Следовательно, Троцкий выступил не с призывом к немедленным действиям, когда рабочие еще усматривают в бюрократии «сторожа... своих завоеваний», ибо в таких условиях они не поднимутся против нее. Троцкий выдвинул идею, а не лозунг революции. Он предложил ориентацию, рассчитанную на длительное время для борьбы против сталинизма, а не руководства к прямому действию.

Вот как Троцкий формулировал программу революции:

«Дело идет не о том, чтобы заменить одну правящую клику другой, а о том, чтобы изменить самые методы управления хозяйством и руководства культурой. Бюрократическое самовластье должно уступить место советской демократии. Восстановление пра-

---

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 291—292.

** Там же. С. 290.

ва критики и действительной свободы выборов есть необходимое условие дальнейшего развития страны. Это предполагает восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов. Перенесенная на хозяйство демократия означает радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем снизит накладные расходы бюрократических ошибок и зигзагов. Дорогие игрушки — Дворцы советов, новые театры, показные метрополитены — потеснятся в пользу рабочих жилищ. «Буржуазные нормы распределения» будут введены в пределы строгой необходимости, чтоб, по мере роста общественного богатства, уступать место социалистическому равенству. Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать. Наука и искусство освободятся от оков. Наконец, внешняя политика вернется к традициям революционного интернационализма» *.

Троцкий перечислил здесь знакомые требования того периода, когда еще стоял за реформы. Лишь в одном пункте он сделал шаг вперед, а именно в требовании «подлинной свободы выборов». По этому вопросу, однако, он оказался перед дилеммой: он отбросил принцип однопартийности, но не выступил за неограниченную свободу партий. Возвращаясь к формуле до 1921 года, он говорил о «возрождении свободы советских партий», то есть партий, «стоявших на платформе Октябрьской революции». Но кто должен был определить, какие партии являлись «советскими партиями», а какие нет? Должны ли меньшевики, например, получить возможность воспользоваться «возрожденной» свободой? Троцкий не ответил на эти вопросы, ибо, несомненно, считал, что их нельзя решить заранее, независимо от обстоятельств. Аналогичным образом он был осторожен в подходе к равенству. Он не говорил о каком-либо «упразднении» буржуазных норм распределения»,— их надлежало сохранить, но лишь в пределах «строгой необходимости», от них следовало отказываться постепенно, «по мере роста общественного богатства». Политическая революция, таким образом, должна была оставить некоторые привилегии менеджерам, администраторам, техникам, квалифицированным рабочим. И если иногда он сам в пылу полемики беззаботно бросал такие словечки как: «свержение» или «упразднение» бюрократии, то приведенное объяснение проблемы ставило ее в более реалистическую перспективу. Поразмыслив, Троцкий думал о решительном сокращении, а не уничтожении бюрократических привилегий и привилегий менеджеров.

---

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 292.

Спустя четверть века с лишним после того, как эта программа была сформулирована, она остается актуальной, и большинство содержащихся в ней идей вновь проявилось в послесталинских реформах. Но возникает вопрос: настаивая на необходимости политической революции в СССР, не придерживался ли Троцкий слишком догматического взгляда на перспективы и, вопреки собственному предостережению не дал ли «слишком законченного определения незаконченному процессу»? Из всего духа «Преданной революции» ясно, что он не усматривал никаких возможностей для проведения реформ сверху, и действительно такой возможности не представилось ни при жизни Троцкого, ни в оставшийся период сталинской эры. Однако в этот же период в Советском Союзе не было никаких шансов и на любую политическую революцию. Это был период тупика: невозможно было ни разрубить, ни развязать гордиев узел сталинизма. Любая программа перемен, будь то революционная или реформистская, была иллюзорной. Это не могло помешать борцу, каким был Троцкий, искать выход. Однако он искал его в заколдованном круге, который стали разбивать события, потрясшие мир много лет спустя. И когда это произошло, Советский Союз стал отходить от сталинизма прежде всего через реформы сверху. Эти реформы были вызваны именно теми факторами, о которых говорил Троцкий: экономическим прогрессом, культурным подъемом масс и концом советской изоляции. Разрыв со сталинизмом мог быть только постепенным, ибо в конце сталинской эры не существовало и не могло существовать какой-либо политической силы, способной и желающей действовать революционным путем. Больше того, на протяжении первых десятилетий после Сталина «снизу» не появилось никакого автономного и способного к самовыражению массового движения даже в пользу реформ. Поскольку сталинизм стал анахронизмом как в национальном, так и в международном плане и разрыв с ним оказался исторической необходимостью для Советского Союза, правящая группа сама должна была взять инициативу разрыва. Так, по иронии судьбы эпигоны Сталина начали ликвидацию сталинизма и тем самым выполнили вопреки самим себе часть политического завещания Троцкого *.

---

* Я подчеркнул зто обстоятельство в моей книге «Россия после Сталиоа», вышедшей в 1953 г., и во многих статьях, опубликоваииых сразу по окончании зры Сталина. Американские троцкисты тогда посвятили целый номер своего теоретяческого органа «IV Интернационал» (зима 1954 г.) теме «Троцкий или Дойчер», и ях лидер Джеймс Кеинон яростно осудил меня как «ревизиониста» и «Беригштейиа троцкизма». Мой грех заключался в том, что я предсказал: в течение последующих иескольких лет ие будет иикаких шансов на «политическую революцию» в СССР я открывается период «реформ сверху». (Это оказалось действительиостью, главной политической отличительиой чертой первого десяти-

Но могут ли они продолжать и развивать это дело? Или политическая революция по-прежнему необходима? На первый взгляд шансы на революцию столь же слабы, как и в дни Троцкого, в то время как возможности для реформ значительно реальнее. Условиями любой революции, как однажды указал Ленин, являются: а) правители не могут продолжать править, как прежде, б) правимые в своих несчастьях, отчаянии и ярости отказываются жить, как прежде, и в) существует революционная партия, преисполненная решимости и способная воспользоваться представившимися ей возможностями. Эти условия едва ли материализуются в стране с жизнеспособной и расширяющейся экономикой, с улучшающимся уровнем жизни, когда массы, имеющие беспрецедентный доступ к образованию, видят перед собой перспективу непрерывного социального прогресса. В такой стране любой конфликт между чаяниями народа и эгоизмом правящей группы, который существует в советском обществе, скорее вызовет давление в пользу непрерывности реформ, чем приведет к революционному взрыву. История поэтому оправдает того Троцкого, который в течение 12 или 13 лет боролся за реформы, чем другого Троцкого, который в последние 5 лет своей жизни проповедовал революцию.

Это, однако, лишь предварительный вывод. Проблема бюрократии в рабочем государстве действительно столь нова и сложна, что не дает возможности прийти к окончательным выводам. Мы не можем заранее определить, насколько далеко может зайти бюрократия в отказе от привилегий, к какой силе и эффективности может привести в условиях однопартийной системы давление народа в пользу реформы и может ли «монолитный» режим постепенно развалиться и трансформироваться в режим, допускающий свободу слова и организации на социалистической основе. В какой степени социальное напряжение, таящееся «в первоначальном социалистическом накоплении», смягчается или исчезает по мере утраты этим накоплением своего первоначального насильственного и антагонистического характера? В какой мере подъем благосостояния народа и его образовательного уровня устраняет антагонизмы между бюрократией и народом? Только жизнь, в которой таится больше сюрпризов, чем в любой философии, может дать ответ. Во всяком случае автор этой книги предпочитает оставить конечное суждение по поводу идеи Троцкого о политической революции на долю историка следующего поколения.

летия после Сталина.) Я основываю свою аргументацию, между прочим, на том, что уничтожение всех оппозиций, особенно троцкистской, оставило советское общество в политическом отношении аморфным, неспособным к самовыражению и инициативе снизу. Парадоксально, что троцкисты на Западе совсем не понимают этого последствия уничтожения троцкистов (и других большевиков-антисталинцев) в СССР.

* * *

Здесь следует упомянуть ревизию Троцким в «Преданной революции» собственной концепции советского термидора. Мы уже говорили [в книге «Вооруженный пророк»] о страстях и беспокойстве, которые вызвала в большевистской партии в 20-е годы эта абстрактная историческая аналогия, и заметили, что это был случай, когда мертвый хватает живого. Примерно через десять лет мы видим Троцкого в норвежской деревне, все еще сражающимся с французским призраком 1794 года. Мы помним, что, пока Троцкий стоял за реформы в Советском Союзе, он отвергал взгляд, первоначально сформулированный Рабочей оппозицией, что русская революция уже перешла в термидорианскую или послетермидорианскую фазу. Термидор, доказывал Троцкий, это опасность, таящаяся в политике Сталина, но еще не свершившийся факт. В первые годы изгнания Троцкий по-прежнему защищал эту позицию против друзей и врагов. Однако, решив, что оппозиция должна стать независимой партией и политическая революция в Советском Союзе неизбежна, Троцкий, поразмыслив, пришел к выводу, что Советский Союз давным-давно живет в эпоху после термидора *.

Троцкий признавал, что историческая аналогия способствует больше смятению умов, чем их просвещению. Однако он продолжал ее проводить. Он и его друзья, рассуждал Троцкий, совершили ошибку, полагая, что термидор означает контрреволюцию и реставрацию, и, определив его таким образом, они были правы, настаивая, что в России не было термидора. Но это определение было неверным и антиисторическим: первоначальный термидор не был контрреволюцией, а был только «фазой реакции в рамках революции». Термидорианцы не разрушили социальной основы французской революции, новых имущественных буржуазных отношений, которые сформировались в 1789—1793 годах. Однако на этой основе они установили свое антинародное правление и подготовили арену для консульства и империи. Сравнимые события произошли в Советском Союзе еще в 1923 году, когда Сталин подавил левую оппозицию и установил свой антипролетарский режим на социальной основе Октябрьской революции. Держа все время перед глазами календарь французской революции, Троцкий далее указал, что правление Сталина приобрело бонапартистский характер, и поэтому Советский Союз живет в условиях консульства. При такой перс-

* Троцкий впервые «ревизовал» свою аналогию с термидором в статье «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», написанную в конце пребывания во Франции и опубликованную в Б. О. № 43 в апреле 1935 г. В этом очерке в зародыше содержалась аргументация, развитая в «Преданной революции».

пективе опасность реставрации представляется совершенно реальной. Во Франции прошло 20 лет между термидором и возвращением Бурбонов. Призыв Троцкого к новой революции и возвращению к советской демократии был эхом на лозунги, брошенные «заговором Равных» за возвращение к Первой республике.

Таким образом, Троцкий все больше занимался тем, что «вызывал тени прошлого», в чем Маркс усматривал своеобразную черту буржуазных революций. Английские пуритане вызвали к жизни пророков Ветхого завета, а якобинцы — героев и добродетелей Рима времен Республики. Поступая таким образом, указывал Маркс, они не просто пародировали прошлое, а искренне пытались вновь найти дух революции *. Маркс был убежден, что социалистической революции не потребуется заимствовать для себя одежды из прошлого, ибо она будет ясно представлять себе собственный характер и цели. Действительно, в 1917 году большевики не надевали таких одежд и им не были нужны символы прежних революций. В позднейшие годы, однако, они заимствовали у якобинства все его кошмары и страхи, кошмары «очищений» и страх перед термидором, увеличив и умножив их собственными действиями и в собственном представлении. Они делали это не ради простой имитации, а потому, что боролись с аналогичными затруднениями и пытались по-иному разрешить их. Они обращались к мрачному прошлому, чтобы избежать его повторения, и хотя совершенно верно, что большевики не избежали ужасов братоубийственной борьбы в собственной среде, им все-таки удалось избежать всего фатального цикла, через который пришло к концу якобинство и через который пришла к своему концу французская революция. Страх перед термидором, преследовавший большевиков, был рефлексом самозащиты и самосохранения. Однако этот рефлекс часто проявлялся иррационально. Троцкий теперь признавал, что более десяти лет оппозиция била тревогу по поводу термидора, не усматривая ясно значение термидора как прецедента. Но разве теперь ему самому смысл термидора стал яснее?

Термидор во французской революции был одним из самых сложных и загадочных явлений новой истории, и это частично объясняет непонимание его. Термидорианцы свергли Робеспьера после серии внутренних схваток между самими якобинцами, в ходе которых Робеспьер, руководивший центром партии, уничтожил ее правое и левое крылья — сторонников Дантона и эбертистов. Конец его правления означал падение его фракции и якобинской партии вообще. Вскоре после термидора якобинские клубы были распущены и прекратили существование. Термидорианцы заменили

* *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 119.

«царство террора» Робеспьера правлением «закона и порядка» и нанесли окончательное поражение парижскому плебсу, уже потерпевшему множество поражений. Они уничтожили квазиэгалитарное распределение продовольствия, введенное Робеспьером, установившим максимальные цены. Следовательно, буржуазия могла выгодно торговать, накапливать богатства и приобретать социальное господство, которое она сохранила даже при империи. Таким образом, на фоне падения революционной энергии, разочарования и апатии масс революционный режим перешел из народной в антинародную фазу.

Достаточно вкратце обрисовать эти различные аспекты термидора, чтобы увидеть, где Троцкий ошибался, утверждая, что Россия прошла через свой термидор в 1923 году. Поражение оппозиции тогда никоим образом не было событием, сравнимым с крахом и роспуском якобинской партии. Оно соответствовало скорее поражению левых якобинцев, случившемуся задолго до термидора. Когда Троцкий писал «Преданную революцию», Советский Союз стоял на пороге великих чисток,— во Франции же «очищения» были неотъемлемой частью якобинского периода, и только после падения Робеспьера работа гильотины была остановлена. Термидор в действительности был взрывом отчаяния по поводу непрекращающихся чисток, и большинство термидорианцев были бывшими сторонниками Дантона и бывшими эбертистами, выжившими во время избиения их фракции. Аналогией в России этому был бы успешный переворот против Сталина, который совершили бы после процессов 1936—1938 годов остатки бухаринской и троцкистской оппозиций.

Другое отличие еще важнее. Термидор привел к концу революционную трансформацию французского общества и изменение имущественных отношений. В Советском Союзе эти процессы не остановились с возвышением Сталина. Напротив, самая крутая перемена — коллективизация — была проведена при его правлении, и, конечно, не «законность и порядок», пусть даже в самой антинародной форме, господствовали и в 1923 году, и в любой другой период эры Сталина. Начало 20-х годов имело общее с термидорианским периодом лишь в том, что там и тут наблюдались упадок революционной энергии народа, разочарование и апатия масс. В таких условиях Робеспьер пытался удержать охвостье якобинской партии у власти и потерпел неудачу, а Сталин стремился сохранить диктатуру большевистского охвостья, то есть собственной фракции, и преуспел.

Конечно, был сильный термидорианский привкус в антиэгалитарной политике Сталина. Однако он наличествовал и в нэпе Ленина. Забавно, что, когда в 1921 году меньшевики характеризовали нэп как «советский термидор», ни Ленин, ни Троцкий не

протестовали. Напротив, они поздравляли себя по поводу того, что мирно выполнили нечто подобное термидору, не подорвав свою партию и не утратив власти. «Не они [меньшевики],— писал Троцкий в 1921 году,— а мы сами поставили этот диагноз, и, что более важно, уступки термидорианским настроениям и тенденциям мелкой буржуазии, необходимые для сохранения власти пролетариата, были сделаны Коммунистической партией без подрыва системы и без утраты правящего положения» *. Сталин тоже пошел на «очень большие уступки термидорианским настроениям и тенденциям» своей бюрократии и группам менеджеров, «без подрыва системы и без утраты правящего положения». В любом случае историческая аналогия, побудившая Троцкого почти похвастаться в 1921 году, что он и Ленин совершили полутермидор, а в 1935 году утверждать, что Советский Союз в течение 12 лет жил в условиях термидора, причем сам Троцкий этого совершенно не заметил,— такая аналогия действительно могла скорее привести умы в смятение, чем просветить их.

Исторически гораздо более обоснованно обвинение, которое Троцкий мог бы бросить Сталину в том, что тот установил царство террора, подобное царству террора Робеспьера, и чудовищно превзошел последнего. Однако собственное прошлое Троцкого и большевистская традиция не позволяли ему выступить с таким обвинением. Следует напомнить, что в 1903—1904 годах, когда Троцкий впервые разошелся с большевизмом, он обвинил в якобинстве Ленина, а в ответ Ленин гордо заявил о себе как «о пролетарском якобинце» XX столетия. Оба думали о разных Робеспьерах: Ленин — о Робеспьере, защитившем победу революции против Жиронды, а Троцкий — о Робеспьере, пославшем на гильотину собственных товарищей. Спустя столетие не только в глазах Ленина, но и в глазах большинства западных марксистов Робеспьера-дирижера «очищений» затмил Робеспьер-неподкупный, вошедший в Пантеон революции. Троцкий-большевик сожалел о том, что вообще бросил обвинение в робеспьеризме Ленину и опасался бросить его Сталину. Согласившись за прошедшие годы с возвеличиванием большевиками якобинства, Троцкий пусть и неявно стал отождествлять себя с Робеспьером. Это заставило его усматривать в своих врагах термидорианцев, хотя они таковыми не были. Конечно, поднятая им тревога во многом способствовала тому, чтобы побудить всех большевиков, включая сталинцев, к бдительности. Больше того, кое-что от термидорианских настроений все еще живо в Советском Союзе и может быть обнаружено (вместе с «буржуазным элементом» и «буржуазными нормами распределе-

* *Trotsky L.* Between Red and White. London, 1922. P. 77 (Троцкий завершил эту книгу в феврале 1922 г.).

ния») в любом рабочем государстве. Так или иначе, мы, видевшие в 40-е и 50-е годы русскую революцию во всей ее изменчивости и обличьях, далеко превзошедшими французскую революцию по масштабам и инерции,— мы можем только удивляться странному явлению, когда призрак термидора так долго бродил по русской сцене, просуществовав целую историческую эпоху.

* * *

Пессимизм, действительный и кажущийся, пронизывающий «Преданную революцию», проявляется и на тех страницах, где Троцкий пытается предвосхитить последствия второй мировой войны для Советского Союза. Он отмечает, что новая социальная система создала «национальную оборону, о преимуществах которой старая Россия не могла и мечтать»; в условиях плановой экономики довольно легко перейти от гражданского к военному производству и «сконцентрировать в интересах обороны даже строительство и оборудование новых предприятий». Он подчеркивает успехи советских вооруженных сил в овладении всеми видами современного оружия, указав, что «соотношение между живой и механической силой Красной Армии можно считать в общем и целом стоящим на уровне передовых армий Запада» *. Такого взгляда в 1936 году в целом западные военные эксперты не придерживались, и акцент, сделанный Троцким, был несомненно рассчитан на то, чтобы произвести впечатление на правительства и генеральные штабы западных держав. Однако он усматривал слабость советской обороны в термидорианском духе офицерского корпуса, строгой иерархической структуре армии, заменившей революционно-демократическую организацию, и прежде всего во внешней политике Сталина. Троцкий писал, что Сталин, сначала игнорировавший опасность со стороны третьего рейха, теперь пытается противостоять ей, опираясь главным образом на союзы с западными буржуазными правительствами, на Лигу Наций и на «коллективную безопасность», ради которой он в случае войны воздержится от любого по-настоящему революционного призыва к вооруженным рабочим и крестьянам воюющих стран.

«Можно ли, однако, ожидать, что из предстоящей великой войны Советский Союз выйдет без поражения? На прямо поставленный вопрос ответим столь же прямо: если б война осталась только войною, поражение Советского Союза было бы неизбежно. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно могущественнее. Если революция на Западе не парализует

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 212.

его, он сметет режим, вышедший из Октябрьской революции» *. Хотя Запад разобщен, в конечном итоге он объединится, «чтобы помешать военной победе Советского Союза». Задолго до мюнхенского кризиса Троцкий заметил, что Франция уже относится к союзу с СССР как к «клочку бумаги» и будет продолжать относиться именно так, сколько бы Сталин ни пытался сохранить этот союз через Народный фронт. Если Сталин еще уступит французскому, английскому, американскому экономическому и политическому давлению, этот союз приобретет реальность, но даже тогда союзники воспользуются военными затруднениями Советского Союза и попытаются подорвать социалистическую основу его экономики, потребовав далеко идущих уступок капитализму. В то же время крестьянский индивидуализм поставит под угрозу коллективное сельское хозяйство. Эти внешние и внутренние давления, заключает Троцкий, приблизят опасность контрреволюции и реставрации в России. Обстановка, однако, не будет безнадежной, ибо война также приблизит революцию в Европе. Поэтому в целом «несмотря на все свои противоречия, советский режим, в отношении устойчивости, все еще имеет огромные преимущества в сравнении с режимом вероятных противников». «...Польская буржуазия способна своими маневрами лишь ускорить войну, чтоб тем вернее найти в ней гибель», а «у Гитлера гораздо меньше шансов, чем у Вильгельма II довести войну до победы». Уверенность Троцкого в революции в Европе была столь же сильной, как и его пессимизм по поводу перспектив Советского Союза без такой революции:

«Опасность войны и поражения в ней СССР есть реальность. Но и революция есть реальность. Если революция не помешает войне, то война поможет революции. Вторые роды обычно легче первых. В новой войне не придется целых два с половиной года ждать первого восстания [как было после 1914 года]. Раз начавшись, революция на этот раз уже не остановится на полдороге. Судьба СССР будет решаться в последнем счете не на карте генеральных штабов, а на карте борьбы классов. Только европейский пролетариат, непримиримо противостоящий своей буржуазии... сможет оградить СССР от разгрома или от «союзного» удара в спину. Даже военное поражение СССР оказалось бы лишь коротким эпизодом, в случае победы пролетариата в других странах. И наоборот, никакая военная победа не спасет наследия Октябрьской революции, если в остальном мире удержится империализм... Без Красной Армии Советский Союз оказался бы раздавлен и расчленен наподобие Китая. Только ее упорное, героическое сопротивление будущим капиталистическим врагам может

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 232.

создать благоприятные условия для развертывания классовой борьбы в лагере империализма. Красная Армия является, таким образом, фактором огромного значения. Но это не значит, что она является единственным историческим фактором...

Не под знаменем статус-кво [который сталинская дипломатия защищала в 30-е годы] европейские рабочие, как и колониальные народы могут подняться против империализма и... новой войны...

Задача европейского пролетариата — не в увековечении границ, а наоборот, их революционное упразднение. Не статус-кво, а Социалистические Соединенные Штаты Европы!» *

Исход второй мировой войны оказался значительно менее ясным, чем эта альтернатива. Нет ничего легче, чем составить по «Преданной революции» список ошибок в прогнозах Троцкого. Однако каждая из его ошибок содержала важный элемент истины и проистекала из посылок, которые не исчезли и до сих пор. Поэтому из его ошибок можно извлечь больше, чем из правильных, но избитых клише большинства политических публицистов. Троцкий в этом отношении походит на Маркса: его мысль «алгебраически» правильна, даже когда его «арифметические» выводы неверны. Если его предсказания оказались ошибочными, то это случилось потому, что очень часто он рассматривал вторую мировую войну в терминах первой. Однако его общая оценка соотношения войны и революции была глубокой и все еще важной для понимания революционных последствий второй мировой войны **.

«Преданная революция» оказывала влияние странным, часто противоречивым образом. Книга увидела свет в мае 1937 года, как раз в разгар избиения старых большевиков, сразу после процесса над Радеком, Пятаковым и Сокольниковым и накануне казни Тухачевского и других генералов. Залпы сталинских палачей раздались как странный резонанс на название книги, прозвучавшее отчаянным и пронзительным воплем протеста. Будучи концентрацией трагических филиппик Троцкого, книга предполагала, что Октябрьская революция терпит последнее и безвозвратное поражение, и Троцкий со своими сторонниками полностью порывают с Советским Союзом. Так «Преданная революция» стала удивительным, памятным и тем не менее пустым лозунгом, и долго еще титульный лист книги производил более сильное впечатление, чем ее содержание. Зачастую титульный лист как бы закрывал читателю доступ к сложной и тонкой аргументации Троцкого. Предположение Троцкого о возможном возвышении нового имущего класса настолько привлекало внимание читателей, что они не замечали его идей, служивших противовесом такому предположе-

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 235—237.
** Эта аргументация развивается в последней главе настоящего тома.

нию. Немало учеников Троцкого усматривали реальность там, где он видел только возможность. Сама изысканность и блеск его полемического стиля помогли вызвать к жизни это неверное понимание, ибо этот стиль соблазнил массу второстепенных писателей имитировать язвительность этого мастера пера, что было значительно легче, чем критически осмыслить его идеи. «Преданная революция» стала не только библией троцкистских сект, члены которых благочестиво бормотали ее строки многие годы после смерти Троцкого. Влияние книги было куда более широким, и оно долго еще сказывалось, даже в литературе, созданной бывшими западными коммунистами в 40-е и 50-е годы. Некоторые из них жили крохами, а не яствами богатого стола Троцкого, и они стяжали славу за оригинальность, подав эти крохи под собственным соусом. Джеймс Бернхем, троцкист в 30-е годы, основывал свою «Революцию управляющих» на нескольких вырванных из контекста отрывках теории Троцкого. «Преданная революция» эхом звучит в ранних работах Игнацио Силона и Артура Кестлера. Она произвела сильнейшее впечатление на Джорджа Оруэлла, фрагменты из «Книги», занимающие много страниц в его романе «1984», приводятся с целью перефразировать «Преданную революцию», а Эммануэль Голдстейн, загадочный противник Старшего Брата, списан с Троцкого. И наконец, последнее по порядку, но не по значению: в 40-е и 50-е годы многие интеллектуальные честолюбивые советологи и пропагандисты холодной войны черпали прямо или косвенно свою аргументацию и ходовые фразы из этого источника *.

Несмотря на то что «Преданная революция» использовалась по-разному, книга остается классическим произведением марксистской литературы. Но это и самая трудная работа Троцкого. Только читатель, знакомящийся с книгой избирательно, не принимая или не отвергая ее целиком, может извлечь из нее пользу. Гёте как-то заметил о Лессинге, что хотя тот и был величайшим мыслителем своего поколения, но его влияние на современников было очень невелико, а частично даже вредно, ибо лишь человек, равный по интеллекту Лессингу, мог понять всю сложность его мышления. Поэтому он потряс немецкие умы лишь косвенно и после смерти. Это справедливо и применительно к автору «Преданной револю-

---

* В 1961 г. одно правительственное ведомство Соединенных Штатов выпустило брошюру под названием «Преданная революция», цель которой заключалась в том, чтобы оправдать американскую кампанию против Кубы. Человек, которого государственный департамент, Пентагон, бывшие владельцы сахарных плантаций на Кубе и некоторые «радикалы» осуждали как предателя революции, был Фидель Кастро. Вторжение на Кубу под покровительством американцев изображалось как направленное на то, чтобы восстановить кубинскую революцию в ее чистоте.

ции» и объясняет извращенное и извращающее влияние этой книги на Западе. В наше время, однако, идеи книги уже носятся в воздухе в Советском Союзе, где произведения Троцкого по-прежнему запрещены. Советские журдены, а имя им легион, не понимая этого, ныне говорят прозой Троцкого: их можно обнаружить в университетах, на предприятиях, в литературных клубах, в комсомольских ячейках и даже в правящих кругах. Достаточно привести несколько первых попавшихся иллюстраций: вердикт Троцкого, что сталинская эра войдет «в историю художественного творчества... преимущественно, как «эпоха» бездарностей, лауреатов и пролаз», в общем получил всеобщее признание. Кто не согласится теперь с ним, что при сталинизме «литературные школы оказались одна за другой задушены» и «во всех областях идеологии производилось опустошение, тем более решительно, что на большую половину бессознательное. Нынешний правящий слой считает себя призванным не только политически контролировать духовное творчество, но и предписывать ему пути развития. Безапелляционное командование распространяется в одинаковой мере на концентрационные лагеря, агрономию и музыку. Центральный орган партии печатает анонимные директивные статьи, имеющие характер военных приказов, по архитектуре, литературе, драматургическому искусству, балету, не говоря уже о философии, естествознании и истории.

Бюрократия суеверно боится того, что не служит ей непосредственно, как и того, что ей непонятно» *.

Если, к счастью, не все это верно теперь, то многое все-таки по-прежнему верно, и как критик наследия сталинизма мертвый Троцкий по-прежнему говорит с большей силой, чем все ныне здравствующие десталинизаторы:

«Школа и общественная жизнь учащихся насквозь проникнуты формализмом и лицемерием. Дети научились проводить бесчисленные, удушливо скучные собрания, с неизбежным почетным президиумом, со славословием в честь дорогих вождей и... прениями, в которых совершенно как у взрослых, говорится одно, думается другое... Более вдумчивые педагоги и детские писатели, несмотря на принудительный оптимизм, не могут подчас скрыть своего ужаса перед лицом этого мертвящего школьную среду духа принуждения, фальши и скуки... Самостоятельный характер, как и самостоятельная мысль, не могут развернуться без критики. Между тем в элементарной возможности обмениваться мыслями, ошибаться, проверять и исправлять ошибки, свои и чужие, советской молодежи начисто отказано. Все вопросы... решаются за нее. Ей предоставляется только выполнять и петь славу... Этим и объясняется тот

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 169.

факт, что миллионы и миллионы комсомола не выдвинули ни одной крупной фигуры.

Бросаясь в технику, науку, литературу, спорт или шахматы, молодежь как бы завоевывает себе шпоры для будущих больших дел. Во всех этих областях она соперничает с плохо подготовленным старшим поколением, кое-где догоняет и перегоняет его. Но при каждом прикосновении к политике — обжигает себе пальцы» *.

Как живы до сих пор гнев и вера прорицателя, из-под пера которого вышли такие слова: «... утверждение социалистического общества может и будет совершаться не теми унизительными мерами отсталого капитализма, к каким прибегает советское правительство, а приемами, более достойными освобожденного человека, и прежде всего не из-под бюрократической палки. Ибо сама эта палка есть наиболее отвратительное наследие старого мира. Она должна быть сломана на куски и сожжена на публичном костре, прежде чем можно будет без краски стыда говорить о социализме» **.

* * *

Месяцы, в течение которых Троцкий писал «Преданную революцию», были, несмотря на напряженную работу, передышкой. Жизнь в Вексхалле текла тихо и спокойно. Ежедневная рутина редко нарушалась посетителями или прогулками в пустынной и скалистой местности к северу. Раз в неделю Троцкие и Кнудсены шли в кино в Хоннефоссе посмотреть какой-нибудь старый американский фильм. Троцкому так хорошо работалось, что, завершив «Преданную революцию», он собирался немедленно приняться за биографию Ленина. Казалось, он наконец обрел безопасность и настоящее убежище. Однако время от времени на горизонте появлялись небольшие тучки. Осенью в стране должны были состояться выборы. С лета маленькая пронацистская партия «Нашунал самлинг» начала нападать на правительство за угрозу миру и благополучию страны, созданную предоставлением убежища Троцкому. Партию возглавлял майор Квислинг. Спустя несколько лет при германской оккупации он стал главой марионеточного правительства, и его имя превратилось в синоним сотрудничества с оккупантами. В то время, однако, за ним шло очень мало людей, в сущности, политических безумцев. На них не обращали внимания. Более тревожными были нападки коммунистической газеты «Арбейдерен». Хотя газету читали немногие, она отражала

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 190.

** Там же. С. 141.

взгляды советского посольства, обвиняя Троцкого в том, что он использует Норвегию как «базу для террористической деятельности, направленной против Советского Союза и его вождей и прежде всего против величайшего вождя мирового пролетариата современности — Сталина». «Сколько еще,— спрашивала газета,— рабочие Норвегии будут терпеть это? Что скажет Центральное Бюро Рабочей партии Норвегии? Что скажет норвежское правительство?» Так впервые появилось утверждение, что Троцкий «использует Норвегию как базу для террористической деятельности», которое через несколько месяцев подхватил Вышинский.

Рабочая партия решительно опровергла эти утверждения. «Чего они добиваются? — ответил Шёффле,— заставить норвежских рабочих поверить лжи... и принудить рабочее правительство арестовать Троцкого? Но, господа, ни первого, ни второго не будет. Не так просто одурачить норвежских рабочих или норвежское рабочее правительство». Другие представители партии, стоявшей у власти, отвечали аналогичным образом *.

Норвежская полиция тем не менее держала Троцкого под наблюдением, регулярно докладывая министру юстиции не только о собственных открытиях, но и сообщения бельгийской и французской полиций. Некий Шерлок Холмс в Брюсселе открыл, что Троцкий был истинным вдохновителем и руководителем IV Интернационала, а в Осло, в штабе полиции, проницательные умы стали заниматься вопросом, верна ли эта тревожная информация. Французская полиция подтвердила ее, выразив озабоченность по поводу поездок секретарей Троцкого, поскольку все они — агенты IV Интернационала. Норвежские министры только забавлялись по поводу этого шедевра детективной работы: ведь совсем недавно все они или по крайней мере некоторые из них даже были склонны вступить в эту подрывную организацию. Тем не менее, чтобы удовлетворить свою полицию, министр юстиции приказал депортировать одного из секретарей Троцкого, Яна Френкеля. Место Френкеля вскоре занял Эрвин Вольф, который прожил в Вексхалле без помех около года и женился на дочери Кнудсена. Чтобы избежать ненужных трений, Троцкий попросил своих сторонников исключить его имя из членов Международного Исполкома их организаций и публиковал статьи о внутренних делах троцкистов без подписи или под псевдонимом **. Троцкий отказывался давать интервью иностранным газетам и настолько скрупулезно избегал малейшего вмешательства во вну-

* Arbeideren. 12 December; Soerlandet. 16 Desember 1935.

** Наиболее часто в это время Троцкий использовал псевдоним Крукс. Часть переписки со своими сторонниками в Париже и Амстердаме Троцкий вел шифром. Ключ к шифру сохранился в *Архиве Троцкого. Закрытая секция*. См. также: *Krog H.* Meninger. P. 245—246.

треннюю жизнь Норвегии, что когда Кнудсен, выставивший свою кандидатуру в парламент, приглашал его на избирательные собрания, Троцкий отказывался. Обычно он сопровождал Кнудсена, ожидая его в автомобиле до окончания собрания *. Полиция должным образом доложила министру, что поведение Троцкого в этом отношении безупречно. «Мы знали, конечно, что Троцкий продолжал писать свои комментарии по международным делам,— говорил министр иностранных дел Кут,— но мы считали нашим долгом уважать его право поступать так в соответствии с демократическим принципом убежища» **. Правительство было настолько удовлетворено, что дважды автоматически продлило разрешение Троцкому проживать в Норвегии, не поднимая в связи с этим никаких вопросов.

Тем не менее когда летом 1936 года Кут отправился с поездкой в Москву и был умышленно встречен там с помпой, Троцкий ожидал его возвращения с опасением. «Они торгуются по поводу моей головы в Кремле»,— сказал он Кнудсену. «Разве Вы верите? — спросил потрясенный Кнудсен,— что мы, Рабочая партия Норвегии, можем продать вашу голову?» — «Нет,— ответил Троцкий, уважая чувства хозяина,— но я верю, что Сталин готов купить ее» ***. По словам Кута, он посетил Москву только с визитом вежливости: побывав перед этим в Варшаве в качестве гостя польского правительства, он хотел избежать, чтобы в Москве сложилось впечатление, будто он «сговаривается» с поляками. Во время посещения Москвы, говорит Кут, вопрос о предоставлении Троцкому убежища никогда не поднимался. Только как-то в Женеве на сессии Лиги Наций Литвинов мимоходом упомянул об этом в личной беседе ****. С заявлением Кута можно вполне согласиться. Едва ли Сталин стал бы вести переговоры по поводу головы Троцкого с Кутом, рафинированным и несколько не от мира сего ученым-дипломатом. Для этого Сталину нужен был более тертый калач.

Подозрения Троцкого вызывались чудовищным ростом террора против троцкистов в Советском Союзе. Он получил свидетельство из первых рук об этом от трех сторонников, которые прибыли прямо из советских тюрем и концентрационных лагерей. Это были: русский рабочий и старый большевик А. Таров, бывший член Политбюро Коммунистической партии Югославии Антон Цилига и Виктор Серж, о роли которого в русской революции

* Об этом рассказал мне Кнудсен.

** Профессор Кут сделал это заявление в начале 1937 г. и подчеркнуто повторил мне его в 1956 г., когда я посетил Осло.

*** *Trotsky L.* Stalin's Verbrechen. Zürich, 1937; The Case of Leon Trotsky. P. 33. Заявление Кнудсена автору.

**** Так Кут объяснял свои мотивы мне, добавив, что уже длительное время поддерживал контакт с академическими кругами в Москве в связи с исследованиями в области ранней истории русско-норвежских отношений.

мы уже часто говорили *. Серж был обязан своей свободой Ромену Роллану, лично обратившемуся к Сталину. Цилига был освобожден по настоянию друзей в Западной Европе, а Таров тайком бежал за границу. Таров рассказал, что под влиянием подъема нацизма он был готов пойти на мировую со сталинизмом и повел переговоры с ГПУ об условиях капитуляции. «Согласны вы или нет? — спросили его,— что Троцкий является главой авангарда буржуазной контрреволюции?» Это была формула, с которой теперь были обязаны соглашаться капитулянты. Таров ответил, что считает Троцкого «самым преданным делу мирового пролетариата, неизменным революционером», своим идейным другом и товарищем» **. Многие ночи его допрашивали и требовали, чтобы он осудил Троцкого, однако он не мог пойти на это.

Все трое описали чудовищную ярость террора: по всему Советскому Союзу были созданы громадные концентрационные лагеря, заключенные после убийства Кирова подвергались бесчеловечному обращению и рассказывали о пытках и обмане, с помощью которых ГПУ «добивалось признаний». Несмотря на всю суровость критики Сталина Троцким, он до конца не осознавал, как далеко зашли дела. Подобно любому политическому эмигранту, он в какой-то степени сохранил представление о стране, которую знал, когда террор там был значительно слабее по размаху и мягче. Новые рассказы (а Андре Жид только что опубликовал свою книгу «Возвращение из СССР») наполнили его стыдом и гневом, укрепили его в решимости отказаться от всех «реформистских иллюзий» и резко и окончательно порвать с Коминтерном.

Эти сообщения, следует добавить, едва ли оставили какую-нибудь надежду для оппозиции, ибо хотя в них рассказывалось о бесчинствах правящей группы, ненависти и презрении, которые окружали ее, в них также в самых мрачных тонах обрисовались полный распад и бессилие оппозиции ***. Для Троцкого было лишь

---

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.* «Письмо бежавшего из сталинской ссылки», написанное Таровым, было напечатано в Б. О. 1935. № 45. Рассказ Цилиги о сталинском терроре — в Б. О. № 47, 48, 49. Открытое письмо Виктора Сержа Андре Жиду с разоблачением сталинистского режима перед Жидом, который тогда еще благожелательно относился к Сталину, было напечатано в Б. О. 1936. № 51. В этих номерах Б. О. содержалось множество новой информации из Советского Союза. См. также переписку Левы и Сержа от апреля 1936 г. в *Архиве Троцкого. Закрытая секция.*

** *Таров А.* Письмо бежавшего из сталинской ссылки // Б. О. 1935. № 45. С. 6.

*** Цилига обстоятельно описал создавшуюся обстановку в своей книге «Au pays du grand mensonge». Paris, 1937. Серж в переписке с Левой также описывал распад оппозиции, достигший таких масштабов, что, по словам видного троцкиста, старого Элзина, высказывания которого приводил Серж, «нет и двух товарищей, которые придерживаются одного взгляда. Нас объединяет только ГПУ».

печальным утешением узнать, как люди, подобные Тарову, по-прежнему защищают его честь в застенках, лагерях и тюрьмах. Эти люди казались последними могиканами оппозиции. А между тем еще до конца 1935 года было объявлено о новых массовых исключениях из партии. 30 декабря тогдашний секретарь МК Хрущев заявил, что только в столице было исключено 10 тысяч человек. В Ленинграде Жданов объявил об исключении 7 тысяч человек. По всей стране по крайней мере 40 тысяч человек были исключены из партии. Куда больше было изгнано из рядов комсомола, и подавляющая часть из них была заклеймена как троцкисты и зиновьевцы. Если бы даже лишь половина или треть этой массы людей были настоящими оппозиционерами, то их было бы значительно больше, чем 4—6 тысяч человек, поставивших свои подписи под платформой Объединенной оппозиции в 1927 году. Что это, идет новая волна? — размышлял Троцкий. Несмотря на пессимистические рассказы Сержа и Цилиги, он оставался оптимистом:

«...Под воздействием сталинской прессы и ее агентов (вроде Луи Фишера и ему подобных господ) не только наши враги, но даже многие наши друзья на Западе незаметно для самих себя привыкли к той мысли, что если большевики-ленинцы в СССР еще существуют, то почти только на каторжных работах. Нет, это не так! Марксистскую программу и великую революционную традицию нельзя искоренить полицейскими мерами... Если не как доктрина, то как настроение, как традиция, как знамя, наше течение имеет в СССР массовый характер и сейчас явно впитывает в себя новые и свежие силы. Среди 10—20 тысяч «троцкистов», исключенных за последние месяцы 1935 г., представители старшего поколения, участники движения 1923—28 гг. составляют десятки, может быть сотни, не больше. Основная масса — это все новый набор... Можно сказать с уверенностью, что, несмотря на 13 лет травли, клеветы, погромов, не превзойденных по гнусности и жестокости, несмотря на капитуляции и измены, более опасные, чем преследования, *IV Интернационал уже сейчас имеет самую сильную, самую многочисленную и наиболее закаленную секцию в Советском Союзе»* *.

Это, кажется, противоречит прежним пессимистическим заявлениям Троцкого о том, что в Советском Союзе нельзя ожидать никакой революционной инициативы даже со стороны его приверженцев. Как «настроение, традиция и знамя», если не как организованная партия, троцкизм был более, чем когда-либо, жив. Сталин и Троцкий знали, что при благоприятных обстоятельствах «настроения и традиции» могут легко вылиться в партию. Сталин

* Б. О. 1936. № 48. С. 3, 4.

поэтому готовил свое последнее наступление на троцкизм. Весна и лето 1936 года были затишьем перед бурей.

В Западной Европе это были медовые месяцы Народного фронта. Партии Народного фронта добились громадной победы на выборах во Франции, и это вдохновило рабочих повысить свои требования, миллионами вступать в профсоюзы, занимать предприятия, устраивать всеобщие забастовки и демонстрации. «Французская революция началась»,— провозгласил Троцкий в заголовке статьи, написанной им для американского журнала «Нейшн». (Консервативная «Тан» писала о «больших маневрах революции».) Троцкий указал на крах французской экономики, обострение всех классовых антагонизмов, на панику имущих классов и их партий и силу, набираемую массовым движением.

«Весь рабочий класс пришел в движение. Эти гигантские массы не остановить словами. Борьба закончится либо полной победой, либо самым страшным поражением». Руководители Народного фронта вели дело к поражению. Они прилагали максимальные усилия, дабы подавить энергию и уверенность в себе рабочих и ободрить буржуазию. «Социалисты и коммунисты употребили все свои силы, чтобы правительство возглавил Эррио или в худшем случае Даладье. А что делали массы? Они навязали им правительство Блюма. Разве это не означает прямого голосования против политики Народного фронта?» На некоторое время контрреволюция присмирела, ожидая конца бури и готовясь к реваншу. «Было бы легкомысленно утверждать, что ее расчеты необоснованны. С помощью Блюма, Жуо и Кашена контрреволюция еще может добиться своих целей». В течение нескольких лет коммунистическая партия выступала под лозунгом «Советы повсюду», но теперь, когда пришло время перейти от слов к делу, сплотить и вооружить рабочих, создав рабочие Советы, она объявила этот лозунг «несвоевременным». Троцкий выступил также со следующим предостережением своим сторонникам: «Партия или группа, которая не сможет найти опору в нынешнем забастовочном движении и создать прочные связи с боевыми рабочими, не достойна имени революционной организации». Не в первый и не в последний раз его последователи не смогли найти такую «опору».

* * *

4 августа, отправив издателям предисловие к книге «Преданная революция», Троцкий вместе с Кнудсеном уехали на отдых, который они намеревались провести на диком и необитаемом островке, расположенном в фьорде южнее. Они ехали на машине, и по пути Кнудсен заметил группу людей, в которой узнал членов партии Квислинга, следовавших за ними. На пароме

им удалось отделаться от них, и, довольные этим, он и Троцкий пересекли фьорд, добрались до островка и устроились на ночь в хижине рыбака.

На следующее утро их разбудило срочное послание из Вексхалла. Ночью квислинговцы, переодетые полицейскими, вломились в дом Кнудсена и, утверждая, что у них есть ордер на обыск, пытались пробраться в комнаты Троцкого. Дочь Кнудсена, заподозрив неладное, оказала сопротивление, а брат поднял соседей. Налетчики бежали, захватив лишь несколько страниц машинописного текста со стола. Задержанные полицией, они заявили, что намеревались проникнуть в дом во время отсутствия Троцкого и, подслушивая телефон Кнудсена, знали, что ни его, ни Троцкого в доме не будет. Дело не шло о покушении на жизнь Троцкого. Их цель заключалась в том, чтобы получить свидетельство политической деятельности Троцкого и нарушения им условий пребывания в Норвегии. Эти свидетельства партия Квислинга намеревалась использовать во время выборов. Налетчики утверждали, что они достигли своей цели.

Инцидент казался смехотворным. Троцкий был убежден, что люди Квислинга никак не могли добыть свидетельств нарушения. Равным образом они не могли забрать ничего важного из его архива, который Кнудсен накануне отъезда осмотрительно поместил в сейф в банке. Так что после мимолетного волнения Троцкий и Кнудсен вернулись к прогулкам по скалам и рыбной ловле. Спустя неделю, 13 или 14 августа, на островке приземлился маленький самолет. Из него вышел начальник норвежской уголовной полиции. Он приехал по приказу Трюгве Ли допросить Троцкого в связи с предстоявшим судом над агентами Квислинга. Вопросы касались бумаг, которые те забрали в доме Кнудсена,— копии личного письма Троцкого французскому стороннику и его статья «Французская революция началась», о которой мы только что говорили. Троцкий ответил на все вопросы, и полицейский офицер улетел, а затем заявил представителям печати, что все обвинения нацистов против Троцкого абсолютно необоснованны*.

Рано утром на следующий день Кнудсен, как обычно, слушал новости по радио. Слышимость была плохой, на острове не было электричества, у него был маленький переносной радиоприемник, однако услышанного было достаточно, чтобы заставить немедленно обратиться к Троцкому: в Москве только что объявлено, что Зиновьев, Каменев и 14 других подсудимых вскоре предстанут перед судом по обвинению в измене, заговоре и покушении на жизнь Сталина. Затем был передан текст длинного обвинитель-

---

* *Trotsky L.* Stalin's Verbrechen. Zürich, 1937; *Krog H.* Meninger; *Архив Троцкого;* Заявления Кнудсена и различных норвежских официальных лиц.

ного заключения, в котором главным их соучастником значился Троцкий. Кнудсен не был уверен в деталях, но у него не было ни малейших сомнений, что Зиновьева и Каменева обвиняют в терроризме, а также в сговоре с гестапо. Троцкий был потрясен. «Терроризм, терроризм,— повторял он,— хорошо, это обвинение я могу еще понять, но гестапо? Они сказали гестапо? Вы в этом уверены?» — спрашивал он в изумлении. «Да, именно так они и сказали»,— подтвердил Кнудсен. Позднее в этот же день они узнали, что в обвинительном заключении утверждалось: Троцкий направляет террористов и убийц в Советский Союз из Норвегии. Они почувствовали, как будто скалы дикого острова внезапно охватил огонь и затопила лава, и поспешно вернулись в Вексхалл.

В тот же день 15 августа Троцкий опроверг обвинения, охарактеризовав их в печати как «величайшую фальшивку в политической истории мира». «Сталин устраивает процесс, чтобы подавить недовольство и оппозицию. Правящая бюрократия относится к любой критике, к любой форме оппозиции как к заговору». Обвинение в том, будто он использует Норвегию в качестве базы для террористической деятельности, указал Троцкий, имеет целью лишить его убежища и возможности защищаться. «Я подчеркнуто утверждаю, что с момента прибытия в Норвегию у меня не было никаких связей с Советским Союзом. Я даже не получил оттуда ни одного письма. Я не написал туда никому прямо или через других лиц. Моя жена и я не могли обменяться даже одной строчкой с нашим сыном, который является ученым и не имел никаких политических связей с нами». Троцкий предложил, чтобы норвежское правительство расследовало обвинения, а он готов предоставить в его распоряжение все нужные документы и материалы. Троцкий обратился так же к рабочим организациям всех стран создать беспристрастную международную следственную комиссию *.

Так наступил кульминационный пункт террора, предсказанного им множество раз. На этот раз террор был более отвратительным и куда более угрожающим, чем что-либо, о чем говорил Троцкий. С 19 по 24 августа он слушал отчеты о суде, прильнув к радиоприемнику. Час за часом он впитывал в себя ужасы процесса, на котором прокурор, судьи и подсудимые были как бы актерами в спектакле, столь чудовищном по своему мазохизму и садизму, что, казалось, это превосходит человеческое воображение. С самого начала было ясно, что на карту поставлены головы 16 подсудимых, а с ними головы Троцкого и Левы. (В обвинительном заключении главным помощником отца фигурировал Лева.) По мере того как развивался процесс, становилось очевидно, что он может

* Цитируется по оригиналу в *Архиве Троцкого.*

быть лишь прелюдией к уничтожению целого поколения революционеров. Но наихудшим было то, как подсудимых тащили через грязь, заставляли ползти на брюхе к смерти в неописуемых, отвратительных осуждениях и самоосуждениях. По сравнению с этим все кошмары французской революции, позорные колесницы, гильотина и братоубийственная борьба якобинцев выглядели драмой почти спокойного и торжественного достоинства. Робеспьер сажал своих противников на скамью подсудимых рядом с ворами и уголовниками, бросал им чудовищные обвинения, но не лишал их права защищать свою честь и умирать борцами. Дантон по крайней мере мог крикнуть: «После меня твоя очередь, Робеспьер!» Сталин бросил сломленных противников в неописуемые глубины самоунижения. Он заставил руководителей и мыслителей большевиков выглядеть жалкими средневековыми женщинами, которые должны были рассказывать инквизиции о каждом акте своего колдовства и о каждой подробности своего сожительства с дьяволом. Вот, например, диалог Вышинского с Каменевым, который велся на глазах всего мира:

«Вышинский. Как оценить ваши статьи и заявления... в которых выражали преданность партии? Обман?

Каменев. Нет, хуже обмана.

Вышинский. Вероломство?

Каменев. Хуже!

Вышинский. Хуже обмана; хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев. Вы его нашли!

Вышинский. Подсудимый Зиновьев, вы подтверждаете это?

Зиновьев. Да.

Вышинский. Измена? Вероломство? Двурушничество?

Зиновьев. Да».

А вот как Каменев сформулировал свою вину:

«Дважды мою жизнь пощадили. Но есть предел всему. Есть предел великодушию пролетариата, и этого предела мы достигли... Мы сейчас сидим здесь бок о бок с агентами тайной разведки иностранных держав. Наше оружие было тем же. Наши руки переплелись перед тем, как наши судьбы переплелись здесь на скамье подсудимых. Мы служили фашизму, мы организовали контрреволюцию против социализма. Такова была дорога, нами избранная, и такова пропасть презренного предательства, в которую мы упали» *.

Зиновьев последовал за ним:

* Official English versions or Reports of Court Proceedings were published simultaneously by the People's Commissariat of Justice in Moskow. P. 68, 169—170 (далее: Official English versions...). [См. также: Правда. 1936. 23 августа.]

«Я виновен в том, что вслед за Троцким был организатором троцкистско-зиновьевского блока, который поставил целью убить Сталина, Ворошилова и других вождей... Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова. Мы вступили в союз с Троцким. Мой извращенный большевизм превратился в антибольшевизм, и через троцкизм я пришел к фашизму. Троцкизм является разнородностью фашизма, а зиновьевизм является разновидностью троцкизма» *.

Иван Смирнов, победитель Колчака в гражданской войне и член Реввоенсовета при Троцком, заявил:

«Для нашей страны нет другого пути, чем тот, по которому она идет. Нет и не может быть другого руководства, чем то, которое дала нам история. Троцкий, посылающий директивы и инструкции о ведении терроризма и рассматривающий наше государство как фашистское государство, является врагом. Он по другую сторону баррикады»**.

Мрачковский, другой старый соратник Троцкого, тоже герой гражданской войны, сказал:

«Почему я встал на путь контрреволюции? Меня привела на него связь с Троцким. С того самого момента, когда я вступил в связь с ним, я начал обманывать партию, обманывать ее вождей» ***.

Бакаев, бесстрашный руководитель Ленинградской ЧК и лидер демонстрации оппозиции в 1927 году, признался:

«Факты, открытые здесь на суде, показывают всему миру, что организатором этого контрреволюционного террористического блока, его вдохновителем является Троцкий... Я ставил неоднократно свою голову на карту в интересах Зиновьева и Каменева. Меня глубоко мучит мысль, что я стал послушным орудием в их руках, агентом контрреволюции и поднял руку на Сталина» ****.

Часами Вышинский, бывший меньшевик, приставший к большевикам после гражданской войны, а теперь Генеральный прокурор, неистовствовал, имитируя истерику:

«Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного; как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова,

* Official English version... P. 170.
** Ibid. P. 171—172.
*** Ibid. P. 165.
**** Ibid. P. 168.

они ранили нас совсем близко к самому сердцу⟨...⟩Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя... Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!.. Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!» *

Через пять дней, наполненных страшной бранью и грязными обвинениями, дней, в течение которых прокуратура не предъявила ни одного доказательства, суд вынес приговор, осуждавший всех подсудимых на смерть, и заключил, что:

«Троцкий Лев Давыдович и его сын Седов Лев Львович... изобличенные в непосредственной подготовке и руководстве организацией в СССР террористических актов... в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда СССР»**.

Сталин приурочивал этот процесс как раз к тому моменту, когда Гитлер совершил свой марш в Рейнскую область и после того, как Народный фронт сформировал свое правительство во Франции. Поступив так, он подверг шантажу рабочее движение и левую интеллигенцию Запада, смотревших на него как на союзника против Гитлера. Он, в сущности, угрожал, что, если поднимутся протесты против чисток, он нанесет ответный удар, взорвав Народный фронт и оставив Западную Европу лицом к лицу с третьим рейхом. В этом ему помогала мрачная иррациональность суда, сбившая с толку людей, которые могли бы поднять голос против позора — а они понимали, что это позор,— но которые не хотели протестовать против темной кровавой тайны и тем самым быть связанными с ней.

Хотя суд и казни производили мучительно тяжелое впечатление, они возбудили в Троцком весь его дух борца. Он был преисполнен решимости встретить вызов концентрированной силой и уверенностью, с которыми он когда-то вел первые битвы гражданской войны. Он оказался главным подсудимым на процессе Зиновьева и Каменева, зная, что последуют новые процессы, в которых на него будут взваливать куда более тяжкие обвинения. Он сражался за свою голову и честь, за выживших детей, за достоинство всех обреченных, не могущих защититься старых большевиков. Ему были ясны противоречия и абсурдность всего процесса. Он напряг все силы, чтобы разоблачить его лживость и лишить его таинственности. Он знал, что один стоит против громадной власти Сталина и легионов пропагандистов, служивших

* Official English version... P. 120, 164. [См. также: Правда. 1936. 23 августа.]
** Ibid. P. 180. [См. также: там же, 24 августа.]

ему. Но по крайней мере он мог свободно говорить и организовать собственные контрдействия и был преисполнен решимости полностью использовать все это. На второй день процесса он дал обширное интервью газете «Арбейдербладет», которая опубликовала его на следующий день, 21 августа, на первой странице под заголовком «Троцкий утверждает, что московское обвинение — ложь». Газета не оставила у читателей сомнений, что она симпатизирует делу Троцкого. Троцкий подготовил заявление для американских, английских и французских телеграфных агентов и для многих репортеров, устремившихся в Осло. Он был в разгаре битвы. Все решало время. Он должен был опровергнуть обвинения Сталина перед тем, как изумленная и потрясенная совесть мира притупится. Ему была нужна лишь свобода защищаться.

Этой свободы он неожиданно и коварным образом был лишен. Сделали это люди, которые только что клялись в дружбе к нему, почитали его, гордясь предоставлением Троцкому убежища. 26 августа, на следующий день после окончания процесса в Москве, два старших офицера полиции пришли к Троцкому и по приказу министра юстиции заявили, что он нарушил условия пребывания в Норвегии. Они потребовали от него подписать обязательство, что отныне он будет воздерживаться от вмешательства «прямо или косвенно, устно и письменно в политические дела других стран» и что как публицист «строго ограничит свою деятельность исторической работой и общими теоретическими замечаниями, не направленными против какой-либо конкретной страны»*. Требование звучало издевательством. Как он мог воздержаться от выражения своих взглядов по «делам других стран» теперь, когда Сталин осудил его как соучастника Гитлера и главаря банды вредителей и убийц. Как он мог ограничиться «теоретическими замечаниями, не направленными против какой-либо конкретной страны»? Его молчание только подтвердит клевету, распространявшуюся Сталиным против него во всем мире. Троцкий категорически отказался подписать зто обязательство. Тогда полиция подвергла его домашнему аресту, поставила стражу у дверей и запретила выступать с публичными заявлениями.

Чем объяснялось внезапное изменение позиции норвежского правительства? 29 августа советский посол Якубович вручил в Осло официальную ноту, требовавшую изгнания Троцкого из страны. В ноте указывалось, что Троцкий использует Норвегию в качестве «базы для своего заговора», и делалась ссылка на при-

* Министерство юстиции и полиции Норвегии, доклад стортингу (Storting Report № 19), предоставленный Трюгве Ли 18 февраля 1937 г.; *Krog H.* Meninger: *Архив Троцкого; Trotsky L.* Stalin's Verbrechen.

говор Верховного суда в Москве; нота заканчивалась слегка замаскированной угрозой: «Советское правительство хотело бы указать, что продолжение предоставления убежища Троцкому... подорвет дружеские отношения между СССР и Норвегией и нарушит... нормы международных отношений»*. Нота была вручена через три дня после помещения Троцкого под домашний арест, что дало возможность Трюгве Ли утверждать, что он предпринял действия против Троцкого не из-за вмешательства Советского Союза. Однако за несколько дней перед этим в устном демарше советский посол уже потребовал изгнания Троцкого. «Трудность,— говорит Кут,— установления точной даты, когда советский посол впервые потребовал, чтобы мы лишили Троцкого права убежища, объясняется тем фактом, что он сделал это в устном заявлении, которое не отражено в письменных документах. В то время меня не было в Осло, я объезжал свой избирательный округ на севере, и в министерстве иностранных дел моим заместителем был Трюгве Ли» **. В действительности посол встретился с Трюгве Ли вскоре после того, как «Арбейдербладет» опубликовала интервью с Троцким о московском процессе. Невероятно, чтобы он не протестовал против опубликования интервью в газете правящей партии и не потребовал лишения Троцкого права убежища. Осло был полон слухов, что посол также пригрозил прервать торговые отношения с Норвегией, и судоходные компании и рыболовная промышленность требовали от правительства не ставить под угрозу их интересы в обстановке экономического застоя и безработицы. «Мои коллеги по правительству,— говорит Кут,— боялись экономических репрессий, хотя русские не сказали, что применят их. Я не верил, что они прибегнут к коммерческому бойкоту, и считал, что в любом случае наша торговля с Россией, а нашим главным предметом экспорта была сельдь, не столь велика, чтобы мы должны были чего-то бояться. Поэтому я высказался против интернирования Троцкого. Однако остался в меньшинстве в кабинете» ***.

Министры опасались разрыва с Россией и поражения на выборах в связи с этим вопросом. Поэтому, хотя они и знали, что утверждения о том, что Троцкий использует Норвегию как базу для террористической деятельности, были сущей чепухой и хотя они отрицали это в ответе на советскую ноту, они уступили нажиму. Они, однако, не могли выслать Троцкого, ибо ни одна страна не принимала его. Не могли они и передать его советскому правительству, которое не требовало выдачи, несмотря на

* Нота содержится в приложении к докладу стортингу № 19. В «Известиях» от 30 августа 1936 г. приводилось только заявление советского посла.

** Заявление Кута автору книги.

*** Там же.

то что Троцкий бросил вызов Сталину, как бы провоцируя обратиться с такой просьбой. (Подобная просьба повлекла бы за собой рассмотрение дела в норвежском суде, что дало бы Троцкому возможность опровергнуть обвинения.) Боясь вызвать раздражение Москвы разрешением Троцкому защищаться публично, министры решили интернировать его. Демократическая совесть и чувство собственного достоинства не позволяли министрам признать, что они уступают угрозам и не могут предоставить убежище в собственной стране человеку, в невинности которого были убеждены и величие которого превозносили. Поэтому они должны были бросить тень сомнения на невиновность Троцкого. И хотя у них не хватало мужества защищать истину, они не решились поддержать обвинения Вышинского, поддержать такую чудовищную ложь. Это были мелкие люди, способные лгать только по мелочам. Они решили обвинить Троцкого в том, что он злоупотребил их доверием, занявшись критикой иностранных правительств и связавшись с IV Интернационалом, хотя сами признавали, что все эти виды деятельности носят законный характер. Теперь они искали доказательств его проступков. Но где их найти? В суде в Осло люди Квислинга размахивали со скамьи подсудимых несколькими клочками бумаги, которые они стащили в доме Нудсена, копией статьи Троцкого «Французская революция началась». Разве он не нападает в ней на Народный фронт во Франции и на министров правительства Блюма? Разве это не деятельность, «направленная против дружественного правительства»? Однако в ней не было ничего тайного и незаконного. Статья была напечатана в американском журнале «Нейшн» и в двух маленьких троцкистских органах — «Верите» и «Унзер ворт». Министрам правительства Рабочей партии было не к лицу использовать бумаги, украденные со стола Троцкого агентами Квислинга. Министр юстиции имел в своем досье донесение полиции о контактах Троцкого с IV Интернационалом. Но правительство считало эти контакты само собою разумеющимися и еще в июне игнорировало эти полицейские донесения, охотно продлевая срок пребывания в стране. В какую бы сторону ни поворачивались министры, они не могли найти достойных поводов для лишения Троцкого права убежища.

Тем не менее они должны были сделать это, даже если бы пришлось отбросить в сторону законные мотивы. По мере того как проходили дни и гнев Москвы возрастал, они все больше пугались, что их интересы лилипутов и их репутация лилипутов окажется в центре войны гигантов. Они проклинали тот час, когда разрешили «человеку-горе» приехать в их страну. Однако он был в их руках, и они могли сделать его своим пленником. Они сделали это неуверенно, стыдясь того, что превращаются в соучастников Сталина. Но процитируем норвежского писателя:

«Больная совесть и чувство стыда редко приводят злоумышленника к раскаянию... Он должен получить воображаемое оправдание своих дурных деяний. Обычно злоумышленники начинают ненавидеть свою жертву»*. Если осознание своей значимости у министров необычайно возросло, когда они были хозяевами, принимавшими «ближайшего соратника Ленина», то они стали раздраженными и озлобленными, превратившись в его тюремщиков.

28 августа Троцкий под конвоем полиции прибыл в суд в Осло, чтобы вторично дать показания по делу агентов Квислинга. Он немедленно оказался в положении скорее подсудимого, чем свидетеля. Агенты Квислинга утверждали, что они разоблачили его «нелояльное» поведение в Норвегии, а судья подверг его допросу с пристрастием. Переписывался ли Троцкий во время пребывания в Норвегии со своими товарищами за рубежом? Руководил ли он ими политически? Критиковал ли он какое-нибудь иностранное правительство в своих статьях? Троцкий дал на все эти вопросы утвердительные ответы, хотя они не имели никакого законного основания для дела, рассматриваемого в суде,— ведь речь шла о том, являлись ли люди, вломившиеся под видом полицейских в дом Нудсена, обманщиками и налетчиками. Судья затем заявил, что Троцкий собственными показаниями нарушил условия, на которых он был допущен в страну. Троцкий ответил, что он никогда не брал на себя обязательства воздерживаться от выражения своих взглядов и поддержания связей с товарищами и готов доказать, что никогда не занимался какой-либо незаконной и конспираторской деятельностью. В этот момент судья прервал его и приказал уйти с трибуны свидетеля.

Прямо из зала суда полицейские привезли его в министерство юстиции, где министр, окруженный официальными лицами, властно потребовал подписать на месте следующее заявление:

«Я, Лев Троцкий, заявляю, что я, моя жена и мои секретари не будут заниматься во время пребывания в Норвегии любой политической деятельностью, направленной против дружественных Норвегии государств. Я заявляю, что буду жить в таком месте, какое мне может избрать или одобрить правительство... что я, моя жена и мои секретари никоим образом не будут вмешиваться в текущие политические вопросы либо в Норвегии, либо за рубежом... что моя деятельность как литератора будет ограничена историческими работами, биографиями и мемуарами... что... мои работы теоретического характера... не будут направлены против любого правительства, любого иностранного государства. Я, далее, соглашаюсь, что вся моя почта, телеграммы, телефонные

* *Krog H.* Mininger. P. 220.

переговоры моей жены или моих секретарей будут подвергаться цензуре»*.

Через 20 лет свидетели этой сцены еще помнили о гневном презрении Троцкого и его громовом голосе, когда он отказался подписать это заявление. Как, вопрошал Троцкий, министр осмеливается представить ему столь постыдный документ? И он думает, что человек, имеющий за плечами такую жизнь, как он, Троцкий, может подписать его? Министр требует от него полного подчинения и отказа от любого права выражать политические убеждения. Если бы Троцкий когда-нибудь был готов согласиться с такими условиями, он не был бы теперь в ссылке и не зависел от сомнительного гостеприимства Норвегии. Неужели Трюгве Ли считает себя таким могущественным, что надеется получить от него то, чего никак не мог добиться Сталин? Допустив его в страну, норвежское правительство знало, кто он. Как оно осмеливается требовать, чтобы даже его теоретические работы не были направлены против какого-либо иностранного правительства? Разве он когда-либо позволил себе даже ничтожное вмешательство в норвежские дела? Могут ли они хоть как-то упрекнуть его в этом? Министр признал, что не могут. Разве они верят, что он использует Норвегию как базу для террористической деятельности? Нет, правительство определенно отказывается поверить этому, ответил Трюгве Ли. Обвиняют ли его в какой-либо заговорщической или нелегальной деятельности против любого иностранного правительства? Нет, снова ответил министр, речь не идет о какой-либо заговорщической или незаконной деятельности. Обвинения правительства против Троцкого заключаются в том, что он нарушил свое обязательство воздерживаться от всякой политической деятельности, а его статья «Французская революция началась» и контакты с IV Интернационалом как раз и свидетельствуют о таком нарушении. Троцкий отрицал, что он когда-либо давал подобное обязательство. Ни один коммунист, ни один социалист никогда не может обязаться воздерживаться от любой политической деятельности. Как тогда мыслит себе министр социализм и социалистическую мораль? В каком отношении его статья о Франции более достойна порицания, чем интервью «Арбейдербладет», которое Троцкий дал самому Трюгве Ли, причем сам министр заверил его, что, выразив свое политическое мнение, он не нарушит условия разрешения на проживание? Как может правительство основывать свое обвинение против него на документе, представленном нацистскими взломщиками? Неужели оно позволяет банде гитлеровских наемников определять свое поведение?

В этот момент Троцкий повысил голос так, что он зазвучал

* Доклад стортингу № 19.

в залах и коридорах министерства: «Это ваш первый акт капитуляции нацизму в собственной стране. Вы поплатитесь за это. Вы считаете себя в безопасности и вольны расправляться с политическим изгнанником. Но день близок, запомните это, день близок, когда нацисты изгонят вас из собственной страны вместе с вашей шляпой министром-президентом». Трюгве Ли пожал плечами, услышав эти странные речи. Однако менее чем через четыре года это же правительство бежало из Норвегии от нацистского вторжения. И когда министры и их престарелый король Хаакон стояли на берегу, с беспокойством ожидая корабля в Англию, они с трепетом припомнили слова Троцкого. Проклятие пророка оправдалось*.

После этой схватки Трюгве Ли поместил Троцкого в более суровые условия интернирования, депортировал двух его секретарей, поставил стражу внутри дома Кнудсена, с тем чтобы не допустить общения Троцкого даже с Кнудсеном. Он превысил свои полномочия, ибо норвежская конституция не разрешала ему лишать свободы человека, не осужденного судом. Многие люди, включая консерваторов, были шокированы и запротестовали. Тогда Ли спустя три дня, после того как он приказал арестовать Троцкого, добился, чтобы король подписал декрет, наделяющий его чрезвычайными полномочиями для данного исключительного случая. 2 сентября Ли приказал, чтобы Троцкого и Наталью перевели из дома Кнудсена в Зундби, в Хуруме, у фьорда, в 20 милях к югу от Осло, где они были интернированы в небольшом доме, снятом министерством для этой цели. Находясь под круглосуточной охраной, Троцкие должны были разделять дом с 20 полицейскими, стучавшими сапогами, оравшими, курившими и игравшими в карты. Никому не разрешалось посещать Троцкого, за исключением его норвежского адвоката. Не был допущен даже его французский адвокат. Ему запретили осуществление даже обычных прав арестанта — физические упражнения или короткие прогулки на воздухе. Для получения газеты он должен был обращаться за специальным разрешением, всю переписку представлять на просмотр. Цензором был член партии Квислинга, в нее

* В своих мемуарах о войне профессор Кут так описывает эту сцену: «После встреч [с королем и немецким послом] я созвал членов парламента и объявил им новые немецкие требования... Я не сомневался, что правительство отвергнет их... что нам придется снова бежать... и придется бежать из страны. Я вспомнил слова, сказанные Троцким Трюгве Ли: «Через несколько лет вы и ваше правительство будут политическими беженцами без дома и страны, каким являюсь я сегодня». Мы игнорировали его слова. Это представлялось нам совершенно невозможным... Несколько раз я должен был прерывать свою речь, чтобы сдержать слезы (*Koht H.* Barricade to Barricade. Norwegian edition.) Oslo. P. 47. Норвежские парламентарии, присутствовавшие при этой сцене, описали мне ее таким же образом, а один из них утверждал, что король Хаакон напомнил Трюгве Ли «проклятие Троцкого».

же входил один из двух офицеров, командовавших караулом, Йонас, впоследствии начальник полиции правительства Квислинга. «Изоляция Троцкого была столь суровой,— вспоминает Кнудсен,— что Трюгве Ли неоднократно отказывал мне в разрешении приехать в Хурум, даже когда я стал членом парламента. Только после долгих хлопот и оттяжек мне разрешили послать Троцкому радиоприемник. Сначала ему даже запретили слушать радио»*.

Все это было сделано для того, чтобы не дать возможности Троцкому ответить на обвинения Сталина. Однако он не сдался. Он писал статьи, подробно разоблачавшие процесс Зиновьева и Каменева. В письмах сторонникам и Леве инструктировал их, как вести кампанию против чисток и как собирать фактические данные, опровергающие каждый пункт обвинений Вышинского. Протестуя, он представлял свои статьи и письма цензору, а затем неделями с нетерпением ожидал ответов. Ответов не было. Цензор конфисковывал все написанное Троцким, даже не информируя его. Между тем Троцкий и Наталья день за днем слушали московское радио, гремевшее обвинениями, которые эхом отдавались по всему миру, как адская какофония. Сколько людей, размышлял Троцкий, теперь оправляются от первого изумления и шока и начинают верить невероятному? Не стала ли чудовищная туча ядовитой пыли, поднявшейся из Москвы, осаждаться на умы людей и затвердевать, превращаясь в корку? Тот факт, что норвежское правительство сочло возможным интернировать его, неизбежно восстановил многих против Троцкого: люди рассуждали, что если бы он был совершенно невиновным, тогда его друзья, норвежские социалисты, не лишили бы его свободы. Само молчание Троцкого, казалось, говорило против него, и враги использовали это до конца. Не прошло и двух недель после интернирования Троцкого, как Вышинский писал в журнале «Большевик», что Троцкий, очевидно, с опровержениями выступать не торопится **, ибо в противном случае он бы высказался.

Мучаясь в ловушке, Троцкий попытался привлечь к суду за диффамацию двух норвежских издателей, нациста и сталиниста, которые в своих газетах «Фрит фольк» и «Арбейдерен» поддержали обвинения Вышинского. 6 октября его норвежский адвокат Пунтерфолт возбудил дело. Суд уже разослал повестки о вызове, дело должно было слушаться до истечения месяца, но правительство прекратило его. Интернировав Троцкого с тем, чтобы лишить его возможности ответить Сталину, правительство не могло разрешить ему теперь использовать суд в качестве три-

* Я цитирую слова, сказанные мне Кнудсеном.

** Большевик. 1936. 15 сентября. № 18. Лева с негодованием сообщил об этом отцу в письме от 26 октября.

буны. Однако по закону оно не могло помешать ему сделать это, ибо даже заключенный имеет право защищать себя в суде против клеветы. Но Трюгве Ли не заботили юридические тонкости. Как он добился декрета, задним числом санкционировавшего интернирование Троцкого, так и 29 октября он получил другой «временный королевский декрет», где говорилось, что «чужестранец, интернированный в соответствии с декретом от 31 августа 1936 года [Троцкий был единственным иностранцем, интернированным по этому декрету], не может выступать истцом в норвежском суде без согласия министерства юстиции». Министерство, конечно, отказало в своем «согласии» и запретило суду принять к слушанию иск Троцкого против двух издателей.

Троцкий тогда попросил своего французского адвоката возбудить дело по обвинению в диффамации против сталинистских издателей во Франции, Чехословакии, Швейцарии, Бельгии, Испании, надеясь, что даже если его не вызовут в качестве свидетеля, он по крайней мере сможет изложить свои доводы через законных представителей. Против этого, казалось, норвежцы не могли выдвинуть никаких возражений. Они не имели никаких законных оснований не допустить, чтобы он защищал свою честь в иностранных судах. Однако к этому времени желание правительства умиротворить Сталина не знало границ. «Министерство юстиции,— заявил Трюгве Ли,— посоветовавшись с правительством, решило, что оно будет выступать против попыток Льва Троцкого предпринимать действия в иностранных судах, пока он находится в Норвегии»*. Вдобавок министр запретил Троцкому сноситься с любыми юристами за рубежом. Наконец, он окончательно загнал его в ловушку и заткнул ему рот.

«Вчера я получил официальное распоряжение, запрещающее мне вчинять иск кому-либо даже за рубежом,— информировал Троцкий 19 ноября Жерара Розенталя, своего французского адвоката,— я воздерживаюсь от всяких комментариев, чтобы обеспечить получение этого письма вами». Леве он писал: «Ты должен иметь в виду, что министр юстиции конфисковал все мои важные письма, касающиеся моей личной защиты. Теперь я стою перед лицом клеветников, налетчиков, мерзавцев... и совершенно беззащитен. Ты должен действовать по собственной инициативе и рассказать всем нашим друзьям об этом». В следующем письме он высказался еще сильнее. Он заметил, что «Арбейдербладет» как раз вела кампанию за освобождение известного радикального писателя Осецкого из нацистского концентрационного лагеря, но ничего не говорила об интернировании Троцкого в Норвегии.

---

* Доклад стортингу № 19; *Krog H.* Meninger; Письма Троцкого Жерару Розенталю от 19 и 22 ноября; *Trotsky L.* Stalin's Verbrechen.

«Осецкий по крайней мере не оклеветан своими товарищами». «Это письмо, совершенно естественно, пройдет через [руки цензора], но я перестал обращать внимание на это. Я пишу в личном и конфиденциальном порядке моему сыну, которого преследуют бандиты в Париже и чья жизнь может быть в опасности, в то время как я нахожусь в тюрьме, связанный по рукам и ногам. На карту поставлены дела... от которых может зависеть [наше] физическое и моральное существование. Я должен высказаться»*.

Вероятно, эти письма были своего рода военной хитростью. Трюгве Ли утверждал, что Троцкий общался со своим сыном незаконными путями. Он написал некоторые из своих писем симпатическими чернилами, тайком вступил в контакт со своими сторонниками, получив разрешение посетить зубного врача в городе, а его сторонники передавали ему письма в пирогах, присылавшихся в Хурум, и т. д. По всей вероятности, эти утверждения основываются на фактах, хотя Наталья, когда ее через 20 лет спросили, правильны ли были заявления Ли, не знала, что сказать. Вообще-то политические заключенные используют методы такого рода, чтобы поддерживать тайный контакт со своими товарищами, и было бы странно, если бы Троцкий не прибег к ним, когда сам оказался объектом насилия, жульничества и коварства.

* * *

Вынужденное молчание Троцкого создало ситуацию, в которой бремя первой публичной кампании против московских процессов выпало на долю Левы. Застенчивый, не очень красноречивый и привыкший держаться в тени отца, он внезапно оказался на авансцене в этом великом и мрачном деле. Вышинский охарактеризовал его как опору «террористического заговора», как заместителя и начальника штаба его отца, инструктировавшего видных старых большевиков, как вести себя в СССР. В приговоре суда о нем говорилось в тех же терминах, что и об отце. Теперь он действительно вынужден был заменить отца. Через несколько недель после процесса над Зиновьевым и Каменевым Лева опубликовал «Красную книгу о московском процессе» — первое опровержение фактами сталинистских обвинений и первое детальное разоблачение их несостоятельности. Он привел доказательства, что никогда не был с отцом в Копенгагене, а гостиница «Бристоль», где, предполагалось, что он встречался с заговорщиками, вовсе не существовала. Он проанализировал загадку признаний, указав, что самооговорами, не основанными ни на одном факте или свидетельстве, своим буквальным повторением слов

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

прокурора и своим рвением, самодиффамацией подсудимые в действительности говорили миру — не верьте нам, разве вы не видите, что все это ложь, ложь с начала до конца»*.

Лева, однако, был потрясен до глубины души несчастьем и самоуничижением старых большевиков. Он знал их всех с детства, играл с их сыновьями на площадях и в коридорах Кремля, а в юности смотрел на них как на великих революционных деятелей и друзей отца. Памятуя обо всем этом, он так защищал их честь: «Внутренняя моральная сила Зиновьева и Каменева была значительно выше средней, хотя она оказалась недостаточной в этих совершенно исключительных обстоятельствах. Сотни тысяч... не могли бы выдержать даже одной сотой непрерывного чудовищного давления, которому подвергались Зиновьев и Каменев и другие подсудимые». Но «Сталин добивается головы Троцкого, и это его главная цель. Он прибегнет к самым крайним и мерзким выдумкам, чтобы получить ее... Он ненавидит Троцкого как живое воплощение идей и традиций Октябрьской революции». Не удовлетворившись «триумфом» в своей стране, ГПУ действительно стремится уничтожить троцкизм за рубежом. ГПУ обвиняет испанских троцкистов в подрыве Народного фронта и попытке убить его лидеров и клеймит польских троцкистов как агентов гестапо. «Сталин стремится свести все политические различия в рабочем движении к этой формуле: ГПУ или гестапо? Кто не с ГПУ, тот с гестапо». «Сегодня он использует этот метод главным образом в борьбе против троцкизма, завтра он обратит его против других групп в рабочем классе... Горе, если международное рабочее движение не сможет защититься против этого смертельного яда» **.

Троцкий с облегчением получил в Хуруме первый экземпляр «Красной книги»: «Есть формы паралича, при которых можно видеть, слышать и понимать все, но нельзя поднять палец, чтобы отвратить смертельную угрозу. В такой политический паралич норвежское «социалистическое» правительство бросило нас. Какой неоценимый подарок в этих условиях книга Левы... Первые страницы, как я помню, показались мне бледными: на них повторялись [знакомые] политические оценки... Однако с момента, когда автор начал самостоятельный анализ процесса, я был целиком захвачен им. Каждая глава казалась лучше предыдущей. «Наш смелый, дорогой Лева,— я и моя жена говорили друг другу,— у нас есть защитник!» *** В переписке, полной боли, тревоги и нежности, Лева рассказывал обо всем, что делал, чтобы начать

* Б. О. 1936. Октябрь. № 52—53; *Sedov L.* Livre Rouge sur le procès de Moscou. Paris. 1936.

** Там же.

*** Б. О. 1936. Март. № 64.

кампанию против чисток, и передавал родителям каждое слово симпатии и поддержки от очень немногочисленных доброжелателей.

Однако ужасающий спектакль, в который был вовлечен Лева, вероятно, оказался ему не по силам. Вслед за отцом он был следующей важнейшей целью ГПУ. Чувство, что за ним следят, а его переписку листают таинственные пальцы, никогда не оставляло его. Он опасался, что его самого похитят. Он был одинок, беззащитен и полностью зависел от чувства товарищества со стороны маленькой группы троцкистов вокруг него. Он нашел некоторое успокоение в дружбе с Альфредом и Маргаритой Росмерами, которые теперь встали на защиту его отца, забыв и простив все прошлые размолвки. Однако в узком кругу друзей он доверял больше всех Марку Зборовскому [12], молодому образованному человеку, изучавшему медицину и философию и работавшему в организации под псевдонимом Этьен. Он помогал выпускать «Бюллетень оппозиции» и входил в маленький русский комитет, который должен был поддерживать связь с оппозицией в СССР. Этьен, польско-украинского происхождения, знал русский язык и тонко чувствовал положение в Советском Союзе. Это позволило ему оказывать Троцкому множество мелких услуг и завоевать доверие Левы.

Этот хорошо образованный и добрый «друг» тем не менее был сталинским агентом. Он обладал такой способностью к перевоплощению, что никогда не вызывал ни малейшего подозрения ни у Левы, ни у Троцкого. И Лева так доверял ему, что Этьен имел ключ к почтовому ящику Левы и забирал для него почту. Таинственные пальцы, «листающие» переписку Левы, были пальцами Этьена. Он также отвечал за самые секретные досье архива Троцкого и держал их в собственном доме *.

За несколько месяцев перед интернированием Троцкий просил Леву поместить часть его архива в голландском Институте социальной истории. Он сделал это частично потому, что нуждался в деньгах, а институт был готов заплатить за бумаги скромную сумму в 15 тысяч (девальвированных) французских франков. Однако главной причиной было опасение Троцкого, что ГПУ может попытаться завладеть архивом и он хотел поместить его в надежные руки. В начале ноября Лева и Этьен передали несколько досье в па-

---

* Этьеи (Марк Зборовский) после признаний был осуждеи в декабре 1955 г. американским судом на 5 лет тюрьмы по обвинению в лжесвидетельстве. Мой рассказ об отношениях Этьена и Левы основывается на их переписке с Троцким, их показаииях фраицузской полиции и магистрату. История Этьеиа рассказаиа в: *Kasson H.* and by *Dallin D. J.* // New Leader. 21 November 1955, 19 and 26 March 1956; Hearing before the Subcommittee to investigate the Administration of the Internal Security Act. U. S. Senat. 14—15 February 1957. Part 51. Vashington. 1957. P. 3423—3429; *Levin I. Don.* The Mind of an Assassin. New York, 1959.

рижское отделение института по улице Мишле, 7. Отделение тогда возглавлял хорошо известный меньшевик Борис Николаевский, в свое время работник Института Маркса и Энгельса в Москве. Передача была проведена в виде эксперимента, но главная часть архива, включая самые конфиденциальные материалы, осталась у Этьена *.

Как только досье были переданы на улицу Мишле, там в ночь с 6 на 7 ноября был устроен взлом и несколько досье украли. Немедленно возникло подозрение, что это дело рук ГПУ. Взломщики не тронули ценных вещей и денег, которые нашли, а унесли только бумаги Троцкого. Кто, помимо агентов ГПУ, поступил бы таким образом? Французская полиция была изумлена техническим искусством взломщиков и решила, что это работа не французских преступников, а сильной международной банды. Полиция допросила Леву, обвинившего во всем ГПУ. Но как и откуда, спросили его, ГПУ так быстро узнало, что досье переданы на улицу Мишле? Кто знал о передаче? Лева заявил, что, помимо него, лишь трое людей знали об этом. Николаевский, некая мадам Эстрин, сотрудница голландского Института, и Этьен. Лева поручился за честность всех троих, хотя и заподозрил, что Николаевский мог, не желая того, проболтаться, наведя тем самым ГПУ на след. А как насчет Этьена? — осведомилась полиция. Этьен, ответил Лева, абсолютно вне подозрений. Доказательством этого было то, что в момент взлома он охранял самую ценную часть архива в собственной квартире **. Таким образом, вопрос о том, откуда ГПУ узнало о передаче досье, выяснен не был.

Обнаружилось, что взломщики забрали только вырезки газет и относительно не важные бумаги. Но никто не сомневался, что, разочарованное скудной добычей, ГПУ сделает другую и значительно более серьезную попытку. До конца жизни Троцкий беспокоился о безопасности своего архива почти в той же мере, как о собственной безопасности. Однако ГПУ никогда не предприняло другой попытки захватить его бумаги, как того опасались. Новая загадка. В свете приведенных здесь фактов ясно, что ГПУ не было необходимости захватывать архив, ибо оно могло ознакомиться с его содержанием или копиями документов прямо через Зборовского. Этот явно подстроенный взлом в Париже был произведен для того, чтобы прикрыть Этьена и укрепить доверие к нему Троцкого и Левы. И в самом деле, ничто не могло сильнее отвратить любое подозрение от него и направить его на других, чем тот факт, что, когда ГПУ прилагало, как казалось, крайние усилия, чтобы захватить архив, Этьен «надежно» хранил его в своей квартире.

* Левина «Памятка-инструкция» от 19 ноября 1936 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

* * *

В Хуруме со свинцовой монотонностью текли месяцы и ничто не обещало прекратить или даже ослабить заточение Троцкого. Его американские приверженцы пытались добиться для него убежища в Мексике. Однако было маловероятно, что им удастся сделать это. Троцкий, хотя и очень хотел выбраться из Норвегии, не стремился в такой критический момент искать убежища в столь отдаленной стране, имевшей недобрую славу. Политика там делается методами плаща и кинжала (там, напомнил ему Лева, убийцу нанимают за несколько долларов) *. У Троцкого оставался проблеск надежды, что он еще может быть услышан и в самой Норвегии. 11 декабря он должен был снова появиться в качестве свидетеля на затянувшемся процессе над агентами Квислинга, вломившимися в его дом в Хоннефоссе. Он думал, что на этот раз правительство не осмелится приостановить суд. Однако министр юстиции снова вмешался, но не для того, чтобы приостановить суд, а приказал слушать дело при закрытых дверях. Поэтому, когда Троцкий появился в качестве свидетеля, окруженный взводом полиции, публика и репортеры были удалены из зала суда. В отличие от случившегося на предшествующем открытом заседании теперь, когда было сделано все, чтобы не допустить огласки свидетельских показаний Троцкого, судья отнесся к нему с исключительным уважением и вежливостью, и в течение нескольких часов Троцкий обосновывал свое дело, отвергая все сталинские обвинения с такой энергией и серьезностью, как будто выступал перед всем миром. Председательствующий ни разу не прервал его, даже когда Троцкий обрушил нападки на министра юстиции Норвегии как соучастника Сталина. Для Троцкого было почти смехотворно выступать с речью, этим шедевром юриспруденского искусства, в ходе почти тривиального суда в закрытом и пустом судебном помещении. Однако теперь он был настолько не уверен в своем будущем и настолько сомневался, сумеет ли он когда-нибудь изложить свои доводы, что воспользовался этой возможностью и высказался хотя бы только для протокола **.

* * *

Немногие очевидцы дают живое описание Троцкого в период интернирования. Асквик, один из офицеров, командовавших охраной, в своих неопубликованных мемуарах рассказывает о спо-

* Письмо Левы родителям от 7 декабря 1936 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** *Trotsky L.* Stalin's Verbrechen. S. 37 ff. (Троцкий говорил по-немецки.)

койном достоинстве, гордости и самодисциплине Троцкого. Как заявляет Асквик, Троцкий встречал каждое ограничение своей свободы протестом и, твердо настаивая на своих правах, никогда не оскорблял охранников, к которым свободно обращался на правильном норвежском языке *. Пунтерфольд, норвежский адвокат, вспоминает, как внимательно Троцкий следил за ходом выборов. Он был обеспокоен тем, что Кнудсен, выставивший свою кандидатуру в парламент в округе, где господствовали консерваторы, и подвергавшийся нападкам как хозяин дома, где жил Троцкий, может потерпеть поражение. Пунтерфольд находился в Хуруме, когда стало известно, что Кнудсен избран неожиданно значительным большинством. Он рассказывает, как Троцкий вне себя от радости танцевал, схватил Наталью на руки, празднуя успех (который был в некотором роде пощечиной правительству) своего друга. Постоянная верность Кнудсена была одним из немногих утешений, оставшихся Троцкому в эти мучительные месяцы, равно как и кампания в защиту Троцкого, которую вел радикальный публицист Хельге Крог с огоньком и блестяще на страницах либеральной газеты Осло «Дагбладет» **.

Дважды или, возможно, трижды Трюгве Ли посетил Троцкого в Хуруме. В первый раз он приехал 11 или 13 декабря предупредить Троцкого, что его переведут из Хурума в более отдаленное и менее доступное место интернирования на севере, ибо министерство «не может позволить продолжать оплату большой полицейской охраны», которую оно должно было содержать в Хуруме. Троцкий ответил Ли, что его друзья (он упомянул Диего Риверу) собираются пригласить его в Мексику и он скорее поедет туда, чем позволит, чтобы его перевели в пустыню Северной Норвегии. Во время беседы Ли заметил собрание сочинений Ибсена на столе Троцкого. «Вы читаете здесь Ибсена? — спросил Ли. «Да, я перечитываю его сочинения. Ибсен был любовью моей молодости, и я вернулся к нему». Последовавший диалог был бы достоин самого Ибсена. Троцкий заметил, что идея «Врага народа» очень подходит к обстановке, в которой оказались он и министр. Ли уклончиво ответил, что «Ибсена можно по-разному толковать». «Как бы вы ни толковали его,— сказал Троцкий,— он всегда будет свидетельствовать против вас. Помните фогта Стокмана?» Ми-

* Знанием некоторых из этих деталей я обязан госпоже Асквик, вдове полицейского офицера. В апреле 1956 г., прослышав, что я нахожусь в Осло, она принесла рукопись мемуаров своего мужа Кнудсену, прося передать мемуары мне. Переводя соответствующие абзацы, Кнудсен с удивлением узнал, что Троцкий владел норвежским языком. В Хоннефоссе они обычно говорили по-немецки.

** *Trotsky L.* Stalin's Verbrechen. S. 77—78. Каждая деталь этого рассказа подтверждается другими источниками.

нистр спросил, всерьез ли Троцкий сравнивает его с негодяем в ибсеновской пьесе, который ради власти и денег уничтожает собственного брата? «С бургомистром Стокманом? В лучшем случае, господин министр, в лучшем случае,— ответил Троцкий.— Ваше правительство имеет все пороки буржуазного правительства, но ни одного из его достоинств». Обиженный этим замечанием, министр стал распространяться по поводу «неблагодарности» Троцкого, заявив, что совершил «глупую ошибку», разрешив Троцкому приехать в Норвегию. «И эту глупую ошибку вы теперь пытаетесь исправить преступлением?» — возразил Троцкий и, открыв томик Ибсена, прочитал слова, которые доктор Стокман говорит своему брату-негодяю: «Погляжу я, как людская низость заткнет рот патриоту...» На том беседа и кончилась. Министр поднялся, однако, перед тем как выйти, повернулся к своему пленнику и протянул руку. Троцкий отказался пожать ее *.

Через неделю Ли вновь посетил Троцкого и сообщил, что Мексика предоставляет ему убежище, и он уже зафрахтовал танкер, на борту которого Троцкий с женой отплывут на следующий день под эскортом Йонаса Ли, командира полицейской охраны в Хуруме. Торопливость и детали депортации возбудили опасения Троцкого. Почему, спросил он, министр оставляет ему только 24 часа для подготовки к путешествию? Почему он не освободил его из-под ареста? Он потребовал, чтобы ему разрешили выехать как свободному человеку, посоветоваться с друзьями, покончить со всеми делами, собрать бумаги, снестись с мексиканским правительством, избрать собственный маршрут, а также позаботиться о своей безопасности. «А что,— спросил он,— если Сталин знает о вашем танкере? Мы можем быть торпедированы в открытом море и не дойдем даже до Ла-Манша». (Он даже осведомился, вооружен ли танкер.) Министр отклонил все его требования, но попытался заверить в безопасности путешествия, указав, что о плане не знает никто, за исключением его самого и владельца танкера. Троцкий тогда попросил разрешения проехать через Францию. Разве теперь французы не дадут ему транзитную визу, когда он получил убежище в Мексике? Ли отклонил и эту просьбу. Он торопился выдворить Троцкого из страны до того, как соберется парламент, чтобы обсудить вопрос о нем. Поспешность министра показалась Троцкому более зловещей, чем она была на деле. «Конечно,— сказал он,— вы можете уничтожить нас физически, но морально сломаете себе шеи, как германские социал-демократы сломали шеи на Карле Либкнехте и Розе Люксембург». Он повторил свое пророчество: «Через 3—5 лет... вы

* *Trotsky L.* Stalin's Verbrechen. S. 77—78. Записки Троцкого в дневнике. *Архив Троцкого. Закрытая секция; Krog H.* Meninger.

будете все эмигрантами» — и снова повернулся спиной к министру, отказавшись пожать ему руку *.

Троцкий считал, что его переводят из одной ловушки в другую, и не был уверен, что с ним и Натальей ничего не случится в пути. Пока Наталья упаковывала вещи, он написал симпатическими чернилами статью под названием «Позор!». Статья должна была стать ответом клеветникам, прежде всего тем хорошо известным английским и французским юристам, которые «поручились» за законность процесса над Зиновьевым и Каменевым. Один из этих юристов был королевским юристом, другой — видным членом Лиги прав человека, и оба восхваляли судилище в Москве за то, что Троцкий не был осужден там заочно на смерть. «Знающий хоть что-нибудь о революционной истории, человеческой психологии и... биографиях людей, о которых идет речь,— комментировал Троцкий,— согласится, что есть в тысячу раз больше оснований предполагать, что эти юристы служат Сталину, чем допустить хоть на минуту, что Троцкий может быть союзником гестапо... Все лиги прав человека всей солнечной системы не могут доказать этого. Я дам окончательный ответ обвинителям и их лакеям в Мексике, *если доеду туда»*. Перед выездом он хотел оставить эту статью, как «моряк, потерпевший крушение, бросает бутылку в море» **. Леве он написал: «Кажется, нас завтра вышлют в Мексику. Тогда это наше последнее письмо из Европы. Если что-нибудь случится с нами в пути или в другом месте, ты и Сергей — мои наследники. *Это письмо имеет силу завещания...* Как ты знаешь, я имею в виду будущие выплаты по книгам. Помимо этого у меня ничего нет. Если ты когда-нибудь встретишь Сергея, скажи ему, что мы никогда не забывали его и не забудем его ни на минуту» ***. Когда он писал эти слова, врач, адвокат и сборщик налогов представили ему свои счета и, чтобы обеспечить оплату, наложили арест на его банковский счет ****.

19 декабря танкер «Рут» вышел из Норвегии с единственными пассажирами: Троцким, Натальей и сопровождавшими их полицейскими. Депортация была обставлена такой тайной, что несколько последующих дней полицейские стояли вокруг места интернирования в Хуруме, создавая впечатление, что Троцкий еще там. Сначала море было бурным, и, сидя в каюте, Троцкий и Наталья читали книги о Мексике, гадая, что́ готовит им будущее. Затем волнение поутихло, Троцкий начал писать частично в форме дневника анализ процесса над Зиновьевым и Камене-

* *Krog H.* Meninger.

** Статья была напечатана в первом выпуске Б. О. 1937. Март. № 54—55, вышедшем после депортации Троцкого из Норвегии.

*** Письмо, датированное 18 декабря 1936 г., написано по-французски.

**** *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

вым, который включил в свою книгу «Преступления Сталина». Он много работал в течение трех недель, пока танкер, меняя курс, избегал нормальных путей. Но мир уже узнал о депортации, и агентства новостей стремились взять интервью у Троцкого по радио. Капитан «Рута», однако, имел приказ из Осло не разрешать Троцкому пользоваться передатчиком. На борту пустого танкера к Троцкому и Наталье все еще относились как к интернированным, даже во время еды рядом стояли полицейские.

«Это был год Каина»,— писал Троцкий в дневнике 31 декабря 1936 года. На следующее утро «Рут» приветствовал Новый год гудком. Никто не откликнулся, и никто не пожелал Нового года. Лишь полицейский офицер-фашист пришел к столу, размахивая новогодним поздравлением, которое он лично получил от своего социалистического министра. Казалось, мир погружается в абсурд.

По одному из странных совпадений, которые случались в жизни Троцкого, ровно за 20 лет до этого Троцкий, казалось, в последний раз выехал из Европы тоже как эмигрант, высланный из страны, предоставившей ему временное убежище. Но в 1917 году мир находился в состоянии войны, и океан кишел подводными лодками. Теперь мир пребывал в мирном состоянии, и в океане не было подводных лодок. Зато на борту танкера царило почти военное напряжение. Троцкий отметил в своем дневнике, что капитан и экипаж упоминали о ГПУ, избегая назвать его ГПУ, «как будто говорили о подводных скалах» *. 20 лет назад Троцкий писал в пути: «В последний раз бросаю взгляд на эту старую каналью Европу», с тем чтобы поспешно опять вернуться туда через три месяца. Теперь он действительно бросил последний взгляд «на старую каналью». Покидая Европу, он находился в глубоком волнении. Его мысли были прикованы к могилам, оставшимся позади, могилам двух дочерей, многих друзей и приверженцев и к могилам множества надежд.

* Часть этого дневника включена в книгу «Преступления Сталина», другая не была опубликована и хранится в *Архиве Троцкого*.

«ДЬЯВОЛЬСКИ ТЕМНАЯ НОЧЬ»

Когда 9 января 1937 года «Рут» вошел в большой нефтяной порт Тампико, Троцкий и Наталья настолько опасались всего, что может случиться с ними в Мексике, что отказались высадиться, если их не встретят друзья. Норвежские полицейские угрожали высадить их силой, когда подошел маленький катер, с которого поднялся мексиканский генерал в сопровождении официальных лиц, с официальным приветствием от президента Мексики Ласаро Карденаса [1]. (Президент прислал свой поезд, чтобы привезти Троцкого и Наталью из Тампико.) На пирсе два американских троцкиста Джордж Новак и Макс Шахтман приветствовали Троцкого, а жена Диего Риверы Фрида Кальо выразила готовность оказать гостеприимство. Контраст между теплой встречей в Мексике и ледяной высылкой из Норвегии был столь велик, что казался нереальным. Садясь в поезд президента, Троцкий и Наталья натолкнулись на полицейскую охрану и отпрянули. «Мы испугались,— заметила она,— что нас, быть может, везут в новое место заключения». На небольшой станции около Мехико Диего Ривера с громадным энтузиазмом встретил их и повез в Койоакан, предместье столицы, в свой Голубой дом. Здесь они прожили следующие два года. Нельзя было найти место лучше, чтобы успокоить расшатанные нервы. Дом был большой, залитый солнцем, полный картин, цветов и предметов мексиканского и индейского искусства. На каждом шагу приехавшие видели утешающие признаки заботы, с которой мексиканские и американские друзья приготовили им новое убежище, подумали об их личной безопасности и предоставили им возможность для работы. Так что первые же дни в Мексике принесли совершенно неожиданное облегчение. В этом было даже что-то идиллическое *.

---

* Это видно по первым письмам Троцкого Леве, в которых он выражает восторг по поводу страны, где он нашел убежище, ее климата и даже фруктов и овощей.

Политический климат в стране также был привлекательным. Мексиканская революция еще находилась на подъеме. Совсем недавно Карденас подписал декрет о разделении некоторых латифундий среди бедных крестьян и собирался национализировать американские и английские нефтяные и железнодорожные компании. Иностранные капиталисты, местные помещики и католическая церковь отбивались, а отношения между Мексикой и Соединенными Штатами были напряженными. Однако за Карденасом стояли крестьянство и Конфедерация трудящихся Мексики, которая неожиданно выросла в большую политическую силу.

Допустив Троцкого по просьбе Риверы и настояниям собственного окружения, Карденас действовал в духе революционной солидарности. Он заявил, что не только предоставил убежище Троцкому, но пригласил его жить в Мексике в качестве гостя правительства. С самого начала он делал все, чтобы защитить гостя от бури ненависти, собравшейся над его головой. На том он стоял до конца. Однако собственное положение Карденаса было довольно деликатным. С одной стороны, его политические противники скоро начали распространять инсинуации, что Троцкий — вдохновитель его революционной политики, и такие инсинуации появились на страницах американских газет *. С другой стороны, Конфедерация трудящихся Мексики, от поддержки которой Карденас зависел, была цитаделью сталинистов. Ее лидер Ломбардо Толедано и коммунистическая партия яростно протестовали против допуска Троцкого в страну, предупредив президента, что они не успокоятся, пока «руководитель авангарда контрреволюции» не будет выслан. Карденас поспешил опровергнуть обвинения в том, что он экспроприировал собственность британских и американских капиталистов по наущению Троцкого, и еще больше приложил усилий, чтобы успокоить Конфедерацию трудящихся Мексики. Политически Карденас был очень далек от любой формы троцкизма, и тем более от коммунизма. Сын бедных крестьян, он в своей деятельности руководствовался аграрным радикализмом и эмпирическим опытом патриотической борьбы против господства иностранного капитала. Поэтому он опасался быть вовлеченным в любой из внутренних конфликтов коммунизма. В этих трудных обстоятельствах он с достоинством отвергал протесты сталинистов против допуска Троцкого, однако умышленно дер-

* Карденас позднее счел необходимым опровергнуть инсинуации публично (La Prensa. 12 November. 1938), а Троцкий подумывал о предъявлении иска американской газете «The New York Daily News», которая яростно нападала на него, как на злой дух Карденаса. Он воздержался от этого только тогда, когда Альберт Голдман сообщил ему, что не было законных оснований сделать это. См. переписку Троцкого с Голдманом в декабре 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

жался в стороне от своего «гостя»,— они никогда лично не встретились. Он просил Троцкого дать обязательство о невмешательстве во внутренние дела Мексики. Троцкий немедленно дал его, но, наученный горьким опытом в Норвегии, был на страже и сохранил за собой моральное право «публично отвечать на любые обвинения или клевету» *. Карденас этим удовлетворился. Ему никогда не приходило в голову просить Троцкого воздержаться от политической деятельности. Сам он поддерживал право Троцкого защищаться против нападок сталинистов. Он твердо придерживался этого отношения — отдаленного, но бдительного доброжелательства. Троцкий часто выражал свою благодарность и, строго соблюдая обязательство, никогда не выражал мнения по поводу политической жизни Мексики, даже частным образом, хотя его взгляды на политику Карденаса, не заходившую дальше «буржуазной стадии» революции, должны были в определенной степени быть критическими.

В первый год жизни Троцкого в Мексике самым преданным другом и охранником Троцкого был Диего Ривера. Великий художник, мятежник в политике и искусстве, он был одним из основателей Коммунистической партии Мексики и членом ее Центрального Комитета с 1922 года. В ноябре 1927 года он оказался свидетелем демонстраций троцкистов на улицах Москвы и изгнания оппозиции, что сильно встревожило его. Впоследствии Ривера порвал с партией, а также с Давидом Альфаро Сикейросом [2], другим великим мексиканским художником, его близким другом и политическим товарищем, который взял сторону Сталина. Драматическая судьба Троцкого тронула воображение Риверы: вот фигура, героическая фигура, которая могла бы занять центральное место в его эпических фресках,— он действительно нарисовал Троцкого и Ленина в центре знаменитого панно, прославляющего классовую борьбу и коммунизм, которым он к ужасу всей респектабельной Америки украсил стены Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке. Для Риверы это был момент величайшего счастья, когда превратности судьбы привели его лидера и пророка под крышу дома в Койоакане.

Троцкий давно восхищался работами Риверы. Вероятно, он впервые увидел его картины в Париже в годы первой мировой войны, и упоминание о них встречается в письмах Троцкого из Алма-Аты в 1928 году **. Беспокойный поиск Риверой новых средств художественного выражения великолепно иллюстрировал

---

* «Представителям печати Мексики». 12 января 1937 г. *Архив Троцкого.*

** Андрес Нин прислал Троцкому в Алма-Ату том репродукций картин и скульптур Риверы, и Троцкий ответил, благодаря за книгу и выражая восхищение художником. *Архив Троцкого.*

взгляды Троцкого о том, что болезнь современной живописи коренится в разрыве с архитектурой и общественной жизнью, разрыве, который неизбежен в буржуазном обществе и может быть преодолен только социализмом. Стремление воссоединить живопись, архитектуру и общественную жизнь вдохновляли искусство Риверы, в котором слились традиции Ренессанса, Гойи и Эль Греко с индейским и мексиканским фольклором и кубизмом. Взаимосвязь традиций и новаторства соответствовала вкусам Троцкого. Его очаровала постоянная вызывающая смелость Риверы, бурное и страстное воображение, с которым он вносил мотивы русской и мексиканской революций в свои монументальные картины. Троцкий не мог не быть очарован и удивлен также и стихийным темпераментом Риверы, его своего рода сомнамбулизмом, его «размерами и аппетитом Гаргантюа». Все зто превращало его в мятежное, громогласное чудо, похожее на химерические фигуры на собственных картинах. В противоположность Диего, его жена Фрида была художницей, склонной к меланхолии, символистка, женщина утонченной красоты. Она источала зкзотическую грацию, ходила в длинном, богато украшенном и вышитом мексиканском платье, скрывавшем ее деформированную ногу. После ужасающих месяцев интернирования Троцкому и Наталье было очень приятно найти убежище у таких друзей.

Сторонний наблюдатель, способный в некоторой мере проникать в характеры людей, мог бы призадуматься, как поладят Троцкий и Ривера и не должен ли между ними вспыхнуть конфликт. Не удовлетворяясь своей известностью в области искусства, Ривера считал себя также политическим лидером. В зтом отношении он не составлял исключения. Художники и скульпторы играли необычайно большую роль в политике Мексики. Большинство членов Политбюро Коммунистической партии были художниками. (Политическая агитация, выполнявшаяся при помощи кисти и резца, оказывала более прямое воздействие на массы безграмотных, но чувствительных к искусству крестьян, чем любая другая форма агитации.) Однако как политик Ривера не достигал даже уровня любителя. Он часто оказывался жертвой своего неукротимого темперамента. Но в присутствии Троцкого, по крайней мере вначале, он держал свои политические амбиции под контролем и скромно довольствовался ролью ученика. Что касается Троцкого, то он всегда относился к политическим претензиям художников с мягким пониманием, даже к претензиям художников мелкого калибра, которым он не был ничем обязан. Тем более в случае с Риверой он был готов сказать: «Гений делает то, что должен делать».

Таким образом, Троцкий мог бы благословлять свое новое убежище, если бы немедленно не окунулся в гущу своей жестокой борьбы. Он был объектом ежедневных угроз со стороны местных

сталинистов и Москвы. Президент Карденас приказал выставить полицейские посты у Голубого дома. Внутри несли службу американские троцкисты, приехавшие в качестве секретарей и охранников. Последователи Троцкого в Америке оказывали ему большую помощь в организации обороны и в его кампании против процесса в Москве. Их было мало, и они были бедны. Однако они содействовали как могли восстановлению контактов с друзьями и сторонниками по всему миру и возобновлению работы. «Как нам посчастливилось,— писал Троцкий Леве 1 февраля 1937 года,— что нам удалось приехать в Мексику как раз накануне нового процесса в Москве» *.

* * *

Новый процесс открылся меньше чем через две недели после приезда Троцкого в Тампико. Радек, Пятаков, Муралов, Сокольников, Серебряков и 12 других заняли места на скамье подсудимых, а отсутствующий Троцкий снова был главным подсудимым. Обвинения теперь нагромождались еще более абсурдно. Вышинский говорил об официальном соглашении Троцкого с Гитлером и императором Японии. В обмен на их помощь против Сталина Троцкий, утверждал Вышинский, ведет работу в целях военного поражения и расчленения Советского Союза, обязавшись, между прочим, передать Советскую Украину третьему рейху. А пока он организует и руководит вредительством в промышленности в Советском Союзе. Дело его рук — катастрофы на шахтах, на предприятиях и железных дорогах, массовые отравления советских рабочих и неоднократные покушения на жизнь Сталина и других членов Политбюро. Подсудимые эхом откликались на слова прокурора и детализировали его обвинения. Ромм, бывший корреспондент «Известий» во Франции, признался, что виделся с Троцким в Париже в июле 1933 года и тот дал ему инструкции по терроризму. Пятаков рассказал суду, что посетил Троцкого близ Осло в декабре 1935 года и там получил от него приказы **.

«Мы слушали радио, получали почту и московские газеты,— пишет Наталья,— и чувствовали безумие, абсурдность, низость, обман и кровь, которые затопляли нас со всех сторон здесь, в Мексике, как и в Норвегии... С карандашом в руках Лев Давыдович, перенапрягшийся и переработавший, часто в лихорадке, но тем не менее неустанно отмечал ложь, которая разрослась так, что становилось невозможно опровергать ее» ***. Процесс продол-

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Official English versions ... [См. также: Правда. 1937. 24, 25 января.]

*** *Serge V., Sedova N.* Vie et Mort de Trotsky. P. 258.

жался неделю и закончился казнями. Только Радек и Сокольников получили по 10 лет тюрьмы каждый.

Опровержение обвинений для Троцкого действительно было подобно борьбе с чудовищами в кошмаре. Процессы становились все более нереальными в своих кошмарах и кошмарными в своей нереальности. Они, казалось, велись для того, чтобы парализовать любую критическую мысль и сделать каждый довод смехотворно недостаточным. Однако еще до того, как Троцкий успел собрать все факты и аргументы, некоторые из обвинений рухнули. Министерство иностранных дел Норвегии расследовало заявление, что Пятаков прибыл в Осло самолетом из Берлина в декабре 1935 года и встретился с Троцким. Подтвердив, что ни один самолет из Берлина не приземлялся в аэропорту в Осло в этом месяце и многие недели до и после, власти аэропорта сделали заявление по поводу этого. Тогда Троцкий телеграфом задал трибуналу в Москве вопросы: Когда точно, в какой день и в какой час приземлился Пятаков? Где, когда, при каких обстоятельствах Троцкий принимал его? Он задал аналогичные вопросы о мнимых встречах с Роммом *. Прокурор и судьи игнорировали вопросы, прекрасно зная, что если бы подсудимые попытались дать на них ответ, то впали бы в явное противоречие и дискредитировали спектакль. 29 января, как раз перед окончанием суда, Троцкий снова бросил вызов Сталину: пусть он потребует его выдачи. В обращении к Лиге Наций Троцкий заявил о готовности передать свое дело комиссии по политическому терроризму, которую Лига должна была создать по инициативе Советского Союза. Он уже обратился с одной такой просьбой из Норвегии. Лига хранила молчание. Сталин вновь игнорировал требование о выдаче **. В другой попытке схватиться с обвинителями Троцкий заявил в послании публичному митингу в Нью-Йорке:

«Я готов предстать перед гласной и беспристрастной следственной комиссией с документами, фактами, свидетельствами... и раскрыть истину до конца. Я заявляю: *если эта комиссия решит, что я хоть в малейшей степени виновен в преступлениях, которые Сталин приписывает мне, я заранее обязываюсь добровольно отдаться в руки палачей ГПУ*... Я делаю это заявление перед всем миром. Я прошу печать опубликовать мои слова в самых отдаленных уголках нашей планеты. Но если комиссия установит — вы слышите меня? — что московский процесс является сознательной и умышленной фальшивкой, я не прошу моих обвинителей добровольно пойти на расстрел. Нет, вечного проклятия в памяти человеческих поколений будет достаточно для них! Слышат ли меня

* Б. О. 1937. № 54—55.

** «Требование моей выдачи». 24 января 1937 г. *Архив Троцкого*.

обвинители в Кремле? Я бросаю этот вызов им в лицо. Я жду их ответа!» *

Примерно в это время оба сына Троцкого окончательно связали свою судьбу с ним в испытаниях, и теперь наше повествование превращается в современную версию легенды о Лаокооне. Лева, чувствуя, что его преследует ГПУ, опубликовал во французской газете заявление, указав, что, если он внезапно умрет, мир должен знать, что он погиб от рук сталинистов. Ни одна другая версия не должна приниматься на веру, ибо он здоров и не помышляет о самоубийстве. Согласно сообщениям русской печати, Сергей был арестован в Красноярске в Сибири и обвинен в попытке по приказу отца провести массовое отравление рабочих на предприятиях. «Сталин намеревается вырвать признание от моего собственного сына против меня,— писал Троцкий,— ГПУ не поколеблется свести Сергея с ума, а затем расстрелять его». Наталья обратилась с новым и тщетным призывом «к совести мира» **. «Бывали моменты,— вспоминала она позднее,— когда Л. Д. чувствовал себя сокрушенным» и «сожалел, что еще жив». «Быть может, моя смерть может спасти Сергея? — как-то сказал он мне» ***. Только она знала об этих моментах. В глазах мира Троцкий оставался непреклонным, наделенным неукротимой энергией. Он неустанно призывал своих сторонников к действию и возбуждал дух уставших друзей. Так, например, он писал Анжелике Балабановой, старому другу по временам Циммервальда, когда прослышал, что московские процессы повергли ее в глубокий пессимизм: «Возмущение, гнев, отвращение? Да, даже временная усталость. Все это очень по-человечески, слишком по-человечески. Но я не верю, что вы поддадитесь пессимизму... Это то же самое, что пассивно и униженно сердиться на историю. Как можно делать это? Историю надо принимать такой, какая она есть. И когда она позволяет себе такие невероятные и отвратительные эксцессы, нужно сражаться с ней кулаками» ****. Именно так он сам продолжал борьбу.

Он занялся установлением своего полного алиби, доказательством того, что ни одно из обвинений сталинистов не было и не могло быть правдой, и освещением политического значения гигантской лжи. По мнению многих, это была невозможная задача. Ему пришлось восстановить все детали своей жизни и деятельности в течение всех лет в изгнании, собрать свидетельства из огромного и частично разбросанного архива, газет на

* «Я ставлю на карту свою жизнь». Приложение II к The Revolution Betrayed.

** Б. О. № 54—55.

*** *Serge V., Sedova N.* Vie et Mort de Trotsky. P. 266.

**** Троцкий — Балабановой, жившей в эмиграции в Нью-Йорке. Письмо от 3 февраля 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

многих языках, собрать показания бывших секретарей и охранников, сторонников, некоторые из которых превратились в противников, а также сведения от министров, консулов, полиции, бюро путешествий, помещиков, владельцев домов и гостиниц и случайных знакомых в различных странах. Однако в определенном смысле это громадное и дорогостоящее предприятие в итоге оказалось бесполезным. Желавшие знать истину прекрасно могли понять ее без такой массы свидетельств, а безразличные или ограниченные люди не поддавались убеждению. Да и потомкам едва ли когда-нибудь понадобится такое собрание свидетельств для того, чтобы составить собственное мнение. Троцкий, великий спорщик, тоже мог быть вполне удовлетворен, разоблачив процессы лишь по их материалам, как убеждали его сделать Лева, немногие друзья и Бернард Шоу *. Однако для педантичного до крайности Троцкого было характерно, что когда он брался за работу, то не оставлял на волю случая ничего, не допускал, чтобы хоть один инцидент, хоть один факт оставался недокументированным или в досье пропускалось хоть одно свидетельство. Он вел себя так, как будто имел в виду возможность, что клевета Сталина будет жить веками и на века он готовил свое полное и неразрушимое алиби.

Эта работа, подтачивавшая здоровье, отняла у Троцкого многие месяцы. Он вложил в нее все свои силы и беспощадно подгонял как секретарей, так и сторонников, и прежде всего Леву, выполнявшего основную часть работы в Париже. Он не мирился с малейшими оттяжками, возражениями или извинениями. При малейшем признаке замедления темпов он грозил «разорвать все отношения» сначала с Шахтманом, затем с Навилем, «осудить их саботаж или даже нечто худшее», хотя оба делали все, чтобы помочь ему. Уже в первом письме Леве из Мексики он выражал недовольство по поводу того, что не получил кучу свидетельств, которые ожидал найти по приезде. Через две недели он горел нетерпением, и каждое письмо Леве было полно упреков. Почему не поступили бумаги, касающиеся его поездки в Копенгаген? Разве это не «явное преступление»? Почему некоторые показания не зарегистрированы у нотариуса? Почему подписи под другими неразборчивы? Почему даты не точны? Почему не указаны названия некоторых мест, чтобы не было никаких сомнений? С каждой неделей тон Троцкого становился все более раздражительным и грубым. «Сегодня я получил твое письмо... с обычными извинениями... обычными обещаниями,— пишет он Леве 15 февраля,— но я слышал достаточно извинений и давно перестал верить обещаниям!» Левина «халатность» граничила с «предательством». «После

* О мнении Бернарда Шоу см. далее. Лева высказал свои соображения в письме матери 8 марта 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

всего происшедшего в последние месяцы я должен сказать, что у меня никогда не было такого черного дня, как этот, когда я открыл твой конверт, уверенный, что найду там свидетельства, а вместо этого нашел только извинения и заверения». «Трудно сказать, какие удары тяжелее — те, которые исходят из Москвы, или те, которые исходят из Парижа» *. Он спланировал весной открыть контрпроцесс и боялся, что досье не будет готово своевременно. Голубой дом в эти дни выглядел потогонной мастерской. Секретари, сам Троцкий и Наталья переводили, печатали и перепечатывали бесконечные бумаги. В то же время он заполнял страницы в американских газетах своими комментариями, пытался сделать свои взгляды понятными и для мексиканской прессы и договаривался о создании «следственных комиссий» в различных странах. Преисполненный сознания важности того, что он делает, подозрительный к каждой задержке, боясь вмешательства ГПУ и отчаявшись, возможно, когда-либо закончить дело, он без малейших угрызений совести подталкивал и бранил Леву, чья жизнь и честь были поставлены на карту, как и его собственная. Так, наверное, бранил своих сыновей Лаокоон, требуя от них напрячь все силы в борьбе с гигантскими змеями, в удушающие кольца которых они все попали — отец и сыновья.

Сыновняя преданность Левы была уязвлена. Когда Троцкий был интернирован в Норвегии, он смело занял покинутую отцом позицию на поле боя. Но борьба для него оказалась тяжелее, чем он был способен вынести. Он не мог дождаться дня, когда отец освободится и взвалит бремя борьбы на свои широкие плечи. Теперь он был в отчаянии, видя, как измотан и раздражителен отец. Он все еще ставил под сомнение всю ценность предприятия и писал Наталье, что маленькая книжка Троцкого «Преступления Сталина», написанная на пути в Мексику, будет значительно более эффективным опровержением, чем «контрпроцесс» или деятельность любых следственных комиссий. Однако, поскольку отец решил установить свое алиби, Лева до конца отдался своей работе. Не его вина была, что работа подвигалась медленно и возникали недоразумения. Из Хурума, например, Троцкий поручил ему организовать контрпроцесс в Швейцарии. Но вскоре было решено провести его в Америке. Лева, не зная об этом, продолжал подготовку в Швейцарии. Это навлекло на него суровые упреки отца, который пригрозил прекратить пересылку необходимых денег и перепоручить дальнейшую работу Навилю (к которому он всегда питал очень мало доверия) **. Сбор показаний затруднялся

* Письма от 1 и 15 февраля 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Троцкий — Леве. 24 февраля, 5 и 16 марта 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

распрями в сектах троцкистов. Лева должен был получить много заявлений от членов группы Молинье, от которых Троцкий отмежевался, и Леве приходилось прибегать к дипломатии. Он измотался и чувствовал себя угнетенно. Он участвовал также в кампании в прессе против процессов. Его статьи время от времени появлялись в «Манчестер гардиан». Лева продолжал следить за издательскими делами отца, собирал гонорары, пересылал их регулярно в Мексику, оплачивал долги родителей в Норвегии и Франции и издавал «Бюллетень оппозиции». Обиженный бранью отца, чувствуя, что его окружает ГПУ, глубоко несчастный в личной жизни, он начал в возрасте 30 лет страдать от постоянной бессонницы, уставал и испытывал нервное истощение.

Как обычно, он открывал сердце только матери: «Дорогая мамочка, я не сомневаюсь, что только ты одна не будешь ругать меня за молчание или за что-нибудь еще». Однако выговоры отца он встречал весомым упреком: «Я должен был выполнять в очень трудных условиях часть работы, которая в противном случае обременила бы тебя, и я должен был делать ее без необходимого авторитета и без помощи, которую ты имеешь. Иногда у меня нет денег даже на покупку марок. Я думал, что могу полагаться на твою поддержку. Вместо этого ты делаешь меня мальчиком для битья и говоришь о моей «преступной небрежности»... Если я даже несу часть ответственности за затяжку с копенгагенскими документами, это не оправдывает... твоего отношения ко мне» *. Обиженный и разочарованный Лева поверял с еще большим доверием все Этьену, которого, казалось, никто не превосходил в честности, трудолюбии и преданности делу.

Троцкий сначала надеялся, что контрпроцесс будет проведен в масштабах, соответствующих провокации, то есть так, чтобы потрясти совесть международного рабочего движения. Он стремился связать с ним II Интернационал и так называемый Амстердамский Интернационал профсоюзов. По его совету Лева обратился к секретарю II Интернационала Фридриху Адлеру [3], который по собственной инициативе осудил московские чистки, как «средневековую охоту за ведьмами». Адлер сделал все, что мог. Однако после длительной оттяжки он добился всего-навсего, что Исполком Интернационала выпустил заявление, осуждавшее чистки, но отказался принять участие в любом расследовании или контрпроцессе. Так же поступил Интернационал профсоюзов. Обе организации, поскольку их германская и австрийская секции были раздавлены Гитлером и Дольфусом, находились в руках Леона Блюма, который как глава правительства Народного фронта зависел от поддержки Сталина. Блюм счел себя в затруднительном положении даже после

* Лева — Троцкому. 8 марта 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

платонической декларации Интернационала против чисток и использовал свое влияние, чтобы предотвратить дальнейшие действия собственной партии и «братских секций». Так что западноевропейские социал-демократы, обычно с большой готовностью защищающие «свободу и права личности против коммунизма, предпочли на этот раз хранить дипломатическое молчание и даже оправдывать Сталина. «Интернационал,— как выразился Троцкий,— бойкотировал своего собственного секретаря». Это заранее снижало эффективность любого контрпроцесса. Без социалистических партий и профсоюзов ни одна кампания не могла привлечь к себе внимание рабочего класса *.

Тогда сторонники Троцкого попытались заручиться поддержкой видных левых интеллигентов. Это не совсем устраивало Троцкого, который часто высмеивал «комитеты мира», «конгрессы мира», «антифашистские парады», на которые сталинисты собирали галактики литературных и академических «звезд». Троцкий презирал показуху таких сборищ, особенно, когда Коминтерн заменял ими массовые и объединенные действия рабочего движения. Он бранил своих американских сторонников за то, что они не сумели вовлечь рабочих в «комитеты в защиту Троцкого», но иного выбора у него не было **.

Отклик интеллигенции тоже разочаровал, ибо сталинисты, имевшие сильное влияние на нее во Франции, Испании, Англии и Соединенных Штатах, оказывали на интеллигенцию всяческое моральное давление, чтобы не допустить поддержки с ее стороны любого протеста против чисток. Из Москвы, где истреблялся цвет русской литературы и искусства, слышались голоса Горького, Шолохова и Эренбурга, присоединившихся к хору, потрясавшему воздух воплем: «Перестрелять взбесившихся собак!» На Западе прославленные литераторы, такие, как Теодор Драйзер, Лион Фейхтвангер, Барбюс и Арагон, эхом откликнулись на этот вопль, а такой человек, как Ромен Роллан, поклонник Ганди, противник насилия, «гуманитарная совесть» своего поколения, использовал свой мягкий евангельский голос, чтобы оправдывать кровавое избиение в России и восхвалять главного палача. Ромен Роллан делал зто с таким рвением, что Троцкий подумывал возбудить против него судебный процесс по обвинению в диффамации. Если Горький и Роллан задавали тон, то легионы меньших гуманитариев и моралистов следовали за ними безо всяких угрызений совести. Их манифесты и призывы к поддержке Сталина звучали

* Б. О. 1937. № 56—57; переписка Левы с Ф. Адлером в 1936 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Internal Bulletin of the S. W. P. (американской троцкистской партии). March — April 1940. Вопрос этот был поднят в споре Троцкого с Шахтманом и Бернхемом.

очень странно. В Соединенных Штатах, например, они объявили бойкот следственной комиссии, созданной под покровительством Джона Дьюи [4]. Они предостерегали «всех людей доброй воли» против оказания поддержки комиссии, указывая, что критики московских процессов вмешиваются во внутренние советские дела, помогают фашизму и «наносят удар силам прогресса». Манифест был подписан Теодором Драйзером, Гранвилем Хиксом, Корлисом Ламонтом, Максом Лернером, Раймондом Робинсом, Анной Луизой Стронг, Полем Суизи, Натаниэлем Вестом, многими профессорами и деятелями искусства, немало из которых оказалось на авансцене антикоммунистического похода 40-х и 50-х годов *. Луи Фишер и Уолтер Дюранти, популярные эксперты по советским делам, клялись в честности Сталина, правдивости Вышинского и человечности методов ГПУ, получивших признания Зиновьева, Каменева, Пятакова и Радека. Даже Бертрам Д. Вольф, член оппозиции Лавстона, давным-давно исключенный из коммунистической партии, все еще верил Сталину, что тот спас революцию от троцкистско-зиновьевского заговора **. В еврейско-американской печати публицисты, до сих пор говорившие о своем «восхищении Троцким», выступили против него, когда он заявил об антисемитском подтексте процессов в Москве. Издатель одной из таких газет писал: «Впервые мы, представители еврейской печати, услышали такое обвинение. Мы привыкли смотреть на Советский Союз как на наше единственное утешение в том, что касается антисемитизма... Непростительно, что Троцкий бросает такие необоснованные обвинения против Сталина» ***.

* Soviet Russia To-Day. March 1937.

** «Сегодня, каковы бы ни были субъективные намерения [Троцкого], я не буду пытаться выносить суждения по ним; его объективная роль заключается в том, чтобы мобилизовать рабочих против Советского Союза. Он приказал своим сторонникам во Франции вступить в Социалистический Интернационал. Он отошел еще дальше от основ коммунизма... он даже за гражданскую войну в Советском Союзе и таким образом стал открытым врагом класса и страны, которым так верно служил». Так Бертрам Д. Вольф писал о Троцком в 1936 г. («Things we want to know»//Workers. Age Publications): «Только когда великие чистки подходили к концу, незадолго до появления Бухарина на скамье подсудимых, Вольф, «коммунист-фундаменталист», выразил в «The New Republic» 24 ноября 1937 г. свое сожаление по поводу того, что морально поддержал чистки. Это побудило Троцкого заметить, что Вольфу придется научиться и разучиться множеству вещей, чтобы избежать повторения прискорбных ошибок в будущем. Позднее Вольф обрушил нападки на других писателей (которые всегда осуждали сталинские чистки) как «апологетов Сталина».

*** *Б. З. Гольдберг* // New York Tag. 26—27 January 1937. В это время Троцкий заново сформулировал свои взгляды по еврейскому вопросу. В интервью другой американско-еврейской газете «Forwärts» он признал, что недавние вспышка антисемитизма в третьем рейхе и даже в Советском Союзе заставила его отказаться от прежних надежд на «ассимиляцию» евреев народами, где они живут. Он пришел к мнению, что даже при социализме еврейский вопрос потребует «терри-

Мотивами всего этого были не только лицемерие, фанатизм и боязнь простаков помочь Гитлеру, критикуя Сталина. Некоторые из представителей интеллигенции не видели никакого смысла в опровержениях Троцкого. Известный американский историк Чарлз А. Бирд утверждал, что «Троцкому не нужно делать невозможного, то есть доказывать отрицательное положительными данными. А вот его обвинители должны предъявить нечто большее, чем признания, предъявить подтверждающие доказательства» *. Бернард Шоу тоже отвергал идею контрпроцесса и писал: «Я надеюсь, что Троцкий не позволит себе предстать перед любым более узким трибуналом, чем его читающая аудитория, где его обвинители находятся в его власти... Его перо — страшное оружие». Через месяц он писал с меньшей симпатией: «Сила дела Троцкого в невероятности обвинений, выдвинутых против него... Но Троцкий портит все дело, точно так же нападая на Сталина. Теперь, когда я провел почти три часа со Сталиным и наблюдал за ним с острым любопытством, мне трудно поверить, что он является вульгарным гангстером, как и в то, что Троцкий является убийцей» **. Шоу, конечно, уклонился от основного вопроса, ибо Троцкий не нападал «точно так» на Сталина. И все-таки в отличие от Роллана Шоу не довел своей дружбы со Сталиным до оправдания чисток. Он усматривал во всем этом конфликт не между правотой и неправотой, а между правотой и правотой, историческую драму типа изображенной им в «Святой Жанне» (написанной примерно во время предания Троцкого первой анафеме), столкновение между революционной борьбой за будущее и существующей властью, защищающей законные интересы настоящего. Андре Мальро тоже высказался подобным же образом: «Троцкий является великой моральной силой в мире, однако Сталин придал достоинство человечеству, и так же, как инквизиция не проистекала из основного достоинства христианства, так и московские процессы не проистекают из основного достоинства [коммунизма]» ***.

ториального разрешеиия», т. е. что евреи должны поселиться в собствеияой страие. Он, однако, ие верит, что такой страной окажется Палестииа, что сионизм сможет разрешить эту проблему нли что ояа может быть разрешена при капитализме. Чем дольше будет существовать умирающее буржуазяое общество, доказывал Троцкий, тем более злобным и варварским будет рост антисемитизма во всем мире. 28 января 1937 г. *Архив Троцкого*.

* The Case of Leon Trotsky. P. 464.

** Письма Дж. Б. Шоу секретарю английского комитета в защиту Льва Троцкого от 20 июля и 21 июля 1937 г. Цитируется по архивам комитета и по *Архиву Троцкого. Закрытая секция.*

*** Цитируется по обзору речи Мальро на банкете, устроенном в его честь редакцией журнала «The Nation» (обзор был прислан Троцкому одним из его сторонников и хранится в *Архиве*, в *Закрытой секции*). Мальро приехал в Соединенные Штаты при помощи сталинистов и пытался добиться поддержки интернациональных бригад, сражавшихся в Испании. Несколько раньше Троцкий подверг его нападкам за его отношение к чисткам.

Аналогичной была и реакция Бертольта Брехта. Он несколько симпатизировал троцкизму и был потрясен чистками. Однако он не мог заставить себя порвать со сталинизмом. Он капитулировал перед ним с сомнением, так же, как делали это капитулянты в России, и в художественной форме выразил свои и их затруднения в «Жизни Галилея». Через призму большевистского опыта он смотрел на Галилея, вставшего на колени перед инквизицией и поступившего так по исторической необходимости, из-за духовной и политической незрелости народа. Галилей его драмы — Зиновьев, или Бухарин, или Раковский, лишь надевший историческое платье. Его тяготит «бесполезное» мученичество Джордано Бруно. Этот ужасный пример заставляет капитулировать его перед инквизицией, как судьба Троцкого заставила множество коммунистов капитулировать перед Сталиным. Знаменитый диалог у Брехта: «Несчастна страна, в которой нет героев».— «Нет! Несчастна та страна, которая нуждается в героях» — характеризует скорее проблему Троцкого и сталинистской России, чем мучительные раздумья Галилея в Италии времен Ренессанса *.

Апологетам Сталина и тем, кто умывал руки, Троцкий отвечал с таким гневом, который, хотя был и оправдан, выставлял его фольклорным злоумышленником, что давало не очень охотным «защитникам истины» повод для молчания. То, что Сидней и Беатриса Веббы отказались присоединиться к протестам, не было удивительным. К этому времени они стали восхищаться Сталиным. Но даже люди, подобные Андре Жиду и Г. Дж. Уэллсу, первым движением которых была поддержка контрпроцесса, в конце концов решили держаться в стороне. Поэтому рамки кампании остались довольно узкими, и различные комитеты в защиту Троцкого состояли главным образом из заклятых антисталинистов и некоторых антикоммунистов, занимавших эту позицию в течение длительного времени, что в еще большей степени ограничивало влияние их действий.

В марте 1937 года американские, английские, французские и чехословацкие комитеты создали объединенную следственную комиссию, которой надлежало провести контрпроцесс. В нее входили: Альфред Росмер, Отто Рюле, известный как единственный член рейхстага, который вместе с Карлом Либкнехтом голосовал против войны в 1914—1915 году, еще один бывший член рейхстага, коммунист Ванделин Томас, хорошо известный анархо-синдикалист Карло Треска, радикальная и в высшей степени антимарксистски настроенная американская публицистка Сюзанна Лафоллет, журналисты Бенджамин Столберг и Джон Р. Чемберлен, профес-

* Брехт написал первый вариант «Жизни Галилея» в 1937—1938 гг., в самый разгар великих чисток.

сор Висконсинского университета Эдвард А. Росс, преподаватель университета Карлтон Билс, левый латиноамериканский писатель Франсиско Заморра. За исключением Росмера, ни один из членов комиссии никогда не был связан с Троцким. В своем большинстве они были политическими противниками Троцкого. Своим авторитетом комиссия была обязана главным образом ее председателю — Джону Дьюи, знаменитому философу и деятелю просвещения Америки, известному как друг Советского Союза. Юристом при комиссии был прославленный в великих американских политических процессах, особенно в процессах Тома Муни, Сакко и Ванцетти,— Джон Ф. Файнерти.

Троцкий сначала не был уверен, что комиссия справится со своей задачей. Имена большинства ее членов почти ничего не говорили ему, и он питал сомнение даже в отношении ее председателя. Он задавался вопросом, не слишком ли стар Дьюи, которому было около восьмидесяти лет, не слишком ли он далек от вопросов, поставленных перед комиссией, и не будет ли он спать на заседаниях. Справится ли он с громадным количеством документов? И не будет ли он как «друг Советского Союза» склонен обелить Сталина? Джеймс Бернхем, активный организатор комиссии, развеял зти сомнения. «Дьюи стар,— писал он Троцкому,— но его ум по-прежнему остр, а личная честность не подлежит сомнению. Именно он, напоминаю, написал самый проницательный анализ дела Сакко и Ванцетти. Он будет рассматривать доказательства, возможно, не как политик... а как ученый и логик. Он не заснет во время заседаний... Было бы громадной ошибкой недооценивать его... Дьюи, конечно, не марксист, и при всей своей политической честности и уме в политическом отношении он все же занимает неопределенную позицию. В зтом смысле мы не можем, конечно, быть «вполне уверенными» в нем...» *

Согласие Дьюи работать в комиссии было почти героическим поступком. В философии он был противником Троцкого. Вскоре они публично столкнулись по вопросам диалектического материализма. Несмотря на весь свой радикализм, Дьюи выступал за «американский образ жизни» и парламентскую демократию. Как прагматик, он был склонен стоять на стороне Сталина — «недоктринера» и «практика» — против «догматического марксиста» Троцкого. Взяв на себя в преклонном возрасте бремя председательства в расследовании, он вынужден был порвать со многими друзьями. Сталинисты делали все, чтобы отговорить его. Когда им зто не удалось, они не останавливались ни перед какой клеветой. Самая безобидная клевета заключалась в том, что он «стал сторонником Троцкого» из-за старческого слабоумия. Журнал

* Бернхем — Троцкому. 1 апреля 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

«Нью Рипаблик», основанный Дьюи и членом редколлегии которого он состоял почти 25 лет, поднялся против него. Ему пришлось уйти из редколлегии. Родственники умоляли его не подрывать ореола своего имени сомнительным и непрочным предприятием. Интриги и препятствия только укрепили его решимость. Тот факт, что на него оказывалось такое давление со всех сторон, чтобы помешать ему, а все это делалось и открыто, и тайком, в глазах Дьюи подкрепляло необходимость действовать. Он отложил работу над трактатом «Логика: теория исследования», которую считал своей главной работой, чтобы погрузиться в практическое исследование этого конкретного случая. Неделями и месяцами он просиживал над источавшими кровь страницами официальных отчетов о процессах в Москве, над объемистыми трудами и перепиской Троцкого, над горами других документов. Он делал заметки, сравнивал факты, даты и утверждения, пока полностью не ознакомился со всеми аспектами дела. Вновь и вновь ему приходилось сопротивляться запугиваниям и угрозам. Ничто не могло потрясти его хладнокровие или ослабить его энергию. Комиссия должна была подвергнуть перекрестному допросу Троцкого как главного свидетеля, и, поскольку не было никаких шансов на то, что правительство США позволит ему приехать в Нью-Йорк, Дьюи решил вести расследование в Мексике. Его предупредили, что Конфедерация трудящихся Мексики не позволит проводить контрпроцесс, что его вместе с компаньонами встретят враждебной демонстрацией на границе и они подвергнутся насилию. Несмотря на все это, старый философ продолжал свое дело. Он подходил к вопросу беспристрастно. Хотя он был убежден, что вина Троцкого не доказана в Москве, он еще не был уверен в невиновности Троцкого. Преисполнившись решимости не только быть совершенно беспристрастным, но сделать эту беспристрастность очевидной всем, он никогда не встречался с Троцким вне заседаний комиссии, хотя «очень хотел поговорить с ним неофициально как человек с человеком» *.

Комиссия открыла свои слушания 10 апреля. Она намеревалась вести их в большом зале в центре Мехико, однако отказалась от этой мысли, чтобы избежать помех и сэкономить деньги. Заседания проводились в Голубом доме, в кабинете Троцкого. «Атмосфера была напряженной. Снаружи стояла полиция... Посетителей обыскивали, чтобы они не пронесли оружия, и их опознавал вооруженный секретарь Троцкого». Высокие двустворчатые окна комнаты, выходившие на улицу, «были закрыты, а за каждым из них сооружены двухметровые баррикады из кирпича, скрепленного

* Это основывается на том, что сам Дьюи и его секретарь доктор Ратнер рассказали мне в 1950 г.

цементом, и мешков с песком... Эти баррикады из кирпича были закончены накануне вечером». Присутствовало примерно 50 человек, включая репортеров и фотографов. Слушания проводились в соответствии с судебной процедурой, принятой в США. Дьюи пригласил представителей советского посольства, Коммунистических партий Мексики и США на заседание комиссии и принять участие в перекрестном допросе, однако приглашения были игнорированы *.

В кратком вступительном заявлении Дьюи заявил, что комиссия не является ни судом, ни жюри, а просто органом расследования. «Наша задача заключается в том, чтобы выслушать все, что мистер Троцкий может сказать нам, подвергнуть его перекрестному допросу и представить результаты нашего расследования полной комиссии, частью которой мы являемся». Название «Американский комитет в защиту Льва Троцкого» не означает, что комитет выступает за Троцкого. Он действует «в американской традиции»: «Ни один человек не может быть осужден, не имея возможности защитить себя». Цель комиссии заключается в том, чтобы обеспечить справедливый процесс, когда возникло подозрение, что обвиняемый не мог подвергнуться такому процессу. Дело Троцкого можно сравнить с делом Муни и с делом Сакко и Ванцетти. Однако последние могли сделать свои заявления, по крайней мере перед законным судом, в то время как Троцкий со своим сыном были дважды заочно объявлены виновными высшим советским трибуналом, а его неоднократные требования, чтобы советское правительство потребовало его выдачи, что дало бы ему возможность предстать перед судом в Норвегии или в Мексике, игнорировались. «Тот факт, что он был осужден без возможности быть выслушанным, очень беспокоит комиссию и совесть всего мира». Объясняя свои мотивы участия в работе комиссии, Дьюи сказал, что, отдав жизнь социальному просвещению, он рассматривает свою нынешнюю работу как великую социальную и просветительную задачу — «действовать иным образом означало бы предать дело всей моей жизни».

Слушания продолжались целую неделю и заняли 15 долгих заседаний. Дьюи, Файнерти, адвокат Троцкого А. Голдман и другие подвергли его перекрестному допросу по поводу всех деталей обвинений и свидетельств. По временам перекрестный допрос почти превращался в политический спор, когда некоторые из допрашиваемых настаивали на моральной ответственности Троцкого за сталинизм, а Троцкий отвергал эти утверждения. Не было ни одного вопроса, на который он отказался бы ответить или

---

* The Case of Leon Trotsky. Appendix III; James Farrel in: *Dewey J.* Philosopher of Science and Freedom. A. Symposium. Ed. by Hooks. New York, 1950. P. 361.

которого бы избегал. Несмотря на вспыхивавшие споры, заседания происходили спокойно и гладко. Их нарушил лишь так называемый инцидент Билса.

Член комиссии Карлтон Билс неоднократно задавал Троцкому вопросы, которые в той или иной мере не относились к делу, но отличались определенным предрассудком в пользу Сталина и были крайне оскорбительны по форме. Троцкий отвечал сдержанно и по существу дела. В конце длинного заседания 16 апреля Билс начал политический спор, утверждая, что, в то время как Сталин, проповедник строительства социализма в одной стране, представляет зрелую государственную мудрость большевизма, Троцкий выступает как подрывной элемент, стремящийся раздуть мировую революцию. Троцкий ответил, что на процессах в Москве его изображали не вдохновителем революции, а вдохновителем контрреволюции, союзником Гитлера. Билс затем спросил его, знает ли он бывшего эмиссара Сталина в Китае Бородина, являвшегося советником Чан Кайши. Троцкий ответил, что не встречался с ним лично, хотя, конечно, знает о нем. Но, спросил Билс, разве не Троцкий послал Бородина в Мексику в 1919 или 1920 году, чтобы организовать там коммунистическую партию? Постановка вопроса предполагала, что Троцкий лжет комиссии и, больше того, пытается разжечь революцию даже в стране, ныне предоставившей ему убежище. Спор обострился. Памятуя о своем норвежском опыте, Троцкий заподозрил, что вопрос был нацелен на то, чтобы подстрекнуть мексиканцев против него, лишить его убежища и сорвать контрпроцесс. Он указал, что всегда связывал свои надежды с мировой революцией, но стремился способствовать ей политически законными средствами, а не организуя перевороты в иностранном государстве. Утверждение о том, что он послал Бородина в Мексику в 1919—1920 годах, это — фантазия. В то время, в разгар гражданской войны он почти не выходил из своего бронепоезда. Его глаза были прикованы к картам фронтов, он почти забыл «всю географию мира».

Билс подчеркнуто повторил свое утверждение, добавив, что Бородин сам объявил, что Троцкий послал его в Мексику и что уже в 1919 году советскую компартию разрывали противоречия между государственными деятелями и разжигателями революции. «Могу ли я осведомиться об источнике этого сенсационного заявления? — спросил Троцкий.— Оно опубликовано?» — «Оно не опубликовано»,— сказал Билс. «Я могу только дать совет члену комиссии сказать своему информатору, что он лжец»,— возразил Троцкий. «Благодарю Вас, мистер Троцкий. Мистер Бородин является лжецом».— «Очень возможно»,— лаконично ответил Троцкий. До окончания слушаний он выразил протест против «тенденциозного сталинистского тона» Билса. Инцидент представ-

лялся ему все более и более зловещим. Дело Бородина не имело ничего общего с процессами в Москве и, казалось, было привлечено лишь с тем, чтобы поставить в затруднительное положение его и мексиканское правительство. Поэтому при открытии следующего заседания он повторно отрицал утверждения Билса и просил комиссию пролить свет на источник этих утверждений. Если Билс получил свою информацию прямо от Бородина, пусть он скажет, где и когда это случилось. Если он получил ее косвенно, каким образом, через кого и когда? Рассмотрение этих вопросов откроет замысел, направленный на срыв контрпроцесса. «Если сам мистер Билс умышленно и прямо не связан с этой новой интригой, а я надеюсь, это так, он должен поторопиться представить все необходимые объяснения, чтобы позволить комиссии раскрыть истинные источники интриги». Поскольку Билс отказался открыть источник своей информации, комиссия осудила его на закрытом заседании, и он подал в отставку из комиссии. Инцидент не имел никаких последствий *.

Результаты перекрестного допроса были подытожены самим Троцким в последнем заявлении от 17 апреля **. Усталый и измотанный, он попросил разрешения зачитать свое заявление сидя. Он начал с указания на то, что либо он и почти все члены ленинского Политбюро — предатели Советского Союза и коммунизма, как утверждали обвинители в Москве, либо Сталин и его Политбюро — лжецы. Третьего не дано. Говорилось, что изучать этот вопрос означало бы вмешиваться во внутренние дела Советского Союза, отечества рабочих всего мира. То было бы «странное отечество», дела которого рабочим не разрешается обсуждать. Он сам и его семья лишены советского гражданства. У них нет иного выбора, как отдаться «под защиту международного общественного мнения». Тем, кто, подобно Чарлзу Бирду, утверждал, что бремя доказательства лежит на Сталине, а не на нем и что в любом случае невозможно «опровергнуть негативное позитивными свидетельствами», Троцкий ответил, что юридическая концепция алиби предполагает возможность такого опровержения и он может установить свое алиби, продемонстрировав «позитивный факт»,— Сталин организовал «величайшую фальшивку в истории».

Юридическое рассмотрение дела, однако, касается *«формы* фальшивки, а не ее *существа»,* которое неотделимо от политического фона чисток, «тоталитарного угнетения... которому подвергаются подсудимые, свидетели, судьи, защита и даже прокуратура». При таком давлении процесс перестает быть юридической процеду-

* The Case of Leon Trotsky. P. 411—417.
** Ibid. P. 459—585.

рой и становится «пьесой, роли в которой распределены заранее. Подсудимые появляются на сцене только после серии репетиций, которые дают режиссеру заранее полную уверенность в том, что они не выйдут за пределы своих ролей». Нет места для какого-либо состязания между обвинением и защитой. Главные актеры исполняют свои роли под дулом пистолета. «Пьеса может быть сыграна хорошо или плохо, но это вопрос инквизиторской техники, а не справедливости».

Оценивая обвинение, следует принять во внимание политическое прошлое подсудимых. Преступление обычно является следствием характера преступника или по крайней мере соответствует ему. Перекрестный допрос поэтому по необходимости затрагивает его, Троцкого, работу и работу других подсудимых в большевистской партии, их роль в революции, и в свете всего этого приписываемые им преступления несовместимы с их характерами. Именно поэтому Сталин должен был фальсифицировать прошлое. Здесь нужно поставить классический вопрос — кому выгодно? Принесло ли и могло ли принести убийство Кирова какие-нибудь преимущества оппозиции? Или оно было выгодно Сталину, дав ему предлог для уничтожения оппозиции? Могла ли оппозиция надеяться извлечь какую-либо пользу из вредительства на шахтах, заводах и железных дорогах? Или это было выгодно правительству, настояния которого на чрезмерно быстрой индустриализации и бюрократическая халатность вызвали множество катастроф в промышленности, и оно теперь стремится снять с себя ответственность, обвинив в этих катастрофах оппозицию? Могла ли оппозиция выиграть что-нибудь от союза с Гитлером или Микадо? Или Сталин наживал политический капитал на признаниях подсудимых в том, что они являлись союзниками Гитлера?

Для оппозиции было бы самоубийственной глупостью совершить любое из этих преступлений. Нереальность обвинения объясняет неспособность обвинения предъявить убедительные доказательства. Заговор, о котором говорил Вышинский, якобы существовал много лет и имел самые широкие разветвления в Советском Союзе и за границей. Большинство его предполагаемых руководителей и участников все эти годы находились в руках ГПУ. Тем не менее ГПУ не могло привести никакого реалистического материала и даже никаких свидетельств этого гигантского заговора — только признания, признания и бесконечные признания. «Заговор не имел ни плоти, ни крови». Подсудимые не ссылались ни на какие конкретные события или действия в ходе этого заговора, а только на свои разговоры о нем — рассмотрение в суде было разговором о разговорах. Отсутствие всякой психологической убедительности и фактического содержания показывает, что спектакль был сыгран на основании специально подготовлен-

иого «либретто». Однако «фальшивка таких колоссальных размеров слишком велика даже для самой могучей полиции... Слишком миого людей и обстоятельств, характеров и фактических даииых, иитересов и документов... ие соответствуют готовому либретто!» «Если подойти к вопросу с позиции художника, то задача... добиться драматического совпадения сотеи людей и бесчисленных обстоятельств ие по плечу даже Шекспиру. Но в ГПУ не служат Шекспиры». Пока оио стряпало события, якобы имевшие место в СССР, оио еще могло поддерживать видимость убедительности. Инквизиторское насилие могло заставить подсудимых и свидетелей быть последовательиыми в некоторых из своих фантастических рассказов. Обстановка изменилась, когда нити заговора протянули на иностранные государства, а ГПУ должно было сделать это, чтобы обвииить его, «врага народа номер один». За рубежом, однако, факты, даты и обстоятельства могут быть проверены, и в каждом случае рассказ о заговоре рассыпается. Ни одна из «нитей», которая, как предполагалось, вела к Троцкому, не привела к нему. Было устаиовлено, что иемногие подсудимые — Давид, Берман-Юрин, Ромм и Пятаков, которым он якобы отдавал приказы о проведеиии террористических актов (в присутствии сыиа или при других обстоятельствах), не были и не могли увидеться с ним (и с его сыном) в местах и во время, указанное в Москве, ибо либо он, либо его сын, либо оии вместе не были и не могли быть там. Но коль скоро доказаио, что этих контактов не было, все обвииение рушится, ибо его мнимые связи с Радеком (через Ромма) и Пятаковым имели решающее зиачеиие для «заговора». Все остальиые обвинения и свидетельские показания основывались или исходили из признаний Пятакова и Радека в том, что они действовали в качестве главиых агентов Троцкого, двух опорных столпов заговора. «Все свидетельства других обвиняемых основываются на наших свидетельствах» — так заявил Радек в суде, но их собственные свидетельства, сосредоточенные вокруг встреч с Троцким в Париже и Осло, основывались на пустом месте. «Едва ли необходимо разбирать здание кирпич за кирпичом, коли скоро две осиовные колонны, на которые оио опиралось, рухнули»,— указал Троцкий. Однако сам он продолжил разборку здания «кирпич за кирпичом».

Он просил комиссию учесть, что его собственные версии преисполнены психологической и исторической правды, явно отсутствующей в московских версиях, что документация, представлениая им комиссии, отражает с необычайной полнотой его жизнь и работу в течение многих лет, что если бы он совершил любое из этих преступлений, коиечно, его бумаги выдали бы его в том или ином вопросе. Люди, легко проглатывавшие верблюдов, но давящиеся комарами, утверждают, что он мог обработать все

свои архивы и досье переписки, с тем чтобы скрыть истинные намерения. Однако в целях камуфляжа можно составить 5, 10, даже сотни документов, но не тысячи писем, написанные сотнями лиц, не сотни статей и не дюжины книг. Нет, он «не построил небоскреб, чтобы скрыть дохлую крысу». Если бы кто-нибудь заявил, например, что Диего Ривера — тайный агент католической церкви, то разве любое жюри, расследующее обвинение, не взглянуло бы на фрески Риверы? И разве кто-нибудь осмелится сказать, что страстный антиклерикализм, очевидный в этих фресках, является простым камуфляжем? Никто не будет «расточать кровь сердца и подрывать нервы», работая в искусстве, в истории и революционной политике только для обмана мира. Сколь скудна по сравнению с этим документация Вышинского: она состоит из писем Троцкого: двух — Крачковскому, трех — Радеку, одного — Пятакову и одного — Муралову — и все подложные!

Но почему подсудимые признались? Едва ли можно ожидать от него точного отчета об инквизиторской технике ГПУ. «Мы не можем здесь допрашивать Ягоду (сейчас его самого допрашивает Ежов), или Ежова, или Вышинского, или Сталина, или... их жертв, большинство которых уже расстреляно». Зато комиссия имеет перед собой показания русских и европейских коммунистов, которые были объектами применения техники ГПУ. Слишком часто забывают, что признавшиеся не были активными руководителями оппозиции, они были капитулянтами, которые годами пресмыкались перед Сталиным. Их последние признания — это кульминация длинной серии капитуляций, завершение поистине «геометрической прогрессии ложных обвинений». В течение 13 лет Сталин с их помощью воздвигал «вавилонскую башню» клеветы. Диктатор, без малейших угрызений совести прибегавший к террору и «скупавший души, как мешки картошки», мог достигнуть такого успеха. Однако Сталин страшится собственной вавилонской башни, ибо знает, что она рухнет, как только в ней будет пробита первая брешь, а она будет пробита!

Троцкий закончил апофеозом Октябрьской революции и коммунизма. Даже при Сталине, сказал он, несмотря на все ужасы чисток, советское общество представляет собой величайший прогресс в социальной организации, когда-либо достигнутый человечеством. Вина за трагическое вырождение большевизма лежит не на революции, а на том, что она не смогла распространиться за границы России. Ныне перед советскими рабочими встал выбор между Гитлером и Сталиным. Они предпочли Сталина, и в этом правы: «Сталин лучше, чем Гитлер». Пока они не видят другой альтернативы, рабочие остаются апатичными даже перед лицом чудовищного сталинского правления, они стряхнут с себя апатию в тот момент, когда появятся перспективы за

рубежом новых побед в пользу социализма. «Поэтому я не отчаиваюсь... у меня есть терпение, три революции сделали меня терпеливым».

«Моя жизнь, в которой не было недостатка ни в успехах, ни в неудачах, не только не уничтожила моей веры в ясное, светлое будущее человечества, но, напротив, укрепила ее. Эта вера в разум, в истину, в человеческую солидарность, которую я принял в возрасте 18 лет в рабочих кварталах провинциального русского города Николаева,— эту веру я сохранил целиком и полностью. Она стала более зрелой, но не менее страстной».

Этими словами и выразив благодарность комиссии и ее председателю, Троцкий закончил речь в защиту самого себя.

Глубоко потрясенные члены комиссии долго сидели в молчании. Дьюи намеревался формально подытожить и закрыть заседание. Вместо этого он закончил его одним предложением: «Что бы я ни сказал, будет ничтожным» *.

Результаты перекрестного допроса тем более замечательны, что Троцкий наложил на себя ограничения. Он часто воздерживался от высказываний, чтобы не затруднять правительство Мексики. Он стремился объяснить многие сложности отношений между ним и Сталиным не на привычном марксистском жаргоне, который мог быть непонятен аудитории, а на языке прагматически настроенного либерала — трудность такого перевода жаргона могут оценить лишь те, кто когда-либо пытался сделать это. Стремясь к личному контакту со своими слушателями, он вел свою защиту не на родном языке и даже не на немецком или французском, а на английском. Словарь Троцкого был ограничен, знание грамматики и идиоматических выражений неточно. Лишив себя блеска своего могучего красноречия и преимуществ, которые даже неважный оратор находит в использовании родного языка, он отвечал экспромтом на самые разные, сложные и неожиданные вопросы. День за днем, от заседания к заседанию он стремился подыскивать необходимые выражения и преодолевать «сопротивление» языка, часто делал паузы и невольно произносил довольно комические фразы, а иногда говорил почти противоположное тому, что намеревался сказать, или не понимал заданного вопроса. Казалось, будто Демосфен [5], не излеченный от косноязычия, набив полный рот камней, пришел в суд бороться за свою жизнь. Он рассказывал о событиях своей длинной карьеры, развивал свои убеждения, описывал многочисленные изменения советского режима, анализировал спорные вопросы, разделявшие его со Сталиным и Бухариным, а также с Зиновьевым и Каменевым, рисовал портреты

* Дьюи добавил только несколько формальных объявлений о дальнейшей работе комиссии.

действующих лиц и скрупулезно разбирал каждую фазу этой ужасающей борьбы.

В конце концов ни один вопрос не был оставлен без ответа, ни один важный спорный пункт не затемнен, ни один серьезный исторический факт не остался не освещенным. 13 лет спустя Дьюи, проведший большую часть своей жизни в академических спорах и по-прежнему остававшийся противником мировоззрения Троцкого, с горячим восхищением вспоминал об «интеллектуальной мощи Троцкого, сумевшего организовать массу свидетельских показаний и аргументов, раскрыть перед нами значение каждого факта, относившегося к делу». Безупречность логики Троцкого компенсировала его неуклюжие фразы, а свет его идей сиял сквозь все его лингвистические ошибки. Он даже часто шутил, рассеивая мрачность происходящего, но прежде всего честность его дела позволила Троцкому преодолеть все внешние ограничения и стеснения. Он возвышался как сама истина, ничем не приукрашенная, неприкрытая, невооруженная и незащищенная, но великолепная и непобедимая.

* * *

Комиссии Дьюи потребовалось несколько месяцев для вынесения окончательного вердикта. Между тем Троцкий должен был дополнять представленные ей свидетельства, и он заставлял работать весь дом. Перекрестный допрос и работа, связанная с ним, измотали Троцкого. Он не восстановил сил во время короткого пребывания в деревне. С конца весны и все лето Троцкий вновь страдал от сильной головной боли, тошноты, высокого кровяного давления и жаловался по поводу того, что старость «захватила его врасплох». Первые отклики на контрпроцесс были крайне тусклыми *. Напряжение в семье почти не ослабело. «Дорогой папа,— писал Лева в конце апреля,— ты продолжаешь подвергать меня остракизму... Прошло больше месяца с тех пор, как я получил от тебя последнее письмо». Троцкий, по-прежнему недовольный тем, как Лева вел дела «Бюллетеня оппозиции», снова предложил перевести издание в Нью-Йорк. В ответ Лева спокойно указал, что «Бюллетень» должен издаваться в Европе, где находится большинство его читателей, и вновь горько жаловался матери на грубое обращение отца. В длинном и как бы оправдательном письме Троцкий пытался уладить дела **. Троцкий объяснил Леве, что, потеряв так много

* Английский и французский комитеты в защиту Льва Троцкого сообщили в Койоакан, что газеты из соответственных стран почти полностью игнорировали контрпроцесс.

** Лева — Троцкому 28 апреля; Троцкий — Леве 29 мая 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* Через 20 лет Наталья сказала мне, что Троцкий написал

времени в Норвегии до подготовки контрпроцесса, теперь раздражен новыми оттяжками и очень заинтересован в том, чтобы передать полное досье комиссии Дьюи. Он был убежден, что затяжка вызвана нежеланием Левы сотрудничать с товарищами. Он посоветовал ему отдохнуть и успокоить нервы: «Впереди у нас обоих — великие испытания».

Совет был своевременным. Лева тоже страдал от головных болей и лихорадки, но не обладал способностью отца к сопротивлению. «Что осталось от моих прежних сил?» — писал он матери, туманно намекая, что теперь нужна «небольшая операция». Он жил в бедности, но думал помогать родителям деньгами, зарабатывая на жизнь как рабочий или надеясь получить стипендию. Когда Наталья стала уговаривать его вместо этого писать для газет, он с ноткой разочарования ответил: «Писать... мне трудно, я должен читать, изучать и размышлять, а это требует времени... Однако с тех пор, как я попал в эмиграцию, я обременен почти постоянно техническими и другими обязанностями. Я вьючное животное, и больше того, не учусь и не могу надеяться делать какую-нибудь литературную работу. У меня нет легкого пера и таланта, которые могут частично компенсировать знания» *. К отчаянию примешивались теплота и преданность. Когда родители вернули ему чеки, полученные Левой от французских издателей, Лева взял себе очень мало, а оставшуюся сумму разделил среди нуждавшихся товарищей или внес в фонды организации. Он беспокоился, чтобы отец не расточал опрометчиво своих сил и не подрывал нервную систему. Почему, спрашивал он Наталью, они не купили в Мексике автомобиль, не устраивали охоты или рыбной ловли? Почему Л. Д. не играет в крокет, который он очень любит? «Дорогая-дорогая мамочка,— пишет он в ответ на ее довольно печальное письмо,— подумай, что случилось бы, если бы Сталин не совершил «ошибку», изгнав папу? Папа был бы давным-давно мертв... Или если бы мне разрешили вернуться в СССР в 1929 году, или Сергей вел активную политическую деятельность, или папа находился сейчас в Норвегии, или, еще хуже, в Турции? Кемаль выдал бы его... Дела могли бы обстоять хуже, много хуже» **. То было слабое утешение, но ничего лучшего не находилось.

Примерно в это время в интимной жизни семьи случился трагикомический инцидент. В обстановке этих мрачных событий и соб-

---

«очень длинное сердечное письмо Леве, которое рассеяло все недоразумения». Она обещала найти письмо, хотя опасалась, что оно утеряно. Наталья, вероятно, имела в виду письмо, суть которого приводится здесь. Письмо, однако, не совсем «рассеяло все недоразумения».

* Лева — матери 29—30 июня 1937 г.

** Письмо от 7 июля 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

ственных страданий Наталья приревновала. Что было причиной тому, неизвестно. Она чрезвычайно сдержанна на этот счет в письмах мужу, которые не оставляют никакого сомнения лишь в одном: впервые в жизни она почувствовала, что имеет основания ревновать. Возможно, менее уверенная в себе женщина ревновала бы раньше, ибо Троцкий в редкие моменты, когда замечал женщин, вел себя с ними с подчеркнутой галантностью, не свободный от мужского тщеславия и чувствительности к женскому вниманию. По крайней мере, присутствие женщины иногда подталкивало его к проявлению соблазняющей жизнеспособности и остроумия. В этом «флирте» было старомодное рыцарство и тонкость художника. Однако это почти всегда противоречило его чрезвычайной серьезности и чуть ли не аскетической жизни. Да и Наталья была уверена в любви мужа и не обращала внимания на подобные проявления. Но в Койоакане она стала очень сильно ревновать Троцкого к женщине, которую называла в своих письмах только буквой Ф. Судя по всему, этой женщиной могла быть Фрида Кальо. Жившие в доме вскоре заметили нотку отчужденности между обеими женщинами и слабое охлаждение между их мужьями. Мы не знаем, либо необычайно тонкая красота Фриды и ее художественная натура вызвали у Троцкого галантность выше меры, либо Наталья, которой теперь было 55 лет, стала жертвой ревности, приходящей в среднем возрасте. Достаточно сказать, что последовал «кризис», и как Троцкий, так и Наталья были несчастны и пребывали в дурном настроении *.

В середине июля Троцкий уехал из Койоакана и с охранником отправился в горы, чтобы попутешествовать, поработать в большом имении в полях, поездить на лошади и поохотиться. Ежедневно, иногда дважды в день он писал Наталье. Он обещал ей не упоминать в письмах о ее расстройстве, но «не мог не нарушить обещания»: «Умоляю, перестань соревноваться с женщиной, которая значит так мало» для него, в то время как Наталья — все. Он был полон «стыда и ненависти к себе», подписывал письма «твоя старая верная собака». «Как я люблю тебя, Ната, моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь, моя *жертва*...» «О, если бы я мог внести хоть небольшую радость в твою жизнь. Когда я пишу это, через каждые две или три строчки встаю, хожу по комнате и плачу слезами упрека и благодарности тебе, и я плачу по поводу старости, которая застала нас врасплох». Вновь и вновь нотка жалости к себе, которую не мог заметить в нем ни посторонний человек, ни домочадцы, прорывается в этих письмах. «Я все еще живу нашим вчера, нашими горестями и воспоминаниями и моими муками». И вот вдруг вся его жизнестойкость и даже жизнерадостность воз-

* См. переписку от июля 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

вращаются: «Все будет хорошо, Ната, все будет хорошо. Только ты должна оправиться и стать сильней». Как-то он написал ей, как бы поддразнивая ее, как он «очаровал группу мужчин, женщин и детей», «особенно женщин», посетивших его в горах. Его жизнеспособность повышается, и он чувствует сексуальное влечение к Наталье. Он пишет, что только что перечитал место в воспоминаниях Толстого, когда Толстой пишет, что семидесяти лет мог вернуться с поездки верхом, полный желания обладать своей женой. Он, Троцкий, 58-летний, возвращается в таком же настроении после утомительных эскапад на лошади. Жаждя ее, он срывается на жаргон секса, а затем испытывает «стыд, впервые в жизни написав такие слова на бумаге» и «ведя себя, как молодой юнкер». Чтобы как-то доказать, что ничто человеческое ему не чуждо, он возвращается к старым воспоминаниям об их супружеской жизни. Он припоминает связь, которую Наталья, как предполагалось, имела в 1918 году, и говорит, как он никогда не упрекал ее и никогда не упоминал об этом «деле», вот так же и она не должна быть слишком суровой к нему, который не дал ей никаких оснований для ревности. В ответ она объясняет «дело» 1918 года. Это случилось сразу же после того, как она была назначена начальником управления музеев в Наркомате просвещения. Она не знала, как организовать работу. Один из ее помощников, товарищ, который, несомненно, «был влюблен» в нее, помог ей. Она была благодарна и относилась к нему с симпатией, не испытывая, однако, никаких чувств и не разрешив ему сколько-нибудь интимных отношений. Этот довольно комический обмен упреками, которым муж и жена предались после 35 лет совместной жизни, не имея никаких других весомых оснований винить в «неверности» друг друга, неожиданным образом показывает силу их любви *.

В своих письмах Наталья предстает сдержанной, поставленной в довольно затруднительное положение вспышками Троцкого и желающей вернуть его в нормальное состояние. На его жалобы на старость она неизменно отвечала: «Стар только тогда, когда не имеешь впереди перспектив» и когда ни к чему не стремишься — а это, конечно, не имело никакого отношения к нему. «Собери себя, вернись к работе, сделай это, и твое исцеление начнется». Она уже давно научилась владеть своими чувствами, и, будучи сама больной и измотанной, была занята его болезнями, лихорадкой, неудачами, помогала каждому члену семьи и была спокойней, сильней, чем любой из них. Он знал ее выдержку и полагался на нее. В одном из

---

* «Объяснительное» письмо Натальи без даты. Судя по всем данным, оио написано около 15 июля. 19 июля Троцкий ответнл двумя письмами. В эти дии он также делал в дневнике записи, специально предназначенные (он несколько раз подчеркнул это) только для Натальи.

писем Троцкого к ней встречаются такие красноречивые слова: «Ты все еще несешь меня на своих плечах, Ната, как ты пронесла меня через всю жизнь» *.

* * *

Между тем в Советском Союзе не проходило дня, чтобы не появлялись новые гекатомбы. В конце мая ГПУ объявило, что раскрыло заговор, во главе которого стоял заместитель наркома обороны Тухачевский, человек, модернизовавший Красную Армию и ее главнокомандующий. Выдающиеся генералы Якир [6], Уборевич [7], Корк [8], Путна [9], Примаков [10] и другие, включая Гамарника [11], руководителя политического управления вооруженных сил, были обвинены в измене. За исключением Гамарника, покончившего с собой, все были казнены. Из четырех маршалов, подписавших смертный приговор, Ворошилова, Буденного, Блюхера [12] и Егорова [13], двое последних вскоре также были расстреляны. Все эти люди поднялись на командные посты, когда Троцкий был наркомом обороны. Но большинство из них никогда не принадлежало к оппозиции, и никто из них не поддерживал контакта с Троцким с момента его изгнания. Тем не менее всех обвинили в том, что они были соучастниками Троцкого и Гитлера, стремились к военному поражению Советского Союза и расчленению страны. Их казнь была прелюдией чистки, затронувшей 25 тысяч офицеров и обезглавившей Красную Армию накануне второй мировой войны. 25 лет спустя после официальной реабилитации Тухачевского и большинства других генералов так и не было объяснено, чем была вызвана эта чистка. Согласно различным антисталинским источникам Тухачевский, обеспокоенный террором, подрывавшим моральное состояние нации и ее оборону, планировал государственный переворот, чтобы свергнуть Сталина и подорвать власть ГПУ. Но делал это без всяких связей с Троцким, не говоря уже о Гитлере или любой иностранной державе. Троцкий не верил в заговор, однако оценил падение Тухачевского как признак конфликта между Сталиным и офицерским корпусом, который может поставить военный переворот «на повестку дня» **.

К этому времени ГПУ уже репетировало «процесс 21», готовя Рыкова, Бухарина, Томского, Раковского, Крестинского [14] и Ягоду для выполнения главных ролей. (Из всех их только Томский, совершив самоубийство, избежал унижения публичного процесса и признаний.) Еще до того как поднялся занавес в этом спектакле, террор ударил и по сталинской фракции. Рудзутак [15], Межлаук [16],

* Троцкий — Наталье 18 июля 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*
** Б. О. 1937. № 56—57.

Косиор [17], Чубарь [18], Постышев [19], Енукидзе [20], Окуджава [21], Элиава [22], Червяков [23] и другие члены Политбюро, секретари партии Москвы, Украины, Белоруссии и Грузии, лидеры профсоюзов, руководители Госплана и Высшего совета народного хозяйства — почти все недавние сталинисты — были заклеймены как предатели, иностранные шпионы и казнены. Орджоникидзе, преданный Сталину в течение более 30 лет, почувствовал угрызения совести и начал выступать против него и поэтому умер при загадочных обстоятельствах или, как считали некоторые, был вынужден совершить самоубийство. Если троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев позорили публично, то эти сталинисты ликвидировались тайно, без открытых процессов. Опустошение, произведенное среди них Сталиным, оставалось малоизвестным. Террор распространился за пределы большевистской партии, ударив по многим немецким, польским, венгерским, итальянским и балканским коммунистам, которые жили в Советском Союзе в качестве беженцев из тюрем и концентрационных лагерей собственных стран. Затем «наступление на троцкизм» было перенесено в другие страны. ГПУ укоренилось в Испании еще в начале гражданской войны и повело наступление на ПОУМ. Андрес Нин, руководитель ПОУМа, имел разногласия с Троцким, критиковавшим его за участие в республиканском правительстве в Каталонии и за «робкую и полуменьшевистскую» позицию в революции. Но даже в этих условиях политика Нина была слишком радикальной и независимой для сталинистов периода Народного фронта, и поэтому он со своей партией были заклеймены как «пятая колонна» Франко; в конце концов он был похищен и убит. Всякий, кто осмеливался протестовать, подвергался мести ГПУ. «Охота за ведьмами», убийства и цинизм, с которыми Сталин использовал испанскую революцию, деморализовали республиканский лагерь и подготовили его поражение. Как бы в издевательство Сталин послал никого другого, как Антонова-Овсеенко, бывшего троцкиста, героя 1917 года, руководить чисткой в Каталонии, цитадели ПОУМа. А затем, когда Антонов справился со своим делом, Сталин и его заклеймил как вредителя и шпиона и приказал казнить его.

В Москве теперь никто не чувствовал себя в безопасности, даже сами инквизиторы и палачи. После ареста Ягоды чистке подверглись ГПУ и вся секретная служба. Их агенты в Европе отзывались в СССР, и им бросали там привычные обвинения. Как правило, эти агенты знали или догадывались, что ожидало их, но как загипнотизированные возвращались — многие предпочитали самоликвидацию просьбе об убежище в любой капиталистической стране. Поэтому когда Игнаций Райсс, руководитель советской шпионской сети в Европе, ушел со своей работы в знак протеста против чисток, это было удивительным событием. Он принял решение, даже не получив вызова в Москву. Потрясенный чистками, он обратился к

члену голландского парламента троцкисту Снивлиету (а через него к Леве), чтобы предупредить Троцкого, что Сталин решил «ликвидировать троцкизм» за пределами Советского Союза теми же средствами, какими ликвидировал его внутри страны. Райсс рассказал о дьявольском садизме, шантаже, долгих и ужасных допросах, в ходе которых ГПУ добивалось признания для московских процессов, моральных терзаниях и смятении, с которыми старое поколение большевиков встречало свою судьбу. Однако он также рассказал о молодых коммунистах, отказывавшихся капитулировать и еще наполнявших дворы тюрем и места, где совершалась казнь, криками «Да здравствует Лев Давыдович!» *

18 июля Райсс отправил из Парижа послание Центральному Комитету в Москву, заявляя о своем разрыве со сталинизмом и «присоединении к IV Интернационалу». «Близок день,— писал он,— суда международного социализма над всеми преступлениями последних десяти лет. Ничто не будет забыто и ничто не будет прощено... «Гениальный вождь, отец народов, солнце социализма» должен будет дать ответ за все свои дела». «В 1928 году я был награжден орденом «Красного знамени» за мои заслуги перед пролетарской революцией. При сем возвращаю вам этот орден. Носить его... ниже моего достоинства» **.

Через шесть недель — 4 сентября Райсса нашли мертвым, изрешеченным пулями на швейцарской дороге около Лозанны. ГПУ знало о его решении еще до того, как он передал свое заявление об отставке одному сотруднику советского посольства в Париже. Зная отвращение, которое чистки вызывали даже среди его бывших коллег в секретной службе, он надеялся убедить некоторых из них последовать его примеру. С этой целью он наметил встретиться в Лозанне с советским агентом, жившим в Италии, Гертрудой Шильдбах, которая была его близким другом почти 20 лет. Они встретились. Она притворилась, что симпатизирует ему, а после первой беседы заманила на другую встречу в окрестностях Лозанны. Там ГПУ и подготовило для него ловушку.

Швейцарская и французская полиции вскоре выяснили некоторые подробности. Использовав улики в брошенном, залитом кровью автомобиле и в багаже, оставшемся в отеле, полиция установила личность убийц. Ими оказались члены «Общества репатриации русских эмигрантов» в Париже, которому покровительствовало советское посольство.

Полиция выяснила, что банда, убившая Райсса, давно следит за Левой. Женщина, нанявшая тот самый залитый кровью автомо-

---

* Записки Игнация Райсса // Б. О. 1937. Декабрь. № 56—57. С. 12.

** *Райсс И.* Письмо в ЦК ВКП // Б. О. 1937. Сентябрь — октябрь. № 58—59. С. 23.

биль, имела поручение следить за ним. (Он припомнил, что за год перед этим она последовала за ним на юг Франции, где он отдыхал, поселилась в его пансионе и иногда со странной настойчивостью пыталась убедить его поехать кататься по морю.) Дальнейшее расследование выяснило, что эта же банда подготовила ловушку для Левы в Мюлузе недалеко от швейцарской границы, в январе 1937 года, когда он собирался приехать туда, чтобы обсудить со швейцарским юристом иск против швейцарских сталинистов. Лева избежал ловушки: поездке помешала болезнь. Однако банда продолжала следить за ним всю первую половину года, и он чувствовал это. В июле — августе он был удивлен, увидев, что наблюдение за ним почти прекратилось. Очевидно, в то время банда занялась Райссом. Теперь можно было ожидать, что они вернутся к прежнему делу *.

Лева был потрясен, узнав от полиции, как быстро и точно агенты ГПУ информировались почти обо всех его планах и передвижениях. Но кем? И кто информировал ГПУ о намерениях Райсса? Некоторые троцкисты уже задумывались: нет ли провокатора среди ближайших друзей Левы? Под подозрение попал Этьен (с недавних пор он работал в «Обществе репатриации русских эмигрантов»). Снивлиет настолько не доверял Этьену, что, когда Райсс впервые обратился к нему, он сначала отказался связать его с троцкистским центром в Париже, считая это опасным **. Лева, однако, не желал заподозрить «лучшего и самого надежного товарища».

С ощущением того, что на его шее затягивается таинственная петля, Лева написал некролог о Райссе для «Бюллетеня оппозиции» ***. «Отец народов» и его ежовцы знают, что потенциальных Райссов очень много... Планы Сталина потерпят крах... Историю пистолетом не остановить. Сталинизм обречен. Он гниет и распадается на наших глазах. Близок день, когда его смердящий труп будет сброшен в сточную канаву истории» ****. Однако судьба Райсса остановила людей, которые могли потенциально последовать за ним. В последующие несколько недель лишь двое вступили на его путь — другой важный агент секретной службы Вальтер Кривицкий и поверенный в делах СССР в Афинах Александр Бармин. Они также, порвав со своим правительством, искали контактов с Троцким, сторонниками которого никогда не были, ибо, как сказал Кривицкий, Троцкий был «окружен ореолом» даже в глазах сот-

---

* См. телеграмму Левы в Койоакан от 16 сентября и его письма Троцкому от 4 и 12 октября 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* См. также рассказ Н. Маркина (псевдоним Левы) об убийстве, опубликованный в Б. О. № 58—59.

** В дополнение к цитированным письмам Левы см. его письмо от 7 августа 1937 г.

*** Б. О. № 58—59. С. 21—22.

**** Лева — Троцкому 19 ноября 1937 г. и Троцкий — Леве 22 января 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

рудников ГПУ, имевших поручение бороться против троцкизма. Они были странными новообращенными: Кривицкий боялся, что Троцкий и его сторонники будут не доверять ему и презирать его как человека, много лет служившего Сталину. Поэтому он стремился оправдать свое прошлое уже в момент разрыва с ним. Вдова Райсса обвинила его в соучастии в заговоре с целью убийства ее мужа. Он склонил голову и признался, что не был безгрешен *. Он стремился очиститься от вины, рассказав правду о чистках. Но он также стремился не раскрыть множества известных ему тайн, касавшихся военной безопасности Советского Союза. Лева слушал его мучительные признания с немалым отвращением. Однако счел своим долгом передать информацию отцу, а также оказать помощь, успокоить и, насколько возможно, защитить любого советского гражданина, порывавшего со сталинизмом. Троцкий со своей стороны просил Кривицкого и Бармина ради собственной безопасности и ради политической ясности выступить против Сталина без экивоков и публично. Он испытывал беспокойство по поводу их изворотливости, и его раздражало снисходительное отношение к ним Левы. Это привело к новому обмену колкостями между отцом и сыном **.

Между тем наличие провокатора в окружении Левы вызывало все большие подозрения и смятения. Кривицкий подтвердил предупреждение Райсса о предстоящем убийстве троцкистов, указав, что у ГПУ имеются «глаза и уши» в троцкистском центре в Париже. Он, однако, не мог определить, кто был провокатором, и выдвинул подозрения в отношении Виктора Сержа. ГПУ, сказал Кривицкий, не освободило бы Сержа и не разрешило бы ему выехать из Советского Союза, если бы не было убеждено, что он будет шпионить за троцкистами. Никому, конечно, такая роль не подходила меньше, чем Сержу. Он был одним из старых сторонников Троцкого, одаренный, великодушный, политически неискушенный литератор. Самое плохое, в чем можно было упрекнуть его, так это в склонности к излишней болтовне — вполне серьезный недостаток для члена организации, которой приходилось охранять свои тайны от ГПУ. В любом случае подозрение пало на всех, даже на Леву, в то время как настоящий провокатор продолжал получать и читать переписку Троцкого, знал все тайны Левы и использовал различные хитрости для сохранения своей репутации в чистоте и очернения других ***.

---

* Лева — Троцкому 19 ноября 1937 г. и Троцкий — Леве 22 январи 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** См.: *Троцкий Л.* Трагический урок // Б. О. № 58—59; письма Левы от 16, 19 ноября и 17 декабря 1937 г.

*** В дополнение к только что упомянутым письмам Левы переписка Этьена с Троцким *(Архив Троцкого. Закрытая секция)* показывает все эти детали.

Французская полиция, продолжавшая расследовать дело Райсса, выяснила, что один из членов банды убийц обратился за мексиканской визой и запасся подробными планами Мехико. Лева немедленно передал предостережение в Койоакан. Полиция также считала, что жизнь Левы под серьезной угрозой, и прикомандировала к нему специального охранника *. Один из товарищей Левы, почти наверняка Клемент (Адольф), принимал беду Левы так близко к сердцу, что писал Троцкому и Наталье, умоляя их заставить Леву немедленно уехать из Франции в Мексику. Лева, предупреждал он, болен и истощен, постоянно в опасности, однако убежден, что «незаменим» в Париже и должен оставаться «на своем посту». Это не так, ибо товарищи могут заменить его, и если он останется в Париже, то будет «совершенно беспомощным» против ГПУ. По крайней мере родители должны попросить его приехать в Мексику на некоторое время, отдохнуть и полечиться: «Он способен, смел и энергичен, и мы должны спасти его» **.

Эта трогательная забота не повлекла за собой надлежащих последствий. Троцкий, конечно, хорошо знал, что жизнь Левы в опасности. Он постоянно просил его быть осмотрительным, избегать контактов с людьми, «которые могут находиться во власти ГПУ», особенно с тосковавшими по родине русскими эмигрантами. Как раз накануне дела Райсса Троцкий писал: «Если будет совершено покушение на твою или мою жизнь, обвинят Сталина, но ему нечего терять, во всяком случае в отношении чести». Однако он отрицательно отнесся к идее переезда Левы из Франции. Когда Лева настаивал, что он «незаменим в Париже», заверяя, что в интересах безопасности живет инкогнито (как сам Троцкий жил в Барбизоне), Троцкий ответил, что, уехав из Франции, Лева ничего не выиграет: едва ли Соединенные Штаты разрешат ему въезд, а в Мексике он будет даже в меньшей безопасности, чем во Франции. Он не хотел, чтобы сын заперся «в полутюрьме» в Койоакане. Раздоры отца и сына, возможно, заставляли обоих неохотно относиться к перспективе совместной жизни. Последнее письмо Троцкого об этом заканчивалось скупыми и неприятными фразами: «Ну вот, малыш, что я и хочу сказать тебе. Это немного, но ... это все ... Ты должен теперь оставлять себе все деньги, которые получаешь от издателей. Тебе они все нужны. Обнимаю. Твой старик» ***. В этом письме, о котором Троцкий с глубоким горем припоминал всего через несколько месяцев, было что-то от послания, отправленного борцу, занимающему обреченную передовую позицию, которому

* Письма Левы Троцкому от 1 и 5 ноября 1937 г.

** Письмо, написанное по-немецки и датированное 5 ноября 1937 г., подписано только инициалом А., что по-видимому означает Адольф. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

*** Письмо от 18 ноября 1937 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

нельзя оказать поддержки. Однако Троцкий имел некоторые основания полагать, что в Мексике Лева будет в меньшей безопасности, чем во Франции. Многие агенты ГПУ, часто маскировавшиеся как эмигранты из Испании, только что приехали в Мексику, а требования высылки Троцкого становились все более настойчивыми. Еще до конца года на стенах в Мехико красовались плакаты, обвинявшие Троцкого в заговоре с реакционными генералами, дабы свергнуть президента Карденаса и установить фашистскую диктатуру в Мексике. Нельзя было сказать, до чего дойдет эта кампания клеветы.

Мрак этих месяцев на короткий срок рассеялся в сентябре, когда комиссия Дьюи завершила контрпроцесс и объявила свой вердикт. Комиссия ясно указала: «На основании всех материалов... мы считаем, что процессы в Москве в августе 1936 года и в январе 1937 года были фальшивкой... Мы считаем, что Лев Троцкий и Лев Седов не виновны» *. Троцкий встретил этот вердикт с радостью. Но влияние вердикта было небольшим, если не сказать незначительным. Голос Дьюи привлек некоторое внимание в Соединенных Штатах, но его игнорировали в Европе, где были поглощены критическими событиями года, последнего года перед Мюнхеном, перипетиями французского Народного фронта и гражданской войны в Испании. Троцкий снова был разочарован, а когда выпуск «Бюллетеня» с сообщением о вердикте стал запаздывать, был так раздражен, что дал выговор Леве за «это преступление» и «политическую слепоту». «Я совершенно не удовлетворен,— пишет Троцкий Леве 21 января 1938 года,— тем, как ведется «Бюллетень», и должен вновь поставить вопрос о переводе его в Нью-Йорк». К этому времени силы Левы были окончательно подорваны. Он вел, по выражению Сержа, «адскую жизнь». Он выносил бедность и личные неудачи с большей легкостью, чем удары по его вере и гордости. Цитируем снова мемуары Сержа: «Не раз бродя до рассвета по улицам Монпарнаса, мы пытались вместе разобраться в запутанном лабиринте московских процессов. И вот мы, останавливаясь то под одним уличным фонарем, то под другим, восклицали: «Мы в лабиринте явного безумия!» **. Уставший от работы, без денег, беспокоившийся об отце, Лева постоянно жил в этом лабиринте. Он повторял как эхо аргументы отца, его разоблачения и его надежды. Но каждый процесс подрывал что-то в нем. Его лучшие воспоминания детства и юности были связаны с людьми, сидевшими на скамье подсудимых: Каменев был дядей, Бухарин — компаньоном по играм, Раковский, Смирнов, Муралов и многие

* «Not Guilty!» (Report of the Gommission of Inquiry into the Charges made against Leon Trotsky in the Moscow — Trials). См. также письмо Троцкого Леве от 21 января 1938 г.

** *Serg V.* Memoirs d'un Revolutionnaire. P. 375.

другие — старыми друзьями и товарищами. Все вызывали восторг своими революционными подвигами и мужеством. Он размышлял над их деградацией и не мог примириться с ней. Как можно было сломать всех их, заставив ползти через такую грязь и кровь? Почему ни один из них не встал в зале суда, не отказался от своих признаний и не порвал в клочки все эти фальшивые и ужасные обвинения? Лева напрасно ждал, что это случится. Он был потрясен и болел душой, когда поступили сообщения, что вдова Ленина поддержала эти процессы. В который раз он повторял, что сталинистская бюрократия, надеясь стать новым имущим классом, окончательно предала революцию. Но даже эта интерпретация не могла объяснить всю кровь и ярость. Да, то был лабиринт явного безумия. Сможет ли даже ясный гений отца найти путь из него?

Боли в сердце, отчаяние, лихорадка, бессонница. Не желая покинуть свой «пост», он откладывал операцию аппендицита, несмотря на повторные острые приступы. Он ел мало, был издерган и ходил ссутулившись. В начале февраля он наконец выпустил «Бюллетень оппозиции» с вердиктом комиссии Дьюи и с радостью сообщил об этом в Койоакан, приложив верстку, и рассказал о планах дальнейшей работы, ни намеком не выдав состояния своего здоровья. Это было последнее письмо родителям.

8 февраля он еще работал, но ничего не ел весь день и провел много времени с Этьеном. Вечером последовал новый приступ аппендицита, самый тяжелый. Он больше не мог откладывать операцию, написал письмо, запечатал, вручил жене, сказав ей, что письмо нужно открыть, если с ним произойдет какой-нибудь «несчастный случай». Он снова говорил с Этьеном, не желая видеть никого больше. Они договорились, что Леве не следует ложиться во французскую больницу и регистрироваться под своим именем, ибо, если бы он поступил так, ГПУ легко нашло бы его. Он должен лечь в небольшую частную клинику, где работали русские врачи-эмигранты, представившись там господином Мартином, французским инженером, и ему надлежало говорить только по-французски. Ни один французский товарищ, однако, не должен был знать, где он находится, или посещать его. Договорившись обо всем этом, Этьен вызвал «скорую помощь» *.

Даже на первый взгляд это было невероятно глупо. Русские эмигранты были последними людьми, среди которых Лева мог надеяться сойти за француза. Он, по всей вероятности, мог заговорить на родном языке в лихорадке или под наркозом. Было совершенно нелепо, что в целом Париже для него нашлась только такая клини-

* См. показания мадам Эстрин, Эльзы Райсс, Жанны Мартин и самого Этьена, данные во время полицейского расследования. См. также доклад полицейской префектуры. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

ка, где работали люди, которых после убийства Райсса он должен был избегать как чумы. Однако он немедленно согласился лечь в нее, хотя, когда его жена и Этьен привезли его в клинику, он не бредил и был в сознании. Очевидно, способность критического восприятия вещей и инстинкт самосохранения притупились.

Его оперировали в тот же вечер. Следующие несколько дней он, казалось, очень быстро и хорошо выздоравливал. Помимо жены, только Этьен навещал его. Эти посещения приободрили Леву. Они говорили о политике, об организационных делах, и он неизменно просил Этьена приходить почаще. Когда некоторые французские троцкисты захотели повидаться с ним, Этьен сообщил им с приличествующей загадочностью, что они не могут этого сделать и адрес держится в секрете даже от них, чтобы сохранить его в тайне от ГПУ. Когда же один из французских товарищей был изумлен сверхбдительностью, Этьен пообещал переговорить с Левой, но никто не был допущен к постели больного. Прошло четыре дня. Затем внезапно здоровье пациента резко ухудшилось. Начались боли, и он потерял сознание. В ночь на 13 февраля его видели идущего шатаясь, полуодетого, в бреду через коридоры и палаты, в которых по каким-то причинам не было персонала и они не охранялись. Он бредил по-русски. На следующее утро его хирург был настолько изумлен состоянием здоровья пациента, что спросил Жанну, не мог ли ее муж попытаться покончить с собой, не было ли у него в последнее время настроений совершить самоубийство? Жанна отрицала это, расплакалась и сказала, что ГПУ, должно быть, отравило его. Срочно была проведена новая операция, но она не принесла улучшения. Пациент мучился в страшной агонии, и врачи пытались спасти его несколькими переливаниями крови. Все было напрасно. 16 февраля 1938 года он умер в возрасте 32 лет.

Умер ли он, как утверждала вдова, от рук ГПУ? Многие косвенные обстоятельства свидетельствуют, что дело обстояло именно так. На московских процессах он был заклеймен как самый активный помощник отца, больше того, как начальник штаба троцкистско-зиновьевского заговора. «Молодой работает хорошо, без него старику пришлось бы куда труднее»,— часто говорилось, по словам Райсса и Кривицкого, в штаб-квартире ГПУ в Москве. ГПУ было заинтересовано лишить Троцкого его помощи, особенно потому, что тем самым удовлетворялась мстительность Сталина. ГПУ имело на своей стороне самого надежного информатора и агента, который привез Леву на место, где он встретил смерть. ГПУ имело все основания надеяться, что, как только Лева будет устранен, их агент займет место в русской «секции» троцкистской организации и установит прямой контакт с Троцким. В клинике не только доктора и сестры, но даже повара и привратники были рус-

скими эмигрантами. Некоторые из них являлись членами «Общества репатриации». Для ГПУ не было ничего легче, чем найти среди них агента, который мог дать яд пациенту. Разве, совершив множество убийств, ГПУ остановилось бы еще перед одним?

Но наверняка сказать ничего нельзя. Расследование, проведенное по требованию Жанны, не доказало преступления. Полиция и врачи подчеркнуто отрицали отравление или любое другое покушение на жизнь Левы. Они объясняли его смерть послеоперационным осложнением (непроходимость кишечника), сердечной недостаточностью и низкой способностью организма к сопротивлению. Один знаменитый врач, друг семьи Троцкого, согласился с их мнением. С другой стороны, Троцкий и его невестка задали несколько вполне уместных вопросов, которые так и остались невыясненными. По чистой ли случайности Лева оказался в русской клинике? (Троцкий не знал, что Этьен, как он сам признал впоследствии, вызвав «скорую помощь», немедленно информировал обо всем ГПУ.) Персонал клиники утверждал, что не знал о настоящем имени Левы и его национальности. Но свидетели утверждали, что они слышали, как он бредит и даже говорит о политике по-русски. Почему хирург Левы был склонен объяснять ухудшение его состояния попыткой к самоубийству, а не естественными причинами? По словам вдовы Левы, этот хирург испуганно замолчал, как только начался скандал, и замкнулся, ссылаясь на свое право сохранять профессиональную тайну. Жанна напрасно пыталась обратить внимание следователя на эти неясные обстоятельства. Троцкий указал, что обычное расследование не приняло в расчет «отточенную и тайную» технику убийства ГПУ. Действительно ли французская полиция, как предполагал Троцкий, замяла дело, чтобы прикрыть собственную беспомощность? Или деятели Народного фронта оказали политический нажим, чтобы предотвратить глубокое расследование? Семье ничего не оставалось делать, как только требовать нового расследования *.

* * *

Когда известие о смерти Левы достигло Мексики, Троцкого не было в Койоакане. За несколько дней до этого Ривера заметил неизвестных людей, бродящих вокруг Голубого дома и шпионивших за его обитателями с наблюдательного пункта поблизости. Он встревожился и договорился, чтобы Троцкий выехал и прожил некоторое

* Показания, рассказы очевидцев, свидетельства врачей и переписка Троцкого цитируются частично по *Архиву Троцкого. Закрытая секция*, а частично по бумагам Льва Седова, которые Жанна Мартин переслала мне при любезном содействии Пьера Франка.

время в парке Чапультапек у друга Риверы Антонио Хидальго, старого революционера. Там 16 февраля Троцкий работал над статьей «Их мораль и наша», когда в вечерних газетах появилось сообщение о смерти Левы. Ривера, узнав об этом, позвонил в Париж, надеясь получить опровержение, а затем приехал к Троцкому в парк Чапультапек. Троцкий отказался верить случившемуся, разгневался и указал Ривере на дверь. Но затем вернулся с ним в Койоакан, чтобы сообщить обо всем Наталье. «Я как раз... разбирала старые рисунки и фотографии наших детей,— пишет она.— Звонок. Я удивилась, увидев Льва Давыдовича. Я подошла встретить его. Он вошел с опущенной головой, каким мне никогда не приходилось видеть его, лицо было пепельно-серым и неожиданно постаревшим. «Что случилось? — спросила я в тревоге.— Ты болен?» Он ответил тихо: «С Левой плохо, нашим маленьким Левой» *.

Много дней он и Наталья в глубокой скорби оставались в его комнате. Они не могли видеть секретарей, встречаться с друзьями и отвечать на соболезнования. «Никто не сказал ему ни слова, ибо было видно, что горе очень велико». Когда через восемь дней Троцкий вышел из комнаты, лицо его было распухшим, борода отросшей, он не мог совладать со своим голосом. Через несколько недель он пишет Жанне: «Наталья... еще не может ответить вам. Она читает и перечитывает ваши письма и плачет, плачет. Когда я могу оторваться от работы, я плачу вместе с ней» **. Разделяя ее горе, он сожалел, что бросал сыну жестокие упреки в этот последний год и советовал ему оставаться в Париже. В третий раз он оплакивал ребенка, и с каждым разом раскаяние росло. После смерти Нины в 1928 году он упрекал себя за то, что сделал недостаточно, чтобы утешить ее, и даже не написал ей в последние несколько недель. Зина отдалилась от отца и покончила с собой. А теперь Лева встретил свою судьбу на посту, удержать который требовал отец. Ни с одним из своих детей он не разделил столько своей жизни и борьбы, как с Левой. Ни одна другая потеря не вызывала у него такого отчаяния.

В эти дни траура Троцкий написал некролог о Леве, уникальную погребальную песнь в мировой литературе. «Сейчас, когда я пишу эти строки, рядом с матерью Льва Седова, из разных стран приходят телеграммы с выражением сочувствия... мы еще не можем этому верить. И не только потому, что он наш сын, верный, преданный, любящий. Но прежде всего потому, что он, как никто другой на свете, вошел в нашу жизнь, сросся со

* *Sedova N.* Fater und Son // Fourth International. August 1941; *Sedova N., Serge V.* Vie et Mort de Leon Trotsky.

** Троцкий — Жанне Мартин 10 марта 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

всеми ее корнями, как единомышленник, как сотрудник, как страж, как советник, как друг.

То старшее поколение, в рядах которого мы выходили в конце прошлого века на дорогу революции, все, без остатка сметено со сцены. Чего не сделали каторжные тюрьмы царя, суровая ссылка, нужда эмигрантских лет, гражданская война и болезни, то доделал за последние годы Сталин, как злейший из бичей революции. Вслед за старшим поколением истреблена лучшая часть среднего, т. е. того, которое пробудил 1917 г. и которое получило свое воспитание в 24-х армиях революционного фронта. Растоптана бесследно и лучшая часть молодежи, сверстников Льва... За годы нашей последней эмиграции мы приобрели многочисленных новых друзей, и некоторые из них близко вошли в жизнь нашей семьи, как бы став ее членами. Но все они впервые встретились с нами только за эти последние годы, когда мы приблизились к старости. Один Лев знал нас молодыми и участвовал в нашей жизни с тех пор, как знал самого себя. Оставаясь молодым, он как бы стал нашим ровесником...» *

Просто и нежно Троцкий вспоминал о короткой жизни Левы, рассказывая о его детстве, как он дрался с тюремщиками отца, приносил передачи, еду и книги в тюрьму, дружил с революционными матросами и прятался под скамейкой в зале заседаний советского правительства, чтобы посмотреть, «как Ленин руководил революцией». Он дает портрет юноши, который в «великие и голодные годы» гражданской войны, бывало, приносил домой в рукаве рваного пиджака свежую булку, которую ему давали рабочие в пекарне, среди которых он трудился как политический агитатор. Презирая бюрократические привилегии, он отказывался ездить с отцом в автомобиле, ушел из дома родителей в Кремле, чтобы жить в общежитии пролетарских студентов, и вместе с добровольцами чистил снег на московских улицах, разгружал зерно и лес на железной дороге, ремонтировал паровозы и «ликвидировал» неграмотность. Троцкий припоминал молодого человека-оппозиционера, который «без тени колебаний» оставил жену и ребенка, уехал с родителями в изгнание, а в Алма-Ате, где они жили в окружении ГПУ, обеспечивал контакты отца с внешним миром и часто уходил темной ночью в дождь или снежную бурю тайно встретиться с товарищами в загородной роще или на людном базаре, в библиотеке и даже в бане. «Каждый раз он возвращался вдохновленный и счастливый, с воинственными огоньками в глазах и с бесконечно дорогим трофеем под пальто». «Как хорошо он понимал людей,— он знал значительно больше оппозиционеров, чем я... Его революционный инстинкт позволял

* «Лев Седов — сын, друг, борец» // Б. О. 1938. Март. № 64. С. 2.

ему безошибочно отличать настоящее от мнимого. Глаза его матери, а она знала его лучше, чем я, сияли гордостью».

Здесь чувства раскаяния отца нашли свой выход. Он упомянул о своих чрезмерных требованиях к Леве и извиняюще объяснил их «педантичными навыками к работе» и склонностью требовать больше от тех, кто был ближе к нему. А кто был к нему ближе Левы? Может показаться, что «наши отношения были отмечены определенной суровостью и отчуждением. Но под внешней оболочкой... жила глубокая горячая взаимная привязанность, проистекавшая из чего-то неизмеримо большего, чем родство по крови, из общих взглядов, симпатий и ненависти, из радости, из страданий, перенесенных вместе, из великих надежд, выношенных вместе». Некоторые усматривали в Леве просто «маленького сына великого отца». Но они ошибались, как и те, кто длительное время так же думали о Карле Либкнехте. Лишь обстоятельства не дали возможности Леве вырасти во весь рост. Далее Троцкий, пожалуй, слишком щедро оценивает долю Левы в литературной работе отца... «Почти на всех моих книгах, написанных с 1929 года, за моим именем по справедливости должно стоять его имя». С каким облегчением и радостью родители, интернированные в Норвегии, получили экземпляр «Красной книги» Левы, «первого сокрушительного ответного удара по клеветникам в Кремле». Как правы были люди из ГПУ, говорившие, что «без молодого старику пришлось бы куда труднее». И действительно, теперь будет куда труднее!

Он снова напомнил об испытаниях, которые должен был вынести этот «очень чувствительный и деликатный» человек: бесконечный поток лжи и клеветы, длинную серию дезертирств и капитуляций бывших друзей и товарищей, самоубийство Зины и, наконец, процессы, которые «глубоко потрясли его моральный организм». Какова бы ни была правда о прямой причине смерти Левы, умер ли он, истощенный этими испытаниями, или ГПУ отравило его, в любом случае «они [и их хозяин] виновны в его смерти».

Эта горестная элегия заканчивалась на ноте, с которой начиналась: «Его мать, которая была ближе к нему, чем кто-либо в мире, и я, когда мы прожили эти ужасные часы, припомнили его лицо, черту за чертой. Мы отказывались верить, что его больше нет, и плакали, потому что невозможно не верить... Он был нашей частью, нашей молодой частью... Вместе с нашим мальчиком умерло все, что еще оставалось молодого в нас... Твоя мать и я никогда не думали и никогда не ожидали, что судьба возложит на нас эту задачу... что нам придется писать некролог о тебе... Но мы не сумели уберечь тебя».

К этому времени было почти определенно известно, что Сергей

тоже погиб, хотя об этом не было никаких официальных сообщений; нет их и спустя 25 лет. От политического заключенного, который в начале 1937 года находился с ним в камере в Бутырской тюрьме в Москве, до нас дошел следующий рассказ *. В течение нескольких месяцев в 1936 году ГПУ оказывало давление на Сергея, с тем чтобы он публично отрекся от отца и всего, за что стоял отец. Сергей отказался, был приговорен к пяти годам концентрационных лагерей и выслан в Воркуту. Там к концу года из многих других лагерей собрали троцкистов. За колючей проволокой Сергей впервые вступил с ними в тесный контакт, и, хотя он отказывался считать себя троцкистом даже теперь, он говорил с глубокой благодарностью и уважением о последователях отца, особенно тех, которые держались, не капитулируя, почти 10 лет. Он принял участие в голодовке, объявленной ими и продолжавшейся больше трех месяцев, и находился на грани смерти.

В начале 1937 года его вернули в Москву для новых допросов (именно тогда этот заключенный, на основании рассказа которого мы излагаем эти события, встретился с ним). Он не надеялся на освобождение или на какую-либо помощь, ибо был убежден, что все сторонники отца и он вместе с ними будут уничтожены. Однако он вел себя со стоическим хладнокровием, черпая силы из своих интеллектуальных и моральных ресурсов. «Обсуждая методы допросов ГПУ, он высказал мнение, что любой образованный человек... должен выдержать их, напомнив, что за сто лет до этого Бальзак очень точно рассказал обо всех этих уловках и технике, и они почти не изменились... Он смотрел в будущее с полным спокойствием и ни при каких обстоятельствах не сделал бы никакого заявления, которое хоть в малейшей степени могло бы привести к обвинению либо его самого, либо других». Он, очевидно, держался до конца, ибо если бы дело обстояло иначе, если бы ГПУ удалось вырвать у него любое признание, оно бы растрезвонило об этом на весь мир. Он предполагал, что его родители опасаются, что их сын-«неполитик» может не обладать необходимыми убеждением и мужеством, чтобы встретить свою судьбу, и «больше всего сожалел о том, что никто никогда не сможет сказать им, особенно матери, о той перемене, которая произошла в нем, ибо он не думал, что все, кого он встретил после ареста, доживут, чтобы рассказать о нем». Автор этого рассказа вскоре потерял из виду Сергея, но слышал о его казни

* О поведении Сергея в тюрьме рассказал мистер Джозеф Бергер, который, оказав помощь в основании Коммунистической партии Палестины и прослужив в средневосточном отделе Коминтерна, провел 23 года в сталинских тюрьмах и концлагерях. Он был освобожден и реабилитирован в 1956 г.

от других заключенных. Много позднее, в 1939 году, в одном послании сомнительной надежности, доставленном Троцкому американским журналистом, утверждалось, что Сергей еще был жив в конце 1938 года. Но после этого о нем ничего не было слышно *.

* * *

Из потомства Троцкого только сын Зины Сева, которому теперь было 12 лет, остался живым за пределами Советского Союза. До сих пор ничего не известно, что случилось с другими внуками Троцкого. Сева был воспитан Левой и Жанной, которая, не имея своих детей, стала ему матерью и была страстно привязана к нему. В своем первом письме после смерти Левы Троцкий пригласил ее приехать с ребенком в Мексику. «Я очень тебя люблю, Жанна,— писал он,— а для Натальи ты не только... дорогая дочь, которую она любит с такой силой, на какую только способна Наталья, но также часть Левы, то, что осталось самого дорогого и близкого от его жизни». Им больше всего на свете хотелось, чтобы она и Сева жили с ними в Мексике. Но если Жанна не хочет, пусть она по крайней мере навестит их. «И если ты думаешь, что тебе трудно теперь расстаться с Севой, мы поймем твои чувства» **.

Здесь, однако, печальный рассказ превращается в гротеск, переплетаясь со склоками троцкистских сект в Париже. Лева и Жанна принадлежали к двум различным группам. Он — к «ортодоксальным троцкистам», она — к группе Молинье. О его такте и достоинстве многое говорит тот факт, что в письме, оставленном Левой в качестве завещания, он писал, что, несмотря на разногласия и, можно добавить, вопреки несчастливой семейной жизни, он очень уважал Жанну и безгранично доверял ей. Но яростное соперничество сект не пощадило даже мертвого. Оно сосредоточилось вокруг маленького сироты. Сам Троцкий оказался в нелепом положении ***. Жанна, прилагавшая отчаянные усилия добиться нового расследования по делу Левы, дала полномочия юристу, являвшемуся членом группы Молинье, представлять интересы семьи во французских судах и полиции. «Ортодоксальные троцкисты» и адвокат Троцкого Жерар Розенталь отрицали за Жанной право на это, утверждая, что лишь родители Левы могут говорить от имени семьи. Противоречивые претензии только облегчили

---

* *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** Троцкий — Жанне 10 марта 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

*** Троцкий — Росмеру, Жанне, Ру и Камилу (Клементу) 12 марта.

полиции и суду возможность игнорировать требование нового расследования *.

Другие разногласия возникли по поводу архивов Троцкого. После смерти Левы они находились у Жанны, а косвенно в руках группы Молинье. Троцкий попросил, чтобы архивы были возвращены ему через одного из его «ортодоксальных» французских сторонников. Жанна отказалась передать архивы. Отношения между ней и родителями Левы резко охладели и стали даже враждебными. Троцкий в конце концов получил архивы, но для этого ему пришлось послать в Париж своего американского сторонника. Несмотря на повторные просьбы, Жанна отказалась приехать в Мексику или прислать туда ребенка. Она была женщиной нервной, находилась теперь в расстройстве чувств и не соглашалась расстаться с ним даже на время. Враждующие фракции схватились и по этому поводу и, хотя Троцкий пытался примириться с невесткой, эти группы сделали всякое согласие невозможным. По той ли причине, что после утраты всех детей Троцкий изо всех сил стремился вернуть внука, единственного, которого мог иметь около себя, или потому, что он боялся оставить сироту, как он выразился, на попечение «помраченного и, к несчастью, неуравновешенного рассудка», или по обеим этим причинам, Троцкий решил обратиться к закону. Последовала непристойная тяжба, затянувшаяся на год, давшая газетам и листкам сект сенсационную пищу **. В отчаянии, боясь потерять ребенка, Жанна пыталась лишить претензии Троцкого законной силы, утверждая, что он никогда не оформлял ни первого, ни второго брака. Троцкому пришлось доказывать, что это не так. Даже отвечая на такой выпад, он выразил в письме в суд понимание эмоционального состояния Жанны, признал за ней моральное, но не юридическое право на ребенка и повторил приглашение приехать в Мексику, предлагая оплатить проезд. Он даже заявил, что готов подумать о возвращении Севы к ней, но не раньше, чем увидит его ***. Дважды суд высказывался в пользу Троцкого и назначал опекунов,

* См. переписку Троцкого с Ж. Розенталем в *Архиве Троцкого. Закрытая секция.*

** Троцкий — Росмерам 19 сентября и Ж. Розенталю 27 октября 1938 г. Розенталь — Троцкому 7 октября 1938 г. «Paris-Soir», помимо других газет, сообщила об этом деле 26 марта 1939 г., а в № 4 за апрель 1939 г. орган группы Молинье «Vérité» посвятил делу специальное приложение под заголовком «Все средства хороши», защищая Жанну и нападая на Троцкого за его претензии на ребенка.

*** См. заявление Троцкого официальному опекуну М. Амелю от 7 февраля 1939 г.; отчеты о рассмотрении дела в суде, юридические документы и переписка между Троцким, его секретарями и его адвокатом, особенно письма от 22, 27, 29 марта и от 17, 29 апреля 1939 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* См. также письмо Троцкого Росмерам от 26 мая 1939 г.

которые должны были обеспечить возвращение сироты деду. Но Жанна, отказываясь выполнять решение суда, увезла мальчика из Парижа и спрятала его. Только после длительных розысков и «зимней экспедиции» в Вогезы Маргарита Росмер проследила местопребывание ребенка и вырвала его из рук снохи Троцкого. Этим, однако, дело не закончилось, ибо друзья Жанны сделали попытку похитить ребенка. Лишь в октябре 1939 года Росмеры наконец привезли Севу в Койоакан.

Во взволнованном письме Троцкий старался объяснить Севе, почему он настаивал на его приезде в Мексику. Поскольку он избегал каких-либо оскорбительных замечаний о Жанне, он не мог сообщить ребенку главной причины. Поэтому объяснение было неловким и неубедительным:

«Мой маленький Сева... Дяди Левы больше нет, и мы должны быть вместе. Мой дорогой мальчик. Я не знаю, где твой папа и жив ли он. В своем последнем письме мне, написанном более четырех лет назад, он настойчиво спрашивал, не забыл ли ты русский язык. Хотя твой отец очень умный и образованный человек, он не говорит на иностранных языках. Для него было бы ужасным ударом, если бы, встретившись когда-нибудь с тобой, он не смог разговаривать с тобой. То же самое касается твоей сестры. Представь себе, какая печальная встреча могла быть, если бы ты не смог говорить со своей маленькой сестрой на родном языке... Ты теперь большой мальчик, и я хочу сказать тебе также кое о чем другом, что очень важно, о мыслях, которые были и остаются общими для твоей мамы и папы, для твоего дяди Левы, для меня и Натальи. Я очень хотел бы объяснить тебе самому большую ценность этих мыслей и целей, ради которых наша семья... страдала и страдает. Я полностью отвечаю за тебя, мой внук, перед собой, перед твоим отцом, если он жив, и перед тобой».

И словами, которые звучат странно твердо и неуместно в письме ребенку, заключил: «Поэтому мое решение о твоем приезде непреклонно» *.

* * *

Между тем ГПУ продолжало плести интригу. Этьен без труда занял место Левы в троцкистской организации в Париже. Теперь он издавал «Бюллетень оппозиции», был самым важным корреспондентом Троцкого в Европе и поддерживал контакты с новыми людьми, бежавшими от сталинского террора, которые пытались установить связь с Троцким. «Русская секция» организации имела

* Письмо датировано 19 сентября 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

всего трех или четырех членов в Париже, из которых никто не знал лучше советские дела и не был так образован и трудолюбив, как Этьен. Из писем Левы Троцкий знал, что он считал его самым близким и надежным другом, и провокатор теперь делал все для подтверждения этого мнения. Используя горе Троцкого и его чувствительность, он пытался возбудить у Троцкого недоверие к людям, которые стояли на его, Этьена, пути. В первую неделю после смерти Левы он писал Троцкому с должным негодованием, что Снивлиет распространяет «клеветнические слухи» об ответственности Левы за смерть Райсса, и как будто случайно напоминал Троцкому о полном доверии Левы к нему, ибо Этьен неизменно имел ключ к почтовому ящику Левы и получал всю его переписку *. Троцкий, который имел политические разногласия с Снивлиетом, ответил вспышкой ярости в адрес «клеветника» **. Провокатор был, конечно, образцом ортодоксального троцкиста, никогда не выражал несогласия со «стариком», но никогда и не представал как презренный поддакиватель. Стремясь дать обильные, но не слишком чрезмерные доказательства преданности, он с трогательной заботой осведомлялся о здоровье «старика» и его жизни, адресуя, однако, такие вопросы не Троцкому, а одному из его секретарей. Непосредственно с Троцким он обсуждал политические вопросы и содержание «Бюллетеня оппозиции», который теперь выходил более регулярно, чем в течение длительного времени. Он попросил Троцкого написать статью в память о Райссе, которую, как он говорил, хотел напечатать в годовщину его смерти. Он проследил, чтобы «Бюллетень» вышел с должным указанием заслуг Левы также в первую годовщину его смерти. Он сообщил Троцкому, что в «Бюллетене оппозиции» будет напечатана статья «Жизнь Троцкого в опасности», где разоблачалась деятельность агентов ГПУ в Мексике. Он снабжал Троцкого материалами и цитатами из подшивок старых русских газет и других публикаций, которые было трудно достать и в которых Троцкий нуждался для работы над книгой «Сталин». Одним словом, он сделал себя почти столь же незаменимым, каким был Лева, и в то же время постоянно подливал масла в огонь в распрях между сектами и в ссоре Троцкого с Жанной, пока Троцкий не отказался поддержать просьбу Жанны о новом официальном расследовании обстоятельств смерти Левы. Этьен делал все возможное, чтобы помешать расследованию: представляясь

---

* Этьен переписывался с Троцким иногда от собственного имени, иногда от имени Международного Секретариата, а иногда как редактор «Бюллетеня оппозиции». См., например, письмо Международного Секретариата Троцкому от 22 февраля 1938 г., подписанное Этьеном и Паульсеном.

** Троцкий — Международному Секретариату 12 марта 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

полиции «ближайшим другом Левы Седова», он отвергал любую мысль о грязной игре, заявляя, что смерть Левы объясняется слабой сопротивляемостью его организма *.

Провокатор оказался также в центре подготовки троцкистами «учредительного конгресса» IV Интернационала. В разгар подготовки немецкий эмигрант Рудольф Клемент, который был секретарем Троцкого в Барбизоне и должен был стать секретарем будущего Интернационала, таинственно исчез из своего дома в Париже. Примерно через две недели Троцкий получил письмо, якобы написанное и подписанное Клементом, но отправленное из Нью-Йорка, в котором разоблачался союз Троцкого с Гитлером, сотрудничество с гестапо и т. д. Повторив обычные сталинистские обвинения, автор письма объявлял о разрыве с Троцким (несколько французских троцкистов получили копии этого письма, отправленные из Перпиньяна) **. В письме было так много несуразностей и ошибок, которых Клемент никогда не мог бы сделать, что Троцкий немедленно заключил, что письмо — явная фальшивка или Клемент написал его под диктовку, когда агент ГПУ держал перед ним револьвер. «Пусть Клемент, если он еще жив, выскажется и заявит суду, полиции или любой беспристрастной комиссии обо всем, что знает. Можно заранее сказать, что ГПУ никогда не выпустит его из своих рук». Вскоре страшно изуродованное тело Клемента было выброшено волнами Сены. Банда, убившая Райсса, очевидно, также убила и его, и один из убийц выступил от имени Клемента в виде «разочаровавшегося последователя», порвавшего с Троцким. Через два года убийца Троцкого взял на себя такую же роль.

Почему ГПУ избрало Клемента? Он не выделялся среди троцкистов особыми способностями, но был скромным, беззаветным работником, внимательно следившим за происходившим в организации. Именно он, как мы думаем, побуждал Троцкого и Наталью попросить Леву выехать из Франции. Быть может, он раскрыл какой-нибудь важный секрет ГПУ? Быть может, он напал на след их провокатора и возможно собирался разоблачить его? Это, полагал Троцкий, разумным образом объясняло, почему ГПУ напало на него и его убили таким мстительным и жестоким способом ***.

* Показания Этьена во время полицейского расследования цитировались выше; его письмо Троцкому от 6 июля 1938 г. и письмо Троцкого «Товарищам Лоле и Этьену» от 17 февраля 1939 г.; Ван Хейеноорт, секретарь Троцкого, писал Навилю 29 апреля 1938 г.: «Я получил письма от различных друзей во Франции *(в частности от Этьена)*, справляющихся о здоровье «старика» и просящих информации». (Подчеркнуто мною.) *Архив Троцкого. Закрытая секция.* См. также: Б. О. 1938. № 66—67, 68—69 и 70; 1939. № 74.

** Б. О. 1938. № 68—69.

*** Там же.

К этому времени подозрения Снивлиета в отношении Этьена укрепились и превратились в убеждение. Он и Серж открыто высказали их. Провокатор был настолько нагл, что осведомился у Троцкого, как ему реагировать на эти обвинения. Троцкий ответил, что он должен немедленно потребовать от своих обвинителей изложить обвинения перед компетентной комиссией: «Товарищ Этьен должен сделать такой шаг, и чем раньше, чем категоричнее, чем тверже, тем лучше». Троцкий не мог дать иного совета. В таких случаях обычно и обязательно для человека, попавшего под подозрение, просить расследования и возможности защитить свою честь. Сам Троцкий не верил обвинениям *.

Странное становилось еще более странным: в том же месяце Троцкий получил другое предостережение. Оно исходило от бывшего высокопоставленного офицера ГПУ, бежавшего в Соединенные Штаты. Автор предостережения настолько боялся ГПУ, что отказался сообщить, кто он, притворившись старым американским евреем русского происхождения, передающим послание Троцкому от своего родственника, сотрудника ГПУ, бежавшего в Японию. Корреспондент умолял Троцкого опасаться провокатора в Париже, которого называли Марком. Он не знал фамилии Марка, но дал такое детальное и точное описание Этьена, его прошлого и отношений с Левой, что у Троцкого не осталось никаких сомнений, о ком он говорил. Этот человек был до глубины души поражен легковерием и беззаботностью троцкистов в Париже, у которых не возбудил подозрений даже тот факт (который, как он утверждал, был широко известен), что Марк работает в пресловутом «Обществе репатриации русских эмигрантов». Корреспондент заверил Троцкого, что если бы за провокатором установили наблюдение, то могли бы выяснить, что он тайком встречается с официальными лицами советского посольства. Был ли Марк виновен в смерти Левы, корреспондент не знал, но опасался, что «на повестке дня теперь» убийство Троцкого, которое совершит либо Марк, либо какой-нибудь испанец, выступающий в качестве троцкиста. Это было внушительное предостережение. «Главное, Лев Давыдович,— взывал корреспондент,— будьте на страже, не доверяйте ни одному мужчине или женщине, которых провокатор может прислать вам или рекомендовать» **.

* Троцкий — Этьену 2 декабря 1938 г. Письмо было формально адресовано редакторам «Бюллетеня оппозиции». *Архив Троцкого. Закрытая секция.* Упоминая обвинения Снивлиета, Троцкий взял слово «обвинения» в кавычки.

** Моя жена и я нашли это письмо среди бумаг Троцкого в «открытой» секции *Архива* в начале 1950 г. и полностью переписали его. С тех пор Александр Орлов, бывший сотрудник ГПУ, открыл, что он был автором письма. See Hearinge of the U. S. Senate Committee of Judiciary sobcommittee dealing With the scope of the

Троцкий не оставил предостережение совсем без внимания. Он опубликовал заметку в троцкистской газете, прося корреспондента связаться с его сторонниками в Нью-Йорке. Корреспондент, боясь открыться перед ними, попытался переговорить с Троцким по телефону из Нью-Йорка, но не смог связаться с ним. Отсутствие отклика со стороны корреспондента и странная форма его предостережения заставили Троцкого поставить под сомнение его правдивость. Тем не менее в Койоакане была создана небольшая комиссия для рассмотрения вопроса, которая нашла, что обвинения против Этьена необоснованны. Троцкий размышлял, не было ли это обвинение фальшивкой ГПУ с целью дискредитировать человека, который представлялся самым эффективным и преданным из всех его помощников, говорил и писал по-русски, хорошо знал советские дела и издавал «Бюллетень оппозиции». В любом случае среди троцкистов в Париже и без того распространялось слишком много обвинений. Если их все принимать всерьез, не было бы конца охоте на провокаторов. Троцкий хорошо знал, каким проклятием являются провокаторы в любой организации. Но он знал, что еще хуже постоянные подозрения и «охота за ведьмами». Он решил не обращать внимания ни на какие обвинения, если они не будут ясно и определенно выдвинуты и обоснованы. Он предпочитал идти на серьезнейший риск, подвергая себя крайней опасности, чем деморализовать своих сторонников подозрительностью и страхом. Поэтому провокатор действовал в качестве его доверенного лица в Париже до начала войны*.

* * *

Через две недели после смерти Левы Бухарин, Рыков, Раковский, Крестинский и Ягода сели на скамью подсудимых в Москве. Могло казаться, что на предшествующих процессах ужа-

---

Soviet activity in the U. S. Part 51. P. 3423—3429. О роли Орлова в ГПУ особенно во время чисток в Испании см.: *Hernandez J.* La Grand Trahison. Paris, 1953; *Orlov A.* The Secret History of Stalin's Cremes. London, 1953.

* Миссис Лилия Даллин («товарищ Лола» из русской секции Международного Секретариата в Париже в конце 30-х годов) свидетельствовала в Соединенных Штатах, что, когда она приехала в Койоакан летом 1939 г., Троцкий показал ей письмо с предостережением против Этьена. «Мне стало несколько не по себе, ибо детали были очень неприятными... Я сказала: «Это, конечно, грязное дело НКВД, стремящегося лишить вас и без того немногих сторонников...» [У Троцкого] было письмо от другого анонимного корреспондента, в котором сообщалось, что одна женщина, т. е. я, приезжающая к нему, должна отравить его. Поэтому мы оба решили... что... то была фальшивка НКВД... И первое, что я сделала [по возвращении в Париж], это рассказала Этьену об этом. Я доверяла ему». Этьен «разразился громким смехом». *Levine I.* The Mind of an Assasin. New York. 1950. P. 60.

сающее воображение режиссера достигло границ, но прежние процессы выглядели почти экскурсами в умеренный реализм по сравнению с новой фантасмагорией. Снова прокурор и подсудимые обрушились на Троцкого как на руководителя заговора, который на этот раз включал его заклятых врагов бухаринцев. Лева изображался в роли соучастника отца гораздо в большей мере, чем в прежних обвинениях. После слабой попытки отвергнуть обвинение Крестинский признался, что он неоднократно вел тайные переговоры с Троцким лично и с Левой в Берлине и на различных европейских курортах, что он связал Леву с главой рейхсвера генералом фон Сектом и выплатил 2 миллиона золотых марок, почти миллион долларов и различные другие суммы для финансирования заговора. Троцкий и подсудимые теперь изображались как агенты не только Гитлера и микадо, но и британской военной разведки, а также польского «второго бюро». К знакомым рассказам о покушениях на жизнь Сталина, Ворошилова и Кагановича, о железнодорожных катастрофах, взрывах на шахтах и массовом отравлении рабочих добавились истории об убийстве Горького, Менжинского, Куйбышева [24] и даже Свердлова [25], умершего в 1919 году,— все это лежало на совести Троцкого. С каждым признанием заговор не только разрастался и выходил за пределы разумного, он также уходил дальше во времени — к первым неделям существования советского режима и даже к более ранним годам. Подобно привидениям, Камков и Карелин, когда-то руководители левых эсеров, появились в зале суда, чтобы засвидетельствовать, что в 1918 году, когда они подняли антибольшевистское восстание, они действовали в тайном согласии с Бухариным, стремившимся к убийству Ленина. Ягода, 10 лет руководивший преследованием троцкистов, отправлявший их массами в ссылку, введший пытки в тюрьмах и концентрационных лагерях и подготовивший процесс Зиновьева и Каменева, теперь признался, что все это время был простым орудием в руках Троцкого. Помимо бывших членов Политбюро, Центрального Комитета, министров и послов, на скамье подсудимых оказалась группа видных врачей. Один из них, доктор Левин, был личным врачом Ленина и Сталина со времен революции. Его обвиняли в том, что по приказу Ягоды он отравил Горького и Куйбышева. В течение многих часов на нескольких заседаниях врачи рассказывали, как они травили в стенах Кремля, описывая в деталях свою садистскую работу *.

---

* Official English versions... [См. также: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда СССР 2—13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 27, 223, 241, 250, 266—278, 430—448, 454—547 и др.]

Троцкий сравнил этот процесс с делом Распутина [26], ибо от процесса разносились запах «той же гнили и зловоние автократии». Вероятно, ничто другое, как это сравнение, не показывало яснее, как возмущал его разум этот спектакль. Дело Распутина было, конечно, пустяковым и почти невинным инцидентом по сравнению с этими процессами. Но процессы едва ли ускорили падение Сталина, хотя навсегда покрыли позором память о нем. Тем не менее Троцкий не мог найти более подходящего прецедента или параллели, ибо таковых не существовало. Сталин в определенном смысле превзошел весь исторический опыт и всякое воображение. Он поднял террор на новую высоту и придал ему новые масштабы. По мере развития процессов любая рациональная реакция на них становилась все более безнадежной. Троцкий продолжал разоблачать абсурдность этих дел, методически доказывая свое алиби: ни он, ни Лева не могли вступить в заговор ни с одним из подсудимых, не говоря уже о генерале фон Секте, в местах и датах, которые указывались на процессах.

«В этой преступной деятельности,— комментировал Троцкий,— премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу. Не официальному вождю, нет — изгнаннику. Достаточно было Троцкому пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и микадо. По «инструкции» Троцкого, через случайного корреспондента ТАСС, руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу «врага народа» железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушения воинских эшелонов, и маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов. Вот какую поразительную картину... вынужден дать Вышинский... Но здесь возникает затруднение! Тоталитарный режим есть диктатура аппарата [то есть партии и государства]. Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему в таком случае Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?»*

Троцкий увязал с последствиями процессов также и международное положение: гитлеровские войска только что с триумфом вошли в Австрию и готовились к будущим завоеваниям.

«Неужели Сталин еще посмеивается за кулисами? Разве этот непредвиденный поворот событий не потряс его? Конечно, он отделен от мира стеной невежества и раболепия. Конечно, он привык думать, что международное мнение ничто, а ГПУ все. Но угрожающие и умножающиеся симптомы должны быть видны

* Б. О. 1938. № 65. С. 3—4.

даже ему. Рабочие массы мира охвачены острой тревогой... Фашизм идет от победы к победе и находит главную помощь... в сталинизме. Страшные военные угрозы стучатся в дверь Советского Союза, а Сталин избрал этот момент, чтобы подорвать армию и растоптать страну... Но даже этому тифлисскому самозванцу... трудно посмеиваться. Вокруг него растет громадная ненависть, ужасающий гнев сгущается над его головой.

Вполне вероятно, что режим, уничтожающий... лучших людей страны, может в конце концов спровоцировать самую настоящую террористическую оппозицию. Более того, то будет вопреки всем законам истории, если [так не случится]... Однако терроризм отчаяния и мести чужд сторонникам IV Интернационала... Индивидуальное возмездие... для нас слишком мало. Какое политическое и моральное удовлетворение может получить рабочий класс от убийства Каина-Джугашвили, которого без труда заменит новый бюрократический «гений»? Если личная судьба Сталина представляет для нас какой-нибудь интерес, то мы лишь хотели бы, чтобы он пережил крах своей собственной системы, а до этого не очень далеко».

Троцкий предсказал «другой процесс, настоящий», на котором рабочие будут судить Сталина и его соучастников. «На человеческом языке не найдется слов, которые могли бы в час последнего суда оказать услугу самому зловещему из Каинов истории. Памятники, которые он построил себе, будут разрушены или сданы в музей тоталитарного гангстерства. Зато победоносный рабочий класс пересмотрит все процессы, публичные и тайные, и поставит на площадях освобожденного Советского Союза памятники несчастным жертвам сталинской системы подлости и бесчестия» *.

Снова нужно сказать: это предсказание оправдалось, но не так скоро. Между тем чистки по своему размаху и напряженности действовали как чудовищный естественный катаклизм, против которого любое человеческое реагирование бессильно. Террор сокрушал умы, ломал волю и подрывал любое сопротивление. Громадная ненависть и гнев, о которых говорил Троцкий, существовали, но были загнаны внутрь, где сберегались на будущее. В то время и в оставшиеся годы сталинской эры они не могли найти выхода. Все те, и троцкисты в первую очередь, у кого подобные эмоции связывались с политическим самосознанием, кто имел идеи и мог предложить программу действий,— все такие люди систематически и безжалостно истреблялись.

Уже более десяти лет Сталин держал троцкистов за тюремными решетками и колючей проволокой, подвергал их бесче-

* Б. О. 1938. № 65. С. 2.

ловечным преследованиям, деморализовал многих из них, расколол их и почти сумел отрезать от общества. С 1934 года троцкизм, казалось, был полностью ликвидирован. Однако через два или три года Сталин боялся его, как никогда. Парадоксально, но великие чистки и массовые ссылки, последовавшие за убийством Кирова, дали новую жизнь троцкизму. Когда вокруг них оказались сотни и тысячи недавно сосланных людей, троцкисты больше не были изолированы. К ним опять присоединилась масса капитулянтов, которые печально размышляли, что события сложились бы по-иному, если бы они держались вместе с троцкистами. Оппозиционеры молодого поколения, комсомольцы, поднявшиеся против Сталина много позднее сокрушения троцкизма, «уклонисты» всех цветов и оттенков, обычные рабочие, сосланные за пустяковые нарушения трудовой дисциплины, недовольные и ворчуны, которые начинали думать политически только за колючей проволокой,— все они составили громадную новую аудиторию для троцкистских ветеранов*. Режим в концентрационных лагерях становился все более жестоким. Заключенные должны были, как рабы, трудиться по 10—12 часов в день. Они умирали с голоду, гибли от болезней, в неописуемой грязи. Однако лагеря вновь становились школами оппозиции, где наставниками выступали троцкисты. Они возглавляли ссыльных почти во всех голодовках, предъявляя администрации требования улучшить условия в лагерях, и своим вызывающим, часто героическим поведением вдохновляли на сопротивление других. Хорошо организованные, дисциплинированные и политически подготовленные, они были подлинной элитой громадной части нации, брошенной за колючую проволоку.

Сталин понимал, что ничего не добьется дальнейшими репрессиями. Едва ли было возможно добавить больше к издевательствам и насилиям, которые лишь окружали троцкистов ореолом мученичества. Они угрожали ему, пока были живы. И по мере приближения войны со всеми ее опасностями эта потенциальная угроза могла стать реальной. Мы видели, что с момента захвата власти Сталин должен был завоевывать ее вновь

* *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. London, 1959. Этот автор цитирует захваченный документ ГПУ, в котором сообщалось, что даже в 1936—1937 гг. в разгар чисток рабочие, когда их спрашивали, кого следует считать примерным большевиком, отвечали — Троцкого или Зиновьева. Школьники на собрании, созванном в память о Кирове, предложили, чтобы Троцкого включили в почетный президиум (с. 302 и далее). Троцкизм не был особенно популярен в Смоленской области, и такие случаи были более частыми в других местах страны. Все виновники, часто даже дети, ссылались как «троцкисты». См. описание оргии осуждения троцкистов в Смоленской области в этой книге, с. 232—237.

и вновь. Теперь он решил избавиться от такой необходимости. Он пошел на то, чтобы закрепить свою власть раз и навсегда. Был единственный способ для этого — полностью истребить противников, прежде всего троцкистов. Процессы в Москве были проведены для того, чтобы оправдать этот план, главная часть которого отныне выполнялась не при свете судебных залов, а в застенках и лагерях Востока и Крайнего Севера.

* * *

Один очевидец, бывший заключенный громадного лагеря в Воркуте, сам не троцкист, так описывает последнюю деятельность троцкистов и их уничтожение*. Только в этом лагере, говорит он, содержалось около тысячи старых троцкистов, называвших себя «большевиками-ленинцами». Примерно 500 из них работали на шахтах Воркуты. Во всех лагерях в Печорской области находилось несколько тысяч «ортодоксальных троцкистов», которые «были в ссылке с 1927 года» и «остались верны своим политическим идеям и вождям до конца». Пишущий, вероятно, включает бывших капитулянтов в «ортодоксальных троцкистов», ибо в противном случае оценка их численности представляется сильно преувеличенной. «Помимо этих настоящих троцкистов,— продолжает он,— в то время в лагерях в Воркуте было больше 100 тысяч заключенных, которые, будучи в партии или в комсомоле, присоединились к троцкистской оппозиции, а затем в разное время и по различным причинам были принуждены «раскаяться, признав свои ошибки», и покинуть ряды оппозиции». Многие ссыльные, которые никогда не были членами партии, также считали себя троцкистами. В их число, вероятно, также следует включить оппозиционеров всех оттенков, даже сторонников Рыкова и Бухарина и недавних заключенных, принадлежавших к самым молодым возрастным группам, как указывает сам очевидец.

«Тем не менее,— замечает он,— троцкисты, сторонники Л. Д. Троцкого, были самой многочисленной группой». Среди их вожаков он упоминает В. В. Косиора, Познанского, Владимира Иванова и других настоящих троцкистов. «Они прибыли на шахту летом 1936 года и были размещены... в двух больших бараках. Они категорически отказались работать в шахте. Работали только на поверхности и не более 8 часов в день, а не 10—12 часов, как требовалось правилами и как работали все другие заключенные. Они вызывающе и организованно игнориро-

* Этот отчет «Троцкисты в Воркуте», подписанный М. Б., напечатан в эмигрантском меньшевистском «Социалистическом вестнике». 1961. № 10—11.

вали правила внутрилагерного распорядка. Большая часть их пробыла в изоляции около 10 лет, сначала в тюрьмах, затем лагерях на Соловках и, наконец, в Воркуте. Троцкисты были единственной группой политических заключенных, которые открыто критиковали «генеральную линию» Сталина и открыто и организованно сопротивлялись тюремщикам». Они по-прежнему заявляли, как делал Троцкий за границей, что в случае войны безусловно будут защищать Советский Союз, но стремятся свергнуть правительство Сталина, и даже «ультралевые», такие, как сторонники Сапронова, принимали эту позицию, хотя и с оговорками.

Осенью 1936 года после процесса над Зиновьевым и Каменевым троцкисты провели собрание в лагере и демонстрации в память о казненных товарищах-вождях. Вскоре, 27 октября, они начали голодовку. Это была та самая голодовка, в которой, согласно рассказу, цитированному выше, принимал участие младший сын Троцкого Сергей. Троцкисты всех печорских лагерей присоединились к голодовке, которая продолжалась 132 дня. Они протестовали против перевода их из прежних мест заключения и наказания без публичного суда. Они требовали 8-часового рабочего дня, одинаковой пищи для всех заключенных независимо от выполнения нормы, отделения политических от уголовных заключенных, вывоза инвалидов, женщин и стариков из полярных районов в районы с более мягким климатом. Решение начать голодовку было принято на открытом собрании. От участия в ней освобождались больные и старые заключенные, но «последние категорически отклонили исключение их». Почти в каждом бараке нетроцкисты откликнулись на призыв, однако «только в бараках троцкистов стачка была всеобщей».

Администрация, опасаясь, что эти действия могут распространиться, перевела троцкистов в полуразрушенные и брошенные бараки в 40 километрах от лагеря. Из тысячи заключенных несколько человек умерли, но только двое капитулировали. Эти двое не были троцкистами. В марте 1937 года по приказу из Москвы администрация лагеря уступила по всем пунктам и голодовка была прекращена. В последующие несколько месяцев, до того как ежовский террор достиг апогея, троцкисты пользовались завоеванными ими правами, и это подняло дух всех других заключенных настолько, что многие из них ждали 20-ю годовщину Октябрьской революции с надеждой на частичную амнистию. Однако вскоре террор разбушевался с новой силой. Питание было ограничено 400 граммами хлеба в день. ГПУ вооружило уголовников дубинками и подстрекало их против оппозиционеров. Началась стрельба без разбора. Все политические заключенные были изолированы внутри лагеря, окруженного колючей проволокой и круг-

лосуточно охранявшегося сотней вооруженных с головы до ног солдат.

Как-то утром в конце марта 1938 года были вызваны 25 человек, в основном ведущие троцкисты; им дали по килограмму хлеба каждому и приказали собрать вещи и подготовиться к переходу. «После теплого прощания с друзьями они вышли из бараков. Их пересчитали, и они ушли. Минут через 15—20 примерно в полукилометре от бараков, около крутого берега речки Верхняя Воркута внезапно раздался залп. Затем послышалось несколько разрозненных выстрелов и воцарилась тишина. Вскоре конвойные вернулись и прошли мимо бараков. Каждый понял, куда ушли 25».

На следующий день были вызваны не менее 40 человек. Им дали хлеб и приказали подготовиться к переходу. «Некоторые были настолько истощены, что не могли идти. Им обещали, что их посадят на телеги. С затаенным дыханием люди в бараках слушали хруст снега под ногами тех, кого уводили. Вот и звуки замерли, но люди напряженно прислушивались. Примерно через час в тундре прогремели выстрелы». Массы людей в бараках теперь знали, что их ожидало. Но после прошлогодней длительной голодовки и многих месяцев холода и голода не было сил сопротивляться. «Весь апрель и часть мая в тундре продолжались казни. Каждый день или через день вызывались 30—40 человек. Через громкоговорители передавались сообщения: «За контрреволюционную агитацию, саботаж, бандитизм, отказ работать, при попытке к бегству были расстреляны следующие...» Как-то была выведена большая группа, примерно сто человек, по большей части троцкисты... Когда их уводили, они запели «Интернационал», и сотни голосов в бараках присоединились к ним». Свидетель рассказывает о казни семей оппозиционеров. Жена одного из троцкистов пошла на казнь на костылях. Детей оставляли в живых только в том случае, если им было меньше 12 лет. Кровавая бойня во всех лагерях в районе Печоры продолжалась до мая. В Воркуте «в бараках остались в живых немногим более ста человек. Две недели прошли тихо. Затем выживших послали назад на шахту, где им сказали, что Ежов смещен, а ГПУ руководит Берия».

К этому времени едва ли хоть один из настоящих троцкистов и зиновьевцев остался в живых. Когда года через два сотни тысяч новых ссыльных поляков, латышей, литовцев, эстонцев появились в лагерях, они нашли там среди старых заключенных многих бывших сталинистов и даже немногих бухаринцев, но ни троцкистов, ни зиновьевцев не было. Старые заключенные рассказывали об их казни шепотом или намеками, потому что ничего не было более опасным даже для несчастного заклю-

ченного, чем навлечь на себя подозрение, что он испытывает симпатию или жалость к троцкистам *.

Террор ежовского периода был равносилен политическому геноциду. Было уничтожено целое поколение большевиков-антисталинцев. В последние 15 лет сталинского правления в советском обществе не осталось ни одной группы, даже в тюрьмах и лагерях, способных бросить ему вызов. Не разрешено было выжить ни одному центру независимого политического мышления. В сознании нации образовался громадный провал. Ее коллективная память была опустошена, преемственность революционной традиции порвана, способность создавать и кристаллизовать любые неконформистские понятия уничтожена. В итоге в Советском Союзе не осталось не только в практической политике, но даже и в скрытых умственных процессах какой-либо альтернативы сталинизму. (Такова была аморфность народного мышления, что даже после смерти Сталина не могло возникнуть никакого антисталинского движения снизу, из глубин советского общества, а реформы самых анахронических сторон сталинистского режима могли быть проведены только сверху бывшими наемниками и соучастниками Сталина.) Если процессы в Москве привлекли к себе внимание всего мира и ужаснули его, то великое избиение в концентрационных лагерях прошло почти незамеченным. Оно проводилось в такой глубокой тайне, что потребовались годы, чтобы истина обнаружилась. Троцкий лучше, чем кто-либо другой, знал, что лишь ничтожная часть террора проявлялась на процессах. Он мог только догадываться о творимом в тайне. Но даже он не мог постичь всю правду. А если бы даже и мог, то едва ли сумел бы понять все происходящее и осознать последствия этого в немногие оставшиеся ему годы. Он по-прежнему полагал, что антисталинские силы, способные выразить свои цели и политически эффективные, вскоре выйдут на авансцену и в особенности что они смогут свергнуть Сталина во время войны, приведя ее к победоносному и революционному завершению. Он все еще надеялся на возрождение старого большевизма, о силе и глубоком влиянии которого невольным доказательством служили бесконечные крестовые походы Сталина. Он не знал, что все антисталинские силы были ликвидированы, что троцкизм, зиновьевизм и бухаринизм — все потонуло в крови как некая Атлантида, исчезло с политического горизонта. Он был единственным выжившим атлантом.

* Я обязан подробным и проницательным описаниям жизни в лагерях в Воркуте на этом этапе Бернарду Зингеру, хорошо известному польскому журналисту, который был сослан туда в начале второй мировой войны.

* * *

Все лето 1938 года Троцкий был занят, готовя проект программы и резолюции для «учредительного конгресса» Интернационала. В действительности это было маленькое совещание троцкистов, состоявшееся 3 сентября 1938 года в доме Альфреда Росмера в Периньи, местечке под Парижем. На нем присутствовал 21 делегат, претендуя на представительство от 11 стран *. Над конференцией висела тень недавних убийств и похищений. Был избран почетный президиум из трех молодых мучеников: Левы, Клемента и Эрвина Вольфа **. Вместе с секретарем по организации совещания Клементом исчезли документы о работе троцкистов в различных странах, проект устава IV Интернационала и другие документы. Чтобы предотвратить новый удар со стороны ГПУ, конференция провела только одно пленарное заседание, продолжавшееся без перерыва целый день, и отказалась допустить наблюдателей от каталонского ПОУМа и Французской социалистической рабоче-крестьянской партии ***. Для обеспечения «глубочайшей тайны» в манифесте, выпущенном конференцией, говорилось о «конгрессе, состоявшемся в Лозанне». На конференции однако «русскую секцию» Интернационала «представлял» Этьен. Присутствовало также два гостя: некая Сильвия Агелоф, троцкистка из Нью-Йорка, служившая в качестве переводчика. Незадолго до начала конференции она приехала из Соединенных Штатов и в Париже встретилась с человеком, назвавшим себя Жаком Морнаром, и стала его любовницей. Он слонялся у комнаты, где проходила конференция, притворяясь, что не испытывает никакого интереса к в высшей степени тайному сборищу и ожидает только выхода Сильвии.

На конференции председательствовал Макс Шахтман. На своем однодневном пленарном заседании конференция проголосовала по докладам комиссий, по резолюциям, большая часть которых была написана Троцким. Официальная повестка дня была так перегружена, что от обычного конгресса потребовалась бы недельная работа, чтобы справиться с ней. Навиль представил «доклад о положении дел, который должен был оправдать решение ор-

---

* Изложение основывается на «Протоколах всемирного конгресса IV Интернационала», состоявшегося 3 сентября 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* В моем распоряжении был экземпляр протоколов, полученный от бывших английских троцкистов. В 1938 г., как мне помнится, я читал более подробный критический отчет о «конгрессе», написанный польскими участниками.

** Эрвин Вольф, секретарь Троцкого в Норвегии, зять Конрада Кнудсена, поехал в 1936 г. в Испанию и там погиб от рук ГПУ.

*** Как ПОУМ, так и Социалистическая рабоче-крестьянская партия (маленькая активная французская партия, которой руководил Марсо Пивер), «симпатизировали» троцкизму, но имели с ним разногласия.

ганизаторов учредить IV Интернационал. Неумышленно, однако, он показал, что Интернационал был почти фикцией. Ни одно из его так называемых исполнительного и международного бюро не работали в последние годы. «Секции» Интернационала состояли из нескольких десятков или, самое большее, немногих сотен членов каждая. Это было верно даже для самой многочисленной секции, американской, заявившей, что она имеет две с половиной тысячи членов *. Конференция, однако, осталась непоколебимой в своей решимости конституироваться в «учредительный конгресс», как рекомендовал Троцкий. Только два польских делегата запротестовали, указав, что «польская секция в целом против провозглашения IV Интернационала». Они говорили, что безнадежно пытаться создать новый Интернационал, когда рабочее движение в целом находится в упадке в период «острой реакции и политической депрессии», что все предшествующие Интернационалы в определенной степени были обязаны своим успехом тому факту, что возникали во время революционного подъема. «Создание каждого из прежних Интернационалов являлось определенной угрозой правлению буржуазии... Иначе обстоит дело с IV Интернационалом. Ни один значительный отряд рабочего класса не откликнется на наш манифест. Нужно ждать». Поляки соглашались с Троцким, что II и III Интернационалы «морально мертвы», но предупредили конференцию, что легкомысленно недооценивать влияние этих Интернационалов на рабочий класс многих стран. Хотя поляки одобрили проект программы Троцкого, они всякий раз взывали к своим товарищам воздержаться от «пустого жеста и глупости» **.

Это были веские возражения, исходившие от единственной троцкистской группы вне пределов СССР, имевшей за своими плечами многие годы подпольной революционной работы и прочную традицию марксистского мышления, восходившую к Розе Люксембург. Большую часть работы конференции заняли возражения полякам, однако не было сделано серьезной попытки опровергнуть их аргументы. Навиль заявил, что сейчас момент «чрезвычайно под-

---

* «Internal Bulletins» американских троцкистов оценивали численность секции в 1000 человек. Дуайт Макдональд указывает (в «Memoirs of a Revolutionist». New York, 1958. P. 17): «У нас было примерно 800 человек».

** Одним из двух польских делегатов был молодой ученый «Стефан», продолжавший образование во Франции, который в юности провел несколько лет в польской тюрьме для малолетних, осужденный за политическую деятельность, в другой, пожилой рабочий еврей Карл, провел в тюрьмах при царе и Пилсудском 12 лет, принимал участие в Октябрьской революции, находясь в Москве, и сражался в первых битвах гражданской войны в России. Он вернулся в Польшу, был приговорен к смерти за революционную деятельность и бежал, когда его вели к месту казни. Я был автором аргументации против создания IV Интернационала, которую эти два делегата развили на конференции.

ходящий» для создания нового Интернационала. «Необычайно важно положить конец нынешней неопределенной обстановке, иметь определенную программу, определенно созданное международное руководство и определенно созданные национальные секции». Шахтман отверг исторические доводы поляков как «неподходящие к этому случаю и неверные» и охарактеризовал поляков как «наших меньшевиков», ибо только меньшевики могут проявить такое непонимание важности организации и столь малую веру в будущее Интернационала. Конференция 19 голосами против трех решила немедленно провозгласить создание IV Интернационала.

После торопливого и почти единодушного принятия всех других резолюций делегаты приступили к выбору Исполнительного Комитета. В этот момент Этьен, главный докладчик по «русскому вопросу», выступил с протестом, указав, что «русской секции» не предоставили места. Конференция исправила промах, назначив Троцкого «секретным» и почетным членом Исполкома. Поскольку Троцкий не мог участвовать в работе Исполкома, провокатор продолжал представлять «русскую секцию».

* * *

Троцкий решил «основать» новый Интернационал в то время, когда, как предупреждали его поляки, это событие не могло оказать никакого влияния. Его приверженцы в Советском Союзе («самая сильная секция IV Интернационала») были уничтожены. Число его сторонников в Европе и Азии падало. Почти во всех странах к Востоку от Рейна и к югу от Альп рабочее движение было разгромлено. Никакая марксистская организация не могла вести систематической подпольной борьбы при правлении Гитлера в Германии, Австрии, а теперь и в Чехословакии. Во Франции Народный фронт распадался в разочаровании и апатии. В Испании гражданская война подходила к концу — там левые силы потерпели моральное поражение раньше, чем военное. Весь Европейский континент находился в политической прострации, ожидая, когда по нему прокатится вооруженная мощь Гитлера. Потребовались годы нацистской оккупации, невыносимого угнетения и унижения, чтобы заставить рабочий класс некоторых стран вернуться к политической активности или начать движение Сопротивления. Но и тогда рабочие, по крайней мере во Франции и Италии, обратились к сталинистским партиям, которые были связаны с Советским Союзом — величайшей и с 1941 года самой эффективной силе Сопротивления. Как бы ни изменялись обстоятельства, влиянию троцкизма было суждено остаться ничтожным.

Не лучшими были перспективы и в Азии, хотя вся она была охвачена революционным брожением. Троцкий уделял много вре-

мени и внимания социальным и политическим событиям в Китае, Японии, Индии, Индокитае и Индонезии. Во всех этих странах он оказывал влияние на небольшие группы коммунистов-интеллигентов и рабочих, но нигде, за исключением Цейлона, его сторонники не сумели создать эффективной политической партии. Даже в Китае, где его оппозиция политике Сталина в 1925—1927 годах могла бы, казалось, произвести самое большое впечатление, IV Интернационал не имел секции, достойной этого названия. Группы троцкистов, работавшие в подполье, находившиеся под давлением ужасающей нищеты и преследуемые Гоминьданом и сталинистами, состояли из двух десятков человек в Шанхае, нескольких десятков человек в Гонконге и еще меньших кружков, разбросанных в центральных и восточных провинциях. Даже после того, как Чзнь Дусю стал разделять троцкистские взгляды, им не удавалось прорваться через изоляцию. Чэнь Дусю провел шесть лет в тюрьме. По освобождении он был выслан в отдаленную деревню в провинции Чунцин. Ему было запрещено принимать участие в политической жизни или публиковать свои труды. Он жил впроголодь, в страхе, согнутый бременем ответственности за поражение 1927 года. Ему не доверяли даже троцкисты. На него клеветали маоисты. Он был окружен шпионами, а полиция Чан Кайши грозила ему убийством. В конце концов в 1943 году она бросила его в тюрьму и убила. В 1938—1939 годах Троцкий отчаянно пытался вывезти его из Китая, надеясь, что «он сможет сыграть в IV Интернационале роль, сравнимую с ролью Катаямы в III Интернационале, но... с большей пользой для дела революции». Однако Чэнь Дусю начал сдавать и впадал в самый крайний пессимизм. Тем не менее время от времени он анализировал обстановку в Китае, с большой проницательностью указывая, где и почему троцкизм терпит неудачу. В заявлении, написанном через два месяца после провозглашения IV Интернационала, он объяснил, например, почему революционное движение в Китае должно опираться на крестьянство, а не на городских рабочих (как думали раньше Троцкий и он сам). Японцы демонтировали промышленность в самых передовых провинциях Китая; следовательно, «китайский рабочий класс ослаблен численно, материально и духовно и находится в таких же условиях, как 30 или 40 лет назад». Поэтому неверно считать, что революция найдет свои главные центры в городах. «Если мы сегодня не поймем, какими могут быть политические обстоятельства будущего, и не признаем ясно слабость китайского пролетариата и то положение, в каком находится его партия, мы так и будем сидеть в наших маленьких норах, утратим наши шансы и, очень довольные самими собой, будем жить крохами утешения». Троцкисты, продолжал он, своим сектантским высокомерием,

чисто негативным отношением к маоизму и нечувствительностью к нуждам войны против Японии отрезали себя от реальной политической жизни. Он опасался, что основание IV Интернационала лишь укрепит их в «высокомерии и иллюзиях», и все предприятие окончится банкротством. Сам он склонялся к примирению то с Гоминьданом, то с маоизмом, но не был способен или не хотел договориться ни с первым, ни со вторым. Он был сломленным человеком, доживавшим последние трагические годы. Его предостережения и нелегкая судьба как в фокусе сосредоточили в себе трудности троцкизма в этой части мира *.

Единственной страной, где троцкизм вызвал некоторый интерес, были Соединенные Штаты Америки. В январе 1938 года после различных расколов и слияний образовалась Социалистическая рабочая партия, которая скоро завоевала титул «сильнейшей секции» IV Интернационала. В ее активе была определенная боевая деятельность в профсоюзах и промышленности. Она регулярно выпускала два периодических органа: «Нью интернэшнл», теоретический ежемесячник, и «Милитант». Во главе этой партии была довольно большая по американским критериям группа опытных и способных руководителей, среди которых наиболее известны Джеймс П. Кеннон, Макс Шахтман и Джеймс Бернхем **. Троцкий находился в пределах досягаемости партии, был готов давать советы, критиковать, хвалить, подталкивать, улаживать споры и склоки. Между Нью-Йорком и Мехико сновали эмиссары, а контакт облегчался тем обстоятельством, что почти все секретари и охранники Голубого дома были американцами. Теперь скорее Нью-Йорк, а не Париж стал центром троцкизма, но даже при всем этом американская партия была слишком слабым растением, росшим на почве, из которой оно могло черпать только скудное питание.

Тогда почему, несмотря на такие неблагоприятные предзнаменования, Троцкий пошел на основание IV Интернационала?

Прошло больше пяти лет с тех пор, как он решил, что «невозможно находиться в одном Интернационале со Сталиным, Мануильским и К^0». В эти годы III Интернационал пришел в такой

* См. письма Троцкого «товарищу Глассу» от 5 февраля и 25 июня 1938 г. и рассказ Г. Флитмана о впечатлениях, вынесенных из поездки по Китаю и встречах с китайскими троцкистами (19 февраля 1940 г.). Обширная корреспонденция Троцкого с китайскими сторонниками говорит о том, что он всегда испытывал громадный интерес к перспективам китайской революции. Я рассказываю о взглядах Чэнь Дусю, основываясь на большой статье, написанной им в Хечуане и датированной 3 ноября 1938 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

** *Cannon J. P.* The History of American Trotskism. New York, 1944; *Pablo M.* Vingt ans de la Quatrième International // Quatrième International. 1958—1959; *Shachtman M.* Twehty-five Years of American Trotskism // The New International. 1954.

упадок и так разложился, что Троцкий был вынужден порвать с ним от своего имени и от имени своих сторонников с максимальной остротой и драматизмом. Ленин, восставая против II Интернационала, как-то потребовал от большевиков сбросить старое «грязное белье» социал-демократии и называть себя коммунистами. Троцкий говорил о «сифилисе сталинизма» или о «раке, который должен быть выжжен в рабочем движении каленым железом», веря, что дает жизнь организации, которая сыграет решающую роль в грядущей революционной классовой борьбе *.

Менее ясно, надеялся ли он на успех в ближайшем будущем или трудился «для истории», не испытывая такой надежды. Его собственные заявления противоречивы. «Все великие движения,— писал он, имея в виду малочисленность своих последователей,— начинали как «отколовшиеся группы» старых движений. Христианство вначале было «отколовшейся» частью иудаизма, протестантство — «отколовшейся» частью католицизма, то есть выродившегося христианства. Группа Маркса и Энгельса возникла, «отколовшись» от левых гегельянцев. Коммунистический Интернационал был подготовлен во время последней войны людьми, «отколовшимися» от социал-демократического Интернационала. Зачинатели всех этих движений смогли завоевать массовую поддержку только потому, что не боялись оказаться в изоляции». Высказывание, подобное этому, несмотря на весь его исторический оптимизм, предполагает, что Троцкий не ожидал скорого и решительного успеха. С другой стороны, проект программы, написанной им для Интернационала, был не столько заявлением о принципах, сколько инструкцией по тактике, предназначенной для партии, по горло занятой борьбой в профсоюзах и повседневной политикой, пытающейся немедленно добиться практического лидерства. В послании «учредительному конгрессу» он писал: «Отныне перед IV Интернационалом стоит задача массового движения... теперь он является единственной организацией, которая не только имеет ясное представление о движущих силах этой... эпохи, но также располагает полным набором повседневных требований, способных объединить массы в революционной борьбе за власть». И дальше: «Диспропорция между нашей внешней силой и завтрашними задачами яснее нам, чем нашим критикам. Однако суровая и трагическая диалектика нашей эпохи работает на нас. Массы, которых [война] приведет к крайнему отчаянию и возмущению, не найдут другого руководства, кроме как предлагаемого им IV Интернационала». В послании американским сторонникам он превозносил миссию нового Интернационала почти в мис-

* Речь по-английски по поводу «учредительного конгресса» // Б. О. 1938. Ноябрь. № 71.

тических выражениях, но с еще большей уверенностью: «В грядущие 10 лет Программа IV Интернационала получит поддержку миллионов, и эти революционные миллионы смогут штурмовать небо и землю». В дни мюнхенского кризиса он снова заявил, что, хотя IV Интернационал может оказаться слабым в начале следующей войны, «каждый новый день будет работать на нас... Уже в первые месяцы войны бурная реакция против угара шовинизма охватит трудящиеся массы. Его первыми жертвами вместе с фашизмом станут партии II и III Интернационалов. Их крах — необходимое условие для открытого революционного движения, руководимого... IV Интернационалом». В беседе с Кингсли Мартином, посетившим его в 1937 году, Троцкий воскликнул: «Я говорю вам, что через 3—5 лет, считая от нынешнего момента, IV Интернационал будет великой силой в мире» *.

Надежды Троцкого основывались на двоякой предпосылке: грядущая война будет иметь своим продолжением революционные последствия, аналогичные случившемуся после первой мировой войны, но бо́льшие по размаху и силе, а сталинистские партии, подобно социал-демократическим партиям, употребят всю свою силу на обуздание волны революции. Более, чем когда-либо, он был убежден в том, что главными полями битв социализма будут развитые промышленные страны Запада. Спасительная революционная инициатива должна прийти от их рабочего класса. Только она была способна разбить порочный круг: социализм в одной стране и бюрократический абсолютизм, в котором, как в тюрьме, оказалась русская революция. Троцкий никак не мог поверить, чтобы западный капитализм, уже потрясенный кризисами и депрессиями в 30-е годы, мог выжить в грядущем катаклизме. Он не сомневался, что Гитлер попытается объединить Европу под главенством германского империализма и потерпит неудачу, но Европа нуждается в объединении, и ее может объединить лишь пролетарская революция, которая положит начало Соединенным Штатам Социалистической Европы. Не только Германия со своим марксистским наследием, но и Франция, и Италия с их революционными традициями, и даже Северная Америка

* Б. О. 1938. № 66—67, 71. Беседа с Кингсли Мартииом, описанная им в «The New Statesman and Nation» от 10 апреля 1937 г., была довольно недружественной, ибо Мартина заботила «защита чести» его друга Д. Н. Притта, королеаского адвоката, члена парламента, который занимался оправданием московских процессов перед британским общестаенным мнением с юридической точки зрения. Чувстаительность британского издателя к чести Притта и его раанодушие к чести всех подсудимых на московских процессах н самого Троцкого, вероятно, приаела Троцкого в раздраженне и подтолкнула его к этому опрометчиаому заявленню. Сам Троцкнй а переписке с Международным Секретариатом в Париже дал довольно пикантное описание визита Мартина а Койоакан.

будут втянуты в социальный переворот. Во введении к книге «Живая мысль Карла Маркса», написанном в 1939 году, Троцкий отвергал «новый курс» Рузвельта и все попытки оживить и реформировать капитализм как «реакционное и безнадежное знахерство». Он указывал на уместность использования «Капитала» при анализе проблем американской экономики, приветствуя зарю новой эпохи марксизма в Соединенных Штатах. В марксизме также «Америка несколькими скачками догонит Европу и перегонит ее. Прогрессивная социология и прогрессивная социальная структура проложат собственный путь в сфере доктрины. Лучшие теоретики марксизма появятся на американской почве. Маркс станет учителем передового американского рабочего» *.

Троцкий не игнорировал громадный потенциал революции в слаборазвитых странах, особенно в Китае. Он писал об этом больше, чем любой публицист в 30-е годы. Однако он рассматривал эти перспективы как подчиненные перспективам революции на Западе: «Стоит ей только начаться, как социалистическая революция будет распространяться из страны в страну с неизмеримо большей силой, чем сейчас распространяется фашизм. По примеру и с помощью передовых стран отсталые страны тоже будут введены в основной поток социализма». Доводя до крайних границ логику классического марксизма, который считал «прогрессивную технологию и прогрессивную социальную структуру» основной для социалистической революции, Троцкий, не желая того, показал противоречие между теорией и практикой. Если бы передовые промышленные страны сыграли ту роль, которую теоретически отвел им классический марксизм, ни одна другая страна не подходила бы лучше к марксизму и социализму, чем Соединенные Штаты. Троцкий не предвидел и не мог предвидеть, что в последующие несколько десятилетий отсталые страны образуют «главный поток социализма», что «передовой Запад» будет стремиться сдержать этот поток или отбросить его назад, а Соединенные Штаты, вместо того чтобы развить собственную ультрасовременную версию марксизма, станут величайшим и самым мощным оплотом против него **.

Он ожидал, что рабочий класс Запада поднимется, как поднимался в 1848, 1871, 1905 и 1917—1918 годах. Применяя традиционную марксистскую концепцию даже к Китаю, он с недоверием относился к «крестьянским армиям» Мао Цзэдуна, опасаясь, что, подобно многим таким армиям в истории Китая, они могут превратиться в инструмент реакции, вступить в конфликт с рабочими, если пос-

* Living Thoughts of Karl Marx. P. 38.

** Будут ли прогнозы Троцкого о «передовом Западе», особенно Соединенных Штатах, выглядеть столь нереально к концу столетия, как они выглядели в середине столетия, конечно, остается открытым вопросом.

ледние не сумеют вернуть себе революционную инициативу. Несмотря на предостережения Чэнь Дусю, Троцкий верил, что китайский рабочий класс сумеет возобновить свой политический подъем и укрепиться как ведущая сила революции. Для Троцкого оставалось аксиомой, что во всей современной классовой борьбе главенство принадлежит городам, а само представление, что революционное движение может возникнуть в деревне и повести за собой города, в его глазах было нереальным и отсталым. Как на Западе, так и на Востоке, настаивал Троцкий, революция будет либо истинно пролетарской, либо ее вообще не будет. Меньше всего он мог предвидеть положение, сложившееся во время и после второй мировой войны, когда ход классовой борьбы на Востоке и Западе управлялся, а в определенном смысле извращался сначала союзом между сталинской Россией и Западом, а затем их антагонизмом, захватившим весь мир.

Исходя из этих посылок, Троцкий не мог не поставить такой вопрос: кто, какая партия будет руководить грядущими революционными битвами? II Интернационал, отвечал Троцкий,— это гниющая подпорка старого режима, III Интернационал — орудие в руках Сталина, которое Сталин отбросит в случае необходимости или использует в качестве разменной монеты в сделках с капиталистическими державами. Сталин и его бюрократия живут в страхе перед революцией за рубежом, которая могла бы поднять рабочий класс Советского Союза и поставить под угрозу бюрократический абсолютизм и привилегии. Таким образом, рабочие, вступающие в эпоху новых социальных конвульсий, не имеют во главе себя революционной марксистской партии. Отсутствие руководства ответственно за длинную цепь неудач, которые они потерпели в 20-е и 30-е годы. Без революционного руководства они потерпят новые и куда более катастрофические поражения. Если марксизм не есть ложное учение, если рабочий класс остается историческим носителем социализма и если ленинизм прав, указывая, что рабочие не победят без руководства «авангарда», тогда затянувшийся «кризис руководства» может быть разрешен лишь созданием новой коммунистической партии и нового Интернационала. В свои добольшевистские годы Троцкий, подобно Розе Люксембург и многим другим марксистам, был склонен полагаться на стихийную деятельность рабочего класса, игнорируя руководящие и организаторские функции партии, те функции, которые находились в центре внимания Ленина. С тех пор Троцкий стал усматривать в этом подходе самую большую свою ошибку из совершенных за долгую политическую карьеру, и он больше не хотел снова возлагать надежды на «стихийный» прилив революции. Когда эта аргументация потребовала от него поставить перед самим собой соответствующую задачу, он не побоялся трудностей, даже очевидной

безнадежности. «II и III Интернационалы мертвы. Да здравствует IV!» Его долг, как он его видел,— провозгласить этот лозунг, а что до остального, то пусть о нем позаботится будущее.

* * *

Если не вообще, то во всяком случае среди радикальной американской интеллигенции, особенно в литературных кругах, троцкизм в то время одерживал успехи. Под влиянием мирового экономического кризиса, подъема нацизма и гражданской войны в Испании многие американские интеллектуалы склонялись к коммунистической партии. Однако самые критически настроенные останавливались перед оппортунизмом Народного фронта, заставлявшего партию следовать за Рузвельтом и восхвалять «новый курс». Они были потрясены и приведены в отвращение московскими процессами, двусмысленными маневрами и странными ритуалами сталинизма. Троцкизм представлялся им свежим ветром, врывающимся в затхлый воздух левых сил и открывающий новые горизонты. Писатели откликнулись на драму борьбы Троцкого, на его красноречие и литературный гений. Троцкизм стал своего рода модой, которая оставила много следов в американской литературе. Среди писателей, особенно среди критиков, попавших под его влияние, были Эдмонд Вильсон, Сидней Хук, Джеймс Т. Фаррел, Дуайт Макдональд, Чарлз Маламуд, Филипп Рав, Джеймс Рорти, Гарольд Розенберг, Клемент Гринберг, Мэри Маккарти и многие-многие другие *.

Журнал «Партизан ревью» стал центром этого «литературного троцкизма». Издаваемый Филиппом Равом и Уильямом Филипсом журнал выходил под эгидой клубов Джона Рида и косвенно коммунистической партии. Однако издатели, приведенные в раздражение вмешательством партии в литературу, чувствуя неловкость по поводу политической эквилибристики партии и потрясенные московскими процессами, прекратили выпуск журнала. Тем не менее к концу 1937 года они возобновили его издание, изменив ориентацию: «Партизан ревью» должен стоять за революционный социализм и против сталинизма. Издатели предлагали Троцкому сотрудничать. Сначала он отказался и сдержанно отнесся к этому предприятию. «У меня сложилось впечатление,— писал он Дуайту Макдональду,— что издатели «Партизан ревью» способны, образованны и интеллигентны, но им нечего сказать» **. Лидеры Социа-

---

* *Macdonald D.* Memoirs of a Revolutionist. New York, 1958. P. 12—15.

** Троцкий — Макдональду 20 января 1938 г. Издатели «Partisan Review» пригласили Троцкого принять участие в симпозиуме по марксизму, в котором должны были участвовать Г. Ласки, Сидней Хук, Игнацио Силоне, Эдмонд Вильсон, Август Талгеймер, Джон Стрейчи, Феннер Брокквей и др. Тема была опре-

листической рабочей партии не хотели, чтобы престиж Троцкого был связан с этим журналом, и он сам задавался вопросом, насколько серьезна декларированная приверженность «Партизан ревью» революционному социализму. Большинство писавших в журнале знали о марксизме и большевизме только по сталинистским извращениям. Не случится ли так, что они, разочаровавшись в сталинизме, поднимутся также против марксизма и большевизма? С другой стороны, он упрекал издателей за слишком слабую реакцию на московские процессы и за попытки поддерживать дружественные отношения с «Нью мэсис», «Нейшн» и «Нью рипаблик», которые либо защищали процессы, либо выступали в отношении их двусмысленно. «Одни меры,— писал Троцкий Раву,— необходимы для борьбы против неверной теории, а другие — для борьбы с эпидемией холеры. Сталин несравненно ближе к холере, чем к ложной теории. Борьба должна быть напряженной, свирепой и беспощадной. Элемент «фанатизма»... целителен» *. Позднее в том же году «Партизан ревью» усилил выступления против Сталина — лед был сломан. Момент самого тесного союза с Троцким наступил, когда Бретон и Ривера, вдохновляемые Троцким, опубликовали на страницах журнала свой «манифест» в пользу свободы и призвали создать международную федерацию революционных писателей и художников для борьбы с тоталитарными поползновениями на литературу и искусство **.

Французский поэт сюрреалист Андре Бретон приехал в Койоакан в феврале 1938 года. Он давно восхищался Троцким, и ничто лучше не характеризует его чувства к Троцкому, чем письмо, написанное им после посещения Мексики на борту парохода, на котором он возвращался во Францию: «Бесценный Лев Давыдович! Обращаясь к Вам таким образом, я страдаю меньше от отсутствия уверенности, чем страдал в Вашем присутствии. Мне очень хотелось обратиться к Вам именно таким образом. Я говорю это Вам с тем, чтобы Вы поняли, как мне трудно, когда я пытаюсь сделать шаг к Вам на Ваших глазах». Эта трудность объяснялась «безграничным восхищением». Это был «комплекс Корделии», который овладевал им всякий раз при встрече с Троцким. Такое затруднение всегда вставало перед ним, когда ему приходилось приблизиться к

делена так: «Что живо н что мертво в марксизме?» Тот факт, что «Partisan Review» намеревался открыть ату «новую главу», поставив под вопрос жизнеспособность марксизма, не выставил журнал в похвальном свете в глааах Троцкого. См. переписку Троцкого с издателями «Partisan Review» в *Архиве Троцкого. Закрытая секция.* Иадатели откааались от идеи симпоаиума.

* Троцкий — Раву 21 марта 1938 г. // Там же.

** «Partisan Review». Fall 1938; в пнсьмах Троцкого Раву от 12 мая я 30 июля 1938 г. *(Архив Троцкого. Закрытая секция)* содержится язвнтельная критика Джеймсом Бернхемом лиц, работавших в «Partisan Review», вместе с расскааом о их скандальной жизни. (Бернхем — Троцкому 12 апреля 1938 г.)

великому человеку: «Вы один из них... единственно живой... Мне потребуются большие усилия, чтобы убедить себя, что Вы не недосягаемы». Ответ Троцкого на это письмо не менее характерен: «Ваше восхваление кажется мне настолько преувеличенным, что я начинаю беспокоиться о будущем наших отношений»*.

Во время пребывания Бретона в Койоакане он, Троцкий и Ривера совершали длительные прогулки и поездки на природу, иногда ожесточенно споря о политике и искусстве. Во Франции сюрреалисты и троцкисты (особенно бывший сюрреалист Навиль) конфликтовали друг с другом. Отношение Троцкого к сюрреализму, однако, как и к любому новаторству в области искусства, было довольно дружественным, хотя и критическим. Он принимал квазифрейдистскую концентрацию сюрреалистов на сновидениях и подсознательной работе мозга, но укоризненно покачивал головой по поводу «нотки мистицизма» в творчестве Бретона и его друзей. Хотя эти вопросы были далеки от тогдашних забот Троцкого (посещение Бретона совпало со смертью Левы и процессом Бухарина), он тем не менее долго спорил с Бретоном и Риверой о коммунизме и искусстве, о философии марксизма и эстетике. Из этих споров возникла идея манифеста к писателям и художникам и создания международной федерации. «Манифест», соавтором которого являлся Троцкий, был опубликован за подписями Бретона и Риверы в «Партизан ревью» **. Троцкий так комментировал это предприятие в письмах Бретону и в «Партизан ревью»:

«Я от всего сердца приветствую,— писал он Бретону,— Вашу и Риверы инициативу основать международную федерацию по-настоящему революционных и по-настоящему независимых художников и, почему не добавить, настоящих художников?.. Наша планета превращается в грязный и зловещий империалистический барак. Герои демократии... делают все, чтобы походить на героев фашизма... и чем более невежествен и туп диктатор, тем чаще он считает себя призванным руководить развитием науки, философии и искусства. Стадный инстинкт интеллигенции и ее раболепие являются другим и не менее значительным симптомом упадка современного общества».

Идеи манифеста были в основе теми же, какие Троцкий выразил в «Литературе революции» 15 лет назад, когда пытался предот-

---

* Бретон — Троцкому 9 августа 1938 г. и ответ Троцкого от 31 августа. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* См. также: *Breton A.* La cle des champs. Paris, 1953. P. 142—154; id Entretins. Paris, 1945. P. 118—119, 187—190. *Nadeau M.* Histoire du Surrealisme. Paris, 1953. P. 242—244.

** «Partisan Review». Fall 1938. Бретон утверждает, что вклад Риверы ограничился лишь его подписью, а главным автором манифеста был Троцкий, считавший, что ему не нужно подписывать его.

вратить установление сталинистской опеки над литературой и искусством. Теперь он нападал на льстецов сталинизма, «арагонов, эренбургов и других мелких ловкачей», на «господ, которые [подобно Барбюсу] пишут с одинаковым энтузиазмом биографии Иисуса Христа и Иосифа Сталина», и на Мальро, чья «ложь» в последних описаниях событий в Германии и Испании «тем более отвратительна, ибо он пытается преподнести ее в художественной форме». Он расценивал поведение Мальро как «типичное для целой категории, почти поколения писателей: многие из них лгут из мнимой «дружбы» к Октябрьской революции, как будто революция нуждается во лжи». Борьба за художественную правду и постоянную верность художника себе поэтому стала необходимой частью борьбы за идею революции.

«В искусстве человек выражает... свою нужду в гармонии и полнокровном существовании... которую не дает ему классовое общество. [Цитата взята из письма Троцкого в журнал «Партизан ревью».] Поэтому в искусстве... всегда присутствует сознательный или бессознательный, активный или пассивный, оптимистический или пессимистический протест против реальности. Умирающий капитализм не способен обеспечить даже минимальные условия, необходимые для развития тех тенденций в искусстве, которые в какой-то мере соответствуют нуждам нашей эпохи. Он суеверно боится нового мира. Угнетенные массы живут собственной жизнью. Богемный артистический кружок замкнулся в собственной узости... Художественные школы последних десятилетий: кубизм, футуризм, дадаизм, сюрреализм сменяли друг друга, причем ни одна из них не пришла к зрелости... Невозможно найти выход из этого тупика только художественными средствами. Это кризис всей цивилизации... Если современное общество не сумеет преобразовать себя, искусство неизбежно погибнет, как греческое искусство погибло под руинами рабовладельческой цивилизации... Отсюда: функция искусства в нашу эпоху определяется его отношением к революции.

Однако именно здесь история устроила искусству грандиозную ловушку. Целое поколение «левой» интеллигенции... устремило свои взоры к Востоку и связало... свою судьбу не столько с революционным рабочим классом, сколько с победоносной революцией, что не одно и то же. В той победоносной революции заключена не только революция, но и новый привилегированный слой... [который] задушил художественное творчество тоталитарной рукой... Даже при абсолютной монархии придворное искусство основывалось на идеализации, а не на фальсификации, в то время как в Советском Союзе официальное искусство, а там нет другого, разделяет судьбу официальной юстиции. Его цель возвеличивать «вождя» и официально вырабатывать героический миф...

Стиль официальной советской живописи называют «социалистическим реализмом». Такой ярлык мог придумать только бюрократ, стоящий во главе департамента искусств. Реализм состоит в имитации провинциальных дагерротипных снимков третьей четверти предшествующего столетия, «социалистический» стиль — в использовании фокусов в фотографии, чтобы представлять события, которые никогда не происходили. Нельзя без отвращения и ужаса читать поэмы и романы, смотреть на картины и скульптуры, в которых чиновники, вооруженные пером, кистью и резцом, под надзором чиновников, вооруженных револьверами, возвеличивают «гениальных вождей», в которых нет ни грана гениальности или величия. Искусство сталинской эпохи останется самым ярким выражением глубочайшего упадка пролетарской революции».

Проблема, продолжает Троцкий, не ограничивается Советским Союзом:

«Под предлогом запоздалого признания Октябрьской революции «левая» интеллигенция Запада встала на колени перед советской бюрократией. Новая эра открылась всякого рода центрами и кружками... с неизбежными посланиями от Ромена Роллана, субсидированными изданиями, банкетами и конгрессами (где трудно провести различие между искусством и ГПУ), но, несмотря на широкий размах, это милитаризированное движение не произвело на свет ни одного художественного произведения, способного пережить автора и его вдохновителей в Кремле.

Искусство, культура и политика нуждаются в новой перспективе. Без нее человечество не пойдет вперед... Однако по-настоящему революционная партия не захочет «руководить» искусством, не говоря уже о том, чтобы командовать им... Только невежественная и наглая бюрократия, опьяненная произвольной властью, может претендовать на это... Искусство может быть величайшим союзником революции, только оставаясь верным себе».

Несмотря на столь вдохновляющие призывы, международная федерация писателей и художников никогда не стала реальностью. В Европе ее призыв к защите свободы художественного творчества скоро был заглушен громом приближающейся войны, да и в Америке медовый месяц «литературного троцкизма» был коротким. Как и опасался Троцкий, отвращение интеллигенции к сталинизму превращалось в реакцию против марксизма вообще.

В очередной раз мы можем проследить здесь странный цикл, через который проходили эмоции, вызванные Троцким у его интеллектуальных сторонников. Большинство их обращалось к нему с подчеркнутым почтением, и в большинстве из них он вызывал «комплекс Корделии», о котором говорил Бретон. Но постепен-

но они обнаруживали, что его образ жизни и мышления сопряжен с невыносимым напряжением в нравственном отношении. Они вдруг увидели, что он «недосягаем». Их король Лир, приходили они к выводу, по-прежнему убежденный революционер. Он хочет собрать вокруг себя не таких людей, которые лирически восхищались бы им, он стремился сплотить борцов в интересах борьбы за самое невероятное дело. Он замышляет направить своих сторонников, как он сам об этом говорит, против всех властей на земле: против фашизма, буржуазной демократии и сталинизма, против всех разновидностей империализма, социал-патриотизма, реформизма и пацифизма, против религии, мистицизма и даже светского рационализма и прагматизма. Он требует от своих сторонников «безоговорочно защищать Советский Союз», несмотря на Сталина, и нападать на сталинизм с яростью, равной его ярости. Троцкий, никогда не отступающий ни на дюйм от своих принципов, не терпит таких отступлений у других. Он требует от своих сторонников непоколебимой убежденности, величайшего безразличия к общественному мнению, постоянной готовности к самопожертвованию, страстной веры в пролетарскую революцию, чье дыхание он постоянно чувствовал. Одним словом, он ожидает, чтобы они были сделаны из того же материала, из которого он сделан сам.

Они переминаются с ноги на ногу, и их чрезмерное почтение к нему уступает место неуверенности, сомнениям и усталости, которые все еще смешиваются с почтением, затем они переходят к оппозиции и, наконец, к скрытой или открытой враждебности. Один за другим «троцкиствующие» интеллектуалы стали отрекаться сначала робко, а затем злобно от своего прежнего энтузиазма и говорить об ошибках и промахах Троцкого. Поскольку нет ничего неудачнее самой неудачи, они начинали указывать на любые ошибки и фиаско Троцкого, действительные и мнимые, которые могли только разыскать, пока не стали поносить его как фанатичного догматика, пустого мечтателя или не приходили к мнению, что нет большой разницы между Троцким и Сталиным.

За устоявшейся традицией этих разочарований и порываемой дружбы таилось растущее раздражение радикальной интеллигенции Запада по поводу всего развития русской революции и марксизма. Это был один из повторяющихся процессов политической конверсии, в результате которой радикалы и революционеры одной эры превращаются в сторонников среднего курса, консерваторов или реакционеров следующей эры. Из «троцкиствующих» литераторов 30-х годов очень немногие не возглавили пропагандистский крестовый поход против коммунизма в конце 40-х годов и в 50-е годы. В этот крестовый поход они привнесли знакомство с коммунизмом, острое, хотя и одностороннее пони-

мание его уязвимых мест и страстную ненависть, которой научил их Троцкий в надежде, что сталинизм, а не коммунизм будет ее целью. (Конечно, многие бывшие сталинисты, никогда не поддававшиеся какому-либо влиянию Троцкого, тоже сыграли немалую роль в антикоммунистических походах, но чаще как вульгарные осведомители, а не как идеологи.)

Начало этой конверсии было полускрыто сумятицей второстепенных споров. Зимой 1937/38 года Истмен, Серж, Суварин, Цилига и другие подняли вопрос об ответственности Троцкого за подавление кронштадтского мятежа в 1921 году. Они занялись этим вопросом, пытаясь выяснить, где и когда проявился фатальный грех в большевизме, из которого вырос сталинизм. Он проявился в Кронштадте, отвечали они, в подавлении мятежа 1921 года. То был решительный переворот, первородный грех, приведший к падению большевизма! Но разве не Троцкий отвечал за подавление кронштадтского мятежа? Разве в этом акте он не предстает как предтеча сталинского террора? Критики с тем большей легкостью осудили его, что они в высшей степени идеализировали кронштадтский мятеж, возвеличивая его как первый поистине пролетарский протест против «предательства революции». Троцкий ответил, что их представление о кронштадтском мятеже ошибочно и что, если бы большевики не подавили восстание, они бы открыли шлюзы контрреволюции. Он взял на себя всю полноту политической ответственности за решение Политбюро, которое он поддержал, и отрицал лишь то, что лично руководил наступлением на Кронштадт *.

В полемику были привнесены странные и неразумные страсти. Нет необходимости соглашаться с версией Троцкого, чтобы увидеть, что его критики чрезмерно раздували важность кронштадтского восстания, вырывая его из исторического контекста. Крон-

* Б. О. 1938. № 70. С. 10. В письме Леве от 19 ноября 1937 г. Троцкий рассказывал, что, когда перед Политбюро встал этот вопрос, он высказался за наступление на Кронштадт, в то время как Сталин был против, указывая, что мятежники, если их предоставить самим себе, капитулируют в две-три недели. Забавно, что в публичной полемике против Сталина и в биографии Сталина Троцкий не упоминает об этом факте, хотя он обычно до конца использовал случаи политической «мягкости» Сталина или его уклонений от линии Ленина. Объяснялось ли это тем, что Троцкий в определенной степени чувствовал, что в данном случае «мягкость» будет на пользу Сталину? Спор о Кронштадте продолжался в «The New International» (*Троцкий Л.* Крик и шум по поводу «Кронштадта», апрель 1938 г.; *Серж В.* Письмо редакторам, февраль 1939 г.) и в книгах: *Ciliga A.* «Au pays du grand menson's». Paris 1937. *Serge V.* «Memoires d'un Revolutionnaire». Один из американских секретарей, Бернард Вольф, проведший несколько месяцев в Койоакане в 1937 г., написал потом роман «Великий князь умер», главная идея которого заключалась в том, что совесть и жизнь Троцкого разъела его вина за Кронштадт. К сожалению, роман отвратителен с точки зрения художественной и неверен исторически.

штадт, как прелюдия к сталинизму, в их глазах представлялся большим, чем основные факторы, которые сыграли на руку сталинизму: поражения коммунизма на Западе, бедность и изоляция Советского Союза, усталость трудящихся масс, конфликты между городом и деревней, «логика» однопартийной системы и т. д. По временам по поводу этого довольно старого и двусмысленного эпизода спор приобретал такой яростный характер, что Троцкий заметил: «Можно подумать, что кронштадтский мятеж случился не 17 лет назад, а только вчера». Троцкого злило, что его предполагаемые благожелатели избрали момент, чтобы поставить его в затруднение в связи с Кронштадтом как раз в разгар его кампании против московских процессов. Больше того, в то время как он осуждал расстрелы жен и детей антисталинистов, Серж и Суварин винили его за расстрелы заложников во время гражданской войны. Разве эти «крики и вопли» не помогают Сталину? Разве они не видят моральной и политической разницы между использованием им насилия во время гражданской войны и нынешним террором Сталина? Или они отрицают за большевистским правительством 1918—1921 годов право защищаться и требовать дисциплины?

«Я не знаю... были ли невинные жертвы [в Кронштадте]... Я не могу браться решать сейчас, спустя столько времени после событий, кого следовало наказать и каким образом... особенно когда под рукой нет данных. Я готов признать, что гражданская война не является примером гуманного поведения. Идеалисты и пацифисты всегда винили революцию за «эксцессы». Суть дела заключается в том, что «эксцессы» проистекают из самого характера революции, которая сама по себе есть «эксцесс» истории. Пусть желающие отвергают (в своих мелкотравчатых статьях) революцию на этом основании. Я ее не отвергаю».

Критики обвиняли его в «иезуитстве» или «ленинистской аморальности», то есть в том, что он придерживается принципа «цель оправдывает средства». Он ответил статьей «Их мораль и наша» — наступательным и красноречивым заявлением по поводу этики коммунизма *. Статья начинается ударом по тем демократам и анархистам «слева», которые во время триумфа реакции «выделяют вдвое больше, чем обычно, морального пота, как другие люди вдвойне потеют в страхе», но которые читают мораль не могущественным преследователям, а преследуемым революционе-

* Троцкий завершал первый вариант этой статьи, когда Ривера сообщил ему о смерти Левы, и он посвятил статью памяти Левы Б. О. 1938. № 68—69; «*The New International*». 1938. Статья появилась также в виде брошюры на многих языках.

рам. Конечно, он не признает каких-то абсолютных принципов морали. Такие абсолюты не имеют никакого значения, если не считать религии. Папы по крайней мере извлекают их из божественного откровения, но откуда его критики, эти «мелкие светские священники», берут свои вечные моральные истины? Из «совести человека», «природы морали» и аналогичных концепций, которые не что иное, как метафизическая замена божественного откровения.

Мораль коренится в истории и классовой борьбе и не имеет неизменной сущности. Она отражает социальную жизнь и нужды, и поэтому должна всегда связывать между собой средства и цели. В удивительном по силе пассаже он «защищает» иезуитов против их критиков-моралистов. «Орден иезуитов никогда не учил... что *любые* средства, пусть и преступные... разрешены, если они ведут к цели... Такая... доктрина была злоумышленно приписана иезуитам их противниками протестантами, а частично католиками, которые не испытывали никаких угрызений совести, избирая средства для достижения *своих* целей». Иезуитские теологи проповедовали трюизм о том, что использование любых средств, которые сами по себе могут быть морально нейтральными, следует оправдывать или осуждать в зависимости от характера целей, для которых они применяются. Стрелять вообще — морально нейтрально. Стрелять в взбесившуюся собаку, угрожающую ребенку, доброе деяние, стрелять с целью убить — преступление. «В своей практической морали иезуиты были не хуже любых других священников и монахов... напротив, они превосходили их, по крайней мере они были более последовательны, мужественны и проницательны. Они представляли собой боевую, закрытую, строго централизованную и агрессивную организацию, опасную не только для врагов, но и для друзей». Подобно большевикам, они имели собственную героическую эру и периоды упадка, когда из воинов церкви превращались в бюрократов и «подобно всем хорошим бюрократам становились хорошими мошенниками». В героический период, однако, иезуит отличался от обычного священника, как солдат церкви отличается от торговца в церкви. «Мы не имеем никаких оснований идеализировать ни первого, ни второго, но непристойно смотреть на фанатичного воина глазами тупого и ленивого лавочника».

Идея о том, что цель оправдывает средства, указывал Троцкий, таится в любой концепции морали, и в не меньшей степени в том англо-саксонском утилитаризме, с точки зрения которого делается большинство нападок на «аморальность» иезуитов и большевиков. Поскольку идеал «величайшего счастья для величайшего числа людей» таит в себе положение — что бы ни делалось для достижения этой цели, морально этот идеал совпадает с

«иезуитским» пониманием соотношения между целями и средствами. Все правительства, даже самые «гуманные», считающие долгом своих армий уничтожить во время войны максимальное количество врагов, разве они не принимают принципа, что цель оправдывает средства? Однако цель тоже должна быть оправданной, цель и средства могут меняться местами, ибо что считается целью сейчас, позднее может оказаться средством к новой цели. Для марксиста великая цель — увеличение власти человека над природой и уничтожение власти человека над человеком — оправданна и таким же образом оправданны средства, ведущие к этому,— социализм, а как средство к социализму — революционная классовая борьба. Марксистско-ленинская мораль руководствуется нуждами революции. Означает ли это, что все средства, даже ложь, предательство и убийство могут быть использованы, если они соответствуют интересам революции? «Разрешены все средства,— отвечает Троцкий,— которые по-настоящему ведут к освобождению человечества». Однако диалектика целей и средств такова, что некоторые средства не могут привести к цели. «Позволительны и обязательны такие и только такие средства, которые обеспечивают солидарность и единство революционным рабочим, которые наполняют их непримиримой ненавистью к угнетению... которые внедряют в них сознание своей исторической задачи, увеличивают их мужество и дух самопожертвования... Следовательно, не все средства позволительны». Человек, заявляющий, что цель оправдывает средства, говорит также, что цель «отвергает» определенные средства как несовместимые с ней. «Нужно посеять зерно пшеницы, чтобы выросла пшеница». Социализм нельзя строить путем лжи, обмана или восхваления вождей, что унижает массы. Равным образом нельзя его навязывать рабочим вопреки их воле. Как говорил Лассаль:

«Покажите не только цель, покажите дорогу.
Цель и дорога настолько переплетены,
Что перемена одной всегда меняет другую;
Другая дорога приводит и к цели другой».

Правдивость и честность в отношениях с трудящимися массами необычайно важны для революционной морали, ибо любая другая дорога приведет к иной цели, а пе к социализму. Большевики в свой героический период были «самой честной политической партией во всей истории». Конечно, они обманывали своих врагов, в особенности во время гражданской войны, но они были правдивы с рабочим классом, доверие которого завоевали в такой степени, в какой ни одна партия никогда не завоевывала его. Ленин, отвергавший все этические абсолюты, отдал всю свою жизнь угнетенным, был чрезвычайно щепетильным в идейном отношении и безбоязненным в действиях, и он никогда не выка-

зывал ни малейшего высокомерия к рядовому рабочему, беззащитной женщине и ребенку. Что касается собственной аморальности Троцкого, издавшего декрет, что семьи белогвардейских офицеров должны быть взяты как заложники, то он несет полную ответственность за эту меру, продиктованную нуждами гражданской войны, хотя, насколько ему известно, ни один из этих заложников никогда не был казнен. «Были бы спасены сотни тысяч жизней, если бы революция с самого начала проявила меньше ненужного великодушия». Он предоставлял потомкам судить о его политике, как они судили о беспощадности Линкольна в гражданскую войну: «История разными аршинами меряет жестокость северян и жестокость южан. Рабовладелец, прибегавший к хитрости и насилию, чтобы заковать раба, и раб, прибегавший к хитрости и насилию, чтобы разорвать цепи,— только презренные евнухи заявят, что оба они равны перед судом морали».

Винить Октябрьскую революцию и «аморальность» большевиков за зверства сталинизма — значит извращать истину. Сталинизм есть продукт не революции или большевизма, а того, что осталось от старого общества,— это и объясняет беспощадную борьбу Сталина против старых большевиков, через которую архаичное варварство России мстит прогрессивным силам и чаяниям, победившим в 1917 году. Больше того, сталинизм есть синоним всей «лжи, зверства и низости», составляющих механизм любого классового правления и государства вообще. Апологеты классового общества и государства, включая защитников буржуазной демократии, поэтому едва ли имеют основание чувствовать себя выше в моральном отношении: сталинизм показывает им их собственное зеркало, хотя отчасти это кривое зеркало.

Из многих возражений на работу «Их мораль и наша» здесь следует упомянуть реакцию Джона Дьюи *. Дьюи соглашался со взглядом Троцкого на взаимоотношение между средствами и целями и на относительный исторический характер моральных суждений. Он соглашался также, что «средства могут оправдываться только их целью... ведь цель оправданна, если она ведет к увеличению власти человека над природой и уничтожению власти человека над человеком». Однако в отличие от Троцкого он не понимал, почему данная цель должна преследоваться главным образом или исключительно средствами классовой борьбы, по его мнению, Троцкий, подобно всем марксистам, относился к классовой борьбе как цели в себе. Он усмотрел «философское противоречие» у Троцкого, который, с одной стороны, утверждает, что характер цели (то есть социализм) определяет характер средств, а с другой стороны, выводит средства из «исторических

* *Dewey J.* Means and Ends//New International. August 1938.

законов классовой борьбы» или оправдывает их ссылкой на такие «законы». Для Дьюи принятие в качестве посылки жестких законов, якобы управляющих развитием общества, несостоятельно. «Вера в то, что закон истории определяет конкретным образом, как должна вестись борьба, конечно, вызывает к жизни тенденцию к фанатической и даже мистической приверженности к использованию определенных средств ведения классовой борьбы и исключению всех других средств... Ортодоксальный марксизм разделяет с ортодоксальной религией и... традиционным идеализмом веру в то, что цели людей вплетены в ткань самой структуры существования,— концепция, очевидно, заимствованная от гегельянцев».

Вывод Дьюи стал основой почти всех нападок на Троцкого, которые немедленно посыпались от его бывших учеников и друзей,— все выступили против «гегельянского наследия марксизма», диалектического материализма и «религиозного фанатизма» большевизма. Макс Истмен, например, говорил об окончательном крахе мечты «о социализме»: «Я считаю, что нам нужно расстаться с этими утопическими и абсолютными идеалами». Марксизм, по его мнению, это не только «устаревшая религия» или «немецкая романтическая мечта», а еще и прародитель фашизма, как и сталинизма. «Не забывайте, что Сталин был социалистом, Муссолини был социалистом, сотни тысяч последователей Гитлера были социалистами и коммунистами». Сидней Хук тоже осудил идею пролетарской диктатуры и в конце концов расстался с марксизмом ради прагматического либерализма. Так же поступили Эдмунд Вильсон, Бенджамин Столберг, Джеймс Рорти и другие *.

Имея за плечами 40 лет «идеологических» споров, Троцкий находил мало, если вообще находил, оригинального в этой аргументации. Она, должно быть, напоминала ему выступление Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», почти классическое раскаяние старого народника, покинувшего революционное движение, чтобы примириться с существующим порядком. С тех пор в каждом поколении, в каждом десятилетии усталые и разочарованные, выходившие из огня или перебегавшие в другой лагерь пытались дать ответ на этот вопрос. Новым на этот раз была глубина разочарования, соответствовавшая свирепой силе ударов сталинизма по вере и иллюзиям. Никогда люди не выходили из революционной борьбы с такими глубокими чувствами и с таким искренним негодованием и никогда никакое дело не выглядело столь безнадежным, как начинало выглядеть дело Троц-

* *Eastman M.* Marxism is it Science? London, 1941. P. 275—297; *Hook S.* Political Power and Personal Freedom. New York, 1955.

кого в глазах профессоров, писателей и литературных критиков, покидавших его. Они стали чувствовать, что, избрав троцкизм, без всякой необходимости ввязались в громадное, далекое, неясное и опасное дело русской революции и что эта связь приводит их к конфликту с образом жизни, идейным климатом, господствующим в их университетах, в редакциях и литературных кружках. Одно дело дать свое имя для комитета в защиту Троцкого и протестовать против чисток, и совсем другое — подписывать манифесты IV Интернационала и вслед за Троцким повторять призыв превратить грядущую мировую войну в мировую гражданскую войну. Троцкого раздражало, что даже такие старые друзья и соратники, как Истмен и Серж, отворачиваются от него. Он с величайшим презрением относился к ним и «им подобным» и, как и другие великие полемисты, не очень разборчивые в выборе жертв, увековечил в своих текстах, как увековечивается насекомое в янтаре, имена горстки писак, которые в противном случае были бы давным-давно забыты. Вот пример его полемики, в данном случае против Суварина:

«Экс-пацифист, экс-коммунист, экс-троцкист, экс-демократо-коммунист, экс-марксист... почти экс-Суварин с тем большей наглостью атакует пролетарскую революцию и революционеров, чем меньше он сам знает, чего хочет. Этот человек любит и умеет собирать цитаты, документы, запятые и кавычки, составлять досье и обладает сверх того изощренным стилем. Сперва он надеялся, что этого багажа будет достаточно на всю жизнь. Но затем вынужден был убедиться, что нужно еще уметь мыслить. Его книга о Сталине, несмотря на обилие интересных цитат и фактов, является авто-свидетельством о собственной бедности. Суварин не понимает ни того, что такое революция, ни того, что такое контрреволюция. Он применяет к историческому процессу критерии мелкого резонера, раз навсегда обидевшегося на порочное человечество. Диспропорция между его критицизмом и творческим бессилием разъедает его, как кислота. Отсюда постоянное ожесточение и отсутствие элементарной добросовестности в оценке идей, людей и событий, прикрываемое сухим морализированием. Как все мизантропы и циники, Суварин органически тяготеет к реакции.

Порвал ли Суварин открыто с марксизмом? Мы об этом никогда не слышали. Он предпочитает двусмысленность, это его родной элемент. «Троцкий...— пишет он в рецензии о моей брошюре [«Их мораль и наша»] — садится снова на своего конька классовой борьбы». Для вчерашнего марксиста классовая борьба есть... «конек Троцкого». Немудрено, если сам Суварин предпочитает садиться на дохлую собаку вечной морали» *.

* Б. О. 1939. № 77—78. С. 16—17; New International. August 1939.

В этих полемических экскурсиях Троцкого с готовностью сопровождали два его ученика: Джеймс Бернхем и Макс Шахтман, которые свирепо нападали на «отступающих интеллигентов», разрывая их на куски за их «сталинофобию» и «предательство рабочего класса и марксизма». Но очень скоро эти ученики тоже дезертировали от своего хозяина и присоединились к «отступающим интеллигентам» *.

* * *

Дружба Троцкого и Риверы, продолжавшаяся два года, рухнула. Ссора возникла довольно внезапно, как раз после того, как «Партизан ревью» опубликовал «манифест» о свободе искусства. Летом Троцкий, надеясь, что Ривера будет присутствовать на «учредительном конгрессе» IV Интернационала, писал его организаторам в Париж: «Вы должны пригласить его... лично... подчеркнув, что IV Интернационал горд иметь в своих рядах его, величайшего художника нашей эпохи и неукротимого революционера. Мы должны быть по крайней мере столь же внимательны к Диего Ривере, как Маркс был внимателен к Фрейлиграту, а Ленин к Горькому. Как художник он далеко превосходит Фрейлиграта и Горького, и он... является настоящим революционером, в то время как Фрейлиграт был лишь мелкобуржуазным сочувствующим, а Горький — довольно двусмысленным попутчиком» **. Поэтому для Троцкого оказалось сокрушительным ударом, когда к концу года Ривера яростно напал на президента Карденаса как «пособника сталинистов», а на президентских выборах поддержал соперника Карденаса, правого генерала Альмазара, обещавшего подавить профсоюзы и смирить левых. Ривера тоже заразился «вирусом сталинофобии». (Однако такова была эксцентричность его политического поведения, что спустя несколько лет он вернулся в сталинистский загон.) Троцкий опасался связываться с мексиканской политикой, и в любом случае у него не было ничего общего с антисталинизмом, за которым теперь стоял Ривера в его кампании против Карденаса. Он пытался разубедить Риверу, но потерпел неудачу. В глазах общественного мнения он был чрезвычайно тесно связан с художником и ничто, кроме открытого разрыва, не могло освободить Троцкого от ответственности за политические причуды художника. В специальном заявлении Троцкий выразил сожаление по поводу позиции Риверы на президентских выборах, заявив, что отныне не может испытывать «моральную солидарность» с ним и даже поль-

---

* New International. January 1939.

** Троцкий — Международному Секретариату в Париже 12 июня 1938 г.

зоваться его гостеприимством *. Однако, когда сталинисты напали на Риверу как на человека, «продавшегося реакции», Троцкий защищал его против обвинений в продажности, выразив прежнее восхищение «гением, политические ошибки которого не могут бросить тень ни на его искусство, ни на его личную честность» **.

Разрыв с Риверой и решение оставить Голубой дом поставили Троцкого в трудное финансовое положение. Его заработки резко уменьшились, что в общем не имело особого значения, пока у него была крыша над головой. Теперь он был вынужден делать все, чтобы как-то подрабатывать на жизнь. А пока ему приходилось занимать деньги у друзей ***. Он взялся написать биографию Сталина. Однако работа часто прерывалась и подвигалась медленно. Его издатели, разочарованные тем, что рукопись книги о Ленине не поступила, стали осторожнее с авансами ****. Троцкий подумывал написать небольшую и популярную книгу, которая могла бы стать бестселлером и освободила бы его от журналистской каторги, но не мог заставить себя сделать это. Он повел переговоры с Нью-Йоркской публичной библиотекой, Гарвардским и Стенфордским университетами о продаже своего архива. Желая поместить свои бумаги в безопасности, он запросил за них почти смехотворно низкую цену. Однако потенци-

---

* См. заявление Троцкого в мексиканской печати от 11 января 1939 г. *Архив Троцкого*. См. также письмо Вая Хейеноорта Бретону от 11 января 1939 г. с сообщением по поручению Троцкого о разрыве. Бретон, отвечая Троцкому 2 июня, отказался указать, на чьей стороне он в ссоре между Троцким и Риверой.

** Статья Троцкого «Невежество — не оружие революции» для «Trinchera Aprista». Написана 30 января 1939 г. *Архив Троцкого*.

*** Мне рассказал об этом один мексиканский издатель и продавец книг, русский по происхождению, потомок русского революционера, кредитор Троцкого в этом и в других случаях. Я также слышал фантастические рассказы о «финансовой стороне» жизни Троцкого в изгнании. Так, редактор крупного американского журнала заверил меня, что Троцкий брал деньги с большого счета в американском банке, который Ленин открыл от своего и Троцкого имени во время гражданской войны, когда считался с возможностью поражения большевиков и необходимостью возобновить революционную борьбу из-за границы. История была бы интересной, если бы это было так. Она не соответствует действительности.

**** *Архив Троцкого. Закрытая секция* содержит переписку Троцкого с издателями, подробные отчеты о поступлении средств, счета и т. п., которые дают ясное представление о его финансовых затруднениях в 1939 г. Так, издательство «Даблдей» выплатило ему еще в 1936 г. аванс в размере 5000 долларов под книгу «Ленин» и теперь требовало рукопись. Оно выплатило ему также в 1936 г. 1800 долларов и меньшую сумму позднее за «Преданную революцию», однако до 1939 г. продажа книги не покрыла аванса. Троцкий подписал договор на книгу «Сталин» с издательством «Харперс» в Нью-Йорке и «Никольсон энд Уотсон» в Лондоне в первой половине 1938 г. Но уже в конце года издательство «Харперс» отказало ему в авансах на том основании, что он медленно предоставлял части рукописи.

альные покупатели не торопились, и переговоры затянулись более чем на год *. Даже в журналистике он не имел больших успехов, и литературным агентам часто бывало трудно пристроить его статьи, хотя он писал о невероятно актуальных вопросах, таких, как Мюнхен, состояние советских вооруженных сил, американская дипломатия, роль Японии в грядущей войне, и т. д. **

Финансовые затруднения привели его к странной ссоре с журналом «Лайф» ***. В конце сентября 1939 года по инициативе Бернхема один из издателей «Лайфа» приехал в Койоакан и попросил Троцкого написать очерк о Сталине, а также статью о смерти Ленина. (Троцкий только что закончил главу в книге «Сталин», в которой высказывал предположение, что Сталин отравил Ленина, и собирался представить эту версию журналу «Лайф».) Первая статья Троцкого была напечатана в журнале 2 октября. Хотя она содержала довольно невинные воспоминания, статья возбудила гнев просталинских «либералов», затопивших «Лайф» яростными протестами. «Лайф» напечатал некоторые из них к досаде Троцкого, утверждавшего, что протесты «фабриковались ГПУ» в Нью-Йорке и носят клеветнический характер. Тем не менее Троцкий послал свою вторую статью о смерти Ленина, однако «Лайф» отказался опубликовать ее. По иронии судьбы возражения издателей были достаточно разумны. Они нашли предположение Троцкого о том, что Сталин отравил Ленина, неубедительным и попросили его представить «меньше предположений и больше неоспоримых фактов». Троцкий пригрозил вчинить иск журналу «Лайф» за нарушение контракта и в гневе передал статью в журналы «Сатердей ивнинг пост» и «Колльерз», где тоже натолкнулся на отказ. Наконец статью опубликовал журнал «Либерти». Прискорбно, что массу времени в последний год жизни Троцкого заняла раздраженная и бесполезная переписка по этому вопросу. В конце концов «Лайф» заплатил ему гонорар за отвергнутую статью. Эти и немногие другие заработки, писал Троцкий друзьям, «обеспечили» его в финансовом отношении «на несколько месяцев», позволив затянуть торг по поводу продажи архива.

* Троцкий — Альберту Голдмаиу 11 января 1940 г. В марте 1940 г. Гарвардский университет предложил заплатить за *Архив* не более 6 тысяч долларов. Наконец, уииверситет купил *Архив* за 15 тысяч долларов — очеиь иебольшую сумму за приобретенную им «ценность».

** Среди нескольких статей Троцкого, которые америкаиские и аиглийские издатели расценили как не имеющие «ценности с точки зрения иовостей», была одна, написаиная в начале лета 1939 г., в которой говорилось, что Сталин собирается подписать пакт с Гитлером.

*** См. письмо Троцкого Д. Берихему от 30 сентября 1939 г., его переписку с журналом «Lefe». *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

* * *

В феврале или марте 1939 года Троцкий снял дом на Авенида Вьена в предместье Койоакана, на длинной пустынной и пыльной улице, где по обеим сторонам стояли несколько крестьянских домов. Дом был старым, грубо построенным, но довольно прочным и вместительным; он стоял на собственном участке, отделенном толстой стеной от дороги и ближайших домов. Стоило Троцкому въехать в этот дом, как распространился слух, что его «собирается приобрести ГПУ». Чтобы предотвратить это, Троцкий купил дом, хотя ему пришлось занять деньги для этой «первой в жизни покупки недвижимости». Учитывая непрекращающиеся угрозы сталинистов применить физическое насилие, было необходимо укрепить дом. Позднее у ворот была построена наблюдательная башня, но сразу же были укреплены двери, у стен положены мешки с песком и установлена сигнализация. Пять полицейских несли круглосуточную службу на улице, а от 8 до 10 троцкистов охраняли дом внутри, где и жили. Отдежурив положенные часы у ворот, они работали секретарями и принимали участие в деятельности, которой кипел дом, особенно в регулярных вечерних дебатах, если только приход посетителей не превращал весь день в дискуссионный клуб.

Посетителями бывали политические беженцы из Европы, но чаще всего американцы. Это были радикальные деятели просвещения, либеральные профессора, журналисты, историки, иногда несколько конгрессменов и, конечно, троцкисты. Обсуждался широкий круг вопросов — от диалектики и сюрреализма до положения негров в Америке, от военной стратегии до сельского хозяйства Индии или социальных проблем Бразилии и Перу. Каждый посетитель был источником новых знаний для Троцкого, который слушал, спрашивал, делал заметки, спорил и спрашивал вновь. Казалось, не было границ его любознательности, способности поглощать факты. Его охранники беспокоились по поводу беззаботности, с какой Троцкий встречал незнакомых людей, но не могли ничего поделать. Лишь когда его любознательность обращалась к непосредственному окружению и он заглядывал в хижины через дорогу, чтобы выяснить, как там живут люди и «что они думают о земельной реформе», охранники останавливали его. Они считали, что безопаснее для Троцкого выезжать под их охраной в длительные поездки по стране, чем проскальзывать через ворота и бродить около дома.

Поездки на природу предпринимались неожиданно и обставлялись глубокой тайной. Он обычно ехал в автомобиле в сопровождении Натальи, друга и охранника. Проезжая через Мехико,

Троцкий садился в глубину машины и прикрывал лицо, в противном случае толпа узнавала его, либо приветствуя, либо освистывая. Как и в Алма-Ате, на Принцевых островах эти путешествия были «военными экспедициями» — Троцкий много ходил, карабкался по скалам и работал. Поскольку в Мексике было меньше возможностей для рыболовства и охоты, он приобрел новое хобби — собирал редкие, громадные кактусы в скалистых пирамидальных горах. Когда Троцкий не был болен, он по-прежнему обладал громадной физической силой, хотя его седая голова и лицо, изборожденное глубокими морщинами, выглядели преждевременно старыми. Он сохранил военную выправку. Самый сильный из его охранников с трудом поспевал за Троцким, карабкавшимся по крутому склону с грузом тяжелых, «острых как штык» кактусов на спине. «Как-то,— рассказывает секретарь,— мы сопровождали нескольких друзей до Тамасунчале на расстояние примерно 380 километров от Койоакана в надежде найти особую разновидность кактуса. Нам это не удалось. Но на пути назад, поближе к Мехико, Л. Д. заметил несколько «вицнагас». Он решил, несмотря на то что мы приехали туда уже после наступления ночи, остановиться и набрать кактусов. Ночь была восхитительной. Л. Д. был оптимистически настроен... Он быстро двигался в маленькой группе, выкапывая кактусы при свете фар автомобиля» *. Чаще друзьям приходилось следовать за Троцким под палящим солнцем. Когда он карабкался среди камней, его фигура в синей французской крестьянской куртке хорошо вырисовывалась на фоне скал, а белые волосы трепал ветер. Наталья шутливо называла эти экспедиции «днями каторжного труда». «Он был совершенно бешеным,— вспоминает она,— всегда лез первым и уходил последним... гипнотически стремясь закончить всякое начатое дело» **.

С течением времени, учитывая растущую ярость сталинистских угроз, даже эти экспедиции представлялись все более рискованными, и жизнь Троцкого все больше проходила в стенах полудворца-полутюрьмы. Это сказалось даже на его физических упражнениях и хобби. Он принялся сажать самые экзотические кактусы в своем саду, разводить цыплят и кроликов. Даже в этих спокойных занятиях Троцкий оставался строго методичным: каждое утро он долго находился во дворе, кормя кроликов и цыплят в соответствии со «строго научными» формулами, ухаживая за ними, чистил ку-

---

* *Mayer K.* Lev Davidovich // Fourth International. August 1941; *Cornell Sh.* With Trotsky in Mexico // Fourth International. August 1944; *Росмер А.* В приложении II к французскому изданию «Моей жизни» Троцкого.

** *Sedova N.* Father and Son // Fourth International. August 1941; *Sedova N., Serge V.* Vie et Mort de Leon Trotsky.

рятники и клетки для кроликов. «Когда он чувствовал себя плохо,— говорила Наталья,— кормить кроликов было для него тяжело, но он не мог отказаться от этого, жалея маленьких животных».

* * *

Каким далеким, теперь бесконечно далеким было его бурное, потрясавшее мир прошлое и как одиноки были они теперь с Натальей. Очень редко появлялось лицо или раздавался голос из прошлого, и то только с тем, чтобы еще раз довести до сознания: ничто из прошлого не возвращается. В октябре 1939 года в Койоакан наконец приехали Альфред и Маргарита Росмеры. Они были единственными оставшимися в живых друзьями Троцкого со времен первой мировой войны. Они прожили у них на Авенида Вьена около 8 месяцев до конца мая 1940 года и провели множество часов в теплых беседах и воспоминаниях. Троцкий и Росмер вместе просмотрели архив, рассортировали его, размышляя над старыми документами. Иногда к ним присоединялся другой ветеран, Отто Рюле, который в изгнании тоже жил в Мексике. Рюле в начале первой мировой войны отличился как один из двух социалистов в рейхстаге, голосовавших против войны, другим был Карл Либкнехт. Он был одним из отцов-основателей Коммунистической партии Германии и одним из первых еретиков, порвавших с ней. В эмиграции он посвятил себя изучению Маркса и держался в стороне от политической деятельности, хотя согласился принять участие в следственной комиссии Дьюи. После контрпроцесса он стал часто посещать Голубой дом, а затем дом на Авенида Вьена. Троцкий, уважавший его научные достижения, поддерживал с ним теплую дружбу, помогал во всем, в чем мог. Вместе они выпустили книгу «Живая мысль Карла Маркса» *.

В первые недели войны мысли всех троих, естественно, вернулись к дням, когда они встали в такую же революционную оппозицию к войне, к дням Циммервальдского движения. Троцкий, автор Циммервальдского манифеста, предложил, чтобы они выпустили новый манифест, символизирующий преемственность революционной позиции в обеих мировых войнах. Росмер был за, но, поскольку Рюле не согласился и не хотел заниматься политикой, идею «нового Циммервальдского манифеста» отбросили. Прошлое было слишком отдаленным, чтобы ответить даже эхом.

* Троцкий рекомендовал американскому издательству «Лонгманс, Грин и К°» попросить Рюле, написавшего биографию Маркса, быть единственным автором этой книги, заверив, что после Рязанова Рюле — «величайший живой ученый-марксист». Издатели согласились, что Рюле должен отобрать и издать тексты Маркса, но настояли на том, чтобы Троцкий написал введение.

* * *

С Росмерами в Койоакан приехал Сева; Троцкий и Наталья ласкали обретенного внука. Прошло почти семь лет с тех пор, как они отослали его с Принцевых островов. Мальчик все эти годы жил в Германии, Австрии и Франции, менял опекунов, школы и языки и почти забыл русский язык. Громадная драма деда как бы отражалась в его крошечном детстве. Он едва вышел из колыбели, когда лишился отца, и стоило ему приехать к матери, как она покончила с собой. Затем Лева, ставший его отцом, внезапно и загадочно умер, и ребенок стал объектом семейной ссоры. Его похищали, прятали, вновь хватали, пока не привезли к дедушке, которого он едва помнил, но которого его научили обожать. Теперь сбитый с толку сирота беспокойно смотрел на странный, переполненный людьми дом, похожий на крепость, куда его привезли, дом, уже отмеченный печатью смерти.

Вслед за самыми дорогими гостями Росмерами вползла зловещая тень Рамона Меркадера — «Джексона». Это был «друг» американской троцкистки Сильвии Агелоф, присутствовавшей на «учредительном конгрессе» IV Интернационала в доме Росмеров. Некоторые утверждают, что тогда или вскоре после этого «Джексон» был представлен Росмерам, и с тех пор незаметно стремился бывать в их обществе, оказывая им с кажущейся незаинтересованностью множество мелких услуг. Росмер подчеркнуто отрицает это, утверждая, что встретил его только в Мексике, и версия Росмера подтверждается самим «Джексоном» *. «Джексон» вел себя достаточно убедительно как аполитичный делец, спортсмен и любитель легкой жизни. Он считался агентом нефтяной компании, приехавшим в Мехико в то время, когда туда прибыли Росмеры. Он держался в тени и несколько месяцев не искал доступа в укрепленный дом на Авенида Вьена, но готовился к выполнению своей гнусной миссии.

* * *

«Сталин» была единственной большой и последней книгой, над которой Троцкий работал в эти годы. Увидевшая свет после его смерти книга состоит из семи законченных глав и массы различных фрагментов, собранных, дополненных и связанных редактором не всегда в соответствии с замыслом Троцкого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в книге нет зрелости и баланса других работ Троцкого. Однако даже если бы он дожил, чтобы

* *Rosmer A.* Une Mise au Point sur l'Assassinat de Léon Trotsky // La Révolution Proletarienne. 1948. № 20. Novembre; Jacson's statement.— In: *Goldman A.* The Assassination of Leon Trotsky. P. 11, 15, 25.

закончить работу над ней, и устранил многие нечеткие пассажи и чрезмерные акценты первоначальных черновиков, «Сталин» все равно остался его бы самой слабой работой.

Троцкий совершенно не понимал, что он принижает себя, взяв роль портретиста своего соперника и врага. Он никогда не считал, что любая литературная или журналистская работа ниже его достоинства, при условии, что мог прилежно выполнить ее. Иногда утверждают, что издатели потребовали от него поторопиться с биографией Сталина, и финансовые трудности заставили его уступить. Это не совсем подтверждается фактами. Издатели были по крайней мере настолько же заинтересованы, если не больше, в завершении обещанной им книги о жизни Ленина *. Хотя нужда в деньгах сыграла свою роль в том, что Троцкий отдал приоритет «Сталину», он тем не менее в основном был побуждаем литературно-художественными мотивами. Он хотел заново оценить характер Сталина в свежем и зловещем свете чисток, и стремление к этому перевесили гордость или тщеславие, которые могли бы не допустить, чтобы он стал биографом Сталина. В книге Троцкого представлен Сверхкаин, ныне открывшийся миру. В определенной степени он был незнаком даже Троцкому. Он вновь изучал черты Сталина, копался в архивах, выискивая в собственных воспоминаниях сцены, инциденты, впечатления, которые теперь, казалось, приобретали новое значение и новые аспекты. Он анализировал с крайним подозрением малоизвестные эпизоды карьеры Сталина, и везде открывал или заново открывал все того же негодяя. Да, заключил Троцкий, Каин великих чисток был всегда Каином, таившимся в члене Политбюро, в большевике до 1917 года, в агитаторе 1905 года, даже в ученике Тифлисской семинарии и мальчике Сосо. Он нарисовал мрачную, злую, почти похожую на обезьяну фигуру, тайком пробирающуюся к вершинам власти. Этот образ — грубый, односторонний, иногда нереальный, приобретает художественные качества в результате силы страсти, которая вдохновляла автора. Он показывает торс ужасающего чудовища.

Вне всякого сомнения, даже здесь Троцкий обращается с фактами, деталями, цитатами в духе своего обычного добросовестного отношения к истории. Он проводит ясное различие между установленными фактами, выводами, предположениями и слухами, с тем чтобы читатель мог процедить громадный фактический материал и составить собственное мнение. Педантизм Троцкого таков, что его метод исследования и разоблачения в высшей степени страдает повторениями и утомителен. Вооруженный громадным количеством документов, он подробно полемизирует против легионов льсте-

---

* См. переписку Троцкого с его литературным агентом Кертисом Брауном. *Архив Троцкого. Закрытая секция.*

цов и придворных Сталина, не понимая, что тем самым воздает им незаслуженную честь. Тем не менее, рисуя портрет, он обильно, даже слишком часто использует догадки, предположения и слухи. Он подхватывает любой слух или сплетню, если только они свидетельствуют о жестокости или предполагают предательство у молодого Джугашвили. Он принимает на веру слова школьных друзей Сталина, а позднее его врагов, которые в своих воспоминаниях о детстве, написанных в изгнании через 30 или более лет, указывают, что «для радостей или горестей товарищей Сосо знал только саркастическую усмешку», что «сострадание к людям или животным ему было чуждо» или что смолоду выполнение мстительных заговоров стало целью, поглощавшей все его усилия. Он цитирует свидетельства противников Сталина, которые характеризуют юношу и зрелого человека почти как провокатора, и хотя Троцкий не соглашается с этим обвинением, он придает ему «значение», чтобы показать, что бывшие товарищи Сталина считали его способным на это *.

Нет необходимости приводить множество примеров такого подхода. Самым удивительным, конечно, является предположение Троцкого, упомянутое раньше, будто Сталин отравил Ленина. Троцкий рассказывает, что в феврале 1923 года парализованный и терявший речь Ленин хотел покончить с собой и попросил Сталина достать ему яда. Сталин сообщил об этом Троцкому, Зиновьеву и Каменеву. Троцкий припоминает странное выражение лица Сталина в этот момент и выдвигает свое обвинение на том основании, что смерть Ленина год спустя оказалась «неожиданной», что Сталин как раз в то время был в таком серьезном конфликте с Лениным, что, «должно быть, решил ускорить смерть Ленина». «Послал ли Сталин яд Ленину с намеком, что у врачей не осталось надежды на его выздоровление, или прибег к более прямым средствам, не знаю, но я твердо убежден, что Сталин не мог пассивно ожидать, когда его судьба висела на волоске, а решение зависело от небольшого движения его руки». В этой связи Троцкий в удивительно новом контексте рассказывает историю, сообщенную им множество раз раньше, о том, как Сталин сумел удержать Троцкого далеко от Москвы во время похорон Ленина: «Он мог опасаться, что я свяжу смерть Ленина с разговором в прошлом году о яде, спрошу врачей, шла ли речь об отравлении, и потребую специального вскрытия». Он припоминает, что по возвращении в Москву после похорон узнал, что врачи «не могли объяснить» смерти Ленина и что даже через два или три года Зиновьев и Каменев уклонялись от всякого разговора об этом, отвечая на вопросы Троцкого «кратко и избегая смотреть мне в

* См.: *Троцкий Л.* Сталин. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 32, 84, 87, 130, 171—172.

глаза». Однако сам он не указывает, возникло ли у него подозрение или убеждение в вине Сталина уже в 1924 году, или он пришел к этому выводу во время чисток, после того как Ягода и кремлевские врачи были обвинены в использовании яда в их смертоносных интригах. Если у него было такое убеждение или подозрение в 1924 году, почему он никогда не высказывал их до 1939 года? Почему он даже после смерти Ленина характеризовал Сталина как «смелого и искреннего революционера», и не кому-нибудь, а Максу Истмену? Даже в этой обвинительной биографии Троцкий все еще придерживается мнения, что если бы Сталин предвидел, какими кровавыми конвульсиями закончится внутрипартийная борьба, он никогда бы не начал ее. Таким образом, он по-прежнему относится к Сталину 1924 года как в основе честному, хотя и близорукому человеку, который едва ли был способен отравить Ленина. Такие противоречия говорят о том, что, обвиняя Сталина в этом конкретном преступлении, Троцкий ретроспективно спроецировал великие чистки на 1923—1924 годы. Он заключает, что Сталин, этот палач всех учеников Ленина, конечно, был способен убить даже Ленина и убил его. Однако трудно не задуматься, не является ли «загадка» смерти Ленина, подозрение в отравлении *, старания Сталина избежать вскрытия, не являются ли все эти части рассказа привнесенными обстоятельствами, скажем, смерти Левы.

Личность Сталина ставит любого биографа перед трудной проблемой. Его характер был несомненно важным элементом в чистках, и задача биографа проследить, как складывался этот характер, показать, когда, на каких стадиях и в каких масштабах проявлялись его особенности. Задача эта в общем не отличается от той, которую решает студент, изучающий жизнь преступника. Потенциальность преступления может наличествовать в данном характере очень рано. Однако ее не следует рассматривать как реальность до совершения преступления. Конечно, глубокая подозрительность, склонность к тайне и отвратительная жажда власти проявились в Сталине задолго до его восхождения, но в течение многих лет они были его второстепенными чертами. Биограф должен относиться к ним с должным чувством пропорции, следя за развитием его личности и решающим по важности взаимодействием обстоятельств и характера. «Сталин» Троцкого неубедителен в этом отношении: он рисует этот характер таким же в 1936—1938 годах, как в 1924 и даже в 1904 году. Чудовище не формируется, не растет — оно существует почти с самого начала. Любые лучшие качества и эмоции, такие, как интеллектуальное честолюбие и определенные симпатии к угнетенным, без которых ни один молодой человек никогда не вступа-

* См. *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 255—257; *Eastman M.* Since Lenin Died. London, 1925. P. 55.

ет в преследуемую революционную партию, почти полностью отсутствуют. Возвышение Сталина в партии объясняется не достоинствами или достижениями, и поэтому его карьера становится почти необъяснимой. Избрание Сталина в ленинское Политбюро, его участие в большевистском кабинете узкого состава, назначение на пост генерального секретаря предстают как случайные. Троцкий подытоживает свой подход одной фразой: «Процесс восхождения [Сталина] совершался где-то за непроницаемыми политическими кулисами. Серая фигура неожиданно отделилась в известный момент от кремлевской стены — и мир впервые узнал Сталина как готового диктатора» *. Однако даже из разоблачений Троцкого видно, что Сталин не так вышел на авансцену, он был после Ленина и Троцкого наиболее влиятельным человеком во внутренних советах партии, по крайней мере с 1918 года. И не случайно Ленин в своем завещании охарактеризовал Сталина как одного из «двух выдающихся вождей современного ЦК».

Как биограф, в не меньшей степени, чем как лидер оппозиции, Троцкий недооценивает Сталина и благоприятствовавшие ему обстоятельства. «Нынешние официальные приравнивания Сталина к Ленину — просто непристойность. Если исходить из размеров личности, то нельзя поставить Сталина на одну доску даже с Муссолини или Гитлером. Как ни скудны «идеи» фашизма, но оба победоносных вождя реакции, итальянской и германской, начинали сначала, проявляли инициативу, поднимали на ноги массы, пролагали новые пути. Ничего этого нельзя сказать о Сталине». Эти слова были написаны, когда СССР вступал во второе десятилетие плановой экономики, и они звучали нереально даже тогда. Они звучали совершенно фантастически спустя несколько лет, когда роль Сталина можно было рассматривать на фоне второй мировой войны и ее последствий. «Если мы попытаемся найти исторические фигуры, которым можно было бы противопоставить Сталина, то мы не назовем ни Кромвеля, ни Робеспьера, ни Наполеона, ни Ленина, ни даже Муссолини или Гитлера. Скорее уж придется привлечь фигуры мексиканского диктатора Порфирио Диаса или турецкого диктатора Мустафы Кемаль Паши» **.

Вновь отсутствие исторической перспективы удивляет и беспокоит.

Что водило пером Троцкого в пассажах такого рода, ясно. Конечно же, его гнев и отвращение к чудовищному сталинскому культу. Он низводит Сталина до уровня ниже натуральной величи-

* *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 145.
** Там же. С. 252—253.

ны — этого автократа, раздувшего себя до сверхчеловека, самозваного деспота. Поступая таким образом, Троцкий прокладывал путь для тех, кто многие годы спустя крушили монументы Сталину, выбросили его тело из Мавзолея на Красной площади, вычеркнули его имя с площадей и улиц и даже переименовали Сталинград в Волгоград. С ясным пониманием, что все это произойдет, Троцкий напоминает, что Нерон также обожествлялся, однако «после его гибели статуи Нерона были разбиты, а его имя повсюду вычеркнуто. Месть истории сильнее, чем месть самого сильного генерального секретаря. Я думаю, что это утешает». На пороге своего собственного крушения в результате последнего акта предательства Сталина Троцкий уже наслаждается грядущим возмездием истории и своей посмертной победой. Он готовит это возмездие в словах, достаточно весомых, чтобы служить священными текстами для потомков. Он относится к Сталину как к символу гигантского вакуума, продукту эпохи, в которой мораль старого порядка распалась, а новая еще не родилась.

«Государство — это я» звучит почти либеральной формулой по сравнению с действительностью тоталитарного режима Сталина. Людовик XIV отождествлял себя как с государством, так и с церковью в эпоху светской власти. Тоталитарное государство пошло дальше цезаризма и папизма... Сталин имеет основания сказать, в отличие от Короля-Солнца,— «Общество — это я».

Вот как Троцкий передает в одной-единственной бичующей фразе весь трагизм отношений между Сталиным и старыми большевиками: «из двенадцати апостолов Христа только Иуда оказался предателем. Но если бы он захватил власть, он представил бы остальных одиннадцать апостолов как предателей, а также всех меньших апостолов, которых евангелист Лука насчитывал семьдесят».

* * *

Комментарии Троцкого по поводу событий, ведших к войне, перспективы войны и революции могут быть предметом специальной монографии. В этих его работах удивляет больше, чем во всех других его текстах, контраст между ясным и почти безупречным анализом стратегических и дипломатических элементов международной обстановки и нечетким представлением о перспективах революции. Он усматривал во второй мировой войне продолжение первой мировой войны, продолжение борьбы великих империалистических держав за передел мира. Во время мюнхенского кризиса он видел «силу (и слабость) Гитлера в... его готовности использовать шантаж и блеф и рисковать войной», тогда как старые колониальные державы, которые не могли ничего выиграть, но могли

много потерять, боялись вооруженного конфликта. «Чемберлен продает все демократии мира, а их осталось немного, за одну десятую Индии». Мюнхенское соглашение, по мнению Троцкого, ускоряет начало войны, а также успех Франко в Испании в том смысле, что оно освобождает буржуазные правительства от страха перед революцией в Европе. Сталинская политика имеет тот же эффект: рабочее движение продается, «как будто оно является нефтью или марганцевой рудой». Сталин тоже помогает капитализму обрести уверенность в себе *. Однако решающее значение приобретает позиция Соединенных Штатов, ибо как Чемберлен, так и Сталин боятся выступить против Гитлера, пока у Соединенных Штатов руки остаются развязанными. Однако в качестве ведущей мировой империалистической державы, унаследовавшей место Великобритании, Соединенные Штаты не могут оставаться изоляционистскими. Они жизненно заинтересованы в том, чтобы остановить экспансию немецкого и японского империализма, и они будут вынуждены вступить во вторую мировую войну «значительно раньше, чем вступили в первую мировую войну». Соединенным Штатам предопределено сыграть значительно более решающую роль в мирном урегулировании, ибо «если мир не будет заключен на основе социализма, тогда условия мира продиктуют победоносные Соединенные Штаты».

Можно легко представить себе громоподобные осуждения, которыми Троцкий встретил германо-советский пакт в августе 1939 года: руководитель великих чисток теперь саморазоблачился как соучастник Гитлера. Уже с 1933 года Троцкий повторял, что ничто не удовлетворит Сталина больше, чем договоренность с Гитлером. Теперь, после того как Красная Армия была обезглавлена, страх перед собственной слабостью бросил Сталина в объятия Гитлера. «Пока Гитлер ведет военные операции, Сталин действует в качестве его *интенданта»*, — заметил Троцкий в первые дни войны **. Но цель Сталина, добавил Троцкий, заключается не в том, чтобы помочь третьему рейху одержать победу, а в том, чтобы держать Советский Союз вне войны по возможности дольше и за это время получить свободу рук в отношении Прибалтийских государств и на Балканах. Когда Сталин и Гитлер под аплодисменты Коминтерна

* В статье, датированной 22 сентября 1938 г. (Б. О. № 70), Троцкий писал: «Теперь можно быть уверенным, что советская дипломатия попытается достичь сближения с Германией... Компромисс над мертвым телом Чехословакии... создает Гитлеру более удобную базу для начала войны. Чемберленовские полеты [в Мюнхен] войдут в историю как символ дипломатических конвульсий, через которую прошла разделенная, жадная и беспомощная империалистическая Европа накануне новой кровавой бани, ожидающей нашу планету». См. также Б. О. № 71, 74 и 75—76.

** См. статью «Сталин — интендант Гитлера» от 2 сентября 1939 г. 3 часа ночи. *Архив Троцкого.*

провели раздел Польши, Троцкий комментировал: «Польша возродится, Коминтерн никогда». Однако даже в своих самых яростных нападках на беспринципность и цинизм Сталина Троцкий не возлагал всю вину на Сталина. Он повторял, что «ключ к политике Кремля — в Вашингтоне», и чтобы Сталин изменил свой образ действий, Соединенные Штаты должны бросить всю свою мощь против Гитлера. Он повторил ту же мысль во время «странной войны» зимой 1939/40 года: Франция и Англия, избегая настоящей схватки с Германией, проводят своего рода «военную забастовку» против Соединенных Штатов. Как с Востока, так и с Запада Гитлера подстрекают к завоеванию Европы. Польское и чехословацкое правительства уже бежали во Францию. «Кто знает,— писал Троцкий 4 декабря 1939 года, за много месяцев до крушения Франции,— не придется ли французскому правительству вместе с бельгийским, голландским, польским и чехословацким правительствами искать убежища в Великобритании?» Он не допускал «даже на минуту» возможность победы нацистов. Но перед тем как пробьет час поражения Гитлера, «в Европе не будет многих, очень многих. Сталин не хочет быть среди них и поэтому побаивается разорвать с Гитлером слишком рано» *.

Когда Франция капитулировала, и почти вся Европа пала под тяжестью гитлеровской военной машины, Троцкий заклеймил Сталина и Коминтерн за их долю участия в этой катастрофе. «II и III Интернационалы... обманули и деморализовали рабочий класс. После пяти лет пропаганды в пользу союза демократических государств и коллективной безопасности, после внезапного перехода Сталина в лагерь Гитлера французский рабочий класс был застигнут врасплох. Война вызвала ужасную дезориентацию, настроения пассивного пораженчества». Теперь СССР стоит на краю пропасти. Все сталинские территориальные приобретения в Восточной Европе значат мало по сравнению с ресурсами и мощью, которыми овладел Гитлер и которые он использует против Советского Союза **.

Высказав все это, Троцкий с величайшей твердостью настаивал на том, что Советский Союз остается рабочим государством, которое надо безусловно защищать против всех его капиталистических врагов, фашистских и демократических. Он даже не отрицал за Сталиным права вступить в сделку с Гитлером, хотя считал, что советско-германский пакт не дал Советскому Союзу никаких существенных выгод. Он бы предпочел коалицию СССР с Западом. Однако Троцкий утверждал, что вопрос о том, с кем Советскому

---

* «Звезды-близнецы: Гитлер — Сталин»//*Архив Троцкого.*

** Заявление для печати (Роль Кремля в европейской катастрофе) от 17 июня 1940 г.//Там же.

Союзу следует объединиться, должен решаться лишь на основе целесообразности и никакие политические и моральные принципы не должны влиять на его выбор, ибо западные державы не меньше, чем третий рейх, сражаются только за свои империалистические интересы. Троцкий отвергал в сталинской политике не столько выбор союзника или партнера, сколько то, что Сталин превратил этот выбор в добродетель и провозглашает идеологическую солидарность с тем, кто является его партнером в данный момент, кто бы это ни был. Сталин и Молотов теперь превозносят советско-германскую дружбу, «сцементированную кровью». Их наймиты, глядя сквозь пальцы на зверства Гитлера, заявляют, что Польша никогда больше не поднимется, а их пропагандисты, подобные Ульбрихту, направляют весь свой «антиимпериалистический» пыл исключительно против западных держав. Именно так, заключил Троцкий, «сталинизм оказывает свое контрреволюционное влияние на международной арене», и это был дополнительный довод для свержения его силой советскими рабочими. Однако он подтвердил, что даже при правлении Сталина рабочее государство остается реальностью, и это государство следует защищать против любого иностранного врага, сражаясь за это до конца *.

Троцкий прекрасно понимал, что его идеи опять представятся многим парадоксальными, но разве сама реальная жизнь не парадоксальна? Аннексировав по сговору с Гитлером восточную часть Польши, Сталин приступил к экспроприации там крупных помещиков, разделению их имений между крестьянами, национализации промышленности и банков. Стремясь обеспечить военный контроль над аннексированными территориями, он приспосабливает новый «оборонительный гласис» во всех отношениях к социальному и политическому режиму Советского Союза. Таким образом, из сотрудничества и соперничества Сталина с самой контрреволюционной державой мира проистекает революция. Одним ударом Сталин выполнил главные требования, которые фигурировали во всех программах польских и украинских социалистов и коммунистов, которые они сами не могли осуществить. Социальный переворот на аннексированных землях был, конечно, делом рук советских оккупационных войск, а не польских и украинских трудящихся — то была первая из длинной серии революций сверху, которые Сталин навязал Восточной Европе. Экспроприировав имущие классы экономически, он экспроприировал рабочих и крестьян политически, лишив их свободы слова и организации **.

* *Trotsky L.* The USSR in War//New International. November 1939; In Defence of Marxism.

** The USSR in War//New International. November 1939.

Троцкий, игнорируя «бюрократические методы» Сталина и его «грубые сделки с Гитлером», признавал «в основном прогрессивный» характер социальных перемен в восточных областях Польши. Он доказывал, что Сталин сверг там старый порядок только потому, что в Советском Союзе существует рабочее государство. Лишь это отвратило его от сговора с польскими помещиками и капиталистами. Другими словами, революционный динамизм сталинистского государства теперь вышел за границы СССР. Однако, утверждая это, Троцкий впал в противоречие. Разве не он говорил, что сталинизм играет «двойственную», прогрессивную и реакционную роль лишь в пределах Советского Союза, а его роль на «международной арене» «исключительно контрреволюционна», то есть направлена на сохранение капиталистического порядка? Разве это не было главным аргументом Троцкого в пользу создания IV Интернационала? Он по-прежнему считал, что международное влияние сталинизма в широком плане остается контрреволюционным и что социальный переворот на восточных территориях Польши представляет собой лишь локальное явление. Троцкий указывал, как мало значит экспроприация помещиков и капиталистов в Западной Украине (а позднее в Прибалтийских государствах) по сравнению с деморализацией сталинизмом французских рабочих, предательством испанской революции и услугами, оказанными им Гитлеру. Вновь и вновь Троцкий возвращается к разнице между двумя аспектами сталинизма: внутренним и внешним, пытаясь объяснить ее тем фактом, что внутри СССР элементы рабочего государства (государственная собственность, планирование и революционные традиции) пробиваются даже через бюрократический деспотизм Сталина и ограничивают его свободу действий, в то время как на «международной арене» сталинизм действует без таких тормозов, преследуя лишь свои узкие интересы и без помех следуя своим оппортунистическим тенденциям *.

Эта аргументация, хотя в некоторой степени и была правильной, не могла решить или даже скрыть теоретические и политические трудности, с которыми теперь сталкивался троцкизм, и которые колоссально возросли в связи с событиями нового десятилетия. Насколько реальным в действительности было различие, проводимое Троцким между внутренней (частично еще прогрессивной) и международной (полностью контрреволюционной) функцией сталинизма? Может ли какое-нибудь правительство или правящая группа в течение какого-то времени иметь один характер внутри страны и совершенно другой — за рубежом? Если советская политическая система сохраняет характер рабочего государства, как это может не оказывать воздействия на ее отношения с внеш-

* New International. November 1939.

ним миром? Как может правительство рабочего государства быть бузусловным фактором контрреволюции?

Троцкий и его ученики могли решить эту проблему лишь одним из двух способов: либо заявить, что Советский Союз перестал быть рабочим государством и что это придает антиреволюционную направленность сталинской политике как внутри страны, так и за рубежом, и, следовательно, марксисты не имеют никаких оснований продолжать «защищать Советский Союз», либо допустить, что сталинизм продолжает выполнять двойственную (прогрессивно-реакционную) роль как за рубежом, так и внутри страны, и это соответствовало бы противоречивому характеру режима в Советском Союзе, существованию рабочего государства в рамках бюрократического деспотизма, и марксисты могли бы разрешить это противоречивое положение, лишь выступая против сталинизма, но защищая Советский Союз.

Немало учеников Троцкого пытались найти путь из этого затруднения, считая, что Советский Союз не является больше рабочим государством, ибо бюрократия в нем образует новый класс, эксплуатирующий и угнетающий рабочих и крестьян. Как мы знаем, эта идея носилась в воздухе с 1921 года, когда Рабочая оппозиция впервые выразила ее в Москве, и, хотя Троцкий всегда отвергал ее, она по-прежнему увлекала некоторых из его сторонников. В 1929 году Раковский крайне поразил их, указав, что Советский Союз уже трансформировался из пролетарского государства, бюрократически деформированного, в бюрократическое государство только с остаточным пролетарским элементом *. Троцкий с одобрением цитировал это положение (лежавшее в основе части аргументации «Преданной революции»), но не вывел отсюда никаких заключений. Некоторые из учеников Троцкого теперь размышляли, что сохранилось от «остаточного пролетарского элемента» через 10 — и каких! — лет. Разве не нелепо, спрашивали они, продолжать говорить о рабочем государстве? Они находили повод для такого заключения в некоторых из предположений и намеков Троцкого. В «Преданной революции» Троцкий доказывал, что группы хозяйственников в Советском Союзе готовятся денационализировать промышленность и стать ее акционерными владельцами, другими словами, что сталинская бюрократия превращается в новый капиталистический класс. Прошли годы, но не было и признаков такого развития. Тогда разве не ошибается Троцкий в своей концепции советского общества? Он усматривает в сталинской бюрократии силу, создающую новый буржуазный класс и новый капитализм, но не является ли эта бю-

* Б. О. 1930. № 15—16.

рократия новым классом, порожденным Октябрьской революцией и теперь полностью развившимся?

Как раз накануне войны итальянский экс-троцкист Бруно Ридзи дал на этот вопрос положительный ответ в прошедшей почти незамеченной, но весомой книге «Бюрократизация мира», опубликованной в Париже. Ридзи был первым автором идеи «революции управляющих», которую Бернхем, Шахтман, Джилас и многие другие развивали позднее в более грубой форме. Он основывался частично на аргументации Троцкого в «Преданной революции», но лишь ради того, чтобы отвергнуть его аргументацию целиком. Русская революция, утверждал Ридзи, поставив, как французская, цель уничтожить неравенство, просто сменила одну форму экономической эксплуатации и политического угнетения на другую. Троцкий, преследуемый призраком реставрации капитализма в СССР, не смог усмотреть, что «бюрократический коллективизм» утвердился как новая форма классового господства. Он отказывался рассматривать бюрократию как «новый класс», ибо она не имеет средств производства и не накопляет прибылей. Однако бюрократия, отмечал Ридзи, все-таки имеет средства производства и накопляет прибыли, но делает это коллективно, а не индивидуально, как старые имущие классы. «В советском обществе эксплуататоры не приобретают прибавочную стоимость непосредственно, как делает капиталист, прикарманивающий дивиденды своего предприятия. Они делают это косвенно через государство, которое сначала забирает весь национальный прибавочный продукт, а затем распределяет его среди собственных чиновников» *. Владение де-факто средствами производства, владение *через* государство и владение самим государством заменило буржуазное владение де-юре. Новое положение вещей есть не бюрократический интервал или преходящая фаза реакции, как полагает Троцкий, а новая стадия в развитии общества и, если угодно, исторически необходимая стадия. Как за феодализмом последовали не равенство, свобода, братство, а капитализм, так и за капитализмом следует не социализм, а бюрократический коллективизм. Большевики «объективно» в той же мере не способны достичь своего идеала, как якобинцы не могли реализовать своего. Социализм остается утопией! Рабочие, вдохновляемые им, вновь лишаются плодов своей революции.

Поскольку, продолжал Ридзи, бюрократический коллективизм организует общество и его экономику более эффективно и производительно, чем мог это сделать капитализм, его триумф означает исторический прогресс. Поэтому он должен заменить капитализм. Государственный контроль и планирование играют главенствующую

* *R*[*izii*] *Bruno*. La Bureaucratisation du Monde. Paris, 1939.

роль не только при сталинском режиме, но также у Гитлера, Муссолини и даже Рузвельта. В различной степени сталинисты, нацисты и сторонники «нового курса» выступают сознательными или невольными носителями новой системы эксплуатации, которой суждено распространиться на весь мир. Пока бюрократический коллективизм стимулирует общественное производство, заключил Ридзи, он неуязвим. Рабочие могут делать только то, что они делали на ранних стадиях капитализма,— бороться за улучшение своей жизни и вырывать уступки и реформы у новых эксплуататоров. Лишь когда новая система начнет приходить в упадок, будет замедлять и стеснять социальный рост, они смогут возобновить успешную борьбу за социализм. Перспектива эта неблизкая, но вполне реальная: бюрократический коллективизм — последняя форма господства человека над человеком, и она столь близка к бесклассовому обществу, что бюрократия, последний эксплуататорский класс, отказывается признать, что является имущим классом *.

Троцкий, зная, что Ридзи выразил точку зрения, которая завоевывает популярность среди троцкистов, разобрал его аргументацию в статье «СССР в войне», написанной в середине сентября 1939 года **. «Было бы чудовищной чепухой,— начал Троцкий,— порывать с товарищами, которые расходятся с нами в своих воззрениях на социальную природу СССР, пока мы находимся в согласии по поводу наших политических задач». Аргументация относительно того, является ли СССР рабочим государством, часто представляет собой всего-навсего жонглирование словами. Ридзи по крайней мере имеет ту заслугу, что «поднял ее на высоту исторического обобщения». Он считает бюрократический коллективизм новым общественным строем, в сущности, одним и тем же за различными фасадами сталинизма, нацизма, фашизма и «нового курса». То, что он ставит знак равенства между сталинизмом и нацизмом (отвечал Троцкий), может прозвучать достаточно убедительно при существовании пакта между Гитлером и Сталиным. Этот пакт, как полагают многие, просто показал сходство двух режимов, весьма очевидное в их методах правления, и, по мнению Ридзи, дело лишь за временем, а потом нацистское и фашистское (но также и рузвельтовское) государство доведет свой контроль над экономикой до логического завершения и национализирует всю промышленность. Вопреки этому Троцкий утверждал, что, каково бы ни было сходство между методами правления Гитлера и Сталина, экономические и социальные различия между ними имеют качест-

* *R*[*izzi*] *Bruno*. La Bureaucratisation du Monde.

** New International. November 1939; *Trotsky L.* In Defence of Marxism. P. 8—11.

венное, а не только количественное измерение. Здесь и пролегает пропасть между этими режимами. Ни Гитлер, ни Рузвельт не пойдут и не могут пойти дальше «частичной национализации», каждый только подчеркнуто как бы накладывает сверху вмешательство государства на порядок, являющийся в сущности капиталистическим. Лишь Сталин осуществляет контроль над действительно послекапиталистической экономикой. Конечно, рост бюрократии происходит в различных странах и при различных режимах. Однако бюрократический коллективизм, как особый общественный строй, если он вообще существует, ограничивается одной страной и там основывается на базе, созданной социалистической революцией.

Поэтому, указывал Троцкий, опрометчиво говорить о какой-то «всеобщей тенденции», в силу которой бюрократический коллективизм выступает истинным наследником капитализма. Если бы дело обстояло так, тогда любая социалистическая революция, даже в самой передовой промышленной стране (или в нескольких таких странах) неизбежно привела бы к чему-нибудь, подобному сталинскому режиму. Ридзи так и считает. Троцкий же приводит эмпирические свидетельства, которые убеждают, что отсталость России, бедность и изоляция решительным образом способствовали подъему сталинизма. Русская революция пришла в упадок под давлением обстоятельств, и нет никаких оснований предполагать, что любая социалистическая революция должна, независимо от обстоятельств, также прийти в упадок. Сталинизм — не норма нового общества, как думал Ридзи, а историческая аномалия, не конечный продукт революции, а отклонение от революционного пути. Советская бюрократия пока что является паразитическим наростом на рабочем классе, опасным в той мере, в какой опасен этот нарост, но нарост не есть независимый орган. Вопреки взгляду Ридзи, бюрократический коллективизм не выражает собой какого-либо исторического прогресса. Прогресс Советского Союза объясняется коллективизмом, а не бюрократией. Сталинизм может существовать, пока Советский Союз просто заимствует, имитирует и усваивает превосходящую западную технологию. Но как только эта стадия останется позади, потребности социальной жизни станут более сложными и социальная инициатива возродится. Поэтому впереди решительный конфликт между бюрократией и социальной инициативой, который будет глубочайшим, ибо в отличие от французской буржуазии после революции, бюрократия «не является носителем новой экономической системы», которая не могла бы функционировать без нее. Напротив, для должного функционирования новая система должна освободиться от мертвой хватки бюрократизма.

Идея, лежащая в основе всех теорий о бюрократическом коллективизме, заключается в том, что рабочий класс показал себя

неспособным совершить социалистическую революцию, как этого ожидал от него марксизм. Однако капитализм тоже показал себя неспособным к функционированию и выживанию. Поэтому некоторые формы коллективистской экономики должны заменить его. Однако поскольку рабочий класс не смог справиться с этой задачей, ее выполняет бюрократия, и не социалистический, а бюрократический коллективизм заменил старый порядок. Троцкий соглашался, что здесь-то и лежит центр противоречий *. Вопрос о том, является ли Советский Союз рабочим государством, или режим в нем есть режим бюрократического коллективизма, носит второстепенный характер. Когда он говорит о «рабочем государстве», он хочет лишь показать, что такое государство существует в потенции и его элементы сохраняются в социальной структуре Советского Союза. Ему вовсе не приходит в голову предположить, что сталинский режим есть рабочее государство в обычном и политическом смысле этого термина. С другой стороны, можно было бы говорить о «советском» бюрократическом коллективизме и утверждать, что сюда в потенции входит рабочее государство. Но гораздо важнее выяснить, действительно ли утвердился бюрократический коллективизм, поскольку рабочий класс оказался неспособным достигнуть социализма.

Тот факт, что путь рабочего движения отмечен неудачами и разочарованиями, бесспорен. Рабочие не смогли преградить путь к власти Муссолини, Гитлеру и Франко. Они позволили, чтоб Народные фронты привели их к поражению, они не предотвратили двух мировых войн. Но как следует оценивать эти неудачи? Как промахи руководства, которые можно исправить? Или как историческое банкротство рабочего класса и доказательство его неспособности управлять обществом и изменять его? Если виновато руководство, то путь — создать новое руководство в новых марксистских партиях и в новом Интернационале. Однако если виноват рабочий класс, тогда следует признать, что марксистский взгляд на капиталистическое общество и социализм ошибочен, ибо марксизм провозгласил, что социализм либо будет результатом деятельности пролетариата, либо его не будет вообще. Тогда не является ли марксизм не просто иной «идеологией» или иной формой того ложного сознания, которое заставляет угнетенные классы и партии уверовать, будто они борются за собственные цели, а в действительности они защищают интересы нового и даже старого правящего класса? С этой точки зрения поражение первоначального большевизма, конечно, представляется поражением типа понесенного якобинцами, результатом схватки между утопией и новым социальным порядком, а победа Сталина выступает как триумф ре-

* *Trotsky L.* In Defence of Marxism.

ализма над иллюзией и как необходимый акт исторического прогресса.

Так на склоне своих дней Троцкий допрашивал себя о смысле и цели своей жизни и борьбы и, больше того, борьбы нескольких поколений борцов, коммунистов и социалистов. Не рассыпалось ли целое столетие революционных усилий в пыль? Снова и снова он возвращается к тому факту, что рабочие не свергли капитализм где-либо за пределами России. Снова и снова он обозревает длинную и унылую цепь поражений революции между двумя мировыми войнами. И он вынужден прийти к выводу: если к этому списку добавятся новые крупные поражения, тогда вся историческая перспектива, нарисованная марксистами, действительно окажется под вопросом. В этой связи он сделал одно из чрезвычайно сильных и гиперболических заявлений, которые время от времени исходят от любого большого полемиста и человека действия, но которые буквально ведут к бесконечному смятению. Он заявил, что окончательная проверка рабочего класса, социализма и марксизма близка. Она придет со второй мировой войной. Если война не приведет к пролетарской революции на Западе, тогда на место умирающего капитализма действительно придет не социализм, а новая бюрократическая и тоталитарная система эксплуатации. Если рабочий класс Запада сможет захватить власть, но затем окажется неспособным удержать ее и сдаст ее привилегированной бюрократии, как сделали русские рабочие, тогда будет действительно необходимо признать, что надежды, возлагаемые марксизмом на пролетариат, тщетны. Тогда подъем сталинизма в России тоже предстанет в новом свете: «Мы будем вынуждены признать, что [сталинизм] коренится не в отсталости страны и не в капиталистическом окружении, а в неспособности пролетариата по своей природе стать правящим классом. Тогда придется констатировать, бросив ретроспективный взгляд, что нынешний СССР был предтечей новой и всеобщей системы эксплуатации... Как ни тяжела... эта перспектива, если международный пролетариат действительно окажется неспособным выполнить свою миссию... ничего не останется, как открыто признать, что социалистическая программа, основывающаяся на внутренних противоречиях капиталистического общества, превратилась в утопию» *.

Вероятно, только марксисты могут во всей полноте оценить трагическую торжественность этих слов Троцкого. Конечно, он сказал их в пылу полемики, но даже в пылу полемики он никогда еще так близко не подходил к признанию возможности полного краха социализма. Он настаивает, что конечная «проверка» последует в ближайшие немногие годы, определив условия этой провер-

* New International. November 1939; *Trotsky L.* In Defence of Marxism.

ки с мучительной точностью. Он продолжает: «Самоочевидно, что [если марксистская программа окажется неосуществимой] потребуется новая программа-минимум — защита интересов рабов тоталитарной бюрократической системы». Такое заявление типично для Троцкого: если будущее готовит человечеству всего-навсего бюрократическое рабство, тогда он с учениками будет на стороне рабов, а не новых эксплуататоров, независимо от того, в какой мере «исторически необходимой» может оказаться новая эксплуатация. Прожив всю свою жизнь с верой в то, что приход социализма — научно установленная неизбежность, что история на стороне сражающихся за освобождение эксплуатируемых и угнетенных, Троцкий и теперь призывает своих учеников оставаться на стороне эксплуатируемых и угнетенных, даже если против них история и все научные предсказания. Он по крайней мере будет со спартаками, но не с помпеями и цезарями.

Исследовав эту мрачную перспективу, Троцкий, однако, не примиряется с ней. Достаточно ли доказательств, спрашивает он, чтобы обосновать тот взгляд, что рабочий класс не способен свергнуть капитализм и изменить общество? Придерживающиеся этого взгляда, включая некоторых из его учеников, никогда не видели рабочий класс в революции. Они были свидетелями лишь триумфа нацизма, фашизма и сталинизма или знают лишь буржуазную демократию в упадке. Больше того, весь их политический опыт ограничивается поражениями и разочарованиями. Нет ничего удивительного в том, что они стали сомневаться в политических способностях пролетариата. Но как может сомневаться в них он, видевший русских рабочих в 1917 году и руководивший ими? «В эти годы международной реакции мы должны исходить из возможностей, которые открыл российский пролетариат в 1917 году». Революционная проницательность и энергия русских рабочих, проявившаяся тогда, несомненно, таится в германских, французских, английских и американских рабочих. Октябрьская революция поэтому остается «колоссальным фондом» и неоценимым вкладом в будущее. «Вину за последующую цепь поражений нужно возлагать не на рабочих, а на их консервативных и в высшей степени буржуазных руководителей». Такова «диалектика исторического процесса, что пролетариат России, самой отсталой страны... выдвинул самое дальновидное и мужественное руководство, в то время как в Великобритании, самой старой капиталистической цивилизации, пролетариат даже сегодня имеет скудоумных и раболепных вождей». Но вожди приходят и уходят, а социальный класс остается. Марксисты по-прежнему должны трудиться для возрождения руководства и делать ставку на «органическое, глубокое, неукротимое стремление трудящихся масс освободиться от кровавого хаоса капитализма».

Он подтверждает свои марксистские убеждения не с позиции бодрого оптимизма прежних лет, а с позиции тяжких испытаний, укрепивших его веру:

«Основная задача нашей эпохи не изменилась из-за того, что не была выполнена... Марксисты не имеют ни малейшего права (если не считать «правами» разочарование и усталость) приходить к выводу, что пролетариат лишился своих революционных возможностей и должен отказаться от всех чаяний... 25 лет на весах истории, когда речь идет о самых глубочайших преобразованиях экономической и культурной системы, весят меньше, чем час в жизни человека. Что можно сказать о человеке, который из-за неудач, испытанных в течение часа или дня, отказывается от цели, поставленной перед собой на всю жизнь?

Если эта война вызовет, как мы твердо убеждены, пролетарскую революцию, она неизбежно приведет к свержению бюрократии в СССР, возрождению советской демократии на экономической и культурной основе, значительно более высокой, чем в 1917 г. В таком случае вопрос о том, была сталинская бюрократия «новым классом» или злокачественным наростом на рабочем государстве, будет решен... Каждому станет ясно, что в широком процессе международной революции советская бюрократия была только *эпизодическим* отступлением».

«Ставить крест» на Советском Союзе из-за этого «эпизодического отступления» и тем самым утрачивать всю историческую перспективу непростительно. Советский Союз, и временно только он, содержит в себе социально-экономическую основу для возрождения социалистической демократии, и именно ее следует защищать. «Что мы защищаем в Советском Союзе? Не те его черты, которые напоминают капиталистические страны, а те, которые отличают его от них», не привилегии и угнетение, а элементы социализма. Эта позиция «вовсе не означает какого-либо сближения с бюрократией в Кремле, согласия с ее политикой или примирения с политикой союзников Сталина... Мы не правящая партия, мы партия неукротимой оппозиции... Мы реализуем наши задачи... исключительно через просвещение рабочих... объясняя им, что́ они должны защищать и что́ свергнуть».

Вновь возвращаясь к действиям Сталина в Восточной Польше, Троцкий заявляет, что, если бы Сталин оставил в неприкосновенности там частную собственность, тогда было бы необходимо глубоко пересмотреть характер советского государства. Однако Сталин действует, как Наполеон, когда, приручив революцию внутри страны, он понес ее за рубеж на остриях штыков. (Здесь Троцкий косвенно ревизует тезис о «всецело контрреволюционном» характере сталинской внешней политики.) Конечно, это не марксистский метод революции. «Мы были и остаемся против захвата

новых территорий Кремлем. Мы стоим за независимость Советской Украины и... Советской Белоруссии. В то же время в польских областях, оккупированных Красной Армией, сторонники IV Интернационала должны быть самыми активными при экспроприации помещиков и капиталистов, при разделе земли между крестьянами, при создании Советов, рабочих Советов и т. д. Действуя таким образом, они должны сохранять свою политическую независимость. Они должны бороться на выборах за полную независимость Советов и фабрично-заводских комитетов от бюрократии, должны проводить свою революционную пропаганду в духе недоверия к Кремлю и ее местным агентам».

Троцкий не мог дать своим польским и украинским сторонникам другого совета и одновременно оставаться верным себе. Однако они не имели никаких шансов действовать по его рекомендациям. Они были слабы, утратили позиции, и ГПУ без промедления сокрушило их. Они оказались, как и сам Троцкий, в заколдованном круге между необходимостью и невозможностью действия.

* * *

Этот спор продолжался до конца мая 1940 года, то есть до вооруженного налета на дом Троцкого. Джеймс Бернхем, Макс Шахтман и другие американские троцкисты, члены Социалистической рабочей партии, придерживались взглядов, аналогичных взглядам Ридзи, хотя формулировали их менее отчетливо. С началом войны и после заключения пакта между Сталиным и Гитлером эти взгляды быстро выкристаллизовывались. В начале сентября 1939 года Бернхем представил Национальному комитету СРП заявление, указывая, что «нельзя больше считать Советский Союз рабочим государством в каком бы то ни было смысле» *. Еще до конца месяца Шахтман внес резолюцию, клеймящую оккупацию Советским Союзом Западной Украины и Западной Белоруссии как «империалистическую», отрицающую, что оккупация имела какие-либо прогрессивные последствия, о которых говорил Троцкий, и требующую от партии отказаться от своего обязательства защищать Советский Союз. Бернхем в качестве профессора философии в Нью-Йоркском университете, а Шахтман как самый популярный пропагандист партии оказывали сильное влияние на троцкистскую интеллигенцию. До этого они выступали против войны с позиций революционного пораженчества, пока война велась буржуазным правительством, пусть и демократическим, и обязались защищать Советский Союз независимо от того, с каким империалистическим

* Internal Bulletin of SWP and the New International // Octobre — Decembre 1939; *Macdonald D.* Memoirs of a Revolutionist. New York, 1958. P. 17—19.

лагерем он находился в союзе. Для людей типа Бернхема и Шахтмана было нетрудно теоретически пропагандировать такие взгляды до начала войны, когда было распространено убеждение, что Советский Союз будет союзником западных демократий. Однако после пакта Сталин — Гитлер и начала боевых действий многое изменилось. Настроение в США, даже в годы американского нейтралитета, склонялось в сторону осмотрительной симпатии к Англии и Франции и яростного негодования по поводу германо-советского пакта. Даже троцкистам было трудно сопротивляться этим настроениям. Бернхем и Шахтман не могли не почувствовать, что если бы они продолжали «защищать Советский Союз», то взвалили бы на себя невыносимое бремя. Однако, чтобы отказаться от «защиты» его, они должны были по марксистской традиции заявить, что Советский Союз больше не рабочее государство, а всего-навсего другая контрреволюционная держава, сражающаяся за империалистические захваты. Если Ридзи еще доказывал, что бюрократический коллективизм «исторически необходим» и в определенной степени прогрессивен, то Бернхем и Шахтман отрицали за ним такие достоинства. Логика аргументации завела их дальше, к отрицанию чего-либо прогрессивного в советской экономике. Открыто или несколько завуалированно они выступили против государственной собственности на промышленность, против национального планирования, заявляя, что все это служит основой для бюрократического коллективизма и тоталитарного рабства. Постепенно подвергались критическому обсуждению принципы марксистско-ленинской программы, включая диалектику и мораль. Бернхем, Шахтман и следовавшие за ними стали отвергать программу пункт за пунктом. Это было действительно продолжение «отступления интеллигенции», о котором они только что писали, нападая на Истмена, Хука и других на страницах «Нью интернэшнл». Разница заключалась лишь в том, что нападавшие присоединились к отступавшим.

Критикуя Ридзи, Троцкий сказал все, что должен был сказать в этом споре. Спор с Бернхемом и Шахтманом велся на гораздо более низком уровне политического мышления и стиля. Аргументация примечательна в основном как взрыв разочарования и пессимизма, назревавших среди сторонников Троцкого, а последнее выступление Троцкого против них интересно тем, что оказалось последним спором в его жизни *.

Все спорные вопросы обострились в конце 1939 года, когда Сталин приказал своим армиям напасть на Финляндию. Троцкий в своих комментариях бичевал Сталина за «глупое и неком-

* Наиболее характерные заявления Троцкого в ходе этого спора собраны: *Trotsky L.* In Defens of Marxism.

петентное» ведение войны с Финляндией, которая привела в негодование мир, а Красная Армия терпела унизительное поражение *. Троцкий тем не менее настаивал на том, что Сталин в Финляндии стремится укрепить незащищенный фланг Советского Союза против возможного нападения Гитлера. Такое стремление правомерно, и любое советское правительство, действующее в обстоятельствах, в которых действует Сталин (обстоятельства, однако, были частично созданы самим Сталиным), было бы вынуждено защищать свои границы за счет Финляндии. Стратегические интересы рабочего государства должны иметь приоритет над правом Финляндии на самоопределение **. Поскольку вторжение Сталина в Финляндию было встречено в союзных странах кампанией за «переключение войны» и за вооруженное вмешательство на стороне Финляндии, Троцкий с тем большей силой призывал к «защите Советского Союза». Это вызвало взрыв негодования его давних учеников: «Неужели Троцкий стал апологетом Сталина?! Он хочет, чтобы мы стали сталинскими агентами?!» «Нет, товарищ Троцкий,— ответил Бернхем,— мы не будем сражаться вместе с ГПУ для спасения контрреволюции в Кремле» ***.

Подобные слова как эхо повторяли заявления Троцкого, когда он бичевал великие чистки, призывал «каждого честного человека» разоблачать смертоносные заговоры ГПУ и «выжечь каленым железом рак сталинизма» и когда он выступал против тех «друзей» Советского Союза, которые во имя священных интересов рабочего государства смотрели сквозь пальцы на преступления Сталина. Конечно, даже в разгар самой яростной полемики Троцкий всегда подчеркивал, что вопреки всему он и его сторонники безусловно будут защищать СССР против всех внешних врагов. Однако немало его сторонников относились к этим заявлениям как к простому красному словцу, и они пришли в ужас, когда обнаружили, что он говорил то, о чем думал всерьез. Они обвинили Троцкого в непоследовательности, двойной игре и даже предательстве. Они обшарили его аргументацию в поисках слабых мест и из них начали выводить собственные теории. Разве Троцкий не сказал, что «в международном отношении» сталинизм является лишь фактором реакции и контрреволюции? Как может он теперь говорить о «прогрессивных и революционных последствиях» сталинистской экспансии в Восточной Европе? Когда они говорят о «новом классе» в Советском

* Комментарии Троцкого по поводу войны с Финляндией появлялись в американских и английских газетах, и он подытожил свой взгляд в статье «Сталин после Финляндии», написанной в марте 1940 г. *Архив Троцкого.*

** *Trotsky L.* In Defens of Marxism. P. 56—59.

*** Спор этот велся в СРП, в ее органе «Internal Bulletin» (который опубликовал резолюции большинства и меньшинства в декабре 1939 г.), а затем перешел на страницы «New International».

Союзе и бюрократическом коллективизме, он упрекает их за отказ от марксизма, заявляя, что нелепо говорить о любой новой форме эксплуатации в любой стране, где средства производства национализированы. Тем не менее разве не он сам заявил, что если в течение последующих нескольких лет социализм потерпит неудачу на Западе, то бюрократический коллективизм придет на смену капитализму как новая и универсальная система эксплуатации? Если бюрократический коллективизм возможен как новая универсальная система эксплуатации, почему тогда он невозможен как национальная система в СССР? Заявляя, что если рабочий класс Запада к концу второй мировой войны не свергнет капитализм, то марксизм и социализм окажутся банкротами, разве он не нанес сильнейший удар всем своим сторонникам? * Они были свидетелями того, как множество предсказаний Троцкого оправдались, и не были склонны легко сбрасывать со счета и это предсказание. Верные и наивные среди учеников Троцкого провели следующие несколько лет, ища признаков революции на Западе и мечтая о революции. Скептики и циники заключили (сразу или позднее), что, в соответствии со словами Троцкого, марксизм и социализм уже потерпели банкротство и началась эпоха бюрократического коллективизма. Бернхем первый поставил точки над «i». Он был «хорошим большевиком-ленинцем» и даже «яростным врагом американского империализма», пока чувствовал, что находится на гребне волны истории. Но, убедившись при невольной помощи Троцкого, что на этом гребне поднялся класс менеджеров, Бернхем поторопился сбросить идеологический балласт марксизма и провозгласить приход революции управляющих» **. Шахтман согласился с прогнозом Бернхема, однако, будучи больше приверженным марксизму, рассматривал эту перспективу скорее с огорчением, чем с радостью, и пытался приспособить к ней остатки прежних убеждений ***.

В терминах нового троцкизма, которые они позаимствовали из «Преданной революции», Бернхем и Шахтман использовали довольно сильные аргументы, заявив, что защищают троцкизм против самого Троцкого. «Тогда я не троцкист,— ответил хозяин, перефразируя Маркса» ****. Однако, чтобы парировать их аргументы, он

---

* «Некоторые товарищи, очевидно, были удивлены,— заметил Троцкий,— что я говорил в моей статье о системе «бюрократического коллективизма» как о теоретической возможности. Они обнаружили в этом даже полную ревизию марксизма» // *Trotsky L.* In Defance of Marxism.

** См. статью Бернхема «Наука и стиль (ответ товарищу Троцкому)», напечатанную в приложении к книге Троцкого «In Defance of Marxism», а также его статью «Политика отчаяния» // New International. March — April 1940; и его книгу «Революция управляющих».

*** *Шахтман.* Кризис американской партии — Открытое письмо Троцкому; СССР и война // Internal Bulletin, New International. March — April 1940.

**** *Trotsky L.* In Defence of Marxism. P. 168.

должен был отказаться по крайней мере намеком от собственных полемических преувеличений и эксцессов. «Товарищи очень негодуют по поводу пакта Сталин — Гитлер,— писал Троцкий в одном своем письме.— Это понятно. Они хотят отомстить Сталину. Очень хорошо. Но сегодня мы слабы, мы не можем немедленно свергнуть Кремль. Некоторые товарищи тогда пытаются получить чисто словесное удовлетворение... Они снимают с СССР титул рабочего государства, как Сталин лишает впавшего в немилость чиновника ордена Ленина. Я считаю, мой дорогой друг, немножко подетски все это. Марксистская социология и истерика абсолютно несовместимы» *. После всех страданий Троцкого по вине Сталина ничто не огорчало его так, как видеть, что суждения его собственных учеников омрачены сталинофобией, и до последнего дыхания он уговаривал их «не впадать в истерию» и придерживаться «объективного марксистского мышления».

Американские троцкисты раскололись на «большинство», которое под руководством Джеймса П. Кеннона приняло взгляды Троцкого, и «меньшинство», последовавшее за Бернхемом и Шахтманом. Троцкий убеждал их всех быть тактичными и терпимыми. Он убеждал сторонников Кеннона вести полемику против Бернхема и Шахтмана энергично, но также предостерегал, что сталинские агенты в их рядах постараются раздуть ссору. Он рекомендовал разрешить меньшинству выражать свои взгляды свободно и даже действовать в качестве организованной фракции в рамках СРП. «Если кто-нибудь предложит... исключить товарища Бернхема,— предупреждал Троцкий,— я энергично выступлю против этого» **. Даже после того как меньшинство провело собственный национальный съезд, Троцкий по-прежнему советовал большинству не рассматривать это как повод для исключения из партии.

Меньшинство, однако, по собственному решению конституировалось в новую партию и захватило «теоретический ежемесячник» СРП «Нью интернэшнл». Почти сразу же новая партия тоже раскололась, так как Бернхем порвал с ней, заявив, что «во всех важнейших течениях мысли, которые связаны с марксистским движением,— в реформистском, ленинистском, сталинистском или троцкистском варианте буквально нет ни одного, с которым я согласен в традиционной форме. Я считаю эти течения либо ложными, либо устаревшими, либо бессмысленными». Это было удивительное признание в устах ведущего троцкиста последних лет. Всего за несколько недель до этого Бернхем и его друзья считали себя обиженными замечаниями Троцкого по поводу их «немарксистского» образа мышления. «Если учитывать мои убеждения и интересы,— заявлял теперь Бернхем,— для меня уже несколько лет нет реаль-

* *Trotsky L.* In Defence of Marxism. P. 23.
** Ibid. P. 97, 101, 148.

ного места в марксистской партии» *. Независимо от того, так это было или нет, пытался ли будущий автор «Революции управляющих» сделать свое идеологическое сальто менее неприличным или выступал все эти годы как ревностный марксист-ленинец лишь на словах, ничто из сказанного Троцким против него даже отдаленно не походило на подрыв репутации Бернхема. Он сам ее подрывал собственными словами о себе, сказанными теперь. После случившегося Троцкий не опечалился, потеряв такого сомнительного «ученика». В личной переписке он характеризовал его эпитетами, из которых самый мягкий — «интеллектуальный сноб» **. Троцкий ожидал, что другие последуют за Бернхемом: «Дуайт Макдональд — не сноб, но слегка глуповат... Он покинет партию, как и Бернхем, но, поскольку он немного ленивее, это случится позднее». Однако Троцкого глубоко опечалил разрыв с Шахтманом, к которому он испытывал симпатию, хотя часто раздражался по поводу его «паясничанья», «поверхностности» и т. д. Их связь восходила к посещению Шахтманом Принцевых островов в начале 1929 года, и она стала тесной в результате многих встреч, обмена письмами и свидетельств преданности Шахтмана. В нынешней борьбе между фракциями Троцкий, конечно, поддерживал Кеннона. Однако лично себя считал значительно ближе к Шахтману. «Если бы я мог,— писал он ему в разгар спора,— я бы немедленно сел в самолет и прилетел в Нью-Йорк, чтобы поговорить с вами в течение 48 или 72 часов. Я сожалею, что вы не испытываете необходимости... приехать сюда, чтобы обсудить со мной эти вопросы. Или вы это сделаете? Я был бы счастлив» ***.

Этот раскол, можно сказать, разрушил IV Интернационал, если такую призрачную организацию вообще можно разрушить. Троцкий считал, что после ухода «мелкобуржуазных и карьеристских элементов» СРП пустит более глубокие корни в американском рабочем классе. Этого не случилось. СРП осталась крошечной сектой, члены которой были ревностно привержены букве учения Троцкого, а позднее — его памяти, но никогда не смогли добиться политического влияния, в то время как соперничавшая группа Шахтмана, не имевшая и этих достоинств, которые могут сохранять десятилетиями жизнь даже самых слабых сект, все больше отходила от своего «троцкизма», пока не распалась и не исчезла ****. Троцкистские группы в других странах тоже были затронуты этим

* *Trotsky L.* In Defence of Marxism. P. 207—211.

** Ibid. P. 181.

*** Ibid. P. 64.

**** Шахтман и его группа с тех пор официально и категорически отказались от троцкизма, ленинизма и присоединились к социал-демократической группе, руководимой Норманом Томасом, влияние которого на американскую политику также было незначительным.

расколом, ибо везде, но особенно во Франции, значительное число их членов согласилось со взглядами Бернхема или Шахтмана.

Таким образом, на закате жизни Троцкий в последний раз увидел, как камень, который он вкатывал на ужасающую гору, опять покатился вниз.

* * *

27 февраля 1940 года Троцкий написал свое Завещание. Еще раньше он набросал несколько проектов, но сделал это только для юридических целей, чтобы Наталья или Лева унаследовали права на его книги. Теперешний документ был поистине последней волей и Завещанием Троцкого. Каждая строка его пронизана ощущением приближающегося конца. Составляя его, он предполагал, что может умереть естественной смертью или покончить самоубийством; он не думал, что умрет от руки убийцы. «Мое высокое и все повышающееся давление крови обманывает окружающих насчет моего действительного состояния. Я активен и работоспособен, но развязка, видимо, близка». Однако в течение шести месяцев, которые ему было суждено прожить, его здоровье, несмотря на обычные улучшения и ухудшения, не было столь плохим, чтобы оправдать это мрачное предсказание. В приписке, датированной 3 марта, он повторяет: «В настоящее время я чувствую прилив духовной энергии из-за высокого кровяного давления. Но это долго не протянется. Он подозревал, что у него сильно развился атеросклероз и врачи скрывают это от него. Очевидно, последняя болезнь и затяжной паралич Ленина часто приходили ему на ум, и он заявил, что, чтобы не страдать в такой агонии, он покончит с собой или, точнее, «сократит... слишком медленный процесс умирания». Тем не менее он надеялся, что смерть придет к нему внезапно в результате кровоизлияния в мозг, ибо «это будет лучший конец, которого я могу только желать» *.

Ненамеренно Троцкий составил свое Завещание в определенной степени по подобию Завещания Ленина. Оба документа состоят из основных текстов и добавлений, сделанных через несколько дней. По содержанию, однако, Завещания отражали поразительный контраст характеров и обстоятельств. Воля Ленина абсолютно безлична. Он выразил ее в форме письма предстоявшему партийному съезду, не указывая и даже не намекая, думал ли он о приближающейся смерти, хотя его тоже терзали серьезнейшие дилеммы. Он не испытывал необходимости сделать из своего Завещания кредо, зная, что его принципы и убеждения будут приниматься как само собой разумеющиеся. Ленина занимали прежде всего кризис большевизма (который, как он знал, будет вызван его смертью), пути и средства предотвращения его. Он сказал партии,

* *Архив Троцкого;* Trotsky's Diary in Exile. P. 139—141.

что́ думал о достоинствах и недостатках каждого из ее руководителей. Он представил партии свой план реорганизации Центрального Комитета, рекомендуя ЦК переместить Сталина с поста генерального секретаря. До последнего дыхания Ленин всем своим существом оставался вождем великого движения.

Завещание Троцкого с начала до конца носит личный характер. Он кратко указывает, что ему нет необходимости отвергать «глупую и злобную» клевету Сталина, ибо нет «ни единого пятна» на его революционной чести, и что новое «революционное поколение реабилитирует политическую честь» его и тысяч других жертв. Одной фразой он благодарит друзей и сторонников, веривших ему в самые трудные часы, но не дает им никакого совета — в Завещании IV Интернационал вообще не упоминается. Примерно половина текста Завещания посвящена Наталье: «В дополнение к счастью быть борцом за дело социализма судьба даровала мне счастье быть ее мужем. Почти за 40 лет нашей совместной жизни она оставалась неисчерпаемым источником любви, великодушия, не́жности. Она очень страдала... но я нахожу некоторое утешение в том, что она также знала дни счастья».

Он прерывает эту дань признательности Наталье и переходит к изложению своего кредо: «В течение 43 лет моей сознательной жизни я был революционером, и 42 года я боролся под знаменем марксизма. Если бы мне было суждено начать все снова, я... попытался бы избежать той или иной ошибки, но основное направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности».

Набросав эти строки, он выглянул в окно, увидел Наталью, шедшую к дому, и это побудило его завершить мысль поэтическим пассажем: «Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтобы воздух свободно лился в мою комнату. Я вижу ярко-зеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущее поколение очистит ее от зла, гнета, насилия и наслаждается ею во всей полноте».

В дополнении он передавал Наталье все свои литературные права и начал следующий параграф словами: «В случае, если мы умрем оба», но не окончил фразу и оставил пустое место. В приписке от 3 марта он вновь говорит о характере своего заболевания, упомянув, что он и Наталья неоднократно соглашались, что лучше совершить самоубийство, чем позволить, чтобы старость превратила их в инвалидов. «Я сохраняю за собой право определить время моей смерти... Но каковы бы ни были обстоя-

тельства... я умру с непоколебимой верой в будущее коммунизма. Вера в человека и его будущее дает мне даже сейчас такую силу сопротивления, которую не может дать никакая религия» *.

* * *

К этому времени Сталин решил, что он больше не может позволить Троцкому жить. Это кажется странным. Позволительно спросить, чего он мог еще бояться? Разве не уничтожил он всех сторонников Троцкого и даже их семьи, для того чтобы не сумел подняться какой-нибудь мститель? И что мог сделать ему Троцкий с другого конца мира? Несколькими годами раньше Сталин мог опасаться, что Троцкий возглавит новое коммунистическое движение за рубежом. Но разве теперь он не понимал, что из IV Интернационала ничего не получилось?

Но остается фактом, что Сталин не чувствовал себя спокойным. Он не мог заставить себя поверить, что насилиями и террором он достиг всего, чего хотел, что старая большевистская Атлантида действительно исчезла. Он всматривался в лица тысячных толп, приветствовавших его, и подозревал, что в их восхвалениях таится ужасающая ненависть. Когда было уничтожено и сломано столько жизней, когда его окружало такое недовольство и отчаяние, кто мог сказать, что́ могут повлечь за собой непредвиденные удары войны? Не всплывет ли снова Атлантида с новыми обитателями, но бросая старый вызов? И если IV Интернационал был тогда совершенно бессилен, кто мог сказать, как катаклизмы войны изменят политический ландшафт, какие горы они сотрут и какие холмы поднимут до высочайших пиков? Эти перспективы были реальными в надеждах Троцкого и в равной степени реальными в страхах Сталина. Троцкий, живой Троцкий был их высшим и неутомимым носителем. Он оставался глашатаем Атлантиды, все еще проповедовавшим ее бессмертные страсти и повторявшим все ее боевые лозунги. При каждом важном повороте событий, когда пришла к концу бесславная финская кампания, когда Гитлер оккупировал Норвегию и Данию, когда рухнула Франция, его голос гремел из-за океана, чтобы все знали о последствиях этих катастроф, о промахах Сталина, которые способствовали им, и о смертельной угрозе Советскому Союзу. Конечно, его обвинения, осуждения и предостережения не достигали советского народа, но они появлялись в американских, английских и других газетах, а по мере расширения войны на восток они могли в смятении военных поражений и отступлений проникнуть и туда.

---

* *Архив Троцкого;* Trotsky's Diary in Exile. P. 139—141.

В конце апреля 1940 года Троцкий обратился к «советским рабочим, крестьянам, солдатам и морякам» с посланием, озаглавленным «Вас обманывают». Говорят, что листовка с этим посланием была тайком доставлена в СССР симпатизировавшими Троцкому моряками. Но следует поставить под сомнение, достигло ли это послание своего адресата *. Каждая фраза в нем была начинена динамитом. «Ваши газеты,— говорил он советским рабочим и солдатам,— лгут вам в интересах Каина-Сталина, его развращенных комиссаров, секретарей и агентов ГПУ». «Ваша бюрократия жаждет крови и беспощадна дома, но труслива перед империалистическими державами». Позорные деяния Сталина лишают Советский Союз симпатий за рубежом, изолируют его и укрепляют его врагов. Эти преступления — «главный источник опасности для Советского Союза». Он призывал рабочих и солдат «никогда не капитулировать перед мировой буржуазией, не сдавать ей национализированной промышленности и коллективного сельского хозяйства, ибо на этой основе вы еще можете построить новое, счастливое общество». «Долг революционеров защищать зубами и ногтями каждую позицию, завоеванную рабочим классом... демократические права, заработную плату и колоссальное достижение — национализацию средств производства и плановую экономику». Но эти «завоевания» Октябрьской революции пойдут на пользу народа только в том случае, если он сможет справиться со сталинской бюрократией, как когда-то справился с царской бюрократией. Нет, Сталин не мог позволить продолжать звучать голосу Троцкого, призывающему к восстанию.

Впоследствии несколько бывших работников ГПУ и иностранных коммунистов рассказали о том, как было подготовлено последнее наступление на Троцкого **. В конце гражданской войны в Испании организации ГПУ, специализировавшиеся на «ликвидации троцкизма», были переведены в Мексику. Мексиканские сталинисты сделали все возможное, чтобы возбудить массовую истерию против «предателя, прячущегося в Койоакане». День за днем они обвиняли его не только в заговорщической деятельности против Сталина, но и в заговоре в интересах американских нефтяных магнатов против Карденаса, в подготовке всеобщей забастовки и фашистского переворота в Мексике. И даже в этих

* Я цитирую текст, датированный 23 апреля 1940 г., по *Архиву Троцкого*. Примерно в это время, незадолго до германского вторжения в Норвегию, немецкий троцкист Вальтер Хельд выехал из Норвегии, надеясь приехать в Америку через СССР и Японию. В пути, однако, он исчез бесследно. Он почти наверняка был арестован и казнен в СССР. Возможно, хотя не очень вероятно, что он пытался распространить послание Троцкого в СССР.

** *Budenz L. P.* This is my Story. New York, 1947. P. 257—263; показания Орлова цитированы выше.

условиях в начале 1940 года Москва обвинила руководителей Компартии Мексики в «примиренческой политике в отношении троцкизма», и они были смещены. Антитроцкистская кампания поднялась на новую высоту, и небольшой промах самого Троцкого помог его врагам. Как раз в конце 1939 года Троцкий согласился выехать в Соединенные Штаты, чтобы выступить в качестве свидетеля перед так называемым комитетом Дайса палаты представителей, занимавшимся «расследованием антиамериканской деятельности» (она делала это в манере, предвосхищавшей «охоту за ведьмами» сенатора Маккарти в 50-е годы). Председатель, конгрессмен Дайс, потребовал запрещения Компартии США на том основании, что она является агентом иностранной державы. Троцкий намеревался использовать комиссию как форум, с трибуны которого он разоблачит смертоносные интриги ГПУ против него и его сторонников. Однако он ясно дал понять, что выскажется против запрещения коммунистической партии и призовет рабочих мира превратить мировую войну в мировую революцию. Из этого плана ничего не вышло, отчасти потому, что собственные сторонники Троцкого, особенно Бернхем, резко выступили против него, а отчасти потому, что комиссия Дайса, предупрежденная о том, что будет говорить Троцкий, не захотела выслушать его, и американское правительство отказало ему в визе. Но каковы бы ни были условия, на которых Троцкий намеревался выступить перед комиссией Дайса, тот факт, что он согласился на это, дал возможность сталинистам обвинить его в «интригах с Дайсом и нефтяными магнатами против мексиканского народа». 1 мая 1940 года 20 тысяч коммунистов в униформе прошли через Мехико с лозунгами «Долой Троцкого» на знаменах. Он ответил опровержениями, опубликовал свою переписку, касающуюся комиссии Дайса, и потребовал официального мексиканского расследования этого дела *. Президент Карденас отверг обвинения сталинистов, однако они произвели впечатление, и доброжелатели Троцкого задумались, не будет ли он лишен убежища, особенно если Карденас проиграет на предстоявших выборах.

* * *

В это время убийца уже стоял у ворот дома на Авенида Вьена. Это был тот самый человек, который летом 1938 года представился как Жак Морнар, сын бельгийского дипломата, Сильвии Агелоф, американской троцкистке, присутствовавшей на учредительном конгрессе IV Интернационала. Его настоящее имя официально

---

* «Почему я согласился предстать перед комиссией Дайса» — заявления Троцкого для печати от 11 и 12 декабря 1939 г. *Архив Троцкого.*

пока не было установлено, хотя представляется почти наверняка, что он был Рамоном Меркадером, сыном Каридад Меркадер, испанской коммунистки, хорошо известной в Испании во время гражданской войны, между прочим, за ее тесные связи с ГПУ. Встреча Морнара с Сильвией Агелоф в Париже не была случайной. Она была тщательно подготовлена. Агенты ГПУ в течение некоторого времени наблюдали за Сильвией и ее сестрой. Обе были троцкистки, а сестра Сильвии время от времени как курьер ездила в Койоакан, работая в качестве секретаря Троцкого. Что касается Сильвии, то она изучала философию у Сиднея Хука и психологию в Колумбийском университете, знала русский, французский и испанский языки и поэтому могла быть в высшей степени полезной для «старика», который часто жаловался, что его «работа парализуется» из-за отсутствия русского секретаря. Одинокая старая дева, довольно непривлекательная, она оказалась объектом страстных ухаживаний красивого и воспитанного Морнара. Она уступила нажиму и провела с ним несколько рассеянных, подобных мечте месяцев во Франции. Время от времени ее поражало его поведение. Он проявлял такое полное отсутствие интереса к политике, что это представлялось равносильным лености ума, очень удивительной у образованного «сына дипломата». У него были очень темные связи в деловом мире и мире журналистики, и даже происхождение его семьи было загадочным. То, что он рассказывал ей о себе, бывало странным, часто непонятным. Он сыпал деньгами, как из рога изобилия, на празднества и развлечения *.

В феврале 1939 года Сильвия Агелоф вернулась в Соединенные Штаты. В сентябре он приехал к ней в Нью-Йорк. Вновь она была озадачена его поведением. Он предупредил ее, что приедет в Соединенные Штаты как американский корреспондент бельгийской газеты. Вместо этого приехал с фальшивым канадским паспортом под именем Фрэнка Джексона, заявив, что сделал это, чтобы избежать военной службы в Бельгии. Он утверждал, что никогда раньше не был в Нью-Йорке, однако ходил по городу как человек, знакомый с ним. На любой удивленный вопрос он имел убедительный ответ и никогда не выходил из своей роли повесы и бонвивана. Он не вызывал даже и тени политического подозрения. Самое худшее, в чем она могла упрекнуть его, было легкомыслие и склонность к браваде. Она попыталась перевоспитать его, заинтересовав троцкизмом, но неизменно он встречал эти попытки со скучающим лицом. Поэтому когда вскоре после его приезда в Нью-Йорк он сказал ей, что едет в Мексику агентом одной экспортно-импортной фирмы, она не усмотрела в этом ничего странного.

* *Craipeau M.* J'ai connu l'assassin de Trotsky//France Observateur. 19 mai 1960.

Когда он попросил ее поехать с ним в Мексику, она с радостью согласилась.

Он приехал в Мексику около середины октября, она — в январе. Приехав, она сразу пошла на богослужение в церковь на Авенида Вьена. Несомненно, там она передала послания американских троцкистов. Вскоре вновь стала исполнять обязанности секретаря. «Джексон» обычно подвозил ее на Авенида Вьена на своем дорогом автомобиле, а когда она заканчивала работу, ожидал у дверей. Охранники познакомились и часто болтали с ним. В течение нескольких месяцев он никогда не пытался проникнуть во двор. (Он все еще притворялся, что со снисходительной улыбкой относится к политической деятельности Сильвин, но чтобы доставить ей удовольствие, стал немного интересоваться политикой.) У ворот он встретился с Альфредом и Маргаритой Росмерами, которые вскоре познакомились с ним как «обязательным молодым человеком», «мужем Сильвии». Он приглашал их обедать в Мехико и возил по окрестностям города.

Считалось, что он занимается бизнесом, но в это время он поддерживал связь с агентами ГПУ, получал от них приказы и, по-видимому, виделся с матерью, которая, согласно нескольким источникам, тоже находилась тогда в Мексике. Об этих связях Сильвия не имела ни малейшего представления. Он никогда не сводил «жену» и мать вместе. Очень редко он совершал неосторожные поступки, которые на какой-то момент вызывали у Сильвии настороженность. Он дал ей адрес своей деловой конторы, и адрес оказался фальшивым. Он извинился за «ошибку», дав другой адрес. Сильвия, запомнив, что он сделал подобную «ошибку» в Париже, была настолько обеспокоена, что попросила Маргариту Росмер, умного и наблюдательного человека, разобраться в этом деле. Новый адрес оказался правильным, и даже Росмеры были убеждены и сочли, что если и было непонятное в деле Морнара-«Джексона», то это непонятное не имеет никакой связи с политикой. Никто не попытался побывать в его «деловой конторе». (Много спустя было выяснено, что ту же самую «контору» использовали различные крупные сталинисты.) Сильвия была достаточно осмотрительна, чтобы никогда не вводить «Джексона» в дом Троцкого. Она даже сказала Троцкому, что, поскольку ее муж приехал в Мексику с фальшивым паспортом, его посещение может создать ненужные затруднения для Троцкого. Поэтому когда в марте она уехала в Нью-Йорк, то взяла с «Джексона» формальное обещание, что в ее отсутствие он не войдет в дом на Авенида Вьена.

Однако вскоре он вошел. Росмер заболел, и «Джексона» попросили перевезти его во французскую больницу в Мехико, затем привезти домой, покупать медикаменты и т. д. Хотя случай таким образом облегчил ему дело, он был достаточно осмотрительным,

написав Сильвии и извинившись за «нарушение обещания». Хотя теперь он все лучше знакомился с домочадцами Троцкого, должно было пройти еще три месяца перед тем, как он лично встретил Троцкого.

Представляется, что пока «Джексону» не была указана цель — убийство. Его задача скорее заключалась в разведке дома, его внутреннего устройства и защиты, выяснении деталей повседневной жизни Троцкого и получении любой другой информации, которая была бы полезна для массированного вооруженного нападения, выполнение которого предназначалось другим.

Руководителем этого нападения должен был стать Давид Альфаро Сикейрос, бывший друг Риверы, прославленный художник, коммунист и руководитель мексиканских горняков. За год до этого он вернулся из Испании, где командовал несколькими бригадами во время гражданской войны. Он вырвался с поля боя вместе с двумя-тремя десятками оставшихся в живых. Тот факт, что такой выдающийся и даже героический художник согласился или добровольно вызвался стать убийцей Троцкого, ярко свидетельствует о морали сталинизма тех лет. Однако в Мексике давняя традиция — сводить политические счеты с револьвером в руке. У Сикейроса искусство, революция и гангстеризм были неразрывно связаны. У него было очень много от латиноамериканского разбойника. В Испании он вступил в тесную связь с ГПУ и, как говорят некоторые, с семьей Меркадеров. Однако, несмотря на оказанные им громадные услуги, коммунистическая партия осудила его за нечистоплотность в расходовании партийных фондов. Он был обижен и стремился вернуть уважение к себе выдающимся и опасным актом. Он разработал план вооруженного нападения на дом Троцкого, а к выполнению его призвал людей, сражавшихся под его командованием в Испании, и мексиканских горняков *.

На Авенида Вьена все жили в ожидании такого нападения. Читая местные сталинистские газеты, ведшие против него кампанию, Троцкий заметил: «Люди пишут так только тогда, когда готовы сменить перо на пулемет». Правда, по настоянию американских сторонников дом Троцкого был укреплен: тяжелые двери, система сигнализации и пулеметы преграждали путь возможным нападающим. Охрана была увеличена. Десять мексиканских полицейских дежурили вокруг дома. Внутри часовые стояли у ворот круглосуточно, а четверо или пятеро людей были наготове в комнате охраны. Не может быть сомнения в том, что некоторые из охранников, американские юноши из семей среднего класса,

* General *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. London, 1950. Я обязан некоторыми деталями о характере и происхождении Сикейроса американскому писателю, знавшему его в 30-е годы.

только что окончившие колледжи, мало подходили для выполнения своего долга. Однако с этим ничего нельзя было поделать: немногие рабочие, являвшиеся членами троцкистской организации, редко могли позволить себе отказаться от работы, оставить семьи и приехать в Койоакан. Люди приезжали и уезжали. Через несколько месяцев монотонной службы охраник уставал, становился недисциплинированным, и его нужно было сменять. Поэтому неизбежно, что часовым у входных дверей нередко стоял неопытный рекрут. Роберт Шелдон Харт, который нес эту службу в ночь рейда Сикейроса, приехал из Нью-Йорка 7 апреля. Во время его шестинедельного пребывания в Койоакане товарищи и Троцкий сочли его добросердечным и преданным, но довольно легковерным и опрометчивым субъектом *. Потом товарищи Шелдона припомнили, что он быстро завязал дружбу с Морнаром-«Джексоном», и их часто видели бродящими вместе. Ясно, что безопасность Троцкого зависела теперь от многих случайных обстоятельств. Но даже эти обстоятельства не были совсем случайными, ибо отражали общую обстановку: могучие силы, выступавшие против него, и крайнюю ограниченность числа его сторонников.

23 мая Троцкий работал весь день, лег поздно в постель и не мог уснуть, не приняв снотворное. Примерно в четыре часа утра шум, похожий на выстрелы из пулеметов, разбудил его. Усталый и сонный, он на мгновение подумал, что мексиканцы празднуют один из своих шумных религиозных или национальных праздников. Но «выстрелы были слишком близки, здесь, в комнате рядом со мной и над головой. Запах порохового дыма усилился, он проникал повсюду. Мы подвергались нападению» **. Наталья уже выскочила из постели и прикрыла его своим телом. В мгновение ока она под градом пуль столкнула его на пол в угол между кроватью и стеной, он стащил ее на пол, где она снова прикрыла его своим телом. Без звука и движений они лежали в темноте, пока невидимые нападающие обстреливали комнату через окна и дверь. Вероятно, было сделано 200 выстрелов. Сотня попала в кровать и около нее. Позднее было насчитано свыше 70 пулевых дыр в стенах и дверях. Наталья немножко приподнялась, он опять прижал ее к полу, и снова они лежали не двигаясь, вдыхая пороховой дым, удивляясь, что случилось с охранниками и полицией снаружи.

* Троцкий рассказывает, что вскоре после приезда Шелдона он увидел, как тот передает ключ от входной двери дома одному из строительных рабочих, работавших там. Троцкий предостерег его не делать этого, заметив: «Если вы будете вести себя так, то в случае нападения окажетесь первой жертвой». Заявление Троцкого о Шелдоне от 15 июля 1940 г. *Архив Троцкого*.

** Рассказ Троцкого об этом, написанный 8 июня 1940 г., был опубликован после его убийства под заголовком «Сталин ищет моей смерти»//Fourth International. August 1941.

Внезапно пронзительный крик «Дедушка!» раздался за стеной или за дверью. Нападающие вломились в спальню Севы. «Голос ребенка,— говорил Троцкий позднее,— остается самым трагическим воспоминанием о той ночи». «Этот крик,— вспоминает Наталья,— потряс нас до глубины души». Затем воцарилась тишина. «Они похитили его»,— шепнул Троцкий. Как во сне, Наталья увидела силуэт мужчины, освещенного светом зажигательной бомбы, вспыхнувшей в комнате ребенка. «Изгиб каски, блестящие пуговицы, продолговатое лицо». Мужчина остановился у дверей между спальней Троцких и комнатой ребенка, как бы проверяя, есть ли там какие-нибудь признаки жизни, и хотя казалось, что их нет, дал еще очередь по кровати и исчез. Стрельба теперь шла во дворе, а комната ребенка была в огне. Севы там не было. Среди языков пламени можно было увидеть небольшой след крови, ведущий во двор. «Затем воцарилась тишина... невыносимая тишина»,— вспоминала Наталья.— Где я могу укрыть тебя? [думала она]. Я теряла силы от напряжения и безнадежности. В любой момент они могли вернуться и прикончить его». Где все домашние, Росмеры, секретари, охранники, полиция? Что, их всех убили? «Мы чувствовали в тишине ночи, как в тишине могилы, дыхание самой смерти... А затем вновь раздался тот же голос, голос нашего внука, на этот раз он слышался со двора и звучал совершенно по-иному, как музыка, смело, весело: «Аль-фред! Мар-гари-та!» Он вернул нас к жизни!» Сева спасся, тоже спрятавшись под кровать, но еще до того, как стрельба прекратилась, думая, что его дедушка и бабушка убиты, он, раненный в ногу, бросился искать Росмеров *.

Через несколько минут все обитатели дома собрались во дворе. Никто не был убит или серьезно ранен. Охранники были настолько ошеломлены, что даже не выяснили, что случилось с полицейскими, находившимися снаружи дома. Троцкий выбежал на улицу и увидел, что полицейские разоружены и связаны. Последовали короткие взволнованные рассказы. Около 4 утра примерно 20 человек в форме полицейских и солдат внезапно напали на полицейских и одолели их без выстрела. Затем нападающие под руководством «майора» подошли к дверям. Один из них заговорил с Робертом Шелдоном Хартом, который нес службу. Последний сразу открыл ворота, нападающие ворвались во двор, внезапно напали и схватили других охранников, поставили пулеметы против спальни Троцкого, заняли другие позиции и открыли огонь. Они, очевидно, имели намерение убить Троцкого и его семью. Не было сделано ни одного выстрела по кому-нибудь другому. Налет продолжался 20 минут. Убежденные, что ни Троцкий, ни его жена,

* *Sedova N.*, *Serge V.* Vie et Mort de Leon Trotsky. P. 309—310.

ни их внук не могли спастись, нападавшие убрались, бросив зажигательные бомбы в дом и мощную бомбу, которая не взорвалась, во двор. Некоторые уехали в двух автомобилях, принадлежавших Троцкому и обычно стоявших во дворе, готовые к отъезду без промедления со вставленными ключами зажигания. Шелдон исчез вместе с нападавшими. Полицейские, видевшие его, утверждали, что он не оказал никакого сопротивления, но двое нападавших вывели его, крепко держа за руки.

Первой реакцией на чудесное спасение было облегчение и радость. Чувство иронии Троцкого проявилось тотчас же. Ему представлялось забавным, что столь тщательно подготовленное нападение так жалко провалилось и лишь потому, что совершенно беспомощные он, Наталья и мальчик сделали единственное, что могли сделать,— залезли под кровати! Разоблаченные Сталин и его агенты выглядят теперь забавно! Не было ни малейшего сомнения, по чьему благословению и подстрекательству было совершено нападение. Однако вместе с радостью и триумфальной иронией возникла определенная озадаченность. Нападавшие прекрасно знали расположение и оборону маленькой крепости. Они даже знали, что могут уехать на автомобилях своей жертвы! Почему Шелдон впустил их, притом явно без колебаний? Он небрежен, легковерен, но, однако, перед тем как он открыл ворота, к нему, должно быть, подошел кто-то, кому он доверял и чей голос знал? Кто был этот человек? Или нападавшие забрались во двор через высокие стены, на которых была протянута проволока под током? Почему они похитили Шелдона (которого они наверняка собираются убить)?

Через полчаса на месте происшествия был начальник мексиканской тайной полиции полковник Салазар. Вот как он описал сцену *: «Я попросил Троцкого, который вскоре вышел в сопровождении жены... [Он] был в пижаме, на которую накинул халат. Они дружески поздоровались со мной... но были удивительно спокойны. Можно было подумать, что ничего не случилось... Троцкий улыбался, его глаза были ясными, за толстыми стеклами очков — взгляд, как обычно, проницательный, саркастический, немного мефистофельский. Его волосы... почти белые... казались в некотором беспорядке, зачесанные назад, но растрепавшиеся по бокам». Был «разительный контраст» между Троцким и Натальей: «Он — энергичный и властный... Черты лица еще молоды, тверды. Она — приятная, спокойная и почти безропотная». Но оба были сдержанны и «полностью контролировали себя», что показалось довольно-таки неестественным шефу полиции. Немедленно у него закралось подозрение: «Что, это было действительно покушение на

* *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. P. 6—10.

их жизнь или мистификация?» Когда он слушал Троцкого, дававшего ему в кабинете полный и точный, «без малейших эмоций» отчет о только что пережитом, Салазар снова подумал: «Столько нападающих, столько выстрелов, даже бомбы, и ничего с ними не случилось! Все это очень странно!» Они вышли в сад с любовно возделанными кактусами. Сад выглядел спокойным, как всегда. Офицер спросил Троцкого, подозревает ли он кого-нибудь в качестве «автора покушения».

«Конечно,— ответил он очень решительно,— идемте...» Он положил мне правую руку на плечо и медленно подвел к клеткам для кроликов. Он остановился, оглянулся, чтобы убедиться, что мы одни, и, поднеся правую ладонь ко рту, как будто хотел сделать признание еще более тайным, сказал тихо, но с глубоким убеждением: «Автор нападения Иосиф Сталин, действующий через посредство ГПУ».

Теперь офицер был убежден, что Троцкий хитрит. «Я взглянул на него в изумлении... Мое первое подозрение превратилось в уверенность. И снова я сказал себе: это мистификация! В этом нет ни малейших сомнений». А когда Троцкий посоветовал ему подвергнуть допросу некоторых самых значительных местных сталинистов, от которых можно многое узнать о налете, Салазар заключил, что «старый революционер пытался сбить меня с тропы, ведущей к истине». Он приказал арестовать сначала трех слуг, повара, горничную и дворника, затем двух секретарей Троцкого — Отто Шюслера и Чарлза Корнелла. Оборот, который приняло расследование, дал повод для самых сенсационных слухов. Некоторые утверждали, что нападение организовал Диего Ривера и что нападающие вломились в дом с криком: «Да здравствует Альмазар!» (Альмазар был реакционным генералом, кандидатуру которого на пост президента поддерживал Ривера против Карденаса.) Другие утверждали, что Троцкий или его сторонники имитировали нападение, чтобы бросить подозрение на сталинистов и дискредитировать их *.

Забавно, что шеф тайной полиции не испытывал к Троцкому никакой враждебности и никакого озлобления. Но профессиональному солдату и полицейскому, незнакомому с проблемами, личностями и атмосферой страшной борьбы, которая привела к нападению, все дело действительно представлялось в высшей степени загадочным. Он насчитал 73 пулевых отверстия в стене над кро-

* *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. P. 18—25. Не только просталинистские газеты Мексики, но даже «Nation», выходящая в Нью-Йорке, опубликовала сообщения с предложениями, что сам Троцкий или обитатели его дома инсценировали налет. «К какой презренной разновидности амей,— комментировал Троцкий,— принадлежат эти «радикалы» из «Nation». 18 июня 1940 г. *Архив Троцкого.*

ватью Троцкого, и «чудесное спасение» показалось ему еще более загадочным. Он обратил внимание на самообладание Троцкого и Натальи и подумал, что он, ветеран многих гражданских войн в Мексике, никогда не видел никого, кто вел бы себя так спокойно, испытав такую опасность *. Точность показаний и юмор Троцкого казались ему совершенно неуместными и тем более подозрительными. (Лишь в последующие месяцы, когда по долгу службы он стал часто видеть Троцкого, он понял, что «неестественное» спокойствие, мужество и юмор человека были его натурой.) С другой стороны, налет был таким грандиозным скандалом даже по мексиканским критериям, что Салазар не мог поверить, чтобы за ним стояли сталинисты, сторонники Карденаса (к которым он сам относился отнюдь не дружественно). Поведение охранников Троцкого тоже возбудило у него недоверие. Почему они проявили странную пассивность? Почему ни в кого из них не стреляли? Салазар был убежден, что Шелдон был в сговоре с налетчиками и уехал с ними по собственной воле. Троцкий горячо утверждал, что Шелдон был их жертвой, а не соучастником, но не мог доказать этого. И конечно, было зерно истины в рассуждениях Салазара: налет выполнен не без сотрудничества кого-то в окружении Троцкого или по крайней мере кого-то, кто поддерживал тесный контакт с обитателями его дома. Кто мог быть этим человеком? Этот вопрос должен был теперь привлечь все внимание и усилить бдительность.

Неделю спустя после нападения Троцкий, взволнованный подозрениями в отношении его самого и Риверы, направил протест президенту Карденасу по поводу ареста двух его секретарей **. Ссылаясь на то, что он знал (между прочим, от Райсса и Кривицкого) о деятельности ГПУ во многих странах, Троцкий потребовал, чтобы суд или полиция подвергли допросу тогдашнего и бывшего генеральных секретарей Мексиканской коммунистической партии, а также Сикейроса и Ломбардо Толедано. Президент распорядился немедленно освободить секретарей Троцкого. Однако в течение некоторого времени следствие шло по неверному пути, и Троцкому вновь пришлось опровергать распространявшиеся в его адрес инсинуации, защищать своих сотрудников, подтверждать невиновность Роберта Шелдона Харта. «Если Харт,— говорил он,— агент ГПУ, он мог бы тихо зарезать меня» без шумихи массированного и сенсационного налета. Между тем полиция задержала нескольких налетчиков, которые подтвердили, что ими руководил Сикейрос, который ушел в подполье ***. Наконец 25 июня люди

* *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. P. 10—11, 100.

** Письмо Троцкого президенту Карденасу от 31 мая 1940 г. *Архив Троцкого.*

*** *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. P. 184. Арестованный 4 октября 1940 г., после убийства Троцкого, Сикейрос не отрицал своего участия в майском налете, но

Салазара нашли труп Шелдона Харта на маленькой ферме у Мехико. Ферму снимали два хорошо известных художника, оба сталиниста.

В 4 утра, в тот час, когда ровно за месяц и день был совершен налет, Салазар приехал с этими новостями в дом Троцкого. Охранники отказались разбудить Троцкого, и поэтому он вернулся на ферму с одним из охранников, чтобы опознать тело.

«Мы приехали к холму на рассвете. По мокрой земле подниматься было чрезвычайно трудно. Тело лежало на носилках, где я оставил его у дома... Отто..: немедленно опознал товарища.

Был уже день, когда мы приехали в Сан Анжел. Труп оставили во дворе суда. Вскоре приехал генерал Нуньес и приказал вымыть его. Затем он усилил охрану, так как новости распространились по городу и стала собираться толпа любопытных. Покончив с формальностями, судья уехал.

В толпе возникает движение.

«Троцкий! Троцкий!»

Это был действительно он. Пробило 10 часов. Старый русский эмигрант подошел к телу. Он выглядел печальным и подавленным. Долго стоял, смотрел на бывшего секретаря глазами, полными слез. Человек, который руководил великой революцией, выжил в кровавых битвах, видел, как его друзья и члены семьи исчезали один за другим, остался спокойным во время нападения, которое почти стоило жизни не только ему, но жене и внуку, теперь молча плакал» *.

Загадка роли Харта никогда не была определенным образом разрешена. Салазар по-прежнему утверждал, что Харт был агентом ГПУ и ГПУ убило его, опасаясь, что он попадет в руки мексиканской полиции и расскажет слишком много. Это предположение частично подтверждается очевидцами, которые заявляли, что видели Харта, свободно ходившего по ферме и выходившего на прогулки без охраны и сопровождающих лиц. Вопреки этому Троцкий утверждал, что Харт был восьмым из его погибших секретарей и все, что он и американские товарищи знали о Харте, противоречит версии Салазара **. Он послал трогательное письмо соболезнования родственникам жертвы и поставил доску в память «Боба». Вскоре напротив этой доски оказалась могила самого Троцкого.

утверждал, что коммунистическая партия не была с ним связана и что цель налета заключалась не в том, чтобы убить Троцкого, а «вызвать психологический шок» в знак протеста против проживания Троцкого в стране. Освобожденный под залог, Сикейрос на несколько лет уехал из Мексики.

* *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. P. 76—77.

** Троцкий упомянул следующих секретарей, погибших в результате мести Сталина: Глазмана, Бутова, Блюмкина, Сермукса, Познанского, Клемента и Вольфа. Заявление от 25 июня 1940 г. *Архив Троцкого.*

* * *

После 24 мая «маленькая крепость» на Авеннда Вьена жила в атмосфере обреченности. С неделю на неделю и со дня на день ждали нового нападения. Для Троцкого было капризом судьбы, что он еще оставался живым. Он вставал по утрам и говорил Наталье: «Видишь, они не убили нас этой ночью, а ты еще не довольна». Раз или два он задумчиво произнес: «Да, Наташа, нам дали отсрочку в исполнении приговора» *. Он был, как всегда, активным и энергичным, вмешивался во все стадии полицейского расследования, появлялся перед судом, отвечал на бесконечную клевету, комментировал такие события, как капитуляция Франции и заявление Молотова о поддержке третьего рейха, продолжал обсуждать положение негров в Соединенных Штатах, тактику революционного пораженчества и т. д. Группа американских друзей, посетившая его около середины июля, умоляла Троцкого «уйти в подполье», жить инкогнито и позволить, чтобы его тайком вывезли в Соединенные Штаты, где они были уверены, что смогут обеспечить его надежным подпольным укрытием. Троцкий отказался. Он не может, заявил Троцкий, бороться за свою жизнь и выполнять свою работу тайком. Он должен встречаться с врагами и друзьями в открытую. Он должен пройти «дьявольски темную ночь» до конца **. С неохотой он уступил друзьям и мексиканским властям, убедившим его укрепить оборону дома высокими бетонными стенами, новыми наблюдательными башнями, бронированными дверями и стальными щитами на окнах. Сначала он прилежно наблюдал «за фортификационными работами», предлагал изменения и улучшения, а затем с отвращением пожимал плечами. «Это напоминает мне первую тюрьму, в которую я попал,— заметил он своему секретарю Джозефу Хансену,— двери издают тот же звук... Это не дом, а средневековая тюрьма». «Однажды,— пишет Хансен,— он застал меня глядящим на новую башню. Его глаза блеснули одной из добрых доверительных улыбок... «Высокоразвитая цивилизация, а мы все еще должны заниматься таким строительством» ***. Он действительно вел себя как человек, ожидавший фатального дня в камере смертников, лишь с той разницей, что был преисполнен решимости с пользой провести каждый час, и ирония и юмор не покидали его.

Он продолжал поездки за город по грязным плохим дорогам и вспоминал о русских дорогах в годы гражданской войны. Во вре-

---

* *Седова Н.* Так это было // Б. О. 1941. Март. № 85; *Sedova N.* How it happened // Fourth International. May 1941.

** Это рассказал мне один из тех, кто сделал такое предложение Троцкому.

*** *Hansen J.* With Trotsky to the End//Fourth International. October 1940.

мя последней поездки «он спал больше, чем обычно, как будто был истощен и как будто это был первый случай отдохнуть. Он откинулся на сиденье около меня и проспал от Куэрнаваки почти до Амекамеки, где вулканы Попокатепетль и Истакситуатль («Спящая женщина») увенчаны громадными клубами дыма над их белыми вершинами... Мы остановились у старой гасиенды с высокими, сильно укрепленными стенами. «Старик» посмотрел на стены с интересом: «Прекрасная стена, средневековая, как наша тюрьма» *. Этим словом «средневековая», которое часто слетало с его уст, он передавал не только отвращение к собственному заключению, но и ощущение, что мир возвращается от того, что могло быть веком прогресса и триумфа человечества, к зверству темных веков, и что даже он, окруженный башнями, баррикадами и укреплениями, принимает участие во всеобщем сползании назад. После налета друзья подарили ему пуленепробиваемый жилет, но, даже благодаря их, он не мог скрыть своего неудовольствия. Он высказал предложение, что его лучше носить часовому на наблюдательной башне. Его секретари неоднократно предлагали обыскивать посетителей, чтобы обнаружить оружие, и протестовали, когда он принимал незнакомых людей один в кабинете. «Он не мог примириться с тем, что его друзья будут подвергаться обыску,— пишет Хансен,— нет никакого сомнения, что он считал, что в любом случае это будет бесполезно и даже может создать у нас ощущение ложной безопасности. Агент ГПУ... сможет каким-то образом свести к нулю наши обыски». Он нахмурился, когда один из охранников попытался присутствовать при его разговоре с посетителями, некоторые из которых приходили «по личным делам [и] не могли свободно говорить в присутствии охранника» **.

* * *

28 мая, через несколько дней после налета [будущий] убийца впервые встретился с Троцким. Встреча выглядела абсолютно случайной. Росмеры собирались уехать из Мехико и сесть на судно в Веракрусе. «Джексон» предложил привезти их туда в своем автомобиле, притворившись, что ему в любом случае нужно ехать в Веракрус по одному из своих обычных дел. Он заехал за ними рано утром, его попросили подождать во дворе, пока они готовились к отъезду. Когда он вошел, то столкнулся с Троцким, который кормил в загоне кроликов. Не прерывая своего занятия, Троцкий пожал руку посетителю. «Джексон» вел себя с чрезвы-

* *Hansen J.* With Trotsky to the End // Fourth International. October 1940.
** Ibid.

чайной скромностью и любезностью. Он не глазел на великого человека, не пытался завязать с ним разговор или не болтался поблизости, а прошел в комнату Севы, подарил мальчику игрушечный планер и объяснил, как им пользоваться. По намеку Троцкого Наталья затем пригласила его позавтракать с семьей и Росмерами *.

После возвращения из Веракруса «Джексон» две недели не появлялся на Авенида Вьена. Он появился там снова 12 июля на несколько минут сказать, что уезжает в Нью-Йорк и оставляет свой автомобиль охранникам, чтобы они могли пользоваться им в его отсутствие. Он не приезжал на Авенида Вьена целых три недели, пока Троцкие не пригласили его и Сильвию выпить с ними чаю 29 июля. Это был самый длительный визит «Джексона». Он продолжался больше часа. Согласно детальным записям, которые вели охранники, он входил в ворота с 28 мая по 20 августа только 10 раз и видел Троцкого дважды или трижды. Этого оказалось для него достаточным, чтобы осмотреть дом, присмотреться к жертве и завершить отработку своего плана. Он вел себя очень незаметно, обязывающе, невинно. Он приезжал со скромным букетом или коробкой конфет для Натальи — «подарком от Сильвии». Он предложил, как опытный альпинист, сопровождать Троцкого в горы, но не настаивал на своем предложении. Когда он болтал с охранниками, то время от времени упоминал, как знакомых, имена хорошо известных троцкистов различных национальностей, чтобы создать впечатление, что он тоже участвует в движении, и мимоходом упомянул о собственных взносах в фонд партии.

Однако в присутствии Троцкого и Натальи он вел себя почти застенчиво, как и подобает постороннему человеку, который лишь «сочувствует» движению. Это было время, когда американские троцкисты раскололись. Сильвия встала на сторону Бернхема и Шахтмана. Но на Авенида Вьена ее принимали по-прежнему тепло — только когда ее и «Джексона» приглашали на чай, за столом возникал непринужденный спор. «Джексон» оставался нейтральным, но давал понять, что он на стороне Троцкого и что он согласен с тем, что Советский Союз является государством рабочих и его необходимо защищать «без каких-либо оговорок». Он был менее сдержан в разговоре с секретарями и говорил им, что у него с Сильвией случались ожесточенные споры по этому вопросу. Однако он был достаточно осторожен, чтобы не показаться чересчур радикальным,— разве Троцкий не предупреждал своих сторонников, что провокаторы в их среде будут стремиться продемонстрировать свою архиреволюционность и обострить ссоры в

* *Hansen J.* With Trotsky to the End // Fourth International. October 1940.

движении? Нет, «Джексон» не делал ничего подобного, он лишь пытался логическим путем побудить Сильвию встать на правильную точку зрения.

Но даже этот мастер лицедейства (которому в течение двадцати лет заключения в тюрьме удавалось вводить в заблуждение следователей, судей, врачей и психоаналитиков, пытавшихся выяснить, кто же он есть на самом деле и каковы его связи) начал терять выдержку, когда дело приближалось к развязке. Из Нью-Йорка, где ему, вероятно, были даны последние инструкции по замышляемому делу, он вернулся в смятении. Обычно энергичный и веселый, он стал нервным и угрюмым. Лицо приобрело землисто-зеленый оттенок и нервно подергивалось, руки дрожали. Большую часть времени он валялся в постели, молчаливый, замкнутый, не разговаривая с Сильвией. Затем он вдруг становился чересчур веселым, разговорчивым, что вызывало изумление у секретарей Троцкого. Он хвастался своими альпинистскими подвигами и физической силой. Он мог «разрубить огромную глыбу льда одним ударом ледоруба». Во время еды он демонстрировал свое «хирургическое искусство», необычайно проворно расправляясь с цыпленком. (Несколько месяцев спустя те, кто видел его «демонстрации», вспоминали, что, по его словам, он хорошо знал Клемента, тело которого было изуродовано с таким же «хирургическим искусством».) Он рассказывал о «финансовом гении» своего «босса» и предлагал заручиться его поддержкой в операциях на бирже, чтобы поправить финансовые дела IV Интернационала. Однажды, наблюдая вместе с Троцким и Хансеном за «фортификационными работами» на Авенида Вьена, он заметил, что все это бесполезно, так как «во время следующей попытки ГПУ прибегнет к совершенно другому способу». Когда его спросили, что же это будет за способ, он пожал плечами.

Люди, жившие в доме, вспомнили об этом и других эпизодах лишь три или четыре месяца спустя, когда поняли, насколько многозначительными они были. А в то время они не видели ничего тревожного, за исключением неуравновешенного характера «Джексона». Один лишь Троцкий, хотя он знал его слишком мало, лучше других понимал «Джексона». Правда, даже он защищал «Джексона», хотя и с некоторыми колебаниями, когда кто-то с негодованием заметил, что «Джексон» не удосужился зайти в штаб-квартиру троцкистов в Нью-Йорке, когда ездил туда. Да, отвечал Троцкий, муж Сильвии действительно легкомысленный человек, который бесполезен как товарищ, но, возможно, он исправится,— в партии состоят очень разные люди. И все-таки разговоры «Джексона» о его «боссе», «финансовом гении» и спекуляциях на бирже, которыми он предлагал заняться, чтобы помочь «движению», крайне раздражали Троцкого. «Эти мимолетные раз-

говоры,— говорит Наталья,— не нравились мне, Лев Давыдович тоже поражался. «Кто этот очень богатый «босс»? — говорил он мне.— Кому-нибудь следует разобраться. В конце концов это может быть какой-нибудь аферист, возможно, фашистского типа,— быть может, нам больше не следует принимать мужа Сильвии». Ранее он порвал с Молинье, у которогс тоже были «финансовые планы», но у него никогда не возникало ни малейшего подозрения относительно политической искренности Молинье. Даже теперь он готов был простить его прегрешения. Но в «Джексоне» он чувствовал что-то зловещее — быть может, тот был связан с фашистами? Несмотря на смутные подозрения, Троцкий не хотел окончательно рвать с ним без достаточного обоснования своих предположений *.

17 августа «Джексон» вернулся и сообщил, что написал статью против Бернхема и Шахтмана (рассмотрев попутно некоторые аспекты ситуации, сложившейся во Франции, оккупированной Германией). Он справился, не поправит ли Троцкий статью? Он хитро затронул чувствительную струну своей жертвы — стремление помогать и советовать своим товарищам и последователям. С неохотой, но руководствуясь чувством долга, Троцкий пригласил «Джексона» пройти вместе с ним в кабинет. Они остались там одни и обсуждали статью. Через каких-нибудь десять минут Троцкий вышел. Он был раздосадован и обеспокоен. Его подозрения внезапно обострились. Он сказал Наталье, что не имеет ни малейшего желания видеть «Джексона» впредь. Его расстроило не то, что написал этот человек,— несколько неуклюжих и беспорядочных штампов, а его поведение. Когда Троцкий сел за письменный стол и стал просматривать статью, «Джексон» примостился на краю стола и склонился над Троцким. Так он сидел до конца разговора. Он не снимал шляпы и прижимал к себе плащ. Троцкого не только раздражала невежливость гостя, он снова почувствовал фальшь. У него было ощущение, что этот человек не тот, за кого себя выдает. Он заметил Наталье, что «Джексон» в своем поведении «абсолютно не походит на француза», хотя и представлялся как бельгиец, выросший во Франции. Кто же он на самом деле? Им следует узнать это. Наталья была очень удивлена. Ей казалось, что Троцкий «узнал что-то новое о «Джексоне», но еще не пришел, а вернее, не торопился прийти к какому-то заключению». Но смысл сказанного настораживал: если «Джексон» лгал им о своей национальности, то с какой целью он это делал? А не обманывал ли он их также и в других вопросах? В каких? Именно эти вопросы беспокоили Троцкого, когда он двумя днями позже повторил свои сомнения Хансену, как бы пытаясь спра-

---

* *Sedova N., Serge V.* Vie et Mort de Trotsky. P. 319.

виться — не приходили ли кому-либо еще подобные мысли. Однако убийца действовал быстрее, чем поспевала за ним интуиция и инстинкт самосохранения жертвы: Троцкий поделился своими сильными подозрениями с Хансеном только за день до покушения *.

Разговор 17 августа был генеральной репетицией «Джексона». Он заманил Троцкого в кабинет, чтобы остаться с ним один на один, заставил читать рукопись и склонился над ним. На генеральную репетицию он пришел с ледорубом, кинжалом и пистолетом, спрятанными в плащ, который он сжимал в руках. Возможно, уже тогда у него в кармане было письмо, которое должно было объяснить его мотивы,— текст был напечатан задолго до покушения. В день покушения ему осталось только проставить число и подписаться. В этом письме он изображал себя «преданным сторонником» Троцкого, который готов отдать за него «последнюю каплю крови», приехал в Мексику по заданию IV Интернационала и для него встреча с Троцким была «осуществлением мечты». Но в Мексике на него снизошло «прозрение»: человек, которого он считал лидером рабочего класса, разоблачил себя как преступный контрреволюционер и заставлял его «поехать в Россию, чтобы организовать там ряд покушений против ряда лиц, и в первую очередь против Сталина». Он обнаружил, что Троцкий вступил в заговор с «некоторыми лидерами капиталистических стран», что «консул одной великой иностранной державы часто бывал у него», что Троцкий вступил в заговор и против Советского Союза, и против Мексики **. Цель этого письма заключалась в том, чтобы даже смерть Троцкого использовать как подтверждение обвинений Сталина, за тем лишь исключением, что в свете пакта между Сталиным и Гитлером обвинение Троцкого в заговоре с Гитлером было заменено намеком на то, что он состоит на службе у американского империализма. Даже трюк, с помощью которого «разочаровавшийся» сторонник Троцкого должен был подтвердить обвинение сталинистов, не был новинкой: рука, убившая Клемента, написала те же самые «разоблачения» разочаровавшегося «троцкиста» от имени Клемента. Стряпня стала еще отвратительнее, когда «Джексон» добавил, что Троцкий требовал от него «покинуть свою жену» из-за того, что она присоединилась к группе Шахтмана, однако он, «Джексон», не может жить или ехать в Россию без Сильвии. Фальшивка была грубой, но не слишком грубой для легковерных. Так или иначе, у кого нашлось бы время и терпение внимательно изучать ее теперь, в интервале между капитуляцией Франции и

* *Sedova N., Serge V.* Vie et Mort de Trotsky; Б. О. 1941. № 85; Fourth International. May 1941.

** *Godlman A.* The Assassination of Leon Trotsky. P. 5—8.

битвой за Англию, когда потрясались основы существования множества людей и множества государств?

Итак, пришел последний день — вторник 20 августа. Кто бы ни вспоминал о нем позднее, тот непременно говорил о редкостном мире и ясности, царивших в доме до фатального часа. Ярко сияло солнце. «Старик» источал спокойствие, уверенность и энергию. Когда он проснулся в 7 часов, он повернулся к жене не с мрачной, а к тому времени обычной шуткой: «Как видишь, они не убили нас этой ночью». Сказал он это, выражая хорошее настроение. «Давненько я не чувствовал себя так хорошо»,— сказал он, добавив, что принятое снотворное оказывает благоприятное воздействие. «Тебе на пользу не лекарство,— ответила она,— а спокойный сон и полный отдых».— «Да, конечно»,— заметил он удовлетворенно. Его ждал день, «полный настоящей работы». Он быстро оделся и энергично вышел во двор кормить кроликов. Он несколько запустил их, ибо по приказу врачей провел воскресенье в постели. Поэтому он прилежно ухаживал за ними целых два часа. За завтраком он вновь заверил Наталью в своем прекрасном здоровье и настроении. Он хотел вернуться к работе над «Сталиным» — «моей бедной книгой», которую отложил после налета в мае, чтобы уделить время полицейскому расследованию и текущей полемике. Но теперь он сказал все, что нужно было сказать о налете, расследование шло в правильном направлении, и он надеялся, что его больше не будут беспокоить. Однако перед тем как вернуться к «Сталину», Троцкий еще хотел написать «важную статью» не для буржуазной печати, а для маленьких троцкистских газет и, говоря о ней с некоторым возбуждением, прошел в кабинет.

Он нашел утреннюю почту вполне удовлетворительной. Наконец-то архив в безопасности. Телеграмма из библиотеки Гарвардского университета подтверждала получение архива. Это дело вызывало у него некоторое беспокойство из-за задержек в пути, вызванных либо ГПУ, либо ФБР, и двумя днями ранее Троцкий поручил своему американскому адвокату и товарищу Альберту Голдману принять меры, если ФБР попытается заглянуть в его бумаги. «Мне лично нечего скрывать,— писал он,— но в моих письмах упоминается много третьих лиц». Он поместил архив в Гарварде на условии, что одна секция его будет оставаться закрытой до 1980 года *. Но задержка, очевидно, не была серьезной, и теперь все дело, к счастью, было завершено. На своем характерном анг-

* Троцкий — Голдману 17 августа 1940 г. *Архив Троцкого. Закрытая секция.* Эта секция Архиаа содержит его переписку со сторонниками. В то аремя когда почти вся Европа контролировалась либо гестапо, либо ГПУ, он считал обязанным защитить таким образом саоих корреспондентов.

лийском языке он написал несколько коротких, добрых и шутливых писем американским троцкистам *. Он справлялся о здоровье одного человека, который после службы секретарем в Койоакане вернулся домой, благодарил другого товарища и его жену за словарь американского сленга, присланный ему, и обещал прилежно изучать его, чтобы наконец понимать разговоры охранников за едой. Он направил приветствие двум товарищам, заключенным в тюрьму за стачечную деятельность и находившимся на пороге освобождения, а затем он приступил к записи своей последней статьи на диктофон **.

Предварительный набросок статьи позволяет предположить, что Троцкий пытался изменить старую идею или выдвинуть новую. До недавнего времени Троцкий пропагандировал «революционное пораженчество», как это делал и Ленин в первую мировую войну, говоря рабочим, что их задача состоит не в защите любого империалистического отечества, будь то демократического или фашистского, а в превращении войны в революцию. Но теперь, после захвата нацистами почти всей Европы, когда английский и американский рабочий класс реагировали на это боевым антифашизмом, он пришел к мысли, что простое повторение старой формулы бесполезно. «Нынешняя война, как мы указывали неоднократно, является продолжением прошлой войны, но продолжение есть не репетиция, а развитие, углубляющееся, обостряющееся». Равным образом продолжение ленинской политики 1914—1917 годов должно быть не простым повторением, а «развитием и углублением». Ленинское революционное пораженчество выработало у большевистской партии иммунитет перед фетишизмом буржуазного патриотизма; однако, вопреки широко распространенному убеждению, «оно не смогло завоевать массы, которые не желают иностранного завоевания». Большевики получили поддержку народа не столько в результате их «отказа защищать буржуазное отечество», сколько в результате позитивных аспектов их революционной агитации и действий. Марксисты и ленинцы в этой войне должны понимать это, заключил Троцкий. Он высказался против группы Шахтмана и пацифистов среди троцкистов, выступивших против введения воинской повинности в Соединенных Штатах. В письме, написанном за несколько дней до этого, он комментировал опрос общественного мнения, показавшего, что 70 процентов американских рабочих выступали за воинскую повинность. «Мы занимаем такую же позицию, как 70 процентов рабочих. Мы говорим вам, рабочие, вы хотите защищать... демократию. Мы... хотим идти дальше, однако мы готовы защищать

* Последние письма Троцкого // Fourth International. October 1940.
** Последняя статья Троцкого // Fourth International. October 1940.

демократию с вами только при том условии, что это будет действительная защита, а не предательство в стиле Петена». В статье мысли Троцкого бродили между униженной Францией, оседланной «предательским старческим бонапартизмом», и резко отличавшейся от нее американской сценой. Однако у него не было времени развить эти неоформившиеся мысли. Голос Троцкого в диктофоне остался последним свидетельством его незавершенного движения в новом направлении.

* * *

В час дня мексиканский адвокат Троцкого Риго пришел повидаться с ним, чтобы рекомендовать немедленно ответить на нападки в газете Толедано «Эль популар», обвинявшей Троцкого в клевете на мексиканские профсоюзы. Троцкий опасался, что это втянет его в острую полемику с местными сталинистами, но согласился, что должен немедленно ответить «Эль популар», и отложил свою статью о революционном пораженчестве «на несколько дней». «Я перейду в наступление и обвиню их в наглой клевете»,— сказал он Наталье. Он был настроен воинственно и весело, заверив ее еще раз, что чувствует себя превосходно. После короткого послеобеденного отдыха Троцкий вновь сел за стол сделать выписки из «Эль популар». «Он выглядел прекрасно,— говорит Наталья,— сохранял душевное равновесие все время». Несколько раньше она увидела Троцкого, стоявшего во дворе без головного убора под палящим солнцем, и поторопилась принести ему белую шляпу, чтобы он защитил голову от солнца. Теперь время от времени она легонько, чтобы не потревожить его, приоткрывала дверь в кабинет и видела его «в обычной позе, склонившимся над столом с пером в руке». На цыпочках из-за двери современная Ниоба бросала свои последние любящие взгляды на единственное дорогое существо, оставшееся у нее.

Вскоре после пяти вечера Троцкий вернулся к клеткам кормить кроликов. Наталья, выйдя на балкон, заметила «незнакомую фигуру» рядом с ним. Человек подошел ближе, снял шляпу, и она узнала «Джексона». «Вот он опять здесь — эта мысль мелькнула у меня,— почему он стал приходить так часто? — спрашивала я себя». Вид «Джексона» усилил ее опасения. Его лицо было серо-зеленым, жесты нервными и резкими, он конвульсивно прижимал к себе пальто. Она внезапно вспомнила, что он хвастался ей, что никогда не носил шляпы и пальто даже зимой, и спросила его, почему у него шляпа и пальто в такой солнечный день. «Может пойти дождь»,— ответил он и, заявив, что «ужасно хочет пить», попросил стакан воды. Она предложила ему чая. «Нет, нет, я поздно обедал и сыт по горло,— он показал на горло.— Пища душит

меня». Он был рассеян, и, по-видимому, не понимал смысла сказанного. Она спросила, исправил ли он статью, и он, прижимая пальто одной рукой, показал несколько напечатанных страниц, которые держал в другой. Обрадовавшись, что мужу не придется напрягать глаза над рукописью, она прошла вместе с «Джексоном» к кроличьим клеткам. Когда они подошли ближе, Троцкий повернулся к ней и сказал по-русски, что «Джексон» ждет приезда Сильвии и они оба уедут в Нью-Йорк на следующий день. «Наталья, быть может, следует пригласить его на прощальный ужин». Она ответила, что «Джексон» только что отказался от чая и чувствует себя неважно. «Лев Давыдович взглянул на него внимательно и сказал тоном легкого упрека: «Вы чувствуете себя плохо, выглядите больным. Это нехорошо» *. Последовало неловкое молчание. Странный человек стоял в ожидании с листками бумаги в руке. Троцкий, посоветовавший ему переписать статью, чувствовал себя обязанным взглянуть на результаты новых усилий.

«Льву Давыдовичу не хотелось расставаться с кроликами, и он совершенно не интересовался статьей,— рассказывала Наталья,— но, взяв себя под контроль, он сказал: «Хорошо, что вы скажете, если мы пройдемся по вашей статье?» Неторопливо он закрыл клетки, снял рабочие перчатки... Почистил свою синюю куртку и медленно молча пошел со мной и «Джексоном» к дому. Я сопровождала их до дверей кабинета Л. Д. Дверь закрылась, а я прошла в соседнюю комнату». Когда они вошли в кабинет, мысль, что «этот человек может убить меня», молнией промелькнула у Троцкого. Так по крайней мере он сказал Наталье через несколько минут, лежа на полу и истекая кровью. Однако мысли, подобные этой, когда незнакомцы по одному или группами посещали его, должно быть, не раз приходили ему в голову, но он тотчас отгонял их. Троцкий не хотел позволить, чтобы над его жизнью властвовал страх и мизантропия, и поэтому теперь он подавил последний слабый рефлекс инстинкта самосохранения. Он подошел к столу, сел и склонился над рукописью.

Троцкому удалось пробежать первую страницу, когда страшный удар обрушился на его голову. «Я положил свое пальто на стул,— давал показания «Джексон»,— вынул ледоруб и, закрыв глаза, обрушил его на голову Троцкого со всей силой». Он ожидал, что после такого могучего удара жертва умрет, не издав ни звука, а сам он выйдет и исчезнет, перед тем как все раскроется. Вместо этого жертва издала «ужасный, пронзительный вопль». «Я буду слышать этот крик всю свою жизнь»,— говорил убийца **. С пробитым черепом, окровавленным лицом Троцкий вскочил, стал

---

* *Sedova N., Serge V.* Vie et Mort de Trotsky.

** *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. P. 160.

швырять в убийцу все, что попадалось ему под руку: книги, чернильницу и даже диктофон, а затем бросился на него сам. Все это заняло три-четыре минуты. Пронзительный, мучительный крик поднял на ноги Наталью и охранников, но им потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, откуда он исходил, и побежать в этом направлении. В течение этого времени в кабинете шла яростная борьба, последняя борьба Троцкого. Он дрался, как тигр. Он схватился с убийцей, укусил его за руку и вырвал у него ледоруб. Убийца был в таком смятении, что не нанес нового удара и не использовал ни револьвер, ни кинжал. Затем Троцкий, который уже не мог стоять, напряг всю свою волю, чтобы не упасть к ногам врага, и медленно отступил назад. Когда Наталья вбежала в кабинет, он находился между столовой и балконом, прислонившись к двери. Его лицо было покрыто кровью, а через кровь синие глаза без очков блестели, как никогда. Руки безжизненно повисли. «Что случилось? — спросила я.— Что случилось?» Я обняла его. Он сразу не ответил. Мгновение я думала, быть может, что-нибудь упало на него с потолка. В кабинете шел ремонт, и почему он стоит здесь? Спокойно, без гнева, горечи или печали он сказал: «Джексон». Он произнес это, как будто хотел сказать: «Вот это и произошло». Мы сделали несколько шагов, и медленно, при моей помощи, он сполз на ковер на полу» *.

«Наташа, я люблю тебя». Он произнес эти слова так неожиданно, так серьезно, почти сурово, что, потрясенная, я наклонилась к нему». «Никому, никому,— шепнула она ему,— никому нельзя разрешать видеться с тобой без обыска». Затем она заботливо подложила подушку под его разбитую голову и кусок льда на рану, вытерла кровь со лба и щек. «Севу не пускайте»,— сказал он. Он говорил с трудом, слова были неясными, но он, по-видимому, не понимал этого. «Ты знаешь, *там*,— он взглянул на дверь кабинета,— я чувствовал... я понял, *что он хотел сделать*... он хотел... меня... еще раз... но я не позволил ему». Он сказал это спокойно, мягко, ровным голосом и с оттенком удовлетворения повторил: «Но я не позволил ему». Наталья и Хансен встали на колени с двух сторон напротив друг друга. Он повернулся к Хансену и заговорил с ним по-английски, а она «напрягала все внимание, чтобы понять смысл слов, но не поняла».

«Это конец»,— сказал он секратарю по-английски, и он хотел выяснить, что́ именно произошло. Он был убежден, что «Джексон» выстрелил в него, и не поверил, когда Хансен сказал ему, что удар был нанесен ледорубом и рана была поверхностной. «Нет, нет, нет,— ответил он, указывая на сердце,— я чувствую, на этот раз им удалось». Когда его заверили еще раз, что рана не очень

* *Sedova N.*, *Serge V.* Vie et Mort de Trotsky.

опасна, он слабо улыбнулся глазами, как будто забавляясь тем, что кто-то стремился утешить, успокоить его, скрыть правду. Большую часть времени он прижимал руку Натальи к губам. «Позаботьтесь о Наталье,— продолжал он по-английски,— она была со мной много-много лет».— «Мы сделаем это»,— обещал Хансен. «Старик» сжал конвульсивно наши руки, внезапно у него выступили слезы на глазах. Наталья безутешно рыдала, склонившись над ним, целуя его рану» *.

Между тем охранники навалились на убийцу в кабинете, били его рукоятками револьверов, и его вопли и стоны были слышны снаружи дома. «Скажи ребятам, чтобы не убивали его,— проговорил Троцкий, пытаясь ясно произносить слова.— Нет-нет, его не надо убивать, его надо заставить говорить». Охранники рассказали, что избиваемый «Джексон» произнес: «Они держат меня, они посадили в тюрьму мою мать... Сильвия к этому непричастна...» А когда они попытались добиться от него, кто арестовал его мать, он отрицал, что это сделало ГПУ, и сказал, что «ГПУ тут не замешано».

Когда приехал врач, левая рука и левая нога Троцкого были уже парализованы. Внесли носилки, одновременно вошла полиция. Наталья отпрянула, она подумала о смерти Левы в больнице и не хотела, чтобы ее мужа увезли. Он тоже этого не хотел. Только когда Хансен пообещал, что охранники поедут с ним, он ответил: «Оставляю на ваше решение», как будто понимая, что для него «дни принятия решений ушли». Когда Троцкого клали на носилки, он снова прошептал: «Хочу, чтобы все, что у меня есть, перешло к Наталье... Вы позаботьтесь о ней» **.

У ворот охранники с запоздалой бдительностью остановили санитаров, несших носилки. Боясь нового нападения, они не позволяли увозить Троцкого, пока не приедет начальник полиции генерал Нуньес, чтобы возглавить эскорт. «Я заметил,— рассказывал санитар,— что жена раненого накрыла своего мужа белой шалью. Сеньора плакала и держала его кровоточившую голову в руках. Сеньор Троцкий не говорил и не стонал. Мы думали, что он мертв, но... он еще дышал» ***. Его пронесли к карете «скорой помощи» между двумя шеренгами полиции, и когда собирались тронуться в путь, приехала другая «скорая помощь» — за убийцей.

«Через гремящий город, через его напрасную суету, среди веселых вечерних огней мчалась карета «скорой помощи», проби-

* *Hansen J.* Reminiscences about Trotsky // Fourth International. October 1940.

** Ibid.

*** *Salazar L.* Murder in Mexico. P. 102—103.

ваясь через уличное движение и обгоняя автомашины. Сирены непрерывно выли, полицейский эскорт на мотоциклах тоже включил пронзительные сирены. С бесконечным горем в наших сердцах и с тревогой, возраставшей с каждым мгновением, мы везли раненого. Он был в сознании». Правой рукой он описывал круги в воздухе, как будто не мог найти места, куда положить ее. Затем он стал двигать правой рукой по одеялу, прикоснулся к сосуду с водой у изголовья, наконец, нашел Наталью. Она, склонившись над ним, спросила, как он себя чувствует. «Теперь лучше». Затем он подозвал Хансена и шепотом проинструктировал, как вести расследование. «Он политический убийца... Агент ГПУ... или фашист, вероятнее — ГПУ... Но, возможно, ему помогло гестапо». (Почти одновременно в другой карете «скорой помощи» убийца вручал своему конвою письмо с объяснением его «мотивов», из которого явствовало, что гестапо не имело ничего общего по крайней мере с этим преступлением.)

У больницы уже собралась большая толпа, когда Троцкого вынесли из машины. «Среди них могут быть враги,— беспокоилась Наталья,— где наши друзья? Они должны окружить носилки». Спустя несколько минут он лежал на узкой больничной койке и врачи осматривали рану. Сестра начала обрезать ему волосы, он, улыбаясь Наталье, которая стояла у изголовья, припомнил, что лишь за день до этого хотели послать за парикмахером, чтобы постричься. «Видишь,— подмигнул он,— и парикмахер пришел». Затем с почти закрытыми глазами он повернулся к Хансену с вопросом, с которым обращался к нему множество раз: «Джо, у тебя... есть... записная книжка?» Он помнил, что Хансен не знает русского языка, и с громадными усилиями начал диктовать по-английски. Его голос был едва слышен, слова неясны. Вот что записал Хансен: «Я близок к смерти от удара политического убийцы... Ударил меня в моей комнате, я боролся с ним... мы вошли... говорили о французской статистике... он ударил меня... пожалуйста, скажите нашим друзьям... я убежден... в победе... IV Интернационала... вперед!» Когда он начал диктовать, то, видимо, еще надеялся рассказать подробнее о покушении на свою жизнь и продиктовать политическое послание. Однако внезапно он понял, что жизнь уходит, и сократил рассказ, торопясь в последний раз вдохновить своих сторонников.

Сестры начали раздевать его, готовя к операции, разрезали куртку, рубашку, нательное белье, расстегнули часы на руке. Когда они начали снимать белье, он сказал Наталье отчетливо, но очень печально и серьезно: «Я не хочу, чтобы они раздевали меня... я хочу, чтобы ты раздела меня». Это были последние слова, которые она услышала от него. Когда Наталья раздевала его, она склонилась к нему и прижалась губами к его губам. «Он вернул по-

целуй и еще раз ответил, и еще раз. Это было наше последнее прощание» *.

В тот же день, около 19.30, он потерял сознание. Трепанацию черепа проводили пять хирургов. Рана имела глубину два и три четверти дюйма. Правая теменная кость была пробита, осколки вонзились в мозг. Мозговые оболочки были повреждены, и часть мозга повреждена и разрушена. Он вынес операцию с «чрезвычайной выносливостью, но не пришел в сознание и боролся со смертью больше 22 часов. Наталья с «сухими глазами и сжатыми руками» сидела у его кровати день и ночь, ожидая пробуждения. Вот ее последние воспоминания о нем:

«Они подняли его, его голова склонилась на плечо, руки упали, как руки на «Снятии с креста» Тициана. Вместо тернового венка на голове умирающего — бинты. Черты его лица сохранили чистоту и гордость. Казалось, в любой момент он может выпрямиться и вновь овладеть собой» **.

Смерть последовала 21 августа 1940 года в 19.25. Вскрытие обнаружило мозг «необычайных размеров», весивший два фунта и 13 унций, и «сердце тоже было большим» ***.

* * *

22 августа в соответствии с мексиканскими обычаями большой похоронный кортеж медленно прошел за гробом с телом Троцкого по главным улицам города, а также через рабочее предместье, где рваные, босоногие молчаливые толпы заполнили тротуары. Американские троцкисты намеревались перевести тело в Соединенные Штаты, однако государственный департамент отказал в визе даже мертвому. В течение пяти дней тело было выставлено для прощания. Мимо гроба прошли 300 тысяч человек, а на улицах звучала песня «Большая коррида Льва Троцкого» — народная баллада, сочиненная неизвестным поэтом ****.

27 августа тело было кремировано, а пепел предан земле в маленькой крепости в Койоакане. Большой белый камень был водружен над могилой, а над ним развернут красный флаг.

Наталья прожила в этом доме еще 12 лет, и каждое утро, когда она вставала, ее глаза обращались к белому камню во дворе.

---

* *Sedova N., Serge V.* Vie et Mort de Trotsky.

** Ibid.

*** *Salazar L. A. S.* Murder in Mexico. P. 110.

**** Вот несколько строк из баллады, в которых дышит истинное презрение плебса к лукавому и трусливому убийце: «Был Троцкий убит ночью, потому что вызывал месть. Была ли ночь или день, но случилась фатальная трагедия, которая потрясла всю страну и всю столицу».

«Правда» объявила об этом событии скупо, указав, что Троцкий был убит разочарованным последователем».

ПОБЕДА В ПОРАЖЕНИИ

Во всей истории русской революции, в истории рабочего движения и марксизма нет другого столь трудного и мрачного периода, как годы последнего изгнания Троцкого. То было время, когда, перефразируя Маркса, «идея рвалась к действительности», но действительность не склонялась к идее — между ними образовалась пропасть более узкая, но и более глубокая, чем когда-либо. Мир раздирался крайними противоречиями. Никогда еще капитализм не был так близок к катастрофе, как во время кризиса и депрессии 30-х годов, и никогда он так жестоко не боролся за свое выживание. Никогда классовая борьба не развивалась столь бурно в направлении к своей высшей точке — революции, и никогда она не была так неспособна подняться до нее. Никогда такие громадные массы народа не вдохновлялись социализмом, и никогда они не были столь беспомощными и инертными. Во всей истории современного человека нет ничего более возвышенного и более отвратительного, чем первое рабочее государство и первая попытка «строительства социализма». Наверное, никогда ни один человек не был так связан со страданиями и чаяниями угнетенного человечества и не жил в таком страшном одиночестве, как Троцкий.

Каково значение его дела и какие выводы можно сделать из его поражения?

Любой ответ должен носить лишь предварительный характер, ибо у нас нет еще длительной исторической перспективы и наша оценка Троцкого базируется прежде всего на нашем суждении о русской революции. Если считать, что большевики стремились только к социализму, а социализм оказался не чем иным, как миражом, тогда революция всего-навсего заменила одну форму эксплуатации и угнетения другой и не могла сделать иначе. В этом случае Троцкий предстанет как верховный жрец того, чему было суждено не удаться, как служитель утопии, фатально запутав-

шийся в мечтах и иллюзиях. Но даже в этом случае он заслуживает дань уважения и симпатии, которую отдают великим утопистам и провидцам, а он был одним из величайших среди них. Если бы даже человеку было суждено, спотыкаясь, мучаясь, в крови идти от поражения к поражению и сбрасывать одно иго только для того, чтобы покорно надеть другое,— даже тогда стремление человека к иной судьбе все же рассеивало бы, подобно факелу, тьму и мрак бесконечной пустыни, через которую он бредет, не имея впереди обетованной земли. И ни один человек в нашу эпоху не выразил это стремление столь ярко и жертвенно, как Троцкий.

Не была ли русская революция лишь способна дать людям одно ярмо взамен другого? Таков ли ее конечный результат? Такая точка зрения кажется убедительной людям, которые анализировали сталинизм в последние годы жизни Троцкого и позднее. Вопреки этому Троцкий выражал свое убеждение, что в будущем, по мере того как советское общество будет продвигаться к социализму, сталинизм будет рассматриваться как «эпизодическое отступление». Его оптимизм казался безосновательным даже его сторонникам. И почти через 25 лет его предсказание может по-прежнему казаться смелым, но едва ли оно лишено оснований. Неоспоримо, что даже при сталинизме советское общество достигло громадного прогресса во многих областях. Этот прогресс, неразрывно связанный с национализированной и плановой экономикой, подрывал и подвергал эрозии сталинизм изнутри. Во времена Троцкого было слишком рано подводить итог этому развитию,— его попытки в этом направлении не были безупречными, и итог пока не совсем ясен даже спустя четверть столетия. Однако очевидно, что советское общество стремилось, и небезуспешно, избавиться от тяжелого балласта и развить свои ценности, унаследованные от сталинской эры. В начале 60-х годов в Советском Союзе было гораздо меньше бедности, гораздо меньше неравенства и гораздо меньше угнетения, чем в 30-е годы или в начале 50-х годов. Контраст настолько велик, что было бы анахронизмом говорить о «новом тоталитарном рабстве», установленном бюрократическим коллективизмом». Вопросы, по которым Троцкий спорил со своими учениками, уже обсуждаются не в узких сектах, а перед международной аудиторией. По-прежнему спорен вопрос о том, является ли советская бюрократия «новым классом» и требуется ли реформа или революция, чтобы положить конец ее произвольному правлению. Но бесспорно, что реформы в первые десятилетия после Сталина, пусть недостаточные и противоречивые, значительно смягчили и ограничили бюрократический деспотизм, а новые тенденции в чаяниях народа все определеннее направлены на радикальное преобразование советского общества.

Но даже в этом случае уверенность Троцкого в том, что в свое время все ужасы сталинизма предстанут просто как «эпизодическое отступление», может вызвать гнев у нынешних чувствительных людей. Однако Троцкий применял к событиям и собственной судьбе великие исторические мерки. «Когда идет речь о глубочайших изменениях в экономических и культурных системах, 25 лет весят в истории меньше, чем час в жизни человека». (Склонность Троцкого судить о вещах длительными историческими периодами не притупляла его способности реагировать на несправедливость и жестокость своего времени. Напротив, она обострялась. Он осуждал извращение Сталиным социализма так страстно, потому что сам никогда не утрачивал представления о действительно гуманном социалистическом будущем.) Измеряемый историческими масштабами прогресс советского общества, достигнутый со времен Троцкого, очень скромен. Это очень скромное начало. Однако даже такое начало оправдывает революцию, оптимизм Троцкого в отношении ее и развеивает густой туман разочарования и отчаяния.

Жизнь и деятельность Троцкого — важный элемент русской революции и, больше того, современной цивилизации. Уникальность его судьбы, высочайшие моральные и эстетические качества его работы говорят сами за себя и свидетельствуют о ее значимости. Если бы такая высокоинтеллектуальная энергия, такая могучая деятельность и такое благородное мученичество в конечном итоге не оказали своего влияния, это, вероятно, противоречило бы историческому смыслу. Они образуют материал, из которого делаются самые возвышенные и вдохновляющие легенды,— с тем лишь различием, что легенда о Троцком состоит целиком из зафиксированных фактов и установленных истин. Здесь нет мифа, выросшего из реальности. Сама реальность поднимается до высот мифа.

Карьера Троцкого была так богата и блестяща, что любой ее части было бы достаточно, чтобы наполнить жизнь выдающегося исторического деятеля. Если бы он жил раньше, он мог бы занять место рядом с такими русскими мыслителями-революционерами, как Белинский [1], Герцен и Бакунин [2]. Если бы его жизнь оборвалась в 1921 году или чуть позднее, примерно в то время, когда умер Ленин, он остался бы в памяти как лидер Октября, создатель Красной Армии и ее руководитель в гражданской войне, как учитель Коммунистического Интернационала, обращавшийся к рабочим мира с силой и блеском, которых не знали со времен «Манифеста Коммунистической партии». (Потребовались десятилетия сталинистской фальсификации и клеветы, чтобы вычеркнуть его из памяти двух поколений.) Идеи, развитые им, и работа, проделанная им в качестве руководителя оппозиции с 1923 по 1929

год, составляет суть самой значительной и драматической главы в анналах большевизма и коммунизма. Он выступил как борец величайшей идеологической битвы столетия, интеллектуальный инициатор индустриализации, плановой экономики и, наконец, как рупор всех тех в самой большевистской партии, кто сопротивлялся приходу сталинизма. Если бы даже он не пережил 1927 года, он оставил бы после себя наследие идей, которые не могли быть уничтожены или обречены на долгое забвение,— наследие, ради которого так много его сторонников предстали перед палачами с именем Троцкого на устах, наследие, которому время придает силу и вес и к которому ощупью находит дорогу новое советское поколение.

Вершиной всего стали его идеи, тексты, борьба и раздумья периода, описанного в этой книге. Мы критически рассмотрели его неудачи, заблуждения и просчеты, его фиаско с IV Интернационалом, его ошибки насчет перспектив революции на Западе, его заблуждения по поводу реформы и революции в СССР и противоречия «нового троцкизма» последних лет его жизни. Мы также проанализировали те мысли Троцкого, которые теперь полностью и неопровержимо доказали свою обоснованность,— его чрезвычайно дальновидные, хотя и тщетные усилия привести немецких рабочих, международное левое движение и Советский Союз к осознанию смертельной опасности прихода Гитлера к власти; его концентрированную критику чудовищных злоупотреблений Сталина властью, просчетов в экономической политике, особенно при коллективизации, и его титаническую борьбу против великих чисток. Даже эпигоны сталинизма, которые все еще делают все возможное, чтобы заставить исчезнуть призрак Троцкого, косвенно признают, что по всем этим великим проблемам он был прав. Все, что они сумели сделать лишь много лет спустя, собрав всю свою храбрость, которая еще внушалась им мертвым Сталиным,— слабым эхом повторить протесты, обвинения и критику Сталина Троцким.

Следует лишний раз подчеркнуть, что сила и слабость Троцкого коренились в классическом марксизме. Его поражения символизировали основное затруднение, которое испытал классический марксизм как доктрина и как движение,— разрыв между марксистским представлением о революционном развитии и действительным ходом классовой борьбы и революции.

Социалистическая революция добилась своих первых громадных завоеваний не на развитом Западе, а на отсталом Востоке, в странах, где преобладали крестьяне, а не промышленные рабочие. Непосредственная цель социалистических революций была не в становлении социализма, а в приступе к «первоначальному социалистическому накоплению». По классической марк-

систской схеме революция должна произойти только тогда, когда производительные силы старого общества настолько перерастают его производственные отношения, что взрывают старые социальные рамки; революция должна создать новые имущественные отношения и новые рамки для свободного роста передовых и динамичных производительных сил. В действительности случилось так, что революция создала самые передовые формы социальной организации для самой отсталой из экономик. Она создала рамки для общественной собственности и планирования вокруг слаборазвитых и архаических производительных сил, а частично вокруг вакуума. Теоретическая марксистская концепция революции, таким образом, была поставлена с ног на голову. Новые «производственные отношения», стоявшие выше существовавших производительных сил, были также выше понимания подавляющего большинства народа, и поэтому революционное правительство защищало и развивало их вопреки воле большинства. Бюрократический деспотизм заступил место советской демократии. Государство не только не отмерло, а приобрело беспрецедентную, чудовищную власть. Конфликт между марксистскими тезисами и реальностью революции пронизывал все мышление и деятельность правящей партии. Сталинизм стремился преодолеть этот конфликт, извращая и отбрасывая марксистские нормы. Троцкизм стремился сохранять нормы или добиваться временного баланса между нормами и реальной жизнью до тех пор, пока революция на Западе не разрешит конфликта и не восстановит гармонию между теорией и практикой. Неудачи революции на Западе символизировали поражение Троцкого.

Насколько определенным и окончательным было поражение? Мы видели, что пока Троцкий был жив, Сталин никогда не считал его полностью побежденным. Страхи Сталина не были параноидной манией. Другие руководящие деятели на политической арене разделяли их. Французский посол в третьем рейхе Робер Кулондр дает ясное свидетельство этого, описывая свое последнее интервью с Гитлером как раз накануне второй мировой войны. Гитлер хвастался преимуществами, полученными в результате пакта, только что заключенного со Сталиным, и рисовал грандиозные перспективы своих будущих военных триумфов. В ответ французский посол воззвал к его «разуму», говоря о социальных потрясениях и революциях, которые могут последовать за длительной и ужасной войной и поглотить воюющие правительства. «Вы думаете о себе, как о победителе,— сказал посол,— но подумали ли вы о другой возможности,— что победителем может оказаться Троцкий?» В этот момент Гитлер вскочил («как будто его ударили в солнечное сплетение») и заорал, что угроза победы Троцкого — это еще одна причина, по которой Франция и Анг-

лия не должны идти войной на третий рейх. Вот так хозяин третьего рейха и посланец Третьей республики в последних маневрах в последние часы мира пытались запугать друг друга и правительства, ссылаясь на одинокого изгнанника, находившегося в ловушке и замурованного в отдаленном районе мира. «Их преследует призрак революции, и они дали ему человеческое имя»,— заметил Троцкий, прочитав этот диалог.

Были ли Гитлер и посол абсолютно не правы, назвав призрак именем Троцкого? Можно доказывать, что хотя их страх был обоснован, им бы следовало, по крайней мере, дать призраку имя Сталина, а не Троцкого. Сталин восторжествовал над Троцким, однако, как часто случается в истории, глубокая реальность значительно более сложна и двусмысленна, чем поверхность событий. Победа Сталина над Троцким содержала изрядный привкус поражения, в то время как поражение Троцкого было чревато победой.

Центральным «идеологическим» спором между ними был вопрос о социализме в одной стране, вопрос о том, достигнет или может достичь СССР социализма в изоляции на основе национальной самообеспеченности, или социализм возможен только как международный общественный строй. Ответ, который дали события, куда менее ясен, чем теоретические аргументы, однако он ближе к точке зрения Троцкого, чем к точке зрения Сталина. Задолго перед тем как Советский Союз вообще приблизился к социализму, революция распространилась на другие страны. История, можно сказать, не оставила Советскому Союзу достаточно времени, чтобы провести лабораторный эксперимент социализма в одной стране и довести его до зрелой стадии, не говоря уже о завершении. Поскольку в борьбе между троцкизмом и сталинизмом революционный интернационализм столкнулся с большевистским изоляционизмом, конечно, не сталинизм вышел из этой борьбы с развевающимися знаменами — большевистский изоляционизм давным-давно умер. С другой стороны, стабильность Советского Союза даже в изоляции была значительно большей, чем иногда предполагал Троцкий, и вопреки его ожиданиям не пролетариат Запада освободил русскую революцию от изоляции. По иронии истории сталинизм вопреки самому себе пробил свою национальную скорлупу.

В своем последнем споре Троцкий поставил все будущее марксизма и социализма в зависимость от последствий второй мировой войны. Убежденный, что война должна привести к революции — к классической марксистской революции,— он утверждал, что, если этого не случится, марксизм будет отвергнут, социализм потерпит поражение навсегда и воцарится эпоха бюрократического коллективизма. Это был в любом случае поспешный, догматический взгляд, полный отчаяния. Историческая реальность вновь ока-

залась куда более сложной, чем схема теоретика. Война действительно положила начало новой серии революций, однако снова процесс не соответствовал классическим образцам. Западный пролетариат в который раз не сумел взять штурмом бастионы старого порядка, а в Восточной Европе старый порядок рухнул главным образом под воздействием советских вооруженных сил, победоносно продвинувшихся к Эльбе.

Это не было случайным событием. Оно отражало продолжение тенденции, впервые проявившейся в 1920—1921 годах, когда Красная Армия пошла на Варшаву и вторглась в Грузию. Этими военными акциями был завершен революционный цикл, который был вызван к жизни первой мировой войной. В начале этого цикла большевизм поднялся на гребне подлинной революции. К концу его большевизм начал распространять революцию путем завоевания. Затем последовал длительный интервал — два десятилетия, во время которых большевизм не расширялся. Когда вторая мировая война открыла следующий цикл революции, он начался с того, на чем закончился первый, то есть с революции путем завоевания. В военной истории существует, как правило, преемственность между заключительной стадией одной войны и начальной стадией другой: оружие и идеи вооруженной борьбы, возникшие и оформившиеся к концу одного вооруженного конфликта, доминируют на первой стадии следующего конфликта. Аналогичная преемственность существует между революционными циклами. В 1920—1921 годах большевизм, стремясь вырваться из изоляции, судорожно пытался перенести революцию за границу на остриях штыков. Два или три десятилетия спустя сталинизм, вытащенный из национальной скорлупы войной, навязал революцию всей Восточной Европе.

Троцкий ожидал, что второй революционный цикл начнется в тех формах, в которых начался первый,— с классовой борьбы, пролетарских восстаний, исход которых будет в основном зависеть от баланса социальных сил в каждой из главных наций и от качества национального революционного руководства. Однако новый цикл начался не там, где открылся первый, а там, где он завершился, не с революции снизу, а с революции сверху, с революции путем завоевания. Поскольку это было по плечу только великой державе, оказывающей давление прежде всего на собственную периферию, этот цикл начался на границах Советского Союза. Главными представителями революции были не рабочие соответствующих стран и их партии, а Красная Армия. Успех или поражение зависели не от соотношения социальных сил внутри нации, а прежде всего от международного баланса сил, дипломатических договоров, союзов и военных кампаний. Борьба и сотрудничество великих держав наложили печать на классовую борьбу, изме-

няя и извращая ее. Все критерии, которыми марксисты привыкли судить о «зрелости» или «незрелости» революции в той или иной стране, были выброшены за борт. Пакт Сталина с Гитлером и разделение между ними сфер влияния послужили отправным пунктом для социального переворота в восточной Польше и в Прибалтийских государствах. Революции в самой Польше, в Балканских странах и в Восточной Германии были осуществлены на основе разделения сфер влияния, о котором Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились в Тегеране и Ялте. Посредством этого разграничения западные державы использовали свое влияние и силы, чтобы подавить (с молчаливого согласия Сталина) революцию в Западной Европе (и в Греции) независимо от любого локального соотношения социальных сил. Вероятно, если бы не было ни Тегеранского, ни Ялтинского соглашений, скорее Западная, а не Восточная Европа стала бы театром революции, особенно Франция и Италия, где авторитет старых правящих классов лежал в руинах, рабочий класс был мятежным, а коммунистические партии руководили основными силами вооруженного сопротивления. Сталин в соответствии со своими дипломатическими обязательствами заставил французских и итальянских коммунистов ограничиться восстановлением капитализма в своих странах, практически потерпевших поражение, и даже сотрудничать в этом восстановлении. В то же время Черчилль и Рузвельт побудили правящие буржуазные круги Восточной Европы подчиниться преобладанию России и, следовательно, капитулировать перед революцией. На обеих сторонах великого международного баланса сил развертывалась классовая борьба. И революция, и контрреволюция были производными от дипломатии, как это уже бывало в наполеоновские времена.

Троцкий видел только начало этих великих событий. Он не понимал, что́ они заключают в себе. Все его навыки мышления делали для него трудным, если не невозможным, вообразить, что на целую эпоху армия и дипломатия трех держав сможет навязать свою волю всем общественным классам старой Европы, а следовательно, классовая борьба, подавленная на уровне, на котором она традиционно велась, будет вестись на ином уровне, и в иных формах, как соперничество между державами и как «холодная война».

Руководствуясь теоретическими убеждениями и политическим инстинктом, Троцкий не испытывал ничего, кроме отвращения к революции путем завоевания. Он выступал против вторжения в Польшу и Грузию в 1920—1921 годах [3], когда Ленин одобрил эти мероприятия. Как нарком по военным делам, он решительно дезавуировал Тухачевского, сторонника неонаполеоновского метода перенесения революции в иностранные государства. За 20 лет

перед второй мировой войной он бичевал вооруженное миссионерство большевизма, заявляя: «Лучше привязать ему жернов на шею и бросить его в море». Его позиция в 1940 году не отличалась от позиции 1920 года. Он по-прежнему усматривал в революции посредством завоевания самое опасное уклонение от революционного пути. Он все еще был уверен, что рабочих Запада будут побуждать собственные обстоятельства бороться за власть, за социализм, и что со стороны советского правительства преступно пытаться совершать революцию за них, ибо зто будет означать прямое действие против их революционных интересов. Он еще считал, что мир беременен социализмом, и верил, что эта беременность долго не продлится, и он опасался, что любые зксперименты с ней приведут к аборту. Он не был совсем не прав: сталинские вооруженные манипуляции с революцией привели к тому, что появилось много мертворожденных, а многие живут, но они уродцы.

Однако, непосредственно столкнувшись с проблемой революции путем завоевания, Троцкий опять оказался в серьезном затруднении. Он стоял за революцию и против завоевания. Но когда революция приводила к завоеванию или когда завоевание способствовало революции, он не мог настаивать на своих возражениях, доводя их до открытого и окончательного разрыва. Он не настаивал по поводу Грузии и Польши в 1920—1921 годах. Он не настаивал и в случае с Польшей и Финляндией в 1939—1940 годах. Если бы он дожил до того, чтобы увидеть последствия второй мировой войны, он бы обнаружил, что его дилемма осложнилась, стала чудовищной, неразрешимой. Мы можем не сомневаться, что он осудил бы Сталина за продажу интересов коммунизма на Западе, но логика его позиции также побудила бы его принять реальность революции в Восточной Европе и, несмотря на все отвращение к сталинским методам, признать «народные демократии» и рабочие государства. Такая позиция, каковы бы ни были ее достоинства и честность, не могла бы дать ключ к практическим политическим действиям, и Троцкий-практик едва ли нашел бы для себя какую-нибудь эффективную роль в послевоенной драме. В этом цикле революции не было места для классического марксизма.

Однако зтот цикл, как и предшествующий, закончился иначе, чем начался. Его кульминационным пунктом стала китайская революция, которая не была навязана сверху или принесена на остриях иностранных штыков. Мао Цзэдун и его партия боролись за власть вопреки Сталину (который в 1945—1948 годах, как и в 1925—1926 годах, стремился к сделке с Гоминьданом и Чан Кайши), и, захватив власть, китайские коммунисты не остановились на буржуазно-демократической стадии переворота, а, повинуясь логике «перманентной революции», довели ее до антибуржуаз-

ного завершения. Таким образом, «китайский Октябрь» был в определенном смысле одним из посмертных триумфов Троцкого.

Но здесь снова — «Теория... сера, но зелено вечное дерево жизни». Пролетариат не был движущей силой переворота. Крестьянские армии Мао «заместили собой» городских рабочих и принесли революцию из деревни в город. Троцкий был убежден, что, если бы эти армии оставались в сельскохозяйственных районах в течение длительного времени, они настолько ассимилировались бы с крестьянством, что стали бы отстаивать его индивидуалистические интересы против городских рабочих, против социализма и превратились бы в опору новой реакции. (Разве мятежные крестьянские армии в прошлом не боролись и не свергали существующие династии, с тем чтобы заменить их новыми династиями?) Такой анализ правилен в терминах классического марксизма, который предполагает, что партия социалистической революции должна не только «представлять» рабочих, но непременно жить в их гуще и действовать через них, иначе она будет в социальном смысле неуместна и выражать чуждые классовые интересы. И действительно, могло случиться так, что, если бы эта революция целиком зависела от социального размежевания сил внутри Китая, партизаны Мао оказались бы настолько тесно связанными с крестьянством, что, несмотря на свое коммунистическое происхождение, они не смогли бы перебросить мост между жакерией и пролетарской революцией. Однако исход борьбы даже в Китае определялся в такой же мере международными, как и национальными факторами. В разгар «холодной войны» и перед угрозой враждебной американской интервенции Мао добился победы, связав себя с Советским Союзом и соответственно трансформировав китайское общество.

Революционная гегемония Советского Союза завершила (вопреки первоначальной обструкции Сталина) то, что в иных условиях могли завершить лишь китайские рабочие,— она повернула китайскую революцию в антибуржуазное и социалистическое русло. В условиях, когда китайский пролетариат был почти рассеян и отсутствовал на политической арене, влияние Советского Союза превратило крестьянские армии Мао в проводников коллективизма.

Это направило волну революции дальше на Восток, дальше от «развитого» Запада, и она вновь утвердилась в примитивном доиндустриальном обществе. Классический марксизм оказался как никогда практически непригодным для решения проблем Востока и Запада. Однако диалектика развития обстановки была такова, что в то же время развивались процессы, которые неожиданным образом наполнили марксизм новой жизнью. Благодаря интенсивной индустриализации отсталый Восток становился все менее отсталым. Советский Союз стал второй по мощи промышлен-

ной державой мира. Его социальная структура радикально изменилась. Его многочисленный промышленный рабочий класс стремился к современному образу жизни, уровень жизни и массового образования быстро поднимался, хотя и неровно. Те самые коренные условия социализма, которые марксизм усматривал только в высокоразвитых промышленных странах Запада, создавались и накоплялись внутри советского общества. В свете новых потребностей этого общества сталинизм с его смесью марксизма и варварства оказывался анахроничным. Его методы первоначального накопления были слишком примитивными, его антиэгалитаризм — постыдным, его деспотизм — абсурдным. Традиции марксизма и Октябрьская революция, выжившие в государстве, погруженном в зимнюю спячку, стали пробуждаться в умах миллионов и превратились в средство борьбы против бюрократических привилегий, инерции сталинизма, мертвого груза монолитной догмы. Через принудительную модернизацию структуры общества сталинизм вел дело к собственной гибели и подготовил почву для возвращения к классическому марксизму.

Возвращение было медленным, сопровождалось смятением и бесконечными двусмысленностями. Конфликт между сталинизмом или тем, что осталось от него, и возрождавшим социалистическим сознанием наполнил первое десятилетие после Сталина. Если бы троцкистская, зиновьевская, бухаринская оппозиции дожили до 50-х годов, то задача десталинизации выпала бы на их долю и они выполнили бы ее с честью, искренне и последовательно. Однако, поскольку все они ушли на дно со старой большевистской Атлантидой, а десталинизация была неизбежной необходимостью, за это дело должны были взяться сталинские прихвостни и соучастники. Но они не могли выполнить его иначе, как без особого рвения, с трясущимися руками и смятением в умах, никогда не забывая своего участия в преступлениях Сталина и всегда пытаясь остановить шокирующие разоблачения или реформы, инициаторами которых они выступили сами. Из всех теней прошлого ни одна не преследовала их так издевательски и угрожающе, как тень Троцкого, которому они воздавали, не желая того, должное любым своим разоблачением или реформой. Ничто не тревожило Хрущева больше, чем страх, что молодые люди, не обремененные ответственностью за ужасы сталинской эры, могут прийти в раздражение по поводу его уловок и колебаний и приступить к открытому оправданию Троцкого.

Открытое оправдание придет в любом случае, хотя, возможно, не раньше, чем старейшие эпигоны Сталина очистят арену. Когда оно придет, это будет очень запоздалым актом воздаяния справедливости памяти великого человека. Этим актом рабочее государство объявит, что наконец-то оно достигло зрелости, раз-

било свои бюрократические кандалы и вновь вернулось к классическому марксизму, который был изгнан вместе с Троцким.

Как все это может затронуть остальную часть мира — вопрос слишком большой, чтобы его обсуждать в этой главе нашего биографического исследования. Здесь достаточно сказать, что если историческое развитие уже ликвидирует поражение Троцкого, стирая старое противопоставление между отсталой Россией и развитым Западом, то есть тот антитезис, в котором коренилось его поражение, тогда возрождение русской революции должно помочь стереть этот антитезис до конца. Запад, где марксизм, низведенный матушкой Россией до уровня сталинизма, вызывал отвращение и страх, конечно, ответит совершенно по-иному на марксизм, очищенный от варварских наростов. В этом марксизме Запад наконец признает свое собственное создание и собственное представление о судьбе человека. И тогда история может пройти полный цикл,

пока надежда не создаст
из собственных обломков то, чего
она хотела.

Троцкий иногда сравнивал прогресс человечества с маршем босоногих паломников, которые движутся к своей святыне, делая лишь несколько шагов вперед, а потом пятятся назад или делают прыжки в сторону, чтобы все-таки двигаться дальше, и снова уклоняются и отступают. Так, зигзагами, они неуклонно приближаются к своему месту назначения. Он усматривал свою роль в том, чтобы подталкивать «паломников» вперед. Человечество, однако, добившись некоторого прогресса, впадает в застой и позволяет, чтобы те, кто подталкивал его, подвергались клевете, чтобы их осыпали проклятиями и затаптывали до смерти. Лишь когда оно возобновляет движение вперед, оно отдает печальную дань их памяти. Тогда оно благодарно им за каждую каплю отданной ими крови, ибо знает, что их кровь взрастила семена будущего.

ВОЗВРАЩАЮЩИЙСЯ ПРОРОК

Книга И. Дойчера — первое публикуемое в нашей стране произведение зарубежного исследователя о такой противоречивой, неоднозначной личности в российском и международном революционном движении, как Л. Д. Троцкий.

Такого рода публикации крайне необходимы. Хотя бы потому, что для того, кто захочет узнать о политической деятельности Троцкого по советским источникам, сделать это будет весьма непросто. До сегодняшнего времени о нем ничего или почти ничего не писалось ни в энциклопедиях, ни в словарях. Что же касается учебников и учебных пособий по истории КПСС, то в них содержится весьма скудный набор сведений, изображающих Троцкого как деятеля, который только затем и вступил в революционное движение, чтобы всячески тормозить его развитие.

Это имя обрастало множеством легенд, которые передавались из уст в уста полушепотом, с оглядкой по сторонам, как будто речь шла о чрезвычайно опасном государственном преступнике.

Так было с конца 20-х годов. В начале 1935 года, то есть после убийства С. М. Кирова, распоряжением Советского правительства из фондов библиотек по всей стране были изъяты книги «врагов народа» Троцкого, Зиновьева, Каменева. Вскоре к ним добавились труды Бухарина, Преображенского, Радека и других несправедливо осужденных на московских политических процессах 1936—1938 годов деятелей партии и государства.

Перестройка, утвердив гласность как важнейший фактор жизни советского общества, внесла коррективы и в отношение к деятелям прошлого. О Троцком сегодня заговорили не только как о «демоне революции», но и как о реальном персонаже советской истории. Он появился в качестве действующего лица в произведениях писателей и драматургов. Редкая публицистическая статья, в которой речь идет о 20—30-х годах, обходится без упоминания его имени. Известны первые попытки историков рассказать о разных сторонах его деятельности.

Как у всякого нового дела, у этого начинания есть свои положительные и отрицательные стороны. Кое-кто стал некритически воспринимать деятельность Троцкого. Раздаются голоса о том, что, мол, никакого троцкизма как внутрипартийного политического течения не было, что это выдумка Сталина, следствие ожесточенности дискуссий 20-х годов и проч.

Спору нет, напряжение внутрипартийной борьбы оказывало влияние не только на позиции, характер, направление мышления ее участников, но и на принципы внутрипартийной демократии, партийного строительства в целом. Далеко не безгрешными были представители большинства ЦК партии. С обеих сторон — большинства и оппозиции — отмечались многочисленные факты нарушений Устава, отступлений от резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии» и др.

Но вместе с тем было бы неправильным не видеть двух диаметрально противоположных подходов к решению ключевой проблемы тех лет — или строительство социализма в одной, отдельно взятой стране, причем не самой экономически развитой, или подготовка мировой революции. Один подход — большинства ЦК — признавал возможность построения социализма в одной стране и предлагал программу реализации социалистической перспективы, другой — троцкистский — напрочь отрицал возможность построения «изолированного социалистического дома» и в соответствии с теорией «перманентной революции» делал ставку на раздувание пожара мировой революции.

Вот почему утверждать, будто не было никакого троцкизма, на том основании, что реализация идеи строительства новой жизни проходила не так, как замышлялась Лениным в посленэповский период, значит одну полуправду — Краткого курса истории ВКП(б) — подменять другой полуправдой — Троцкого и его прошлых и нынешних сторонников в СССР и за его пределами.

Книга Дойчера — лучшее доказательство вышесказанному. Она позволяет, разумеется тому, кто захочет, увидеть проблемы прошлого не в их плоскостном, черно-белом решении, а объемном, многокрасочном изображении.

Трилогия Дойчера и по сей день пользуется заслуженным уважением. Без нее не обходится ни один зарубежный автор, берущийся писать не только о Троцком, но и об истории СССР вообще.

Оговорюсь сразу. Чтение книги Дойчера — не развлечение. Это серьезная работа, требующая от читателя соответствующего настроя. Она не только знакомит с самыми различными сторонами жизни и деятельности многострадального Троцкого, но и несет в себе самостоятельный интеллектуальный заряд, представляет тщательно выверенную концепцию советской истории 30-х годов.

Уже одно это говорит, что перед нами не обычный интерпретатор Троцкого и пропагандист троцкизма, а самобытный писатель, от знакомства с которым, независимо от того, согласен с ним или нет, читатель только выиграет.

Итак, кто же он, зачинатель зарубежного троцковедения, и что я как читатель его книги смог увидеть в ней?

* * *

Исаак Дойчер родился в 1906 году в небольшом местечке Хжанове под Краковом, находившемся тогда в той части Польши, которая была под властью австрийских Габсбургов. Дойчер рос в крайне ортодоксальной еврейской среде. Однако очень скоро он порвал с тем, что им же квалифицировалось позднее, как «талмудический обскурантизм», который он «слишком хорошо познал на собственной шкуре».

Двадцатилетним юношей в 1926 году Дойчер вступил в ряды Компартии Польши и сразу прослыл в ней одним из самых непокорных свободолюбцев и возмутителей спокойствия. Благодаря склонности к размышлениям, изучению истории, философии, социологии Дойчер довольно быстро выдвинулся в разряд партийных идеологов. Он стал специалистом по проблемам Советского Союза и ВКП(б).

В 1932 году он решительно выступил против сталинской политики «третьего периода» в деятельности Коминтерна и особенно теории и практики «социал-фашизма», в приверженности которой справедливо усмотрел одну из немаловажных причин, приведших к поражению Компартию Германии во главе с Э. Тельманом в борьбе против Гитлера. Дойчер переходит в ряды троцкистской оппозиции, за что тут же исключается из Компартии Польши.

Однако и в троцкистском движении он оказался неудобным для его руководства участником, слишком самостоятельным и своенравным активистом, желавшим не просто следовать туда, куда ему укажет руководство, но и иметь собственное мнение о происходившем и даже не соглашаться с общим направлением движения, если убеждался, что оно идет не в ту сторону, в какую по его мнению должно было бы идти. Так, Дойчер решительно выступил против создания IV Интернационала, посчитав, что эта акция не принесет ее сторонникам желаемых политических дивидендов. Этого мнения Дойчер придерживался до конца своих дней, даже и тогда, когда после войны порвал с троцкистами, занявшись научной деятельностью. За это его не жалуют троцкистские историки и по сей день. Но, похоже, их осуждение мало беспокоило Дойчера. Он был, что называется, человеком принципов, не боявшимся плыть против течения. И не только не боявшимся, но и умело

пытавшимся выровнять руль плывших, как он считал, не в ту сторону.

В 1939 году после оккупации Польши немцами Дойчер эмигрировал в Лондон. Там, как известно, находилось немало польских эмигрантов, в частности правительство страны в изгнании, видные политические и общественные деятели. Но Дойчер не примкнул ни к одной из партий. Он, как мы говорим сегодня, стал «вольным художником», независимым журналистом и политологом, автором многих книг по истории и социологии.

Предметом его особого изучения были проблемы СССР и коммунистического движения. Одним из первых он попытался проанализировать явление, над которым и поныне бьется советская общественная наука,— сталинизм. Дойчер пишет объемистую политическую биографию Сталина, где в отличие от многих сталиноведов выясняет реальные истоки становления, формирования и развития Сталина как революционера, политика, личности. Он исследует генезис сталинизма, показывает его объективные и субъективные причины и даже высказывает некоторые соображения о будущем развитии СССР и путей преодоления сталинизма.

Ностальгия по прошлой деятельности в рядах Компартии Польши побудила его написать ряд работ по истории польского коммунистического движения. Дойчер пытался занимать активную позицию и относительно тех событий, которые тогда происходили в Польше. В 1957 году он направил тогдашнему лидеру ПОРП и государства В. Гомулке письмо, в котором выразил протест против ареста и заключения молодых польских троцкистов Я. Куроня и К. Модзелевского. Они были исключены из ПОРП за попытку дать анализ ее деятельности с позиций теории и практики IV Интернационала, в частности его V конгресса, состоявшегося в 1957 году.

Дойчер активно защищал Вьетнам, осуждая американских агрессоров. Он участвовал в Трибунале против военных преступлений США, созданном Бертраном Расселом. Во время поездок по университетам США выступал с критикой администрации, поддерживаемый студентами доказывал тщетность попыток американской военщины покорить вьетнамский народ.

Скончался И. Дойчер скоропостижно в 1967 году.

* * *

Третий том трилогии Дойчера рассказывает о жизни и деятельности Троцкого в эмиграции, после того, как он был выслан из СССР, чтобы уже никогда больше не вернуться на Родину. Наше издание предваряется заключительной главой второго тома, где речь идет о финале разразившейся в 1926—1927 годах самой ост-

рой за всю историю большевистской партии борьбы за власть. Включение этой главы позволит читателю лучше понять причины высылки Троцкого и мотивы последовавшей ожесточенности, с какой он повел в 30-е годы борьбу не на жизнь, а на смерть со своим главным противником и обидчиком Сталиным.

Как и предыдущие два, третий том весьма скрупулезно воспроизводит событийную канву биографии Троцкого. Из многочисленных фактов Дойчер отбирает наиболее существенные, воссоздавая тем самым точную картину деятельности своего героя. В то же время Дойчер непрочь высказать собственное мнение по поводу конкретного события, дать свою оценку поведения в нем Троцкого, причем не всегда лестную для него, а иногда и резко критическую. Но в неуважительном отношении к Троцкому Дойчера не заподозришь. Он, бесспорно, явно симпатизирует Троцкому, готов согласиться с ним, если не во всем, то в большинстве случаев. Однако и захваливать своего героя не собирается. Его объективность располагает к обстоятельному разговору. Перед нами высокая степень проникновения автора в миропонимание Троцкого, круг его идей, характер эпохи, в которую он жил.

Общий план третьего тома тот же, что и двух предыдущих. Дойчер обстоятельно разбирает наиболее существенные сочинения Троцкого, относящиеся к данному периоду, подкрепляя свой анализ довольно пространными выписками из этих сочинений. И у читателя появляется возможность самому оценить оригинал.

Ценность собранного Дойчером биографического материала возрастает и еще по одной причине. В отличие от предыдущих томов, где источники в основном доступны даже для неизбалованного архивными материалами советского читателя, третий том написан в основном на уникальных материалах. Дойчер был первым из исследователей, кто сумел получить доступ благодаря ходатайству жены Троцкого Натальи Седовой к архивам ее мужа, хранящимся в Гарвардском университете.

О судьбе архивов он частично рассказал сам. В марте 1940 года руководство университета обратилось к Троцкому с предложением купить весь его архив (вернее, те материалы, которые остались от продажи парижскому филиалу Амстердамского института социальной истории в 1936 году и составившие два увесистых тома «Бумаги Троцкого») за 6 тысяч долларов. Троцкий, хотя и сильно нуждался в тот период, отказался продать архив за такую сумму. После непродолжительного торга он уступил архив за 15 тысяч. А ведь в нем было почти 20 тысяч единиц хранения! Как же дешево оценили эти материалы гарвардские архивариусы! Через 50 лет, в марте 1990 года, на аукционе фирмы «Суонн Гэллериз» в Нью-Йорке владелец книжного магазина «Наследие» из Лос-Анджелеса Лу Уайстин приобрел единственное письмо Троцкого, направлен-

ное им с посыльным из Брест-Литовска в ходе переговоров с Германией Ленину, за 27 500 долларов.

Главную ценность использованных Дойчером материалов представляет переписка Троцкого (несколько тысяч писем) с близкими ему людьми и соратниками. «Вся моя теоретическая и политическая деятельность за эти годы,— писал Троцкий в 1937 году, имея в виду 8 лет эмигрантской жизни,— отражена в письмах с исчерпывающей полнотой. Письма дополняют мои книги и статьи. Исследование моей переписки, думается мне, имеет решающее значение для характеристики политической и моральной личности — не только моей, но и моих корреспондентов» *.

Благодаря знакомству с этой перепиской Дойчер был первым и пока что, наверное, единственным, кто посягнул вторгнуться в личный мир Троцкого, попытался разобраться в «бермудском треугольнике» его семейных отношений: с женами А. Соколовской и Н. Седовой, любовницами, в частности Ф. Кало, женой знаменитого художника Диего Риверы, организовавшего Троцкому переезд и жизнь в Мехико, дочерьми Зиной и Ниной, сыновьями Левой и Сергеем. Чрезвычайно неблагодарное занятие. Говорю это с уверенностью, потому что и сам пробовал было сунуться в этот омут. Тут малейшее неосторожное слово способно вызвать обиду, бросить тень на память Троцкого и его близких. Дойчер вышел с честью из этого предприятия.

Правда, меня несколько насторожило описание им взаимоотношений со старшей дочерью Зиной (от брака с Соколовской). Уж очень они даны «по Фрейду». Не спорю, может быть так и было, чему доказательство ряд цитируемых Дойчером писем Зины к отцу и его к дочери. Но все-таки, все-таки...

Или последний известный посторонним роман Троцкого с Ф. Кало. Дойчер, как мне кажется, переусердствовал по части осторожности, чтобы не дай Бог не зацепить больное самолюбие Н. Седовой, хотя к моменту выхода в свет третьего тома ее уже не было в живых (умерла в 1962 году в пригороде Парижа). Возможно, Дойчер опасался того, что мог бы на его месте сделать любой другой (кстати и делали!): представить все это в мелодраматическом духе. Он удержался от искуса. Может поэтому с моей точки зрения и получилась такая невыразительная оценка им поступка Троцкого.

Его связь с Ф. Кало оказалась кратковременной. Но по крайней мере по форме она произвела на Троцкого тот же эффект, который случился со стариком Гете. После тяжелой болезни приступы лихорадки трепали Гете до потери сознания. (Хотя лично я считаю, что дело тут было не в лихорадке, а скорее всего в

* Б. О. 1937. № 54—55. С. 6.

последствиях эпилепсии, как было и у Троцкого.) Вместе с сознанием убывали надежды на выздоровление. Врачи затруднялись поставить диагноз и не знали от чего и как лечить. Но болезнь также внезапно прошла, как и началась. Гете едет в Мариенбаум. Он неузнаваем: «Замкнутый, суровый, педантичный старик, в котором поэзию почти вытеснила заскорузлая ученость, вновь, спустя десятилетия, весь во власти чувств». Так состояние Гете передал в очерке о нем С. Цвейг.

В чем же причина, терялись в догадках окружающие? Поцелуй... Погожим утром к как всегда сидевшему за работой и погруженному в мрачные думы Гете подбежала вместе с сестрой 19-летняя Ульрика и поцеловала его. Так родился один из шедевров мировой лирики «Мариенбадская элегия».

Троцкий на склоне лет стихов не писал, но испытал тот же прилив чувств, что и немецкий классик, когда познакомился с Ф. Кало. Фрида была на 10 лет старше Ульрики, но находилась в прекрасной форме и обращала на себя внимание мужчин куда моложе и энергичнее старевшего Троцкого. Тем более, что, будучи, как и ее муж Ривера, художницей, обладала тонким художественным чутьем, прекрасными манерами, образованием. Она и Ривера жили рядом с Голубым домом, куда художник поселил чету Троцких, и естественно почти ежедневно навещали своих гостей. Каждый раз при встречах с губ ударившегося в галантность Троцкого как бы в полушутливой форме приветствия срывались слова «лав», «май лав» («Любовь, моя любовь!»).

Потом начался обмен записочками. Причем, делался он в незатейливой, опять-таки с расчетом на невинную шутку, манере полуфлирта. Троцкий вкладывал записочку в книгу, которую предлагал Фриде почитать. Та отвечала ему тем же способом, возвращая очередной роман. Происходило все это в присутствии Диего и Натальи, что весьма смущало этих незадачливых свидетелей неловких амурных дел своих супругов.

Затем встреча наедине на фазенде Сан Мигель Регла в 130 километрах от Мехико, которую снял для дорогих гостей Ривера. 7 июля 1937 года, сославшись на необходимость отдохнуть, поохотиться и пособирать кактусы в горах, Троцкий уехал на фазенду, оставив Наталью дома. 11 июля к нему присоединилась Фрида, разумеется, также без супруга. Узнав об этом, Наталья в письме к Троцкому потребовала объяснений. Между ними началась нелепая, как всегда бывает в таких ситуациях, переписка. Она хорошо отражена в книге Дойчера. Правда, никак или почти никак не прокомментирована им.

Наталья в письмах опасалась даже писать полностью имя Фриды, ограничившись лишь прописной буквой «Ф». Хотя внешне она и оставалась спокойной, но переживала чрезвычайно силь-

но, как никогда за всю свою жизнь. Видимо, она сказала Троцкому, что, не желая мешать его новому счастью, может уйти от него.

В возможности такого финала убеждает реакция Троцкого, его необычайная горячность. Он чуть ли не по два-три раза на дню, слал Наталье ответные послания. Поначалу даже попытался было нападать. Вспомнил, что когда Наталья в 1918 году, будучи начальницей отдела музеев в Наркомпросе, не знала, как организовать работу, ей принялся помогать один из сотрудников отдела и помогать не просто, как начальнице, а как женщине, которая ему понравилась, а может быть даже в которую он был влюблен. Но Наталья спокойно отбила этот наскок Троцкого, заметив, что дальше служебных их отношения не зашли, хотя и не скрыла, что тоже симпатизировала этому молодому человеку.

Тогда Троцкий ударился в самобичевание. «Умоляю, перестань соревноваться с женщиной, которая значит так мало»,— писал он. Значила «мало» для него, тогда как Наталья по-прежнему оставалась «всем». Троцкий писал о том, что «полон стыда и ненависти к себе», подписывал письма с непривычным для себя самоуничижением «твоя старая верная собака». Изливал душу: «Как я люблю тебя, Ната, моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь, моя жертва». Несколько раз он даже пытался сравнивать себя с 70-летним Л. Толстым, который писал в дневниках, что, когда возвращался с прогулки верхом на лошади, был полон желания обладать своей женой. Троцкий после прогулок на лошади возвращался с желанием обладать «моей Натой». Словом, оправдывался так, как спокон веку оправдывались застигнутые врасплох мужья, чувствовавшие свою вину и действительно оказавшиеся в положении той самой «верной собаки», которой себя называл Троцкий.

Кончилась эта любовная лирика довольно скоро. Уже в конце июля Троцкий вернулся в Койоакан, чувствуя себя гораздо более виноватым, чем возвращавшийся из дальних странствий мифический Одиссей. 17 июля ему в госпитале Мехико сделали операцию аппендицита. Наталья смирилась, простив мужу его очередную измену.

Почему очередную? Потому что были любовные увлечения и до этого случая. Даже секретарь Троцкого Ж. ван Хейеноорт вынужден был указать на эту сторону жизни своего патрона, рассказав, что аналогичная любовная связь с служительницей муз у Троцкого уже была с английским скульптором А. Шеридан. В 1920 году она приехала в Россию специально затем, чтоб вылепить бюст своего кумира. Не знаю почему секретарь Троцкого ограничился только Шеридан. Можно было бы вспомнить Л. Рейснер. Летом 1918 года она целый месяц с мужем Раскольниковым

пробыла в обществе Троцкого на Восточном фронте под Свияжском. После чего написала поэму «Свияжск», посвятив свое творение, как и Шеридан, своему идолу.

Как отнесся к происшедшему Диего Ривера, судить не берусь. Но уверен, что, если бы он узнал о флирте в его разгаре, Троцкому не надо было бы ждать Р. Меркадера. С ним было бы покончено в 1937 году. Думаю, что мнение 50-летнего художника о своем госте резко пошатнулось. А ведь он, как и Шеридан, как и Рейснер, да мало ли кто еще, чуть ли не боготворил Троцкого. Ривера изобразил фигуры Ленина и Троцкого на главной фреске в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, повергнув в ужас заказчиков. Троцкий же отплатил своему почитателю весьма своеобразно.

Троцкий и Седова прожили в Голубом доме еще два года, пока не разразился открытый скандал между Троцким и Риверой по самому ничтожному поводу: из-за появления в американском журнале «Партизан ревью» манифеста Троцкого о свободе искусства, с которым не согласился Ривера. Сколько их было таких манифестов? Но ничего, жили, не тужили. А тут — скандал. Убежден, не в манифесте суть. Действительной причиной разрыва отношений между ними был флирт Троцкого с Фридой. Гордый Ривера все-таки не простил Троцкому его романа.

Я так подробно остановился на последней любви Троцкого не затем, чтобы позабавить читателя книги Дойчера. Игра на чувстве мести Троцкому оскорбленного им мужчины займет центральное место в цепи мер по подготовке убийства Троцкого. Это лишний раз говорит о том, что истории, подобные его флирту с Фридой, не были каким-то ЧП в жизни Троцкого. Отсюда и расчет будущих организаторов его убийства. Эту сторону трагедии также хорошо и обстоятельно сумел показать Дойчер.

Особо стоит остановиться на анализе Дойчером идейно-политической платформы троцкизма 30-х годов, которую он назвал «новым троцкизмом». Действительно, в сравнении с 20-ми годами в идейном багаже Троцкого появилось немало новых положений и установок. Не зря современные троцкисты считают, что идейный и политический облик нынешних группировок IV Интернационала во многом определяется тем, что они являются порождением троцкизма 30-х годов. Именно в тот период, заявляет например один из теоретиков французских троцкистов, Д. Бенсаид, Троцкий завершил создание теории «перманентной революции», поныне составляющей идеологическую основу троцкистского движения *. С появлением в 1938 году IV Интернационала Троцким была найдена организационная форма, которой троцкисты стремятся придер-

* *Bensaid D.* La révolution et le pouvoir. Paris. 1976. P. 300.

живаться и в настоящее время. Не случайно, многие из них критиковали Дойчера за нежелание признать опыт этого Интернационала, за то, что Дойчер писал о его слабости и неспособности оказать влияние на ход событий.

Точно также у троцкистов вызвало неудовольствие указание Дойчера на то, что после второй мировой войны не подтвердился ряд прогнозов Троцкого. В частности, его предсказания о неизбежной гибели СССР в военном столкновении с фашистской Германией. Потерпели фиаско троцкистские концепции «экспорта революции». Советская Армия не пошла дальше на Запад, ограничив сферу своей деятельности изгнанием фашистских захватчиков с оккупированных территорий, граничивших с СССР стран Европы, и обеспечением безопасности своих границ. В этом некоторые современные троцкисты усмотрели негативную роль СССР, «задержавшего» развитие мировой революции. «После второй мировой войны занявший ключевое положение в истории Советский Союз,— заявляют бельгийские троцкисты,— имел прекрасную возможность использовать свои вооруженные силы против капиталистической системы» *. Не выдержали проверку временем евроцентристские концепции Троцкого, в которых мировой революционный процесс изображался как сугубо европейское дело, мало затрагивавшее интересы народов колоний и полуколоний.

Ну а что подтвердилось в пророчествах Троцкого? Его современные поклонники особенно выделяют его анализ социально-экономической природы СССР, разоблачение и борьбу против сталинизма. Эту сторону выделяет и Дойчер, считая ее одной из центральных в процессе развития Троцким теории «перманентной революции» в 30-е годы. Троцкистские и многие другие буржуазные исследователи и сегодня убеждены в том, что троцкизм — это антисталинизм. Аналогичных взглядов придерживаются и некоторые советские исследователи. Присмотримся к этому тезису поближе.

Осенью 1937 года в связи с анализом итогов второго московского процесса над Радеком, Пятаковым и другими Троцкий опубликовал ряд статей: «Начало конца», «Сталинизм и большевизм (К вопросу об исторических и теоретических корнях Четвертого Интернационала)» и другие. Их лейтмотивом стала почти афористическая формулировка: «Сталинизм стал бичом Советского Союза и проказой мирового рабочего движения. В царстве идей сталинизм — ничто. Но зато это грандиозный аппарат, эксплуатирующий динамику величайшей революции и традицию ее героизма и победоносности. Из творческой роли революционного насилия в определенный исторический период Сталин с отличающей его

* Lutte ouvrière. 25.1.1985. N 361. P. 3.

эмпирической ограниченностью сделал вывод о всемогуществе насилия вообще». И следовал вывод: «Самые имена социализма и коммунизма жестоко скомпрометированы с того времени, как бесконтрольные жандармы, живущие по паспорту «коммунистов», наименовали социализмом свой жандармский режим. Отвратительная профанация! Казарма ГПУ — не тот идеал, за который борется рабочий класс» *.

Неплохо сказано. Для Троцкого сталинизм — это, во-первых, идеология безыдейной бюрократической касты, дорвавшейся до власти и поправшей элементарные нормы не только внутрипартийной, но и попросту человеческой жизни. Во-вторых, возведение в абсолют «творческой роли» революционного насилия. В-третьих, противоположность социализму и тем более коммунизму.

Троцкий — и Дойчер это тоже неплохо показал — буквально негодовал по поводу утверждений, раздававшихся из стана русской эмиграции, теоретиков II Интернационала, ренегатов коммунистического движения: «Сталинизм есть продолжение и вместе банкротство ленинизма», «Нельзя бороться против сталинизма, не отказавшись от большевизма». Такие заявления Троцкий считал результатом «бестелесных», то есть не имевших связи с реальным историческим процессом, рассуждений. Троцкий решительно высказался против всякой связи сталинизма с большевизмом, ленинизмом и троцкизмом. По его мнению, изображать вырождение советского государства, «советский термидор» как эволюцию «чистого большевизма» означало игнорировать конкретную социальную действительность, чтобы доказать актуальность лишь одного «логически-выделенного ее элемента».

Те, кто говорит, что плоха революционная партия, которая в самой себе не имеет гарантий против собственного вырождения, используют негодный прием. Действительно перед таким критерием большевизм осужден, считал Троцкий, талисмана у него нет. Но сам такой критерий ложен. Потому что он не дает ответа на вопрос, почему партия разложилась. Формально сталинизм вышел из большевизма. Сталинская бюрократия считала себя большевистской. Но этим она попросту использовала большевизм, как старую бандероль, чтобы лучше обманывать массы. Вот почему все, кто отождествлял большевизм со сталинизмом, оказывал «лучшую услугу термидорианцам» и тем самым играл заведомо реакционную роль **.

Большевикам, писал Троцкий, имея в виду себя и своих последователей, не нужно было ждать московских процессов, чтобы объяснить причины вырождения и затем разложения правящей

---

* Б. О. 1937. № 58—59. С. 2, 3.

** Там же. С. 10—11.

партии в СССР. Они такую возможность предвидели заранее. В чем эти причины? Главная из них — **«без более или менее скорой победы пролетариата в передовых странах** (подчеркнуто мною.— *Н. В.*), рабочее государство в России не устоит. Предоставленный самому себе советский режим падет или выродится. Точнее сказать: раньше выродится, затем падет. Мне лично приходилось об этом писать не раз, уже начиная с 1905 года» *.

Свою роль в этом процессе сыграла усталость тех «гигантских масс», которые решают исход борьбы. Они утомились от внутренних лишений и слишком долгого ожидания мировой революции. Пали духом. А бюрократия тут как тут. Взяла верх.

Сказалось также то, что правящей группой была развязана «гражданская война» против большевизма под флагом борьбы против «троцкизма». Исходя из этого Троцкий выступил с опровержением заявлений деятелей II Интернационала о том, что большевики подменили диктатуру пролетариата диктатурой партии. Сталин же диктатуру партии подменил диктатурой бюрократии; большевики уничтожили все партии, кроме собственной, Сталин задушил большевистскую партию в интересах бюрократии; большевики шли на компромиссы с буржуазией, Сталин превратился в ее союзника и опору в СССР; большевики признали необходимость участия в старых профсоюзах и буржуазном парламенте, Сталин подружился с бюрократией и с буржуазной демократией. Все эти доводы, считал Троцкий, ничего не стоили. При внешней эффектности, они были лишены конкретного содержания. И вот почему.

Запрещение большевиками советских партий в первые послеоктябрьские месяцы ни в коем случае не вытекало из теории большевизма. Эта мера явилась вынужденной, принятой ради обороны диктатуры пролетариата в отсталой и истощенной войной стране, окруженной к тому же со всех сторон лютыми врагами. Большевикам изначально было ясно, что эта мера, дополненная в самой партии запретом фракций, сигнализировала о величайшей опасности. Однако источник этой опасности гнездился не в доктрине или тактике большевизма, а в материальной слабости диктатуры, в трудностях внутреннего и мирового положения. Если бы революция победила не только в России, но хотя бы и в Германии, надобность запрещения других советских партий сразу отпала бы. «Что господство одной партии юридически послужило исходным пунктом для сталинской тоталитарной системы, совершенно неоспоримо. Но причина такого развития заложена не в запрещении других партий, как временной военной мере, а в ряде поражений пролетариата в Европе и в Азии» **.

* Б. О. 1937. № 58—59. С. 9.

** Там же. С. 15.

Тут же Троцкий сослался на многочисленные беседы с Лениным о возможности предоставить анархистам территории с согласия местного населения для проведения «безгосударственных опытов».

К сожалению Троцкого, этого не произошло из-за принявшей ожесточенный характер гражданской войны, блокады страны и голода.

При таком ходе рассуждений трудно было ждать от Троцкого ответа на вопрос: если большевикам приходилось вести себя в собственной стране точно так же или почти так же, как ведут себя люди, оказавшиеся в осажденной крепости, значит что-то изначально ошибочное заложено в самой структуре большевизма, как революционной теории и практике преобразования действительности, которую не приняли не только другие политические партии рабочего класса и крестьянства, вроде эсеровской и меньшевистской, но и подавляющее большинство населения страны. Троцкий, конечно, на этот вопрос не ответил. Да и что он мог ответить? Разве что перечислить заслуги большевистской партии перед «демократией» нового типа.

Критикуя лидера Социалистической партии США Нормана Томаса, заявившего: «Мало оснований думать, что если бы Троцкий выиграл (!) вместо Сталина, наступил бы конец интригам, заговорам и царству страха в России», Троцкий мрачно заметил: «Томас не понимает, что дело идет не о матче между Сталиным и Троцким, а об антагонизме между бюрократией и пролетариатом» *.

Для таких как Томас и ему подобных, а также для тех, кто после Томаса попробует усомниться в несовместимости сталинизма и троцкизма, который его создатель, естественно, считал не чем иным, как подлинным большевизмом — ленинизмом, Троцкий перечислил заслуги большевиков в развитии теории и практики революции. Большевизм внес вклад в марксизм анализом империалистической эпохи, как эпохи войн и революций; буржуазной демократии в эпоху загнивания капитализма; соотношения между всеобщей стачкой и восстанием; роли партии, Советов и профсоюзов в эпоху пролетарской революции; теории государства; переходной экономики; фашизма и бонапартизма эпохи капиталистического упадка; наконец, условий перерождения самой большевистской партии и Советского государства. «Пусть назовут другое течение, которое прибавило что-либо существенное к выводам и обобщениям большевизма» **,— писал Троцкий.

Не спорю, послеоктябрьский троцкизм и наследовавший ему сталинизм выросли из большевизма «эпохи войн и революций».

* Б. О. 1937. № 58—59. С. 18.
** Там же. С. 20.

В их основе лежала военно-коммунистическая идеология и практика. Она могла временами обретать менее острые или точнее менее агрессивные формы, выступать даже в роли реформистской программы. Но неизменными в ней оставались: ставка на экономический и политический монополизм; предпочтение принуждения перед убеждением; приверженность доктринерству перед творческим развитием теории. Троцкий напрасно обвинял Сталина в эмпиризме. В этом компоненте он и сам мог бы дать фору кому угодно.

Сразу же после ленинградского процесса над Зиновьевым и Каменевым в январе 1935 года Троцкий опубликовал в «Бюллетене оппозиции» статью «Рабочее государство, термидор и бонапартизм (Историко-теоретическая справка)». В ней он в который уже раз за последние 5—6 лет вернулся к теме перерождения Октября и Советской власти под воздействием сталинской бюрократии. Отметив, что термидор был актом реакции на социальном фундаменте революции, Троцкий сделал вывод, что нынешний СССР чрезвычайно мало походил на образ Советской республики, который Ленин нарисовал еще в 1917 году (видимо, он имел в виду ленинскую работу «Государство и революция»). А именно: отсутствие постоянной бюрократии и армии, сменяемость всех выборных лиц в любое время, активный контроль масс, невзирая на лица и т. д.

Подобного облика Советская республика не имела и в пору расцвета деятельности Ленина и активно помогавшего ему Троцкого. Она так и не достигла его, да и не могла достичь, поскольку это был социальный утопизм, как говорится, в дистиллированном виде. Тем не менее, несмотря на чудовищное бюрократическое перерождение СССР, Троцкий продолжал считать его «историческим орудием рабочего класса», потому что он обеспечивал развитие народного хозяйства и культуры на основе национализированных, то есть огосударствленных средств производства и соответственно способствовал «действительной эмансипации трудящихся путем ликвидации бюрократии и социального неравенства» *.

Троцкий стойко держался общепринятого в классическом марксизме критерия социалистичности и стало быть прогрессивности развития общества: уровня обобществления средств производства и производительных сил, невзирая на то, становилось ли это обобществление благом для трудящихся или нет. Важно, чтобы оно было, а там хоть трава не расти.

Характерно, что сам же Троцкий поставил под сомнение обоснованность выдвинутого критерия, скорее всего так и не за-

* Б. О. 1935. № 43. С. 5.

метив этого опровержения. Анализируя причины советского бюрократизма, пути его преодоления, он показал, что проблему не объяснить, исходя лишь из признания факта национализации или огосударствления народного хозяйства. Бюрократизм в СССР был продуктом социальных противоречий: между городом и деревней; пролетариатом и крестьянством; национальными республиками и областями; разными группами крестьянства и слоями пролетариата; разными группами потребителей; Советским государством и капиталистическим окружением. Бюрократия регулировала эти противоречия, которые особенно усилились с переводом всех отношений на денежный расчет. Эту свою функцию она использовала для укрепления государства, накопляя и подготовляя новые противоречия, эксплуатируя которые создавала режим «бюрократического абсолютизма». Это в масштабах общества.

Свой срез проблема бюрократизации имела и на макроуровне. Для этого уровня также был характерен противоречивый, неравномерный характер его становления и развития. В недрах бюрократии происходил отбор командной группы. Потребность в строгой дисциплине внутри этой группы вела к единоначалию, откуда рукой подать до культа непогрешимого вождя. Такой порядок устанавливался от ЦК и ВЦИК до завода, колхоза, университета: вождь с дружиной верных ему лиц впереди, как красный командир на боевом коне, остальные следуют за ними. «Сталин,— уточнял Троцкий,— никогда не был и по природе своей не мог быть вождем масс: он вождь бюрократических «вождей», их увенчание, их персонификация» *.

Исходя из этого анализа, Троцкий сделал рубежный в смысле характеристики социально-политической эволюции платформы левой оппозиции вывод: «Термидор Великой российской революции не впереди, а уже давно позади. Термидорианцы могут праздновать, примерно, десятую годовщину своей победы». И затем: «Нынешний политический режим СССР есть режим «советского» (или антисоветского) бонапартизма, по типу своему ближе к империи, чем к консульству». Но тут же следовало противоречие с только что сказанным: «По своим социальным основам и хозяйственным тенденциям СССР продолжает оставаться рабочим государством» **.

Такое вот, на одной странице текста нагромождение внутренне несовместимых и не стыкуемых между собой посылок и умозаключений. А может быть действительно развитие СССР пошло по такому непредсказуемому пути, что какие-либо логически вы-

* Б. О. 1935. № 43. С. 6.
** Там же. С. 12—13.

веренные, приведенные в соответствие с научными или, точнее, наукообразными категориями, оценки его общественного развития тут и не приемлемы? Ясно одно, что ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина не было ответов на все те вопросы, которые поставила перед ВКП(б), советским обществом наша история 30-х годов. Сейчас мы видим, что и дальше, в 40—80-е на них не было ответов. Найдутся ли они в 90-е годы?

Показательно, что не только Ленин раньше других понял бессмысленность социального утопизма. Эта простая, но столь трудно доступная мысль овладела сознанием и Троцкого. К сожалению, только овладела, не получив логического завершения в теории и тем более практике. Он, столь резко обрушившийся на «бюрократический социализм» Сталина, в конце концов сам спасовал и не пошел дальше изживших себя уже в конце 20-х годов догм классического марксизма о социализме как безгосударственном, бесклассовом, бестоварном обществе. Выходит, Троцкого беспокоило не столько развитие теории социализма в соответствии с практикой его строительства, а что-то другое. Об этом говорят его конкретные представления о социалистическом обществе, каким оно ему виделось в середине 30-х.

Вопреки утверждениям официальной пропаганды тех лет о построении в СССР социализма ничего подобного, считал Троцкий, достигнуто не было. Классы продолжали существовать, социальное и материальное неравенство между бюрократией и трудящимися нарастало. Революционный интернационализм был заменен культом Родины в духе «квасного патриотизма». Введены чины, ордена, титулы. В армии восстановлена «офицерская каста» во главе с маршалами. Старые рабочие-коммунисты оттерты на задний план, а сам рабочий класс стремительно расслаивался. Ставка бюрократии шла на «беспартийного большевика» рабочего-стахановца, то есть на «рабочую аристократию», на мастера, специалиста и администратора. Восстановлена старая мелкобуржуазная семья, которая идеологизировалась самым мещанским образом.

Не забыл Троцкий даже о том, что в стране запретили аборты, что, по его мнению, в тяжелых материальных условиях, при примитивности культуры и гигиены означало «закабаление женщины», то есть прямой возврат к доктябрьским временам. Отменен декрет Октябрьской революции о новой школе, и она была реформирована по образцам царской России, форма для учеников введена не только затем, чтобы сковать независимость школьников мундиром, но и чтобы вне школы облегчить слежку за ними. Распущено общество старых большевиков и общество политкаторжан. В экономике шел резкий курс вправо: восстанавливался рынок, денежный расчет, сдельная зарплата. От административного

уничтожения классов сталинское руководство перешло к ставке на зажиточных. В стране огромное количество проституток и рост проституции продолжался. Наконец, государство не только не отмирало, но укрепило свои функции, в первую очередь карательные.

Такая вот пасмурная картина советской действительности, представлявшая набор тех первоочередных признаков, которые, по мнению Троцкого, свидетельствовали об окончательном отходе сталинской группы от завоеваний Октября. Что тут можно сказать? Как говорится, и смех и грех. Видеть перерождение Советской власти в возврате к нормальным для любого общества, если конечно оно не управляется душевнобольными людьми, семейным отношениям, в введении военных чинов, званий и школьной формы, в поощрении роста производительности труда, поощрении новых поколений рабочего класса и других аспектах, значило действительно выглядеть неким чудаком, оторвавшимся от жизни.

Посерьезнее выглядели упреки Троцкого по поводу восстановления попранной в конце 20-х — начале 30-х годов, как раз во время «левого виража» Сталина, «нэповской практики». В кавычки слова «нэповской практики» взяты потому, что подлинно нэповской в ее ленинском значении она так и не стала. Но эти упреки можно было записать Сталину не столько в пассив, сколько наоборот — в актив. До него наконец дошло, что, опираясь исключительно на военно-коммунистические принципы и методы организации народного хозяйства и, главное, быта людей, далеко не уедешь. Жизнь, как ее не ломай в угоду абстрактно понятым, к тому же понятым в уродливом казарменно-коммунистическом духе социалистическим идеалам, кстати во многом подсказанным и Троцким, брала свое. Упреки же Троцкого показывали, что, несмотря на всю его непримиримость к Сталину и сталинизму, он, как троцкист, недалеко ушел от них.

Предпочтительнее, но не более, выглядела критика Троцким другой стороны сталинской политики, затрагивавшей то, что ему было ближе, касалось его лично и, стало быть, волновало куда больше, чем все остальное вместе взятое. Я имею в виду объяснение мотивов перехода Сталина от умеренной и в общем-то терпимой политики правящей бюрократии к сверхинтенсивной, сразу же насторожившей и обеспокоившей весь правящий ее слой сверху донизу, репрессивной практике. Троцкий считал, что, несмотря на продолжавшееся удаление, а не приближение СССР к социализму, жизненный уровень масс, и в первую очередь рабочего класса, улучшался. Естественно предположить, что, если бы он не улучшался, вряд ли бы Сталин и его группа имели поддержку молодой части рабочего класса, составлявшей их главную социальную опору. Об этом писал и Троцкий, считая, что

улучшение материального состояния придавало рабочим большую уверенность в себе, что вело не к ослаблению, а к укреплению позиций бюрократии.

Рабочий, который несколько лет назад целиком был занят добыванием хлеба насущного, часто работал по 14, а то и по 16 часов в сутки с нарушением всех норм трудового законодательства, да еще в две смены, стремился к тому, чтобы самому не остаться голодным и накормить семью. Рост благосостояния дал ему возможность вздохнуть с облегчением, а заодно и повысить свои потребности. На первых порах ему просто хотелось одеться, иметь пальто, пойти в кино. Но это лишь начало. Вслед за материальными появляются духовные потребности к чтению, культуре. Отсюда рукой подать до стремления к сознательному участию в производственном процессе, защите своих интересов и затем, чего доброго, желанию участвовать в политике. Этого Сталин конечно допустить не мог.

В результате всех этих явлений господство пролетариата в СССР приобретает урезанный, согнутый, исковерканный характер. «Можно с полным основанием сказать, что пролетариат, **господствующий** в одной, отсталой и изолированной стране, все еще остается **угнетенным** классом. Источником угнетения является мировой империализм; передаточным механизмом угнетения — бюрократия. Если в этих словах: «господствующий и в то же время угнетенный класс», есть противоречие, то оно вытекает не из ошибок мысли, а из противоречия в самом положении СССР. Именно поэтому мы и отрицаем теорию социализма в отдельной стране» *.

Хотел того Троцкий или нет, но у него получилось, что главным виновником двойственного положения пролетариата в СССР, а следовательно и самой его социально-экономической природы, явился социализм, или если точнее — социализм в одной стране. Думаю, что этот вывод вряд ли оправдан.

Не спасают положения и заключительные рассуждения Троцкого: «Признание СССР рабочим государством — не типом, а искажением типа — вовсе не означает теоретической или политической амнистии по отношению к советской бюрократии. Наоборот, ее реакционный характер полностью раскрывается в свете противоречия между ее антипролетарской политикой и потребностями рабочего государства. Только при такой постановке вопроса наше разоблачение преступлений сталинской клики приобретает движущую силу» **.

Опыт СССР 30-х годов показал, как были велики возможности,

* Б. О. 1938. № 62—63. С. 19.
** Там же.

заложенные в рабочем государстве, и как велики силы его сопротивления капиталистическому перерождению. Но этот же опыт показал и другое: силу давления империализма и его «бюрократической агентуры», трудности пролетариата в деле полного освобождения, важность проведения воспитательной работы IV Интернационалом по закалке своих кадров в духе непримиримой революционной борьбы. «Защита СССР,— писал Троцкий,— включает в себя не только беззаветную борьбу против империализма, но и подготовку низвержения бонапартистской бюрократии» *.

И тут мы подошли к рассмотрению чрезвычайно важного элемента в идейно-политической платформе «нового троцкизма» — тезиса Троцкого о необходимости осуществления в СССР политической революции. Троцкий, начиная примерно с середины 1935 года, неоднократно варьировал его на разные лады, пока не дал своеобразную, законченную трактовку в книге «Что такое СССР и куда он идет?»: «Дело идет не о том, чтобы заменить одну правящую клику другой, а о том, чтобы изменить самые методы управления хозяйством и руководства культурой» **. Нужна вторая революция.

Троцкий предложил развернутую программу политической революции. Она включала следующие положения: «Бюрократическое самовластье должно уступить место советской демократии. Восстановление права критики и действительной свободы выборов есть необходимое условие дальнейшего развития страны. Это предполагает восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов. Перенесенная на хозяйство демократия означает радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем снизит накладные расходы бюрократических ошибок и зигзагов. Дорогие игрушки — Дворцы советов, новые театры, показные метрополитены — потеснятся в пользу рабочих жилищ. «Буржуазные нормы распределения» будут введены в пределы строгой необходимости, чтоб, по мере роста общественного богатства, уступать место социалистическому равенству. Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать» ***.

Именно с этой программой политической революции солидаризировались некоторые советские исследователи, усмотрев в ней признак подтверждения провидческого дара Троцкого.

К сожалению, они не стали подробно разбирать каждый из

* Б. О. 1935. № 42. С. 4—5.
** *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 292.
*** Там же.

пунктов троцкистской программы. А зря. Потому что после такого разбора даже самые ретивые поборники программы политической революции Троцкого, если бы и не остыли, то по крайней мере остереглись от категорических высказываний в ее поддержку.

В самом деле, кто стал бы возражать против того, чтоб бюрократическое самовластье уступило место советской демократии или против права критики, равно как и свободы выборов, возрождения профессиональных союзов или перенесения на хозяйство демократии. Думаю, никто. Но ведь никто не возражал против этого не только сегодня, но и в 30-е годы, когда писались все эти требования Троцким. Достаточно взять подшивку любой газеты «Правды», «Известий», «Труда», чтобы убедиться в том, что провозглашаемые с такой помпой Троцким пункты программы политической революции находились в повседневной обойме советских средств массовой информации. Иначе говоря, это было общим местом даже для советских средств массовой информации и уж никоим образом не может рассматриваться как чье-то сверхгениальное открытие. Другое дело, что словами все и заканчивалось. Дальше благих призывов и пожеланий, перемежавшихся с отдельными вспышкопускательными кампаниями по борьбе с бюрократизмом, нередко оборачивавшихся для их участников трагическими последствиями (в показательных целях, чтоб другим неповадно было, производились аресты наиболее «закоренелых бюрократов», суды и даже расстрелы), дело не шло. Но ведь и Троцкий нигде на практике не мог реализовать свои требования. Это один аспект.

Другой касается разъяснения того, что Троцким понималось под «буржуазными нормами распределения». Меня, например, удивляет, что обычно такой пунктуальный в других гораздо более мелких вопросах Троцкий этот вопрос практически поставил в самом общем виде. А может быть не хотел углубляться в подробности? Ведь тогда пришлось бы объяснять, от чего следовало отказаться,— от самого принципа распределения по труду, который, естественно, исходя из своей природы означал невозможность утверждения полного социального равенства, так как труд у каждого оплачивался по-разному. Или речь шла о привилегиях бюрократии, которые заметно отличали ее образ и уровень жизни от образа и уровня жизни рабочего класса. Но ведь этот-то уровень жизни как раз и был нормальным, позволявшим жить по-людски. И не уничтожать его следовало, так как все равно трудящимся ничего не досталось бы, а стремиться подтягивать к нему уровень жизни других слоев населения.

Короче говоря, какой бы из предложенных Троцким вариантов отказа от буржуазных норм распределения ни взять, он означал возврат к одному и тому же. А именно, к столь милой сердцу

Троцкого, как и любого другого «военного коммуниста», уравниловке.

Вообще, мне представляется ложным сам посыл Троцкого о буржуазной природе советской бюрократии. Это особенно очевидно с высоты современного опыта. Ни тогда в 30-е, ни сегодня в 90-е годы бюрократия не могла исполнять даже в деформированном виде проимпериалистическую функцию. Это противоречило бы самой ее сущности, рубило бы тот сук, на котором зиждилось все ее политическое и материальное благополучие: огосударствление всех сфер жизнедеятельности общества, а не только форм собственности и методов руководства хозяйством и государством. В защите и отстаивании этой бывшей до недавнего времени общепризнанной, в том числе и самим Троцким, «ценности» социализма, кровно заинтересована бюрократия. И если сегодня она вынуждена терпеть начавшийся в СССР процесс разгосударствления жизненно важных областей функционирования общества, то, во-первых, лишь потому, что упорство в отстаивании отживших себя категорий грозило бы ей утратой господствующих позиций. И, во-вторых, она выступает за разгосударствление до определенных пределов, не затрагивая святая святых ее существования — принципа централизованного руководства государством.

Наконец, еще один аспект. Там, где Троцкий действительно высказал суждения, заслуживающие признания и в наши дни,— восстановление советских партий,— он оказался не столько борцом против сталинизма, сколько ревизионистом троцкизма 20-х годов. Да и то, как мне кажется, ревизионистом непоследовательным, который также как и Сталин в борьбе против бюрократизма не шел дальше словесных деклараций. В этом легко убедиться, разобравшись в том, о восстановлении каких партий пекся Троцкий: меньшевистской, эсеровской? Каких конкретно? Мне трудно даже представить себе, чтобы Троцкий всерьез вел речь о таком, чтобы он даже помыслил о допуске на политическую арену СССР этих партий, к разгрому которых он имел самое тесное отношение. Что же касается его призыва к восстановлению большевистской партии, то Троцкий имел в виду под «большевистской партией» левую оппозицию, которую он до конца дней своих считал наследницей традиций большевистской партийности.

Троцкистская концепция политической революции в СССР представляла собой смесь самых разнообразных, нередко взаимоисключающих друг друга, положений. Требования либерального толка в ней сочетались с принципами военного коммунизма, восходившими к традициям «милитаристского социализма» Троцкого 20-х годов. С точки зрения политической это была программа не столько разбюрократизации СССР, сколько борьбы за возвращение на политическую арену страны левой оппозиции, а

вслед за ней и отвергнутой XV съездом ВКП(б) и VI конгрессом Коминтерна идейно-политической платформы троцкизма 20-х годов. Проще говоря, Троцкий, борясь против Сталина, стремился один «изм» — сталинизм — подменить другим, столь же чуждым посленэповскому социализму,— троцкизмом. Очевидность этого вывода подтверждается и анализом интернационалистской стороны программы троцкистской политической революции. На той самой странице в книге «Что такое СССР и куда он идет?», где излагались перечисленные пункты этой программы, можно прочесть: «Более, чем когда-либо судьба Октябрьской революции связана ныне с судьбой Европы и всего мира. На Пиренейском полуострове, во Франции, в Бельгии решается сейчас проблема Советского Союза. К тому моменту, когда эта книга появится в печати, положение будет, вероятно, несравненно яснее, чем сегодня, в дни гражданской войны под стенами Мадрида. Если советской бюрократии удастся, через вероломную политику «Народных фронтов», обеспечить победу реакции в Испании и Франции — а Коминтерн делает все, что может, в этом направлении — Советский Союз будет поставлен на край гибели, и в порядок дня станет скорее буржуазная контрреволюция, чем восстание рабочих против бюрократии. Если же, несмотря на объединенный саботаж реформистских и «коммунистических» вождей, пролетариат Западной Европы проложит себе дорогу к власти, откроется новая глава и в истории СССР. Первая же победа революции в Европе пройдет электризующим током через советские массы, выправит их, поднимет дух независимости, пробудит традиции 1905 и 1917 годов, подорвет позиции бонапартистской бюрократии и приобретет для Четвертого Интернационала не меньшее значение, чем Октябрьская революция имела для Третьего. Только на этом пути первое рабочее государство будет спасено для социалистического будущего» *.

Политическая революция в СССР была провозглашена Троцким составным звеном всемирного революционного процесса. Теперь по терминологии Троцкого мировая революция должна была складываться из двух элементов: пролетарских революций в капиталистических странах и политической революции в СССР. В зависимости от остроты ситуации на международной арене, развития революционной борьбы в отдельных странах в качестве приоритетного элемента мировой революции выдвигались то революции в капиталистических странах, то политическая революция в СССР, а после второй мировой войны — в странах Восточной Европы. На протяжении 70—80-х годов троцкисты считали двигателем мировой революции политические революции в Поль-

* *Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? С. 292—293.

ше, Венгрии. Сегодня в этом качестве ими выдвигается перестройка в СССР.

В 30-е годы Троцкий отдавал предпочтение с точки зрения почина мировой революции революционным событиям в странах Западной Европы, в особенности во Франции и Испании. «**Главный ключ к внутреннему положению Советского Союза,**— писал он,— **находится уже вне Советского Союза.** Если западный пролетариат уступит европейскому фашизму, одинокое и глубоко переродившееся рабочее государство долго не продержится» *.

К концу 30-х годов особые надежды на начало политической революции в СССР Троцкий возлагал на начавшуюся в 1939 году вторую мировую войну. В одобренном чрезвычайной конференцией IV Интернационала 26 мая 1940 года. буквально сразу же после неудавшегося покушения на Троцкого группы Альваро Сикейроса, манифесте «Империалистская война и пролетарская революция», который был написан Троцким, были и такие призывы: «Подготовка революционного низвержения правящей московской касты есть одна из центральных задач Четвертого Интернационала. Это не простая и не легкая задача. Она требует героизма и жертв» **.

Спрашивается, чем же троцкизм стал бы отличаться от сталинизма, обезглавившего к началу мировой войны Красную Армию, в случае, если бы указанный тезис из манифеста IV Интернационала удалось каким-то способом претворить на практике? Тем, что в нем вместо военачальников предлагалось уничтожить все советское руководство, тем более в момент, когда мировая война уже началась? Разумеется, угрозы Троцкого были не чем иным, как комариным писком. Это с точки зрения практики. А в мыслях? Выходит, в мыслях-то Троцкий ничем не отличался от Сталина. И неизвестно, как бы он поступил со своим врагом, если бы у него были равные с ним шансы. То, что не пожалел бы,— это факт. Убил не убил, тут можно только гадать. Но по своим внутренним, человеческим качествам, они друг друга стоили.

Под стать этому морализаторству были и практические предложения Троцкого. Раз мировая революция в контексте двух своих составных частей неизбежна, то незачем было крепить обороноспособность страны и уж тем более ее границы. «Границы СССР — только временные траншеи классовой борьбы,— писал Троцкий в 1936 году.— Они не имеют даже национального оправдания». После чего такое обобщение: «Границы всех государств — только оковы производительных сил. Задача пролетариата — не охранение статус-кво, т. е. не увековечение границ, а, наоборот, их революционное упразднение с целью создания Социалистиче-

* Б. О. 1935. № 42. С. 4—5.

** Там же. 1940. Август — сентябрь — октябрь. № 84. С. 19.

ских Соединенных Штатов Европы и всего мира». Для реализации этой цели необходимо было, чтобы «сам Советский Союз освободился от господства консервативной бюрократии с ее религией «социализма в отдельной стране» *.

Как все это должны были воспринимать хоть сталинисты, хоть фашисты, хоть кто бы то ни было вообще? Любопытный эпизод, о котором рассказал Дойчер, произошел в Берлине в канун начала мировой войны, когда французский посол в Германии Р. Кулондр посетил Гитлера. Фюрер хвастался преимуществами, полученными им после заключения пакта Риббентропа — Молотова, и предсказывал Германии великие победы. Слушая его, Кулондр осторожно заметил: «Вы думаете о себе как о победителях, но подумали ли вы о другой возможности,— что победителем может оказаться Троцкий?» Гитлер вскочил как ужаленный и, сорвавшись, заорал, что угроза победы Троцкого стала еще одной из причин, из-за которой Франция и Англия не должны были воевать против Германии.

Все это выглядело почти анекдотично: что им всем Троцкий, одинокий, всеми забытый к тому времени отшельник, живший в далекой Мексике? Тем не менее, почему-то вспомнили. И вспомнили именно в связи со Сталиным, с заключенным им советско-германским договором.

Разумеется, и от Сталина, также как от Гитлера, не укрылся главный смысл «нового троцкизма». Осознание его сущности, казалось бы, давало Сталину шанс для идейного развенчания Троцкого. Сталин однако не воспользовался этим шансом. Ему нечего было противопоставить. Исповедовавшаяся им концепция социализма, хотя на словах и представлялась претворением в жизнь ленинского плана социалистического строительства, на деле была крайне далека от взглядов Ленина на социализм как общество самоуправления трудящихся, развития их инициативы и творчества. Сталин на практике фактически реализовал идеи Троцкого 20-х годов — создал командно-административную систему, опиравшуюся на насилие и репрессии в отношении всех классов и слоев советского общества, на внеэкономическое принуждение ряда категорий трудящихся, свертывание социалистического принципа распределения: «от каждого — по способностям, каждому — по труду», ограничение экономических рычагов в управлении народным хозяйством, насаждение культа личности и другие.

В результате в идейном отношении критика Сталиным Троцкого свелась к «войне цитат», навешиванию ярлыков, обвинениям в шпионаже, диверсиях, вредительстве. А в организационном — к физической расправе над всеми, кто подозревался в при-

* Б. О. 1936. Апрель. № 49. С. 2.

надлежности к троцкизму, в том числе и к расправе над их идейным вдохновителем.

Как это было сделано, Дойчер показал с присущей ему обстоятельностью и выдержкой. И еще об одном сюжете, который, как правило, выпадает из поля зрения исследователей (стесняются, что ли, копаться в этих действительно малогероических обстоятельствах?), но которому в книге Дойчера уделено заметное место. Я имею в виду материальную сторону жизни и деятельности Троцкого. О ней Дойчер сообщает уже в главе об алма-атинском периоде своего героя, цитирует многочисленные его телеграммы в центр Калинину, Енукидзе, Менжинскому и другим с просьбой то обеспечить высылку оставленных при поспешном отъезде из Москвы вещей, книг, архивов, то предоставить его семье квартиру в Алма-Ате, то расширить возможности переписки и т. д.

Все эти, казалось бы, малоуместные в политической биографии подробности в случае с Троцким, что прекрасно понял Дойчер, имели не просто бытовую сторону. Они действительно чрезвычайно беспокоили Троцкого не только тем, что затрудняли нормальное течение жизни, но и чем-то гораздо большим. Скажем, в сибирских ссылках, Верхне-Ленске или Усть-Куте, Березове или Обдорске, до которого он, правда, так и не добрался в 1902 и 1907 году, бытовая сторона ссыльного поселенца была не лучше с точки зрения климата, жилья, удобств. Может даже и гораздо хуже. Наверняка хуже, чем в Верном (Алма-Ате). Но почему-то ни в «Моей жизни», ни в письмах той поры Троцкий никому и никогда не жаловался на неудобства. Кто-то скажет, мол, молодость, здоровье, перспектива. Может быть и это. И все-таки убежден, что в бытовых неурядицах Троцкий усматривал политический аспект.

Это было со стороны властей демонстративное неуважение не к «политкаторжанину», а к его бывшему сану «первосвященника» той самой Советской власти, которую Троцкий устанавливал в октябре 17-го и затем ревностно оберегал все последующее, как минимум, семилетие. Кто после этого скажет, что Сталин был плохим «воспитателем»? Нет, он знал, очень хорошо знал, как нужно было поступать именно с такими, как Троцкий, чтобы напомнить им, кем были прежде и кем стали теперь. И еще — благодаря кому стали. Всю эту «психологию» Сталин вскоре отбросит. Но в 1928 году она ему была нужна не меньше, чем очередные победные реляции с очередного пленума ЦК.

Возникает и еще один вековечный вопрос, встающий если не перед каждым революционером, то политическим ссыльным обязательно: откуда у Троцкого были средства на выписку из Москвы огромного количества книг на нескольких языках, журналов,

газет, отправку писем и телеграмм из Алма-Аты? Пусть это по тем временам и было почти что даром: телеграмма в 70 строк обходилась всего в 3 рубля.

Ссыльному полагалось пособие. До 1 февраля 1929 года оно официально, по крайней мере для рядовых ссыльных, составляло 30 рублей в месяц. После 1 февраля, то есть когда Троцкий уже уехал из Алма-Аты, оно было уменьшено до 15 рублей. Выходит, что у Троцкого была возможность отправлять в месяц не более 10—15 телеграмм. Он же с апреля по октябрь 1928 года отправил 800 писем и 550 телеграмм. К тому же отправил и получил 8—9 нелегальных почт с нарочным.

Но это только переписка. А питание? Не забудем, что к его приезду в Алма-Ату в результате бесхозяйственности властей город стоял на грани голода. По слухам, хлеба и муки, как сообщал Троцкий в письме Сосновскому 5 мая, в городе не было. Пуд муки на рынке стоил 25 рублей. За все время пребывания Троцкого в Казахстане цена на муку не опускалась ниже 8—10 рублей за пуд. Но, по тому, как Троцкий сообщал эти факты («по слухам», «вроде бы» и прочее), выходило, что они его интересовали лишь постольку, поскольку об этом говорили *другие*. Значит, лично его эти трудности не коснулись, иначе он тут же стал бы отбивать телеграммы в центр. Кроме питания, требовалось содержать 4-х комнатную квартиру, одно отопление которой требовало немалых расходов, если учесть традиционные для степного края трудности с дровами и углем. Поэтому пособий, даже если их получали четыре ссыльных (Троцкий, Н. Седова, Л. Седов и его жена), вряд ли могло хватить просто для существования.

Дойчер подсказывает другой источник: гонорары, которые Троцкий получал за перевод произведений Маркса. Их устроил бывший тогда директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Рязанов. Но я думаю, что и этих гонораров едва хватило бы на покрытие самых необходимых материальных нужд. Значит, был третий источник. Какой? Не знаю. Но уверен, что был.

Частично я наткнулся на такой источник. В Центральном партархиве в фонде Троцкого есть довольно увесистая папка копий документов «дела Троцкого», которое велось с 1916 года по конец 30-х годов Генштабом французской армии. Не знаю, как это дело оказалось в ЦПА. Сперва думал фальшивка, подстроенная какими-нибудь мастерами такого сорта дел, вроде Товстухи или Мехлиса. Но потом все-таки пришел к мнению, что такие документы могли быть. Так вот об их содержании.

На французском языке в деле есть копии справок о кредитах, которые Троцкий получал из банков разных западноевропейских стран, уже находясь в Константинополе. Поступления шли на имя Льва Седова. Посредничал в ряде случаев секретарь Троцкого

гражданин Германии Отто Шлюсслер. Имеются сообщения о получении в начале 1930 года кредитов из банка в Стамбуле. Во-вторых, в Дойч Банке было получено около 100 тысяч турецких лир. В-третьих, Банко ди Рома выдал еще 25 тысяч турецких лир. В-четвертых, были поступления из Голландского Банка. Суммы не называются. Из Дании только за 6 месяцев 1932 года: 17.V.— 600 долларов; 30.VI—1750 долларов; 19.VII—2200 и 10000 французских франков; 30.VII—1800 фунтов стерлингов; 11.VIII— 3000 долларов; 15.IX—1650 долларов. Не забудем, что в Дании в годы первой мировой войны располагалась одна из контор ставшего к тому времени миллионером бывшего друга и единомышленника Троцкого Парвуса (Гельфанда). После этих перечислений на имя Шлюссера поступления прекратились. Но это не значит, что деньги вообще перестали поступать из Дании. Они шли на Принкипо, но на другие имена и фамилии, которые в досье Генштаба не указывались.

Вкупе с гонорарами, которые Троцкий получал от разных буржуазных журналов, газет и изданий, он мог вести довольно зажиточный образ жизни, держать штат секретарей от 5 до 10 человек, охрану, издавать «Бюллетень оппозиции», органы печати в ряде европейских стран. Иначе говоря, он, хотя и писал о фактах чудовищной нужды ссыльных и заключенных бывших оппозиционеров, ему была непонятна их психология. Да и сами эти оппозиционеры интересовали лишь постольку, поскольку их существование подтверждало «актуальность» идей оппозиции, оправдывало ту антисталинскую борьбу, которую Троцкий вел в 30-е годы.

Любопытно, как Троцкий отнесся к репрессиям 30-х годов. Он осудил московские процессы, но не из-за самого их факта как следствия чудовищных беззаконий сталинской группы, а лишь потому, что в материалах процессов фигурировало и его имя. Троцкий никак не реагировал на спровоцированный в начале 30-х годов приспешниками Сталина голод на Украине, в Поволжье, других местах. Более того, Троцкий фактически первым выдвинул положение, смысл которого определялся пропорцией: чем больше, тем лучше. «Репрессии будут чем дольше, тем больше выдавать результат, противоположный тому, на который рассчитаны: не устрашать, а наоборот, возбуждать противника, порождая в нем энергию отчаяния»,— писал Троцкий.

Складывается впечатление, что, приводя на страницах «Бюллетеня оппозиции» четырех-, пятизначные цифры исключенных в ходе партийных чисток, арестованных, отправленных в ссылку, Троцкий как бы хотел сказать: «Жив курилка!»

Он убедительно показал абсурдность обвинений Зиновьева и Каменева, а также других «зиновьевцев» и «троцкистов» в убийстве Кирова. Но лично к убитому отнесся с поразительным

безразличием. Ему было все равно, кого убили. В 1938 году в брошюре «Их мораль и наша» («их» — сталинистов, «наша» — троцкистов) Троцкий напишет такую фразу: «Убитый Киров, грубый сатрап, не вызывает никакого сочувствия» *.

Вопрос тем более правомерен, что в цитированной брошюре можно найти и такие, совсем уж дикие для политика любого склада и характера строки: «Наше отношение к убийце (Кирова.— *Н. В.*) остается нейтральным только потому, что мы не знаем руководивших им мотивов. Если б стало известно, что Николаев выступил сознательным мстителем за попираемые Кировым права рабочих, наши симпатии были бы целиком на стороне убийцы. Однако решающее значение имеет для нас не вопрос о субъективных мотивах, а вопрос об объективной целесообразности. Способно ли данное средство вести к цели?»

В этих словах без особого труда угадываются принципы иезуитов. Кстати, в брошюре Троцкого взяты эти принципы под защиту. Более того, он и большевиков записал в члены иезуитского ордена. «Если оставаться в области чисто формальных или психологических уподоблений, то можно, пожалуй, сказать, что большевики относятся к демократам и социал-демократам всех оттенков, как иезуиты — к мирной церковной иерархии». Отсюда следовал вывод, достойный философии живодера: «Так, даже в самом остром вопросе — убийство человека человеком,— моральные абсолюты оказываются совершенно непригодны. Моральная оценка, вместе с политической, вытекает из внутренних потребностей борьбы» **.

Вот тебе и борец со сталинским бонапартизмом. Сталин толковал о партии, как ордене меченосцев, а Троцкий приравнял ее к ордену иезуитов. Какая же между ними разница? Выходит, «художества» Троцкого времен гражданской войны не какое-то затмение, обусловленное обстоятельствами места и времени, а весьма обдуманное, доведенное до степени философского обобщения надругательство над общечеловеческими ценностями. Ведь «Их мораль и наша» писалась им без всякого внешнего принуждения. Он писал, *уже* зная итоги трех московских процессов, уже зная об убийствах близких ему людей. Что же это был за человек?

Дойчер лишь приподнял завесу, но до конца не ответил на этот вопрос. Да наверное и трудно требовать такой полноты и всеохватности от одного человека, которому, кроме жены Тамары Дойчер, никто по сути не помогал ни в розыске архивных документов, ни в сборе других материалов. Возможно, сказалось и то, что слишком близкими во времени были для Дойчера те собы-

* Б. О. 1938. № 68—69. С. 19.
** Там же. С. 8, 19.

тия, о которых шла речь в его третьем томе. Может быть, он лично чувствовал себя не вправе вторгаться в «преисподнюю» Троцкого, а без такого вторжения в нем мало что поймешь. Трудно сказать. Но впечатление недоговоренности при чтении книг Дойчера о Троцком остается.

Говорю это не в упрек автору, а скорее в напоминание всем, кто захочет продолжить путь, начатый им, и пойти дальше него в осмыслении периода 20—30-х годов и оценках роли в них Троцкого. Во всяком случае для меня ясно одно: без работ Дойчера вряд ли можно будет сделать это в полном объеме.

Н. А. Васецкий,
доктор исторических наук, профессор

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878—1953) — советский партийный, государственный деятель. Член партии с 1898 г. В 1899 г. был исключен из Тифлисской духовной семинарии за революционную деятельность. С 1917 г.— в редакции газеты «Правда», член Петроградского Военно-революционного комитета, нарком по делам национальностей РСФСР (до 1923 г.). С 1919 г.— нарком государственного контроля РСФСР, в 1920—1922 гг.— нарком РКИ РСФСР, одновременно с 1918 г. член РВС Республики и ряда фронтов. С апреля 1922 г. по февраль 1934 г. Генеральный секретарь ЦК партии и фактически был им в 1934—1953 гг. (в эти годы генеральный секретарь не избирался). С 1941 г.— Председатель СНК (СМ) СССР, одновременно в 1941—1945 гг.— Председатель ГКО и Верховный Главнокомандующий. Член ЦК партии с 1912 г., член Политбюро ЦК в октябре 1917 г. и в 1919 г., член Оргбюро ЦК с 1919 по 1952 г. Член ИККИ в 1925—1943 гг. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Допустил грубейшие политические ошибки, произвол, имевшие тяжелые последствия для советского народа. Он и его ближайшее окружение ответственны за массовые репрессии и беззакония.

[2] Это утверждение слишком категорично. «Голос протеста» против Сталина постоянно звучал даже в самую мрачную пору разгула репрессий. Достаточно назвать выступления М. Рютина, Б. Ломинадзе, С. Сырцова и многих других. Другое дело, что в 50—60-е гг. эти факты могли быть неизвестны Дойчеру или известны не настолько, чтобы их можно было счесть за «голос протеста».

[3] Седова Наталья Ивановна (1882—1962) — вторая жена Троцкого, не венчанная. Ее отец — донской казак, выбившийся в купцы 1-й гильдии, мать — полька из обедневшего шляхетского рода. Встретилась с Троцким в 1902 г. в Париже и сошлась с ним, оставив мужа. После убийства Троцкого в 1940 г. сохраняла виллу в Койоакане. Умерла в пригороде Парижа. Похоронена в Койоакане рядом с Троцким.

ГОД В АЛМА-АТЕ

[1] Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941) — советский государственный, партийный деятель, дипломат. Член партии с 1917 г. С 1889 г.— в социал-демократическом движении Болгарии, Швейцарии и других стран. Участник гражданской войны. В 1919—1923 гг.— Председатель СНК Украинской ССР. В 1923—1928 гг.— полпред в Великобритании и Франции, заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1927 г. исключен из ВКП(б), в 1935 г. восстановлен и вскоре снова исключен. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[2] Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939) — деятель международного социал-демократического движения с конца XIX в., партийный публицист. Член партии с 1903 г. В 1918 г.— «левый коммунист». В 1919—1924 гг.— член ЦК РКП(б), Исполкома Коминтерна. Сотрудник газет «Правда» и «Известия». Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[3] Орджоникидзе Григорий Константинович (1886—1937) — советский государственный, партийный деятель, член партии с 1903 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С 1917 г. член Петербургского комитета партии и Исполкома Петроградского Совета, временный чрезвычайный комиссар по Украине и Юга России. В 1918—1920 гг.— на военно-политической работе в Красной Армии. С 1920 г.— член Кавказского бюро ЦК РКП(б). В 1922—1926 гг.— первый секретарь Закавказского и Северо-Кавказского крайкома партии. В 1926—1930 гг.— председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР, одновременно зам. Председателя СНК и СТО СССР. С 1930 г.— председатель ВСНХ СССР, с 1932 г.— нарком тяжелой промышленности СССР. В 1912—1934 гг. (с перерывами) — член ЦК, Политбюро ЦК. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Покончил жизнь самоубийством.

[4] Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945) — государственный деятель Великобритании, лидер Либеральной партии, избирался премьер-министром страны в 1916—1922 гг.

[5] Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821) — французский император в 1804—1814 гг. и в марте — июне 1815 г. Выдвинулся в период Великой французской революции (достигнув чина бригадного генерала) и при Директории (командующий армией). В ноябре 1799 г. совершил государственный переворот (18 брюмера), в результате которого стал первым консулом, фактически сосредоточив в своих руках с течением времени всю полноту власти. Став императором, установил диктаторский политический

режим, отвечавший интересам фрвкцузской буржуазки. Вел победоносные войны а Западной и Центральной Европе. С поржением а аойне 1812 г. против России начался период рвспада его нмперии. В 1814 г. был вынуждеи отречься от престола. Сослак иа о. Эльба. Вноаь заиял французсний престол в мврте 1815 г. После пораження при Ватерлоо (Бельгия) вторично отрекся от престола (22 июня 1815). Последние годы жнзии проаел иа о. Святой Елены плениннном виглвчви.

[6] Термидор (франц. thermidor, от греч. thérmē — тепло и dṓron — дар), 11-й месяц (19/20 нюля — 17/18 августв) французского республиканского календаря (1793—1805). В нсторической науне — термин, обозкачающнй коитрреволюциоиный переворот 27—28 июля 1794 г. (9 термндора II года по республиканскому календарю), саергший якобинскую динтзтуру. Лнквиднроаал демократнческие социальные завоеаания якобинцеа, нвчал коитрреволюционный террор.

[7] Серж (Кибвльчич) Внктор (1890—1947) — участиик социал-демократического даижении в России, стороиикк Троцкого в 20—30-е гг. По обвкиеиию а пропвгаиде троцкизмв был аыслаи а Ореибург, позже из СССР. Впоследствии писатель, нсторкк рабочего движении Франции.

[8] Иоффе Адольф Абрамович (1883—1927) — в социвл-демократическом двнженик с 1903 г., меньшевин. В 1908—1912 гг.— сотрудиик газеты Троцкого «Правдв» (Веив). В РСДРП(б) вступил в 1917 г. ив VI съезде в составе «межрвйонцев». Участник Октябрьской революцни. С апреля 1918 г.— на дипломатической работе. В 1925—1927 гг.— учвстиин троцннстской оппоаиции. Страдал психнческим рвсстройстаом. Покончнл жизнь самоубийством.

[9] Седоа Сергей Львович (1906—1937) — млвдший сын Троцкого. В политике ие участаоаал. В 1935 г. арестоаая. Расстреляи в ссылне.

[10] Седоа Лев Львович (1903—1938) — старший сын Троцкого. Помогал отцу в его деятельности. Редактор-издатель «Бюллетеня оппозицни». Умер в Париже после операции аппендицита.

[11] Троцкий бежал зимой 1907 г. с этвпа в ссылку а город Обдорск (Сибирь).

[12] Калинии Миханл Иванович (1875—1946) — соаетскнй государственный, партийный деятель. Члеи пвртии с 1898 г. Участник трех русских реаолюций. С 1919 г.— Председатель ВЦИК, одиоаремеиио с 1922 г.— ЦИК СССР, с 1938 г.— Президиума Верхоаиого Советв СССР. Член ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б).

[13] Менжинскнй Вячеслав Рудольфоаич (1874—1934) — соаетский государстаеииый, партнйный деятель. Член пвртни с 1902 г. Юрнст. Участиик реаолюций 1905—1907 гг. и Онтябрьской 1917-го а Петрограде. Комиссар ВРК. С 1917 г.— иарком фииаисоа РСФСР. В 1919 г.— иарком РКИ Украииы. С 1919 г.— члеи Президиума ВЧК, с 1923 г.— зампред и с 1926 г.— председатель ОГПУ. Члеи ЦК ВКП(б) с 1927 г. Член ВЦИК СССР.

[14] Фрунзе Михвил Васильеаич (1885—1925) — соаетскнй государстаеииый, партнйный н военный деятель. Член пвртин с 1904 г. В 1905 г. рукоаодил Иааиоао-Возиесенской стачкой. В 1909—1910 гг. даажды прнговариался к смертиой казни. В 1910—1915 гг. на нвторге, бежвл. Вел революциоииую работу а армии. Участник Октябрьской революцнн. В гражданскую войну командоавл армией, Южиой группой войск Восточиого фронта и Восточным фроитом при раагроме армий Колчака. В 1919—1920 гг. комаидоаал Туркестаиским фроитом, а 1920 г.— Южиым фроитом при раагроме аойск Враигеля. В 1924—1925 гг.— заместитель председателя и председатель РВС СССР, ааместитель иаркома и иарком по аоеииым и морским делам, одноаременно начальиик Штаба РККА, члеи Совета Труда и Обороны. С 1921 г.— член ЦК ВКП(б), с 1924 г.— каиидат в члены Политбюро ЦК. Член ВЦИК с 1918 г. и ЦИК СССР.

[15] Красни Леоиид Борисоаич (1870—1926) — соаетсний государстаеиный, партийиый деятель. Члеи коммуиисткческой партии с 1890 г. Инжеиер. Участник революции 1905—1907 гг. В 1903—1907 гг.— член ЦК РСДРП. В 1918 г.— член Президиума ВСНХ, иарком торговли и промышлеиности. В 1919 г.— нврком путей сообщеиия. С 1921 г.— нарком аиешией торгоали, одиоаремеиио полпред и торгпред а Аиглии (а 1924—1925 гг. полпред ао Фраиции). Член ЦК партии с 1924 г.

[16] Вышло а сает 14 томоа а 17 книгах.

[17] Рязаиоа (Гольдеидах) Дааид Борисович (1870—1938) — а социал-демократичесном даижеиии с 90-х гг. XIX а., меньшеаик. После победы Октября — иа руководящей работе а профсоюзах. Один из оргаиизатороа Иистнтута К. Маркса и Ф. Эигельса, был его директором с 1921 г. В 1931 г. исключеи из партии. Необоснованио репрессироваи, реабилитирован посмертно.

[18] Нзполеои III (Луи Наполеои Бонапарт) (1808—1873) — французский нмператор в 1852—1870 гг. Племиниик Нвполеока I.

[19] Преображеиский Евгений Аленсееаич (1886—1937) — соаетскнй партнйный, государственый деитель. В пaртии с 1903 г. С 1917 г. иа партнйиой работе иа Урале, а 1918—

1919 гг. председатель Уральского обкома партии. С 1919 г.— в редакции газеты «Правда», уполномоченный ВЦИК по Орловской губернии, на партийной и советской работе в Уфе. В 1920—1921 гг. член ЦК, ЦКК, Оргбюро и секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. председатель финансового комитета ЦК партии и СНК РСФСР, председатель Главпрофобра Наркомата просвещения РСФСР. В 1924—1927 гг.— на руководящей работе в Главконцесскоме, Наркомате финансов СССР, одновременно в 1926—1928 гг. член редколлегии БСЭ, затем — в системе Госплана СССР, на дипломатической работе. В 1932—1936 гг. член коллегии Наркомата легкой промышленности СССР, затем заместитель начальника отдела Наркомата совхозов СССР. С 1923 г.— сторонник троцкистской оппозиции. В 1927—1936 гг. неоднократно был исключен из партии, восстановлен и вновь исключен. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[20] Смилга Ивар Тенисович (1892—1938) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1907 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. С 1921 г.— заместитель председателя ВСНХ, заместитель председателя Госплана СССР. С 1927 г.— на хозяйственной работе. Неоднократно исключался и восстанавливался в ВКП(б). Член ЦК, ВЦИК. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[21] Белобородов Александр Георгиевич (1891—1938). В социал-демократическом движении с 1907 г. Участник гражданской войны. С 1917 г. член Уральского и Пермского окружных комитетов партии. В 1918—1919 гг. председатель Уральского областного Совета и Вятского губревкома. С 1919 г. на военно-политической и партийной работе. С 1921 г. заместитель наркома, в 1923—1927 гг. нарком внутренних дел РСФСР. В 1927—1930 гг.— в ссылке. С 1930 г.— в системе Комитета заготовок СССР, уполномоченный Наркомата внутренней торговли СССР. Участник троцкистской оппозиции, близкий по взглядам к Троцкому человек. В ноябре 1927 г.— августе 1936 г. был исключен из партии, восстановлен и вновь исключен. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[22] Серебряков Леонид Петрович (1888—1937) — советский партийный, государственный деятель. Член партии с 1905 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. После победы Октября — на военно-политической работе, секретарь ЦК РКП(б). С 1924 г.— на хозяйственной работе. Член ЦК, ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[23] Муралов Николай Иванович (1877—1937) — военный деятель. Член партии с 1903 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1919—1920 гг.— член Реввоенсовета Восточного фронта. Затем — командующий Московским, Северо-Кавказским военными округами; на хозяйственной работе. Активный сторонник троцкистской оппозиции в 1923—1927 гг. Исключен из ВКП(б) в 1927 г. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[24] Смирнов Иван Никитович (1881—1936) — в социал-демократическом движении с 1898 г. Член партии с 1899 г. В 1918—1920 гг.— член Реввоенсовета Восточного фронта и 5-й армии. В 1923—1927 гг.— народный комиссар почт и телеграфа. Участник троцкистской оппозиции. XV съезд исключил его из ВКП(б); был сослан, написал покаянное письмо, восстановлен в ВКП(б) в 1930 г. В 1933 г.— вновь исключен. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[25] Мрачковский Сергей Витальевич (1888—1936) — советский военачальник и государственный деятель. Член партии с 1905 г. Участник гражданской войны. В 1920—1925 гг.— командующий Приуральским, а затем Западно-Сибирским военными округами. Сторонник троцкистской оппозиции. В 1927 г. исключен из ВКП(б). В 1928 г., после того как написал покаянное письмо, восстановлен в партии, начальник строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В 1933 г. снова исключен из партии. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

[26] Сосновский Лев Семенович (1886—1937) — в социал-демократическом движении с 1903 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го (на Урале). В начале 20-х гг.— зав. Агитпропом, участник Генуэзской конференции. Активный троцкист. В 1927 г. исключен из ВКП(б), был сослан, написал покаянное письмо, восстановлен в партии в 1935 г. В 1936 г. вновь исключен из партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[27] Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760—1825) — граф, французский мыслитель, социалист-утопист.

[28] Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — советский партийный, государственный деятель, член партии с 1906 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1918 г.— лидер «левых коммунистов». С декабря 1917 по апрель 1929 г.— редактор газеты «Правда». В 1919—1929 гг.— член Исполкома Коминтерна. В конце 20-х гг. выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации. В 1929—1932 гг. член Президиума ВСНХ СССР, затем член коллегии

Наркомтнжпрома. В 1934—1937 гг. редактор газеты «Известин». Член ЦК, Политбюро, ЦИК СССР. Необогиованно репрессироаан, реабилнтнрован посмертно.

[29] Знкоаьев (Радомышельскнй-Апфельбаум) Грнгорий Евсееанч (Евсей-Гершен Ароноанч) (1883—1936) — советскнй партяйный, государстаеиный деятель, член партки с 1901 г., член ЦК а 1912—1927 гг. (квндндат с 1907 г., в иоябре 1917 г. выходил кз составв ЦК), члеи Полнтбюро ЦК в октябре 1917 г. н в марте 1921 — нюле 1926 г. (каидндат с марта 1919 г.), член Оргбюро ЦК в сентябре 1923 — мае 1924 г. В 1917—1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета, одноаремеико а 1919—1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. С 1931 г. член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. В 1932—1933 гг.— в ссылке в Кустввне, затем член правлення Цеитросоюза и редколлегни журнала «Большевнк». Члеи ВЦИК н ЦИК СССР. В июле 1926 г. исключен из состава Полнтбюро ЦК партнн, а октябре 1927 г.— нз состава ЦК партии. С иоября 1927 г. по декабрь 1934 г. кеоднократно был исключен нз партии, аосстаиовлен в ней к виоаь нсключен. Необосноаанио репрессироввн, реабилитнровaн посмертио.

[30] Камеиев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — советский партийный, государственный деятель, члек пвртии с 1901 г., члеи ЦК в 1917—1918 гг. и 1919—1927 гг. (а октябре н нонбре 1917 г. выходкл нз состааа ЦК), член Политбюро а октябре 1917 г. к 1919—1925 гг., аходнл в состве Оргбюро ЦК в пернод между VIII и IX съездвмн партнн. В октнбре — нонбре 1917 г.— председатель ВЦИК. В 1918—1926 гг. председатель Моссовета, одноаременно с 1922 г. звместнтель Председателн СНК РСФСР (СССР), председатель СТО (с 1924 г.) к днректор Инстнтута Леннна (с 1923 г.). В янвврe — августе 1926 г. нарком анешней и виутреиней торговли СССР. С 1926 г.— полпред а Итвлин, далее — на вдминистративной работе. С 1925 г. участяик «новой оппозиции». С декабря 1927 по деквбрь 1934 г. неоднократно исключался из пвртии. Необосновввно репрессирован, реабилнтировлн посмертио.

[31] Пятакоа Георгий Леокидович (1890—1937) — советскнй государстаеиный, партийный деятель. Член партии с 1910 г. Участник Феаральской н Октябрьской революций 1917 г. В 1917—1918 гг.— комиссвр Нвродиого баикв, «левый коммуиист». Участник граждаиской войны. С 1920 г. руководил восствновлением Донбвсса, заместитель председателя Госплана РСФСР. С 1932 г. заместитель я с июня 1934 г. первый заместитель наркома тяжелой промышлениости СССР. Члеи ЦК пвртии. Неоднокрвтно с 1927 г. нсключался из партии. Необоснованяо репрессирован, реабилитировaн посмертно.

[32] Аитонов-Овсеенко Влвдимир Алексвндрович (1883—1939) — советский государстаеиный деятель. В революцконном движениh с 1901 г. Член партии с 1917 г. Во время Октябрьской реаолюцни — секретарь Петроградского ВРК, руководил штурмом Зимнего дворца. Одии из оргaиязатороа Красной Армии. В 1922—1924 гг.— начвльник Политуправлеиня РВС СССР. С 1924 г.— полпред в Чехословвкии, Литве, Польше, консул в Барселоие. С 1937 г. яарком юстиции РСФСР. Необосновввнио репрессирован, реабилнтроaаи посмертно.

[33] Рыков Алексей Иаанович (1881—1938) — советскнй государствениый, пвртийный деятель, член партии с 1898 г. Учвстиик революций 1905—1907 гг. н Октябрьской 1917-го. Нарком по анутреииим делам в пераом Соаетском правительстае (1917 г.), звтем вышел из состааа СНК. В 1918—1921 гг. н 1923—1924 гг. председатель ВСНХ РСФСР (СССР). С 1921 г. заместитель Председателя СНК и СТО РСФСР, в 1923—1924 гг.— СССР и РСФСР. В 1924—1930 гг. Председатель СНК СССР и РСФСР (до 1929 г.), одновремеино в 1926—1930 гг. Председатель СТО СССР и РСФСР. В 1931—1936 гг. нарком связи (почт н телегрвфов) СССР. Члеи ЦК, Политбюро, ВЦИК н ЦИК СССР. В конце 20-х гг. выступнл протна саертыааикя изпа, резкого форсирования коллектквизацнн и индустриализацни. В 1937 г. исключен из состава ЦК и партии. Необоснованно репрессировaи, реабилитнрован посмертно.

[34] Сафвров Георгий Иванович (1891—1942). Член пвртии с 1908 г. Учвстник Октябрьской революцнн 1917 г., член Петербургского комитета РСДРП(б). После Октября на пвртийиой н комсомольской работе. Актнвный сторонннк Зиновьева. В 1925 г. участнник «новой оппозицни», а 1926—1927 гг.— объедииенной леаой оппозиции. Исключен нз ВКП(б) иа XV съезде, восстаиовлен в 1928 г., в 1934 г. вновь нсключен.

[35] Сапронов Тимофей Владямнровнч (1887—1939). Члея партнн с 1912 г. Участник трех русских революцкй. «Леаый коммуннст». В 1919—1920 гг.— председатель Харькоаского губревкома. Однн из лидеров группы «демократического централизма», в 1925—1927 гг.— группы «15». В 1927 г. исключен из пвртии. Необосновввнно репресснровая, реабилнтроaаи посмертно.

[36] Смнрнов Владимир Михайловнч (1892—1938). Член партии с 1907 г. После Октнбрн — уполиомоченный СНК РСФСР в Финляндии. Участник грвждвнской войны. Заместнтель председатели ВСНХ. Член ЦК. Исключен из ВКП(б) нв XV съеаде квк лидер группы «демокрвтнческого цеитрвлнзма». Необоснованно репрессирован, ревбилитирован посмертно.

[37] Гоминьдан — политическая партия в Китае. Создана в 1912 г., сыграла прогрессивную роль в национально-освободительной борьбе китайского народа. После 1927 г. стала правящей буржуазно-помещичьей партией.

[38] Видимо, речь шла о революции 1848 г. во Франции, буржуазно-демократической по характеру, свергнувшей монархию и создавшей Временное правительство, провозгласившее Вторую республику.

[39] Микоян Анастас Иванович (1895—1978) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1915 г., на партийной работе с 1917 г. С 1926 г. нарком внешней и внутренней торговли, снабжения и пищевой промышленности СССР. С марта 1953 г. министр внутренней и внешней торговли СССР, затем — торговли СССР. Член ЦК и Политбюро ЦК партии. С 1964 г. Председатель Президиума, в 1965—1974 гг. член Президиума Верховного Совета СССР.

[40] Фрумкин Моисей Ильич (1878—1939). Член партии с 1898 г. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпрода, заместитель наркомпрода, заместитель наркома финансов СССР, заместитель наркома внешней торговли, затем на хозяйственной работе.

[41] Зинаида Львовна (по мужу Волкова) (1902—1933) — старшая дочь Троцкого от брака с А. Л. Соколовской. Страдала тяжелым психическим расстройством. Находясь в депрессии, покончила с собой в январе 1933 г. в Берлине.

[42] Нина Львовна (по мужу Невельсон) (1903—1927) — младшая дочь Троцкого от брака с А. Л. Соколовской. Страдала туберкулезом. Умерла в Москве от скоротечной чахотки.

[43] Невельсон Ман. Член партии с 1917 г. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Во время гражданской войны был на партийной работе в Красной Армии (комиссар полка, политкомиссар дивизии, начальник политотдела армии). С 1923 г. на хозяйственной работе, участник троцкистской оппозиции. С января 1928 г. — в политической ссылке в Тобольском, затем Верхнеуральском политизоляторах. О дальнейшей судьбе сведениями не располагаем.

[44] Волков Платон, по профессии педагог, в начале 20-х гг. был членом ЦК профсоюза работников просвещения. В 1928 г. арестован и сослан. В 1936 г. находился в Семипалатинске. Пытался покончить жизнь самоубийством. О дальнейшей судьбе сведениями не располагаем.

[45] Косиор Василий Викентьевич (1891—1938) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1907 г. Участник Февральской (в Москве) и Октябрьской революций 1917 г. После Октября на военной, профсоюзной и хозяйственной работе. В 1920—1921 гг. сторонник платформы Троцкого в дискуссии о профсоюзах, активный участник троцкистской оппозиции. В 1929 г. исключен из ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[46] Анфантен Бартелеми Проспер (1796—1864) — французский социалист-утопист, один из учеников Сен-Симона.

[47] Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый. Воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все отрасли тогдашнего знания.

[48] Токвиль Алексис (1805—1859) — французский историк, социолог, политический деятель. Отвергал необходимость Великой французской революции.

[49] Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — деятель Великой французской революции. Фактически возглавил в 1793 г. революционное правительство, сыграл огромную роль в разгроме внутренней и внешней контрреволюции. В то же время наносил удары и по левым общественным силам, ослабляя социальную базу якобинской диктатуры. Казнен термидорианцами.

[50] Бабеф Гракх (Ноэль Франсуа) (1760—1797) — французский коммунист-утопист. В 1796 г. возглавил Тайную повстанческую директорию, готовившую народное восстание. Казнен.

[51] Сокольников Григорий Яковлевич (Бриллиант (Бриллиантов) Гирш Янкелевич) (1888—1939) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1905 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1918—1920 гг. на военно-политической работе в Красной Армии. В 1922—1926 гг. нарком финансов РСФСР (с июля 1923 г. — СССР). Затем на дипломатической работе. В 1935—1936 гг. первый заместитель наркома лесной промышленности СССР. Член ЦК, Политбюро ЦК, ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[52] Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — советский государственный, партийный и военный деятель. Член партии с 1903 г. Участник трех русских революций и гражданской войны. С 1925 г. нарком по военным и морским делам СССР, в 1925—1934 гг. председатель РВС СССР. В 1934—1940 гг. нарком обороны СССР. В 1940—1953 гг. замести-

тель Председателя СНК (СМ) СССР. В 1953—1960 гг. Председатель, с 1960 г. член Президиума Верхоаного Советв СССР. Члеи ЦК и Политбюро ЦК партии, член ВЦИК, ЦИК СССР.

[53] Томский (Ефремоа) Мнхаил Паалович (1880—1936) — соаетский государстаеиный, партийный деятель. Член партии с 1904 г. Участник революций 1905—1907 гг. н Оитябрьсиой 1917-го. В 1918—1919 гг. и 1922—1929 гг. председвтель ВЦСПС. С 1929 г. возглаелял Всесоюзное объедикеине химической промышленяостн. В 1932—1936 гг. зааедующий ОГИЗом. Члеи ЦК, Политбюро ЦК партни, ВЦИК и ЦИК СССР. В конце 20-х гг. выступнл против саертываиин нэпа, резкого форсироаания коллективизацни н индустриализацни. В обстановке массоаых репрессий покончил жизнь самоубийстаом.

[54] Андрееа Андрей Андреееаич (1895—1971) — соаетский государстаеный, партийный деятель. Член партии с 1914 г. С 1917 г. на партийной и профсоюзной работе. С 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нерком Рабоче-ирестьяиской иислекции СССР и заместитель Председателя СНК СССР. В 1931—1935 гг. нарком путей сообщення СССР, а 1943—1946 гг. нерком земледелия СССР. В 1946—1953 гг. заместитель Председателя Соамина СССР. Члеи ЦК, Политбюро ЦК партин, ВЦИК и ЦИК СССР.

[55] Кнроа (Кострнкоа) Сергей Мироноанч (1886—1934) — соаетский государстаеиный, партийный деятель. Члея партин с 1904 г. Участиик трех русских революций. С 1919 г. иа военио-политической работе в Кресной Армии. В 1920 г. на дипломатичесиой и партнйной работе в Грузии. В 1921—1926 гг. первый сеиретарь ЦК КП(б) Азарбайджана. С 1926 г. пераый секретврь Ленингрвдского губкомв (обкома) и горкома партии и Сеееро-Западиого бюро ЦК ВКП(б) н одиовременио е 1934 г. сеиретарь ЦК ВКП(б). Член ЦК, Политбюро ЦК партии, ВЦИК н ЦИК СССР. Убит а Смольном а результате покушення.

[56] Ягода Генрнх Григорьеанч (1891—1938). Член пвртии с 1907 г. С 1924 г. заместнтель председателя ОГПУ при СНК СССР, в июле 1934 — сентябре 1936 г. яерком виутренних дел СССР, далее е сентябре 1934 — апреле 1937 г. карком свнзи СССР. Организатор процессоа 1935 г. а Ленинграде и 1936 г. в Москве. В впреле 1937 г. снят с поста ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера. В июне 1937 г. исилючеи нз состава ЦК н из пертни. В марте 1938 г. расстрелян.

[57] Трилиссер Меер Абрамович (1883—1940) — соаетский государстаеиный, пертнйный дентель, члеи партни с 1901 г. Участник реаолюций 1905—1907 гг., борьбы аа Соаетскую власть в Снбири, на Дельнем Востоие. С 1926 г. иа отаатственных сонетских и пертийных постах в ОГПУ, РКИ РСФСР, в Комиссии соаетского контроля. Члеи ЦК ВКП(б). Необосяоваиио репрессироеан, реебилитяровак посмертно.

[58] Кереисний Алеисандр Федорович (1881—1970) — русский политнческий деятель, лидер фрвкцин трудовнкоа а IV Государстееиной думе. С марта 1917 г.— эсер, во Временном правительстве: министр юстиции, военный н морской миинстр, министр-председетель, верхоаный глаанокомвидующий. Эмиграит.

[59] Молотов (Скрябин) Вячеслаа Михайлоеич (1890—1986) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1906 г. Учестнин Октябрьской революции. В 1917 г. член исполкома Петроградского Соаета и член ВРК. В 1920—1921 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921—1930 гг. секретарь ЦК РКП(б) (ВКП(б)), одновремекко а 1928—1929 гг. первый сеиретарь МГК партии. В 1930—1941 гг. Председатель СНК СССР и СТО СССР (до 1937 г.), одновременно и 1939—1949 гг. иарком (миннстр) иностранных дел СССР. В 1941—1942 гг. и 1946—1953 гг. заместнтель Председателя, а 1942—1946 гг. и 1953—1957 гг. первый заместитель Председателя СНК (Соамина) СССР, одновремеино е 1953—1956 гг. миинстр иностраиных дел. Члек ЦК н Политбюро ЦК партии, ВЦИК, ЦИК СССР. Ближайший соратнин Сталина.

[60] Тольятти Пальмиро (пссевдоним Эрколи) (1893—1964) — дентель итальянского и международиого коммуннстического данжения. Гекеральный секретарь Итальянской компертии с 1926 г. С 1924 г. член ИККИ, с 1928 г. член его Президнума, с 1935 г. член Секретарната ИККИ.

[61] Торез Морис (1900—1964) — деятель французского н международного коммунистического движения. В 1930—1964 гг. Гекеральный секретарь Французской компартии, е 1964 г. Председетель ФКП. В 1928—1943 гг. член ИККИ, е 1935—1943 гг.— Президент ИККИ.

[62] Буденный Семен Михайлович (1883—1973) — сонетский военный деятель, Маршал Соаетского Союза. Участник гражданской аойны. Член партии с 1919 г. В 1924—1937 гг. инспектор кааалерии РККА. В 1939—1941 гг. заместнтель и пераый заместитель наркома обороны. В Велииую Отечествеииую нойну в 1941—1942 гг. глаанокомандующий еойсками Юго-Западного и Сеаеро-Кааказского напраалений, командующий Резераным и Сеееро-Кавказским фронтамн. Члеи ЦК партии, ВЦИК и ЦИК СССР.

[63] Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — советский военачальник, государственный деятель. Член партии с 1918 г. Участник гражданской войны, командовал армиями на Восточном и Южном фронтах, затем Кавказским и Западным фронтами. В 1925—1928 гг.— начальник штаба РККА. В 30-е годы — на руководящей работе в Наркомате обороны. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[64] Жуков Георгий Константинович (1896—1974) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943). Член партии с 1919 г. В 1939 г. командовал советскими войсками в боях на р. Халхин-Гол. В январе — июле 1941 г. начальник Генштаба. В Великую Отечественную войну в 1941—1942 гг. командующий войсками Резервного, Ленинградского и Западного фронтов. С августа 1942 г. первый заместитель наркома обороны и заместитель Верховного главнокомандующего. В 1944—1945 гг. командующий войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. В 1953—1955 гг. заместитель министра, в 1955—1957 гг. министр обороны СССР. Член ЦК.

[65] Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1918 г. С 1924 г. на партийной работе в Донбассе и Киеве, с 1931 г.— в Москве. В 1935—1938 гг. первый секретарь МК и МГК партии. В 1938—1947 гг. на руководящей партийной работе на Украине, одновременно в 1944—1947 гг. Председатель СНК (Совмина) Украинской ССР. Во время Великой Отечественной войны член Военных советов ряда фронтов. После войны (с 1949 г.) секретарь ЦК ВКП(б) (КПСС), в 1953 — 1964 гг. Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. Председатель Совмина СССР.

[66] Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) — советский партийный, государственный деятель, соратник и жена В. И. Ленина. Член партии с 1898 г. С апреля 1917 г. вела работу в Секретариате и Бюро ЦК РСДРП(б). Внесла вклад в развитие народного просвещения.

[67] Бланки Луи Огюст (1805—1881) — французский коммунист-утопист, участник революций 1830 и 1848 гг. Заочно (находился в тюрьме) был избран членом Парижской коммуны.

[68] Цезарь Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.) — римский диктатор в 49, 48—46, 45, с 44 пожизненно. Полководец. Сосредоточил в своих руках ряд важнейших республиканских должностей (диктатора, консула и т. п.), стал фактически монархом. Убит в результате заговора республиканцев.

[69] Ницше Фридрих (1844—1900) — немецкий философ, один из основателей школы «философии жизни».

НА ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВАХ

[1] Вот текст решения Политбюро, опубликованный в «Бюллетене оппозиции» (1929, № 1—2): «Троцкого нужно выслать за границу 1) потому, что он здесь идейно руководит оппозицией, численность которой все больше растет; 2) для того, чтобы развенчать его в глазах масс, как только он окажется в буржуазной стране, как пособника буржуазии; 3) чтоб его развенчать в глазах мирового пролетариата: социал-демократии безусловно использует его высылку против СССР и станет на защиту «жертвы большевистского террора» — Троцкого; 4) если Троцкий будет выступать против руководства с разоблачениями, то мы будем его изображать как предателя. Все это говорит о необходимости его высылки».

[2] Кемаль-паша (Ататюрк) Мустафа (1881—1938) — руководитель национально-освободительной революции в Турции 1918—1923 гг. Первый президент Турецкой республики (1923—1938). Выступал за развитие дружественных отношений с СССР.

[3] Речь идет о пребывании Троцкого в канадском местечке Галифакс, в лагере для интернированных в Амхерсте, куда он был помещен с семьей и еще пятью русскими социал-демократами по пути из США в Россию.

[4] Либкнехт Карл (1871—1919) — деятель германского и международного рабочего движения. Один из организаторов «Союза Спартака». Лидер Ноябрьской революции в Германии в 1918 г. Зверски убит контрреволюционерами.

[5] «Спартака Союз» — революционная организация германских «левых» социал-демократов. Создан 11 ноября 1918 г. путем преобразования «Спартака группы» (создана в 1916 г.). 29 ноября 1918 г. конституировался как Учредительный съезд КП Германии.

[6] Росмер Альфред (1877—1964) — французский политический деятель. Начинал как анархо-синдикалист, имел причастность к созданию ФКП, входил в Исполком Коминтерна. Редактировал анархо-синдикалистский журнал «Пролетарская революция». Был исключен из партии. Сторонник троцкистской левой оппозиции. В 1929 г. издавал во Франции еженедельник «Верите». Немало сделал для формирования междунаррод-

ного троцкистского движения, один из учредителей IV Интернационала. На квартире Росмера в 1938 г. состоялась конференция, основавшая троцкистский интернационал. После войны — историк международного рабочего движения.

Росмер Маргарита — жена А. Росмера, его помощница и соратница по борьбе.

[7] Это утверждение чрезмерно категорично. При жизни Ленина в первое послеоктябрьское семилетие и некоторое время после его смерти Троцкий действительно имел, как говорится, высокий рейтинг в коммунистических кругах. Но его поражение во внутрипартийной борьбе 1923—1927 гг., ставка на экспорт революции, отрицание возможности построения социализма в СССР и другие «родимые пятна» троцкизма резко понизили авторитет теоретика «перманентной революции», а затем и вовсе свели его на нет.

[8] Истмен Макс (1883—1969) — истовый приверженец Троцкого. Прибыв в Россию из США в начале 20-х гг., написал со слов Троцкого «Портрет молодого Троцкого». Ему передал Троцкий в 1925 г. материалы «Письма к съезду» Ленина, которые в переводе на английский язык появились в «Нью-Йорк таймс». Троцкий вынужден был объясняться на страницах журнала «Большевик». Впоследствии Истмен был причастен к созданию первых троцкистских организаций в США. Публицист, историк.

[9] Вебб Сидней (1859—1947) и Беатриса (1858—1943) (супруги с 1892 г.) — английские экономисты, историки рабочего движения, идеологи английского тред-юнионизма и фабианского социализма.

[10] Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937) — один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 г. и 1929—1931 гг.— премьер-министр. Его правительство в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР.

[11] Масарик Томаш Гарриг (1850—1937) — чехословацкий государственный и политический деятель. Президент Чехословакии с ноября 1918 по декабрь 1935 г.

[12] Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 гг. Свергнут Ноябрьской революцией в 1918 г.

[13] Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965) — государственный и политический деятель Великобритании. С 1908 г. на различных министерских постах, в том числе в 1919—1921 гг. военный министр и министр авиации, в 1921—1922 гг. министр колоний, в 1924—1929 гг. министр финансов, в 1939—1940 гг. военно-морской министр. Премьер-министр Великобритании в 1940—1945 гг.

[14] Чемберлен Остин (1863—1937) — министр финансов Великобритании в 1903—1905, 1919—1921 гг., министр по делам Индии в 1915—1917 гг., министр иностранных дел в 1924—1929 гг., занимал другие министерские посты.

[15] Соколовская Александра Львовна (1872—?) — первая жена Троцкого, сочетавшаяся с ним браком в Бутырской пересыльной тюрьме в Пугачевой башне в присутствии раввина. Одна из организаторов николаевского Южно-русского рабочего союза в 1897—1898 гг. В 1902 г. после побега Троцкого из Сибири не жила с ним, но переписывалась до самой смерти. В 1935 г. была арестована. Находилась в Тобольском политизоляторе. Сведений о ее дальнейшей судьбе не имеем.

[16] Шляпников Александр Гаврилович (1885—1937) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1901 г. До Октябрьской революции возглавлял (с 1912 г.) Русское бюро ЦК РСДРП. Участник Октябрьской революции, член Петербургского комитета РСДРП(б), исполкома Петросовета. Нарком труда в первом Советском правительстве, председатель ЦК профсоюза металлистов. В 1924—1925 гг.— советник полпредства СССР во Франции. В 1926—1929 гг.— председатель правления акционерного общества «Металлоимпорт». В 1920—1922 гг.— лидер «рабочей оппозиции». В 1921—1922 гг.— член ЦК партии. В 1933 г. исключен из ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[17] Ривера Диего (1886—1957) — известный мексиканский художник и общественный деятель. Член Мексиканской компартии с 1922 г. Вышел из нее, был близок к троцкистам. Разочаровавшись в Троцком, перестал с ним контактировать, отошел от троцкизма.

[18] Мальро Андре (1901—1976) — французский писатель, государственный деятель, последователь де Голля.

[19] Савонарола Джироламо (1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру (организовывал сожжение произведений искусства). После изгнания Медичи из Флоренции способствовал установлению республиканского строя. В 1497 г. отлучен от церкви, казнен.

[20] Дантон Жорж Жак (1759—1794) — деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев. Участвовал в подготовке восстания 10 августа 1792 г., свергнувшего монархию. В 1793 г. занял примиренческую позицию к жирондистам, пред-

ставлявшнм республннансную торгово-промышлеииую и земледельческую буржуазию. Осуждеи Революцноиным трибуиалом, кааиен.

[21] Грамши Антоиио (1891—1937) — деятель итальяисного и международяого номмунистического даижеиии, основатель и руководитель Итальяиской компартии. В 1928 г. приговорен фашнстсним судом н 20 годам тюрьмы. Философ, нсторин, нультуролог.

[22] Бордига Амвдео (1889—1970) — нтальяясний социаляст, в 1921 г. участвоаал а основании Итальяисной номпартии и стал ее лидером. Проводнл сентантскую полнтику, а 1923 г. отстранен от руководства, в 1930 г. нсключея из ИКП.

[23] Муссолнни Бенято (1883—1945) — нтальянсний государстаеяый я политчесний деятель, фвшистсний днитатор в 1922—1943 гг. Правительство Муссолини совместио с фашистсной Германией развизало вторую мировую аойну. Казнеи.

[24] Сунь Ятсен (1866—1925) — кнтайскнй революционер-демократ. Первый (аремениый) презндент Китайсной республикя (1 яиааря — 1 апрели 1912 г.). В 1912 г. осноаал партию Гоминьдая.

[25] Мао Цзздун (1893—1976) — кнтайсний политический и государствеиный деятель. С 1943 г.— председатель ЦК Компартнн Кятая. Идейио-политичесние установки Мао Цзздуна получнли назваиие «маоизм».

[26] Это лвчная точна зреивя Дойчера. Сутью троцнязма с 1905—1907 гг. была н остается поныне троцнистсная теория «перманеятяой революцин», в которой вопросам демонратвн уделено крайяе незначительное место.

[27] Гнтлер (Шнильгрубер) Адольф (1889—1945) — глааа фашистсной Нацноалсоцяалнстской партии, с 1933 г.— рейхсканцлер Германии. Устаиовил и стране режим фашистсного террора. Военный преступиин, глааный иннцнатор аероломиого нападении Германии на СССР.

[28] Мартнн де Пеллер Жаина, жеяа троцнниста яз Фраяцни Р. Молинье, которая аатем стала женой сыяа Троцного Л. Седоаа. Отец был нрайяе яедоаолен этим браном.

[29] Чан Кайша (Цзян Цзеши) (1887—1975) — глава гоминьдановского режима в Катае с 1927 г. После победы Китайсной революции в 1949 г. бежал на Тайвань.

[30] Кронштадтсняй мятеж — под зтим иазванием в нсторию аошло выступление гарназона нрепости а Крояштадте 28 феврали — 18 марта 1921 г. Восстанне было вызвано протестом протав ошибон и несостоятельностн руноаодства нрепостью, яедовольстаом продразверстной, отсутствием продовольствии, топлиаа и других жнанеиио важных ресурсов. Оио не было антисоветсним, нак до сях пор утверждалось в отечествеииой асториографии. Ояо было антибольшевнстсням. Лозунг восстаашнх «Соаеты без коммунистов» оаначал долой коммунистов-бюронратоа, ио не долой Советскую аласть. Мятеж был потоплен в нроаи под руководством Троцного и Тухачевского.

[31] Ярославский Емельяи Михайлович (Губельман Миней Израильеаич) (1878—1943) — советскнй государстаепный, партийный деятель. Член партия с 1898 г. Участиин революций 1905—1907 гг. и Онтибрьсной 1917-го. На государствеиной, партийиой а ноенной рвботе с 1917 г. В 1921—1922 гг. сенретарь ЦК РКП(б). С 1923 г. секретарь партноллегин ЦКК партии и член коллегии Нарномата РКИ СССР. С 1931 г. председатель Всесоюзного общества старых большевинов, с 1939 г. зааедующий нафедрой ВПШ прн ЦК ВКП(б), затем член редноллегий газеты «Правда» и журнала «Большевин». Член ВЦИК а ЦИК СССР.

[32] Деннния Антон Иваиович (1872—1947) — генерал-лейтенант, одня из зачииателей н руноводителей белого двяжеяия. С апреля 1918 г. номаидовал Добровольчесной армией, затем главиономакдующкй Вооружеиными сnлами Юга России. С 1920 г. змигрант.

[33] Юдеиич Нинолай Нкнолаевич (1862—1933) — геиерал, один из руноаодителей белого движеиии. В 1917 г. глааиономаидующий Каакаэсним фроитом. В 1919 г. главиономандующий белогаардейской Сеаеро-Западиой армией. С 1920 г. змигрант.

[34] Угланов Николай Александровнч (1886—1937) — советский партийиый, государствеииый деятель. Члеи партии с 1907 г. Участиин трех революций. После Октября — в Красиой гвардии, продотрядвх. В 1920 г. сенретарь Петроградского союза соаетских служащих, в 1921 г. секретарь Петроградского губнома партни, в 1922—1924 гг. секретарь губкома в Нижяем Новгороде, с 1924 г.— МК и МГК партии. В 1928—1930 гг. яарком труда СССР. С 1930 г. на хозяйстаенной работе в Астрахани, с 1932 г.— в Нарномате тяжелого машиностроеиия СССР. В 1932 г. нсnлючеи нз ВКП(б) по делу М. Рютнна, затем восстановлен в 1934 г., а 1936 г. виовь исключеи. Необоснованно репрессироаан, реабилитирован посмертно.

[35] Такие встречи случайными ие бывают, оян зараиее планируются и тщательно готовятся.

[36] Свкко Никола (1891—1927), Ввнцетти Бартоломео (1888—1927) — америквисние рабочие, по национальности итальинцы. По ложному обвинению в убийстве назиены.

[37] Каганович Лазарь Моисеевич (г. р. 1893) — советсний партийиый, государствен-

ный деятель. Член партии с 1911 г. С 1922 г. звведующий Отделом ЦК РКП(б). В 1924—1925 гг. и 1928—1939 гг. секретарь ЦК РКП(б) (ВКП(б)). В 1925—1928 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1930—1935 гг. первый секретарь МК партии, одновременно в 1931—1934 гг. первый секретврь МГК партии и в 1933 г. заведующий Отделом ЦК ВКП(б). В 1934—1935 гг. Председатель КПК при ЦК ВКП(б) и заведующий Отделом ЦК ВКП(б). В 1935—1937, 1938—1942, 1943—1944 гг. нарком путей сообщения СССР. В 1937—1939 гг. нарком тяжелой промышленности СССР, в 1939 г.— топливной промышленности СССР, в 1939—1940 гг.— нефтяной промышленности СССР, одновременно по 1947 г.— заместитель Председателя СНК (СМ) СССР. Далее, вплоть до 1957 г. занимал различные посты в правительстве и в партии. На июньском Пленуме ЦК (1957 г.) выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК.

[38] Макиавелли Никколо (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, писатель. Автор трактата «Государь» и др. Ради упрочения государства считал допустимыми любые меры (отсюда — политический термин «макиавеллизм»).

[39] Не все так было однозначно со стороны Троцкого. Сам Дойчер не раз цитировал в тексте слова одобрения Троцким «левого курса» Сталина, в котором он усматривал заимствование идей левой оппозиции.

[40] Такой «традицию» у славянских народов никогда не было. Пьянство на Руси получило распространение при Петре I, когда в стране усилилось влияние немецких и голландских традиций и привычек.

[41] Упрощенное объяснение. В сочинениях Троцкого при желании Дойчер мог бы найти более глубокий подход и объяснение причин утверждения и развития советского бюрократизма, бюрократии как государственной и социальной прослойки общества.

[42] К сожалению, опять эмоциональная трактовка явления взяла у Дойчера верх над рациональным анализом. Сталинизм стал не просто «течением» в ВКП(б) и Коминтерне. Он превратился в образ жизни, начал внедряться в сознание масс на подсознательном, инстинктивном уровнях. В отличие, скажем, от германского фашизма, успевшего поразить два-три поколения немцев, сталинизм действовал намного эшелонированнее. Поэтому и исход из него в нашей стране так затянулся и приобрел невероятно острые формы.

[43] Я бы их назвал скорее друзьями-соперниками, бравшими свои истоки из одного древа — казарменно-коммунистического.

[44] Нет. Не только групп. Троцкизм — это в первую очередь идеология, о чем сотни раз писал и говорил сам Троцкий. А в идеологии — теория «перманентной революции», которой он гордился всю свою сознательную жизнь.

[45] Явное преувеличение. Жупел троцкизма да и сам Троцкий понадобились Сталину только однажды в 1935—1937 гг. как идеологическое прикрытие в процессе изведения «старой гвардии».

РАССУДОК И БЕЗРАССУДСТВО

[1] Троцкий и сам дал немало образцов такого иррационального подхода. Чего, например, стоит его знаменитый вформам насчет того, что Народные фронты, с одной стороны, а фашизм, с другой, являлись последним ресурсом мирового империализма в борьбе против социализма и угрозы мировой войны!

[2] Рассел Бертран (1872—1970) — английский философ, логик, математик, общественный деятель. Основоположник английского неореализма и неопозитивизма.

[3] Общепринятое наименование буржуазно-демократической республики, существовавшей в Германии с 1919 г., времени вступления в силу Веймарской конституции, до 1933 г.— времени прихода к власти фашистов.

[4] Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — президент Германии с 1925 г. 30 января 1933 г. передал власть в руки фашистов.

[5] Брюнинг Генрих (1885—1970) — германский рейхсканцлер в 1930—1932 гг., представитель католической партии «Центра». В 1934 г. эмигрировал в США.

[6] Тельман Эрнст (1886—1944) — деятель германского и международного коммунистического движения, председатель КП Германии с 1925 г. Убит в концлагере Бухенвальд 18 августа 1944 г.

[7] Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1903 г. В 1928—1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна, в 1942—1944 гг. в аппарате ЦК ВКП(б), с июля 1944 г. заместитель Председателя СНК Украинской ССР и одновременно нарком (министр) иностранных дел УССР.

[8] Пятницкий (Таршис) Иосиф (Осип) Аронович (1882—1938) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1898 г. Участник революций 1905—1907 гг.

в Октябрьской 1917-го. С 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[9] Кашен Марсель (1869—1958) — деятель французского и международного коммунистического движения, один из основателей ФКП. В 1924—1943 гг. член Президиума ИККИ.

[10] Ленский (Лещиньский) Юлиан (1889—1937) — деятель польского и международного коммунистического движения. Генеральный секретарь ЦК КП Польши с 1929 г. Член Президиума ИККИ с 1929 г.

[11] Куусинен Отто Вильгельмович (1881—1964) — советский партийный, государственный деятель. Член партии с 1904 г., один из организаторов Компартии Финляндии. В 1921—1939 гг.— член Президиума и секретарь ИККИ.

[12] Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — один из руководителей российской контрреволюции, генерал от инфантерии. В июле — августе 1917 г. верховный главнокомандующий. В конце августа поднял мятеж. Один из организаторов белогвардейской Добровольческой армии. Убит в бою.

[13] «Стальной шлем» — монархический военизированный союз бывших фронтовиков, созданный в Германии в ноябре 1918 г. После установления фашистской диктатуры слился со штурмовыми отрядами.

[14] Смотря что понимать под «тяжелым детством» — отсутствие отца и отчасти матери? (Соколовская отбыла ссылку до конца срока.) Зина и Нина безбедно жили в деревне Яновке Елисаветградского уезда Херсонской губернии вплоть до смерти своей бабушки Анны (матери Троцкого). Были устроены на учебу в Петрограде, где и встретились с отцом после Февраля 1917 г.

[15] Заключен во время Генуэзской конференции в 1922 г. между Германией и РСФСР (о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, торговоэкономических связях).

[16] Заключен в 1919 г. между державами-победительницами — США, Британской империей, Францией, Италией, Японией, Бельгией и др.— с одной стороны и побежденной Германией — с другой.

[17] Примо де Ривера, маркиз де Эстелья, Мигель (1870—1930) — испанский генерал, после государственного переворота в сентябре 1923 г. возглавил испанское правительство, став фактическим диктатором страны до января 1930 г.

[18] ПОУМ (в русской транскрипции — Партидо обреро де унифнкасьон марксиста) — Рабочая партия марксистского объединения Испании. Возглавлялась А. Нином и Андрадом. Полуанархистская организация, имевшая много общего в идеологии и практике с испанскими троцкистами. Ответственна за путч в Каталонии (Барселона) летом 1936 г.

[19] Блюм Леон (1872—1950) — лидер и теоретик Французской социалистической партии. В 1936—1938 гг. глава правительства Народного фронта. Проводил курс на «умиротворение» фашистских агрессоров.

[20] Вандервельде Эмиль (1866—1938) — лидер Рабочей партии Бельгии, с 1900 г. председатель Международного бюро II Интернационала. В годы первой мировой войны социал-шовинист. К Октябрьской революции относился враждебно. В 1925—1927 гг.— министр иностранных дел Бельгии.

[21] Туркул А. В.— бывший генерал русской армии, скончался в эмиграции в 1958 г.

[22] Каутский Карл (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала. Центрист.

[23] Люксембург Роза (1871—1919) — деятель польского и международного рабочего движения. Убита контрреволюционерами в Германии после поражения Ноябрьской революции 1918 г.

[24] Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — советский партийный, государственный деятель, член партии с 1915 г. В 1924—1934 гг. первый секретарь Нижегородского губкома и Горьковского крайкома партии, в 1934—1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1934—1944 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, в 1946—1947 гг. Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР.

[25] Аллилуева Надежда Сергеевна (1901—1932). Член партии с 1918 г. С 1919 г. в аппарате СНК, в редакции журнала «Революция и культура». Покончила жизнь самоубийством.

[26] Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк, публицист. Один из основателей и руководителей партии кадетов. Эмигрант.

[27] Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) — советский юрист и дипломат. Член партии с 1920 г. (с 1903 по 1920 г.— меньшевик). С 1933 г. заместитель Прокурора, в 1935—1939 гг. Прокурор СССР. В 1939—1944 гг. заместитель Председателя СНК СССР. С 1940 г. первый заместитель наркома, заместитель министра, в 1949—1953 гг. министр иностранных дел СССР. Главный обвинитель на трех московских политических процессах 30-х гг.

[28] Коллоитай Алексвндра Михвйловна (1872—1952) — государствеиный пвртийиый деятель. Член партии с 1915 г. Участиицв Октябрьской революцна. В 1917—1918 гг. нарком государственного призрении. В 1920 г. заведующая жеиотдвлом ЦК партин. В 1920—1922 гг. участницв «рабочей оппозиции». Впоследстаи ив дипломвтической работе в Норвегии, Мексике, Швеции.

[29] Эррио Эдуард (1872—1957) — лидер французской партии радикалов. Неоднократно после 1916 г. премьер-министр Францин. Неизмвнно выступал за сотрудничество с СССР. Правительство Эррио в 1924 г. устаиовало дипломвтические отиошениин с СССР, в 1932 г.— подписало с ним договор о неиапвдении.

[30] Франк Пьер (1905—1986) — видный дентвль международного троцкиамв, историк троцкистского движения, один из руководителей Объедниениого секретвриата IV Интериационала. Жил н работал во Фраиции.

[31] Рузвельт Фраиклин Делано (1882—1945) — 32-й президент США (с 1933 г.) от Демократической партии. Избиралсн нв этот пост четыре раза подрид. Известен как автор реформ («Новый курс») и один аз основателей внтигитлеровской коалиции в годы вторй мировой войны.

[32] Литвинов Мвксим Максимоаич (Ввллвх Макс) (1876—1951) — советский государствеииый деятель, член партии с 1898 г. С 1930 г. до мви 1939 г. иарком и в 1941—1946 гг. заместитель иврхома иностраииых дел СССР, в 1934—1938 гг. предствввитель СССР в Лиге Наций.

[33] Даладье Эдуврд (1884—1970) — лидер фраицуаской партии рвдиквлов. Неоднократно занимвл пост премьер-мииистра Фрвиции. Подписал Мюнхенское соглвшение в 1938 г.

[34] Скрыпник Николвй Александровнч (1872—1933) — советский государственный, пвртнйный деятель. Член партин с 1897 г. Участиик революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го в Петрограде. В 1918—1919 гг. председатель СНК Украины, руководитель ряда наркоматов республнкн. В 1933 г. заместитель прдседатели СНК и председатель Госплана УССР.

РЕВОЛЮЦИОНЕР КАК ИСТОРИК

[1] Фукидид (около 460—400 до и. э.) — древнегреческий историк. Автор «Истории» (посвящена Пелопониесской войне до 411 г. до и. э.), считающейся аершиной витичной историографии.

[2] Спиноза Беиедикт (Барух) (1632—1677) — нидерлвндский философ-материвлист.

[3] Карлейль Томас (1795—1881) — виглийский публицист, историк и философ, сторонник концепции «культа героев» в истории.

[4] Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский социвлст, теоретик внврхнзма.

[5] Мориак Фрвнсуз (1885—1970) — фрвнцузский писатель, лауреат Нобелевской премин (1952 г.).

[6] Мартов Л. (Цедврбаум Юлий Осипович) (1873—1923) — участнак российского революциоииого движенин. В 1895 г. вместе с В. И. Лениным создал «Союз борьбы за освобожденне рабочего класса». С 1900 г.— член редакции «Искры». С 1903 г. однн из лидеров и теоретнков меньшеанзмв, с 1917 г. руководитель его «левого» крыла. С 1919 г. член ВЦИК. С 1920 г. эмигрвит, редактор осиоввниого им в Берлнне журнала «Социвлистический вестинк».

[7] Аксельрод Павел Борнсович (1850—1928) — учвстиик российского революционного движения. С начала 70-х гг. XIX века иародник, с 1883 г. член группы «Освобождение трудв», с 1900 г. члеи редакции «Искры». С 1903 г. один из лидеров меньшевнзма, ликвидатор. Октябрьскую революцию встретил враждебно. Эмигрант, призывал к аооруженному иапвдению на Советскую Россию.

[8] Засулич Вера Иввиовна (1849—1919) — дентель российского революционного движения. С 1868 г. иародница, в 1878 г. покушалась на жизнь петербургского грвдоначальника Ф. Ф. Трепова. С 1883 г. однн из оргвнизатороа группы «Освобождение трудв». С 1900 г. члеи редакции «Искры» и «Зари». С 1903 г. меньшевичка.

[9] Плехвиов Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель российского и междунвродного социал-демократического данжения, философ, пропагаидист марксизма. С 1875 г. народиик, один из руководителей «Земли и воли», «Черного передела». С 1880 г. в эмиграции, организатор марксистской группы «Освобождение труда». Одии из осноаателей РСДРП, газеты «Искра». После Второго съезда РСДРП одии из лидеров меньшевизма. В годы реакции 1907—1910 гг. меньшевик-партиец, в первую мироаую войну — оборонец, руководнтель группы «Единство». В 1917 г. вернулся в Россаю, поддерживал

буржуазное Временное правительство. К Октябрьской революции относился отрицательно, но не поддерживал контрреволюцию.

[10] Бебель Август (1840—1913) — один из основателей (1869) и руководитель германской социал-демократической партии и II Интернационала.

[11] Жорес Жан (1859—1914) — руководитель Французской социалистической партии, затем правого крыла СФИО. Убит на митинге 31 июля 1914 г., в канун первой мировой войны.

[12] Адлер Виктор (1852—1918) — один из организаторов и лидеров австрийской Социал-демократической партии. В 1918 г. министр иностранных дел.

[13] Гильфердинг Рудольф (1877—1941) — один из лидеров и теоретиков австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала.

[14] Реннер Карл (1870—1950) — один из лидеров австрийской Социал-демократической партии и II Интернационала.

[15] Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — советский историк, государственный, партийный деятель. Член партии с 1905 г. Участник Октябрьской революции (в Москве). С 1918 г. заместитель наркома просвещения. Автор «Русской истории с древнейших времен» и др. трудов.

[16] Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898—1948) — советский кинорежиссер и теоретик кино.

[17] Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог. В 1876—1917 гг. в эмиграции, участник анархических организаций.

[18] Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, земский деятель, крупный помещик. В марте — июле 1917 г. глава Временного правительства. Эмигрант.

[19] Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959) — один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. министр Временного правительства, с 1918 г.— меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г. эмигрант.

[20] Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из основателей и лидеров партии эсеров, ее теоретик и историк. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства, председатель Учредительного собрания. Эмигрант. Во время второй мировой войны участник движения Сопротивления во Франции.

[21] Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871—1947) — один из лидеров меньшевизма. Социал-демократ с 1894 г. Участник Февральской революции. Член исполкома Петроградского Совета, ВЦИК. Эмигрант, входил в редакцию «Социалистического вестника».

[22] Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, русский государственный деятель. Автор Манифеста от 17 октября 1905 г. Причастен к разработке столыпинской аграрной реформы.

[23] Николай II (Романов Николай Александрович) — последний российский император (1894—1917). Расстрелян в Екатеринбурге по решению Уральского областного Совета.

[24] Людовик XVI (1754—1793) — французский король в 1774—1792 гг. Свергнут народным восстанием 10 августа 1792 г. Осужден Конвентом и казнен.

[25] Карл I (1600—1649) — английский король из династии Стюартов. В ходе Английской буржуазной революции XVII века низложен и казнен.

[26] Александра Федоровна (настоящее имя Алиса Гессен-Дармштадтская) (1872—1918) — российская императрица, жена (с 1894 г.) Николая II. Расстреляна в Екатеринбурге по решению Уральского областного Совета.

[27] Мария Антуанетта (1755—1793) — французская королева, жена (с 1770 г.) французского короля Людовика XVI. После свержения монархии (10 августа 1792 г.) была арестована и по решению суда гильотинирована.

[28] Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов. После победы Февральской революции возглавил Временный комитет Государственной думы 1917 г. После Октябрьской революции 1917 г., в период гражданской войны 1918—1920 гг. находился при армии генерала Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, где и умер.

[29] Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864—1926) — один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. председатель исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК. С 1919 г.— председатель Учредительного собрания Грузии. С 1921 г. эмигрант. Покончил жизнь самоубийством.

[30] Скобелев Матвей Иванович (1885—1938) — в социал-демократическом движении России с 1903 г. Сотрудник венской «Правды» Троцкого. Министр труда во Временном правительстве. С 1922 г. член РКП(б).

[31] Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1880—1937) — один из лидеров Бунда и меньшевизма. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности.

[32] Бунд (в переводе с идиш — союз) — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве,

Польше и России. Основан в 1897 г. в Вильно. В 1921 г. самоликвидировался, отказавшись от борьбы против Советской власти.

[33] Это не совсем так, если не сказать, что совсем не так. Данная версия об «одиночестве» Ленина в канун Октябрьского восстания понадобилась Троцкому для того, чтобы «доказать» переход Ленина со «старобольшевистских» позиций на платформу теории «перманентной революции».

[34] Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — советский государственный деятель. Член партии с 1895 г. Участник Октябрьской революции, член Межрайонной организации РСДРП. В рядах большевиков (окончательно) с июля 1917 г. После победы Октября по 1929 г. нарком просвещения. В 1933 г. назначен полпредом СССР в Испании. Умер по дороге к месту службы.

[35] Урицкий Моисей Соломонович (1873—1918) — в социал-демократическом движении с 90-х гг. XIX века. Сотрудник венской «Правды». В 1917 г.— «межрайонец». Член РСДРП(б) с июля 1917 г. После Октября председатель Петроградской ЧК. Убит.

[36] Это опять-таки версия Троцкого, которую повторяет Дойчер. Троцкий принял активное участие в подготовке Октябрьского восстания, но никогда не был единственным разработчиком его плана.

[37] Троцкий никогда не относился к числу русских писателей.

[38] Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель.

[39] Клио — в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница истории.

«ВРАГ НАРОДА»

[1] Лассаль Фердинанд (1825—1864) — деятель немецкого рабочего движения, социалист, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863—1875). Один из любимых писателей Троцкого, который в молодости страстно желал быть похожим из своего кумира.

[2] Декарт Рене (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог. Родоначальник рационализма и сторонник учения о врожденных идеях.

[3] Бриан Аристид (1862—1932) — французский государственный деятель, неоднократно в 1909—1931 гг. премьер-министр Франции.

[4] Мильеран — французский государственный деятель, первым среди социалистов вошел в 1899 г. в буржуазное правительство.

[5] Пуанкаре Раймон (1860—1934) — французский государственный деятель, президент в 1913 — январе 1920 г. и премьер-министр Франции в 1913—1920, 1922—1924 гг.

[6] Финансово-политическая афера во Франции в начале 30-х гг., названная по имени Ставиского. Пользуясь покровительством правительства, он присвоил значительные средства от продажи фальшивых облигаций. Послужила предлогом для фашистского путча в феврале 1934 г.

[7] Петэн Анри Филипп (1856—1951) — французский маршал. В 1940—1944 гг.— глава режима Виши во время оккупации Франции немцами.

[8] Пилсудский Юзеф (1867—1935) — диктатор Польши после организованного им государственного переворота в 1926 г.

[9] Лаваль Пьер (1883—1945) — французский государственный деятель, неоднократно в 1931—1936 гг. премьер-министр, министр иностранных дел Франции. В 1942—1944 гг. глава коллаборционистского правительства Виши.

[10] Дюкло Жак (1896—1975) — деятель французского и международного коммунистического движения. Член ФКП с 1920 г. В 1935—1943 гг. член ИККИ. Один из руководителей Народного фронта, в 1940—1944 гг.— движения Сопротивления.

[11] Ибсен Генрик (1828—1906) — норвежский драматург, автор многих пьес, в том числе пьесы «Враг народа» (1882).

[12] Оказался агентом ОГПУ.

«ДЬЯВОЛЬСКИ ТЕМНАЯ НОЧЬ»

[1] Карденас (Карденас-и-дель Рио) Ласаро (1895—1970) — президент Мексики в 1934—1940 гг. Дивизионный генерал. Участвовал в Мексиканской революции 1910—1917 гг. В 1969 г. почетный президент Всемирного Совета Мира. Лауреат Международной Ленинской премии (1955 г.).

[2] Сикейрос (Альфаро Сикейрос) Давид (1898—1974) — мексиканский художник и общественный деятель. Член Компартии Мексики с 1924 г.

[3] Адлер Фридрих (1879—1960) — один из лидеров австрийской социал-демократии, идеолог австромарксизма. Сын Виктора Адлера. В 1916 г. убил министра-президента К. Штюргка за отказ восстановить права рейхсрата, распущенного в 1914 г.

[4] Дьюи Джон (1859—1952) — американский философ-позитивист. Идеолог буржуазного либерализма, один из родоначальников теории и практики «американского образа жизни».

[5] Демосфен (около 384—322 до н. э.) — афинский оратор.

[6] Якир Иона Эммануилович (1896—1937) — советский военачальник, командарм 1-го ранга. Член партии с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Бессарабии и гражданской войны. В 1925—1937 гг.— командующий войсками ряда военных округов, с 1936 г. член Военного совета при наркоме обороны СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[7] Уборевич Иероним Петрович (1896—1937) — советский военачальник, командарм 1-го ранга. Член партии с 1917 г. Участник гражданской войны. В 1931—1937 гг. командующий войсками Белорусского, с мая 1937 г. Среднеазиатского военных округов. Член Военного совета при наркоме обороны СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[8] Корк Август Иванович (1887—1937) — советский военачальник, командарм 2-го ранга. Член партии с 1927 г. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, в которой занимал ряд командных постов. После гражданской войны на руководящих военных постах на Украине, Туркестане, в Западном и Ленинградском военных округах. С 1935 г. начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе, член Военного совета при наркоме обороны СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[9] Путна Витовт Казимирович (1893—1937) — советский военачальник, комкор. Член партии с 1917 г. Участник гражданской войны. В 20—30-е гг. на военно-дипломатической работе. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[10] Примаков Виталий Маркович (1897—1937) — советский военачальник, комкор. Член партии с 1914 г. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. После гражданской войны занимал различные военные посты. С января 1935 г. заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, член Военного совета при наркоме обороны СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[11] Гамарник Ян Борисович (1894—1937) — советский партийный деятель и военачальник, армейский комиссар 1-го ранга. Член партии с 1916 г. В 1918—1919 гг. на подпольной партийной работе на Украине, в 1923—1928 гг. на ответственной работе на Дальнем Востоне, в 1928—1929 гг.— в Белоруссии. В 1929—1937 гг. начальник Политуправления РККА, одновременно ответственный редактор газеты «Красная звезда», в 1930—1937 гг. первый заместитель наркома по военным и морским делам СССР, в 1934—1937 гг. первый заместитель наркома обороны СССР. 13 марта 1937 г. назначен уполномоченным Наркомата обороны СССР при СНК РСФСР, с мая — член Военного совета Среднеазиатского военного округа. Покончил жизнь самоубийством. Реабилитирован в партийном отношении после смерти.

[12] Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. Член партии с 1916 г. Участник гражданской войны. В 1921—1922 гг. военный министр, главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В 1929—1938 гг. командовал Особой Дальневосточной армией, войсками Дальневосточного военного округа, Дальневосточным фронтом. Необоснованно репрессирован. Умер во время следствия в Лефортовской тюрьме в Москве. Реабилитирован посмертно.

[13] Егоров Александр Ильич (1883—1939) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. С июля 1931 г. начальник Штаба, с сентября 1935 г.— Генерального штаба РККА, в мае 1937 — январе 1938 г. первый заместитель наркома обороны СССР, с января 1938 г. командующий войсками Закавказского военного округа. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[14] Крестинский Николай Николаевич (1883—1938) — советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1903 г. В 1918—1921 гг. нарком финансов РСФСР, член Политбюро ЦК РКП(б), секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. на дипломатической работе: полпред в Германии, с 1930 г.— заместитель наркома иностранных дел СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[15] Рудзутак Ян Эрнестович (1887—1938) — советский партийный, государственный деятель. Член партии с 1905 г. В 1923—1924 гг. секретарь ЦК РКП(б). В 1924—1930 гг. нарком путей сообщения СССР. В 1926—1937 гг. заместитель Председателя СНК и СТО СССР, одновременно в 1931—1934 гг. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР.

Член ВЦИК и ЦИК СССР. Необосиоваино репрессировап, реабилитирован посмертио.

[16] Межлауи Ввлеряй Иванович (1893—1938) — советсиий государствениый деятель. Член партии с 1917 г. С 1931 г. первый ааместитель председателя, 1934—1937 гг. (с перерывом) председатель Госплаиа СССР, одяовременно а 1934—1937 гг. заместитель Председателя СНК и СТО СССР, нариом (1937 г.) тяжелой промышленности СССР, нариом машииостроеиия СССР. Необоснованно репрессироввя, реабнлитировaи посмертио.

[17] Коснор Станислав Вииентьевич (1889—1939) — советсиий партнйный, государствеииый деятель. Члеи партин с 1907 г. В 1928—1938 гг. геиеральный сеиретарь ЦК КП(б) Уираиины, затем заместитель Председателя СНК СССР и председатель Комиссии советсиого контроля. Необосноваино репрессирован, реабилнтирован посмертио.

[18] Чубарь Влас Якоалеаич (1891—1939) — советсинй государственный, партийиый деятель. Члеи партии с 1907 г. В 1923—1934 гг. Председатель СНК Укранины, в 1934—1938 гг. заместитель Председатели СНК и СТО СССР, одиовремеино с вагуста 1937 г. иарком фииансоа СССР, в 1938 г. первый заместнтель Председателя СНК СССР. Необосиоваино репрессирован, реабилнтирован посмертно.

[19] Постышев Павел Петрович (1887—1939) — советсинй партийиый деятель. Член партии с 1904 г. В 1933—1937 гг. второй секретарь ЦК КП(б) Укранны, одиовремеио в 1933—1934 гг. первый сеиретарь Харьковского н в 1934—1937 гг.— Киевского обиомов КП(б) Уираины, с марта 1937 г. первый секретарь Куйбышевского обиома партии. Необоснованио репрессирован, реабилнтирован посмертио.

[20] Еиуиидае Авель Сафрояович (1877—1937) — советсиий государстиенный, партийный деятель. Члеи партии с 1898 г. С ионца 1922 до марта 1935 г. сеиретарь и член Президиума ЦИК СССР. Необоснованио репресснроваи, реабилитироваи посмертио.

[21] Оиуджава Мнхвил Степаиовнч (1883—1937) — советский государствеииый, партийный деятель. Члеи партии с 1903 г., аитивиый участнни революционного движеиня в Россни. В 1922 г. члеи ЦК КП Грузии. Осуждеи в 1937 г. вместе с Б. Мдиваин, Торошелндзе, Куруловым, Чихладзе, Элиава и Карциведзе за «шпиоискую, аредительсиую и диверсиониую рвботу», иоторую оии якобы вели «в пользу фашистсиих кругов одиого иностравиого государства» и за «подготовку террористичесних антов». Расстрелин.

[22] Элиава Шалва Зурабович (1883—1937) — советский государственный деятель. Член партии с 1904 г. С 1931 г. заместнтель иврнома внешней торговли СССР, с нюня 1936 г. заместитель наркома легкой промышлениости СССР. Необосноаанно репрессярован, реабилитироввн посмертио.

[23] Червяков Алеисандр Григорьевич (1892—1937) — советский госудврственный, партийиый деятель. Члеи партии с 1917 г. С 1920 г. председатель ЦИК (до 1924 г. одиовремеиио и СНК) БССР, с 1922 г. одии из председателей ЦИК СССР.

[24] Куйбышев Валериаи Владимирович (1888—1935) — советский государственный, партийный деятель. Член партяи с 1904 г. Участник граждивской войны. В 1930—1934 гг. председатель Госплана СССР и заместитель Председателя СНК и СТО СССР, в 1934—1935 гг. председвтель Комиссин советского контроля и одиоаременно первый заместитель Председателя СНК и СТО СССР. Член Политбюро ЦК с 1927 г.

[25] Свердлоа Яиов Михайлович (1885—1919) — соаетский госудврственный, партийный деятель. Член партии с 1901 г. Участник Октябрьской революции 1917 г. С 8(21) ноября 1917 г. председатель ВЦИК (после снитии с этого поста Л. Б. Каменева), одиовременио в феарале — марте 1918 г. председатель Комитета революциоиной обороиы Петрограда, с апреля 1918 г. председатель комиссии по вырвботие первой Коистятуцив РСФСР.

[26] Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — фаворит цвря Нииолая II и императрнцы Алеисандры Федоровны. Иа ирестьян Тобольской губерянии. Убит моиархистами.

ПОБЕДА В ПОРАЖЕНИИ

[1] Белинский Виссарнон Григорьевич (1811—1848) — русский лнтературный критик, публицист, реаолюциоиный демократ.

[2] Баиуиин Михаил Александрович (1814—1876) — руссиий революциоиер, теоретии аиархо-коммуннзма.

[3] Это неправильная установкв. Троцкий не выступал «против вторжения в Грузию». Он был против войны с Польшей, исходя не иа прннципиальных, а тактичесиих соображений: слабости Красной Армии, растянутости коммуниикаций и т. д. Троцкий до конца остался верен своей концепцни «иести революцию» на штыиах в другие стрвиы.

СОДЕРЖАНИЕ

Дойчер И.

Д62 Троцкий в изгнании: Пер. с англ.— М.: Политиздат, 1991.— 590 с.
ISBN 5—250—01472—0

В книге Исаака Дойчера, одного из соратников и друзей Л. Д. Троцкого, рассказывается о последних годах жизни Троцкого — с момента высылки его в 1927 году в Алма-Ату, а затем за рубеж. (В нее вошли заключительная часть второго тома и третий том трилогии Дойчера о Троцком.)

Д $\frac{0902020000-099}{079(02)-91}$ КБ—17—13—90

ББК 66.61(2)8

Исаак Дойчер

ТРОЦКИЙ В ИЗГНАНИИ

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Е. Б. Салынская*
Художнин *В. Г. Фескин*
Художественкый редантор *Е. А. Андрусенко*
Техничесний редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 9025

Сдано в набор 19.12.90. Подписано в печать 21.05.91. Формат 60×84 1/16. Бумагз книжно-журнальная кмпортная. Гарнктура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,53. Уч.-изд. л. 40,75. Тирвж 150 тыс. экз. Заказ № 1450. Цена 6 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москаа, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

27 февраля 1940.

Койоакан